

Древние государства и империи. Для колледжей и школ

Джон Лорд

Ancient States and Empires

John Lord

Электронная книга проекта Гутенберга о древних государствах и империях

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Древние государства и империи

Автор: Джон Лорд

Дата выхода: 1 ноября 2008 [Электронная книга №27114]

Язык: Английский

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ДРЕВНИЕ ГОСУДАРСТВА И ИМПЕРИИ" ***

Древние государства и империи

Для колледжей и Школ

Джон Лорд, доктор права

Автор книги “Древнеримский мир”

“Современная история” и др.

НЬЮ-ЙОРК

Чарльз Скрибнер и компания

1869

Содержание

- ПРЕДИСЛОВИЕ.
- КНИГА I. НАРОДЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА.
- ГЛАВА I. ДОПОТОПНЫЙ МИР.
- ГЛАВА II. ПОСЛЕПОТОПНАЯ ИСТОРИЯ ДО ПРИЗВАНИЯ АВРААМА.—ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ СТРОЙ И РАЗДЕЛЕНИЕ НАЦИЙ.

- ГЛАВА III. ЕВРЕЙСКАЯ РАСА ОТ АВРААМА До ПРОДАЖИ Иосифа.
- ГЛАВА IV. ЕГИПЕТ И ФАРАОНЫ.
- ГЛАВА V. ЕВРЕИ До ЗАВОЕВАНИЯ ХАНААНА.
- ГЛАВА VI. ОТ ЗАВОЕВАНИЯ ХАНААНА До УСТАНОВЛЕНИЯ ЦАРСТВА ДАВИДА.
- ГЛАВА VII. ЕВРЕЙСКАЯ МОНАРХИЯ.
- ГЛАВА VIII. СТАРЫЕ ХАЛДЕЙСКАЯ И АССИРИЙСКАЯ МОНАРХИИ.
- ГЛАВА IX. ИМПЕРИЯ МИДЯН И ПЕРСОВ.
- ГЛАВА X. МАЛАЯ АЗИЯ И ФИНИКИЯ.
- ГЛАВА XI. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ ОТ ВАВИЛОНСКОГО ПЛЕНА До РОЖДЕНИЯ ХРИСТА. — ПЕРВОСВЯЩЕННИКИ И ЦАРИ АСМОНЕИ И ИДУМЕИ.
- ГЛАВА XII. РИМСКИЕ НАМЕСТНИКИ.
- КНИГА II. ГРЕЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА.
- ГЛАВА XIII. ГЕОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И ЕЕ ПЕРВЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ.
- ГЛАВА XIV. ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.
- ГЛАВА XV. ГРЕЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА И КОЛОНИИ До ПЕРСИДСКИХ ВОЙН.
- ГЛАВА XVI. ГРЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ До ПЕРСИДСКИХ ВОЙН.
- ГЛАВА XVII. ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА.
- ГЛАВА XVIII. ЭПОХА ПЕРИКЛА.
- ГЛАВА XIX. ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА.
- ГЛАВА XX. ПОХОД Кира И ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ГРЕКОВ.
- ГЛАВА XXI. ЛАКЕДЕМОНЯНСКАЯ ИМПЕРИЯ.
- ГЛАВА XXII. РЕСПУБЛИКА Фивы.
- ГЛАВА XXIII. ДИОНИСИЙ И СИЦИЛИЯ.
- ГЛАВА XXIV. ФИЛИПП МАКЕДОНСКИЙ.
- ГЛАВА XXV. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ.
- КНИГА III. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ.
- ГЛАВА XXVI. РИМ В ПЕРИОД ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ При КОРОЛЯХ.
- ГЛАВА XXVII. РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА До ВТОРЖЕНИЯ ГАЛЛОВ.
- ГЛАВА XXVIII. ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ.
- ГЛАВА XXIX. ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.
- ГЛАВА XXX. ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ, ИЛИ ГАННИБАЛОВА , ВОЙНА.
- ГЛАВА XXXI. МАКЕДОНСКАЯ И АЗИАТСКАЯ ВОЙНЫ.
- ГЛАВА XXXII. ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.
- ГЛАВА XXXIII. РИМСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ОТ ПАДЕНИЯ КАРФАГЕНА До ВРЕМЕН ГРАКХОВ.
- ГЛАВА XXXIV. РИМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КОНЦЕ ТРЕТЬЕЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ПАДЕНИЕ ГРЕЦИИ.
- ГЛАВА XXXV. РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ГРАКХОВ.
- ГЛАВА XXXVI. ВОЙНЫ С ЮГУРТОЙ И КИМВРАМИ.—МАРИЙ.
- ГЛАВА XXXVII. ВОССТАНИЕ В ИТАЛИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА.—МАРИЙ И СУЛЛА.

- ГЛАВА XXXVIII. МИТРИДАТОВЫ И ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ.—МАРИЙ И СУЛЛА.
 - ГЛАВА XXXIX. РИМ ОТ СМЕРТИ СУЛЛЫ ДО ВЕЛИКИХ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН ЦЕЗАРЯ И ПОМПЕЯ.—ЦИЦЕРОН, ПОМПЕЙ И ЦЕЗАРЬ.
 - ГЛАВА XL. ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ МЕЖДУ ЦЕЗАРЕМ И ПОМПЕЕМ.
 - ГЛАВА XLI. ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ.—АНТОНИЙ.—АВГУСТ.
 - ГЛАВА XLII. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРИ ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛ АВГУСТА.
 - ГЛАВА XLIII. ШЕСТЬ ЦЕЗАРЕЙ ИЗ РОДА ЮЛИЕВ.
 - ГЛАВА XLIV. РАСЦВЕТ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.
 - ГЛАВА XLV. ЗАКАТ ИМПЕРИИ.
 - ГЛАВА XLVI. ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ.
 - Реклама.
 - Сноски
-

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта работа предназначена главным образом для образовательных целей, поскольку все еще ощущается потребность в какой-нибудь книге, которая в умеренных пределах изложила бы связную историю древнего мира.

Автор не претендует на оригинальное исследование в столь широкой области. Он просто стремился представить основные моменты — наиболее важные события и персонажей за четыре тысячи лет - в связном повествовании, без теорий или комментариев и не перегружая книгу деталями, представляющими сравнительно небольшой интерес. В большинстве древних учебных пособий по истории не упоминаются те великие движения, о которых говорится в Священных Писаниях; но они представлены здесь вкратце, поскольку их связь с восточным миром тесна и впечатляет, и ее не следует упускать из виду даже по светским соображениям. Что такое история без Божественного Провидения?

При подготовке этой работы автор удовлетворился последними авторитетными источниками, которые он лишь упростил, сократил и сжал, будучи в большом долгу перед Роулинсоном, Гроте, Тирлуоллом, Нибуром, Моммзеном и Меривейлом, следуя общему плану Филипа Смита, чей замечательный сборник в трех больших октавах слишком обширен для школ.

Хотя автор чувствовал себя вправе свободно использовать свои материалы, будет видно, что стиль, аранжировка и размышления принадлежат ему. Если книга окажется полезной, его цель будет достигнута.

Стэмфорд октябрь 1869 года.

КНИГА I.

НАРОДЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА.

ГЛАВА I.

ДОПОТОПНЫЙ МИР.

Сотворение мира.

История этого мира начинается, согласно хронологии архиепископа Ашера, которая обычно воспринимается скорее как удобная, чем вероятная, в 4004 году до Рождества Христова. За шесть дней Бог сотворил свет и тьму, день и ночь, небесный свод и континенты посреди вод, плоды, зерно и травы, луну и звезды, птиц и рыб, живых существ на лице земли и, наконец, человека, владычествующего “над рыбами морскими, и птицами небесными, и скотом, и всей землей, и всяким гадом, пресмыкающимся по земле”. Он сотворил человека по своему образу и подобию и благословил его вселенским владычеством. Он создал его из праха земного и вдохнул в его ноздри дыхание жизни. На седьмой день Бог отдохнул от этой огромной работы по сотворению мира и благословил седьмой день и освятил его, как мы предполагаем, для торжественного празднования всеми поколениями.

Эдемский сад.

Он насадил там сад на востоке, в Эдеме, со всеми деревьями, приятными на вид и полезными в пищу, и поселил там человека, чтобы тот возделывал и содержал его. Таким образом, первоначальное занятие человека и предначертанное ему счастье были сосредоточены в сельскохозяйственном труде.

Адам и Ева.

Но человек был один; поэтому Бог навел на него глубокий сон, взял одно из его ребер и сотворил женщину. И Адам сказал: “Эта женщина, - которую Господь привел к нему, - есть кость от кости моей и плоть от плоти моей; посему оставит мужчина отца своего и мать и прилепится к жене своей; и будут они одной плотью”. Так был учрежден брак. Мы наблюдаем три божественных установления, когда человек еще пребывал в состоянии невинности и блаженства: субботу, занятия сельским хозяйством и брак.

Первобытный рай.

Мы не знаем, как долго Адам и его жена жили в Эдемском саду в совершенной невинности, блаженстве и власти. Они даже не знали, что такое грех. На них не было наложено никаких других условий, кроме того, что они не должны были вкушать плоды с дерева познания добра и зла, которое находилось посреди сада — исключительно красивого дерева, “приятного для глаз и желанного”.

Ситуация в Эдеме.

Где находился этот сад — этот райский уголок? Это спорный вопрос, на который трудно ответить. Насколько нам известно, он лежал в верховьях четырех рек, двумя из которых были Евфрат и Тигр. Отсюда мы заключаем, что она располагалась среди гор Армении, к югу от Кавказа, впоследствии став колыбелью благороднейших человеческих рас, — область с умеренным климатом на широте Греции и Италии.

Слава эдема.

Мы предполагаем, что сад был прекрасен и плодороден, превосходящий все последующие впечатления, — орошаемый земными туманами, а не дождями из облаков, всегда свежий и зеленый, в то время как два его благородных обитателя питались его плодами, непосредственно общаясь с Богом, по образу и подобию которого они были созданы, нравственные и духовные, свободные от всякого греха и страданий и, как мы можем предположить, знакомые с истиной в ее самых возвышенных формах.

Но грех вошел в прекрасный мир, который был сотворен, и смерть от греха. Это первый зарегистрированный факт в истории человечества после первобытной невинности и счастья.

Искушение.

Прародители расы были искушаемы и не устояли перед искушением. Форма этого, возможно, была аллегорической и символической; но, как записано Моисеем, это все же было потрясающей реальностью, особенно учитывая его последствия.

Дьявол.

Искусителем был дьявол — антагонист Бога - злая сила мира — принцип зла - сатанинское орудие, которое Священное Писание и все народы в той или иной форме признали. Когда началось восстание против Бога, мы не знаем; но оно определенно существовало, когда Адам был помещен в Эдем.

Его принятие облика змеи.

Форма, которую приняла сатанинская сила, была змеей — в то время самым утонченным из полевых зверей, и, как мы можем разумно предположить, не просто утонченной, но привлекательной, грациозной, прекрасной, чарующей.

Непослушание Евы.

Первой, кто почувствовала его зловещее очарование, была женщина, и ее побудило не подчиниться тому, что, как она знала, было прямым приказом, желание знаний, а также удовлетворение аппетита. Она доверилась змею. Она поверила лжи. Она была обманута.

Грехопадение Адама.

Змей не соблазнил мужчину напрямую. Почему змей напал на женщину, а не на мужчину, в Священных Писаниях не говорится. Мужчина уступил своей жене. “Она дала ему фрукт, и он действительно поел”.

Эффект.

Сразу же с обоими произошла большая перемена. Их глаза открылись. Они почувствовали стыд и раскаяние, потому что согрешили. Они спрятались от присутствия Господа и были напуганы.

Штраф.

Бог объявил наказание — женщине, боли и горести, сопровождающие роды, и подчинение ее мужу; мужчине — труд, изнурительный труд, печаль — проклятие земли, которую он должен был возделывать, — тернии и чертополох, отсутствие покоя и пища, добываемая только в поте лица; и все эти боли и труды были причинены обоим, пока они не вернутся в прах, из которого были взяты, — вечный указ, который никогда не отменяется, который будет длиться до тех пор, пока мужчина будет возделывать землю, или женщина рожать детей.

Введение греха.

Так пришел грех в мир через искушения сатаны и слабость человека, наказанный трудом, болью, печалью и смертью.

Изгнание из рая.

Человек был изгнан из Рая и лишен возможности вернуться в него пылающим мечом херувимов до тех пор, пока местность Эдем из-за терний и шиповника и всемирного потопа не была уничтожена навсегда. И мужчина и женщина были посланы в мир, чтобы пожинать плоды своего безумия и греха и добывать себе пропитание тяжелым трудом среди накопленного зла, которое принес грех.

Смягчение наказания.

Единственным смягчением приговора была вечная вражда между семенем женщины и семенем Змея, в которой окончательная победа должна была достаться первому. Обряд жертвоприношения был введен как вид искупления греха смертью заместителя грешника; и, таким образом, сохранялась надежда на окончательное прощение греха, в то время как жизненные невзгоды облегчались плодами труда, трудолюбием.

Трудолюбие — одно из фундаментальных условий жизни.

Таким образом, после изгнания из Эдема трудолюбие стало одним из последних законов человеческого счастья на земле, в то время как жертва давала надежду на вечную жизнь

благодаря замене, которую символизировала жертва, — Спасителю, который должен был явиться в свое время.

С изгнанием из Эдема начались печальные конфликты расы — конфликты с внешним злом — конфликты с землей — конфликты со злыми страстями в собственной душе человека.

Каин и Авель.

Первый конфликт произошел между Каином, земледельцем, и Авелем, пастухом; представителями двух великих ветвей человеческой семьи в ранние века. Каин убил Авеля, потому что жертва последнего была предпочтительнее жертвы первого. Добродетелью Авеля была вера: грехом Каина были ревность, гордыня, негодование и отчаяние. Наказанием Каину было изгнание из дома его отца, дальнейшее проклятие земли для него и ненависть всего человеческого рода. Он оставил свое занятие, стал странником и обрел ненадежную поддержку, в то время как его потомки изобретали искусства и строили города.

Потомки Каина.

Ева родила еще одного сына — Сифа, среди потомков которого долгое время сохранялось поклонение Богу; но потомки Сифа в конце концов породнились с потомками Каина, от которых произошел род незаконных людей, так что земля наполнилась насилием. Материальная цивилизация, которую привнесли потомки Каина, не уберегла их от морального вырождения. Столь велико было возрастающее зло по мере роста расы, что “Господь раскаялся в том, что сотворил человека”, и он решил уничтожить всю расу, за исключением одной религиозной семьи, и изменить всю поверхность земли могучим потоком, который вовлек бы в уничтожение всех животных и птиц небесных — все допотопные творения человека.

Всемирный потоп.

Не имеет значения, был ли Потоп всеобщим или частичным - охватил ли он всю землю или существующие жилища людей. Все было уничтожено этим, кроме Ноя, его жены и трех его сыновей с их женами. Подлинность этого факта зависит от Моисея, и с ним мы готовы это оставить.

Вероятное состояние допотопного мира.

Эта ужасная катастрофа произошла на 600-м году жизни Ноя и за 2349 лет до Рождества Христова, когда миру было 1655 лет, согласно Усшуру, но намного больше, согласно Хейлу и другим авторитетам, — когда прошло больше времени, чем от Всемирного потопа до правления Соломона. И, следовательно, было уничтожено, по всей вероятности, больше людей, чем существовало на земле во времена Соломона. И поскольку в те первобытные времена люди жили дольше, чем впоследствии, и были крупнее и сильнее, “ибо в те дни были великаны”, и рано изобрели палатки, арфу, орган, и изготавливали изделия из меди и железа, и строили города, — поскольку они были полны изобретений, а также воображения, вполне логично предположить, хотя мы и не можем знать наверняка, что допотопный мир был более великолепным и роскошным, чем мир во времена Соломона и Гомера — в эпоху египетских пирамид.

Ковчег.

Строительное искусство, несомненно, было тогда доведено до значительного совершенства, ибо ковчег, который построил Ной, имел четыреста пятьдесят футов в длину, семьдесят пять в ширину и сорок пять в глубину; и был сконструирован так необычно, что вмещал образцы всех известных животных и птиц и запас провизии для них более чем на десять месяцев.

Божественный завет с Ноем.

Этот священный ковчег, или корабль, построенный из дерева гофер, плыл по мировым волнам, пока на седьмой месяц не остановился у гор Арарат. Прошел почти год, прежде чем Ной отважился покинуть ковчег. Его первым действием после выхода было построить алтарь и принести жертву Богу, который сохранил его и его семью от всего человечества. И Господь был весьма доволен и заключил с ним завет, что он никогда больше не пошлет подобного разрушения на землю, и в знак и печать завета, который он заключил со всякой плотью, он поместил свой лук в облаке. Отсюда мы делаем вывод, что первобытный мир орошался туманами с земли, подобно Эдемскому саду, а не дождями.

Предание о всемирном потопе.

“Память о Всемирном потопе сохранилась в традициях почти всех народов, а также в повествовании Моисея; и в большинстве языческих мифологий есть своего рода священный ковчег”. Более того, во всех частях света происходят различные геологические явления, которые нельзя объяснить никакими другими причинами, кроме какого-то сильного разрушения, вызванного всемирным потопом. Сам Потоп невозможно объяснить, хотя существует множество остроумных теорий, доказывающих, что он может быть вызван естественными причинами. Священные Писания упоминают о нем как о сверхъестественном событии, имеющем конкретную цель. Когда сверхъестественная сила Бога будет опровергнута, тогда настанет время объяснить Всемирный потоп естественными причинами или вообще отрицать его. Теперь христианский мир принимает его таким, каким его описывает Моисей.

ГЛАВА II.

ПОСЛЕПОТОПНАЯ ИСТОРИЯ ДО ПРИЗВАНИЯ АВРААМА.— ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ СТРОЙ И РАЗДЕЛЕНИЕ НАЦИЙ.

Код Ноаха.

Когда Ной и его семья вышли из ковчега, они были благословлены Богом. Им было обещано многочисленное потомство, власть над природой и всеми животными в пищу, а также плодами земли. Но были введены новые законы, запрещающие убийство и употребление в пищу крови. Магистрату были даны полномочия наказывать за убийство. “Всякий, кто прольет человеческую

кровь, через человека прольется его кровь”. Это было не просто наказание, но предсказание. Святость жизни и наказание за убийство в равной степени утверждаются, и утверждаются с особым акцентом. Можно сказать, что это Кодекс Ноя, впоследствии расширенный Моисеем. С того дня и по сей день убийство считается величайшим человеческим преступлением и карается наиболее сурово. В целом, это преступление было самым редким в последующей истории мира, хотя и совершалось с ужасающей частотой, но редко, пока не будут исчерпаны другие преступления. Святость жизни - величайшая из человеческих привилегий.

Патриархальные конституции.

Правительство было патриархальным. Глава семьи обладал почти неограниченной властью. И это правительство было как религиозным, так и гражданским. Глава семьи был одновременно священником и королем. Он воздвиг алтари и разделил наследство. Он правил своими сыновьями, даже если у них были жены и дети. И поскольку древние патриархи доживали до глубокой старости, их власть распространялась на несколько поколений и огромное количество людей.

Ной вел жизнь земледельца и сажал виноградные лозы, вероятно, как допотопные жители. Не избежал он и позора пьянства, хотя у нас нет доказательств, что это был привычный грех.

Последствия греха Ноя.

Из этого греха и позора последовали великие последствия. Ной был непристойно обнажен. Второй сын отнесся к этому легкомысленно; двое других прикрыли наготу своего отца. За это легкомыслие Хам был проклят в своих детях. Ханаану, его сыну, было предписано стать слугой слуг — прародителем рас, впоследствии истребленных евреями. Симу, за его благочестие, было дано особое религиозное благословение. Через него были благословлены все народы земли. Иафету было обещано особое временное процветание и участие в благословении Сима, европейские расы теперь пожинают это процветание и религиозные привилегии христианства.

Поселения его потомков.

Четыре поколения прошли без какого-либо знаменательного события. Все они говорили на одном языке и занимались одними и теми же делами. Они жили в Армении, но постепенно распространились по окрестным странам, особенно на запад и юг. Они отправились в землю Сеннар и поселились на ее плодородных равнинах. Это был огромный уровень Нижней Месопотамии, или Халдеи, орошаемый Евфратом.

Вавилонская башня.

Здесь они построили город и стремились построить башню, которая должна была достигать небес. Их подстрекали тщеславие и гордыня, а также страх, как бы они не рассеялись.

Нимрод.

Мы читаем— что Нимрод— один из потомков Хама, могучий охотник, переселился на эту равнину и основал Вавилонское царство — возможно, восстание против патриархальной власти. Здесь было большое поселение — возможно, центральная резиденция потомков Ноя,

где Нимрод — сильнейший человек своего времени — узурпировал власть. Под его покровительством был построен город — крепость, из которой он бросал вызов всем другим силам. Возможно, здесь он установил идолопоклонство, поскольку башня была также храмом. Но независимо от того, побудили ли страх, честолюбие или идолопоклонство к строительству Вавилона, это вызвало недовольство Господа.

Смешение языков.

Наказанием, которому он подверг строителей, было смешение языков. Люди не могли понимать друг друга и были вынуждены разойтись. Башня осталась недостроенной. Господь “рассеял народ по лицу всей земли”. Вероятно, некоторые из них остались в Вавилоне, на Евфрате — у праотцев израильтян, когда они жили в Халдее. Маловероятно, что каждый человек говорил на своем языке, но существовало большое языковое разделение, соответствующее большому разделению семей, так что потомки Сима пошли одним путем, Иафета — другим, а Хама - третьим, разделившись на три отдельных народа, каждый из которых говорил по существу на одном языке, впоследствии разделившись на разные диалекты в зависимости от их особых обстоятельств.

Рассеяние наций.

Много знаний и изобретательности было затрачено на то, чтобы проследить происхождение различных рас и языков земли до великого Вавилонского замешательства. Но этот предмет слишком сложен, а при нынешнем состоянии науки - слишком неудовлетворителен, чтобы было целесообразно проводить этнологические и филологические исследования в рамках столь ограниченной работы, как эта. Мы направляем студентов к Максу Мюллеру и другим авторитетам.

Поселения детей Иафета.

Но в том, что существовало великое разделение человеческой семьи на три части, сомневаться не приходится. Потомки Иафета занимали обширную территорию, простиравшуюся от высокогорных земель Армении на юго-восток до плоскогорий Ирана и Северной Индии, а на запад - до Фракии, Греческого полуострова и Западной Европы. И все народы, которые впоследствии произошли от детей Иафета, говорили на языках, корни которых имеют поразительное сходство. Это можно доказать. Потомки Иафета, считавшегося старшим сыном Ноя, владели прекраснейшими землями мира, наиболее благоприятными для развития и прогресса, наиболее благоприятными для окончательного господства. Они составляли великую кавказскую расу, которая распространилась по Северной и Западной Азии, а также по Европе, превосходя другие расы личной красотой и силой, а также интеллектуальной мощью. Со времен греков и римлян эта раса удерживала господство в мире, как и было предсказано Ноем. “Бог увеличит Иафета, и он будет жить в шатрах Сима, и Ханаан будет его слугой”. Завоевание потомков Хама греками и римлянами и их рабство подтверждают истинность Священного Писания.

Поселения потомков Сима.

Потомки Сима занимали другой пояс или зону. Он простирался от юго-восточной части Малой Азии до Персидского залива и Аравийского полуострова. Люди жили в палатках, не стремились к завоеваниям, были религиозны и созерцательны. Великие теогонии Востока пришли от этого

народа. Они изучали звезды. Они размышляли о Боге и богословских вопросах. Они были избранной расой, с которой связана священная история. У них была, по сравнению с другими расами, небольшая территория между владениями Иафета на севере и Хама на юге. Их предназначением было не распространяться по миру, а демонстрировать деяния Божьего провидения. От этой расы произошли евреи и Мессия. Самыми предприимчивыми из потомков Сима были финикийцы, которые вели торговлю на узкой полосе восточного побережья Средиземного моря и колонизировали Карфаген и Северную Африку, но были недостаточно могущественны, чтобы успешно соперничать с римлянами в политической власти.

Потомки Хама.

Самыми могущественными из потомков Ноя были потомки Хама на протяжении более чем двух тысяч лет, с тех пор как они воздвигли великие монархии и были воинственными, агрессивными и беспринципными. Они жили в Египте, Эфиопии, Палестине и странах вокруг Красного моря. Они основали свою империю в Вавилоне, на великой равнине Вавилонии, и расширили ее на север, до земли Ашшур (Ассирия). Они построили великие города Антиохию, Реховоф, Калах и Ресен. Их империя была старейшей в мире — она была основана династией кушитов на равнинах Вавилона и в высокогорьях Персии. Они отвергли патриархальный закон и предались неугомонной страсти к господству. И они были самой цивилизованной из древних наций в искусстве и материальной жизни. Они строили города и памятники власти. Эти храмы, их дворцы, их пирамиды были чудесами древнего мира. Их величественная и мрачная архитектура просуществовала столетия. Они были самой порочной из наций земли, и изнеженность, гордыня и чувственность естественным образом вытекали из их материальной цивилизации, не освященной высокими религиозными идеями. Они были ненавистными завоевателями и тиранами, и все же рабами. Им было позволено процветать до тех пор, пока их пороки не привели к их собственному разрушению, и в конце концов они стали подвластны потомству Иафета. Но среди некоторых потомков Хама цивилизация так и не продвинулась вперед. Негритянская раса Африки всегда была деградированной и поработенной. Она ничего не сделала для развития человеческого общества. Ни одна из этих рас, даже самая успешная, не оставила прочных памятников интеллекта или добродетели: они оставили мрачные памятники тиранической и физической мощи. Вавилоняне и египтяне заложили основы некоторых наук и искусств, но в наши дни не осталось ничего, что ценит цивилизация.

Как впечатляюще и величественно древнее пророчество, адресованное Ною! Как поразительно исполнились все предсказания! Они придают истории непреходящий интерес и величие.

ГЛАВА III.

ЕВРЕЙСКАЯ РАСА ОТ АВРААМА до ПРОДАЖИ ИОСИФА.

Аврам.

Мы отложим рассказ о поселениях и империях, выросших на берегах Евфрата и Нила, древнейших монархиях, до тех пор, пока не рассмотрим раннюю историю евреев, происходивших от одного из сыновей Сима. Это сделано не в хронологическом порядке, а в соответствии с неподражаемой историей Моисея. Евреи стали нацией только через четыреста тридцать лет после призвания Авраама - а Аврам был в десятом поколении от Ноя. Когда он родился, в Вавилоне, Ханаане и Египте существовали великие города, а потомки Хама были великими властителями земли. Дети Сима спокойно жили в палатках, занимаясь сельским хозяйством и разведением крупного рогатого скота. Жители Иафета с ревностной предприимчивостью исследовали все страны и основывали отдаленные поселения — искатели приключений в поисках благоприятного климата и плодородных полей.

Аврам родился в Уре, городе Халдеев, в 1996 году до Рождества Христова, который одни считают греческой Эдессой, а другие — большим приморским городом на правом берегу Евфрата, недалеко от его впадения в Тигр.

Из этого города его отец Фарра удалился со своими детьми и родней в Харран и поселился там. Это было в Месопотамии — богатым районе, изобилующем пастбищами. Здесь Аврам оставался до 75 лет и разбогател.

Странствия и поселения Авраама.

Во время пребывания на этой плодородной равнине Господь сказал ему: “Выйди из страны твоей, и от родства твоего, и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе”. “И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и ты будешь благословением. И я благословлю тех, кто благословляет тебя, и прокляну того, кто проклинает тебя. И в тебе будут благословлены все племена земли”. И отправился Аврам с Лотом, своим племянником, и Сарой, своей женой, со всем своим скотом и имуществом в землю Ханаанскую, тогда населенную той расой хамитов, которая, вероятно, проявила недружелюбие к его семье в Халдее. Мы не знаем, каким путем он пересек сирийскую пустыню, но он остановился в Сихеме, расположенном в плодородной долине, одном из горных перевалов из Дамаска в Ханаан. Затем он построил жертвенник Господу, вероятно, среди идолопоклоннического народа. Из-за нехватки пастбищ или по какой-то необъяснимой причине он удалился оттуда на гору к востоку от Вефиля, между этим городом и Хаем, или Гаем, где снова воздвиг жертвенник и воззвал к живому Богу. Но здесь он пробыл недолго, будучи изгнан голодом в плодородную землю Египта, где тогда правили фараоны, чьего беспринципного характера он опасался и которые соблазнили его прибегнуть к недостойному обману, хотя и в соответствии с глубокой житейской мудростью. Это был диктат целесообразности, а не веры. Он притворился, что Сара была его сестрой, и принцы Египта хорошо обращались с ним из-за нее, а не убили, как он опасался, если бы стало известно, что она его жена. Царь, пораженный великими бедствиями из-за своего внимания к этой красивой женщине, отослал Авраама со всем его имуществом после сурового выговора за рассказанную им историю.

Разлука Авраама и Лота.

Патриарх вернулся в Ханаан, обогащенный египетскими князьями, и возобновил свою старую стоянку близ Вефиля. Но не хватало пастбищ для его стад, объединенных с стадами Лота. Поэтому с великодушием, не склонный к раздорам или жадности, он предоставил своему племяннику земли на выбор, но настоял на разделе. “Разве не вся земля пред тобою, - сказал

он. - Отделись, прошу тебя: если ты возьмешься за левую руку, я пойду направо, а если ты пойдешь направо, то я пойду налево”. Дети Хама и Иафета поссорились бы, и один получил бы превосходство над другим. Иначе обстоит дело со справедливым и великодушным шемитом — безупречным образцом всех восточных добродетелей, если мы можем забыть о затмении его светлого имени в Египте.

Поселения Лота.

Лот, что было естественно, выбрал нижнюю часть долины Иордана, плодородную и хорошо орошаемую равнину, но недалеко от нечестивых городов хананеев, которые лежали на пути торговли между Аравией, Сирией, Египтом и Востоком. Среди них преобладали худшие пороки древности, и Лот впоследствии на горьком опыте осознал безрассудство поиска немедленного блага в таком проклятом соседстве.

Аврам был доволен меньшими преимуществами среди холмов и после повторного благословения Господа перенес свои шатры на равнину Мамре, недалеко от Хеврона, одного из старейших городов мира.

Первое зарегистрированное сражение в истории.

Первая битва, о которой мы читаем в истории, произошла между халдейским монархом и царями пяти городов Ханаана, недалеко от равнины, выбранной Лотом. Цари были побеждены, и в ходе последовавшего разграбления сам Лот и его скот были уведены Кедерлаомером.

Победа Авраама.

Новость дошла до Авраама как раз вовремя, чтобы он мог преследовать халдейского царя со своими обученными слугами, числом в триста восемнадцать человек. В полночной атаке халдеи были разбиты, поскольку возникла паника, и Лот был спасен со всем своим имуществом, из чего мы делаем вывод, что Аврам был могущественным вождем, а также получал непосредственную помощь от Бога, как впоследствии Иисус Навин в неравной схватке с хананеями.

Мелхиседек.

Царь Содомы в знак благодарности вышел навстречу ему, когда он возвращался после успешной схватки, а также царь Салима Мелхиседек с хлебом и вином. Этот последний, вероятно, был из потомства Сима, поскольку он также был священником всевышнего Бога, Он благословил Авраама и дал ему десятину, которую Аврам принял.

Гордость Авраама.

Но Аврам ничего не принял бы от царя Содомы - даже застёжки для обуви — из патриархальной гордыни или нежелания иметь какие-либо сношения с идолопоклонниками. Но он не помешал своим молодым воинам есть его хлеб, когда они были голодны. Он хотел спасти не содомлян, а Лота, своего родственника и друга.

Его перспективы.

У Аврама, ныне могущественного вождя и богатого человека, преклонных лет, не было детей, несмотря на обещание Бога, что он будет отцом народов. Его очевидным наследником был его главный слуга, или управляющий, Элизур из Дамаска. Затем Он напомнил Господу об обетовании, и Господь обновил завет, и Аврам успокоился в вере.

Агарь.

Его жена Сара была другой. Скептически относясь к тому, что от нее самой должно произойти обещанное семя, она умоляла Аврама сделать наложницей или женой ее служанку-египтянку Агарь. Аврам выслушивает ее и удовлетворяет ее просьбу. После этого женщина презирает Сару и предъявляет свою жалобу своему мужу. Аврам отдает наложницу в руки ревливой и оскорбленной жены, которая жестоко обошлась с ней, так что она убежала в пустыню. Измученная жаждой и несчастная, она была найдена ангелом недалеко от источника воды, который ободрил ее обещанием, что ее ребенок станет отцом многочисленного народа, но посоветовал ей вернуться в Сарай и подчиниться ее правлению. В положенный срок родился ребенок, которого назвали Измаил, — ему суждено было стать дикарем, с которым мир должен враждовать. Сейчас Авраму было восемьдесят шесть лет.

Обновленный Завет с Авраамом.

Четырнадцать лет спустя Господь снова возобновил свой завет о том, что он будет отцом многих народов, которые будут вечно владеть землей Ханаанской. Его имя было изменено на Авраам (отец множества), а имя Сары было изменено на Сарру. Господь обещал, что от Сарры придет предсказанное благословение. Патриарх все еще не верит и смеется про себя; но Бог обновляет обещание, и отныне Авраам верит, и в качестве проверки своей веры он, по божественному указанию, совершает обряд обрезания для Измаила и всех слуг и рабынь его семьи — даже тех, кто “куплен за деньги чужеземца”.

Рождение Исаака.

В свое время, согласно предсказанию, Сарра родила Исаака, который был обрезан на восьмой день, когда Аврааму было 100 лет. Измаил, теперь уже пятнадцатилетний мальчик, высмеял это событие, после чего Сарра потребовала, чтобы сын рабыни, ее рабыня, был изгнан из дома вместе со своей матерью. Авраам тоже был опечален, и, по божественному совету, они оба были отосланы прочь с небольшим количеством хлеба и бутылкой воды. Вскоре вода в пустыне Вирсавии иссякла, и Агарь в отчаянии села и заплакала. Бог услышал ее стенания, и она открыла глаза и увидела, что сидит у колодца. Ребенок был спасен и жил в пустыне Фаран, занимаясь ремеслом лучника или охотника, и его мать нашла ему жену из земли Египетской. Он является предком двенадцати племен арабов-бедуинов, среди которых преобладала хамитская кровь.

Разрушение Содома.

Между тем, когда Авраам жил на равнинах Мамре, произошло разрушение Содома и Гоморры, потому что там нельзя было найти и десяти праведников. Но Лот был спасен ангелами и после этого жил в пещере от страха, а его жена была превращена в соляной столб за то, что осмелилась оглянуться на горящие города. Он жил со своими двумя дочерьми, которые стали виновными матерями моавитян и аммонитян, поселившихся на холмах к востоку от Иордана и Мертвого моря.

Двуличие Авраама.

Еще до рождения Исаака Авраам удалился на Юг и поселился в Гере, городе Филистимлян, и, вероятно, по той же причине, по которой он ранее искал землю Египетскую. Но здесь возникла та же трудность, что и в Египте. Царь Авимелех послал и забрал Сарру, полагая, что она всего лишь сестра Авраама; и Авраам в этом случае уклонялся от ответа и обманывал, чтобы спасти свою собственную жизнь. Но царь, предупрежденный Богом во сне, вернул Аврааму его жену и дал ему овец, волов, слуг-мужчин и служанок-женщин и тысячу сребреников, ибо он знал, что тот был пророком. В ответ Авраам помолился за него и устранил от него и его дома все препятствия для роста его семьи. Царь, видя, как преуспевает Авраам, заключил с ним завет, так что патриарх долго жил среди филистимлян, поклоняясь "вечному Богу".

Суд над Авраамом.

Затем последовало великое испытание его веры, когда его попросили принести в жертву Исаака. И когда он послушался призыва и не удержал своего сына, своего единственного сына, от жертвенного ножа, веря, что его семья все еще будет владеть землей Ханаанской, он снова был благословлен, причем в самых выразительных выражениях. После этого он поселился в Вирсавии.

Смерть Сары.

В возрасте 120 лет Сарра умерла в Хевроне, и Авраам купил у Ефрона Хеттеянина пещеру Махпела с полем близ Мамре за четыреста сиклей серебра, в которых похоронил свою жену.

Женитьба Исаака.

Вскоре после этого он стал искать жену для Исаака. Но он не захотел принять ни одну из дочерей хананеев, среди которых жил, а послал своего старшего и самого доверенного слугу в Месопотамию с десятью навьюченными верблюдами, чтобы обезопасить одну из своих соплеменниц. Ревекка, внучка Нахора, брата Авраама, была любимой девушкой, которую дал Господь. Ее отец и брат приняли предложение слуги Авраама, и, нагруженная подарками, серебряными и золотыми драгоценностями, а также одеждой, месопотамская леди покинула свою страну и дом своего отца с благословения всей семьи. "Будь матерью тысяч миллионов, и пусть потомство твое овладеет вратами тех, кто ненавидит их". Так "утешился Исаак после смерти своей матери".

Второй брак Авраама.

Авраам женился снова, и у него было пятеро сыновей от Кетуры; но при жизни он отдал все, что у него было, Исааку, за исключением некоторых подарков другим своим детям, которых он отослал, чтобы они не оспаривали наследство у Исаака. Он умер в глубокой старости, 175 лет, и был похоронен своими сыновьями, Исааком и Измаилом, в пещере Махпела, которая была куплена у сыновей Хета. Таким образом, Исаак стал главой дома, обладал княжескими владениями и жил рядом с колодцем.

Он обманывает филистимлян.

Но поднялся голод, как во дни его отца, и он отправился в Герар, а не в Египет. Он, однако, боялся называть Ревекку своей женой по той же причине, по которой Авраам называл Сарру

своей сестрой. Но царь, увидевший из своего окна, как Исаак “резвится с Ревеккой”, понял, что его обманули, но воздержался от того, чтобы взять ее, и даже осыпал Исаака новыми милостями, так что он стал очень великим и богатым — настолько, что филистимляне позавидовали ему и злонамеренно засыпали колодцы, выкопанные Авраамом. Здесь снова он подружился с Авимелехом, который увидел, что Господь с ним, и между ними был заключен торжественный завет мира, и были вырыты новые колодцы.

Несчастье Исаака.

Исаак, по-видимому, вел тихую и мирную жизнь, не желая никаких распрей с хананеями, и постепенно очень разбогател. Он не выказывал никаких признаков недюжинной силы духа, и его было легко обмануть. Его величайшим несчастьем была женитьба его старшего и любимого сына Исава на хеттянке, и, вероятно, именно эта ошибка и безрассудство подтвердили превосходство Иакова.

Иаков и Исав.

Исав был охотником. Однажды, возвращаясь с охоты, он ослабел от голода и бросил жадный взгляд на похлебку, которую приготовил Иаков. Но Иаков не давал своему голодному брату еды до тех пор, пока тот не пообещал торжественной клятвой передать ему свое право первородства. Умный предприимчивый человек, импульсивный и страстный, в тот момент больше думал о муках голода, чем о своих будущих перспективах, и тихий, простой и хитрый человек из палаток воспользовался опрометчивостью своего брата.

Иаков получает право первородства. Отчаяние Исава.

Но право первородства не было обеспечено Иакову без благословения его отца. Итак, он, с помощью уловки своей матери, поскольку он более любимцем, обманул своего отца и выдал себя за Исава. Исаак, старый, недалекий и легковверный, полагая, что Иаков, одетый в одеяние охотника Исава и с руками, покрытыми шкурами, был его старшим сыном, благословил его. Старик все еще сомневался, но Иаков ложно объявил, что он Исав, и получил то, что хотел. Когда Исав вернулся с охоты, он увидел, что сделал Иаков, и его горе было горьким и глубоким. Он закричал в агонии: “Благослови и меня, о отец мой”. И Исаак сказал: “Твой брат пришел с коварством и отнял у тебя благословение”. И Исав сказал: “Разве он не по праву назван Иаковом, то есть вытеснителем, ибо он вытеснял меня эти два раза: он отнял у меня право первородства, и вот теперь он отнял у меня благословение”. “И он возвысил свой голос и заплакал”. Тогда растроганный Исаак заявил, что его жилищем должен быть тук земли, даже если он должен служить своему брату, что он должен жить мечом и, наконец, сбросить ярмо со своей шеи. Это было все, чего Исав смог добиться от своего отца. Он ненавидел Иакова с плохо скрываемой обидой, как и следовало ожидать, и пригрозил убить его после смерти отца. Ревекка посоветовала Иакову бежать к своему дяде, сославшись в качестве оправдания на то, что Исаак искал жену в Месопотамии. Это понравилось Исааку, который считал брак с хананеями величайшим бедствием. Поэтому он снова благословил его и посоветовал ему выбрать себе в жены одну из дочерей Лавана. И ушел Иаков из дома отца своего и избежал гнева Исава. Но Исав, видя, что его жена-хеттянка оскорбляет его отца, женился также на одной из дочерей Измаила, своего двоюродного брата.

Странствия Иакова.

Джейкоб тем временем продолжал свое путешествие. Придя в определенное место после захода солнца, он лег спать, положив камни вместо подушки, и ему приснилось, что лестница, установленная на земле, достигает небес, по которой восходят и нисходят ангелы Божьи, а над ней был сам Господь, Бог его отца, который обновил все обещания, данные Аврааму о будущем процветании его дома. Затем он продолжил свой путь, пока не прибыл в Харран, к берегу колодца. Туда Рахиль, дочь Лавана, пришла набрать воды для овец, которых она пасла. Иаков отвалил камень от устья колодца, и напоил ее стадо, и поцеловал ее, и заплакал, ибо нашел в своей двоюродной сестре свою невесту. Затем он сказал ей, кто он такой, и она побежала и рассказала своему отцу, что пришел его племянник, сын Исаака, и Лаван преисполнился радости, поцеловал Иакова и привел его в свой дом, где он прожил месяц в качестве гостя.

Он служил Лавану.

Затем было заключено соглашение, что Иаков будет служить Лавану семь лет и получит в обмен на свои услуги его младшую дочь Рахиль, которую он любил. Но Лаван обманул его и отдал ему вместо себя Лию, и Иаков был вынужден служить еще семь лет, прежде чем заполучил ее. Таким образом, у него было две жены, одна с нежными глазами, другая красивая. Но он любил Рахиль и ненавидел Лию.

Ссора с Лаваном.

Иаков продолжал служить Лавану, пока не стал отцом одиннадцати сыновей и дочери, а затем пожелал вернуться в свою страну. Но Лаван, не желая терять столь выгодного зятя, воздвиг препятствия. Иаков тем временем разбогател, хотя его стада были приобретены в результате выгодной сделки, которую он обратил в свою пользу. Результатом стала зависть сыновей Лавана. Лаван также был изгнан, после чего Иаков бежал со своими женами, детьми и скотом. Лаван погнался за ним, настиг его, и после сердитой ссоры, в ходе которой Иаков рассказал о своих обидах за двадцать лет рабства, и Лаван заявил права на все, что принадлежало ему, — дочерей, детей и скот, они заключили завет на куче камней, что ни один из них не будет проходить через нее во вред другому, и Лаван вернулся к себе домой, а Иаков пошел своей дорогой.

Встреча Исава и Иакова.

Но Исав, узнав о возвращении своего брата, выступил против него из Едома с четырьмя сотнями человек. Иаков испугался и попытался приблизиться к Исаву с подарками. Братья встретились, но то ли из братского порыва, то ли с помощью Божьей, они встретились с любовью, упали в объятия друг друга и заплакали. Иаков предложил свои подарки, которые Исав сначала великодушно отказался принять, но в конце концов принял: мир был восстановлен, и Иаков продолжил свое путешествие, пока не прибыл в Талком — город Сихем в земле Ханаанской, где он разбил свой шатер и воздвиг жертвенник.

Здесь он вскоре столкнулся с жителями Сихема, чей князь причинил им великое зло. Левий и Симеон отомстили за это, и город был razoren.

Иаков в Вефиле.

Иаков, возможно, в страхе перед другими аморреями, отступил в Вефиль, очистил свой дом от всякого идолопоклонства и построил жертвенник, и Бог снова явился ему, благословил его и изменил его имя на Израиль.

Смерть Рейчел.

Вскоре после этого Рахиль умерла при рождении своего сына Вениамина, и Иаков приехал навестить своего отца в Мамре, которому сейчас 180 лет и он вот-вот умрет. Исав и Иаков похоронили его в пещере Махпела.

Исав жил в Эдоме, прародитель длинной линии герцогов или принцев. Средоточием его владычества была гора Сеир.

Продажа Джозефа.

Иаков продолжал жить в Хевроне - патриархальный князь, богатый скотом, которого боялись соседи. Его любимым сыном был Джозеф, и пристрастие отца вызывало зависть других сыновей. Они сговорились убить его, но изменили свою цель под влиянием Рувима и бросили его в яму в пустыне. Пока он лежал там, появился отряд измаильтян, и они, по совету Иуды, продали его в рабство, но притворились перед своим отцом, что он был убит дикими зверями, и предъявили в подтверждение его изорванный цветной плащ. Измаильтяне отвезли Иосифа в Египет и продали его Потафару, начальнику стражи Фараона. Прежде чем мы проследим за его судьбой, обратим наше внимание на землю, откуда он был привезен.

ГЛАВА IV.

ЕГИПЕТ И ФАРАОНЫ.

Исконные жители Египта.

Первая страна, о которой упоминает Моисей в связи с историей иврита, - Египет. Эта облюбованная земля была резиденцией одной из старейших монархий мира. Хотя может показаться, что Ассирия была заселена первой, историки утверждают, что Египет имеет более отдаленную древность. Независимо от того, может быть обосновано это утверждение или нет, несомненно, что Египет был одним из первобытных очагов расы Хама. Мицраим, священное название этой страны, указывает на то, что она была заселена сыном Хама. Но если даже это правда, то волна эмиграции из Армении, вероятно, прошла на юго-восток через Сирию и Палестину, и, следовательно, потомки Хама, вероятно, заняли землю Ханаанскую еще до того, как пересекли пустыню между Красным морем и Средиземным. Я сомневаюсь, что в Египте были города древнее Дамаска, Хеврона, Сигора и Тира.

Но Египет, безусловно, был более могущественной монархией, чем любая из существовавших на земле во времена Авраама.

Их особенности.

Его язык, традиции и памятники в равной степени указывают на глубокую древность. Вероятно, он был населен смешанной расой, как шемитами, так и хамитами, хотя последние имели превосходство. Различие каст указывает на смешанное население, так что древние сомневались, принадлежал ли Египет Азии или Африке. Эти люди были не черными, а красноватого цвета, с толстыми губами, прямыми черными волосами и удлинёнными глазами и погрязли в деградировавших суевериях африканской расы.

Плодородие Египта.

Географическое положение указывает не только на глубокую древность, но и на государство, располагавшее огромным национальным богатством и мощью. Река Нил, вытекающая из большого озера под экватором, протекает на 3000 миль почти строго на север до Средиземного моря. Его ежегодные наводнения покрывали долину богатой почвой, принесенной с гор Абиссинии, что делало ее самой плодородной в мире. Страна, столь облюбованная великой рекой с ее богатыми аллювиальными отложениями, имеет около 500 миль в длину и площадь в 115 000 квадратных миль, из которых 9 600 подвержены оплодотворяющему затоплению. Но в древние времена большая часть страны была орошаемой и изобиловала фруктовыми садами, огородами и виноградниками. Выращивались все виды овощей, и зерно выращивалось в величайшем изобилии, так что люди жили в роскоши и изобилии, в то время как другие народы время от времени страдали от голода.

Египетские постановки.

Среди фруктов были финики, виноград, инжир, гранаты, абрикосы, персики, апельсины, лимоны, лаймы, бананы, дыни, шелковица, оливки. Среди овощей, если судить по тому, что существует в настоящее время, были фасоль, горох, чечевица, люпин, шпинат, лук-порей, репчатый лук, чеснок, сельдерей, цикорий, редис, морковь, репа, салат-латук, капуста, фенхель, тыква, огурцы, помидоры, баклажаны. Какое разнообразие для пропитания человека, не говоря уже о различных видах зерна — ячмене, овсе, кукурузе, рисе и особенно пшенице, которая достигает величайшего совершенства.

В старину славилась лошадь, а также крупный рогатый скот, овцы и домашняя птица. В изобилии водились перепела, а на болотах водились всевозможные перепончатые птицы. Рыбы также было предостаточно в Ниле и озерах. Здесь держали пчел и производили мед, хотя и уступавший греческому.

Касты Египта.

Климат этой плодородной земли также был целебным, но не изнуряющим. Почва была способна прокормить большое население, которое во времена Геродота составляло семь миллионов. На берегах Нила были большие города, руины которых до сих пор поражают путешественников. Земля, за исключением той, что принадлежала жрецам, принадлежала царю, который обладал высшей и неограниченной властью. Люди были разделены на касты, высшими из которых были жрецы, а низшими — земледельцы. Короли были наследственными, но принадлежали к духовенству, и их обязанности и труды были тяжелыми. Священники были

настоящим руководящим органом, и к ним относились с самым почтительным почтением. Они были советниками короля, судьями страны и защитниками всех крупных интересов. Солдаты также были многочисленны и составляли особую касту.

Египетские династии.

Когда Аврам посетил Египет, вызванный голодом в Ханаане, это уже была могущественная монархия. Согласно общепринятой хронологии, это было примерно за 1921 год до Рождества Христова, когда правили цари 15-й династии. Эти династии древних царей трудно установить, и они опираются скорее на традиции, чем на четко определенные исторические основания, или, скорее, на авторитет Манефона, египетского жреца, жившего почти за 300 лет до Рождества Христова. Составленный им список династий в значительной степени подтверждается иероглифическими надписями, которые все еще можно найти на древних памятниках, но они дают нам лишь пустой перечень имен, лишенный какой-либо жизненно важной исторической правды. Следовательно, эти древние династии до Авраама интересны только любителям древностей и не удовлетворяют их, поскольку так мало известно или может быть известно. Они, если быть верными, придали бы Египту гораздо большую древность, чем это можно согласовать с историей Моисея. Но все авторитетные источники сходятся в том, что приписывают Менесу начало первой династии за 2712 лет до Рождества Христова, согласно Хейлсу, но 3893 году согласно Лепсиусу и 2700 году согласно Лейну. Ни Менес, ни его преемники из первой династии не оставили никаких памятников. Однако вполне вероятно, что Мемфис был построен ими, и, возможно, иероглифы были изобретены во время их правления.

Но здесь возникает хронологическая трудность. Священные Писания относят десять поколений от Сима до Аврама. Либо поколения были созданы более продолжительными, чем в наше время, либо семнадцать династий, которые, как обычно предполагается, царствовали, когда Аврам пришел в Египет, не могло существовать; ибо, согласно принятой хронологии, он родился в 1996 году до н.э., а Всемирный потоп произошел в 2349 году до Рождества Христова, то есть от Всемирного потопа до рождения Авраама оставалось всего 353 года. Как могли семнадцать династий править в Египте в то время, даже если предположить, что Египет был заселен сразу после Потопа, если только от Ноя до Авраама не существовало более десяти поколений или если эти поколения длились более семисот или восьмисот лет? До тех пор, пока наука не согласует различные хронологии с общепринятой, изучение истории Египта до Авраама приносит мало удовлетворения. Также нелегко установить, когда были построены пирамиды. Если они существовали во времена Авраама, то в искусстве был достигнут самый быстрый прогресс, если только от Ноя до Авраама не прошло гораздо больше времени, чем, по-видимому, представлено в Священном Писании.

Пирамиды.

В истории Египта не происходит ничего интересного до четвертой династии царей, когда, как предполагалось, были построены пирамиды в Гизе — период более отдаленный, чем Писание приписывает самому Потопу, согласно нашей принятой хронологии. Это были гробницы мемфисских царей, которые верили в бессмертие души и ее окончательное воссоединение с телом после различных форм переселения душ. Отсюда забота о сохранении тела в каком-нибудь долговечном памятнике и тщательное бальзамирование. Какой памятник более долговечен, чем эти огромные массивы гранита, построенные, чтобы бросить вызов разрушительному действию времени и разграблениям завоевателей! Самая большая из этих

пирамид, возвышающаяся над другими пирамидами и меньшими усыпальницами богачей, была построена на площади 756 футов, а высота ее составляла 489 футов 9 дюймов, занимая площадь 571 536 футов, или более тринадцати акров. Вся масса содержала 90 000 000 кубических футов каменной кладки весом 6 316 000 тонн. Почти в центре этой груды камней, куда вел узкий проход, находились покои, где хранились царские саркофаги. В какой бы период ни были построены эти огромные памятники, они, по крайней мере, восходят к глубокой древности и, вероятно, ко временам Авраама.

Фивы.

Первым великим именем ранних египетских царей было Сесертесен, или Осиртасин I., основатель двенадцатой династии царей, 2080 год до н.э.. Он был великим завоевателем, и традиция путает его с греческим Сесострисом, который собирал истории о нем, как Средневековье собирало истории о Карле Великом и его паладинах. Настоящим Сесострисом был Раменес Великий из девятнадцатой династии. Царями этой династии (двенадцатой) была завоевана Эфиопия, построен Лабиринт и вырыто озеро Мозвис, чтобы контролировать наводнения. При них Фивы стали великим городом. Династия просуществовала 100 лет, но перешла к царям-пастухам. Эти ранние египетские монархи любили мир, а их подданные наслаждались покоем и процветанием.

Короли-пастухи.

Цари-пастухи, правившие 400 лет, по предположению Манефона, были арабами, но это оставляет нам возможность сделать вывод, что они были финикийцами — что вполне вероятно — кочующей группой завоевателей, которые легко подчинили мирных египтян. Они не оставили после себя никакой монументальной истории. Они были чужды завоеванной расе по языку и привычкам и, вероятно, поселились в Нижнем Египте, где земля была наиболее плодородной и где легче всего было сохранить завоевания.

Вероятно, именно при их правлении Аврам посетил Египет, когда был изгнан голодом из Ханаана. И они не были изгнаны до времен Иосифа, первым представителем восемнадцатой династии. Мы предполагаем, что потомки древних королей жили в Фивах и были князьями-данниками в течение 400 лет, но в конце концов набрались достаточной силы, чтобы изгнать захватчиков-шемитов, подобно тому, как готские народы Испании в средние века изгнали своих завоевателей, мавров.

Дружеские отношения евреев с царями-пастухами.

Но именно при царях-пастухах сложились отношения между Египтом и еврейскими патриархами. Мы выводим этот факт из дружеского общения и отсутствия национальных предрассудков. Финикийцы принадлежали к тому же шемитскому племени, из которого произошел Авраам. Они не строили храмов. Они не развивали материальную цивилизацию. Они осыпали Авраама и Иосифа подарками и приняли последнего как министра и правителя. Мы не читаем о большом расовом отталкивании и видим большое сходство в занятиях.

Изгнание королей-пастухов.

Между тем, более старые династии, при которых были построены Фивы, вероятно, в 2200 году до н.э., набирали силу в несчастях и порабощении. Они правили в течение пяти династий в

подчиненном положении, подчиненные и угнетенные. Первый царь восемнадцатой династии, по-видимому, был замечательным человеком — освободителем своего народа. Его звали Ахмес, или Амосис, и он изгнал пастухов из большей части Египта в 1525 году до н.э.. Во время его правления мы видим на памятниках колесницы и лошадей. Он построил храмы как в Фивах, так и в Мемфисе и основал военно-морской флот. Вероятно, это был царь, который не знал Иосифа. Его преемники продолжили завоевательную работу и расширили свое владычество от Эфиопии до Месопотамии и получили ту часть Западной Азии, которая ранее принадлежала халдеям. Они построили храм Карнака, “Красноречивого Мемнона” и аллею Сфинксов в Фивах.

Величие Рамсеса II. Его архитектурные произведения.

Величайший период истории Египта начинается с девятнадцатой династии, основанной Сетхи I, или Сетосом, в 1340 году до н. э.. Он построил знаменитый “Колонный зал” в Карнакском храме и самую прекрасную из гробниц фиванских царей. На стенах этого великого храма изображены его завоевания, особенно над хеттами. Но слава монархии, теперь уже явно военной, достигла кульминации при Рамзисе II - греческом Сесострисе. Он расширил свои владения до Скифии и Фракии, в то время как его морские экспедиции проникли в Эритрейское море. Пленные, которых он привозил со своих войн, использовались для рытья каналов, пересекавших страну, в целях орошения, и особенно того великого канала, который соединял Средиземное море с Красным. Он пристроил храм в Карнаке, построил Мемнониум на западном берегу Нила, напротив Фив, и расширил храм Птаха в Мемфисе, который он украсил прекрасной колоссальной статуей, кулак которой (сейчас находится в Британском музее) имеет ширину в тридцать дюймов по костяшкам пальцев. Но Рамзеум, или Мемнониум, был его величайшим архитектурным произведением, к которому вела аллея сфинксов и обелисков, в центре которой находилась огромная статуя самого Рамзеса высотой шестьдесят футов, высеченная из цельного камня красного гранита Сиены.

Упадок Фив.

Двадцатая династия была основана Сетеем II., до н.э. 1220 (или 1232 до н. э., согласно Уилкинсону), когда Гидеон правил Израилем, Тесей правил в Афинах, а Приам - в Трое. Третий царь этой династии — Рамзес III. — построил дворцы и гробницы, едва ли уступающие дворцам любого из фиванских царей, но при его преемниках фиванское могущество пришло в упадок. При двадцать первой династии, которая началась в 1085 году до н.э. в 1085 году до н.э. в Нижнем Египте появилась новая столица Зоан, и постепенно его власть распространилась на Верхний Египет. В его населении был сильный шеметический элемент, и он укрепил себя за счет союзов с ассирийцами.

Двадцать вторая династия, вероятно, была ассирийской и началась около 1009 года до н.э. Он был враждебен евреям, захватил и разграбил Иерусалим.

Неясность египетской истории.

Начиная с этого периода история Египта неясна. Под властью ассирийцев, а затем эфиопов величие старой фиванской монархии ушло в прошлое. Во время расцвета Вавилонского царства, возникшего на руинах старой Ассирийской империи, Египет был сильно подавлен как военная держава. Вавилон стал великой монархией Востока и получил во владение все территории фиванских царей, от Евфрата до Нила.

Оставляя, таким образом, неясную и неинтересную историю Египта, которая не представляет ничего особенного до его завоевания Александром, до н.э. 332 г., когда не было даже великих царей, за исключением Нехо из двадцать шестой династии, до н.э. 611 г., мы кратко представим религию, нравы, обычаи и достижения древних египтян.

Религия египтян.

Их религия была идолопоклоннической. Они поклонялись различным божествам: Нум, душе вселенной; Аминь, принципу зарождения; Хом, эмблематизировавший продуктивность природы; Птах, или создатель вселенной; Ра, солнце; Тот, покровитель письменности; Атор, богиня красоты; Му, физический свет; Мат, моральный свет; Мунт, бог войны; Осирис, олицетворение добра; Исида, руководившая погребальными обрядами; Сет, олицетворение зла; Ануп, судивший души усопших.

Божества.

Это были главные божества, и им поклонялись через священных животных, как символам божественности. Среди них были быки Апис в Мемфисе и Муэнис в Гелиополисе, оба посвященные Осирису. Крокодил был священным для Лебака, чьи обязанности неизвестны; аспид - для Нума; кошка - для Пашта, чьи обязанности также неизвестны; жук - для Птаха. Поклонение этим и другим животным проводилось с большой церемонией, и им приносились в жертву другие животные, фрукты и овощи.

Человек был привлечен к ответственности за свои действия и подлежал суду в соответствии с ними. Он должен был предстать перед Осирисом и получить от него будущие награды или наказания.

Законы египтян.

Уголовные законы египтян были суровыми. Убийство каралось смертью. Прелюбодеяние каралось избиением мужчины тысячей розг. Женщине отрезали нос. Кража каралась менее сурово — избиением палкой. Ростовщичество не допускалось сверх двойной суммы долга, и должник не подвергался тюремному заключению.

Правительство.

Правительство было монархией, ограниченной только священством, в распоряжение которого он был принят, и управлялось людьми, назначенными королем. В целом, это было мягко и по-отечески, и осуществлялось на благо людей.

Привычки людей.

Полигамия не была обычным явлением, хотя наложницы были разрешены. В высших классах к женщинам относились с большим уважением, и они считались равными мужчинам. Они управляли своими семьями. Богатые были гостеприимны и с удовольствием устраивали пиры, на которых присутствовали танцоры и музыканты. У них были колесницы и лошади, они были ленивы и искали удовольствий. Бедняки тяжело трудились, имея скудную одежду и скудную пищу.

Литературная культура.

Иероглифическая письменность преобладала с глубокой древности. Папирус также использовался для иератического письма, и было обнаружено множество папирусов, которые свидетельствуют о некотором прогрессе в литературе. Астрономия культивировалась жрецами и была доведена до высшей точки, которой она могла достичь без современных инструментов. Геометрия также достигла значительного совершенства. Механика, должно быть, была развита в значительной степени, если вспомнить, что огромные каменные блоки были перевезены на 500 миль и подняты на огромную высоту. Химия была поставлена на службу многим искусствам, таким как обработка металлов и закалка стали. Но архитектура была великим искусством, в котором преуспели египтяне, как мы заключаем из руин храмов и дворцов; и эти чудесные ткани были украшены росписями, которые сохранили свой цвет до наших дней. Архитектура была массивной, величественной и внушительной. Магические искусства ценились высоко, и в основном ими занимались жрецы. Промышленное искусство достигло большого совершенства, особенно в ткачестве льна, керамики и домашней мебели. Египтяне были великими музыкантами, пользовались арфами, флейтами, тарелками и барабанами. Они также были великими садовниками. В своей одежде они были простыми, скудными в питании, хотя иногда и допускали излишества; любили войну, но не были жестокими, как ассирийцы; были гостеприимны между собой, стеснялись незнакомцев, патриотичны по чувствам и созерцательны по характеру.

ГЛАВА V.

ЕВРЕИ ДО ЗАВОЕВАНИЯ ХАНААНА.

Потифар и Иосиф. Возвышение Иосифа.

Когда Маданитяне продали Иосифа Потифару, Египтом, вероятно, правили цари-пастухи, которых еврейские авторы называли фараонами, как и всех других царей. Потифар (Пет-Пха, посвященный солнцу), вероятно, был вторым человеком в царстве. Иосиф, раб-еврей, снискал благосклонность в его глазах и постепенно получил должность управляющего его большим домом. Брошенный в тюрьму из-за интриг жены Потифара, чьи позорные попытки он добродетельно и благородно отверг, он снискал расположение смотрителя тюрьмы, который доверил ему единственную заботу о заключенных, хотя сам был заключенным, — поразительное доказательство его очевидной добродетели. Со временем двое других высших офицеров короля, оскорбив его, были брошены в ту же тюрьму. Им снились странные сны. Иосиф истолковал их, указав на быстрое возвращение одного к благосклонности, а другого - на столь же внезапную казнь. Это произошло. Через два года самому царю приснился странный сон, и ни один из профессиональных магов или жрецов Египта не мог истолковать его. Тогда главному дворецкому пришлось в голову, что Джозеф, о котором он забыл и которым пренебрегал, мог истолковать царский сон, который беспокоил его. Он рассказал царю о своем собственном сне в тюрьме и объяснении его рабом-евреем. После чего был послан за Иосифом, который был

выбрит, вымыт и облачен в чистую одежду, чтобы явиться в царский дворец, и он истолковал сон царя, который не только привел к его назначению губернатором Египта с государственными колесницами в его распоряжении и всеми символами суверенитета при его особе — наместнике, власть которого была ограничена только властью царя, — но он также сыграл важную роль в спасении Египта от ужасного голода, который в течение семи лет поражал Западную Азию. Ему было тогда тридцать лет, в 1715 году до н.э., и его возвышение было заслужено самыми благородными качествами — верностью доверенным ему лицам, терпением и высокими принципами, — о которых, несомненно, было доложено королю.

Его правление в качестве вице-короля.

Курс, который Иосиф избрал по отношению к египтянам, был, по-видимому, трудным. Запасенное за семь лет беспрецедентное количество зерна было сначала продано голодающим людям, а когда у них больше не было денег, чтобы купить его, оно было получено только путем сдачи их скота, а затем отчуждения их земли, так что король стал обладателем всей собственности королевства, как личной, так и реальной, за исключением собственности священников. Но впоследствии он вернул землю обратно народу при условии ежегодной выплаты пятой части урожая (которая оставалась до времен Моисея) — большой налог, но не такой большой, какой взимали с крестьянства Франции их феодалы и королевские сеньоры. Это, несомненно, укрепило власть королей-пастухов и предотвратило восстания.

Голод в Египте.

Жестокость голода вынуждает братьев Иосифа искать зерно в Египте. Об их прибытии, конечно, известно губернатору, который обладает неограниченной властью. Они предстали перед ним и склонились перед ним, как было предсказано во снах Джозефа. Но одетые в одежды принцев, с золотой цепью на шее и окруженные великолепием власти, они не знали его, в то время как он знает их. Он говорит с ними через переводчика резко и гордо, обвиняет их в шпионаже, получает всю необходимую информацию и узнает, что его отец и Бенджамин живы. Он даже сажает их в тюрьму на три дня. Он освобождает их при условии, что они подтвердят свои показания; в качестве доказательства чего он требует явки самого Бенджамина.

Вениамин и его братья. Моисей как историк.

Они возвращаются в Ханаан со своими мешками, наполненными зерном, а деньги, которые они привезли для его покупки, тайно возвращены, оставив Симеона поручителем за появление Вениамина. На это Иаков не согласится. Но на следующий год голод снова гонит их в Египет, и Иаков неохотно вынужден позволить Вениамину отправиться с ними. Неожиданный пир, который Иосиф приготовил для них, сам усевшись за другой стол, — большие порции, раздаваемые Вениамину, обман, которым их обманули, спрятав серебряную чашу Иосифа в мешке Вениамина, как будто он был вором, горе всех сыновей Иакова, красноречивые мольбы Иуды, сдержанные слезы Иосифа, открытие им себя, щедрость фараона, возвращение детей Иакова, нагруженных не только зерном, но и подарками, окончательное переселение всей семьи в землю Гесем на царских колесницах и многое другое. завершение триумфов Иосифа и счастье Иакова — все эти факты и происшествия рассказаны Моисеем в самом увлекательном и трогательном повествовании, когда-либо написанном человеком. Это абсолютно трансцендентный фильм, демонстрирующий не только высочайшее драматическое мастерство,

но и раскрывающий Промысл Божий — ту всепобеждающую силу, которая заставляет добро исходить из зла, что является самым впечатляющим уроком всей истории, в любую эпоху. Этот единственный эпизод стоит для цивилизации больше, чем вся слава древнего Египта; и нет ничего в истории древних монархий, столь ценного для всех поколений, как летопись Моисея о ранних отношениях между Богом и его избранным народом. И именно по этой причине я предлагаю отвести им в этой работе подобающее место, даже если это будет не так, как принято у историков. Предполагаемое знакомство с еврейской историей не должно препятствовать изложению этих великих событий и замене их менее важными и малоизвестными летописями язычников.

Процветание евреев. Их последующие невзгоды.

Иосиф оставался любимым наместником Египта до самой своей смерти, испытывая величайшее удовлетворение, видя процветание дома своего отца и их быстрое увеличение в земле Гесем, на восточной границе дельты Нила, — земле, благоприятной для разведения крупного рогатого скота. Столицей этого округа был Он, впоследствии Гелиополис, священный город Солнца, место, с которым Иосиф был особенно связан своей женитьбой на дочери первосвященника Он. Отделенные от египтян своим положением пастухов, дети Иакова сохранили свое патриархальное строение. За 215 лет их стало чрезвычайно много, но после смены династии, которая посадила Рамсеса на трон, они были обречены на изнурительные работы. Иосиф умер в возрасте 110 лет — через восемьдесят лет после того, как стал правителем Египта. В последние годы его жизни произошла смена египетской династии. Угнетение его народа длилось восемьдесят лет; и завершилось это жестоким эдиктом, обрекшим на смерть младенцев Израиля; изданным, вероятно, в страхе и зависти из-за быстрого увеличения численности израильтян. Казалось бы, великие преступления нашего мира спровоцированы этими страстями, а не ненавистью и злобой, как, например, Варфоломеевская резня и зверства Французской революции.

Моисей.

Но Бог воздвиг избавителя в лице Моисея, величайшего человека в истории человечества, если учесть его удивительные интеллектуальные способности, его великую законодательную работу, его героические качества, его моральное превосходство и его исполнительные таланты. Его гений наложил более сильный отпечаток на цивилизацию, чем на любого другого человека, — не только на евреев, но даже на христианские народы. Он родился в 1571 году до н.э., через шестьдесят четыре года после смерти Джозефа. Скрытый при рождении, чтобы избежать кровавого указа фараона, он был усыновлен дочерью царя и обучен священниками всем знаниям египтян. Он также был великим воином и одержал великие победы над эфиопами. Но, видя страдания своих братьев, он предпочел разделить их участь, чем пользоваться всеми преимуществами своего высокого положения во дворце короля — акт самоотречения, не имеющий аналогов в истории. Увидев, как египтянин поражает еврея, он убил его в порыве негодования и был вынужден бежать. Он бежал к Иофору, арабскому вождю мадианитян. Сейчас ему было сорок лет, он находился в расцвете сил. Следующие сорок лет были посвящены созерцательной жизни, лучшей подготовке к своим будущим обязанностям. В самых потаенных местах Синайской пустыни, на Хориве, он общался с Богом, который явился в горящем кусте и открыл ему великолепную миссию, которую ему было суждено выполнить. Он был призван освободить своих братьев из рабства; но сорок лет спокойного созерцания, пока

он пас стада Иофора, на дочери которого он женился, сделали его робким и скромным. Бог обновил завет, заключенный с Авраамом и Иаковом, и Моисей вернулся в Египет, чтобы выполнить свою миссию. Он присоединился к Аарону, своему брату, и они вдвоем пошли и собрали всех старейшин сынов Израилевых и, заручившись их доверием посредством знамений и чудес, раскрыли свою миссию.

Рабство израильтян.

Затем они отправились к фараону, новому царю, и попросили у него разрешения позволить народу Израиля отправиться в пустыню и устроить праздник, повинувшись повелению Бога. Но фараон сказал: кто такой Господь, чтобы я слушался гласа Его. Я не знаю Господа, *вашего Бога*. Результатом стал гнев царя и возросшее бремя израильтян, которые, как правило, были безразличны к голосу Моисея из-за чрезмерности своих страданий.

Десять казней. Освобождение израильтян.

Затем последовали десять казней, поразивших египтян, и упрямство монарха, решившего скорее претерпеть любое зло, чем позволить израильтянам выйти на свободу. Но последнее бедствие было сильнее, чем мог вынести царь, — уничтожение всех первенцев в его стране, — и он поспешно призвал ночью Моисея и Аарона, движимый сильным страхом, и приказал им удалиться со всеми их войсками и всем их имуществом. Египтяне поддержали этот приказ, стремясь избавиться от дальнейших бедствий, и израильтяне, после того как разорили египтян, ушли ночью — "ночью, которую следует тщательно соблюдать" для всех поколений, - маршируя вдоль древнего канала от Рамсеса, недалеко от Гелиополиса, к южной границе Палестины. Но Моисей, получивший указание не вести свой народ сразу на конфликт с воинственными жителями Ханаана, к которому они были не готовы, только что вышедшими из рабства, заставил их повернуть на юг и восток, к рукаву или заливу Красного моря. В глазах египтян, которые раскаялись в том, что позволили им уйти, и которые теперь преследовали их с огромной армией, они были пойманы в ловушку. Их чудесное избавление, одно из величайших событий в их истории, и разгром египетского воинства, и их трехмесячный поход и контрмарш в пустыне не нуждаются в подробном описании.

Исход.

Исход произошел через 430 лет после призыва Авраама, после 215-летнего пребывания в Египте, большая часть которого прошла в ужасном рабстве и нищете. Там было 600 000 мужчин, не считая женщин, детей и незнакомцев.

Еврейская юриспруденция.

Именно во время их многочисленных скитаний по Синайской пустыне — сорока лет дисциплины — Моисей дал евреям правила, которые они должны были соблюдать на протяжении всех своих поколений, пока не наступит новое устройство. Они образуют ту великую систему оригинальной юриспруденции, которая в большей или меньшей степени вошла в кодексы всех наций и в которой особенно проявляется гений законодателя; хотя не следует забывать, что он создавал свои законы по божественному указанию.

Давайте кратко рассмотрим природу и характер этих законов. Они были умело изложены епископом Уорбертоном, профессором. Вина и др.

Принципы еврейского кодекса.

Великий фундаментальный принцип еврейского кодекса состоял в том, чтобы установить доктрину единства Бога. Идолопоклонство проникло в религиозную систему всех других народов мира, и повсюду был распространен униженный политеизм. Израильяне, вероятно, не избежали распространения дурного примера и внушений злых сил. Самой необходимой истиной для внушения нации был Бог Авраама, Исаака и Иакова. Иегова был сделан верховным главой еврейского государства, которого евреи должны были, в первую и последнюю очередь, признать и законам которого они должны были подчиняться. И это право давать законы евреям было выведено не только потому, что он был верховным творцом и хранителем, но и потому, что он также явно и особенно отчетливо заложил фундамент государства посредством знамений и чудес. Он говорил с патриархами, он привел их в землю Египетскую, он освободил их, когда они были угнетены. Следовательно, у них не должно было быть других богов, кроме этого Бога Авраама — этого высшего, личного, благожелательного Бога. Нарушение этого основного закона должно было сопровождаться самыми суровыми наказаниями. Поэтому Моисей установил поклонение Верховному Божеству. Это действительно было ритуальным и сочеталось с жертвоприношениями и церемониями; но идея — духовная идея Бога как высшего объекта всякого послушания и веры — была запечатлена прежде всего в умах израильтян и выгравирована на каменных скрижалях: “Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим”.

Утвердив идею Бога и поклонение Ему, Моисей затем установил различные обряды богослужения и изложил принципы гражданского правления под диктовку этого Верховного Божества, под верховным руководством которого они должны были управляться.

Десять заповедей.

Но до того, как были даны подробности законов, которые должны были направлять израильтян в их гражданском устройстве или регулировать поклонение Иегове, Моисей, по-видимому, впервые произнес слово Божье среди громов и молний на Синае перед собравшимся народом и передал десять основных заповедей, которые должны были связать их и все последующие поколения. Были ли это те, которые впоследствии были написаны на двух каменных скрижалях, или нет, мы не знаем. Мы знаем только, что эти великие обязательства были объявлены вскоре после того, как израильтяне расположились лагерем вокруг Синая, и всему народу в устной форме.

И вместе с этим Бог более конкретно повелел Моисею провозгласить также законы, относящиеся к слугам, а также к непредумышленному убийству, причинению вреда женщинам, воровству, нанесению ущерба, обращению с незнакомцами, ростовщичеству, клевете, соблюдению субботы, почитанию должностных лиц и множеству других вещей, которые, по-видимому, включены в десять заповедей.

Моисей на горе Синай.

После этого, если мы правильно истолковываем книгу Исход, Моисей взойшел на гору Синай и пробыл там сорок дней и сорок ночей, получая заповеди Божьи. Затем последовали указания относительно ковчега, и скинии, и престола милосердия, и херувимов. И затем были рукоположены священство Аарона и его облачения, и одежды для сыновей Аарона, и

церемонии, которые относились к посвящению в священники, и жертвенник для курения, и медный умывальник.

Каменные скрижали.

После новых наставлений соблюдать субботу Моисей получил от Господа две каменные скрижали, “написанные перстом Божиим”. Но когда он спустился с горы с этими скрижалями через сорок дней и приблизился к лагерю, он увидел золотого тельца, которого Аарон сделал из египетских сережек и украшений, — сделал, чтобы понравиться ропщущему народу, так скоро они забыли истинного Бога, который вывел их из Египта. И Моисей в гневе опрокинул скрижали и сломал их, и погубил тельца, и вызвал заклятие трех тысяч человек из народа руками сынов Левиных.

Идолопоклонство евреев.

Но Бог простил беззаконие, обновил скрижали и заключил новый завет с Моисеем, предписав ему полное истребление хананеев и полное искоренение идолопоклонства. Он снова собрал народ Израиля и возобновил предписание соблюдать субботу, а затем подготовился к строительству скинии, как повелел Господь, а также к изготовлению священных сосудов и священных одежд и различных ритуальных форм богослужения. Затем Он установил обряды жертвоприношения, посвятил Аарона и его сыновей в священники, установил закон для них в их священных функциях и установил другие различные законы для нации в их социальных и политических отношениях.

Закон Моисея.

Суть этих гражданских законов заключалась в политическом равенстве людей; распределении общественных владений между свободными гражданами, которые должны были оставаться неотчуждаемыми и бессрочными в семьях, которым они были переданы, что делало невозможными абсолютную бедность или чрезмерное обогащение; установлении юбилейного года раз в пятьдесят лет, когда должно быть освобождение от всякого рабства, от всех долгов и от всего социального неравенства, возникшего за полвека; избрании магистратуры народом и ее ответственности перед народом; быстром и беспристрастном отправлении правосудия; отсутствии постоянной армии и запрете на ношение оружия. кавалерии, что указывает на мирную политику и сохранение политического равенства; создание сельского хозяйства как основы национального процветания; всеобщую промышленность, нерушимость частной собственности и святость семейных отношений. Это были фундаментальные принципы. Моисей также обновил ноахмические идеи о святости человеческой жизни. Далее он установил правила для воспитания народа, согласно которым “сыновья могут быть подобны растениям, выросшим в юности, а дочери - краеугольным камням, отполированным по подобию дворца”. Таковы были основополагающие идеи еврейского государства, которые в большей или меньшей степени проникли во все христианские цивилизации. Я не могу вдаваться в мельчайшие подробности этих первичных законов. Каждое из племен образовало отдельное государство и имело местное отправление правосудия, но все одинаково признавали теократию высшим и органическим законом. На колена Левия были возложены обязанности священства и общий надзор за образованием и законами. Таким образом, членами этого привилегированного племени были священники, юристы, учителя и популярные ораторы — литературная аристократия, посвятившая себя развитию наук. Должность главного судьи

объединенных племен не была предписана, но Моисей оставался высшим судьей до своей смерти, когда командование было передано Иисусу Навину. И Моисей, и Иисус Навин созывали генеральные штаты, председательствовали на их заседаниях, командовали армией и решали все апелляции по гражданским вопросам. Должность главного магистрата была выборной и занималась пожизненно, к ней не прилагалось никакого жалованья, ей не присваивались доходы, за нее не взималась дань. У верховного правителя не было внешних знаков власти; он не носил диадемы; он не был окружен двором. Его власть как главнокомандующего армиями и председателя собраний была велика, но он не издавал законов и не взимал налоги. Ему помогал орган из семидесяти старейшин - совет или сенат, решения которого, однако, представлялись конгрегации, или общему собранию граждан, для утверждения. Эти сенаторы были избраны; должность не передавалась по наследству; к ней не прилагалось и жалованья.

Еврейская теократия.

Великая конгрегация — или собрание народа, в котором заключалась верховная власть, насколько любая человеческая власть могла быть высшей при теократии, — вероятно, была делегированным органом, избранным людьми из их племен. Они были представителями народа, действующими ради общего блага, не получая указаний от своих избирателей. Старейшины или Моисей не могли обратиться к двум миллионам человек. Они обращались к избранному собранию. Именно это собрание принимало или ратифицировало законы, и палач приводил их в исполнение.

Оракул.

Оракул Иеговы составлял неотъемлемую часть конституции, поскольку именно Бог правил нацией. Оракул в виде облачного столпа руководил странствиями людей по пустыне. Он появился во время раскатов грома на Синае. Этот оракул решал все последние вопросы и трудные моменты правосудия. Это не могло быть допрошено частными лицами, только самим первосвященником, облаченным в папское облачение и со священными знаками отличия его должности, "уримом и туммимом". В самых священных уголках скинии, в Святая Святых, Божество сообщило свою волю самому священному персонажу нации, чтобы никакое опрометчивое решение народа, или сената, или судьи не могло быть приведено в исполнение. И этот ответ, данный внятным голосом, был окончательным и всевышним, а не похожим на греческих оракулов, продажных и лживых. Это предсказание еврейского Бога "было мудрым решением для сохранения постоянного понимания основного замысла их конституции — удерживать евреев от идолопоклонства и поклонения единственному истинному Богу как их непосредственному защитнику; и что их безопасность и процветание основываются на соблюдении его советов и повелений".

Священство.

Назначение и институт первосвященника принадлежали не совету священников, хотя он был из колена Левия, а Сенату, и получали подтверждение народа через своих заместителей. "Но священники принадлежали к колену Левия, которое было выделено Богу — королю содружества". "Таким образом, они были не просто жреческим органом, назначенным для служения алтарю, но и светской магистратурой, выполняющей важные гражданские и политические функции, особенно для обучения людей законам". Верховный жрец, как глава иерархии и верховный толкователь законов, имел свое местопребывание в столице нации, в то

время как священники его племени были рассеяны среди других племен и передавались по наследству. Еврейские священники просто толковали законы; египетские жрецы создавали их. Их власть была в основном судебной. У них не было средств узурпации ни собственности, ни военного командования. Они были просто толкователями законов, которые они не устанавливали, которые они не могли изменить и которым они сами были обязаны подчиняться. Доход левита был примерно в пять раз больше, чем у обычного человека, и он, конечно, был получен из десятины. Но большая часть земли не платила десятины. Налоги, выплачиваемые руководящему классу, каким были левиты, нельзя назвать разорительными по сравнению с тем, что получало египетское жречество, особенно если вспомнить, что все расходы, связанные с жертвоприношениями и богослужением, были взяты из десятины. Сокровища, поступавшие в жреческую сокровищницу, принадлежали Господу, и священники были их попечителями, а не владельцами.

Еврейская конституция.

Такова, в общих чертах, кратко представленная, была еврейская конституция, созданная Моисеем по указанию Бога. Она была в высшей степени республиканской по духу, и власть народа через его представителей была огромной и контролирующей. Права собственности охранялись самым священным образом, а преступления строго карались. Каждый гражданин имел право занимать высшие должности. То, что народ был источником всей власти, доказывается их добровольной сменой правительства вопреки совету Самуила, оракулу и совету старейшин. Мы тщетно ищем мудрости в древних конституциях Греции и Рима, которые мы видим в кодексе Моисея. Ни при одном древнем правлении люди не были столь свободны, а законы - столь справедливы. Нелегко сказать, насколько пуритане опирались на еврейскую конституцию при создании своей новой империи, но во многих аспектах существует поразительное сходство между республиканской организацией Новой Англии и еврейским содружеством.

Кодекс Моисея был составлен в первый год после исхода, когда израильтяне стояли лагерем близ Синая. Когда Скиния была воздвигнута, лагерь был распущен, и странствия по пустыне возобновились. Это продолжалось в течение сорока лет — не в качестве наказания, а как дисциплина, позволяющая евреям усвоить принципы своего устройства и набраться сил и организованности, чтобы более успешно бороться с людьми, которых им было приказано изгнать из Ханаана. В этой дикой местности у них было мало врагов и несколько друзей, и это были кочующие арабские племена.

Странствия израильтян.

Мы не можем указать на все подробности странствий под руководством Моисея, направляемого огненным столпом и облаком. Через сорок лет они достигли широкой долины, которая тянется от восточного залива Красного моря, вдоль подножия горы Сеир, к долине Мертвого моря. Враждебно настроенные эдомитяне отвлекли их от прямого входа в Ханаан и направили в холмистую местность к востоку от Иордана, населенную амореями. В конфликте с этим народом они овладели всей его территорией, от горы Хермон до реки Антон, впадающей в Мертвое море. Холмы к югу от этой реки были населены скотоводческими моавитянами — потомками Лота, а за ними, в Великой пустыне, жили аммонитяне, тоже потомки Лота. Этот народ заключил союз с

мадианитянами, надеясь изгнать захватчиков, которые тогда стояли лагерем на равнинах Моава. Здесь Моисей дал свои прощальные наставления, назначил своего преемника и скончался на горе Фасга, с которой он мог видеть землю обетованную, но которую ему не было позволено завоевать. Эта задача была возложена на Иисуса Навина, но полное завоевание хананеев произошло только во времена правления Давида.

ГЛАВА VI.

ОТ ЗАВОЕВАНИЯ ХАНААНА ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ЦАРСТВА ДАВИДА.

Единственными выжившими из поколения, бежавшего из Египта, были Халев и Иисус Навин. Все остальные оскорбили Бога ропотом, бунтом, идолопоклонством и прочими оскорблениями, из-за которых они не были признаны достойными войти в землю обетованную. Даже Моисей и Аарон согрешили против Господа.

Отказ евреев от общения с другими народами. Смерть Моисея.

Итак, после сорока лет скитаний, когда сыны Израилевы расположились лагерем на равнинах Моава, Моисей, наконец, обратился к ним, запретив всякое общение евреев с другими народами, предписав повиновение Богу, потребовав полного искоренения идолопоклонства и в целом повторив законы, которые он ранее дал им и которые составляют суть еврейского кодекса, все из которых он также обязался записать, а затем поднялся на вершину Фасги, напротив Иерихона, откуда он обозревал всю землю Иудею и ее окрестности. Нафтали, и Манассия, и Галаад до Дана — большая часть земли, обещанной Аврааму. Затем он умер в возрасте 120 лет в 1451 году до н.э., и никто не знал места его захоронения.

Джошуа.

Затем Господь ободрил Иисуса Навина, своего преемника, и началось завоевание страны — переходом через Иордан и падением Иерихона. Манна, которой израильтяне чудесным образом питались в течение сорока лет, теперь больше не было, и запасы продовольствия были получены из страны врага. Никто из жителей Иерихона не был пощажен, кроме блудницы Раав и домочадцев ее отца, в награду за то, что она выдала шпиона, которого Иисус Навин послал в город. В городе Гай три тысячи человек, посланных взять его, были отброшены в наказание за грех Ахана, который взял из добычи Иерихона вавилонскую одежду, триста сиклей серебра и клин золота. После того, как он искупил это преступление, город Гай был взят, а все его жители преданы смерти. Награбленное в городе было оставлено для нации.

Его победы.

Падение этих двух городов встревожило хамитские народы Палестины к западу от Иордана, и пять царей амореев вступили в конфедерацию, чтобы противостоять захватчикам. Гаваонитяне заключили сепаратный мир с израильтянами. В результате их жизни были спасены, но они навсегда стали рабами. Так исполнилось пророчество о том, что Ханаан должен служить Симу.

Тем временем цари конфедерации— более разгневанные гаваонитянами, чем израильтянами, поскольку они были предателями общего дела, выступили против Гаваона, одного из сильнейших городов страны. Он призвал на помощь Иисуса Навина, который пришел из Галгала, и произошла великая битва, приведшая к полному поражению пяти ханаанских царей. Города Македа, Ливна, Гизу, Эглон, Хеврон последовательно перешли в руки Иисуса Навина в результате их победы.

Объединение хананеев против Иисуса Навина.

В следующем году союз северных царей с огромным войском, вооруженным лошадьми и колесницами, выступил против израильтян; но силы хананеев потерпели поражение у "Вод Мерома", небольшого озера, бывшего Верховьями Иордана. За этой победой последовало падение Асора и завоевание всей земли от горы Халак до долины Ливана. Тридцать один царь был поражен "в горах, на равнинах, в пустыне, в южной стране: хеттеями, аморреями, хананеями, перизеями, евеями и иевусеями". Остались только филистимляне, сила которых была огромной. Завоеванная страна была разделена между разными племенами, половина из которых поселилась к западу от Иордана. Теперь скиния была перенесена в Силом, в центральную горную местность между Иорданом и Средиземным морем, которая была отведена колену Ефрема. Иаков пророчески провозгласил окончательные поселения двенадцати колен в различных частях завоеванной страны. Первенство было отдано Иудее, территория которой была самой значительной, включая Иерусалим, будущую столицу, находившуюся тогда в руках иевусеев. Холмистая местность сначала попала в руки захватчиков, в то время как старые жители упорно удерживали низменности, где их кавалерия и боевые колесницы были наиболее полезны.

Завоевание Ханаана.

Затем израильтяне путем завоевания вступили на плодородную землю, хорошо орошаемую, на которой уже существовала материальная цивилизация, с фруктовыми садами и виноградниками и возделанной природой, с сильными городами и укреплениями.

Смерть Джошуа.

Иисус Навин, великий вождь нации, умер примерно в 1426 году до н.э., и Сихем, старая обитель Авраама и Иакова, оставался главным городом до падения Иерусалима. Здесь были захоронены кости Иосифа вместе с костями его предков.

Судьи.

Со дня смерти Иисуса Навина нацией управляли Судьи в течение примерно 330 лет — периода турбулентности и завоеваний. Теократия была в полной силе, управлялась первосвященниками и советом старейшин. Народ, однако, не был полностью излечен от греха идолопоклонства и оказывал религиозное почитание богам Финикии и Моава. Племена пользовались фактической

независимостью, а центральная власть была слаба. Как следствие, часто возникали разногласия, зависть и посягательства.

Их войны.

Самыми могущественными внешними врагами того периода были цари Месопотамии, Моава и Асора, мадианитяне, амаликитяне, аммонитяне и филистимляне. Великими героями израильтян в их сражениях с этими людьми были Отни, Эхуд, Барак, Гедеон, Иептна и Самсон. После побед Гедеона над мадианитянами и Иеффны над аммонитянами северные и восточные племена наслаждались сравнительным покоем, и когда спокойствие было восстановлено, Илий, по-видимому, с необычайным достоинством исполнял обязанности первосвященника, но его сыновья были позором и скандалом, чье распутство привело к временному подчинению израильтян филистимлянам на сорок лет, которые завладели священным ковчегом.

Самуэль.

Освободитель страны был воздвигнут в лице пророка Самуила, который добился господства над нацией своей чистотой и нравственной мудростью. Он основал “Школу пророков” в Камахе, и к нему люди приходили за советом. Похоже, он исполнял обязанности судьи. Под его руководством израильтяне вернули свой священный ковчег, который филистимляне, жестоко замученные Богом, отправили обратно в порыве суеверного страха. Более того, эти люди были настолько полностью свергнуты израильтянами, что они больше не беспокоили их в течение многих лет.

Израильтяне требуют Царя.

Состарившись, Самуил назначил своих сыновей судьями, но их правление было продажным и развращенным. Тогда народ Израиля с отвращением возжелал царя. Самуил предупредил их о последствиях такого шага и предсказал угнетение, которому они неизбежно подвергнутся; но они были полны решимости иметь царя, как и другие народы, — человека, который должен был повести их к завоеваниям и владычеству. Затем Самуил, по божественному повелению, удовлетворил их просьбу и избрал Саула из колена Вениаминова в качестве подходящего военачальника, чтобы повести народ против филистимлян — самого могущественного врага, который когда-либо поражал Израиль.

Помазание Савла.

После того, как он помазал будущего царя, он собрал весь народ вместе через своих наместников в Массифе, которые подтвердили божественное назначение. Саул, который, казалось, неохотно принимал высокое звание, был светловолос, высок ростом и благороден внешне, патриотичен, воинствен, великодушен, любвеобилен — тип древнего героя, но нерешителен, ревнив, капризен и страстен. Он был человеком, способным совершать завоевания, но не возвышать достоинство нации. Самуил удалился в частную жизнь, и Саул воцарился над всем народом.

Его войны с филистимлянами.

Его первой заботой было отобрать отборный отряд опытных воинов, и в этом была необходимость, поскольку филистимляне собрали большую армию, состоявшую из 30 000 колесниц и 6000 всадников, и расположились лагерем в Михмаше. Израильтяне, ввиду этой

подавляющей силы, спрятались от страха в пещерах и среди скал горных твердынь. В их бедственном положении было сочтено необходимым принести всесожжения; но Саул, импульсивный и самонадеянный, не стал ждать, пока обряды будут совершены в соответствии с божественным указанием, а сам принес жертвы. Этим поступком он нарушил основные законы, данные Моисеем, нарушил, так сказать, конституцию; и в наказание за этот глупый и опрометчивый поступок Самуил объявил о своем будущем низложении; но Бог, тем не менее, привел в замешательство армии филистимлян, и они были разбиты и рассеяны. Затем Саул обратился против амаликитян и захватил их царя, которого он пощадил в порыве великодушия, хотя и полностью уничтожил его народ. Самуил упрекнул его за эту снисходительность к божественному повелению, Саул попытался оправдать себя принесением в жертву всего имущества врагов и волов, на что Самуил сказал: “Имеет ли Господь такое же великое удовольствие от всесожжений и приношений, как и от повиновения голосу Господню? Узрите! повиноваться лучше, чем жертвоприношение, и внимать лучше, чем бараний жир; ибо мятеж подобен греху колдовства, а упрямство - беззаконию и идолопоклонству”. Самые запоминающиеся слова! таким образом, добродетель и послушание превыше всех обрядов и церемоний — окончательный ответ всему ритуализму и фарисейству.

Несчастье Саула.

Остаток жизни Саула был омрачен сознанием того, что царство отойдет от его дома; и его ревностью к Давиду, и его недостойным мужчины преследованием его, в котором он видел своего преемника. Он был убит вместе с тремя своими сыновьями в битве при Гильбоа, когда филистимляне одержали великую победу — 1056 год до н.э..

Дэвид.

Тем временем Самуил тайно помазал Давида на царство Израилю. Ничто не могло превзойти его горя, когда он услышал о смерти Саула и Ионафана, которых он любил и которые отвечали на его любовь любовью, превосходящей женскую, и которые защитили его от гнева и вражды его отца.

Вражда Саула.

Давид из колена Иудина после своей встречи с Голиафом стал любимцем народа и был вознагражден женитьбой на дочери Саула—Мелхоле, которая восхищалась его доблестью и героизмом. Саул тоже скрывал свою ревность и осыпал почестями человека, которого он был полон решимости уничтожить. С помощью своей жены и Ионафана, особенно под защитой Бога, молодой воин избежал всех ловушек, расставленных для его уничтожения, и даже сохранил жизнь Саулу, когда тот был в его власти в пещере Энгеди. Он оставался верен своему королю, терпеливо ожидая своего будущего возвышения.

Возвышение Давида.

После смерти Саула он был помазан на царство над Иудеей в Хевроне; но другие колена все еще были верны дому Саула. Последовала гражданская война, во время которой был предательски убит Абнер, главнокомандующий покойного царя, а также Ишбосет, слабый преемник Саула. Война длилась семь с половиной лет, пока все племена не присягнули Давиду,

который затем обосновался в Иерусалиме, отвоеванном им у иевусеев, и его прославленное правление началось, когда ему было тридцать лет, в 1048 году до н.э., после нескольких лет невзгод и испытаний.

ГЛАВА VII.

ЕВРЕЙСКАЯ МОНАРХИЯ.

Царствование Давида.

Мы не можем вдаваться в подробности завоеваний Давида, величайшего воина, которого породил его народ. В ходе последовательных кампаний, длившихся более тридцати лет, он подчинил различные ханаанские народы, которые остались непокоренными, — амаликитян, моавитян, филистимлян, эдомитян и сирийцев из Тобы. Хирам, царь Тира, был его союзником. Его царство простиралось от границ Египта до Евфрата и от долины Хло-Сирия до восточного залива Красного моря. Но его правление, хотя и славное и успешное, было отмечено смутами. Он постоянно воевал; его царство поразила чума в наказание за его тщеславие в исчислении числа людей; его сын Амнон опозорил его; Авессалом, его любимый сын, восстал и был убит; сам он был на время изгнан из своей столицы.

Характер Давида.

Но Дэвид запоминается скорее своим характером, своей поэзией, романтическими превратностями судьбы и как основатель династии, чем своими завоеваниями над соседними народами. Его великолепные добродетели сочетались с недостатками; его благочестие, несмотря на его грехи, его преданность Богу и вера в его обетования придают его характеру особый интерес. В своих Псалмах он переживает все поколения людей. Он правил тридцать три года в Иерусалиме и семь лет в Хевроне и передал свой трон Соломону - своему младшему сыну, десятилетнему юноше, не по годам развитому в мудрости и культуре.

Правление Соломона. Его архитектурные произведения.

Правление Соломона наиболее примечательно великолепным храмом, который он воздвиг в Иерусалиме по проекту своего отца при содействии дружбы финикийцев. Это здание, “прекрасное по своему расположению — радость всей земли”, было чудом тех времен и, хотя и небольшое по сравнению с последующими греческими храмами, было, вероятно, более богато украшено золотом, серебром и драгоценными породами дерева, чем любое здание древних времен. У нас нет возможности узнать его архитектурный облик из-за отсутствия всех планов и руин, и много изобретательности было потрачено на догадки, которые далеки от удовлетворительного. Скорее всего, это был египетский храм, переделанный финикийскими художниками. В нем был внешний двор для молящихся и их жертвоприношений и внутренний двор для ковчега и престола Иеговы, в который входил только первосвященник и только раз в год. Он был возведен на прочной каменной платформе, имеющей сходство с храмами Пестума. Портик, перестроенный во времена Ирода, имел высоту 180 футов, а в сам храм вели девять

ворот, густо покрытых серебром и золотом. Внутреннее святилище было покрыто со всех сторон золотыми пластинами и ослепляло глаз. Оно было соединено с различными дворами и портиками, которые придавали ему внушительный вид. Его освящение Соломоном, среди облака славы, в котором Иегова завладел им, и огромного числа музыкантов и певцов, было, вероятно, самым грандиозным религиозным служением, когда-либо совершавшимся. То, что 30 000 человек были наняты Соломоном для рубки леса на горе Ливан и еще 70 000 - для обтесывания камней, указывает на очень обширное и дорогостоящее сооружение. Камни, из которых был сложен фундамент, были необычайных размеров и соперничали с величайшими произведениями египтян. Весь храм был покрыт золотом — доказательство его необычайного великолепия, и на его строительство ушло семь лет.

Дворец.

Дворец Соломона, должно быть, также отличался огромным великолепием, на строительство которого в течение тринадцати лет тратились ресурсы его царства. Кроме того, он построил дворец для своей жены, дочери фараона, сложенный из дорогих камней, фундаменты которых имели пятнадцать футов в длину и были окружены прекрасными колоннами. Но эти дворцы включали в себя не все его работы, ибо дворы храма были украшены медными колоннами с замысловатыми капителями, медными морями, стоящими на бронзовых волах, медными основаниями, украшенными фигурками различных животных, медными слоями, в одном из которых находились сорок ванн, золотые алтари, столы, канделябры, чаши, кадилабры и другие священные сосуды из чистого золота, — все это вместе было огромной стоимости и необычайной красоты.

Мудрость Соломона.

Во время выполнения этих великолепных работ, занявших тринадцать или более лет, Соломон проявил необычайную мудрость, а также признаки великого временного процветания. Его царство было самым могущественным в Западной Азии, и он наслаждался миром с другими народами. Его слава распространилась по Востоку, и царица Савская, среди прочих, приехала навестить его и засвидетельствовать его богатство и процветание. Она была поражена великолепием его жизни, великолепием его двора и блестящей речью и разразилась самыми безграничными панегириками. “Мне не сказали и половины”. Она ушла, оставив подарок в сто двадцать талантов золота, помимо пряностей и драгоценных камней; и он дал взамен все, что она попросила. Мы можем судить о богатстве Соломона по тому факту, что за один год в его сокровищницу поступило шестьсот шестьдесят шесть талантов золота, не считая пряностей, драгоценных камней, слоновой кости и редких диковинок, которые были привезены ему из Аравии и Индии. Плавание его кораблей заняло три года, и предполагается, что они обогнули мыс Доброй Надежды. Все его банкетные кубки и блюда были из чистого золота, и “богатством и мудростью он превосходил всех царей земли”, которые вносили свои пожертвования с царственной щедростью. В его армии было 1400 колесниц и 12 000 лошадей, которые, по-видимому, были куплены в Египте.

Его отступничество.

Опьяненный этим великолепием и обессиленный роскошью, Соломон забыл о своих высших обязанностях и поддавался очарованию восточных дворов. В его гареме было 700 жен, принцесс и 300 наложниц, которые обратили его сердце к идолопоклонству. В наказание за его

отступничество Бог объявил, что его царство должно быть разделено, и что его сын должен царствовать только над единственным коленом Иуды, которое было пощажено им ради его отца Давида. В последние дни его заблуждений ему мешали различные противники, восставшие против него, — Хадад, князь Эдома, и Резон, царь Дамаска, и Иеровоам, один из его главных военачальников, который впоследствии стал царем десяти восставших колен. Однако Соломон продолжал править объединенными племенами в течение сорока лет, когда он был возвращен к своим отцам.

Его последние дни.

Отступничество Соломона - самое прискорбное падение, зафиксированное в истории, показывающее тем самым, что никакая интеллектуальная сила не может спасти человека от потворства своим страстям и грехов гордыни и тщеславия. Насколько неизмеримо превосходил его в самообладании Марк Аврелий, у ног которого был весь мир! Именно женщины оттолкнули его от верности Богу — принцессы народов, исповедующих идолопоклонство. Хотя о его раскаянии ничего не упоминается, сердца мира не примут его окончательного нераскаяния; и мы заключаем из книги Экклезиаста, написанной, когда все его заблуждения были рассеяны — этого печального, горького и циничного сочинения, — что он, по крайней мере, окончательно убедился в том, что страх Господень составляет начало и конец всякой мудрости в этом испытательном периоде. И мы не можем не чувствовать, что тот, кто внушал эту мудрость молодежи с таким большим разумом и красноречием, наконец-то почувствовал ее силу в своей собственной душе.

Восстание Иеровоама.

Правительство Соломона, тем не менее, оказалось деспотичным, а его общественные работы - репрессивными. Монархом, на которого он больше всего походил в своем вкусе к великолепию, в великолепии своего правления и в досадах и унижениях последних дней своей жизни, был Людовик XIV Французский, посеявший семена будущих революций. Итак, Соломон своими тяжкими поборами подготовил почву для восстания. При его сыне Ровоаме, тщеславном, легкомысленном и упрямом молодом человеке, взошедшем на трон в 975 году до н.э. произошло восстание. Он не слушал советников своего отца и скорее увеличивал, чем облегчал бремя народа. И это восстание увенчалось успехом: десять колен присоединились к знамени Иеровоама с 800 000 бойцов. Иуда остался верен Ровоаму, и впоследствии к нему присоединилось племя Вениамина, и, судя по его географическому положению, оно оставалось почти таким же могущественным, как другие племена, насчитывая 500 000 бойцов. Но площадь территории была лишь вчетверо больше.

Разделение нации.

Еврейский народ теперь разделен. Потомки Давида царствуют в Иерусалиме; узурпатор и мятежник Иеровоам правит десятью коленами в Сихеме.

Для ясности представления мы сначала представим судьбу законных царей, которые правили коленом Иуды.

Царствование Ровоама. Его преемники.

Ровоам царствовал в Иерусалиме сорок один год, но творил зло в очах Господа. На пятом году его правления египетский царь разграбил его столицу, забрав сокровища, накопленные Соломоном. Он также воевал с Иеровоамом всю свою жизнь. Ему наследовал его сын Авиджам, чье правление было злым и несчастливым, во время которого страна была охвачена войнами, длившимися девяносто лет между Иудеей и Израилем. Но его правление было недолгим, продлившись всего три года, и ему наследовал Аса, его сын, честный и воинственный царевич, который убрал идолов, воздвигнутых его отцом. Он также заключил союз с Бен-Хададом, царем Сирии, и с помощью крупной взятки побудил его порвать с Ваасой, царем Израиля. Его правление длилось сорок лет, и ему наследовал его сын Иосафат в 954 году до н. э. до н.э. При этом правителе длительные войны между Иудеей и Израилем прекратились, вероятно, из-за брака Иорама, сына Иосафата, с дочерью Ахава, царя Израиля — неудачный союз по моральным, если не политическим соображениям. Иосафат царствовал тридцать пять лет, процветая и добродетельно, и его корабли посещали Офир за золотом, как во времена Соломона, находясь в союзе с финикийцами. Его сын Иорам наследовал ему и царствовал восемь лет, но был опозорен идолопоклонством, которое поощрял Ахав. Примерно в это же время Илия и Елисей были пророками Господа, сфера обязанностей которых лежала главным образом среди идолопоклоннического народа десяти колен. Во время правления Иорама Эдом восстал против Иудеи и преуспел в сохранении своей независимости, согласно предсказаниям, сделанным Исаву, что его потомство, послужив Израилю, наконец сбросит их иго.

Князя Иудеи в Иерусалиме.

Его сын Охозия наследовал ему в Иерусалиме в 885 году до н.э., но заключил союз с Иорамом, царем Израиля, и после короткого и нечестивого правления в один год он был убит Ииуем, великим орудием божественной мести идолопоклонникам. Из его многочисленных сыновей только младенец Иоас был пощажен Гофолией, дочерью Ахава и Иезавели, которая узурпировала власть от имени царя-младенца, пока она не была свергнута первосвященником Иодаем. Узурпация этой королевы послужила сюжетом для одной из лучших трагедий Расина. Иодай восстановил храмовое богослужение и провел множество других реформ, обладая верховной властью, подобно Дунстану над саксонскими королями, когда ими правили священники. Его смерть оставила Иудею под властью патриархальных правителей (князей Иудеи), которые выступали против всех реформ и даже убили сына Иеговы, пророка Захарию, между алтарем и храмом. Казалось бы, Иоас правил мудро и благожелательно при жизни Иодая, который оказал на него влияние — почтенного старика 130-летнего возраста, когда он умер. После своей смерти Иоас дал повод для упреков, разрешив или отдав приказ убить Захарию, который упрекал народ в их грехах, и в его страну вторглись сирийцы под предводительством Хазаала, и они отправили награбленное из Иерусалима в Дамаск. Иоас царствовал все сорок лет и был убит своими слугами.

Правление Амиази.

Ему наследовал его сын Амасия в 839 году до н. э. и правил двадцать девять лет. В целом он был хорошим и способным правителем и одержал великие победы над эдомитянами, которых пытался отвоевать. Он наказал также убийц своего отца и пощадил их сыновей, согласно милосердному предписанию законов Моисея. Но он поклонялся богам эдомитян и преисполнялся тщеславия из-за своих успехов над ними. Именно тогда он опрометчиво бросил вызов царю Израиля, который надменно ответил: “Чертополох, который был на Ливане, послал

к кедру, который был на Ливане, сказать: отдай дочь твою в жены моему сыну, и там прошел дикий зверь, который был на Ливане, и наступил на чертополох”. “Итак, ты порастил эдомитян, и сердце твое побуждает тебя хвалиться. Оставайся теперь дома; зачем тебе лезть в чужие дела, чтобы ты пал, даже ты и Иуда с тобою”. Но Амасия не послушал, и два царя столкнулись друг с другом в битве, и Иуда потерпел сокрушительное поражение, а Иоас, царь Израиля, пришел в Иерусалим и взял все золото и серебро, и все священные сосуды храма, и сокровища царского дворца, и вернулся в Самарию. После этого унижения Амасия правил, вероятно, мудро, более пятнадцати лет, пока, впад в греховное поведение, не был убит в результате заговора в 810 году до н.э., и его сын Озия, или Азария, шестнадцатилетний мальчик, был провозглашен царем народом Иудеи.

Озия. Его процветание.

Этот монарх наслаждался долгим и процветающим правлением, длившимся пятьдесят два года. Он реорганизовал армию и укрепил свою столицу. Он победил филистимлян, а также арабов на своих границах, получил дань от аммонитян и распространил свое имя на Египет. Во время его правления царство Иуды и Вениамина достигло большого процветания и могущества. Армия насчитывала 307 500 человек, хорошо экипированных и вооруженных, с военными машинами для стрельбы стрелами и камнями по башням и стенам. Он также строил замки в пустыне и рыл колодцы для своих войск, расквартированных там. Он развивал ресурсы своей страны и посвятил себя главным образом сельскому хозяйству, выращиванию виноградной лозы и разведению крупного рогатого скота. Но он не выносил процветания и в своей самонадеянности попытался даже заставить себя в священной части храма приносить жертвы, что было разрешено только священникам; за нарушение священных законов королевства он был поражен проказой — самой отвратительной из всех болезней, поражающих Восток. Будучи прокаженным, он оставался изолированным всю оставшуюся жизнь, и законы даже не разрешали ему входить на территорию храма для богослужения или управления своим царством. Именно во время его правления ассирийцы наложили контрибуцию на Самарию.

Джотэм.

Ему наследовал Джотам, его сын, в 758 году до н. э., который продолжил реформы и войны своего отца и поэтому процветал. Следует отметить, что цари Иудеи, которые были добрыми и воздерживались от идолопоклонства, наслаждались большим мирским процветанием. Иофам царствовал шестнадцать лет, получая дань от аммонитян, и ему наследовал Ахаз, который пошел путями израильских царей и восстановил идолопоклоннические и суеверные обряды. Осажденный в Иерусалиме войсками Рецина, царя Сирии, и Факея, царя Израиля, и пораженный эдомитянами и филистимлянами, он призвал на помощь Тиглатпаласара, царя Ассирии, предложив ему сокровища храма и свой царский дворец. Ассирийский монарх ответил, взял Дамаск и убил его царя. Ахаз, в своем горе, еще больше согрешил против Господа, принеся жертву богам Дамаска, куда он отправился на встречу с ассирийским царем. Он умер в 726 году до н.э., после шестнадцатилетнего правления, и Езекия, его сын, воцарился вместо него.

Езекия.

Этот князь был одним из лучших и величайших царей Иудеи. В своем рвении против идолопоклонства он зашел так далеко, что разломал на куски медного змея Моисея, который

стал объектом суеверного почитания. Он провозгласил торжественную Пасху, которая была проведена в Иерусалиме с необычайной церемонией, и во время которой было зарезано 2000 тельцов и 17 000 овец. Такого национального юбилея не было со времен правления Соломона. Он вырубил рощи, в которых жрецы-идолопоклонники совершали свои таинственные обряды, и разрушил их алтари по всей стране. Храм был очищен, и деятельность жрецов была восстановлена. По его ободрению люди с радостью приносили десятину священникам и левитам и пожертвования для храма.

Его войны.

Во всех своих реформах он пользовался умелой поддержкой Исайи, самого замечательного из всех пророков, которые процветали в последние дни еврейской монархии. Под его руководством он успешно воевал против филистимлян и стремился восстановить независимость Иудеи. На четырнадцатом году своего правления Сеннахериб вторгся в Палестину. Езекия купил свою благосклонность подарком в триста талантов серебра и тридцать талантов золота, что лишило его дворец и храм всех их сокровищ. Но независимо от того, пренебрег он дальнейшей выплатой дани или нет, он оскорбил царя Ассирии, который двинулся на Иерусалим, но был остановлен в достижении своей цели чудесным уничтожением его армии, что заставило его с позором отступить в свою собственную страну. После этого его правление было мирным и великолепным, и он накопил сокровища, больших, чем видели в Иерусалиме со времен Соломона. Он также построил города, отвел русло реки Гихар к западной стороне своей столицы и соорудил бассейны и каналы. Именно в эти годы процветания он принял послов царя Вавилона и показал им свои богатства, что привело к его осуждению Исайей и пророчеству о будущем пленении его народа.

Манассия.

Ему наследовал его сын Манассия в 698 году до н.э., который правил пятьдесят пять лет; но он не следовал политике своего отца и не подражал его добродетелям. Он восстановил идолопоклонство и “поклонялся всему воинству небесному”, и строил им жертвенники, как это сделал Ахав в Самарии. Он также был жестоким и тираническим и пролил много невинной крови; а потому за эти и другие позорные грехи Господь устами пророков провозгласил, что “он вытрет Иерусалим, как человек вытирает посуду”, и предаст народ в руки его врагов.

Амон.

Его сын Амон пошел по стопам своего отца, но после короткого двухлетнего правления был убит своими слугами в 639 году до н.э. и похоронен в усыпальнице своей семьи в саду Узза.

Иосия. Его благородное правление.

Затем последовало благородное правление Иосии — последнего независимого царя Иудеи, — чье благочестие и рвение в уничтожении идолопоклонства и великие реформы сделали его самым запоминающимся из всех преемников Давида. Он отремонтировал храм и полностью уничтожил все следы идолопоклонства с помощью первосвященника Хелкии, который, по-видимому, был его первым министром. Он справил великий праздник Пасхи с большим великолепием, чем когда-либо было известно ни во времена судей, ни во времена царей, его

предков; и ни один царь никогда не мог сравниться с ним в его верности законам Моисея. Но, несмотря на все его благочестие и рвение, Бога нельзя было отвратить от наказания Иудеи за грехи Манассии и неоднократное идолопоклонство его народа; и все, чего Иосия мог добиться, - это обещания Господа, что бедствия его страны не произойдут в его дни.

Его смерть.

На тридцать первом году своего правления Нехо, царь Египта, начал войну против царя Вавилона, который теперь основал свою империю на берегах Евфрата, на руинах старой ассирийской монархии. Иосия опрометчиво вступил в борьбу, либо с целью оказать помощь царю Вавилона, либо чтобы предотвратить поход Нехо, который пролегал через великую равнину Эсдрелон. Иосия, не обращая внимания на все предупреждения, лично выступил против египетской армии, хотя и переодетый, и был убит стрелой. Его мертвое тело было доставлено в Иерусалим и похоронено в одной из гробниц его отцов; и вся Иуда и Израиль оплакивали потерю одного из величайших и, несомненно, лучшего из своих царей.

Пророк Иеремия произнес свою хвалебную речь и возглавил плач народа по поводу этого великого бедствия в 608 году до н.э..

Его преемник.

Народ провозгласил царем одного из его сыновей, Шаллума, под именем Иоахаз, но египетский завоеватель низложил его и сделал его брата Иоакима вассалом-данником. Он бесславно правил одиннадцать лет — идолопоклонник и тиран.

Война Навуходоносора против Иудеи. Падение Иерусалима. Пленение евреев. Иеремия.

В его дни Навуходоносор, царь Вавилона, выступил против него, изгнав египтян из Палестины. Иоаким подчинился завоевателю Египта, который теперь правил всей ассирийской империей, но не избежал плена в Вавилоне вместе со многими другими первыми людьми нации, включая Даниила, и награбленного Иерусалима. Он был восстановлен на троне, пообещав выплатить большую дань. Он служил царю Вавилона три года, а затем восстал, надеясь заручиться помощью Египта. Но он опирался на сломанную трость. Халдейская армия осадила Иерусалим, и Иоаким был убит во время вылазки в 597 году до н.э.. Его сын Иоахим правил всего три месяца, когда Навуходоносор, великий полководец, лично прибыл, чтобы продолжить осаду. Город пал, царь был уведен в плен вместе с 10 000 его подданных, среди которых были Иезекииль и Мардохей, и только беднейший класс остался позади. Над этим народом Навуходоносор поставил царем-данником Седекию, младшего сына Иосии. И все же даже в этом состоянии деградации и унижения евреи, подвергшиеся воздействию лжепророков, ожидали избавления, вопреки торжественным предостережениям Иеремии, который оставался в Иерусалиме. Седекия, ободренный частичными успехами египтян, поднял восстание, после чего вавилонский царь решил полностью завоевать и полностью разорить страну. Иерусалим попал в его руки в результате штурма и был сровнен с землей, а храм был разрушен. Седекия, пытавшийся бежать, был схвачен, ему выкололи глаза, и его вместе со всем народом увезли в плен в Вавилон, а страна была доведена до полного запустения. Однако она не была повторно заселена языческими поселенцами, как это было в Самарии. Небольшой остаток, который остался под руководством Иеремии, восстановил некоторые гражданские права и поддерживал

себя обработкой земли, и в своей горькой нищете усвоил те уроки, которые подготовили их к новому процветанию после семидесятилетнего плена. Никогда впоследствии евреи не практиковали идолопоклонство. Но ни один народ никогда не был так явно унижен и повержен ниц. Можем ли мы поэтому удивляться скорбным словам Иеремии или горьким слезам, которые плененные евреи, ныне рабы, проливали у рек Вавилона, когда вспоминали бывшее процветание Сиона.

Характер иудейских царей.

Еврейская монархия закончилась пленением Седекии. Царство десяти колен уже пало от рук тех же врагов, и даже более катастрофически, потому что цари Израиля были поголовно порочны, без единого исключения, и безнадежно погрязли в идолопоклонстве; тогда как цари Иудеи были как добрыми, так и злыми, и некоторые из них славились добродетелями и талантами. Потомки Давида царствовали в Иерусалиме непрерывной династией более 500 лет, в то время как монархи Самарии были чередой узурпаторов. Королям-выродкам часто наследовали капитаны их стражи, которые, в свою очередь, уступали место другим узурпаторам, все из которых были плохими. Династия Давида не прерывалась до пленения нации. И Иудейское царство также было более могущественным и процветающим, чем царство десяти колен, несмотря на их численное превосходство.

Десять колен.

Но пришло время рассмотреть эти десять колен, которые восстали при Иеровоаме. Их история неинтересна, и, если бы не прекрасные эпизоды, связанные с пророками, которые были посланы, чтобы избавить народ от идолопоклонства, она не имела бы иного значения, кроме того, которое почерпнуто из жизни нечестивых и идолопоклоннических царей.

Иеровоам. Его нечестивое правление.

Иеровоам начал свое правление в 975 году до н.э., установив для поклонения двух золотых тельцов в Вефиле и Дане, и таким образом положил начало идолопоклонству, для которого его династия была недолгой. Его сын Надах был убит во время военного переворота в 953 году до н.э., а узурпатор его трона Бааша разрушил весь его дом. Он тоже был нечестивым принцем, и его сын Ила был убит Зимрием, начальником его стражи, который теперь правил Израилем после истребления всей семьи Илы, но, в свою очередь, был убит после семилетнего правления, в 929 году до н.э. до н.э. Омри, начальник стражи, теперь был возведен голосом народа на трон; но у него был соперник в Тибни, которого ему удалось победить. Омри правил двенадцать лет и купил холм Самарии, на котором построил столицу своего царства. Но он превзошел всех своих предшественников в беззаконии, и ему наследовал его сын Ахав, который царствовал двадцать два года. Он был самым печально известным из всех царей Израиля как за жестокость, так и за идолопоклонство, а его царица Иезавель также была уникальной в преступлении — Мессалина и Фредигунда своего времени. Именно благодаря ее влиянию поклонение Ваалу стало общепринятой религией, показывая таким образом, что общее влияние женщины на мужчину является злом, когда она не христианка. И это, возможно, причина того, что древние считали женщин хуже мужчин.

Илия. Ахав.

Именно во время правления этого нечестивого царя Бог воскресил величайшего из древних пророков — Илию и послал его к Ахаву с суровым известием, что дождя не будет, пока сам пророк не призовет его. После трех лет жестокого голода, во время которого Ахав пытался уничтожить человека, пророчествовавшего столько зла, но чудесным образом накормленного во время полета воронами, Ахав позволил Илиии исполнить его волю.

Уничтожение жрецов Ваала.

После этого он повелел царю собрать весь народ Израиля через их представителей на горе Кармил вместе с четырьмя сотнями пятьюдесятью священниками Ваала и четырьмя сотнями лжепророков из рощи, которых поддерживала Иезавель. Затем Он призвал людей, которые, по-видимому, колебались в своих мнениях относительно Иеговы и Ваала, выбрать, наконец, из этих двух божеств того Бога, которому они *будут* поклоняться. Поставив в замешательство жрецов Ваала в испытании жертвоприношений и высмеяв их с жесточайшей иронией, тем самым показав народу, как их обманули, Илиия подстрекал их к истреблению этих лжепророков и чужеземных священников, а затем воздвиг алтарь истинному Богу. Но не весь народ впал в идолопоклонство; все еще оставалось семь тысяч тех, кто не поклонился Ваалу.

Гнев Иезавели.

Почти сразу же пошел дождь, и Ахав ушел и рассказал Иезавели о том, что произошло. После этого она пришла в ярость и стала добиваться жизни пророка. Он снова сбежал и по божественному повелению отправился в пустыню Дамаска и помазал Азаила царем Сирии, Ииуя - царем Израиля, а Елисея - его преемником в качестве пророка.

Война с Дамаском. Проклятие Ахаву.

Вскоре после этого Бенхадад, царь Сирии, выступил из Дамаска с огромной армией и тридцатью двумя союзными царями, чтобы осадить Самарию. Потерпев поражение в битве с Ахавом, царь Сирии бежал, но вернулся на следующий год с еще большей армией для завоевания Самарии. Но он снова потерпел поражение, потеряв сто тысяч человек за один день, и попытался заключить мир с царем Израиля. Ахав заключил с ним договор, вместо того чтобы лишить его жизни, за что пророк Господень предсказал зло ему и его народу. Но гнев Божий еще больше усилился из-за убийства Навуфея, из-за козней Иезавели и несправедливого владения виноградником, которого так жаждал Ахав. Илиия, после этого надругательства над всеми основными законами евреев, встретился с царем в последний раз и объявил ужасное наказание — его собственная царская кровь должна быть вылизана собаками на том самом месте, где был убит Навуфей, и что его потомство должно быть лишено права царствовать над Израилем; также, что его злая царица должна быть съедена собаками.

Охозия.

Через три года после этого, пытаясь вернуть Рамоф в Галааде из Бенадада, он лишился жизни и был доставлен на своей колеснице в Самарию для погребения. И пришли собаки и слизали кровь с колесницы, где она была омыта. Ему наследовал Охозия, его сын, в 913 году до н.э., который возобновил поклонение Ваалу и умер после короткого и бесславного правления в 896 году до н.э., не оставив сына, и ему наследовал Иорам, его брат. Относительно этого царя описания в Священном Писании неясны, и иногда его путают с Иорамом, сыном Иосафата, царя Иудейского, который женился на дочери Ахава. Это объясняет союз между Иосафатом и

Ахавом, а также между двумя Иорамами, поскольку они были шуринами, который положил конец долгим семидесятилетним войнам, опустошившим как Израиль, так и Иудею.

Иорам творил зло в очах Господа, но не был опозорен идолопоклонством. Во время его правления моавитяне, которые платили дань в размере ста тысяч овец и ста тысяч ягнят, восстали. Иорам, которому помогали цари Иудеи и Едома, выступил против них и разбил их, и разрушил их города, и засыпал их колодцы, и срубил все их хорошие деревья, и засыпал их хорошую землю камнями.

Голод в Самарии.

Между тем случилось так, что в Самарии был сильный голод, так что ослиная голова продавалась за восемьдесят сребреников. Бенхадад, в это время национального бедствия, пришел с могучим войском и осадил город; но ночью в его лагере был слышен громкий стук колесниц и лошадей, и началась паника, и сирийцы бежали, бросив все позади себя. Награбленное в их лагере снабжало голодающих самаритян едой.

Войны с сирийцами.

После этого Иорам вступил в войну с сирийцами, которыми теперь правил Азаил, один из военачальников Бенхадада, убивший своего господина. В этой войне Иорам, или Иорамия, был ранен и отправился исцеляться от своих ран в Изреель, где его навещил его родственник Охозия, унаследовавший престол Иудеи. Пока он лежал больной в этом месте, Ииуй, один из его военачальников, составил против него заговор и натянул на него лук, и стрела пронзила его так, что он умер, и тело его было брошено в винограднике Навуфея. Так был снова отмщен грех против Навуфея. Ииуй выполнил порученное ему дело мести и убил также Охозию, царя Иудейского, а затем приказал выбросить из окна Иезавель, царицу-мать, и собаки растерзали ее тело. Затем Он убил семьдесят сыновей Ахава, и всех его вельмож, и его родственников, и его священников, так что из дома Ахава никого не осталось, как предсказал Илия. Его рвение на этом не остановилось, но он хитростью собрал всех жрецов Ваала, поразил их и разбил их изображения.

Иегу.

Но Ииуй, ныне царь Израиля, хотя и уничтожил жрецов Ваала, впал в идолопоклонство перед Иорамом, и поэтому подвергся новому нашествию сирийцев, которые опустошили его страну и истребили его народ. Он умер после двадцативосьмилетнего правления в 856 году до н.э., и ему наследовал его сын Иоахаз.

Его преемники.

Этот царь также творил зло в очах Господа, так что он был подчинен Азаилу, царю Сирийскому, на все дни его жизни, который сокрушал и угнетал Израиль, как предсказал пророк. Он правил семнадцать лет, в печали и унижении, и ему наследовал его сын Иохаш, который последовал порочному пути своих предшественников. Его правление длилось шестнадцать лет, в течение которых умер Елисей. В Священном Писании нет ничего более впечатляющего, чем суровые послания, которые этот пророк, а также Илия посылали царям Израиля, и смелые упреки, которыми он упрекал их. Нет ничего прекраснее тех эпизодов, которые относятся к исцелению Неемана, сирийца, и возвращению к жизни сына Сунамитянки в награду за ее гостеприимство,

а также к беседе с Азаилом перед тем, как он стал царем. Все его предсказания сбылись. Похоже, он жил уединенной и аскетичной жизнью, хотя и имел большое влияние на народ и царя, как и другие пророки Господа.

Их короткое правление.

Иеровоам II. наследовал Иоашу в 825 году до н.э., успешно правил и получил всю территорию, завоеванную сирийцами, но он не отказался от идолопоклонства золотым тельцам. Его сын и преемник Захария последовал его порочному пути и был убит Шаллумом после краткого правления шести ртов, и династии Ииуя пришел конец в 772 году до н.э.. Ииуй.

Падение Самарии.

Шаллум был убит месяц спустя Менахемом, который бесславно правил десять лет. Именно во время его правления Пул, царь Ассирии, вторгся на его территорию, но был вынужден отступить за сумму в тысячу талантов серебра, которую он взыскал со своих подданных. Ему наследовал Пекайя, плохой принц, который был убит по прошествии двух лет Пекой, одним из его военачальников, захватившим его трон. Во время его правления, длившегося двадцать лет, Тиглатпиласер, царь Ассирии, по приглашению Ахаза пошел войной против него, взял его главные города и увел их жителей в плен в Ниневию. Он был убит Осией, который воцарился вместо него. Он также был плохим принцем и стал подданным Салманезера, царя Ассирии, который выступил против него. На девятом году своего правления ассирийский царь, оказавший предательство Салманезеру, осадил Самарию и увез его пленником в свою собственную столицу. Так закончилось царство десяти колен, которые теперь были уведены в плен за Евфрат и поселились в восточных провинциях Ассирии и, вероятно, безнадежно впали в идолопоклонство, так и не вернувшись к своей родной земле. По всей вероятности, большинство из них было поглощено народами, составлявшими Ассирийскую империю, в 721 году до н. э.,,.

Цари Израиля.

Таким образом, девятнадцать государей царствовали над сынами Израилевыми в Самарии в течение двухсот пятидесяти четырех лет; ни один из них не был послушен законам Божиим, и большинство из них погибли в результате убийства или в битве. В истории нет записей о более бесславных королях. Среди них не было ни великого, ни хорошего человека. Они были, за одним или двумя исключениями, опозорены идолопоклонством Иеровоама, по стопам которого они пошли. Их царство никогда не достигало сколько-нибудь значительной высоты политического могущества. История восставших и идолопоклоннических племен мрачна и позорна, и облегчается она только суровыми жизнями Илии и Елисея, единственных выдающихся людей, которые остались верны Богу своих отцов и которые стремились отвратить людей от их грехов. “После чего Господь сильно разгневался на Израиля и удалил их с глаз Своих”.

ГЛАВА VIII.

СТАРЫЕ ХАЛДЕЙСКИЕ И АССИРИЙСКИЕ МОНАРХИИ.

Равнины Вавилона.

На огромной равнине, четыреста миль в длину и сто миль в ширину, образующей долину Евфрата, ограниченную на севере Месопотамией, на востоке Тигром, на юге Персидским заливом и на западе Сирийской пустыней, в очень ранний период была основана Вавилонская монархия. Эта равнина, или долина, занимает около двадцати трех тысяч квадратных миль, что равно территории Греции. Она была лишена всех поразительных природных особенностей — создающих непрерывный горизонт. Единственными, кто нарушал вид на эту ровную равнину, были песчаные холмы и набережные реки. Река, как и Нил, подвержена разливам, хотя и менее регулярным, чем Нил, и это, конечно, приводит к образованию богатой аллювиальной почвы. Летом климат здесь очень жаркий, а зимой мягкий и благодатный. Пшеница здесь местная, а виноградная лоза и другие фрукты изобилуют богатой растительностью. Земля была такой же богатой, как долина Нила, и благоприятствовала размножению стад крупного рогатого скота. Река изобиловала рыбой, и были доступны все средства к существованию.

Вавилонская башня.

В эту прекрасную страну переселение из Армении — первобытного места обитания человека — произошло в период, когда начинается история. Затем Нимрод и его охотники получили господство над старыми поселенцами и вытеснили их — кушитов из семьи Хама, а не потомков Сима. Началом царства Нимрода был Вавилон, башня или храм, построенный по образцу того, который остался незаконченным или был разрушен. Это было возведено, вероятно, в 2334 году до н.э.. Он был квадратным и состоял из нескольких этажей, каждый из которых был меньше предыдущего, что являло аналогию с пирамидальной формой. Самая высокая ступень поддерживала священный ковчег. Храм был построен из обожженного кирпича. Таким образом, род Хама проложил путь в искусстве как в Халдее, так и в Египте, и вскоре впал в идолопоклонство. Мы ничего с уверенностью не знаем об этой древней монархии, которая просуществовала, как предполагается, двести пятьдесят восемь лет, с 2234 по 1976 год до н.э.. Он был основан только после рассеяния рас. Династия, основателем которой был Нимрод, прекратила свое существование в первые годы правления Авраама.

Основание ассирийской монархии.

Предполагается, что первым царем новой династии был Кедорлаомер, хотя Иосиф Флавий представляет его как военачальника халдейского царя, распространившего халдейские завоевания на Палестину. Его встречи с царями Содомы, Гоморры и другими в долине Сиддим, князьями-данниками, и его убийство слугами Авраама описаны в четырнадцатой главе Книги Бытия и положили конец халдейским завоеваниям за пределами Сирийской пустыни. Однако из его союза с Тидалом, царем народов; Амрафером, царем Сennaара; и Ариохом, царем Элласара, мы заключаем, что другие расы, помимо хамитов, составляли население Халдеи, среди которых преобладали подданные Кедорлаомера.

Его империя была разрушена арабами из пустыни в 1518 году до н. э.; и предполагается, что арабская династия правила двести сорок пять лет.

Расширение королевства.

Этому пришел конец в результате грандиозного вторжения ассирийцев семитского происхождения. “Ассур (Быт. 10, 11), сын Сима, построил Ниневию”, которая находилась на Тигре. Название Ассирия распространилось на всю Верхнюю Месопотамию, от Евфрата до гор Тагрос. Эта страна состояла из холмистых пастбищ, разнообразных лесами, и орошалась ручьями, впадающими в Тигр. Его долины были богаты, холмы красивы, а климат прохладнее, чем на Халдейской равнине.

Ниневия.

Судя по традициям, сохраненным греками, Ниневией правил наместник вавилонского царя. Это соответствует книге Бытия, которая делает династию халдейской, в то время как народ был семитским, поскольку царство Ашшур произошло от царства Нимрода. “Нин, вице-король, ” говорит Смит, “ восстав против вавилонского царя, захватывает Армению, Малую Азию и берега Эвксинского моря вплоть до Танаиса, подчиняет мидян и персов и ведет войну с бактрийцами. Семирамида, жена одного из главных вельмож, прибывает в лагерь перед Бактрией и смелым ударом берет город. Ее мужество завоевывает любовь Нина, и она становится его женой. После его смерти она наследует трон и предпринимает завоевание Индии, но терпит поражение.” Эти два правителя построили Ниневию с большим размахом, а также пристроили к зданиям Вавилона.

Этот царь был основателем северо-западного дворца Ниневии, триста шестьдесят футов в длину и триста в ширину, стоявшего на возвышении с видом на Тигр, с величественным фасадом на севере, обращенным к городу, и другим фасадом на западе, обращенным к реке. Он был построен из тесаного камня, а его центральный зал имел сто двадцать футов в длину и девяносто в ширину. Потолки были из кедра, привезенного из Ливана. Стены были обшиты мраморными панелями, украшенными барельефами. Полы были вымощены камнем. (См. "Геродот" Роулинсона.)

Дворцы. Ассирийские цари.

Все это традиция, но недавние открытия в клинописной литературе проливают на нее свет. Из этого, по сравнению с фрагментами Бероса, вавилонского священника третьего века до Рождества Христова, и разрозненными упоминаниями об истории Священных Писаний, мы заключаем, что династия, которую основал Бел, правила более пятисот лет, с 1272 по 747 год до Рождества Христова. Из этих царей Сарданапал, самый известный, присоединил Вавилонию к Ассирийской империи и построил огромные архитектурные сооружения. На строительство этого дворца он нанял триста шестьдесят тысяч человек, некоторые из которых были заняты изготовлением кирпича, а другие - рубкой леса на горе Хермон. Он занимал площадь в восемь акров. Дворцы Ниневии отличались огромным величием, и сцены, изображенные на стенах, как обнаружил мистер Лейард, недавно извлеченные из земляных насыпей, представляют царя колоссального роста, сражающегося в битвах и облаченного в символические атрибуты. Он предстает как великий воин, ведущий пленников и штурмующий города, а также в погоне, пронзающий льва и преследующий дикого осла. Этого монарха не следует путать с греческим Сарданапалом, последним из предыдущей династии. Его сын, Салманезер, также был великим князем и присоединился к владычеству Ассирийской империи.

Далеким народам платили ему дань: финикийцы, сирийцы, евреи и мидяне за горами Тагрос. Он победил Бенхадада и обратился в бегство Азаила. Предполагается, что его правление закончилось в 850 году до н.э.. Ему наследовали два других царя, распространивших свои завоевания на запад, последнего из которых Смит отождествляет с Пулом, правившим монархом, когда Иона посетил Ниневию, в 770 году до н.э..

Следующая династия начинается с Тиглатпаласара II, который вел войны против Вавилона, Сирии и Израиля. Это было во времена Ахаза, в 729 году до н.э.....

Завоевания Салманезера.

Его сын Салманезер сделал Осию, царя Израиля, своим вассалом, превратил страну десяти колен в провинцию своей империи и увел народ в плен. Езекия также был какое-то время его вассалом. Ему наследовал Саргон, 721 г. до н.э., согласно Смиру, но 715 г. до н.э., согласно другим. Он правил, как думает Гезенеус, всего два или три года; но, согласно Роулинсону, пятнадцать, и построил тот великолепный дворец, руины которого в Хорсабаде снабдили Лувр лучшими остатками ассирийской древности. Он был одним из величайших ассирийских завоевателей. Он вторгся в Вавилон и изгнал его царей; он разбил филистимлян, взял Ашдод и Тир, получил дань от греков на Кипре, вторгся даже в Египет, царь которого платил ему дань, и завоевал Мидию.

Сеннахирим. Кульминация могущества Ниневии.

Его сын Сеннахериб, взошедший на трон в 702 году до н.э., является интересным историческим персонажем, и при нем Ассирийская империя достигла своей кульминации. Он пристроил дворец в Ниневии и построил такой, который превосходил все, существовавшие до него. Ни один монарх не превзошел этого в великолепии своих построек. Он воздвиг не менее тридцати храмов, сверкающих серебром и золотом. Один из залов его дворца был двести двадцать футов в длину и сто один в ширину. Он использовал работы сирийских, греческих и финикийских художников. Именно в руинах этого дворца в Коюнджике мистер Лейард сделал те ценные открытия, которые обогатили Британский музей. Он подчинил Вавилонию, Верхнюю Месопотамию, Сирию, Финикию, Филистию, Идумею и часть Египта, который вместе с Мидией, частью Армении и старой ассирийской территорией образовал его обширную империю — намного большую, чем египетская монархия любого периода. Он также наказал иудеев за подстрекательство к восстанию среди филистимлян, увел в плен двести тысяч человек и воздержался от осады Иерусалима только благодаря подарку Езекии в размере трехсот талантов серебра и тридцати золотых. Некоторые полагают, что уничтожение его войска, описанное в Священном Писании, произошло во время последующего вторжения в Иудею, когда она была в союзе с Египтом. То, что “он вернулся в Ниневию и жил там”, утверждается Священным Писанием, но только для того, чтобы быть убитым своими сыновьями в 680 году до н.э..

Ему наследовал его сын Эсар-Хаддон, воинственный монарх, который сражался с египтянами и колонизировал Самарию вавилонскими поселенцами. Он также построил дворец Нимрода и культивировал искусство.

Ассирийская цивилизация.

Цивилизация ассирийцев свидетельствует о трудолюбии и терпении народа. Его главной славой была архитектура. Скульптура была скопирована с натуры, но не обладала ни изяществом, ни идеальностью греков. Война была великим делом королей, а охота - их удовольствием. Народ был подавлен двойной тиранией королей и священников. Ассирийские летописи представляют мало интереса, и то немногое, что мы знаем об их жизни и нравах, в основном почерпнуто из памятников, раскопанных Боттой и Лейярдом. Ученый трактат Роулинсона проливает свет на анналы монархии, которые до открытий Лейярда были чрезвычайно темными, и этот трактат был самым разумным образом сокращен Смитом, которому я следовал. Было бы интересно рассмотреть мифологию ассирийцев, но она слишком сложна для подобной работы.

Упадок монархии.

При его преемниках империя быстро приходила в упадок. Хотя номинально она включала в себя всю Западную Азию, от Средиземного моря до пустыни Ирана, от Каспийского моря и гор Армении до Персидского залива, ей недоставало единства. Она охватывала различные королевства, города и племена, которые просто платили дань, ограниченную властью короля обеспечивать ее соблюдение. Ассирийские армии, которые совершили столь большие опустошения, не оккупировали страну, которую они наказывали, как это сделали римляне и греки. Их завоевания были похожи на завоевания Тамерлана. По мере того как монархи изнеживались, возникали новые державы, особенно Мидия, которая в конечном итоге завершила разорение Ассирии при Киаксаресе. Последним из монархов, вероятно, был греческий Сарданапал.

Разрушение Ниневии. Ее руины.

Упадок этой великой монархии был настолько быстрым и полным, что даже столица Ниневия была стерта с лица земли. Во времена Геродота от него не осталось никаких следов, и только благодаря недавним раскопкам известно о его местонахождении. Тем не менее, это, должно быть, был великий город. Восточная стена его, как теперь выясняется из раскопок, составляет пятнадцать тысяч девятьсот футов (около трех миль); но город, вероятно, включал обширные пригороды с укрепленными башнями, так что в окружности она равнялась четыремстам восьмидесяти стадиям, или шестидесяти милям — трехдневному путешествию Ионы. Предполагается, что вместе с пригородами в нем проживало пятьсот тысяч человек. Дворцы великих были большими и великолепными; но жилища людей были убогими, построенными из кирпича, высушенного на солнце. Дворцы состояли из большого количества комнат вокруг центрального зала, открытого небу, поскольку не было необходимости в колоннах для поддержания крыши. В стенах, которые были выложены плитами из грубого мрамора с клинописными надписями, не обнаружено следов окон. О фасадах дворцов мы мало что знаем, за исключением того, что у входов в них стояли группы колоссальных быков. Они созданы с большим вдохновением, но искусства в том смысле, в каком его понимали греки, не существовало. В обычных бытовых приборах ассирийцы, вероятно, были наравне с египтянами; но они были унижены дикими страстями и унижительными суевериями. Они не оставили ничего, чем могли бы пользоваться последующие века. От их существования не осталось ничего, что внесло бы вклад в цивилизацию. Они не создали образцов литературы, искусства или правительства.

Рост Вавилона.

В то время как Ниневия поднималась к величию, на Вавилон обрушилось затмение, которое, таким образом, длилось шестьсот пятьдесят лет. Это затмение началось в 1273 году. Но в эпоху Нарбонассара, в 747 году до н.э., когда Вавилон угрожал обеспечить свою независимость, произошли большие перемены, которые впоследствии вынудили ассирийского монарха Эсар-Хаддона принять от своего лица управление Вавилоном в 680 году до н.э..

Халдейская монархия.

В 625 году до н.э. халдеи восстановили свое политическое значение, вероятно, благодаря союзу с мидянами, а Набополассар получил бесспорное владение Вавилоном и основал короткую, но блестящую династию. Он получил часть пленных из Ниневии и увеличил население своей столицы. Его сын, Навуходоносор, был послан в качестве военачальника против египтян и победил их царя Неко, отвоевал все земли, граничащие с Египтом, и получил подчинение Иоакима из Иерусалима. Смерть Набополассара отозвала его сына в Вавилон, и началось его великое царствование в.,,,

Навуходоносор. Великолепие Вавилона.

Именно он расширил столицу до такой степени, что можно почти сказать, что он ее построил. Он имел форму квадрата на обоих берегах Евфрата, протяженностью сорок восемь миль, согласно Геродоту, с площадью в двести квадратных миль — достаточно большой, чтобы прокормить значительное население одним только сельским хозяйством. Стены этого города, если мы примем свидетельство Геродота, были высотой в триста пятьдесят футов и толщиной в восемьдесят семь футов, были укреплены двумястами пятьюдесятью башнями и прорезаны сотней медных ворот. Вдоль реки тянулись набережные, а две части города соединял каменный мост, на каждом конце которого находился укрепленный дворец. Величайшей работой королевского архитектора стал новый дворец с прилегающим к нему висячим садом — серией террас, напоминающих холмы, в угоду его срединной королеве. Этот дворец с садом имел восемь миль в окружности и был великолепно украшен статуями людей и животных. Здесь могущественный монарх после своих великих военных походов находил утешение и мечтал о всемогуществе, пока внезапный приступ безумия — той формы, которая заставляет человека принимать себя за грубое животное, — не изгнал его из его роскошных чертогов в сады, которые он сам посадил. Его безумие длилось семь лет, и он умер после сорока трех лет правления, в 561 году до н.э., и его сын Эвил-Меродах правил вместо него.

Падение монархии.

Он был казнен два года спустя за беззаконие и невоздержанность, и ему наследовал его шурин и убийца Нериглиссар. Упадок монархии был столь стремительным, что после нескольких кратких царствований в Вавилон вошла армия Кира, и последний царь, Билшассар, связанный с его отцом Набонадием, был убит в 538 году до н.э.. Так закончилась халдейская монархия, через тысячу семьсот девяносто шесть лет после строительства Вавилона Нимродом, согласно хронологии, которую удобнее всего предположить.

ГЛАВА IX.

ИМПЕРИЯ МИДЯН И ПЕРСОВ.

Страна мидян и персов. Воинственный характер народа. Ранние короли Мидии.

Третьей из великих восточных монархий, вступивших в контакт с евреями, была мидийская и персидская монархии, возникшие после распада Ассирийской и Вавилонской империй. Народы, о которых мы до сих пор упоминали, были либо хамитами, либо шемитами. Но теперь наше внимание направлено на другую расу, потомков Иафета. Мадай, третий сын Иафета, был прародителем мидян, территория которых простиралась от Каспийского моря на севере до гор Персии на юге и от нагорья Армении и цепи Тагрос на западе до великой пустыни Иран на востоке. Он отличался большим разнообразием климата и был пересечен горами, долины которых изобиловали кукурузой и фруктами. “Самая прекрасная часть страны - это возвышенный регион, окруженный ответвлениями Армянских гор и окружающий бассейн великого озера Урумидзу, расположенного на высоте четырех тысяч двухсот футов над уровнем моря, и долины древних Мардуса и Аракса, северной границы суши. В этом горном регионе находится Тебрис, восхитительная летняя резиденция современных персидских шахов. Склоны Тагроса представляют собой превосходные пастбища; и здесь выращивались знаменитые лошади, которых древние называли нисейскими. Восточные районы равнины и чумны там, где они спускаются к берегам Каспийского моря; суровы и бесплодны там, где они примыкают к пустыне Ирана”. Люди, населявшие эту страну, были выносливыми и смелыми, и отличались мастерством верховой езды. Они были величайшими воинами древнего мира, до времен греков. Геродот назвал их арийцами. Они распространились по высокогорьям Западной Азии в первобытные века и образовали различные племена. Первое упоминание об этой арийской расе содержится в надписях на черном обелиске Нимрода, 880 г. до н.э., из которых следует, что это было примерно в период иммиграции в Мидию, а затем они подверглись агрессии ассирийцев. “Первым королем, поставившим под угрозу их независимость, был монарх, чьи победы отмечены на черном обелиске в Британском музее”. Он совершил набег на Срединную страну, а не завоевал ее. Саргон, третий монарх Нижней Империи, совершил нечто вроде завоевания и заселил города, которые он основал, еврейскими пленниками из Самарии, в 710 году до н.э.. Таким образом, Мидия стала самой восточной провинцией его империи, но завоевание ее, несомненно, было неполным. Мидийские князья платили дань царям Ниневии или удерживали ее, в зависимости от обстоятельств.

Deioces.

Согласно Ктесию, мидийская монархия началась в 875 году до н.э.; но Геродот, с большей вероятностью точности, относит ее начало к 708 году до н.э.. За восстанием мидийцев из Ассирии последовало избрание Деиоца, который правил пятьдесят три года. История этого царя почерпнута из греческих источников, и на нее мало что можно положиться. Согласно легендам, семь мидийских племен, разбросанных по отдельным деревням, страдали от всех зол анархии, пока репутация Деиоца не сделала его арбитром в их спорах. Затем он удалился в частную жизнь; вернулась анархия, был призван царь и избран Диоцез. Он организовал деспотическую власть, центральное место которой находилось в Экбатане, которую он сделал своей столицей, построенной на холме, на вершине которого находился королевский дворец,

где король правил в уединении, ведя все дела через шпионов, осведомителей, петиции и указы. Таков отчет, который дает Роулинсон и которому следует Смит.

Циаксарес.

Великое Мидийское царство действительно началось с Киаксареса, примерно в 633 году до н.э., когда Ассирийская империя приходила в упадок. Он выходит из неизвестности, подобно Аттиле, Чингисхану и другим восточным завоевателям, во главе неодолимых орд, сметает все перед собой и создает огромную мощь. Этот период отличался большим движением среди туранских рас (киммерийцев), живших к северу от Дуная, которые, согласно Геродоту, совершили крупное вторжение в Малую Азию, где некоторые племена обосновались на постоянной основе; в то время как скифы из Центральной Азии захватили Мидию, пересекли горы Загрос, вошли в Месопотамию, прошли через Сирию в Египет и удерживали господство в Западной Азии, пока не были изгнаны Киаксаром. Он основал свое новое царство только после серьезного конфликта между скифской и арийской расами, которые до сих пор делили владения мидийским плоскогорьем.

Вторжение туранских рас.

Из века в век туранские расы продвигались вперед, чтобы оккупировать Юг, и это было одно из таких великих движений, которому Циаксарес противостоял, и противостоял успешно — первое зарегистрированное в истории. Эти татарские кочевники, или скифские племена, которые наводнили Западную Азию в седьмом веке до нашей эры под новыми именами гуннов, авары, болгар, мадьяр, турок, монголов, опустошали Европу и Азию в течение пятнадцати столетий подряд. Они были бичом расы и начали свои вторжения еще до начала греческой истории.

Завоевания Киаксареса.

Научившись у этих скифских захватчиков многим искусствам, ранее не практиковавшимся на войне, таким как стрельба из лука и передвижения кавалерии, Киаксарес был готов распространить свою империю на запад, через Армению и Малую Азию, вплоть до реки Галис. Он вел войну в Лидии с отцом Креза. Но до того, как были совершены эти завоевания, он, вероятно, захватил Ниневию и разрушил ее, до н.э. 625. Здесь ему на помощь пришли все силы вавилонян под командованием Набополассара, старого ассирийского военачальника, который восстал. В награду он добился для своего сына Навуходоносора руки дочери Киаксареса. Последний из ассирийских монархов, которого греки называли Сарданапалом, сжег себя в своем дворце, чтобы не попасть в руки мидийского завоевателя.

Война с Лидией.

Падение Ниневии привело к независимости Вавилона и его удивительному росту, а также к завоеваниям мидян вплоть до Лидии на западе. Война с Лидией длилась шесть лет и велась с переменным успехом, пока при посредничестве вавилонского князя не был восстановлен мир. Причиной заключения мира стало солнечное затмение, произошедшее в разгар великой битвы, которое внушило обеим армиям суеверный страх. После заключения мира сын мидийского царя Астиаг женился на дочери лидийского монарха Алиатта, и между Мидией и Лидией был заключен союз.

Лидийская монархия.

В это время Лидия занимала почти всю Малую Азию, к западу от Галиса. Ранняя история этой страны покрыта мраком неизвестности. Династия, правившая на трон после вторжения мидян, была основана Гигесом в 724 году до н. э., который начал те нападения на греческие колонии, которые были завершены Крезом. При правлении Ардиса, его преемника, Малая Азия была опустошена киммерийцами, народом, пришедшим из регионов к северу от Черного моря, между Дунаем и Азовским морем, и изгнанным наводнением скифов, подобным тому, которое впоследствии опустошило Мидию. Эти киммерийцы, сожгшие великий храм Дианы в Эфесе и разрушившие столицу Сарды, были изгнаны из Лидии Алиатом, монархом, против которого вел войну Киаксарес.

Астиаг.

Киаксарес правил сорок лет, и ему наследовал Астиаг в 593 году до н. э., история которого совершенно пуста, почти до конца его долгого тридцатипятилетнего правления, когда к власти пришли персы под предводительством Кира. Похоже, он смирился с обычным состоянием восточных королей — с изнеженностью и роскошью, вызванными достатком — который он унаследовал. Он был современником Креза, знаменитого лидийского царя, жизни которого Геродот придал столько романтического значения — первого из азиатских царей, начавшего враждебную агрессию против греков. Сделав себя хозяином всех греческих государств Малой Азии, он боролся с силой, которой было суждено свергнуть старые монархии Востока, — персами — расой, тесно связанной с мидянами по расе, языку и религии.

Ранняя история персов.

Персы впервые появляются в истории как выносливый, воинственный народ, простой в нравах и презиравший роскошь. Они не были образованны в искусстве и науке, но обладали большим умом и поэтическим воображением. Они жили в горном районе на юго-западе Ирана, где великая равнина спускается к Персидскому заливу. Морское побережье жаркое и засушливое, как и восточный регион, где горы переходят в плоскогорье Ирана. Между этими участками, напоминающими Аравийскую пустыню, лежат возвышенности на оконечности хребта Загрос. Эти суровые регионы, богатые плодородными долинами, благоприятны для выращивания кукурузы, винограда и фруктов и обеспечивают отличные пастбища для отар. В северной части находится прекрасная равнина Шираз, которая является излюбленной резиденцией современных шахов. В долине Бенд-амир находилась старая столица Персеполь, руины которой свидетельствуют о великолепных дворцах Дария и Ксеркса. Собственно Персия была небольшой страной, простиравшейся на триста миль с севера на юг и на двести восемьдесят с востока на запад, населенной арийской расой, которая принесла с собой из страны за Инда особую религию, язык и политические институты. Их язык был тесно связан с арийскими диалектами Индии и языками современной Европы. Следовательно, персы были благородными представителями великой индоевропейской семьи, цивилизация которой распространилась по всему миру. Их религия была наименее развращенной из древних рас и отличалась острым желанием достичь истины, а во времена гностиков вошла в рассуждения отцов христианства, прообразом которых был Ориген. Их учителями были волхвы, мудрая и образованная каста, некоторые из которых пришли в Иерусалим во времена Ирода, руководствуясь звездой на Востоке, чтобы навести справки о рождении Христа. Они пытались разгадать тайны творения, но их основным принципом религии было поклонение всем стихиям, особенно огню. Но персы

также верили в два принципа добра и зла, которые назывались принципом дуализма и которые они привезли из Индии. Роулинсон считает, что персы отличались по своей религии от первобытного народа Индии, чьи Веды, или священные книги, были основаны на монотеизме в его духовной и личностной форме, и что из-за ереси “дуализма” они были вынуждены мигрировать на Запад. Мидяне, с которыми они впоследствии стали ассоциироваться, были склонны к древнему поклонению стихиям природы, которому они научились у туранского или скифского населения.

Зороастр. Его религия.

Великим человеком среди персов был Зороастр, или Зердушт, родившийся, вероятно, в 589 году до н.э.. Он бессмертен не по своей личной истории, подробности которой нам неизвестны, а по своим идеям, которые легли в основу веры персов. Он наложил свой отпечаток на нацию, как впоследствии Мухаммед наложил отпечаток на Аравию. Его центральным принципом был “дуализм” — две силы добра и зла, — первой из которых было суждено в конечном итоге победить. Но с этим дуалистическим вероучением древнеперсидов он также смешал реформированное магическое поклонение стихиям, которое получило распространение среди халдейских жрецов и которое первоначально пришло от скифских захватчиков. Магизм не мог произойти от семитских рас, чьей первоначальной религией был теизм, как у Мелхиседека и Авраама; ни от яфетических рас или индоевропейцев, чьим поклонением был политеизм — поклонение личным богам под разными именами, таким как Юпитер, Юнона и Минерва. Первыми, кто поддался этому магизму, были мидяне, которые приняли религию более старых поселенцев — скифских племен, их подданных, — и вера которых вытеснила древнюю арийскую религию.

Характер персов.

Персы, цвет арийской расы, были особенно воинственными во всех своих привычках и устремлениях. Их знать, восседавшая на лошадях известной породы, составляла лучшую кавалерию в мире. Не уступала им и пехота, вооруженная копьями, щитами и луками. Их воинский дух поддерживался жизнью в горах, простыми привычками и строгой дисциплиной.

Возвышение Кира.

Астиаг, как мы видели, был последним из мидийских царей. Согласно Геродоту, он выдал свою дочь замуж за Камбиза, персидского вельможу, предпочтя его высшему союзу мидийских князей, чтобы не сбылась мечта о том, что ее отпрыск завоюет Азию. Когда сон вернулся, он попытался уничтожить ребенка, которого она собиралась родить, но его спас пастух; и когда ребенку исполнилось десять лет, товарищи по играм в горах избрали его своим королем. Таким образом, он подвергнул бичеванию сына знатного мидийца за непослушание, который передал его жалобу Астиагу. Мидийский монарх узнает его родословную от пастуха и его офицера Гарпагна, которому он доверил задание по его уничтожению. Сдерживая гнев, он приглашает этого аристократа на пир, на котором тот подает мясо своего собственного сына. Гарпаг, в отместку, вступает в сговор с некоторыми недовольными вельможами и приглашает Кира, этого мальчика-царя, ныне храбрейшего из юношей своего возраста и страны, к восстанию. Кир ведет свои войска против Астиага и одерживает победу, а также обретает личность государя, и его великое царствование начинается в 558 году до н.э.,,

Его войны.

Свержение Астиага с престола вызвало войну между Лидией и Персией. Крез спешит напасть на узурпатора и защитить своего тестя. Он заключает союз с Вавилонией и Египтом. Таким образом, три самых могущественных монарха мира выступают против Кира, который готов встретиться с конфедерацией. Крез терпит поражение и отступает в свою столицу Сарды; а следующей весной, созывая своих союзников, неожиданно подвергается нападению Кира и снова терпит поражение. Теперь он удаляется в Сардию, которая сильно укреплена, и город осажден персами и падает после непродолжительной осады. Сам Крез спасен и в своих невзгодах дает мудрый совет своему победителю.

Его великая империя.

Кир оставляет лидийца командовать захваченным городом и отправляется домой. Возникает восстание, которое приводит к столкновению между Персией и греческими колониями и подчинению греческих городов Гарпагу, военачальнику Кира. Затем последовало завоевание Малой Азии, которое заняло несколько лет и проводилось полководцами Кира. Он был необходим в Мидии для укрепления своей власти. Затем он расширил свои завоевания на Восток и подчинил все иранское нагорье до гор, отделявших его от Инда. Таким образом, прошло пятнадцать лет блестящих военных успехов, прежде чем он осадил Вавилон в 538 году до н. э.,.

Он делает Вавилон своей столицей.

После падения этого великого города Кир поселился в нем как в имперской столице своих обширных владений. Здесь он издал свой указ о возвращении евреев на их древнюю территорию и о восстановлении их храма после семидесятилетнего плена. Этот указ был продиктован разумной военной политикой защиты пограничной территории Палестины от его врагов в Малой Азии, которую, как он знал, евреи сделают все возможное, чтобы сохранить, и эту политику он проводил с благородной щедростью и вернул евреям захваченные сосуды из серебра и золота, которые увез Навуходоносор; и на протяжении более чем двух столетий у Персии не было более теплых друзей и союзников, чем послушные и лояльные подданные Иудеи.

Величие правления Кира.

Кир пал в битве с племенем скифов к востоку от Каспийского моря, в 529 году до н.э. Он был величайшим полководцем, которого когда-либо создавал восточный мир, и вполне может встать в один ряд с самим Александром. Его двадцатидевятилетнее правление было одной непрерывной чередой войн, в которых он неизменно добивался успеха, и успех в которых равнялся только его великодушию. Его империя простиралась от Инда до Геллеспонта и сирийского побережья, намного превосходя по размерам Ассирию или Вавилонию.

Вырождение персидских завоевателей.

Результатом персидского завоевания для самих завоевателей стало привыкание к чрезмерной роскоши, широкий отход от их первоначального образа жизни, что ослабило империю и подготовило почву для быстрого упадка.

Камбиз.

Однако Камбиз, сын и преемник Кира, проводил свою политику и завоевания. Он был, в отличие от своего отца, тираном и сластолюбцем, но обладал значительным военным гением. Он завоевал Финикию и, таким образом, стал хозяином как моря, так и суши. Затем он поссорился с Амасисом, царем Египта, и подчинил себе его царство.

Его безумства.

Подобно восточному деспоту, находясь в Египте, он в порыве безумия и прихоти убил своего брата Смердиса. Случилось так, что там был Маг, который имел поразительное сходство с убитым принцем. С помощью своего брата, которого царь оставил управляющим своим двором, этот Маг узурпировал трон Персии, пока Камбиз отсутствовал, а смерть истинного Смердиса была тщательно скрыта.

Узурпация магов.

Известие об узурпации дошло до Камбиза, когда он возвращался из похода в Сирию. Случайное ранение острием его меча оказалось смертельным, 522 год до н.э.. Но Камбиз, находясь при смерти, созвал вокруг себя своих вельмож, рассказал об убийстве своего брата и призвал их не допустить попадания царства в руки мидян. У него не осталось детей.

Дариус.

Узурпатор оказался тираном. Последовал заговор персов, возглавляемый потомками Кира; и Дарий, главный из них, сын Гистаспа, стал царем Персии после того, как Смердис правил семь месяцев. Но это правление, каким бы кратким оно ни было, вернуло к власти старых жрецов-магов, которые благодаря своему магическому искусству пользовались большой популярностью у народа, и не только мидян, но и персов.

Его завоевания.

Дарий восстановил храмы и богослужение, которые ниспровергли жрецы-маги, и установил религию Зороастра. Первые годы его правления были потревожены восстаниями в Вавилонии и Мидии, но они были подавлены, и Дарий продолжил завоевания, начатые Киром. Он вторгся в Индию и Скифию, в то время как его полководец Мегабаз покорил Фракию и греческие города Геллеспонта.

Его величие.

Царь Македонии признал верховенство великого монарха Азии и преподнес обычный подарок в виде земли и воды. Наконец Дарий вернулся в Сузы, чтобы насладиться плодами своих побед и удовольствиями, которые давала его великая империя. В течение двадцати лет его слава не имела себе равных на Востоке, и его жизнь была спокойной.

Восстание ионийских городов.

Но в 500 году до н.э. произошло великое восстание ионийских городов. Сначала оно было подавлено, но атики при Марафоне разбили персидских воинов в 490 году до н.э., и великая победа изменила весь ход азиатских завоеваний. Дарий провел обширные приготовления к новому вторжению в Грецию, но умер до того, как они были завершены, после тридцати шести

лет правления, в 485 году до н.э., оставив после себя имя более великое, чем у любого восточного правителя, за исключением Кира.

Ксеркс.

К несчастью для него и его династии, он бросил вызов духу западной свободы, который в то время был на пике своего расцвета в городах Греции. Его преемник Ксеркс унаследовал его могущество, но не его гений, и опрометчиво спровоцировал Европу новыми вторжениями, в то время как сам бесславно жил в своем серале. Он был убит в своем дворце — участь великих тиранов восточных монархий, ибо смена администрации могла произойти только кинжалом убийцы - возможно, слабое лекарство, но не хуже самой болезни. Этим тираном был Артаксеркс из Священных Писаний.

Судьба персидской империи.

Нам нет необходимости следить за судьбами слабоумных принцев, сменивших Ксеркса, поскольку персидская монархия к тому времени выродилась и ослабла и легко попала под власть Александра, который окончательно сверг власть Персии в 330 году до н. э.,.

Его характеристики.

И это было хорошо. Персидская монархия была абсолютным деспотизмом, как и турецкая, и монарх не только контролировал действия своих подданных, но был хозяином даже их земли. Он делегировал свою власть сатрапам, которые правили в его удовольствие, но чье правление было опозорено всевозможными формами вымогательства, которые, однако, иногда наказывались, когда это становилось возмутительным и печально известным. Сатрапы, как и паши, были фактически независимыми князьями и пользовались всеми правами суверенов до тех пор, пока они пользовались доверием верховного монарха и регулярно перечисляли ему наложенную дань. Сатрапии обычно присваивались членам королевской семьи или крупным вельможам, связанным с ней браком. Монарх не управлял советом, и законы основывались на принципе, что воля короля превыше всего. Единственным препятствием, которого он опасался, было покушение, и обычно он проводил свою жизнь в уединении в своем серале в Сузах, Вавилоне или Экбатане.

Персидская империя была последней из великих монархий восточного мира, и они процветали в течение двух тысяч лет. Когда нации становились порочными или распространялись на обширные территории, патриархальное правление первобытных эпох больше не оказывалось эффективным правительством. Людьми, однако, нужно каким-то образом управлять, и безответственный деспотизм Востока над всеми различными расами, семитами, хамитами и иафетитами, был тем правлением, которое обеспечило Провидение в состоянии всеобщей грубости, или пасторальной простоты, или олигархической узурпации. Последняя великая монархия была лучшей; это была та, которой пользовались потомки Иафета, согласно предсказанию, что он будет жить в шатрах Сима, а Ханаан будет его слугой.

Прежде чем мы проследим за прогрессом потомков Иафета в Греции, среди которых возникла новая цивилизация, призванная улучшить состояние общества за счет свободы воли,

проявленной в искусстве, науке, литературе и управлении государством, — короче говоря, зарождения свободных институтов, — мы взглянем на народы Малой Азии, которые были приведены в соприкосновение с державами, которые мы так кратко рассмотрели.

ГЛАВА X.

МАЛАЯ АЗИЯ И ФИНИКИЯ.

Исконные жители Малой Азии.

О первоначальных обитателях Малой Азии наши сведения очень скудны. Труды Страбона проливают неопределенный свет, и автор "Илиады", по-видимому, был весьма несовершенно знаком либо с географией, либо с населением этой обширной страны. Согласно Геродоту, река Галис была самым важным географическим рубежом; он также не упоминает великую цепь Тавра, которая начинается от южного побережья Ликии и простирается на северо-восток до Армении — самой важной пограничной линии во времена римлян. К северу от горы Тавр, в верховьях реки Галис, раскинулась просторная равнина Малой Азии. Северо-восток и юг этой равнины были гористыми и были ограничены Эвксинским, Эгейским и Памфилийским морями. Северо-западная часть включала в себя горные области Ида, Темн и Олимп. Полуостров был богат зерном, вином, фруктами, скотом и маслом.

Его различные народы.

Вдоль западных берегов этого огромного полуострова жили пеласги, мисийцы, вифиняне, фригийцы, лидийцы и другие народы еще до того, как греки основали свои колонии. Дальше на восток располагались ликийцы, писидийцы, фригийцы, каппадокийцы, пафлагонцы и другие. Фригийцы, мизийцы и тевкрийцы находились на северо-западе. Эти различные народы не были образованы в большие королевства или конфедерации, и даже в крупные города, а представляли собой незначительные племена, которые не оказывали серьезного сопротивления внешним врагам. Самым могущественным народом были лидийцы, столицей которых были Сарды, которыми правил Гигес в 700 году до н.э. Эта монархия уничтожила независимость греческих городов на побережье, не препятствуя их богатству и цивилизации. Все народы к западу от реки Халис были родственны по языку и привычкам. К востоку от Галиса обитали семитские расы: ассирийцы, сирийцы, каппадокийцы и киликийцы. Вдоль побережья Эвксинского моря жили вифиняне, марандинцы и пафлагонцы — ветви фракийской расы. Вдоль южного побережья Пропонтиды жили долионы и пеласги. В районе горы Ида жили тевкрийцы и мизийцы. Все эти расы имели определенное сходство с фракийцами, и все они изменили институты греков, которые поселились на побережье с целью торговли или колонизации. Музыка греков была заимствована у фригийцев и лидийцев. Известно, что флейта была изобретена или использовалась фригийцами, а от них перешла к греческим композиторам.

Фригийцы

Древние фригийцы славились главным образом своими стадами и сельскохозяйственными продуктами, в то время как лидийцы, жившие в городах, обладали большим количеством золота и серебра. Но есть несколько важных исторических фактов, связанных с обеими нациями. Существует интересная легенда, связанная с фригийским городом Гордиум. Первобытный царь Гордий изначально был бедным земледельцем, на ярме упряжки которого, когда он возделывал поле, восседал орел. Он обратился к авгурам, чтобы объяснить любопытное предзнаменование, и ему сказали, что царство предназначено для его семьи. Его сыном был Мидас, отпрыск девушки из пророческой семьи. Вскоре после этого среди фригийцев вспыхнули раздоры, и оракул велел им выбрать царя, которого они должны были первым увидеть приближающимся в повозке. Гордий и его сын Мидас были первыми, кого они увидели приближающимися к городу, и корона была возложена на них. Повозка была освящена и прославилась узлом, который никто не мог развязать. Тому, кто развяжет этот узел, было обещано Азиатское царство. Он оставался развязанным, пока Александр Македонский не разрубил его своим мечом.

Лидийцы. Гигес.

Лидийцы прославились своей музыкой, главными инструментами которой были флейта и арфа. Их столица, Сарды, располагалась на отвесной скале и считалась неприступной. Среди их царей был Крез, чье огромное богатство было получено от золота, найденного в песках реки Пактол, которая текла к Гермусу с горы Тмол, а также от трудолюбия его подданных. Они были первыми в истории, кто начал чеканить золотые и серебряные монеты. Древность лидийской монархии очень велика и восходит к Гераклу. Династия Гераклидов просуществовала пятьсот пять лет и закончилась Мирсом, или Кандавлом. Его жена была необычайно красива, и тщеславие ее мужа побудило его выставить ее напоказ Гигесу, командиру его гвардии. Оскорбленная жена в отместку убила своего мужа и вышла замуж за Гигеса. Сильная партия воспротивилась его восхождению на трон, и началась гражданская война, которая была прекращена консультацией с оракулом, который принял решение в пользу Гигеса, первого исторического царя Лидии, около 715 годадо н.э.

Его процветающее правление.

С этого царя начались нападения Сард на азиатских греков, которые закончились их порабощением. Неизвестно, как далеко простиралось лидийское царство Сард во время правления Гигеса, но, вероятно, через всю Троаду до Абидуса на Геллеспонте. Гигес правил тридцать восемь лет, и ему наследовал его сын Ардис, во время правления которого произошло обширное вторжение киммерийцев и столкновение между жителями Лидии и Верхней Азии при мидийских царях, которые впервые приобрели значение около 656 годадо н. э. при царе, называемом греками Фраортом, сыном Дейока, который построил город Экбатану.

Союз Лидии с Персией.

Фраортес значительно расширил мидийскую империю и покорил персов, но потерпел поражение и был убит ассирийцами из Ниневии. Его сын, Киаксарес (636-595 гг. до н.э.) продолжил мидийские завоевания до реки Галис, которая была границей между Лидийским и Мидийским царствами. Война между этими двумя державами была прекращена браком дочери лидийского царя с сыном мидийского монарха Киаксара, который вскоре после этого осадил Ниневию, но был вынужден отступить из-за внезапного нашествия скифов.

Набеги скифов. Их особенности.

Это вторжение скифов в Мидию произошло примерно в то же время, когда киммерийцы вторглись в Лидию, расу кочевников, которые, вероятно, населяли Херсонес Таврический (Крым) и когда-то опустошали Малую Азию до времен Гомера. Киммерийцев, возможно, подтолкнуло вперед в Малую Азию вторжение самих скифов, кочевого народа, который не сеял и не жал, а питался пищей, полученной от животных — прототипов гуннов, а также прародителей — грозной расы варваров, обитавшей в северной части Центральной Азии, к востоку от Каспийского моря. Киммерийцы бежали перед этой более воинственной расой, покинули свою страну на северном побережье Эвксинского моря и вторглись в Малую Азию. Они оккупировали Сарды, угрожали Эфесу и, наконец, были разбиты в горных районах Киликии. Некоторые, однако, основали поселение на территории, где впоследствии был построен греческий город Синопе.

Скифские завоевания.

Ардису наследовал его сын Тадьятт, который правил двенадцать лет; а его сын и преемник Алиятт изгнал киммерийцев из Малой Азии. Но скифы, вторгшиеся в Мидию, победили царя Киаксара и стали хозяевами страны, распространились до Палестины и наслаждались своим владычеством двадцать восемь лет, пока, наконец, не были изгнаны Киаксаром. Эти кочевые племена из Татарики были предшественниками гуннов, аваров, болгар, мадьяр, турок, монголов и татар, которые в разные периоды вторгались в цивилизованные районы Азии и Европы и устанавливали более или менее прочное господство.

Крестец.

Киаксарес, после изгнания скифов, взял Ниневию и подчинил себе Ассирийскую империю, в то время как Алиатт, царь Лидии, после того как киммерийцы были покорены, пошел войной на знаменитый город Милет и поверг милезийцев в большое бедствие, а также взял Смирну. Он царствовал пятьдесят семь лет с большим процветанием и передал свое царство Кресу, своему сыну от жены-ионийки. Его гробница была одним из архитектурных чудес того времени и уступала только зданиям Египта и Вавилона.

Его процветание.

Крез начал войну с азиатскими греками, и поскольку двенадцать ионических городов не оказали никакого содействия, они были покорены. Он распространил свои завоевания на Малую Азию, пока не покорил фригийцев, мизийцев и другие народы и не создал великую империю, столицей которой была Сардия. Накопленные сокровища превосходят все, что было известно грекам ранее, хотя и уступают сокровищам, накопленным в Сузах и других столицах Персии, когда Александр завоевал Восток.

Но лидийская монархия при Кресе вскоре была поглощена персидской империей вместе с городами ионических греков, как уже говорилось.

Финикийцы.

Но была еще одна держава, тесно связанная с Иудейским царством, — финикийская, которая поставляла Соломону художников и древесину для его знаменитого храма. Мы завершаем эту главу кратким упоминанием о величайших купцах древнего мира, финикийцах.

Их семитское происхождение.

Они принадлежали, так же как и ассирийцы, к семитской или сиро-арабской семье, включавшей, кроме того, сирийцев, евреев, арабов и частично абиссинцев. В очень ранний период они были торговой нацией, и гомеровские герои ценили пестрые одежды и золотые украшения, изготовленные в Сидоне. Они обычно пересекали Эгейское море и основывали поселения на его островах.

Страна.

Финикийские города занимали узкую полосу побережья Сирии и Палестины, около ста двадцати миль в длину и обычно около двадцати в ширину — между горой Либан и морем, Арад был самым северным городом, а Тир - самым южным. Между ними были расположены Сидон, Берит, Триполис и Библус. На этой ограниченной территории было сосредоточено большее коммерческое богатство и предприимчивость, а также производственные навыки, чем можно было найти в других частях света в то время. Каждый город был независимым сообществом, со своей собственной прилегающей территорией, политическим устройством и наследственным князем. Тир был своего рода правящим городом, обладавшим политической властью над другими городами. Гора Либан, или Ливан, выходила в море вдоль финикийского побережья и поставляла обильные припасы для кораблестроения.

Финикийские города.

Великим финикийским божеством был Мелькарт, которого греки называли Геркулесом, в честь которого в Тире был воздвигнут великолепный храм, возможно, ровесник основания города за две тысячи триста лет до времен Геродота. В 700 году до н.э. финикийцы, казалось, достигли высшей точки своего могущества, и у них были колонии в Африке, Сицилии, Сардинии и Испании. Карфаген, Утика и Гадес были процветающими городами до первой Олимпиады. Во времена Соломона торговля финикийцев распространялась через Красное море и побережье Аравии. Они снабжали египтян, ассирийцев и персов разнообразной продукцией других стран в очень отдаленный период.

Финикийские колонии.

Самыми древними колониями были Утика и Карфаген, построенные на территории, которая сейчас называется Тунисским заливом; а Кадес, ныне Кадис, процветал за тысячу лет до христианской эры. Предприимчивые мореплаватели Тира плавали вдоль побережья за Геркулесовыми столбами, никогда не теряя из виду сушу. Чрезвычайная добыча драгоценных металлов в южном регионе Испании привлекала купцов в эту далекую страну. Но Карфаген, безусловно, был самым важным центром тирской торговли и стал хозяином большого количества зависимых городов.

Когда Псамметих ослабил запрет на вход судов в устье Нила, подстрекательство к торговле значительно усилилось, и финикийцы, а также ионийские купцы стали посещать Египет. Но финикийцы завидовали конкурентам в прибыльной торговле, скрывали свои следы и преувеличивали опасности на море. Примерно в 600 году до н.э. они совершили кругосветное плавание по Африке, начав с Красного моря и обогнув мыс Доброй Надежды до Гадеса, а оттуда вернулись по Нилу.

Путешествие финикийцев.

Похоже, что Нехос, царь Египта, стремясь обеспечить водное сообщение между Красным морем и Средиземным, начал рыть канал от одного к другому. Для осуществления этого проекта он отправил финикийцев в экспериментальное путешествие вокруг Ливии, которое было совершено через три года. Моряки высадились осенью и оставались там достаточно долго, чтобы посадить кукурузу и собрать урожай для своих припасов. Они добрались до Египта через Гибралтарский пролив и рассказали историю, которой, по словам Геродота, “другие могут верить, если захотят, но я не могу поверить, что, когда они плыли вокруг Ливии, солнце находилось справа от них и — на севере”. Огибая Африку, им не приходилось терять из виду сушу, и их суда были снабжены достаточным количеством припасов. Однако путешествие было сочтено отчаянным и нерентабельным, и его не повторили.

Помимо торговли, которую финикийцы вели вдоль побережья, они вели обширную торговлю во внутренней Азии. Но мы не читаем о каких-либо великих личностях, которые привлекли внимание своей эпохи или последующих эпох, финикийская история бесплодна политическими изменениями и великими историческими персонажами, как история Карфагена до римских войн.

Упадок финикийского могущества.

Между 700 и 530 годами до н.э. произошёл значительный упадок финикийского могущества, за которым последовал подъём греческих приморских городов. Навуходоносор поставил финикийские города в ту же зависимость, в какую были поставлены ионические города Крезом и Киром. Открытие Нила для греческой торговли способствовало упадку Финикии. Но этой стране греки были обязаны алфавитом и первым стандартом мер и весов.

Карфаген.

Карфаген, основанный в 819 г. до н.э. Дидоной, процветал в торговле в шестом веке до Нашей Эры, а также в это время начались их вторжения на Сицилию, которые привели к войнам с греческими поселениями в течение двухсот пятидесяти лет. Говорят, что в свое время в нем проживало семьсот тысяч человек. Но дальнейшее упоминание об их великом городе отложено до тех пор, пока не будет сделан намек на пунические войны, которые римляне вели с этим могущественным государством.

ГЛАВА XI.

ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ ОТ ВАВИЛОНСКОГО ПЛЕНЕНИЯ ДО РОЖДЕНИЯ ХРИСТА. —ПЕРВОСВЯЩЕННИКИ И ЦАРИ АСМОНЕЕВ И ИДУМЕЕВ.

Поглощение десяти племен.

Мы видели, как десять колен были уведены в плен в Ассирию при падении Самарии Салманезером, до н.э., 721 год. С этого времени история теряет из виду десять колен как отдельный народ. Вероятно, они были поглощены народами, среди которых поселились, хотя воображение рисовало им путь в недоступные регионы, где они ожидают своего окончательного восстановления. Но нет достоверных фактов, подтверждающих этот вывод. Возможно, они были предками новообращенных христиан, которых впоследствии нашли среди несториан. Возможно, они в определенной степени сохранили на Востоке некоторые из своих старых институтов. Но ничего не известно с уверенностью. Все это тщетные предположения относительно их конечной судьбы.

Евреи в Вавилоне.

Евреи из колен Иуды и Вениамина никогда полностью не отходили от своей древней веры, и их монархи правили последовательно вплоть до пленения семьи Давида. Их перевезли в Вавилон только через сто двадцать три года после рассеяния десяти колен, в 598 году до н.э.....

Дэниел.

Во время плена евреи все еще оставались отдельным народом, управляемым своим собственным законом и религией. Предполагается, что они были скорее колонистами, чем пленниками, и им было позволено жить вместе большими группами, что они не были проданы в рабство и постепенно стали обладателями значительного богатства. Какой регион с незапамятных времен не был свидетелем их бережливости и любви к деньгам? Еврей вполне может сказать, так же как и грек: “Quæ regio на территории ноздрей, без plena laboris”. Следуя совету Иеремии, они построили дома, разбили сады и покорились своей судьбе, даже если оплакивали ее “у рек Вавилона”, что так печально контрастировало с их старыми домами в горах. Они свободно исповедовали свою религию и не подвергались всеобщим и тяжким религиозным преследованиям. А с некоторыми из их благородной молодежи, такими как Даниил, во время плена обращались с большим почетом. Даниил был перевезен в Вавилон еще до падения Иерусалима, в качестве заложника, среди прочего, верности их царя. Эти молодые люди из знатных еврейских семей были обучены всем знаниям вавилонян, как Иосиф был обучен египетской мудрости. Они были равны халдейским жрецам в знаниях астрономии, гадании и толковании снов. И хотя эти юные заложники содержались за государственный счет и, возможно, в королевских дворцах, они помнили о своих попавших в беду соотечественниках и питались самой простой пищей. Даниил сохранил свое влияние при вавилонском дворе как толкователь снов. Дважды его вызывал Навуходоносор и один раз Валтасар, чтобы истолковать надпись на стене. А при персидском монархе, когда пал Вавилон, Даниил стал визирем, или сатрапом, с большим достоинством и властью.

Его прекрасный характер.

Когда семидесятилетнее пленение, предсказанное Иеремией, подошло к концу, империя мидян и персов оказалась в руках Кира, под властью которого он пользовался тем же расположением и рангом, что и при Дарии или любом из вавилонских князей. Чудесное избавление этого великого человека из львиного рва, в которое он был брошен из-за интриг своих врагов и неизменного закона мидийцев, привело к новому подъему. Иосиф Флавий приписывает Даниилу одного из самых благородных и интересных персонажей еврейской истории, большое мастерство в архитектуре, и именно ему приписывается великолепный мавзолей в Экбатане. Но Даниил, при всех его почестях, не был возвращен, и, вероятно, именно благодаря его влиянию как великого визиря изгнанные евреи добились от Кира указа, который вернул их на их любимую землю.

Возвращение евреев.

Число вернувшихся евреев под предводительством Зоровавеля, потомка иудейских царей, составляло сорок две тысячи триста шестьдесят человек — большой и радостный караван, но небольшой по численности по сравнению с израильтянами, вышедшими из Египта вместе с Моисеем. По прибытии на родину к ним присоединилось множество оставшихся там простых людей. Они привезли с собой священные сосуды храма, которые Кир щедро восстановил. Они прибыли весной 536 года до н.э. и немедленно начали приготовления к восстановлению храма; не при тех обстоятельствах, которые позволили Соломону сосредоточить богатства Западной Азии, но в условиях сильного разочарования и под давлением бедности. Храм был построен на старом фундаменте, но достроен только на шестой год правления Дария Гистаспа, в 515 году до н.э., да и то без древнего великолепия.

Освящение Храма.

Это было посвящение с великой радостью и великолепием, но принесение в жертву ста тельцов, двухсот баранов, четырехсот ягнят и двенадцати козлов составляло печальный контраст с гекатомб, которые устраивал Соломон.

Больше ничего важного не было в истории зависимых, обнищавших и униженных евреев, которые вернулись в страну своих предков во время правления Дария Гистаспа.

Мардохей и Артаксеркс. История Есфири.

Именно при его преемнике Ксерксе, том, кто приказал бичевать Геллеспонт, — этом безумном, роскошном, изнеженном монархе, которого в Священном Писании называют Артаксерксом, — Мардохей фигурировал при персидском дворе, а Есфирь была возведена на сам трон. На седьмом году своего правления этот бесславный царь вернулся разбитым после вторжения в Грецию. Предаваясь удовольствиям своего гарема, он женится на девушке-еврейке, которая по воле Провидения является орудием предотвращения величайшего бедствия, которым когда-либо угрожали евреи. Аман, потомок амаликитских царей, является любимым министром и великим визирем персидского монарха. Оскорбленный Мардохеем, своим соперником в императорской милости, двоюродным братом царицы, он интригует с целью массового истребления евреев, где бы они ни находились, обещая царю десять тысяч талантов серебра за счет конфискации еврейского имущества, в котором нуждался царь, обнищавший из-за своей неудачной экспедиции в Грецию. Таким образом, он получает указ от Артаксеркса о всеобщем истреблении еврейского народа во всех провинциях империи, одной из которых была Иудея. Евреи в крайнем смятении и смотрят на Мардохея. Его надежда основана на Есфири, царице,

которая могла бы смягчить своим очарованием сердце царя. Она берет на себя ответственность за спасение своей нации, рискуя собственной жизнью, — поступок, не требующий экстраординарной самоотдачи, но требующий экстраординарного такта. Какая тревога, должно быть, давила на душу этой еврейской женщины при выполнении задачи, за которую она взялась! Какая ответственность легла на ее плечи без посторонней помощи? Но она скрывает свое горе, свой страх, свою тревогу и предстает перед королем, сияющая красотой. Золотой скипетр протягивает ей ее слабый и жестокий муж, хотя и облаченный в пышность и могущество восточного монарха, перед которым все преклоняют колена и которому, даже в своем безумии, он представляется полубогом. Она не решается сообщить царю о своих желаниях. Ставка слишком велика. Она просто приглашает его на грандиозный банкет с его министром Аманом. И король, и министр попали в ловушку осторожной королевы, и результатом стало бесчестие Амана, возвышение Мардохея и избавление евреев от смертельного приговора — не идеальное избавление, поскольку указ нельзя было изменить, но евреев предупредили, и им позволили защищаться, и они убили семьдесят пять тысяч своих врагов. За актом мести последовала казнь десяти сыновей Амана, и Мардохей стал настоящим правителем Персии. Мы видим в этой истории каприз, который в целом руководил действиями восточных царей, и их собственное рабство у своих любимых жен. Чары женщины воздействуют, во зло или во благо, на то, чего не могут сделать совесть, и разум, и политика, и мудрость, объединенные вместе. Эстер по праву является любимцей христианского и еврейского мира; но Вашти, гордая царица, которая с истинно женским достоинством отказывается почтить своим присутствием сатурналии пьяного монарха, также заслуживает нашего уважения, хотя и поплатилась за неповиновение; и глупый указ, который издал царь, о том, что все женщины должны беспрекословно повиноваться своим мужьям, кажется, указывает на то, что безоговорочное повиновение не было в обычае персидских женщин.

Возвращение евреев в Палестину при Эзре.

Правление Артаксеркса, преемника Ксеркса, было благоприятным для евреев, поскольку Иудея была провинцией Персидской империи. На седьмой год его правления, в 458 году до н.э., произошло новое переселение евреев из Вавилонии во главе с Ездрой, человеком высокого положения при персидском дворе. Ему было поручено собрать среди евреев Вавилонии пожертвования на украшение храма, и он прибыл в Иерусалим, нагруженный сокровищами. Однако он был тронут видом укоренившегося обычая смешанных браков евреев с соседними племенами. Ему удалось добиться отказа от жен-иностранок и приведения в исполнение старых законов, которые отделяли евреев от всех других народов. И, вероятно, именно этот суровый закон, запрещающий евреям вступать в браки с иностранцами, сохранил их национальность во всех их скитаниях и несчастьях больше, чем какая-либо другая причина.

Неемия. Восстановление Иерусалима. Возрождение древних законов.

Возобновление полномочий, предоставленных Неемии в 445 году до н.э., привело к новой иммиграции евреев в Палестину, несмотря на все сопротивление самаритян и других народов. Неемия был виночерпием персидского царя и был предан интересам персии. В то время Персии был нанесен смертельный удар в битве при Кинде, и среди унижительных статей мирного договора с афинским адмиралом было условие, что персы не должны приближаться к морю ближе чем на три дня пути. Иерусалим, находившийся на таком расстоянии, был важным пунктом для удержания, и персидский двор счел разумным доверить его защиту верным

союзникам. Несмотря на все препятствия, Неемии удалось за пятьдесят два дня восстановить старые стены и укрепления; все население, всех рангов и сословий, посвятило себя этой работе. Более того, пожертвования на храм продолжали поступать в казну некогда богатого, но теперь обнищавшего и уничтоженного народа. Обеспечив безопасность столицы и украсив храм, лидеры нации обратили свое внимание на составление священных книг и восстановление религии. Многие важные литературные произведения были утрачены во время их пленения, в том числе труд Соломона по национальной истории и древняя книга Джашера. Но книги по закону, исторические книги, пророческие писания, Псалмы, Притчи, Экклезиаст и Песни Соломона были собраны и скопированы. Закон, пересмотренный и исправленный, был публично зачитан Ездрой; праздник Кушей был отпразднован со значительной пышностью; и народ заключил обновленный завет соблюдать закон, субботу, избегать идолопоклонства и воздерживаться от смешанных браков с чужеземцами. Еврейская конституция была восстановлена, и Неемия, в действительности персидский сатрап, жил в состоянии значительного великолепия, принимая главных лидеров нации и устраняя все беспорядки. Иерусалим постепенно восстановил свое политическое значение, в то время как страна десяти колен, хотя и была заполнена людьми, продолжала оставаться местопребыванием идолопоклонников.

Неясность еврейской истории после Неемии.

После смерти Неемии в 415 году до н.э. история евреев становится неясной, и мы улавливаем лишь отдельные проблески состояния страны вплоть до восшествия на престол Антиоха Епифана в 175 году до н.э., когда сирийский монарх воздвиг новое царство на руинах персидской империи. На протяжении более чем двух столетий, когда греки и римляне процветали, еврейская история оставалась незаполненной, с кое-где разрозненными замечаниями и традициями, записанными Иосифом Флавием. Евреи, жившие в этот период в вассальной зависимости от преемников Александра, прониклись воинственным духом, и войны Маккавеев возвысили их значение настолько, что они стали союзниками Рима — новой державы-завоевателя, которой было суждено подчинить себе весь мир. В этот период еврейский характер приобрел жесткую, упрямую, исключительную окраску, которую он сохранил с тех пор, — сильную враждебность к политеизму и всем нееврейским влияниям. Еврейские Священные Писания приняли свою нынешнюю форму, и на свет появились апокрифические книги. Возникли иудейские секты, такие как фарисеи и саддукеи, а религиозные и политические партии проявляли непривычную свирепость и нетерпимость. В то время как греки и римляне были поглощены войнами, евреи усовершенствовали свою своеобразную экономику и снова приобрели политическое значение. Страна благодаря орошению и возделыванию стала густонаселенной и плодородной, а поэзия и искусство вновь обрели свое господство. Народ почти не интересовался политическими потрясениями соседних стран и спокойно посвятил себя освоению своих собственных ресурсов. Плен излечил их от войны, идолопоклонства и воинственных походов.

Безвестность и рост евреев.

В течение этих двухсот лет безвестности, но реального роста, незамеченного и неизвестного другим народам, в Египте возникла новая столица; Александрия стала крупным торговым центром и средоточием возрожденной греческой учености. Власть царей-Птолемеев, греков по происхождению, благоприятствовала литературе и искусствам. Евреи поселились в своем

великолепном городе, перевели свои Священные Писания на греческий и культивировали греческую философию.

Господство первосвященников.

Тем временем внутреннее управление евреями перешло в руки первосвященников — персидских наместников, осуществляющих лишь общее руководство. В конце концов страна, вновь обретшая благосклонность, подверглась вторжению Александра. После падения Тира завоеватель продвинулся к Газе и полностью разрушил ее. Затем он приблизился к Иерусалиму в знак верности Персии. Первосвященник не оказал сопротивления, но вышел в своих папских одеждах, сопровождаемый людьми в белых одеждах, навстречу могучему воину. Александр, вероятно, воодушевленный пророчествами Даниила, как объяснил первосвященник, не причинил вреда городу или народу, но принес дары и, как утверждает традиция, даже поклонялся Богу евреев. После завоевания Персии Иудея перешла во владение Лаомедонта, одного из военачальников Александра, в 321 году до н. э.. После его поражения от Птолемея, другого полководца, на долю которого выпал Египет, сто тысяч евреев были отведены в плен в Александрию, где они поселились и выучили греческий язык. Страну продолжали сотрясать войны между полководцами Александра, и она попеременно попадала в руки сирийских и египетских царей — преемников полководцев великого завоевателя.

Преследование евреев Антиохом.

После основания Селевком Сиро-греческого царства столица Антиохии превратилась в великий город и соперницу Александрии. Сирия, переставшая быть сатрапией Персии, стала могущественной монархией, а Иудея стала добычей армий этого амбициозного государства в его войне с Египтом и попеременно была вассалом каждой из них — Сирии и Египта. При правительстве первых трех Птолемеев — этих просвещенных и великолепных князей, Сотера, Филадельфа и Эвергета, евреи были защищены как дома, так и в Александрии, и их страна наслаждалась миром и процветанием, пока амбиции Антиоха Великого снова не ввергли нацию в трудности. Он захватил Иудею, которая тогда была провинцией египетских царей, но потерпел поражение от Птолемея Филадельфа. Этот монарх сделал храму роскошные подарки и даже отважился войти в святилище, но был остановлен первосвященником. Хотя он был полон страха из-за беспорядков, вызванных этим актом, с тех пор он ненавидел евреев и преследовал их. При его преемнике Антиох снова вторгся в Иудею, и египетский военачальник Скопас снова вырвал Иерусалим из его рук. Однако, потерпев поражение у истоков Иордана, страна попала в руки Антиоха, которого считали освободителем. И он продолжал подчиняться царям Сирии до тех пор, пока вместе с Иерусалимом не претерпел бедствия, едва ли уступающие тем, что были причинены вавилонянами.

Правление первосвященников. Их беспокойное правление. Народные волнения. Нищета евреев.

Трудно с каким-либо удовлетворением проследить внутреннее правление евреев в течение двухсот лет, когда главная власть находилась в руках первосвященников, — этот период отмечен войнами между Сирией и Египтом, или, скорее, между преемниками полководцев Александра. Правление первосвященников в Иерусалиме не было исключением из тех позорных бесчинств, которыми время от времени были отмечены все правительства мира — будь то в руках королей или олигархии знати и священников. Неемия изгнал из Иерусалима

Манассию, сына Иодая, сменившего Елиашива на посту первосвященника, из-за его незаконного брака с незнакомкой. Манассия, приглашенный в Самарию отцом женщины, на которой он женился, стал первосвященником храма на горе Гаризим и таким образом увековечил раскол между двумя народами. До завоеваний Александра, когда страна находилась под властью Персии, первосвященник по имени Иоанн убил своего брата Иисуса на территории святилища, за что персидский наместник наказал весь народ большим штрафом, наложенным на это преступление. Джаддуа был верховным жрецом во времена Александра и своим достоинством и тактом покорил завоевателя Азии. Ония сменил Джаддуа и правил двадцать один год, и ему наследовал Симон Справедливый, понтифик, о правлении которого еврейская традиция вспоминает с восторгом. Симону наследовали его дяди, Елеазар и Манассия, а им - Ония II, сын Симона, из-за чьего проступка или лености, заключавшейся в отказе от уплаты обычной дани египетскому царю, страна едва не подверглась новым бедствиям, предотвращенным, однако, его племянником Иосифом, который умиротворил египетский двор и получил прежнее управление доходами Иудеи, Самарии и Финикии, которыми он пользовался до времен Антиоха Великого. Onias II. ему наследовал его сын Симон, при понтификате которого египетскому монарху не разрешалось входить в храм, а ему - Ония III, при правлении которого произошла вражда с сыновьями Иосифа, опозоренными убийствами, что потребовало вмешательства сирийского царя, владевшего тогда Иудеей. Иисус Навин, или Ясон, путем подкупа получил понтификат, но он позволил храмовому богослужению выйти из употребления и даже был отчужден от еврейской веры из-за своей близости к сирийскому двору. На своем высоком посту он был обойден Онией, своим братом, который был опозорен дикими страстями и украл из храма золотые сосуды. Возмущенный народ поднялся в смятении и убил его брата Лисимаха. Тем временем Ясон, лишенный прав первосвященник, восстановил свою власть и запер Онию, или Менелая, как он себя называл, в замке. Это было истолковано Антиохом как восстание, и он наложил на Иерусалим ужасную кару — вырезал сорок тысяч человек и еще столько же захватил в рабство. Затем он отменил храмовые службы, конфисковал все священные сосуды, собрал добычи на сумму в тысячу восемьсот талантов, осквернил алтарь принесением в жертву свиньи и подавил все признаки еврейской независимости. Он замыслил полное искоренение еврейской религии, разрушил капища, преследовал деревенских жителей и творил беспрецедентные варварства. Сам храм был посвящен Юпитеру Олимпийскому, и несчастные евреи неохотно были вынуждены участвовать во всех обрядах языческого богослужения, включая вакханалии, которые высмеивали добродетель древних римлян.

Маккавеи. Маттафия. Его успехи.

От этой деградации и рабства евреев спас ряд героев, которых воздвиг Бог, — асмонеи, или Маккавеи. Главой этой героической семьи был Маттафия, человек священнического происхождения, живший в городе Модиин с видом на море — богатый и влиятельный старик, который отказался отойти от веры своих отцов, в то время как большая часть нации вновь впала в греческое язычество. Он собственноручно убил еврея-отступника, принесшего жертву языческому божеству, а затем убил царского уполномоченного Апеллеса, которого Антиох послал привести в исполнение свои эдикты. Героический старик, напоминая Вильгельма Телля своей миссией и характером, созвал своих соотечественников, которые придерживались старой веры, укрепился в горах и возглавил энергичное восстание против сирийской власти, сражаясь даже в субботний день. Ряды повстанцев постепенно пополнялись теми, кто все еще был ревностен к закону или воодушевлен патриотическим стремлением к независимости.

Маттафия процветал, совершая успешные набеги из своих горных крепостей, разрушая языческие алтари и наказывая евреев-отступников. Две секты с особым рвением присоединились к его знамени — цадикимы, соблюдавшие письменный закон Моисея, от которого произошли саддукеи более поздних времен, и более ревностные и суровые хасиды, которые добавили к закону традиции старейшин, от которых произошли фарисеи.

Старики плохо подходят для ведения военных походов, когда требуются большая усталость и лишения, и престарелый Маттафия согнулся под тяжестью, которую он так благородно нес, и завещал свою власть Иуде, самому доблестному из своих сыновей.

Его сын Иуда. Его героические поступки.

Этот замечательный человек, едва ли уступавший Иисусу Навину и Давиду в военном гении и героических качествах, к личной храбрости добавил благоразумие и осмотрительность. Когда его последователи приобрели опыт и мужество в различных доблестных приключениях, он открыто повел их против своих врагов. Правитель Самарии Аполлоний был первым, с кем он столкнулся, кого обратил в бегство и убил. Серон, заместитель губернатора Целесирии, пытался искупить позор сирийского оружия; но он также потерпел поражение при перевале Вефорон. По настоятельной просьбе Филиппа, наместника Иерусалима, Антиох затем послал для усмирения повстанцев сильный отряд в сорок тысяч пеших и семь тысяч всадников под командованием Птолемея Макрона. У Иуды, чтобы противостоять этим силам, было шесть тысяч человек; но он положился на Бога Израиля, как поступали его отцы в ранние века еврейской истории, и внезапной атакой полностью разгромил большой отряд основной армии под командованием Горгия и разорил их лагерь. Затем он разгромил еще одно войско за Иорданом, и полководец бежал, переодевшись рабом, в Антиохию. Так завершилась триумфальная кампания.

Сирия вторгается в Палестину.

В следующем году Лисий, военачальник Антиоха, вторгся в Иудею с большим войском в шестьдесят пять тысяч человек. Иуда встретил его с десятью тысячами человек и одержал блестящую победу, которая оказалась решающей и привела к восстановлению еврейской власти в Иерусалиме. Иуда укрепил город и храм, перешел в наступление и отвоевал один за другим города, перешедшие под власть Сирии. Тем временем Антиох, злейший враг, который когда-либо был у евреев, трагически погиб в Персии - самый могущественный из всех сирийских царей.

Еще одно неудачное вторжение.

После восшествия на престол Антиоха Евпатра Лисий снова предпринял попытку покорения Иудеи, на этот раз он двинулся вперед со ста тысячами пеших, двадцатью тысячами всадников и тридцатью двумя слонами. Но эти большие силы были растрочены впустую в результате неудачной атаки на Иерусалим, преследуемые воинами Маккавеев. Был заключен мирный договор, по которому евреям предоставлялась полная свобода вероисповедания с разрешением руководствоваться их собственными законами.

Продолжающиеся военные действия между Сирией и Палестиной.

Деметрий, законный наследник Антиоха Великого, был задержан в Риме в качестве заложника, вследствие чего Антиох Евпатр узурпировал его трон. Бежав из Рима, он одолел своих врагов и вернул себе царство. Но он был еще более враждебен к евреям, чем его предшественник, и ему удалось назначить первосвященника народу, дружественному его интересам. Его жестокость и преступления снова пробудили евреев к сопротивлению, Иуда одержал еще одну решающую победу, а Никанор, сирийский военачальник, был убит.

Евреи заключают союз с римлянами.

Затем Иуда принял политику, которая имела важные последствия. Он заключил союз с римлянами, а затем нацелился на завоевание Востока. Римский сенат с готовностью вступил в коалицию с более слабым государством в соответствии со своим единообразным обычаем защищать тех, кого они в конечном счете поглотили в своей обширной империи: но едва был ратифицирован договор, как доблестный Иуда умер, оставив защиту своей страны своим братьям, до н.э. 161 г.

Ионафан Маккавей, повелитель Иудеи. Его правление. Иоанн Гиркан в качестве первосвященника.

Ионафан, на которого пало руководство, обнаружил, что силы, находящиеся под его контролем, пришли в уныние из-за тирании первосвященника Алкима, которого принял народ. Объединившись с сирийским военачальником Вакхидом, первосвященник делал все по-своему, пока Ионафан, выйдя из своего убежища, снова не освободил своих соотечественников, и не был заключен еще один мир. Несколько лет прошло в спокойствии, Ионафан был хозяином Иудеи. Революция в Сирии усилила его власть, и его брат Симон был назначен главнокомандующим всей страной от Тира до Египта. Джонатан, к сожалению, был взят в осаду, и руководство страной перешло к Саймону, последнему из этой героической семьи. Он правил с великой мудростью, укрепил свою власть, укрепил союз с Римом, восстановил Иерусалим и восстановил мир в стране. Получив в подарок римлянам тысячу фунтов золота, он был провозглашен князем Иудеи и взят под защиту своего могущественного союзника. Но мир с Сирией из-за новых осложнений, которым подверглось это королевство из-за соперничающих претендентов на трон, был нарушен в старости Симона, и он был предательски убит вместе со своим старшим сыном Иудой на пиру в Иерусалиме. Младший сын, Иоанн Гиркан, унаследовал силу своей семьи, был провозглашен первосвященником и стремился отомстить за убийство своего отца и брата. Тем не менее, сирийская армия захватила страну, и Иоанн Гиркан, запертый в Иерусалиме, был доведен до крайности. Наконец между ним и сирийским монархом Антиохом был заключен мир, по которому Иудея подчинилась вассалитету сирийского царя. Неудачный поход Антиоха в Парфию позволил Гиркану вновь сбросить сирийское иго, и Иудея восстановила свою независимость, которую она сохраняла до тех пор, пока ее не вынудили признать римскую власть. Гиркан процветал в свое правление и разрушил соперничавший храм на горе Гаризим, в то время как Иерусалимский храм восстановил свое древнее достоинство и великолепие.

Евреи в Александрии.

В этот период евреи, поселившиеся в Александрии, посвятили себя литературе и философии в этом либеральном и элегантном городе, и им была разрешена свобода вероисповедания. Но они запутались в лабиринтах греческих спекуляций и во многом утратили свой древний дух.

Подчиняясь мнениям и обычаям греков, они достигли больших почестей и отличия и даже высоких постов в армии.

Правление Иоанна Гиркана.

Гиркан, верховодивший в Иудее, теперь подчинил себе Самарию и Идумею, и его беспокоили только враждующие партии фарисеев и саддукеев, чьи ссоры будоражили государство. Он присоединился к партии саддукеев, которые отстаивали свободу воли и отрицали более ортодоксальные доктрины фарисеев, своего рода эпикурейцев, выступавших против строгости и авторитета традиций. То, что Государство могло волноваться богословскими и философскими вопросами, подобно государствам Греции в период их наивысшего развития, является одним из доказательств прогресса еврейского разума по сравнению с простотой прежних эпох.

Ему наследовал его сын.

Гиркан правил двадцать девять лет, и ему наследовал его сын Аристобул в 106 году до н. э.. Его краткое и бесславное правление было опозорено тем, что он заморил голодом в темнице свою мать, заключил в тюрьму трех своих братьев и убил четвертого, Антигона, который был победоносным полководцем. Этот принц умер в муках раскаяния и ужаса на том месте, где был убит его брат.

Александр Яннаус унаследовал трон асмонейских князей, которые владели всей областью Палестины, за исключением порта Птолемаида и города Газа. В попытке вернуть себе первое он потерпел сокрушительное поражение и был близок к потере своего трона. Он добился большего успеха в своем нападении на Газу, которая в конце концов сдалась после того, как Александр понес огромные потери.

Бурное правление Александра.

В то время как этот царь-священник праздновал Праздник Кущей, вспыхнул митинг, спровоцированный фарисейской партией, который привел к убийству десяти тысяч человек. Во время вторжения в страну к востоку от Иордана восстание возобновилось, и нация в течение шести лет испытывала все бедствия гражданской войны. Разбитый в битве с сирийским монархом, к помощи которого обратились повстанцы, он был вынужден бежать в горы; но восстановив свою власть, во главе шестидесяти тысяч человек, — что свидетельствует о могуществе Иудеи в этот период, — он двинулся на Иерусалим и учинил ужасную месть: восемьсот человек были публично распяты, а еще восемь тысяч были вынуждены покинуть город. Под его железной властью страна восстановила свое политическое значение, поскольку его королевство включало большую часть Палестины. Он умер после бурного двадцатисемилетнего правления в 77 году до н.э., призывая свою королеву броситься в объятия фарисейской партии, совету которой она последовала, поскольку она была самой могущественной и популярной.

Королева Александра.

Первосвященство перешло к его старшему сыну Гиркану II, в то время как бразды правления находились в руках его королевы Александры. Она царствовала энергично и процветающе в течение девяти лет, наказав убийц восьмисот казненных фарисеев.

Гиркан не справился со своей задачей в условиях ожесточенной партийной борьбы. Его брат Аристокбул, принадлежавший к партии саддукеев и взявший Дамаск, пользовался популярностью в народе и вынудил своего старшего брата отречься от престола в его пользу, и правлению фарисеев пришел конец.

Семья идумеян.

Но теперь на сцене появляется другая семья, которая в конечном итоге отобрала корону у принцев Асмодеев. Антипатр, знатный идумеец, был главным министром слабого Гиркана. Из честолюбивых побуждений он подстрекал свергнутого принца восстановить свои права и под влиянием его советов бежал в Арету, короля Аравии, столица которой, Петра, превратилась в крупный торговый центр. Арета, Антипатр и Гиркан выступили с пятидесятитысячной армией против Аристокбула, который потерпел поражение и бежал в Иерусалим.

Все стороны вызывают к помощи Помпея.

В это время Помпей продолжал свою завоевательную карьеру на Востоке, и обе стороны ссылались на его вмешательство, и обе предлагали огромные взятки. Этот могущественный римлянин находился тогда в Дамаске, принимая почести и дань от восточных царей. Египетский монарх прислал в подарок корону стоимостью в четыре тысячи золотых монет. Аристокбул, распоряжавшийся богатствами храма, прислал золотую виноградную лозу стоимостью в пятьсот талантов. Помпей, намеревавшийся завоевать Аравию, не принял никакого решения; но, преуспев в достижении своей цели, принял высокомерный тон, несовместимый с независимостью Иудеи. Аристокбул, патриотичный, но колеблющийся, — “слишком возвышенный, чтобы уступить, слишком слабый, чтобы сопротивляться”, - бежал в Иерусалим и приготовился к сопротивлению.

Иерусалим попадает в руки Помпея.

Помпей приблизился к столице, ослабленный теми вечными раздорами, которым подвергались последние иудеи из-за пылкости своих религиозных споров. Город пал после храброй трехмесячной обороны и, возможно, не пал бы, если бы евреи захотели отказаться от строгого соблюдения субботы, в течение которой римляне готовились к штурму. Помпей разрушил городские укрепления и взыскал дань, но пощадил сокровища храма, которые он осквернил своим языческим присутствием. Он назначил Гиркана священником, но отказался от царской диадемы и ограничил владения Гиркана Иудеей. Он отвез Аристокбула в Рим, чтобы украсить свой триумф.

Реорганизация правительства.

Но ему удалось бежать, и вместе со своим сыном Александром он снова возобновил междоусобицу; но, взятый в плен, он снова был отправлен в качестве пленника в “вечный город”. Римский полководец Габиний — ибо Гиркан призвал на помощь римлян — теперь лишил первосвященника царской власти и реорганизовал все правительство Иудеи, учредив пять независимых синедрионов в главных городах по образцу великого Синедриона, который существовал со времени пленения. Эта форма просуществовала до тех пор, пока Юлий Цезарь не наделил Гиркана высшим достоинством.

Иерусалимом правят римские полководцы.

Теперь Иерусалим был открыт для алчности римских военачальников, которые действительно управляли страной. Красс разграбил все, что пощадил Помпей. Он забрал из храма десять тысяч талантов - около десяти миллионов долларов, когда золото и серебро имели значительно большую ценность, чем в наше время. Эти огромные суммы были накоплены за счет взносов евреев, разбросанных по всему миру, некоторые из которых были чрезвычайно богаты.

Ирод, наместник Галилеи.

Аристобул и его сын Александр были убиты во время великой гражданской войны между сторонниками Цезаря и Помпея. После падения последнего. Цезарь утвердил Гиркана в сане первосвященника и позволил ему восстановить стены Иерусалима. Но Антипатр, полагаясь на неспособность Гиркана, возобновил свои честолюбивые интриги и ухитрился сделать своего сына Фазаила губернатором Иерусалима, а второго сына Ирода - губернатором Галилеи.

Получает корону Иудеи. И правит тиранически. Его жалкая жизнь.

Ирод развил в себе великие таланты и ждал своего часа. После битвы при Филиппах Ирод сделал приемлемые жертвоприношения победившей стороне и получил корону Иудеи, которая недавно была разорена парфянами благодаря интригам Антигоны, оставшегося в живых сына Аристобула. Своим браком с Мариамной, из царского рода асмонеев, он укрепил власть, которую завоевал мечом, и благосклонность Рима. Он был последним из независимых государей Палестины. Он правил тиранически и был виновен в великих преступлениях, став причиной смерти престарелого Гиркана, а также заключения в тюрьму и казни его жены по грязному подозрению. Он оказал Августу ту же услугу, что и Антонию, и был утвержден во владении его королевством. Последняя из рода Асмонеев погибла на эшафоте, прекрасная, невинная и гордая, объект безграничной страсти к тирану, который принес ее в жертву еще большему — подозрению. Разрываясь между любовью и негодованием, Ирод впал в жестокий приступ раскаяния, поскольку в большей или меньшей степени был причастен к убийству отца, деда, брата и дяди своей прекрасной и властной жены. Все время, даже среди великолепия своего дворца, его преследовал образ жены, которую он погубил и которую любил со страстным пылом. Он разразился слезами, он испробовал все развлечения, банкеты и пирушки, одиночество и труд — и все же убитая Мариамна постоянно присутствует в его возбужденном воображении. Он пребывает в постоянном и неизгладимом унынии, а его суровая натура стремится к жестокости и кровопролитию. Его государственное управление в целом благоприятствовало миру и счастью в стране, хотя он ввел игры и театры, в которых римляне искали своих величайших удовольствий. Из-за этих нововведений он подвергался постоянным опасностям; но он преодолел их все благодаря своей бдительности и энергии. Он восстановил Самарию и возвел дворцы. Но его величайшей работой было строительство Кесарии — города дворцов и театров. Его политика превращения Иудеи в простую провинцию Рима не нравилась его подданным, и его подозревали в намерении сделать нацию язычницей. Ни его щедрость, ни строгость не могли подавить ропот возмущенного народа. Неприкрытая враждебность нации побудила его к политическому акту, с помощью которого он надеялся примирить ее навсегда. Гордостью и славой евреев был их храм. Этот храм Ирод решил отстроить с необычайной пышностью, чтобы приблизиться к его великолепию времен Соломона. Он снес старое строение, обветшавшее в результате осад, насилия и пятисотлетнего износа, и постепенно возникло новое здание, сверкающее золотом и внушительное с мраморными башенками.

Ненависть, в которой его держали. Его смерть.

Но, несмотря на все его великолепные общественные работы, направленные то ли на удовлетворение гордости своего народа, то ли на собственное тщеславие, несмотря на его усилия по развитию ресурсов страны, которой он правил по милости Рима, несмотря на его таланты и энергию — один из самых способных монархов, когда-либо сидевших на троне Иудеи, он был неприятен своим подданным своей жестокостью и симпатией к язычеству, и в последние дни его посетило ужасное расстройство, которое сотрясало его тело болью и воспаляло его душу ненавистью. Подозрения, в то время как его двор был отвлечен интригами из его собственной семьи, которые отравляли его жизнь и побуждали его совершать противоестественные жестокости. Он уже казнил двух любимых сыновей от Мариамны, которую любил, и все из-за придворных интриг и ревности, а затем казнил своего сына и наследника от Дорис, своей первой жены, с которой он развелся, чтобы жениться на Мариамне, и при обстоятельствах настолько жестоких, что Август заметил, что он предпочел бы быть одной из своих свиней, чем одним из своих сыновей. Среди других зверств он приказал расправиться с невинными, чтобы никто не родился “царем Иудейским”. Его последним действием было отдать роковое распоряжение казнить своего сына Антипатра, которого он надеялся сделать своим наследником, а затем почти сразу же скончался в мучениях, ненавидимый нацией и оставивший после себя имя столь же позорное, как имя Ахава, до н. э. 4.

Его королевство разделено между его сыновьями. Претензии принцев-соперников.

Ирод женился на десяти женах и оставил многочисленное семейство. В своем завещании он назначил сыновей Мальфейс, своей шестой жены, и самаритянку своими преемниками. Это были Архелай, Антипа и Олимпиада. Первый унаследовал Идумею, Самарию и Иудею; второму были переданы Галилея и Перея. Архелай немедленно принял на себя управление Иерусалимом; и после того, как он устроил своему отцу пышные похороны, а народу поминальный пир, он вошел в храм, сел на золотой трон и произнес, как это обычно бывает с монархами, примирительную речь, обещая реформы и освобождение от налогов и притеснения. Но даже это не предотвратило одно из тех позорных восстаний, которые когда-либо отмечали жителей Иерусалима, в ходе которого три тысячи человек были убиты на почве религиозной вражды. Подавив беспорядки, устроенные военными, он отправился в Рим, чтобы добиться утверждения себя на троне. Он столкнулся с противодействием со стороны различных интриг его собственной семьи и каприза императора. Его младший брат, Антипа, также отправился в Рим, чтобы поддержать его притязания на трон в силу прежнего завещания. В то время как дело царственных тяжущихся сторон рассматривалось в верховном суде цивилизованного мира, в Иудее вспыхнули новые беспорядки, вызванные хищничеством Сабина, римского прокуратора Сирии. Вся страна находилась в состоянии анархии, и авантюристы стекались со всех сторон, чтобы заявить о своих притязаниях в стране, которая страстно ожидала национальной независимости или возвышения какого-нибудь завоевателя, который восстановил бы предсказанную славу земли, ныне раздираемой междоусобицами и запятнанной братоубийственной кровью. Вар, префект Сирии, попытался восстановить порядок и распял около двух тысяч зачинщиков беспорядков. Пятьсот евреев отправились в Рим, чтобы ходатайствовать о восстановлении их древней конституции и отмене королевского правления.

Римляне подтверждают волю Ирода.

Наконец императорский эдикт подтвердил волю Ирода, и Архелай был назначен верховным правителем Иерусалима, Идумеи и Самарии под титулом этнарха; Ирод Антипа получил Галилею и Перею; Филипп, сын Ирода и Клеопатры Иерусалимской, был назначен тетрархом Итуреи. Архелай управлял своими владениями с такой несправедливостью и жестокостью, что император сверг его, и Иудея стала римской провинцией. В конце концов скипетр перешел к семье Давида, Асмонеев и Ирода, и царство превратилось в округ, зависимый от префектуры Сирии, хотя и управляемый римским губернатором.

ГЛАВА XII.

РИМСКИЕ НАМЕСТНИКИ.

Рождение Христа.

История евреев после смерти Ирода отмечена величайшим событием в истории человечества. Через четыре года после того, как он скончался в муках боли и раскаяния, в Вифлееме родился Иисус Христос, учение которого изменило все состояние мира и будет продолжать изменять все институты и правительства до тех пор, пока семя женщины полностью не восторжествует над всеми кознями змея. Однако мы не можем углубляться в жизнь или миссию Спасителя или в слабые зачатки ранней и гонимой Церкви, которую он основал и которой суждено идти от завоевания к завоеванию. Мы возвращаемся к более непосредственной истории еврейского народа до тех пор, пока их столица не попала в руки Тита и их политическое существование не было уничтожено.

Правление римских наместников.

Теперь ими должны были править римские наместники - или просто короли-вассалы, которых римляне терпели и защищали. Первым из этих правителей был П. Сульпиций Квин — человек консульского ранга, который, как проконсул Сирии, отвечал за управление Иудеей, которое было доверено Копонию. Его сменил М. Амбивий, а его снова сменил Анний Руф. Происходила быстрая смена губернаторов, пока Тиберий не назначил Валерия Грата, который оставался у власти одиннадцать лет, исходя из принципа, что быстрая смена правителей усиливает угнетение народа, поскольку каждый новый губернатор стремится обогатиться. Тиберий был тираном, но мудрым императором, и дела римского мира никогда не управлялись лучше, чем во время его правления. Эти губернаторы провинций, подобно царям Иродиадам, назначали и смещали первосвященников и оставляли за ними внутреннее управление городом Иерусалимом. Обычно они жили в Кесарии, чтобы избежать споров иудейских сект и народных волнений.

Понтий Пилат.

Понтий Пилат сменил Грата в 27 году н.э., при котором был распят и заклан достопамятный Иисус Христос — человек жестокий, суровый и безрассудно относящийся к человеческой жизни, но заботящийся о мире и безмятежности в провинции. Он пытался передать невинного преступника суду Ирода, к юрисдикции которого он принадлежал как галилеянин, но уступил настойчивым просьбам народа и оставил его на милость еврейского духовенства.

Неусыпная зависть к народным волнениям и безрассудное пренебрежение к человеческой жизни привели к отзыву Пилата; но в течение сорока лет, прошедших после смерти Ирода, его сыновья спокойно правили своими провинциями. Антипа в Сепфорисе, столице Галилеи, и Филипп за Иорданом. Последний принц был гуманным и справедливым и умер, не оставив потомства, а его территория была присоединена к Сирии.

Ирод Антипа.

Ирод Антипа был другим человеком. Он соблазнил и женился на своей племяннице Иродиаде, жене Ирода Филиппа, дочери Аристовула и внучке Мариамны, которую Ирод Великий принес в жертву из ревности — последнего отпрыска асмонейских князей. Именно из-за нее Иоанн Креститель был предан смерти. Но этот брак оказался неудачным, поскольку из-за него у него возникли разногласия с Аретой, царем Аравии, отцом его первой и отвергнутой жены. Он закончил свои дни в изгнании в Лионе, вызвав ревность или вражду римского императора Калигулы интригами Ирода Агриппы, брата Иродиады и, следовательно, внука Ирода Великого и Мариамны. Семья Иродиадов иудейского происхождения никогда не была свободна от позорных ссор, ревности и соперничества.

Ирод Агриппа.

Владения Ирода Антипы были переданы Ироду Агриппе, который после смерти Филиппа уже получил от Калигулы тетрархат Итуреи с титулом царя. Судьба этого принца, в жилах которого текла кровь асмонеев и иродиадцев, превзошла по романтичности и превратностям судьбы любого из известных восточных принцев; он был попеременно беглецом и фаворитом, бродягой и придворным, нищим и расточителем — в зависимости от разной ненависти и благосклонности императорской семьи в Риме. Ему посчастливилось быть другом Калигулы еще до смерти Тиберия. Когда он взошел на трон римского мира, он вызволил своего друга из тюрьмы и позора и дал ему королевский титул и часть владений его предков.

Его блестящее правление.

Агриппа делал все, что мог, чтобы предотвратить безумные замыслы Калигулы добиться от евреев религиозного поклонения божеству, и он был умеренным в своем правительстве и политике. После смерти римского тирана он получил от своего преемника Клавдия инвеституру всех владений, принадлежавших Ироду Великому. Он царствовал в великом великолепии, уважая национальную религию, с большой точностью соблюдая закон Моисея и стремясь к благосклонности народа. Он унаследовал вкус своего великого прародителя к строительству дворцов и театральным представлениям. Он значительно улучшил Иерусалим и укрепил его укрепления, и все же он был всего лишь королем-вассалом. Он правил по милости Рима, от которого зависел и которого боялся, как и другие короли и князья земли, ибо верховной властью был только император.

Преследует христиан.

Агриппа запятнал свою добрую славу тем, что был гонителем христиан, и умер на сорок четвертом году жизни, семь лет царствовав частью своих владений и три года - всей Палестиной. Он умер в страшных мучениях от внутренних болей, будучи “съеденным червями”. Он оставил одного сына, Агриппу, и трех дочерей, Друзиллу, Беренику и Мариамну, две первые из которых вышли замуж за принцев.

Иудея - римская провинция.

После его смерти Иудея снова превратилась в римскую провинцию, а его сыну Агриппе было всего семнадцать лет, и он был слишком молод, чтобы управлять таким беспокойным, неразумным и упрямым народом, как евреи, раздираемым вечными распрями и партийной враждой, которые, по-видимому, были характерны для них с момента пленения, когда они навсегда отказались от идолопоклонства.

Еврейские вечеринки.

Что это были за вечеринки? Ибо их мнения, борьба и раздоры составляют немалую часть внутренней истории евреев, как при династиях Асмонеев, так и идумеев.

Фарисеи. Их доктрины и характер.

Самыми могущественными и многочисленными были фарисеи, пользовавшиеся наибольшей популярностью в народе. Происхождение этой знаменитой секты покрыто мраком, но, вероятно, возникло вскоре после пленения. Они были ортодоксальной партией. Они придерживались Закона Моисея в его самых мельчайших деталях и всех традиций своей религии. Они были серьезными, свирепыми, нетерпимыми и гордыми. Они верили в ангелов и в бессмертие. Они были смелыми и героическими на войне и несговорчивыми и властными в мирное время. Они были великими фанатиками, преданными прозелитизму. Они были суровы в жизни и презирали всех, кто не был таковым. Они были образованны, благопристойны и прагматичны. Их догматизм не знал ни отсрочки, ни смягчения. Они были приверженцами предопределения и верили в подчинение воли. На публике они проявляли показное благочестие. Они совершали долгие молитвы, строго постились, скрупулезно соблюдали субботу и платили десятину с самых дешевых трав. Они утверждали свое превосходство в социальных кругах и всегда занимали самые высокие места в синагоге. У них на лбу и подоле одежды красовались полоски пергамента, исписанные предложениями из закона. Они считались образцами добродетели и совершенства, но были лицемерами в соблюдении более важных вопросов справедливости. Они, конечно, были самыми непримиримыми противниками веры, которую открыл Христос, и когда-либо подвергались гонениям. Они напоминали самых суровых монахов-доминиканцев средневековья. Они были любимыми учителями и проводниками народа, которого они подстрекали к различным мятежам. Они были теологами, стоявшими на вершине легального иудаизма. “Они огородили свой закон живой изгородью, посредством которой его предписания были защищены от любого возможного нарушения”. И они ухитрились с помощью искусной и технической интерпретации найти законы, которые благоприятствовали их целям. Они превратили аскетизм в систему и соблюдали самые болезненные церемонии — предки строгих монахов; и они объединили показную казуистику, мало чем отличающуюся от иезуитской, чтобы оправдать нарушение духа закона. Они были иерархической кастой, стремлением которой было управлять, и управлять с помощью юридических формальностей. Им совершенно не хватало таких добродетелей, как смирение и

терпимость, и как таковые они были особенно оскорбительны для Великого Учителя, когда он проповедовал высший кодекс любви и прощения. Внешне, однако, они были самыми респектабельными и благородными людьми нации — исполненными достоинства, благопристойными и следящими за внешностью.

Саддукеи.

Следующей крупной партией были саддукеи, которые стремились восстановить первоначальную религию Моисея в ее чистоте и вычеркнуть все, что было добавлено традицией. Но им не хватало глубокого чувства религии, они отрицали доктрину бессмертия и, следовательно, всякое наказание в будущей жизни. Они компенсировали свое отрицание будущего строгим наказанием за все преступления. Они прививали веру в Божественное Провидение, благодаря которому все преступления в этом мире должны были быть отомщены. Партия была не так популярна, как у их соперников, но в нее входили люди высокого ранга. Как и фарисеи, они придерживались строгости еврейского кодекса и исповедовали высокую нравственность. Однако у них не было истинной, глубокой религиозной жизни, и они были холодны и бессердечны по своему характеру. В основном это были люди непринужденные и богатые, довольные земными удовольствиями и склонные к эпикурейству, которым отличались многие греческие философы. Не избежали они и лицемерия, которое позорило фарисеев, и их ожесточенного неприятия истин христианства.

Ессеи.

В дополнение к этим двум великим партиям, которые контролировали народ, были ессеи. Но они жили отдельно от мужчин, в пустынях вокруг Мертвого моря, и боялись городов как рассадников порока. Они не допускали женщин в свои поселения. Их вербовали незнакомцы и прозелиты, которые считали грехом любое удовольствие. Они создали сообщество товаров и преследовали стремление к богатству. Они были одеты в белые одежды, которые никогда не меняли, и самым суровым образом регулировали свою жизнь. Они воздерживались от животной пищи и питались кореньями и хлебом. Они работали и ели в тишине и очень точно соблюдали субботу. Они были отличными учениками, строгими в моральных принципах и верили в бессмертие. Они питали отвращение к клятвам, рабству и идолопоклонству. Они приняли философию народов Востока и предположили, что материя - это зло, а разум - божественен. Они были мистиками, которые наслаждались удовольствиями абстрактного созерцания. Их теософия была возвышенной, но брахманической. Практически они были трудолюбивы, аскетичны и набожны — предшественники тех монахов, которые бежали из человеческих обителей и заполнили пустынные места Верхнего Египта, Аравии и Палестины, самой возвышенной и наиболее заблудшей из христианских сект второго и третьего веков, но ессеи не имели прямого влияния на народ Иудеи, подобного фарисеям и саддукеям, за исключением поощрения послушания и милосердия.

Состояние страны. Жалкое положение евреев. Народные волнения. Войны и слухи о войнах.

После смерти Агриппы все эти секты находились в состоянии расцвета. Отныне Иудеей должны были управлять непосредственно римские правители. Куспий Фадус, Тиберий Александр, Вентидий Куман, Феликс Порций, Фест Альбин и Гессий Флор последовательно управляли делами недовольной провинции. Их недолгое правление было отмечено голодом и беспорядками. Тем временем царь Агриппа, обладая чисто номинальной властью, проживал в

Иерусалиме, во дворце князей-Асмонеев, который стоял на горе Сион, ближе к храму. Разбойники наводнили страну, убийства и грабежи происходили постоянно. Первосвященники были назначены и свергнуты с престола. Народ был угнетен налогами и раздражен грабежом. Чудеса, дикие и ужасные, наполнили страну страхом перед приближающимися бедствиями. Фанатики встревожили людей. Христиане предсказывали гибель государства. Никогда еще трехмиллионное население не было более недовольным и угнетенным. Возмущение, несправедливость, беспорядки и восстания отмечали обреченность народа. Губернаторы были оскорблены и в отместку устроили резню народа. Флор в свое время уничтожил три тысячи шестьсот человек, г.н.э. 66. Открытая война была очевидна для более проницательных, Агриппа напрасно советовал умеренность и примирение, показывая народу, насколько тщетным было бы сопротивление подавляющей мощи Рима, покорившего мир; и что отказ от дани и разрушение римских укреплений были открытыми актами войны. Но он говорил с обреченными людьми. Каждый день возникали новые причины раздора. Некоторые из высших чинов были склонны к благоразумию, но люди в целом были полны фанатизма. Некоторые из самых смелых участников военного отряда однажды захватили крепость Масада, расположенную недалеко от Мертвого моря, построенную Ионафаном Маккавеем и укрепленную Иродом. Римский гарнизон был предан мечу, и знамя восстания было развернуто. В городе Иерусалиме ослепленные люди отказались принимать, как это было принято, дары и жертвы иностранных властителей, приносимые в храме Богу евреев. Это было оскорблением и объявлением войны, которую первосвященники и фарисеи тщетно пытались предотвратить. Повстанцы, подстрекаемые зелотами и ассасинами, даже подожгли дворец первосвященника, Агриппы и Береники, а также государственные архивы, где хранились облигации кредиторов, что разрушило власть богатых. Затем они захватили важную цитадель Антонии и взяли штурмом дворец. Фанатик по имени Манахем, сын Иуды из Галилеи, открыто провозгласил доктрину о том, что нечестиво владеть каким-либо царем, кроме Бога, и изменой является уплата дани кесарю. Он стал лидером партии войны, потому что был самым беспринципным и ревностным, как это всегда бывает во времена волнения и страсти. Он вошел в город с помпой завоевателя и стал капитаном войск, которые взяли дворец и перебили защитников. Первосвященник Анания, стремившийся обеспечить порядок, был побит камнями. Затем последовали разногласия между самими повстанцами, в ходе которых Манахем был убит. Элеазар, другой вождь, предпринял осаду башен, защищаемых римскими солдатами, которые были взяты, а защитники перебиты. Между тем, двадцать тысяч евреев были убиты греками в Кесарии, что довело нацию до безумия и привело к всеобщему восстанию в Сирии и кровавой расправе между греко-сирийцами и евреями. Беспорядки были повсюду — войны и слухи о войнах, так что люди бежали в горы. Везде, где селились евреи, были беспорядки и резня, особенно в Александрии, когда для захоронения было сложено пятьдесят тысяч тел.

Зарождающийся бунт.

Теперь Нерон был на императорском троне, и были приняты строгие меры для подавления восстания евреев, доведенных до отчаяния воспоминаниями об их притеснениях и убежденностью в том, что рука каждого человека была направлена против них. Цертий, префект Сирии, двинулся вперед с десятью тысячами римских солдат и тысячей тремя сотнями союзников, и отчаянная война казалась теперь неизбежной. Агриппа, зная, насколько губительным это было бы для еврейской нации, попытался предотвратить это. Он спорил с увлеченными людьми. Церций предпринял штурм Иерусалима, главного штаба восстания, но

потерпел неудачу и был вынужден отступить, потеряв большую часть своей армии, - такого поражения римляне не терпели с тех пор, как Вар был разбит в лесах Германии.

Открытое восстание в Иудее.

Иудея теперь находилась в открытом восстании против всей власти Рима — безумном и отчаянном восстании, которое не могло закончиться иначе, как политическим крахом нации. Были проведены большие приготовления к приближающемуся сражению, в котором евреям предстояло сражаться в одиночку, без помощи союзников. Укрепленные посты находились в руках повстанцев, но у них не было организованных и дисциплинированных сил, и они были разделены между собой. Агриппа, представитель царей-иродянцев, открыто поддерживал дело Рима. Единственная надежда евреев заключалась в их суровом фанатизме, их упрямом терпении и их отважной доблести. Их восстание должно было быть оправдано всеми теми принципами, которые вдохновляют угнетенных людей, стремящихся к свободе, и у них были славные прецеденты в победах Маккавеев; но им не повезло сражаться с армиями хозяев мира. Они были недостаточно сильны для восстания.

Сенсация в Риме. Римские приготовления к войне.

Известие о восстании и поражении римского префекта произвело в Риме глубокую сенсацию. Хотя Нерон делал вид, что относится к этому делу легкомысленно, он, однако, выбрал самого способного полководца империи, Веспасиана, и отправил его в Сирию. Буря разразилась в Галилее, горные крепости которой евреи доверили Иосифу, сыну Матфия, по прямой линии происходившему из прославленной священнической семьи, в жилах которого текла кровь асмонеев, — человеку культурному и образованному, фарисею, который сначала выступал против восстания, но был втянут в него после поражения при Цертии. Он более известен нам как историк Иосиф Флавий. Его меры защиты были осмотрительными и энергичными, и он пытался объединить различные партии в борьбе, которая, как он знал, была отчаянной. Он собрал армию в сто тысяч человек и ввел римскую дисциплину, но его действиям помешали партийные разногласия и предательство. В городе Иерусалиме первосвященник Анания взял на себя инициативу, но ему пришлось бороться с фанатиками и тайными врагами.

Экспедиция против Аскалона. Падение Иотафаты.

Первым запоминающимся событием войны был неудачный поход на Аскалон, расположенный в шестидесяти пяти милях от Иерусалима, в котором римская дисциплина взяла верх над численностью. Вскоре за этим последовало наступление Веспасиана на Птолемаиду, в то время как Тит, его наместник и сын, отплыл из Александрии, чтобы присоединиться к нему. У Веспасиана была армия из шестидесяти тысяч ветеранов. Иосиф Флавий не мог открыто противостоять этим силам, но укрепил свои укрепленные города. Веспасиан осторожно продвигался в боевом порядке и остановился на границах Галилеи. Евреи под предводительством Иосифа Флавия в отчаянии бежали. Габайя была первым городом, который пал, и его жители были преданы мечу — суровая месть, к которой римляне часто прибегали, чтобы внушить страх своим восставшим врагам. Иосиф Флавий удалился к Тиберию, потеряв надежду и пав духом, и призвал жителей Иерусалима либо подкрепить его мощной армией, либо подчиниться римлянам. Они не сделали ни того, ни другого. Затем он бросился в Иотафату, где окопались сильнейшие из галилейских воинов. Веспасиан выступил против города со всей своей армией и провел вокруг него линию обхода, а затем начал атаку. Город стоял на вершине

высокого холма, был труднодоступен и хорошо снабжался провизией. По мере того как римляне укреплялись вокруг города, его стены были подняты защитниками на тридцать пять футов, в то время как они совершали вылазки и сражались с мужеством отчаяния. Город нельзя было взять штурмом, и осада была преобразована в блокаду. Осажденные, снабженные провизией, вышли из-за своих укреплений и разрушили укрепления римлян. Страшные тараны осаждающих были разрушены искусством и изобретениями осажденных. Катапульты и скорпионы пронеслись по стенам, и огромные камни начали падать на башни. Весь город был окружен тройными рядами тяжеловооруженных солдат, готовых к штурму. Евреи прибегали ко всевозможным уловкам, даже к выливанию кипящего масла на головы нападавших. Римский полководец был взбешен упорным сопротивлением и перешел к более осторожным мерам. Он возвел насыпи и укрепил их башнями, в которых разместил пращников и лучников, чьи снаряды производили ужасный эффект на тех, кто защищал стены. Сорок семь дней доблестные защитники сопротивлялись всем силам Веспасиана, но в конце концов они выдохлись, и их ряды поредели, вся армия снова предприняла яростный штурм, и Тит взобрался на стены. Город пал с потерей сорока тысяч человек с обеих сторон, и Иосиф Флавий покорился воле Божьей, но сам был спасен победителями благодаря искусной лести, в которой он предсказал возведение Веспасиана на трон Нерона.

Падение Иоппии.

Было бы интересно подробно рассказать о ходе войны, но наши ограничения запрещают. Читателя отсылают к Иосифу Флавию. Город за городом постепенно переходил в руки Веспасиана, который теперь обосновался в Кесарии. Иоппия разделила судьбу Иотафаты; город был разрушен, но цитадель была укреплена римлянами.

Падение Гамалы.

Известие об этих бедствиях наполнило Иерусалим ужасом и скорбью, ибо едва ли хоть одна семья не оплакивала потерю кого-то из своих членов. Тиберий и Тарихея, расположенные на берегах прекрасного Галилейского озера, были следующими, кто пал, за чем последовала жестокая резня в соответствии с обычаями войны тех дней. Галилея была потрясена, и все ее города, кроме трех, сдались. Из них Гамала, столица, была самой сильной и более неприступной, чем Иотафата. Он был построен на краю пропасти, переполнен беглецами и хорошо снабжен провизией. Но в конце концов он был взят, так же как Гишала и Итабириун, и вся Галилея оказалась в руках римлян.

Группировки в Иерусалиме.

Иерусалим, тем временем, был ареной фракций и раздоров. Оно могло бы восстановить опорные пункты Галилеи, но поддавалось партийной вражде, которая ослабила его силу. Если бы евреи были едины, они могли бы оказать более успешное сопротивление. Но их судьба была предрешена. Я не могу описать различные интриги и группировки, которые парализовали национальную власть и предупредили жителей об их гибели.

Тем временем Нерон был убит, и Веспасиан был возведен на императорский трон. Он послал своего сына Тита завершить порабощение, которому до сих пор сопротивлялись его легионы-завоеватели.

Влюбленность в город. Его укрепления. Храм.

Иерусалим в те дни опасности и беспокойства все еще был раздираем группировками и пренебрег своим последним шансом организовать свои силы для сопротивления общему врагу. Никогда еще город не был так нечувствителен к своей гибели. Три разные стороны воевали друг с другом, проливая кровь друг друга, не задумываясь о любых последствиях, черствые, свирепые, отчаявшиеся. Наконец армия Тита перешла к осаде священного города, все еще сильная и хорошо снабженная провизией. Четыре легиона с наемными войсками и союзниками, горя желанием отомстить за прошлое, расположились лагерем под стенами, уничтожая фруктовые сады, оливковые рощи и огороды, которые повсюду украшали прекрасные окрестности. Город был укреплен тремя стенами, не окруженными непроходимыми оврагами, не одна внутри другой, а ограждавшими отдельные кварталы; и они были очень прочными, камни которых в некоторых местах достигали тридцати пяти футов в длину и были такими толстыми, что даже самые тяжелые тараны не могли произвести никакого впечатления. Сто шестьдесят четыре башни венчали эти тяжелые стены, одна из которых имела сто сорок футов в высоту и сорок три квадратных фута; другая, из белого мрамора, семьдесят шесть футов в высоту, была сложена из камней длиной тридцать пять футов, шириной семнадцать с половиной и высотой восемь с половиной, соединенных между собой самой совершенной каменной кладкой. Внутри этих стен и башен находился королевский дворец, окруженный стенами и башнями равной прочности. Крепость Антония высотой семьдесят футов стояла на скале высотой девяносто футов с обрывистыми склонами. Высоко над всеми этими башнями, холмами и крепостями возвышался храм на эспланаде, занимавшей площадь в фарлонг с каждой стороны. Стены, окружавшие эту крепость-храм, были сложены из огромных камней и имели огромную высоту; и внутри этих стен, с каждой стороны, находился просторный двойной портик шириной пятьдесят два с половиной фута, с потолком из кедра, украшенным изысканной резьбой, поддерживаемый мраморными колоннами высотой сорок три и три четверти фута, вытесанными из цельных камней. Таких прекрасных колонн было сто шестьдесят две. Внутри этого четырехугольника была внутренняя стена высотой семьдесят футов, окружавшая внутренний двор, вокруг которого, внутри, находился другой, еще более великолепный портик, в который вели медные ворота, украшенные золотом. Эти двери, или ворота, были пятьдесят два с половиной фута в высоту и двадцать шесть с четвертью в ширину. У каждых ворот было по две высокие колонны, двадцать один фут в окружности. Ворота, названные Прекрасными, были высотой восемьдесят семь с половиной футов, сделаны из коринфской меди и покрыты золотом. Четырехугольник, в который входили девять из этих ворот, заключал в себе еще одни, внутри которых находился сам храм с его сверкающим фасадом. В этот третий, внутренний четырехугольник вела надвратная башня высотой сто тридцать два с половиной фута и шириной сорок три с половиной. “Издали храм выглядел как снежная гора, украшенная золотыми вершинами”. С какими чувствами, должно быть, осматривал Титус это великолепное сооружение, когда солнце, поднимающееся над горой Мориа, золотило его ворота и шпили, которые вскоре должны были быть настолько разрушены, что камня на камне не должно было остаться.

Осада.

Вокруг преданного города Тит возвел башни, возвышающиеся над стенами, с которых он выпускал свои разрушительные снаряды, в то время как тараны били по стенам, где они были слабее всего. Первая стена вскоре была оставлена, а через пять дней после яростного боя была пробита вторая, и Тит овладел нижним городом, где жило большинство людей.

Крутые высоты Сиона, Антониева башня и храм все еще оставались, и хотя дело было безнадежным, евреи и слышать не хотели об условиях капитуляции. Тит использовал все средства. То же самое сделал и Иосиф Флавий, который обратился к народу с речью на безопасном расстоянии. К самонадеянной, тщеславной уверенности добавилась самая упрямая ярость, возможно, связанная с крайним недоверием к обещаниям врагов, которых они оскорбили, не заслужив прощения.

Голод в городе.

Наконец наступил голод. Зерна нельзя было купить. Богатые прятали свою еду. Все добрые чувства были утрачены во всеобщей нищете. Жены отнимали последний кусок у своей семьи, усталые мужья - у своих родителей, дети - у своих родителей. Дома были полны умирающих и мертвецов, тяжелая тишина угнетала каждого, но никто не жаловался. Они страдали в угрюмом унынии и отчаянии. С 14 апреля по 19 июля 70 года н.э. от ста до пятисот тысяч человек, по разным оценкам, были похоронены или сброшены со стен. Мера пшеницы продавалась за талант, а навозные кучи разгребались для пропитания.

Штурм Иерусалима. Падение.

Когда все было готово, начался штурм оставшихся мест. 5 июля крепость Антония была взята, и осада храма была продолжена. Тит предпринял еще одну попытку убедить его защитников сдаться, желая спасти священное здание, но они были глухи и упрямы. Они продолжали сражаться дюйм за дюймом, измученные голодом и доведенные до отчаяния. Они перегрызли свои кожаные пояса и съели даже своих детей. 8 августа была взята стена, окружавшая портик, или галереи. 10 августа сам храм, мощная крепость, со всеми своими сокровищами перешел в руки победителей. Солдаты с восхищением смотрели на золотые пластины и причудливую работу священных сосудов. Все, что можно было уничтожить огнем, было сожжено, а все, кто охранял территорию, были убиты.

Осада и разграбление города.

Тем не менее дворец и верхний город выстояли. Тит пообещал сохранить жизни защитникам, если они немедленно сдадутся. Но они по-прежнему требовали условий. Титус в ярости поклялся, что все оставшееся в живых население должно быть истреблено. Только 7 сентября этот последний оплот был захвачен, так упорно оборонялись умирающие от голода евреи. Началась разнородная резня, пока римлянам не надоело мстить. За всю осаду один миллион сто тысяч человек были убиты, а девяносто семь тысяч взяты в плен, поскольку большая часть населения Иудеи укрылась за стенами. За всю войну было убито один миллион триста пятьдесят шесть тысяч человек.

Так пал Иерусалим после пятимесячной осады, самой отчаянной обороны столицы в истории войн. Он пал, чтобы никогда больше не подняться как еврейская столица. Никогда город не испытывал большего несчастья. Никогда героизм не сопровождался большим фанатизмом. Никогда пророчество не исполнялось более знаменательно.

Последствия падения Иерусалима.

За падением Иерусалима последовали кровавые бои, прежде чем вся страна была окончательно покорена. С окончательным завоеванием евреи были рассеяны по народам, и их

национальности пришел конец. Их политическое существование было уничтожено. Столица была разрушена, храм снесен, царский дом уничтожен, а первосвященники похоронены среди руин священных мест.

С оккупацией Палестины чужеземцами и окончательным рассеянием евреев по всем народам, которые, не имея страны и друзей, сохранили свои институты, свою религию, свое имя, свои особенности и свои ассоциации, мы оставляем тему, столь полную печального интереса и впечатляющих уроков. Изучающий историю должен видеть в их процветании и несчастьях всемогущее Провидение, подтверждающее свои обещания, и ужасающее величие вечных законов.

КНИГА II.

ГРЕЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА.

ГЛАВА XIII.

ГЕОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И ЕЕ ПЕРВЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ.

Вырождение восточных государств.

Мы видели, что восточный мир, столь облагодетельствованный природой, столь богатый полями, стадами и плодами, не смог осознать высшего предназначения человека. Несмотря на все преимущества природы, он был унижен унижительными суевериями и вырождением, порожденным богатством и легкостью. Он был поработан пороками и деспотами. Ассирийское и Вавилонское царства, эта “голова из золота”, увиденная во сне Навуходоносора, уступили место “грудь и рука из серебра”, представленным Персидской империей, а та, в свою очередь, стала подчиняться греческим государствам, “чреву и бедрам из меди”. Именно благородную эллинскую расу, с ее изначальным гением, ее предприимчивостью, ее суровым и непреклонным характером, укрепленным тяжелым трудом, предприимчивостью и войной, нам сейчас предстоит созерцать. Это Греция — страна песен, искусства, философии — страна героев и свободных людей, на которую мы сейчас обращаем свой взор, — самая интересная и самая знаменитая из стран древности.

Границы Греции.

Давайте сначала рассмотрим эту страну во всей ее суровой неровности и живописной красоте. Она была небольшой по сравнению с Ассирией или Персией. Его первоначальное название было Эллада, обозначавшееся небольшим районом Фессалии, который лежал на юго-восточной окраине Европы и простирался в длину от тридцать шестого до сорокового градуса широты. Она занимала вместе со своими островами всего двадцать одну тысячу двести девяносто квадратных миль — меньше, чем Португалия или Ирландия, но ее побережья превосходили весь Пиренейский полуостров. Эллада сама по себе является полуостровом, ограниченным на севере Камбунийскими и Керавнийскими горами, которые отделяли ее от Македонии; на востоке Эгейским морем (архипелагом), которое отделяло ее от Малой Азии; на юге Критским морем, а на западе Ионическим морем.

Горы Греции. Между Оссой и Олимпом находится знаменитая долина Темпе.

Северную часть этой страны эллинов пересекает горный хребет, начинающийся в Акра-Керавнии на Адриатическом море и тянувшийся на юго-восток над Додоной в Эпире, пока не соединится с Камбунийскими горами близ горы Олимп, которые тянутся вдоль Эгейского побережья до тех пор, пока не оканчиваются в юго-восточной части Фессалии под названиями Осса, Пелион и Тисейус. Большой хребет Пинд входит в Грецию у истоков Пеней, где пересекает Камбунийские горы и простирается сначала на юг, а затем на восток до моря, почти охватывая Фессалию и отделяя ее от остальной Греции. Миновав различные отроги Офриса, Эты и Коракса, он теряется в этих знаменитых пристанищах Муз — высотах Парнаса и Геликона, в Фокиде и Беотии. В южной части Греции находятся горы, которые пересекают Пелопоннес почти во всех частях, главными из которых являются Сколлис, Ароании и Тайгет. Мы не можем перечислять названия всех этих гор; достаточно сказать, что ни одна часть Европы, за исключением Швейцарии, не покрыта так горами, как Греция, некоторые из которых достигают высоты вечных снегов. Только небольшая часть страны является ровной.

Реки.

Реки, опять же, многочисленны, но больше известны ассоциациями, чем судоходным значением. Пеней, впадающий в Эгей, немного ниже Темпе; Ахелоус, впадающий в Ионическое море; Алфей, впадающий в Ионическое море; и Евротас, впадающий в Лаконикский залив, являются одними из наиболее значительных. Озера многочисленны, но не велики. Берега окаймлены заливами и мысами, благоприятными для судоходства в зачаточном состоянии и для рыбной ловли. В прилегающих морях полно островов, памятных в истории Греции, некоторые из которых имеют значительные размеры.

Естественные преимущества политической независимости.

Таким образом, Греция, во всех частях пересеченная горами и глубоко изрезанная морем, была одновременно гористой и морской. Горы, реки, долины, море, острова способствовали тому, что люди стали предприимчивыми и поэтичными, и поскольку каждый штат был отделен от любого другого горами, или долинами, или заливами, возникла политическая свобода. Трудности возделывания бесплодной почвы в высокогорье приучили жителей к трудолюбию и экономии, как в Шотландии и Новой Англии, в то время как конфигурация страны укрепляла обороноспособность и закрывала людей от тех вторжений, которые так часто поработали равнинную местность. Эти естественные разделения также удерживали Штаты от

политического объединения, поощряли принцип отталкивания и вели к неограниченному увеличению самоуправляющихся городов и к большой индивидуальности характера.

Природные продукты.

Греция, расположенная на тех же параллелях широты, что и Малая Азия, а также на юге Италии и Испании, в древности производила пшеницу, ячмень, лен, вино, масло. Выращивание виноградной лозы и оливок было особенно тщательным. Ячменных лепешек ели чаще, чем пшеничных. Все овощи и рыба были в изобилии и дешевы. Но свежего мяса ели мало. Кукуруза также импортировалась в значительных количествах приморскими государствами в обмен на инжир, оливки и масло. Климат, ясный и красивый для современных европейцев, был менее благоприятным, чем в Малой Азии, но более бодрящим и переменчивым. Он также различался в разных регионах.

Эти различные части, или провинции, или государства, на которые была разделена Греция, требуют краткого описания.

Эпир.

Самым крупным и самым северным государством был Эпир, занимавший четыре тысячи двести шестьдесят квадратных миль и ограниченный на севере Македонией, на востоке Фессалией, на юге Аккарнией, а на западе Ионическим морем. Несмотря на гористость, он был плодороден и производил превосходный скот и лошадей. Из интересных мест Эпира, памятных в истории, первое место занимает Додона, знаменитая своим оракулом, самым древним в Греции и уступающим только Дельфийскому. Он был основан пеласгами перед Троянской войной и был посвящен Юпитеру. Храм был окружен дубовой рощей, но позже оракулы стали произноситься под журчание фонтанов. К западу от Эпира находится остров Коркира (Корфу), известный кораблекрушением Улисса, садами Алейнуса и тем, что послужил поводом для Пелопоннесской войны. Эпир также известен как страна, которой правил Пирр. Ахерон, который, как предполагалось, сообщался с адскими областями, был одной из его рек.

Фессалия.

К западу от Эпира находилась Фессалия, соседствующая с ним по площади и занимающая четыре тысячи двести шестьдесят квадратных миль. Это была равнина, окруженная горами; рядом с Беотией, самым плодородным из всех государств Греции, изобилующим маслом, вином и зерном, и все же одним из самых слабых и незначительных в политическом отношении. Люди были богаты, но вероломны. Река Пеней протекала по всей территории страны, и недалеко от ее устья находилась долина Темпе, самая красивая долина в Греции, охраняемая четырьмя мощными крепостями.

Знаменитые места.

На некотором расстоянии от устья Пеней находилась Ларисса, город Ахилла и главная столица пеласгов. На южной оконечности озера Кесас, крупнейшего в Фессалии, находился Фера, один из древнейших городов Греции, а рядом с ним находился фонтан Гиперия. В южной части Фессалии находилась Фарсалия, поле битвы между Цезарем и Помпеем, а рядом с ней находилась Пирра, ранее называвшаяся Элладой, где находилась гробница Эллина, сына Девкалиона, чьи потомки, Эол, Дорус и Ион, как говорят, дали названия трем народам,

эолийцам, дорийцам и ионийцам. Еще дальше на юг, между неприступными скалами горы Та и болотами, которые окружают залив Малей, были ущелья Фермопилы, где они жили. Леонид и триста героев погибли, защищая проход от армии Ксеркса, ширина которого в одном месте составляла всего двадцать пять футов, так что в таком узком ущелье спартанцы могли в течение трех дней противостоять всей мощи Персии. На этом знаменитом перевале ежегодно собирался Амфикионический совет для обсуждения общих дел всех государств.

Акарнания.

К югу от Эпира, на берегу Ионического моря, и к западу от Этолии находилась Акарнания, населенная варварским народом еще до того, как в ней поселились пеласги. У него не было никакой исторической славы, за исключением того, что на его водах состоялось решающее сражение, которое Август одержал над Антонием при Акциуме, и за острова на побережье, один из которых, Итака, суровый и гористый остров, был резиденцией Улисса.

Этолия.

Этолия, расположенная к востоку от Акарнании и к югу от Фессалии и отделенная от Ахайи Коринфским заливом, занимала девятьсот тридцать квадратных миль. Ею главным городом был Термон, считавшийся неприступным, в котором проводились великолепные игры и фестивали. Этолийцы были мало известны в дни расцвета Афин и Спарты, разве что как выносливая раса, но алчная и вероломная.

Дорис.

Дорида была небольшим урочищем к востоку от Этолии, населенным одним из древнейших греческих племен — дорийцами, названными так по имени Дора, сына Девкалиона, и первоначально населявшими ту часть Фессалии, в которой находились горы Олимп и Осса. С этого участка их прогнали кадмийцы. Дорида была обителью Гераклидов, изгнанных с Пелопоннеса, и была подарена Гилласу, сыну Геракла, в благодарность от царя Эгиминия, который был восстановлен героем в своих отнятых владениях.

Локри Озоле.

Локри-Озоле был еще одним небольшим государством к югу от Дориды, от которого его отделяет хребет Парнас, расположенный на берегу Коринфского залива, самым важным городом которого была Салона, окруженная со всех сторон холмами. Наупактус также был значительным местом, известным в средние века как Лепанто, где произошло одно из решающих морских сражений в мире, в котором турки потерпели поражение от венецианцев. Он занимал триста пятьдесят квадратных миль.

Фокида.

Фокида находилась прямо на востоке, ограниченная на севере Доридой и Эпикнемидийскими локрами, а на юге — Коринфским заливом. Этот штат занимал шестьсот десять квадратных миль. Фокейцы известны в истории по священной, или фокейской войне, которая разразилась в 357 году до н.э. вследствие отказа заплатить штраф, наложенный Амфикионом советом. Фиванцы и локрийцы успешно вели эту войну, к ним присоединился Филипп Македонский, который таким образом проложил путь к суверенитету Греции. Одними из самых известных мест были Крисса, знаменитая пифийскими играми, и Дельфы, известные своим оракулом,

посвященным Аполлону. Жрица, Пифия, восседала на священном треножнике над входом в пещеру и произносила свои оракулы в стихах или прозе. Те, кто советовался с ней, делали богатые подарки, от которых Дельфы значительно обогатились. Над Дельфами возвышается Парнас, самая высокая гора в центральной Греции, недалеко от вершины которой находилась предполагаемая резиденция Девкалиона.

Ботия.

Беотия была самым богатым государством Греции, насколько плодородие почвы может сделать государство богатым. На севере он был ограничен территорией Локров, на западе - Фокидой, на юге - Аттикой, а на востоке - Эвбейским морем. Он занимал около тысячи квадратных миль. Его жители славились своей флегматичностью, и все же он внес Гесиода, Пиндара, Коринну и Плутарха в бессмертный каталог имен. Его мужчины, пусть и глупые, были храбры, а женщины красивы. Первоначально он был населен варварскими племенами, все из которых были связаны с лелегами. В его юго-западной части находился знаменитый Геликон, известный как резиденция Аполлона и Муз, а на южной границе находилась гора Киферон, к северу от которой находилась Платея, где персы потерпели поражение от греков-союзников под командованием Павсания. В Беотии находилось самое большое озеро Греции — Копайас, знаменитое угрями. На границах этого озера находилась Коронеа, где фиванцы потерпели поражение от спартанцев. К северу от Коронеи находилась Херонеа, где произошла великая битва с Филиппом, которая подорвала свободы Греции. К северу от реки Эзоп, медленного потока, находились Фивы, столица Беотии, основанная Кадмом, чьи великие полководцы Эпаминонд и Пелопид сделали ее на какое-то время одной из великих держав Греции.

Аттика.

Самой известной провинцией Греции была Аттика, ограниченная на севере горами Киферон и Парнес, на западе Сароническим заливом, на востоке Миртовым морем. Он занимал всего семьсот квадратных миль. Свое название он получил от Аттиды, дочери Крана; но самым ранним его названием была Кекропия, по имени ее царя Кекропса. Во времена Кекропса он был разделен на четыре племени. На его западной оконечности, на берегу Саронического залива, стоял Элевсин, место проведения элевсинских мистерий, самых знаменитых из всех религиозных церемоний Греции, посвященных Церере, отмечаемых каждые четыре года и длящихся девять дней. Напротив Элевсина находился Саламин, родина Аякса, Тевкра и Солона. Там персидский флот Ксеркса был разбит афинянами. Столица Афины, основанная Кекропсом в 1556 году до н.э., получила свое название в честь богини Нейт, египетского божества, известного грекам как Афина, или Минерва. Его население во времена Перикла составляло сто двадцать тысяч человек. Самой южной точкой Аттики был Суний, посвященный Минерве; Марафон, место самой блестящей победы, которую когда-либо одерживали афиняне, находился в восточной части Аттики. К юго-востоку от Афин находилась гора Гиметтус, знаменитая своими цветами и медом. Между Гиметтом и Марафоном находилась гора Пентеликус, знаменитая своим мрамором.

Megarís.

Мегарис, еще одно небольшое государство, находилось на западе Аттики, между Коринфским и Сароническим заливами. Его главный город, Мегара, был значительным местом, защищенным

двумя цитаделями навозвышающихся над ним холмах. Он был известен как резиденция мегарской философской школы, основанной Евклидом.

Пелопоннес и его государства.

Крупнейшим из греческих государств был знаменитый полуостров, известный как Пелопоннес, полностью окруженный водой, за исключением Коринфского перешейка шириной в четыре географические мили. На западе было Ионическое море; на востоке - Саронический залив и Миртовое море; на севере - Коринфский залив. Он занимал шесть тысяч семьсот сорок пять квадратных миль. Она была разделена на несколько штатов. Говорили, что после своей смерти Геракл оставил его Гераклидам, и им с помощью дорийцев в конечном итоге удалось вернуть его примерно через восемьдесят лет после Троянской войны.

Из шести государств, на которые был разделен Пелопоннес, Ахайя была самым северным и прославилась ахейской лигой, состоящей из ее главных городов, а также Коринфа, Сикиона, Флиуса, Аркадии, Аргolidy, Лаконии, Мегариды и других городов и государств.

Элис.

К юго-западу от Ахайи, на берегу Ионического моря, находилась Элида, в которой стояла Олимпия, где каждые четыре года проводились Олимпийские игры, учрежденные Гераклом.

Аркадия.

Аркадия занимала центр Пелопоннеса, окруженная со всех сторон высокими горами — богатая и скотоводческая страна, производящая прекрасных лошадей и ослов. Это была любимая резиденция Пана, бога пастухов, и его жители славились своей любовью к свободе и музыке.

Арголida.

Арголida была восточной частью Пелопоннеса, омываемой Сароническим заливом, исконными жителями которого были пеласги. Он мог похвастаться городами Аргос и Микены, первая из которых была старейшим городом Греции. Агамемнон правил в Микенах, самый могущественный из царей Греции во время Троянской войны.

Лакония.

Лакония, расположенная на юго-восточной оконечности полуострова, была крупнейшим и наиболее важным из государств Пелопоннеса. Он был суровым и гористым, но его жители были храбрыми и благородными. Его крупнейший город, Спарта, на протяжении нескольких поколений управлял состоянием Греции, самого воинственного из греческих городов.

Мессения.

Мессения была юго—западной частью полуострова - гористой, но хорошо орошаемой и изобилующей пастбищами. Он рано стал предметом зависти лакедемонян, жителей Лаконии, и был покорен в серии знаменитых войн, названных Мессенскими.

Таковы были основные государства Греции. Но в связи с ними были острова в окружающих его морях, и они почти так же известны, как государства на материке.

Крит.

Самым важным из них был Крит, расположенный на южной оконечности Эгейского моря. Это было легендарное место рождения Юпитера. К югу от Фракии находился Тасос, известный плодородием и рудниками золота и серебра; Самофракия, прославленная мистериями Кибелы; Имброс, посвященный Церере и Меркурию. Лемнос, расположенный на сороковой широте, на равном расстоянии от горы Афон и Геллеспонта, приобрел печальную известность из-за массового убийства женщинами всех жителей острова мужского пола. Остров Эвбея простирался вдоль побережья Аттики, Локриды и Беотии и был чрезвычайно плодороден, и с этого острова афиняне черпали большие запасы кукурузы — самого большого острова Архипелага после Крита. Его главным городом была Халкида, одна из сильнейших в Греции.

Киклады.

К юго-востоку от Эвбы находятся Киклады — группа островов, из которых наиболее важными были Делос, Андрос, Тенос, Меонос, Наксос, Парос, Олеарос, Сифнос, Мелос и Сирос. Все эти острова знамениты храмами и местом рождения знаменитых людей.

Спорады.

Острова, называемые Спорад, лежат к югу и востоку от Киклад, среди которых Аморго, Иос, Сицинос, Тера и Анафе — некоторые из них бесплодны, а другие благоприятны для выращивания винограда.

Лесбос и другие острова.

Помимо этих островов, принадлежащих Европейскому континенту, есть острова, принадлежащие Азии: Тенедос, небольшой, но плодородный; Лесбос, известный вином, четвертый по величине из всех островов Эгейского моря; Хиос, также известный вином; Самос, известный поклонением Юноне и местом рождения Пифагора; Патмос, используемый как место ссылки; Кос, место рождения Апеллеса и Гиппократы, чрезвычайно плодородный; и южнее всего Родос, самый большой остров Эгейского моря после Крита и Евба. Он был знаменит бронзовой колоссальной статуей солнца высотой в семьдесят локтей. Его жители были великими мореплавателями, и их морские законы в конечном итоге были приняты всеми греками и римлянами. Он также был знаменит своими художественными школами.

Таковыми были государства и острова Греции, гористые, во многих частях бесплодные, но населенные выносливой, смелой и предприимчивой расой, чьи подвиги и искусство составляли славу древнего мира.

Происхождение греческих народов. Пеласги.

Все различные племена и нации принадлежали к той ветви индоевропейской расы, которой этнографы дали название пеласгов. Они были народом с дикими нравами, но достаточно цивилизованным, чтобы возделывать землю и строить города, обнесенные стенами. Их религия была политеистической — олицетворением сил стихий и небесных тел. Пеласги занимали изолированные пункты, но в целом были рассеяны по всей Греции; и они, вероятно, были

кочующим народом до того, как поселились в Греции. Греческие предания об их миграции имеют под собой определенную почву. Помимо этой расы, о которой у нас нет достоверной истории, были легионы и карийцы. Но все они были варварскими и не оставили письменных свидетельств. Говорят, что Аргос и Сикион - пеласгийские города, основанные еще за тысячу восемьсот пятьдесят шесть лет до Рождества Христова. Также считается, что восточные элементы проникли в раннее население Греции. Кекропы привезли в Аттику египетское искусство. Финикиец Кадм колонизировал Беотию и ввел меры веса. Данай, изгнанный из Египта, дал свое имя воинственной Данае и обучал аргосских пеласгианок мистическим обрядам Демета. Предполагается, что Пелоп перешел из Азии в Грецию с большими сокровищами, и его потомки заняли трон Аргоса.

Эллины. Эолийцы. Ахейцы.

В период до начала письменной истории первые жители Греции, каким бы ни было их происхождение, которое покрыто мраком, были изгнаны из своих поселений воинственной расой, родственной, однако, пеласгам. Этими завоевателями были эллины, которые, как считалось, пришли из района Фессалии, к северу от горы Офрис. В конечном итоге они дали свое имя всей стране. Разделенные на небольшие поселения, они, тем не менее, были связаны друг с другом языком и обычаями и лелеяли идею национального единства. В этой нации было четыре основных подразделения: дорийцы, эолийцы, ахейцы и ионийцы, традиционно считавшиеся потомками трех сыновей Эллина, сына Девкалиона, Дора, Эола и Ксуфа, последний был отцом Ахея и Джона. Таким образом, греческие поэты представляли происхождение эллинов — народа, любящего приключения и наделенного от природы огромными способностями, впоследствии развитыми образованием.

Дорийцы и ионийцы.

Из этих четырех подразделений эллинской расы эолийцы распространились по северной Греции, а также заняли западное побережье Пелопоннеса и Ионические острова. Она продолжала занимать большую часть Греции вплоть до последнего времени. Ахейцы были самыми прославленными в эпической поэзии, их имя использовалось Гомером для обозначения всех эллинских племен, сражавшихся под Троей. Они были доминирующим народом Пелопоннеса, занимая юг и восток, а аркадийцы - центр. Дорийцы и ионийцы прославились позже; первые занимали небольшой участок территории на склонах горы Тата, к северу от Дельф; вторые жили на узкой полосе страны вдоль северного побережья Пелопоннеса и простирались на восток до Аттики.

Поселения эолийцев.

Основные поселения эолийцев располагались вокруг Пагасейского залива и были смешаны с минийцами, расой пеласгийских авантюристов, известных по аргонавтической экспедиции под предводительством эолийских вождей. На севере Беотии возник город Орхомен, сокровища которого Гомер сравнивал с сокровищами египетских Фив. Другой резиденцией эолийцев была Эфира, впоследствии известная как Коринф, где правил "коварный Сизиф". Он был отцом Фокуса, который дал свое имя Фокиде. Потомки Эола также привели колонию в Элиду, а другую - в Пилус. В целом, эолийцы искали морские поселения в северной Греции и на западной стороне Пелопоннеса.

Из ахейцев.

Ахейцы были господствующей расой в очень ранние времена на юге Фессалии и на восточной стороне Пелопоннеса, главными центрами которой были Фтия, где правил Ахилл, и Аргонида. Терлуолл, похоже, думает, что они были пеласгами, а не эллинским народом. Древние предания представляют сыновей Ахей переселившимися в Аргос, где они женились на дочерях царя Даная, но не взошли на трон.

Из дорийцев.

Ранняя судьба дорийцев покрыта мраком, и в ранней истории какого-либо из эллинских племен нет ничего удовлетворительного. Наша информация в основном традиционная, почерпнутая у поэтов. Дорус, сын Девкалиона, занимал страну против Пелопоннеса, на противоположной стороне Коринфского залива, включавшую Этолию, Фокиду и озолийских локрийцев. Точно так же нельзя примирить завоевания дорийцев на Пелопоннесе ни на каком другом основании, кроме того, что они занимали значительный участок страны.

Ионийцев.

Ранняя история ионийцев еще более неясна. Предполагается, что Ион, сын Ксуфа, привел своих последователей из Фессалии в Аттику и покорил пеласгов или заключил с ними мирные соглашения. Далее следует ряд легенд, представляющих скорее поэтический, чем исторический интерес, но о которых мы кратко расскажем в следующей главе.

ГЛАВА XIV.

ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

Героические века Греции.

У греков не было достоверной письменной истории того периода, который включал первое появление эллинов в Фессалии до первой Олимпиады, 776 г. до н.э.. Эта эпоха называется героической и известна нам только по легендам и преданиям, называемым мифами. Они относятся как к богам, так и к людям и связаны с тем, что мы называем мифологией, которая не имеет исторического значения, хотя и полна интереса своей поэтической жизнью. И поскольку мифология тесно переплетена с литературой и искусством древних, предоставляя неисчерпаемые сюжеты для поэтов, художников и скульпторов, ее нельзя полностью исключить из истории этого классического народа, чьи песни и искусство вызвали восхищение всего мира.

Легенды.

Однако у нас есть место только для тех легенд, которые представляют всеобщий интерес, и сначала мы упомянем те, которые относятся к богам, например, наиболее заметные в поэмах Гесиода и Гомера.

Зевс.

Зевс, или Юпитер, - самый важный персонаж греческой мифологии. Хотя хронологически он следует за Кроносом и Ураном, его называли “отцом богов и людей”, чьей власти было невозможно противостоять и которая была универсальной. Предполагалось, что он был верховным провидением, чье местопребывание находилось на горе Олимп, восседающим на троне в величии и могуществе, которому подчинялись меньшие божества. Вместе со своими двумя братьями, Посейдоном, или Нептуном, и Аидом, или Плутоном, он правил небесами, землей, морем и адом. Мифология представляет его родившимся на Крите; и когда он набрался достаточной умственной и физической силы, он призвал богов на гору Олимп и решил отнять верховную власть у своего отца, Кроноса, и Титанов. Десять лет было потрачено на могучую битву, в которой содрогнулась вся природа, прежде чем была одержана победа и титаны низвергнуты в Тартар. С Зевса начался иной порядок существ. Он представлен как имеющий много жен и многочисленное потомство. Из его собственной головы вышла Афина во всеоружии, богиня мудрости, божество-покровитель Афин. От Фемиды он породил Гору; от Эвриномы - трех Граций; от Мнемозины - Муз; от Лето (Латоны), Аполлона и Артемиды (Дианы); от Деметры (Цереры) - Персефону; от Хере (Юноны), Гебы, Ареса (Марса) и Эйлитии; от Майи - Гермеса (Меркурия).

Другие божества.

Под председательством Зевса находились двенадцать великих богов и богинь Олимпа — Посейдон (Нептун), который правил морем; Аполлон, который был покровителем искусств; Арес, бог войны; Гефест (Вулкан), который ковал молнии; Гермес, который был посланником всемогущества и покровителем торговцев; Здесь, царица небес и общая защитница женского пола; Афина (Минерва), богиня мудрости и письма; Артемида (Диана), защитница охотников и пастухов; Афродита (Венера), богиня красоты и любви; Гертия (Веста), богиня домашнего очага и алтаря, огонь в котором никогда не гаснет; Деметра (Церера), мать-земля, богиня земледелия.

Едва ли ниже этих олимпийских божеств были Аид (Плутон), правивший адскими областями; Гелиос, солнце; Геката, богиня искупления; Дионис (Бахус), бог виноградной лозы; Лето (Латона), богиня скрытых сил; Эос (Аврора), богиня утра; Немезида, бог мести; Эол, бог ветров; Гармония; грации, Музы, Нимфы, Нереиды, морские нимфы — все они были наделены огромной властью и достоинством.

Кроме того, это были божества, которые оказывали особые услуги высшим богам, таким как Гора; и чудовища, порождения богов, такие как горгоны, химера, дракон Гесперид, лернейская гидра, немейский лев, Сцилла и Харибда, кентавры, сфинкс и другие.

Которые представляют силы Природы.

Будет видно, что эти боги и богини представляют силы природы и великие атрибуты мудрости, чистоты, мужества, верности, истины, которые принадлежат высшей природе человека и которые связаны с божественным. Именно этим силам и атрибутам поклонялись — сверхчеловеческим и восхитительным. Гомер и Гесиод являются великими авторитетами в теогониях языческого мира, и мы не можем сказать, сколько из этого было их изобретением, а сколько было внедрено в обыденный разум греков в возрасте ранее 700 г. до н.э. Орфическая теогония относится к более позднему времени, но приобрела еще большее народное почитание, чем гесиодовская.

Поклонение этим божествам.

Поклонение этим божествам сопровождалось более или менее возвышенными обрядами, но иногда с примесью безрассудства, как у Вакха и Венеры. Иногда это поклонение было окутано тайнами, как в Элевсине. Всем этим божествам воздвигались храмы и приносились жертвы, иногда из фруктов и цветов, а затем из животных. Обо всех этих божествах ходили легенды, иногда абсурдные, и они были переплетены с литературой и религиозными обрядами. Подробности о них заполняют множество обширных словарей, и их можно прочитать в словарях или в стихотворениях. Те, что относятся к Церере, Аполлону, Юноне, Венере, Минерве, Меркурию, полны поэтической красоты и очарования. Они возникли в эпоху богатого воображения и пылких чувств и стали верой народа.

Легенды, относящиеся к героям.

Помимо легенд, относящихся к богам и богиням, существуют легенды, повествующие о героических поступках людей. Грот описывает различные человеческие расы такими, какими они предстают в теогонии Гесиода — потомками богов. Во-первых, золотая раса: впервые созданная, добрая и счастливая, как сами боги, и почитаемая после смерти невидимыми стражами людей — “земными демонами”. Во-вторых, серебряная раса, низшая телом и разумом, была создана следующей и, будучи непослушной, похоронена в земле. В-третьих, бесстыдная раса, жестокая, драчливая, ужасная, сильная, которая постоянно находилась в состоянии войны и в конце концов уничтожила себя и спустилась в Ад, не удостоенная почестей и привилегий. В-четвертых, раса героев, или полубогов, таких, как сражавшиеся в Фивах и Трои, добродетельных, но воинственных, которые также погибли в битве, но были переведены в более счастливое состояние. И, наконец, железная раса, обреченная на вечную вину, заботы, тяжелый труд, страдания — несправедливые, бесчестные, неблагодарные, бездумные - такова нынешняя раса людей с небольшой примесью добра, которая тоже закончится в свое время. Таковы расы, которые Гесиод описывает в своей поэме “Труды и дни”, проникнутые глубоким чувством порочности и вырождения человеческой жизни, но в то же время высшим вознаграждением за добродетель и истину. Его демоны - не боги и не люди, а промежуточные агенты, по сути, добрые ангелы, в обязанности которых входило охранять мир и приносить ему пользу. Но представления о демонах постепенно менялись, пока они не стали рассматриваться одновременно как хорошие и плохие, как это было у Платона, и, наконец, они не стали рассматриваться как причины зла, как во времена христианских писателей. Гесиод, живший, как предполагается, за четыреста лет до Геродота, является великим поэтом-этиком и воплощал взгляды своего времени на великие тайны природы и жизни.

Легенды, которые Гесиод, Гомер и другие поэты сделали такими привлекательными благодаря своему гению, вызывают постоянный интерес, поскольку в них заключено все очарование песен и романсов. Мы не будем вдаваться в те, которые относятся к богам, но ограничимся теми, которые относятся к людям — ранним героям классической страны и эпохи; мы также не можем упомянуть все — только некоторые — наиболее запоминающиеся и впечатляющие.

Данаиды.

Одной из самых древних была легенда, связанная с Данаидами, которые придают особый интерес ранней истории Аргоса. Инах, правивший в 1986 г. до н.э., согласно древней хронологии, также является названием реки, протекающей под стенами древнего города, расположенного в восточной части Пелопоннеса. В царствование Кротопоса, одного из его потомков, Данай прибыл со своими пятьюдесятью дочерьми из Египта в Аргос на судне о

пятидесяти веслах, чтобы избежать домогательств пятидесяти сыновей Эгиптоса, его брата, которые хотели взять их в жены. Эгиптос и сыновья бросились в погоню, и Данай был вынужден согласиться с их желаниями, но в первую брачную ночь снабдил каждую из своих дочерей кинжалом, которые таким образом убили своих мужей, за исключением одной, чей муж, Линкей, в конечном итоге стал царем Аргоса. От Даная произошло имя Данай, применявшееся к жителям аргейской территории и вообще к гомеровским грекам. Отсюда мы делаем вывод, что Аргос — один из древнейших городов Греции, был частично заселен египтянами, вероятно, в эпоху царей-пастухов, которые ввели не только искусство, но и религиозные обряды этой древней страны. Среди царственных потомков Линкея была Даная, сын которой Персей по особой милости Афины совершил чудесные подвиги, среди которых он привез из Ливии потрясающую голову Медузы Горгоны, обладавшую чудесным свойством обращать в камень каждого, кто смотрел на нее. Терзаемый угрызениями совести из-за случайного убийства своего деда, царя, он удалился из Аргоса и основал город Микены, руины массивных стен которого можно увидеть до сих пор — циклопические сооружения, которые, кажется, показывают, что древние пеласги заимствовали свои архитектурные идеи у египетских данаунов. Микенские Персеиды, таким образом, могли похвастаться славным происхождением, которое продолжалось вплоть до последнего правителя Спарты.

Геркулес.

Внучкой Персея была Алкмена, которую мифология представляет как мать Геркулеса от Юпитера. Подвиги Геракла относятся к числу самых интересных легенд языческой древности, поскольку они являются прообразами бесконечных трудов благородной души, обреченной трудиться на благо других и повиноваться приказам никчемных преследователей. Но герой в конце концов вознаграждается принятием в семью богов, и его потомки в конечном счете восстанавливаются в правах наследства, которых они были лишены из-за гнева и ревности Юноны. В Лакедемонии царствовала младшая ветвь семьи Персеидов — Эврисфей, которому подчинялся Геракл; но он и все его сыновья погибли в битве, так что семья Персеид была представлена только сыновьями Геракла — Гераклеидами, или Гераклидами. Они попытались вернуть себе свои владения и вторглись на Пелопоннес, из которого были изгнаны. Хиллос, старший сын, предложил армии ионийцев, ахейцев и аркадцев, которая встретила их в обороне, чтобы исход сражения был решен между ним и любым сторонником армии вторжения, и что, в случае его победы, Гераклеиды должны быть восстановлены под своим суверенитетом, но в случае поражения должны отказаться от своих притязаний на три поколения. Хиллос был побежден, и Гераклеиды удалились и поселились у дорийцев. Когда оговоренный срок истек, они с помощью дорийцев овладели Пелопоннесом. Отсюда великое дорийское заселение Аргоса, Спарты и Мессении, осуществленное возвращением Гераклидов.

Девкалион.

Еще одна важная легенда связана с Девкалионом и всемирным потопом, поскольку предполагается, что она проливает свет на различные расы, колонизировавшие Грецию. Порочность мира побудила Зевса наказать его всемирным потопом; страшный дождь затопил всю Грецию, за исключением нескольких горных вершин. Девкалион был спасен в ковчеге, или сундуке, который ему было велено построить. После девятидневного плавания он приземлился на вершине горы Парнас. Выйдя из своего ковчега, он не нашел жителей, так как они были уничтожены всемирным потопом. Однако по указанию Зевса он и его жена Пирра бросали

камни себе над головами, и те, которые он бросал, становились мужчинами, а те, которые бросала его жена, становились женщинами. Так мифология объясняет новое заселение страны — традиция, несомненно, восходящая к отдаленным векам через детей Иафета, от которых произошли греки и которые после многих странствий и переселений осели в Греции.

Эллин и Пирра.

У Девкалиона и Пирры было два сына, Эллин и Амфикион. Старший, Эллен, от нимфы был отцом Доруса, Эола и Ксуфа, и он дал свое имя народу — Эллины. Разделив страну между своими сыновьями, Эол получил Фессалию; Ксуф - Пелопоннес; и Дорус - страну, лежащую напротив, на северной стороне Коринфского залива, как уже упоминалось в предыдущей главе. Замените Ноя Девкалионом, Армению - Грецией, а Сима, Хама и Иафета - Дором, Эолом и Ксуфом, и мы увидим воспроизведение рассказа Моисея о втором переселении человечества.

Как для людей естественно вести свое происхождение от прославленных прародителей, так и греки в своих различных поселениях лелеяли легенды, которые представляли себя происшедшими от богов и героев — тех великих благодетелей, чьи подвиги занимают героические века. Как Геракл был аргинским героем Пелопоннеса, так и Эол был отцом героев, священных в истории эолийцев, населявших большую часть Греции. Эол правил в Фессалии, первоначальной резиденции эллинов.

Пелий и Нелей.

Среди его сыновей был Салмоней, чья дочь Тиро влюбилась в реку Энеип, и, часто бывая на ее берегах, бог Посейдон влюбился в нее. Плодом этого союза стали братья-близнецы Пелий и Нелей, которые поссорились из-за владения Иолчосом, расположенным у подножия горы Пелион, прославленной впоследствии как резиденция Ясона. Пелий одержал победу, и Нелей вернулся в Пелопоннес и основал Пилосское царство. Его прекрасную дочь Перо искали замуж принцы всех соседних стран, но он отказался удовлетворить притязания кого-либо из них, заявив, что она должна выйти замуж только за человека, который привел ему знаменитых быков из Ификлоса в Фессалии. Мелампус, племянник Нелея, добыл быков для своего брата Биаса, который таким образом добился руки Перо. Из двенадцати сыновей Нелея Нестор был самым знаменитым. Именно он собрал различных вождей для осады Трои и превосходил всех мудростью.

Адмет.

Другой потомок Эола был героем красивой легенды. Адмет, который женился на дочери Пелия и за чьими лошадьми ухаживал Аполлон, на некоторое время воплотился рабом в наказание за убийство Циклопов. Аполлон в знак благодарности получил от Судьбы привилегию продлить жизнь Адмета, если найдется кто-нибудь, кто добровольно умрет за него. Его жена, Алкеста, принесла жертву, но была освобождена из объятий смерти (Танатоса) Гераклом, древним другом Адмета.

Ясон и аргонавты.

Но еще более красивая легенда связана с Ясоном, правнуком Эола. Пелию, все еще правившему в Иолчосе, оракул посоветовал остерегаться человека, который предстанет перед ним только в одной сандали. Он праздновал праздник в честь Посейдона, когда появился

Ясон, потерявший одну из своих сандалий при переходе через реку. Чтобы предотвратить опасность, он возложил на Ясона задачу, которую считал отчаянной, - вернуть Иолчосу "Золотое руно". Результатом стала незабываемая аргонавтическая экспедиция корабля "Арго" в далекую страну Колхиду, расположенную на восточном побережье Черного моря. Ясон пригласил благороднейшего юношу Греции присоединиться к нему в этом опасном и славном путешествии. К нему присоединились пятьдесят выдающихся личностей, в том числе Геракл и Тесей, Кастор и Поллукс, Мопс и Орфей. Они проследовали вдоль побережья Фракии, вверх по Геллеспонту, мимо южного берега Пропонтиды, через Босфор, далее мимо Вифинии и Понта и прибыли к реке Фазис, к югу от Кавказских гор, где жил Эет, которого они искали. Но он отказался отдать золотое руно, за исключением почти невыполнимых условий. Однако Медея, его дочь, влюбилась в Ясона, и с ее помощью при содействии Гекаты ему удалось запрячь свирепых быков, вспахать поле и засеять его зубами дракона. Тем не менее Эет отказался от награды и замыслил убийство аргонавтов; но Медея усыпила дракона, охранявшего руно, и сбежала со своим возлюбленным и его спутниками на борту "Арго". Авантюристы вернулись в Иолchos целыми и невредимыми, преодолев бесчисленные опасности и следуя путями, несовместимыми со всеми географическими истинами. Но Ясон мог отомстить Пелию только с помощью хитрости своей жены, и с помощью своего магического искусства она побудила дочерей Пелия зарезать своего отца и бросить его конечности в котел, полагая, что таким способом к нему вернется былая сила молодости, и Ясон был таким образом отомщен и получил во владение царство, которое он передал сыну Пелия и удалился со своей женой в Коринф. Здесь он прожил десять лет в достатке, но отрекся от Медеи, чтобы жениться на Глансе, дочери царя Коринфа; Медея отомстила за оскорбление отравленным одеянием, которое она послала Глансу в качестве свадебного подарка, в то время как Ясон погиб во сне от обломков своего корабля "Арго", которые упали на него. Такова легенда об аргонавтах, типичная для морских приключений приморских греков и их беспокойных предприятий.

Сизиф.

Легенда о Сизифе связана с ранней историей Коринфа. Сизиф был сыном Эола и основал этот богатый город. Он отличался хитростью и обманом. Он обнаружил Антолика, сына Гермеса, пометив ногой его овцу, так что главный вор был вынужден признать превосходство Эолида и вернуть награбленное. Он обнаружил любовную связь Зевса с нимфой Эгиной и рассказал ее матери, куда ее отнесли, что так разгневало "отца богов и людей", что он обрек Сизифа в Аиде на вечное наказание - закатывать в гору тяжелый камень, который, как только достигал вершины, снова откатывался назад, несмотря на все его усилия. Эта легенда иллюстрирует нескончаемый труд и разочарования людей.

Беллерофонт.

Сизиф был дедом Беллерофонта, чья красота сделала его объектом неистовой страсти со стороны Антеи, жены аргосского царя. Он отверг ее ухаживания и стал столь же яростно ненавидим. Она выдвинула ложные обвинения и убедила своего мужа убить его. Не желая совершать убийство напрямую, он отправил его к своему зятю, царю Сикий, в Малой Азии, со сложенной табличкой, полной разрушительных символов, которые требовали от него выполнения опасных заданий, что он успешно и выполнил. Затем он был признан сыном бога и женился на дочери царя. Эта легенда напоминает нам об Иосифе в Египте.

Эол.

Мы вынуждены опустить другие интересные легенды об Эолидах, сыновьях и дочерях Эола, среди которых есть те, в которых рассказывается о подвигах Аталанты, и обратиться к тем, которые относятся к Пелопидам, которые придали Пелопоннесу его ранний поэтический интерес. К этой замечательной расе принадлежали Тантал, Пелопс, Атрей, Фиест, Агамемнон, Менелай, Елена и Гермiona, все они фигурировали в древних легендарных генеалогиях.

Тантал.

Тантал жил в далекой древности близ горы Сипил в Лидии и был человеком огромного богатства, пользовавшимся исключительной благосклонностью как богов, так и людей. Опыренный процветанием, он украл нектар и амброзию со стола богов и раскрыл их секреты, за что был наказан в подземном мире вечным голодом и жаждой, но рядом с ним поставили фрукты и воду, которые ускользнули из его рук, когда он попытался к ним прикоснуться. У него было двое детей, Пелопс и Ниоба. Последняя была благословлена семьей сыновьями и семьей дочерьми, что настолько воспламенило ее гордыню, что она провозгласила равенство с богинями Латоной и Дианой, которые покровительствовали ей своей дружбой. Эта самонадеянность так разгневала богинь, что они убили всех ее детей, а Ниоба заплакала до смерти и превратилась в камень - поразительный образ чрезмерного горя.

Пелопс.

Пелопс был лидийским царем, но был изгнан из Азии Илом, царем Трои, за свое нечестие. Он приехал в Грецию и победил Гипподамению, чей отец был королем Пизы, недалеко от Олимпии, в Элиде, в гонках на колесницах, когда наказанием за неудачу была смерть. Он унаследовал трон по милости Посейдона, женился на принцессе и стал королем Пизы. Он дал свое имя всему полуострову, что ему позволили сделать огромные богатства, которые он привез из Лидии, соединив таким образом ранние поселения Пелопоннеса с Малой Азией. У него было множество детей, которые стали правителями разных городов и государств в Аргосе, Элиде, Лаконии и Аркадии. Один из них, Атрей, был царем Микен, унаследовавшим скипетр Зевса и чье богатство вошло в поговорку. Скипетр был изготовлен Гефестом (Вулканом) и подарен Зевсу; он подарил его Гермесу; Гермес подарил его Пелопсу; а Пелопс подарил его Атрею, правителю людей. Атрей и его брат Фиест завещали его Агамемнону, который правил в Микенах, в то время как его брат Менелай правил в Спарте. Это была жена Менелая, Елена, которая была увлечена Парисом, что привело к Троянской войне. Агамемнон был убит по возвращении из Трои из-за предательства своей жены Клитемнестры, которая была соблазнена Эгистом, сыном Фиеста. Его единственный сын Орест впоследствии отомстил за убийство и вернул Микены. Гермiona, единственная дочь Менелая и Елены, была выдана замуж за сына Ахилла, Нептолема, который правил в Фессалии. Микены сохранили свою независимость до персидского нашествия, и "Илиада" и "Одиссея" сделали их бессмертными. При последующем возвышении Спарты кости Ореста были привезены из Теги, где они покоились на протяжении поколений, в гробу длиной в семь локтей.

У других государств Пелопоннеса также есть свои генеалогические легенды, которые возводят их предков к богам и богиням, которые я опускаю, и обращаюсь к тем, которые принадлежат Аттике.

Девкалианский потоп.

Великий Девкалианский потоп, согласно легенде, произошел во времена правления Оиггеса, за 1796 год до н.э., и за 1020 год до первой Олимпиады. После долгого перерыва Кекропс, получеловек-полузмея, стал царем страны. Одни представляют его как пеласга, другие - как египтянина. Он ввел первые элементы цивилизованной жизни — брак, двенадцать политических разделений Аттики и новую форму богослужения, отменив кровавые жертвоприношения Зевсу. Он дал стране название Кекропия. Во время его правления между Афиной и Посейдоном разгорелся спор из-за владения Акрополем. Посейдон ударил по камням своим трезубцем и образовал колодец с соленой водой; Афина посадила оливковое дерево. Двенадцать олимпийских богов решили спор и присудили Афине желанное владение, и с тех пор она всегда оставалась божеством-покровителем Афин.

Тесей.

Среди его потомков был Тесей, великий легендарный герой Аттики, который был одним из аргонатов, а также одним из тех, кто охотился на калидомского вепря. Он освободил Аттику от разбойников и диких зверей, победил знаменитого критского Минотавра и сбежал из лабиринта с помощью Ариадны, которую он похитил и бросил. В "Илиаде" он представлен сражающимся с кентаврами, а в поэмах Гесиода - влюбленным странствующим рыцарем, введенным в заблуждение прекрасной Эглей. Среди других своих подвигов, уступающих только подвигам Геракла, он победил амазонок — народ мужественных и выносливых женщин, которые пришли из страны, прилегающей к Кавказу, и основные поселения которых находились недалеко от современного Трезибонда. Они вторглись во Фракию, Малую Азию, Грецию, Сирию, Египет и Эгейские острова. Им приписывают основание нескольких городов в Малой Азии. Во времена Тесея эта полумифическая и полуисторическая раса женщин-воинов вторглась в Аттику и даже проникла в Афины, но была завоевана царем-героем. Намеки на их поражение встречаются во всей афинской литературе. Хотя Тесей был чисто легендарным персонажем, афиняне привыкли считать его великим политическим реформатором и законодателем, который объединил афинское содружество, разделив народ на три класса.

Фиванские легенды. Кадм. Эдип.

Легенды, относящиеся к Фивам, занимают видное место в греческой мифологии. Кадм, сын Агенора, царя Финикии, покидает свою страну в поисках своей сестры Европы, в которую влюбился Зевс в образе быка и перенес на своей спине на Крит. Сначала он отправляется во Фракию, а оттуда в Дельфы, чтобы узнать новости о Европе, но бог велит ему не продолжать свои поиски; он должен последовать указаниям коровы и основать город, где животное должно лежать. Корова останавливается на месте Фив. Он женится на Гармонии, дочери Ареса и Афродиты, после того, как убил драконов, охранявших фонтан Аллия, и посеял их зубы. От этих вооруженных людей произошли люди, которые убили друг друга, за исключением пятерых. От них произошли пять великих семей Фив, называемых Спарти. Один из спартистов женится на дочери Кадма, чьим потомком был Пенфей, ставший царем. Именно в его правление Дионис появляется как бог в Беотии, податель виноградной лозы, и удостоивается божественных почестей в Фивах. Среди потомков Кадма был Лай. Оракул предупредил его, что любой сын, которого он родит, уничтожит его, и поэтому он выставил младенца Эдипа на горе Китон. Здесь пастухи Полиба, царя Коринфа, находят его и передают своему господину, который воспитывает его как собственного ребенка. Огорченный насмешками товарищей по поводу его неизвестного происхождения, он отправляется в Дельфы, чтобы узнать имя своего настоящего

отца. Ему говорят, чтобы он не возвращался в свою страну, потому что ему было суждено убить своего отца и стать мужем своей матери. Не зная другой страны, кроме Коринфа, он продолжает свой путь в Беотию и встречается Лая в колеснице, запряженной мулами. Из-за наглости слуг возникает ссора, и Эдип убивает Лая. Брат Лая, Креонт, наследует трон Фив. Окрестная страна поражена ужасным чудовищем с лицом женщины, крыльями птицы и хвостом льва, называемым Сфинксом, которое узнало от Муз загадку, предложенную ею фиванцам, и при каждой неудаче разгадать ее одна из них была съедена. Но ни один человек не может разгадать загадку. Царь предлагает свою корону и свою сестру Иокасту, жену Лая, в жены любому, кто объяснит загадку. Эдип решает ее, становится царем Фив и женится на Иокасте. На нем лежит смертельное проклятие. Иокаста, узнав от богов о своих отношениях, вешается в агонии. Эдип терпит великие страдания, так же как и его дети, которых он проклинает и которые ссорятся из-за своего наследства, и эта ссора приводит к осаде Фив Адрастом, царем Аргоса, который стремится вернуть Полиника — одного из сыновей Эдипа, на трон, которого он был лишен. Аргетские вожди с готовностью включаются в это предприятие, им помогают многочисленные вспомогательные силы из Аркадии и Мессении. Кадмийцы при поддержке фокейцев выступают в поход, чтобы оказать сопротивление захватчикам, которые терпят поражение благодаря великодушию великодушного юноши, который предлагает себя в жертву Аресу. Затем Этеокл предложил своему брату Полинику, соперничающему претенденту, решить спор единоборством. Это привело к смерти обоих, а затем к возобновлению общего сражения, уничтожению аргейских вождей и возвращению Адраста в Аргос с позором и горем.

Креонт.

Но Креонт, отец самоотверженного Менеякея, после смерти братьев-соперников переходит к управлению Фивами. Происходит вторая осада, проводимая Адрастом и сыновьями тех, кто был убит. Теперь Фивы падают, и царем становится Александер, сын Полиника. Легенды о Фивах вдохновили великих трагиков Софокла и Еврипида на лучшие сюжеты. В басне о Сфинксе мы прослеживаем связь между Фивами и древним Египтом.

Но все легенды древней Греции уступают по интересу легенде о Трое, которую Гомер избрал темой своего бессмертного эпоса.

Дарданус.

Дардан, сын Зевса, является первобытным предком троянских царей, центром власти которых была гора Ида. Его сын, Эрихтоний, стал самым богатым человеком, и на его пастбищах было три тысячи кобыл. Его сын, Трос, был отцом Илуса, Ассарка и Ганимеда. Последний был похищен Зевсом, чтобы стать его виночерпием.

Илус.

Илус был отцом Лаомедонта, при котором Аполлон и Посейдон в смертном обличье временно находились в рабстве — первый пас свои стада, второй строил стены Илиона. Лаомедонт был убит Гераклом в наказание за его вероломство, когда он дал ему смертных лошадей для уничтожения морского чудовища, вместо бессмертных лошадей, как он обещал, подаренных Зевсом Тросу.

Приам. Елена.

Среди сыновей Лаомедонта был Приам, который был возведен на трон. Он был отцом прославленных сыновей, среди которых были Гектор и Парис. Последний был разоблачен на горе Ида, чтобы избежать исполнения злого пророчества, но вырос красивым и деятельным среди отар. Именно ему три богини - Здесь, Афина и Афродита (Юнона, Минерва и Венера) - предъявили свои соответствующие притязания на красоту, которыми он наградил Афродиту и от которой ему в награду была обещана Елена, жена спартанского царя Менелая и дочь Зевса. Афродита приказала построить для него корабли, и он благополучно прибыл в Спарту, где был гостеприимно принят ничего не подозревающим монархом. В отсутствие Менелая на Крите Парис увозит в Трою и Елену, и крупную сумму денег, принадлежащую царю. Менелай спешит домой, узнав о вероломстве, и советуется со своим братом Агамемноном и уважаемым Нестором. Они интересуют аргейских вождей, которые решают вернуть Елену. Десять лет ушло на подготовку, состоящую из тысячи ста восьмидесяти шести кораблей и ста тысяч человек, состоящих из героев со всех концов Греции, среди которых Аякс, Диомед, Ахилл и Одиссей. Герои отправляются в плавание из Авлиды и после различных ошибок достигают Азии.

Троянская война.

Тем временем троянцы собираются с большим отрядом союзников, чтобы оказать сопротивление захватчикам, которые требуют возмещения великой обиды. Троянцы разбиты в битве и возвращаются в свои стены. После различных удач город был взят по прошествии десяти лет с помощью военной хитрости, и греческие вожди, которые не были убиты, пытаются вернуться в свою страну с Еленой среди добычи. Они сталкиваются со многими несчастьями из-за гнева богов за то, что не пощадили алтари Трои. Их вожди ссорятся между собой, и даже Агамемнон и Менелай теряют свою братскую дружбу. После долгих странствий, горьких разочарований и затянувшихся надежд герои возвращаются в свои дома — такие, какие пощадила война, — чтобы рассказать о своих приключениях и страданиях, восстановить свои разрушенные государства и поправить свою сломанную судьбу — тип войны во все века, пагубный даже для победителей. Странствия Улисса обладают особым очарованием, поскольку они составляют тему "Одиссеи", одной из самых благородных поэм древности. Не менее интересны и приключения Энея, представленные Вергилием, который прослеживает происхождение первого поселения Лациум от троянских изгнанников. Мы хотели бы подробнее остановиться на осаде Трои и ее великих результатах, но эта тема слишком обширна и сложна. Изучающий великое событие, будь то историческое или мистическое, должен прочитать подробные описания в бессмертных эпосах Гомера. У нас есть место только для грандиозных очертаний, которые едва ли могут быть чем-то большим, чем намеки.

Легенда о Гераклидах.

Едва ли уступает легенде о Трое та, в которой рассказывается о возвращении потомков Геракла к древнему наследию на Пелопоннесе, которое, как предполагается, произошло за триста или четыреста лет до начала подлинной истории или через восемьдесят лет после Троянской войны.

Мы вкратце описали географическое положение важнейшей части древней Греции — Пелопоннеса, почти острова, отделенного от континента только узким заливом, напоминающим по форме пальму, изрезанным со всех сторон заливами и пересеченным горами, и населенного простым и воинственным народом.

Мы видели, что потомки Персея, который был потомком Даная, правили в Микенах в Арголиде, среди которых был Амфитрион, бежавший в Фивы после убийства своего дяди вместе со своей женой Алеменой. Затем родился Геракл, которому по праву принадлежал микенский трон, но Эврисфей — младшая ветвь Персеидов — лишил его наследства из-за гнева и ревности Юноны, и которой волею судеб Геракл стал подчиняться. Мы видели, как сыновья Геракла под предводительством Хиллоса попытались вернуть себе свое царство, но потерпели поражение и отступили к дорийцам.

Их поселение в Спарте.

Спустя три поколения Гераклиды отправились восстанавливать свое наследство с помощью дорийцев. Наконец, после пяти походов они овладели страной и разделили ее между различными вождями, которые установили свое господство в Аргосе, Микенах и Спарте, которыми во время Троянской войны правили Агамемнон и Менелай, потомки Пелопса. В следующем поколении Коринф был завоеван дорийцами под предводительством принца Гераклида.

Скитания обездоленных ахейцев.

Ахейцы, изгнанные таким образом дорийцами с юга и востока Пелопоннеса, отступили на северо-западное побережье, прогнали ионийцев и образовали конфедерацию из двенадцати городов, которая в более поздние времена приобрела значительное значение. Обездоленные ионийцы присоединились к своим собратьям той же расы в Аттике, но пересеченный полуостров не мог прокормить возросшее население, и произошла великая миграция на Киклады и побережье Лидии. Тамошние колонисты построили двенадцать городов примерно через сто сорок лет после Троянской войны. Другой отряд ахейцев, изгнанный с Пелопоннеса дорийцами, сначала поселился в Беотии, а затем вместе с эолийцами отплыл на остров Лесбос, где они основали шесть городов, а затем на противоположный материк. У подножия горы Ида они основали двенадцать эолийских городов, главным из которых была Смирна.

Крит.

Крит был основан группой дорийцев и покоренных ахейцев. Родос получил аналогичную колонию. То же самое произошло и с островом Кос. Города Линд, Иалисус, Камир, Кос, Книд и Галикарнас на материке образовали дорийский Гексаполис Кария, уступающий, однако, ионическим и эолийским колониям.

Дорийцы и ионийцы становятся ведущими племенами.

В начале мифической эпохи доминирующими эллинскими расами были ахейцы и эолийцы; в конце преобладали ионийцы и дорийцы. Ионийцы расширили свои морские владения от Аттики до азиатских колоний по всему Эгейскому морю и постепенно взяли на себя руководство азиатскими эолийцами и образовали великую морскую империю под верховенством Афин. Эллинский мир в конечном счете был разделен и потрясен великим соперничеством за господство между дорийцами и ионийцами, пока общая опасность персидского вторжения не объединила их на некоторое время.

Первая олимпиада, эпоха исторического периода.

Пока у нас есть только легенда, которая поможет нам разобраться в ранней истории Греции. Исторический период начинается с Первой Олимпиады, 776 г. до н.э.. До этого все неопределенно, но столь же вероятно, как события английской истории в мифический период между уходом римлян и основанием англосаксонского королевства. Эта история не полностью является мифом; она также не имеет четкой достоверности.

Греческие лиги.

Различные эллинские племена, хотя и были разделены политическими амбициями, все же были родственными по языку и институтам. Они образовали большие лиги, или ассоциации, соседних городов для исполнения религиозных обрядов. Амфикинический совет, ставший впоследствии столь известным, состоял из фессалийцев, беотийцев, дорийцев, ионийцев, ахейцев, локрийцев и фокейцев — всех эллинов по расе. Их великим центром был храм Аполлона в Дельфах. Различные племена или нации также регулярно собирались вместе, чтобы принять участие в четырех великих религиозных праздниках или играх — Олимпийских, Пифийских, Истмийских и Немейских, — первые два из которых отмечались каждые четыре года.

Ранние доминирующие государства.

В эпоху Гомера доминирующим государством была Ахея, столицей которой были Микены. Следующим по силе был Лакедемон. После дорийского завоевания Аргос был первым, Спарта - второй, а Мессения - третьим по значимости государством. Аргосом, стоявшим во главе крупной конфедерации городов на северо-востоке Пелопоннеса, управлял Фидон — безответственный правитель, потомок Геркулеса, которому приписывается чеканка серебряных и медных денег и введение мер. Он процветал в 747 году до н.э., ,

Следует проявлять интерес к легендам Греции.

Все эти разнообразные легенды, хотя и не подкреплены историей, имеют большое этическое значение, а также поэтический интерес. Страсти, привычки и приключения примитивной и воинственной расы представлены поэтами с трансцендентным эффектом, и мы читаем уроки человеческой природы, как в драмах Шекспира. Следовательно, один из самых образованных и достойных английских историков считает достойным своего пера посвятить этим мифам целый том своего благородного труда. И это не напрасный труд. Эти легенды служили сюжетами для трагических и эпических поэтов древности, а также для художников и скульпторов всех эпох искусства. Они отождествляются с развитием греческого гения и столь же вечны, как сама история. Для греков они были реальностью и представляли все, что жизненно важно в их ассоциациях и богослужении. Они стимулировали поэтический дар и давали уроки моральной мудрости, которые уважают и почитают все народы. Они внесли свой вклад в обогащение литературы и искусства. Они делают Эсхила, Еврипида, Пиндара, Гомера и Гесиода великими монументальными столпами прогресса человеческой расы. Поэтому мы не позволим этим легендам добровольно умереть в нашей памяти или сердцах.

Их историческое значение.

Они особенно важны, поскольку проливают свет на нравы, обычаи и институты древних греков, хотя и не дают достоверных исторических фактов. Это памятники первого состояния греческого общества, существенно отличающегося от восточного мира. Мы видим в них зачатки политических конституций — расцвет свободы - превосходство семей, которое составляет основу олигархии, или господство знати. Мы видим также первые зачатки демократического влияния — голос народа, заявляющий о своих претензиях быть услышанным на рыночной площади. Мы снова видим существование рабства — пленников, взятых на войне, обреченных прислуживать в княжеских дворцах и, в конечном счете, на черную работу на земле. В те первобытные времена государство часто представляло собой не что иное, как город с прилегающими к нему землями, и поэтому все жители могли собираться на агоре вместе с королем и знатью. На заре существования Греции мы находим царей, знать, граждан и рабов.

Раннее правление эллинов. Царь.

Король редко отличался каким-либо непреодолимым барьером между собой и подданными. Он был, скорее, главным среди своей знати, и его превосходство основывалось на происхождении от прославленных предков. Обычно оно переходило к старшему сыну. На войне он был лидером, в мирное время - защитником. Он возносил молитвы и жертвоприношения за свой народ богам, в которых все они одинаково верили. Он владел обширными владениями, и плоды его земель были получены благодаря щедрому, но грубому гостеприимству. У него была большая доля добычи, отнятой у врага, и самая соблазнительная из пленниц. Однако ему было трудно сохранить господство без больших личных дарований и добродетелей, и особенно храбрости на поле битвы и мудрости в совете. Благороднейшему из этих королей легенды приписывают огромную телесную силу и активность.

Советы.

Королям помогал большой совет вождей или знати, в функции которого входили обсуждения и консультации; и после обсуждения своих намерений с вождями они объявляли о них народу, который собирался на рыночной площади и который в целом подчинялся королевской власти, хотя на них самих и смотрели как на источник власти. Затем король, а иногда и его вельможи, вершили правосудие и выслушивали жалобы. Публичные выступления благоприятствовали красноречию, стимулировали интеллектуальное развитие и придавали достоинство людям, к которым были обращены речи.

Религиозная и общественная жизнь.

В те первобытные времена существовало сильное религиозное чувство, великое почтение к богам, чей гнев осуждали и чьей благосклонности добивались. Семейные узы были прочны. Власть отца признавалась и почиталась. Брак был священным институтом. Жена занимала высокое положение и пользовалась большим влиянием. Женщины не были изолированы в гареме, как азиаты, а занимались полезным трудом. Дети были послушными, а братья, сестры и двоюродные братья были объединены сильной привязанностью. Гостеприимство было почитаемой добродетелью, и незнакомца всегда радушно принимали и не задавали вопросов даже до тех пор, пока он не освежался баней и банкетом. Пирь были лишены излишеств и роскоши, и те, кто принимал в них участие, оживляли компанию рассказом о приключениях богов и людей. Но страсти были необузданны, и убийства были обычным делом. Государство не

наказывало убийцу, но предоставляло его мести родственников и друзей, иногда умиротворяемых дорогими подарками, как у древних евреев.

Ранние формы цивилизации.

У древних греков существовала грубая цивилизация, напоминающая нам тевтонские племена, но она была выше, чем у них. Мы наблюдаем разделение людей на различные профессии — плотники, кузнецы, кожевенники, пиявки, пророки, барды и рыбаки, хотя основным занятием было сельское хозяйство. Крупный рогатый скот был основным источником богатства, и большая часть земли была отведена под пастбища. Землю обрабатывали в основном рабы, и женщины подневольного сословия были обречены на тяжелый труд и лишения. Они приносили воду и вращали мельницы. Прядение и ткачество были, однако, занятиями всех, и одежда для мужчин и женщин одинаково шилась в домашних условиях. Существовала лишь ограниченная торговля, которая тогда была монополизирована финикийцами, преувеличивавшими опасности моря. Там были обнесенные стенами города, дворцы и храмы. Доспехи были искусной работы, а оружие - хорошего качества. Принцы носили богатые одежды, а их дворцы сверкали драгоценными металлами. Медь была закалена для использования в военном оружии. У воинов были колесницы и лошади, они были вооружены мечом, кинжалом и копьем и были защищены шлемами, нагрудниками и понож. Укрепленные города строились на скалистых возвышенностях, хотя люди обычно жили в ничем не укрепленных деревнях. Средства защиты превосходили средства нападения, что позволяло людям сохранять свои приобретения, поскольку древние вожди напоминали феодальных баронов средневековья в страсти к грабежам и приключениям. Мы не читаем ни о чеканке монет, ни об искусстве письма, ни о скульптуре, ни об декоративной архитектуре у гомеровских греков; но они любили музыку и поэзию. До начала истории у них были свои эпосы, которые в исполнении бардов и менестрелей дали Гомеру и Гесиоду материал для их благородных произведений. Гроте предполагает, что гомеровские поэмы были сочинены за восемьсот пятьдесят лет до Рождества Христова и двести лет сохранялись без помощи письма — из всех поэм самые популярные и естественные, адресованные неграмотным умам.

Таковы были героические эпохи с их мифами, их героями, их простыми манерами, их доверчивостью, их религиозной верой, их грубой цивилизацией. Теперь мы должны проследить их развитие на протяжении исторической эпохи.

ГЛАВА XV.

ОТ ГРЕЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ И КОЛОНИЙ до ПЕРСИДСКИХ ВОЙН.

Теперь мы переходим к рассмотрению тех государств, значение которых возросло примерно в середине восьмого века до Рождества Христова, в конце легендарного периода.

Ликург.

Самым важным из них была Спарта, которая была ведущим государством. Мы видели, как она была завоевана дорийцами под предводительством князей Ираклия. Его первым великим историческим именем был Ликург, которого некоторые историки, однако, считают мифическим персонажем.

Его законодательство.

Спарта находилась в состоянии анархии вследствие Дорийского завоевания, соперничества между царями, стремившимися к абсолютной власти, и народом, желавшим демократической свободы. На этом этапе царь Полидект умер, оставив Ликурга, своего брата, хранителем королевства и малолетнего наследника престола. Затем будущий законодатель отправился в свои путешествия, посетив другие государства Греции, Малой Азии, Египта и других стран, и вернулся в Спарту примерно в период проведения первой Олимпиады в 776 году до н.э. с богатым запасом мудрости и знаний. В государстве царили беспорядки, но он провел великие реформы, опираясь на авторитет дельфийского оракула и сильную партию влиятельных людей. Его великой целью было превратить граждан Спарты в воинов, объединенных крепчайшими узами и обученных строжайшей дисциплине, управляемых олигархией по образцу древней монархии. Другими словами, его целью было обеспечить господство небольшого отряда дорийских захватчиков, завоевавших Лаконию.

Спартанские граждане.

Только потомки этих захватчиков, спартанцы, обладали гражданством и были равны в политических правах. Они были собственниками земли, которую обрабатывали илоты. Спартанцы презирали любое занятие, кроме войны и правительства. Они жили в пределах своего города, который представлял собой укрепленный лагерь, и ели сообща за общественными столами, причем на самой простой пище. Все добродетели и энергия были сосредоточены на самодисциплине и самопожертвовании, чтобы раздуть огонь героизма и самоотверженности. Они были своего рода стоиками — черствыми, суровыми, гордыми, деспотичными и властолюбивыми. Их не интересовали ни литература, ни искусство, ни философия. Даже красноречием пренебрегали, и единственной поэзией или музыкой, которую они культивировали, были религиозные гимны и героические военные песни. Конституция запрещала торговлю и всю роскошь, к которой она ведет. За деньги разрешалось использовать только железо, а драгоценные металлы были запрещены. Каждое упражнение, каждый мотив, каждый закон способствовали тому, что спартанцы становились солдатами, и ничем иным, кроме солдат. Их дисциплина была самой суровой из известных древним. Их образ жизни был суровым и непреклонным. Они были обучены переносить любые трудности без жалоб.

Древнее ахейское население.

Кроме этих спартанских граждан, были перики — остатки старого ахейского населения, но смешанные с низшим классом дорийцев. У них не было политической власти, но они обладали личной свободой. Они были землевладельцами и занимались торговлей и мануфактурой.

Илоты.

Ниже этого класса были илоты — чистокровные греки, но попавшие в зависимость в результате завоевания. Они были привязаны к земле, как крепостные, но жили со своими семьями на

фермах, которые они обрабатывали. Их не покупали и не продавали как рабов. Они были телохранителями спартанских граждан и считались собственностью государства. Их хозяева обращались с ними с большим высокомерием и несправедливостью, что в конце концов вызвало сильную ненависть.

Экклесия.

Вся политическая власть находилась в руках воинов-граждан, которых во времена Ликурга было всего около девяти тысяч. От них исходили все делегированные полномочия, за исключением полномочий королей. Это собрание, или экклесия, спартанцев старше тридцати лет, собиралось через установленные промежутки времени для принятия решений по всем важным вопросам, представленным на их рассмотрение, но они не имели права вносить поправки — только простое одобрение или отклонение.

Сенат.

Органом, которому народ, по-видимому, делегировал значительную власть, был Сенат, состоящий из тридцати членов, не моложе шестидесяти лет, и избираемый пожизненно. Они были совещательным органом и судьями по всем уголовным делам против спартанцев. Их выбирали не за благородное происхождение или имущественные права, а за заслуги и мудрость.

Короли.

Во главе государства, по крайней мере номинально, стояли два короля, которые числились вместе с тридцатью сенаторами. Они обладали едва ли большей властью, чем римские консулы; они командовали армиями, совершали публичные жертвоприношения и почитались как потомки Геркулеса.

Эфоры.

Наиболее важными персонами были эфоры, ежегодно избираемые народом, которые осуществляли главную исполнительную власть и не несли никакой ответственности. Они могли даже арестовывать королей и предавать их суду Сената. Двое из пяти эфоров сопровождали царя на войне и были проверкой его авторитета.

Аристократическая форма правления. Гражданин, затерянный в государстве.

Таким образом, может показаться, что правительство Спарты было республикой аристократического типа. Не было никого благороднее граждан, но эти граждане составляли лишь небольшую часть населения. Они были спартанцами — горсткой завоевателей среди враждебного народа — группой господ среди рабов и подданных. Они симпатизировали закону и порядку и ненавидели демократическую нестабильность Афин. Благодаря военному образованию они были приучены к подчинению, послушанию и самопожертвованию. Они, как граждане или как солдаты, существовали только для государства, а государству было подчинено все. В наше время государство создано для народа; в Спарте народ для государства. Это породило сильный патриотизм и самоотречение. Это также допускало большее вмешательство государства в личные дела, чем это было быдопустимо сейчас при любом деспотизме в Европе. Это сделало граждан покорными разделу собственности, который, если и не был совершенной общностью благ, то был фатален для всех частных состояний. Но

собственность, которой таким образом поделились граждане, фактически была создана илотами, которые в одиночку возделывали землю. Богатство народов - в земле, и именно ее обработка является обычным источником собственности. Илотами владело государство, а не отдельные хозяева, и они трудились на благо граждан. В современном понимании свободы в Спарте было очень мало, за исключением той, которой обладали граждане—аристократы — завоеватели страны, людьми, самым занятием которых была война и управление страной, и самыми развлечениями которых были те, которые воспитывали воинственные привычки. Римские граждане не брезговали ни земледелием, ни пуританскими поселенцами Новой Англии, но спартанские граждане презирали и это, и всю торговлю и мануфактуру. Никогда не было более надменного класса людей, чем эти спартанские солдаты. Они превосходили в гордыне феодального вождя.

Количество граждан.

Однако такая исключительная группа граждан, ревниво относившаяся к своим политическим привилегиям, постоянно сокращалась в численности, так что во времена Аристотеля в Спарте насчитывалась всего тысяча граждан; и это сокращение продолжалось, несмотря на все законы, по которым граждане были вынуждены вступать в брак, и на те обычаи, столь отвратительные нашим христианским представлениям, которые допускали нарушение супружеских прав ради здоровых детей.

Спартанские армии.

Поскольку лучшие силы спартанцев были направлены на войну, их армии вызывали восхищение древнего мира своей дисциплиной и эффективностью. Они были первыми, кто превратил войну в науку. Общим типом их военной организации была фаланга, отряд войск в сомкнутом строю, вооруженных длинным копьем и коротким мечом. Сила армии заключалась в тяжеловооруженной пехоте; и это войско почти полностью состояло из граждан с небольшой примесью перископов. В возрасте от двадцати до шестидесяти лет каждый спартанец был призван на военную службу; и все граждане формировали армию, независимо от того, собирались ли они в Спарте или отсутствовали на иностранной службе.

Таковы, в общем, были социальные, гражданские и военные институты Спарты, и не только ей одной, но и всем дорийцам, даже на Крите; из чего мы заключаем, что не Ликург сформировал их, но что они существовали независимо от его власти. Возможно, он восстановил старые правила и оказал свою помощь, чтобы уберечь государство от коррупции и упадка. И когда мы вспоминаем, что конституция, которую он восстановил, противостояла как узурпации тиранов, так и успехам демократии, благодаря которым были совершены революции в других государствах, мы не можем в достаточной мере восхититься мудростью, которая так рано воодушевила дорийских законодателей.

Спартанцы получают господство на полуострове.

После долгой борьбы спартанцы стали хозяевами страны, и с тех пор она называлась Лаконией. Более упрямые ахейцы стали илотами. После завоевания первым запоминающимся событием в истории Спарты стало завоевание Мессении, для чего потребовались две великие войны.

Мессения. Война со Спартой.

Мессения уже упоминалась как юго-западная часть Пелопоннеса, в общих чертах напоминающая Лаконию. Река Парнис протекает по всей его длине, как Евротас в Лаконии, образуя плодородные долины и равнины и производя различные виды злаков и фруктов, точно так же, как сейчас она производит масло, шелк, инжир, пшеницу, кукурузу, хлопок, вино и мед. Площадь Мессении составляет тысячу сто девяносто две квадратных мили, что не так велико, как одно из наших графств. Первые жители были завоеваны дорийцами, и именно против потомков этих завоевателей спартанцы развязали войну. Убийство спартанского царя Телекла в храме на границе Лаконии и Мессении, где совместно приносились жертвы, послужило поводом для первой войны, которая длилась девятнадцать лет, в 743 году до н.э.. В ссору были вовлечены и другие государства — Коринф на стороне Спарты, а Сикион и Аркадия - со стороны мессенцев. Спартанцы, имевшие превосходство в бою, мессенцы отступили в свою крепость Итому, где оборонялись пятнадцать лет. Но в конце концов они были вынуждены оставить его, и крепость была стерта с лица земли. Победленные были низведены до положения илотов — вынуждены обрабатывать землю и отдавать половину ее плодов своим новым хозяевам. Спартанские граждане стали абсолютными хозяевами всей земли Мессении.

Аристомен. Завоевание Мессении.

После тридцати девяти лет рабства среди покоренных мессенцев появился герой Аристомен, подобный Иуде Маккавею или Уильяму Уоллесу, который подстрекал своих соотечественников к восстанию. Весь Пелопоннес был вовлечен в новую войну, и только Коринф стал союзником Спарты; остальные государства - Аргос, Сикион, Аркадия и Пиза - перешли на сторону мессенцев. Афинский поэт Тиртей воодушевлял спартанцев своими военными песнями. В первом крупном сражении спартанцы потерпели поражение; во втором они одержали знаменательную победу, так что мессенцы были вынуждены покинуть открытую местность и удалиться в крепость на горе Ира. Здесь они продержались одиннадцать лет, поскольку спартанцы не привыкли к осадам и были обучены сражаться только в открытом поле. В конце концов крепость была взята предательством, и герой, стремившийся возродить воинскую славу своего государства, бежал на Родос. Мессения стала теперь, в 668 году до н.э., частью Лаконии, и прошло триста лет, прежде чем она снова появилась в истории.

Возвышение Спарты.

Спартанцы после завоевания Мессении обратили свои взоры на Аркадию — страну пастухов, свободных, простых и храбрых, как они сами. Город Тегея долго противостоял оружию спартанцев, но в конце концов уступил превосходящим силам и стал подчиненным союзником, 560 г. до н. э.. Спарта была еще больше увеличена за счет части Аргоса, и великая битва, произошедшая в 547 году до н.э. между аргивянами и спартанцами, привела к полному господству Спарты в южной части Пелопоннеса, примерно в то время, когда Кир сверг Лидийскую империю. Ионийские греки Малой Азии призвали их на помощь против персидской державы, и Спарта с гордостью встала на их защиту.

Политические перемены. Эпоха тиранов.

Тем временем в других государствах Греции происходила великая политическая революция, и они были не в состоянии противостоять превосходству Спарты, патриархальные монархии героических эпох постепенно были ниспровергнуты растущим значением знати,

обогащавшейся за счет завоеванных земель. Каждое завоевание, каждый шаг к национальному прогрессу приближали дворян к короне, и правительство переходило в руки тех дворян, которые прежде составляли королевский совет. С ростом власти знати происходил соответствующий рост политической власти народа или граждан, вследствие увеличения богатства и интеллекта. Политические изменения были быстрыми. Как знать узурпировала власть королей, так и граждане узурпировали власть знати. Вечная классовая война, в которой люди разумны и свободны, была ярко проиллюстрирована в греческих государствах, и демократия пришла на смену олигархии, низвергавшей царей. Затем, когда народ получил господство, амбициозные и фракционные демагоги, в свою очередь, получили контроль, и эти авантюристы, которых теперь называют тиранами, взяли на себя произвольную власть. Их власть поддерживалась только жестокостью, несправедливостью и беспринципными средствами, которые в конце концов вызвали к ним такую ненависть, что они были устранены путем убийства. Эти естественные изменения от монархии, примитивной, справедливой и ограниченной, к олигархии знати, и постепенное свержение их власти богатыми и просвещенными гражданами, а затем возвышение демагогов, ставших тиранами, были проиллюстрированы во все эпохи мира. Но быстрота этих изменений в греческих государствах, рост благосостояния и коррупции делают их историю впечатляющей для всех поколений. Именно эти быстрые и естественные революции придают политической истории Греции ее постоянный интерес и ценность. Возраст тиранов обычно устанавливается с В.С. 650 to 500 год до н.э. - около ста пятидесяти лет

Коринтия.

Ни одно государство не прошло через эти смены правительства более знаменательно, чем Коринфия, которая вместе с Мегарисом образовывала перешеек, соединявший Пелопоннес с собственно Грецией. Это была небольшая территория, покрытая хребтами и отрогами Геранских и Онейских гор, и бесполезная для сельского хозяйства. Его главным городом был Коринф; он был выгодно расположен для торговли и быстро рос в населении и богатстве. Он также контролировал большие дороги, которые вели из Собственно Греции через горные ущелья в Пелопоннес. Она быстро монополизировала торговлю в Эгейском море и на Востоке через Саронический залив; а через Коринфский залив она контролировала торговлю в Ионическом и Сицилийском морях.

Перемены в Коринфе.

Некоторые полагают, что Коринф был финикийской колонией. До начала подлинной истории он был населен смешанным населением эолийцев и ионийцев, первые из которых были доминирующими. Над ними царствовал Сизиф, согласно преданию, дед Беллерофонта, заложивший основы торгового процветания. Первым историческим царем был Алетес, г. до н.э. 1074 г., предводитель дорийских захватчиков, которые покорили эолийцев и объединили их с их собственными гражданами. Потомки Алетеса правили двенадцать поколений, когда знать превратила правительство в олигархию при Бахиде, который значительно увеличил коммерческое значение города. В 754 году до н.э. Коринф начал колонизацию и снарядил военный флот для защиты торговли. Олигархию сменил Кипселус, 655 г. до н. э., человек из народа, мать которого была благородного происхождения, но отвергнута своей семьей из правящего дома Вакхиад из-за хромоты. Его сын Периандр правил сорок лет с жестоким деспотизмом, но сделал Коринф ведущим торговым городом Греции, и он подчинил ее власти

колонии, расположенные на островах Ионического моря, одной из которых была Коркира (Корфу), получившая большую торговую известность. Именно при нем процветал поэт Арион, или Лесбос, которому он оказывал свое покровительство. Через три года после смерти Периандра, в 585 г. до н. э., власть олигархов была восстановлена, и Коринф вступил в союз со Спартой в ее планах расширения.

Перемены в Мегаре.

Такая же смена правительства произошла в Мегаре, соседнем государстве, расположенном на перешейке между Коринфом и Аттикой и достигшем больших коммерческих успехов. В результате коммерческого процветания народу удалось свергнуть правительство, олигархию дорийских завоевателей, и возвести демагога Теагена к верховной власти в 630 году до н.э.. Он правил тиранически, от имени народа, в течение тридцати лет, но был изгнан олигархией, которая вернула себе власть. Во время его правления были совершены всевозможные народные эксцессы, особенно конфискация имущества богатых.

Изменения в других состояниях.

Другие государства также являются иллюстрациями этой смены власти от царей к олигархиям, а от олигархий к демагогам и тиранам, как на острове Лесбос, где правил диктатор Питтакус, но обладавший мудростью и добродетелью — один из семи мудрецов Греции - и на Самосе, где Поликрат соперничал со славой Периандра, украсил свою столицу прекрасными зданиями и покровительствовал литературе и искусству. Одним из его друзей был поэт Анакреон. Он был убит персами в 522 году до нашей эры.

Но государством, которое наиболее ярко иллюстрирует революции в правительстве, были Афины.

“Там, где на эгейском берегу стоит город, —

Построен благородно; чистый воздух и легкая почва:

Афина, око Греции, мать искусств

И красноречие, присущее известным умникам”.

Ранняя история Афин. Тесей. Кодрус.

Все интересное и впечатляющее в истории классической античности сосредоточено вокруг этого знаменитого города, так что без Афин не было бы Греции. Аттика, маленькое государство, столицей которого он был, представляла собой треугольный полуостров площадью около семисот квадратных миль. Местность холмистая и каменистая, неблагоприятная для земледелия; но благодаря целебности климата и трудолюбию людей процветали все виды растений и животных. История страны, как и других государств, мифична, начиная с периода первой Олимпиады. Огигес имеет репутацию первого царя народа, который называл себя коренным, примерно за сто пятьдесят лет до прибытия кекропов, которые пришли, как предполагается, из Египта, и основали Афины, и научили простых, но диких туземцев новой религии и элементам цивилизованной жизни, в 1556 году до н.э. Он получил свое название от

богини Нейт, привезенной им из Египта под именем Афины, или Минервы. Он также назывался Кекропией, по имени своего основателя. До времен Тесея это был небольшой городок, ограниченный Акрополем и холмом Марса. Этот герой - великое имя древней афинской легенды, каким Геракл является для Греции в целом. Он очистил дороги от разбойников и установил аристократическую конституцию с королем, который был всего лишь первым из его вельмож. Но сам он, после того как обеспечил политическое единство, был изгнан заговором знати, оставив трон Менестию, потомку древних царей. Этот монарх правил двадцать четыре года и погиб при осаде Трои. Весь период монархии относится к мифической эпохе. Традиция считает Кодруса последним царем, который был убит во время вторжения дорийцев в 1045 году до н.э.. Решив не иметь будущего царя, афиняне заменили должность архонта, или правителя, и назначили его сына Медуса верховным судьей. Эта должность оставалась наследственной в семье Кодрусов на протяжении тринадцати поколений. В 752 году до н.э. срок полномочий был установлен на десять лет. Он оставался в семье Кодрус еще тридцать восемь лет, когда был оставлен открытым для всей знати. В 683 году до н.э. из знати ежегодно избирались девять архонтов, причем первый обладал высшим достоинством.

Драко.

Первым из этих архонтов, о котором известно что-либо важное, был Драко, правивший Афинами в 624 году до н.э., который издал писанные законы, чрезвычайно суровые, предусматривающие смертную казнь за незначительные проступки. Народ устал от него и его законов, и он был сослан в Эгину, где и умер, в результате заговора, возглавляемого Силоном, одним из знатных людей, захвативших Акрополь в 612 году до н.э.. Его восстание, однако, провалилось, и он был предательски предан смерти одним из архонтов, что привело к изгнанию всего корпуса и изменению конституции.

Солон.

Это было сделано Солоном, афинским мудрецом и законодателем — самым из рода Кодров, которого афиняне избрали архонтом, наделенным всей полнотой власти издавать новые законы. Облеченный абсолютной властью, он воздерживался от злоупотребления ею — патриот в самом возвышенном смысле этого слова, а также поэт и философ. Понуждаемый своими друзьями сделать себя тираном, он ответил, что тирания могла бы быть справедливой страной, только выхода из нее нет.

Его учреждения.

Когда он начал свои реформы, знать, или Эвпатриды, владели большей частью плодородных земель Аттики, в то время как более бедные граждане владели только бесплодными горными районами. Это породило неприятную зависть между богатыми и бедными. Кроме того, был еще один класс, разбогатевший за счет торговли, воодушевленный духом свободы. Но их влияние, как правило, увеличивало пропасть между богатыми и бедными. Бедняки залезали в долги, попадали во власть кредиторов и опускались до положения крепостных, а многие даже были проданы в рабство, ибо законы были суровы к должникам, как в Древнем Риме. Солон, подобно Моисею в его учреждении Юбилейного года, освободил все владения и лиц, попавших во власть кредиторов, и выкупил тех, кто был продан в рабство.

Потеря аристократической власти. Разные классы.

Устранив главный источник вражды между богатыми и бедными, он отменил кровавые законы Дракона и приступил к переделке политической конституции. Фундаментальными принципами, которые он принял, было распределение власти между всеми гражданами в соответствии с их богатством. Но дворяне не были лишены своего господства, только для всех граждан был открыт путь к достижению политического отличия, особенно для тех, кто обогатился за счет торговли. Он произвел оценку земельной собственности всех граждан, взяв за основу стандарт стоимости, эквивалентный драхме годового продукта. Первый класс, не имевший аристократических титулов, назывался *Pentacosio medimni*, от обладания пятьюстами медимни и выше. Только они имели право на архонтство и другие высокие должности и несли наибольшую долю общественных забот. Второй класс назывался рыцарями, потому что они были обязаны служить в кавалерии. Они занимали низшие должности, распределяли доходы и держали в своих руках торговлю страны.

Другие политические изменения.

Третий класс назывался *Zeugitæ* (несущие ярмо) из-за их способности удерживать упряжку волов. Они были мелкими фермерами, служили в тяжеловооруженной пехоте и облагались налогом на имущество. Все те, чей доход не достигал двухсот медимни, составляли четвертый класс, служили в легковооруженных войсках и были освобождены от налога на имущество, но не имели права занимать государственные должности, и все же они имели право голоса на всенародных выборах и в судебном решении, вынесенном архонтам по истечении срока полномочий. “Прямая ответственность всех должностных лиц перед народным собранием была самым демократическим из всех институтов Солона; и хотя правительство все еще находилось в руках олигархии, Солон ясно предвидел, если не готовился к этому намеренно, преобладание народного элемента”. “Чтобы уберечься от поспешных мер, он также учредил Сенат из четырехсот человек, избираемых из года в год из четырех ионических племен, в обязанности которого входила подготовка всех дел к народному собранию и регулирование его заседаний. Ареопаг сохранил свои древние функции, к которым Солон добавил общий надзор за всеми общественными институтами и за частной жизнью граждан. Он также издал множество других законов для отправления правосудия, регулирования общественной жизни, поощрения торговли и общего процветания государства”. Все его законодательство отмечено мудростью и патриотизмом, а также приспособлением к обстоятельствам людей, которые доверили ему столько власти и достоинства. Законы, однако, были лучше людей, и его законодательная мудрость и справедливость ставят его в ряд великих благодетелей человечества, ибо кто может сказать, какое огромное влияние оказало его законодательство на Рим и на другие народы. Самой прекрасной чертой была ответственность главных судей перед народом, который их избрал, и тот факт, что впоследствии они могли быть наказаны за плохое поведение, был величайшей гарантией от тирании и казнокрадства.

Отъезд Солона из Афин. Писистрат. Его правление. Гиппий.

Дав эту конституцию своим соотечественникам, законодатель покинул Афины на десять лет, связав народ торжественной клятвой не вносить изменений в свои законы. Он посетил Египет, Кипр и Малую Азию, а вернувшись в Афины, обнаружил, что его работа едва не была подорвана одним из его собственных родственников. Писистрат, благородного происхождения, но демагог, ухитрился благодаря своему искусству и расточительности обеспечить охрану, которую он увеличил и преуспел в захвате Акрополя в 560 году до н.э. и в узурпации верховной

власти — так скоро извращаются хорошие законы, так легко ниспровергаются конституции, когда демагогов и узурпаторов поддерживает народ. Сочетание богатых и бедных привело его в изгнание, но их разногласия и ненависть способствовали его возвращению. Снова он был изгнан из-за народных раздоров, и в третий раз он восстановил свою власть, но только в результате битвы. Он поддержал свою узурпацию с помощью фракийских наемников и отправил детей всех, кого подозревал, в качестве заложников на Наксос. Он прикрывал свою деспотическую власть формами конституции и даже предстал перед судом ареопага по обвинению в убийстве. Он поддерживал свою популярность благодаря щедрости и приветливости, свободно общаясь с горожанами, открывая для них свои сады, украшая город прекрасными зданиями и щедро покровительствуя искусствам и литературе. Он основал публичную библиотеку и собрал гомеровские поэмы в один том. Он правил благотворно, как это часто делают тираны, — как Цезарь, как Ришелье, как Наполеон, — отождествляя свою собственную славу с благосостоянием государства. Он умер после успешного тридцатитрехлетнего правления в 527 году до н.э., и двое его сыновей, Гиппий и Гиппарх, наследовали ему в правительстве, правя, как и их отец, сначала мудро, но деспотически, культивируя искусство, литературу и дружбу великих людей. Но чувственные страсти привели к беспорядкам, которые привели к убийству Гиппарха. Гиппий, наказав заговорщиков, изменил дух правления, ввел произвольные налоги, окружил себя вооруженной охраной и правил тиранически и жестоко. После четырех лет деспотического правления Афины были освобождены, главным образом, благодаря помощи лакедемонян, достигших сейчас наивысшего расцвета своего могущества. Гиппий удалился ко двору Персии, спланировал и руководил нападением Дария на Грецию — предатель самого гнусного рода, поскольку он сочетал тиранию дома с самым хладнокровным предательством по отношению к своей стране. Его проклятая семья была обречена на вечное изгнание, и ей так и не удалось добиться помилования. Их власть длилась пятьдесят лет и стала фатальной для свобод Афин.

Клисфен. Увеличение сената.

Лакедемоняне не отступали до тех пор, пока их царь Клеомен не подружился с Исагором, лидером аристократической партии, — и ни один народ не гордился своим происхождением больше, чем старая афинская знать. Ему противостоял Клисфен из благородного рода Алкмеонидов, изгнанный во времена Мегакла за убийство Килона, которого предательски выманили из святилища у алтаря Афины. Клисфен завоевал доверие народа, одержал верх над Исагором и внес еще одно изменение в конституцию, благодаря которому она стала еще более демократической. Он изменил основы гражданства, которые до сих пор ограничивались четырьмя ионическими племенами, и разделил всю страну на демы, или приходы, каждый из которых управлял своими местными делами. Все свободные люди были зачислены в демы и стали членами племен, которых теперь насчитывалось десять, вместо прежних четырех ионических племен. Он увеличил число членов сената с четырехсот до пятисот, причем пятьдесят членов избирались от каждого племени. Этому органу были переданы главные функции исполнительной власти. Он заседал постоянно и был разделен на десять секций, по одной от каждого племени, и каждая секция или комитет, называемые пританами, в течение срока своего полномочий председательствовали в сенате и экклесии. Каждая притания из пятидесяти членов была разделена на комитеты по десять человек, каждый из которых председательствовал в течение семи дней, и из них каждый день по жребию выбирался председатель, который председательствовал в сенате и ассамблее, а также хранил ключи от

Акрополя и сокровищницы и государственную печать. Ничто так не свидетельствует о ревности к власти, как короткий срок полномочий президента.

Экклезия.

Экклезия, или народное собрание, была ареной для обсуждения всех общественных мер. Архонты были избраны в соответствии с правилами Солона, но были лишены своей власти, которая была передана сенату и экклесии. Генералы избирались народом ежегодно, по одному от каждого племени. Они назывались стратегами и также руководили иностранными делами. Перикл правил страной в качестве первого стратега - “премьер-министра народа”.

Остракизм.

Чтобы защититься от господства тиранов — великого зла древних государств, Клисфен изобрел институт остракизма, с помощью которого подозреваемый или несносный гражданин мог быть удален из города на десять лет, хотя практически срок был сокращен до пяти. Это просто означало отстранение от политической власти, не бросая клейма на персонажа. Фактически это была отставка, во время которой его собственность и права оставались нетронутыми и сопровождалась без всякого позора. Граждане, после того как сенат постановил, что голосование необходимо, были обязаны написать свое имя в устричной раковине, и тот, кто набрал менее шести тысяч голосов, был обязан в течение десяти дней покинуть город. Мудрость этой меры доказывается тем фактом, что после правления Писистрата в Афинах не было тиранической узурпации власти. Эта революция, произведенная Клисфеном, была чисто демократической, аристократы не покорились ей без борьбы. Аристократы призвали к себе на помощь спартанцев, но без иного эффекта, кроме создания того длительного соперничества, которое существовало между демократией и олигархией в Греции, представителями которого были Спарта и Афины.

Примерно в это время началось господство Афин над Эгейскими островами и система колонизации завоеванных государств, это был период, непосредственно предшествовавший персидским войнам, когда Афины достигли апогея политической славы.

Ботия.

Следующими по значимости после кратко упомянутых государств была Беотия, состоявшая из четырнадцати городов, объединенных в конфедерацию, во главе которой стояли Фивы. Ими управляли магистраты, называемые батархами, избираемые ежегодно. В этих городах преобладали аристократические институты. Люди были в основном эолийского происхождения, с сильной примесью дорийского элемента, и были унылыми и грузными, вероятно, из-за того, что их было легко прокормить из-за богатства почвы.

Фокида.

Расположенная к западу от Беотии Фокида с ее небольшой территорией пользовалась большим уважением благодаря обладанию дельфийским оракулом; но до сих пор ее жители ахейского происхождения не играли важной роли в политике Греции.

Фессалия.

К северу от перешейка лежали обширные равнины Фессалии, окруженные высокими горами. Природа благоприятствовала этому государству больше, чем какому-либо другому в Греции, для достижения политического превосходства, но жители эолийского происхождения были кем угодно, только не знаменитостями. Сначала ими правили короли, но впоследствии возобладало аристократическое правительство. Они были представлены в Совете Амфикионов.

Македония.

История Македонии неясна до времен персидских войн; но ее цари заявляли о гераклидском происхождении. Преобладал дорический диалект в грубой форме.

Эпир.

Эпир, расположенный к западу от Фессалии и Македонии, был населен различными племенами под властью их собственных князей, пока короли Молосса, заявлявшие о своем происхождении от Ахилла, не основали династию, которая была столь могущественна при Пирре.

С государствами Греции до персидских войн связано очень мало интересного, за исключением Спарты, Афин и Коринфа; и поэтому все, что требуется, - это очень краткое замечание.

Греческие колонии. Ионические города в Малой Азии.

Но греческие колонии имеют большее значение. Они были многочисленны на островах Эгейского моря, в Эпире и в Малой Азии и даже распространились на Италию, Сицилию и Галлию. Говорили, что они были посажены еще во время Троянской войны героями, которые дожили до возвращения — Агамемноном на побережье Азии; сыновьями Тесея во Фракии; Иалменом на Эвксинских островах; Диомедом и другими в Италии. Но колонизация в какой-либо степени не имела места до тех пор, пока эолийцы не вторглись в Беотию, а дорийцы - в Пелопоннес. Ахейцы, изгнанные из своих домов дорийцами, искали новые места на Востоке под руководством вождей, которые утверждали, что ведут свое происхождение от Агамемнона и других героев, участвовавших в осаде Трои. Сначала они поселились на острове Лесбос, где основали шесть городов. Другие основали поселения на материке, от Гермеса до горы Ида. Но наибольшее переселение совершили ионийцы, которые, вытесненные ахейцами, направились сначала в Аттику, а оттуда на Киклады и побережья Азии, впоследствии названные Ионией. Двенадцать независимых государств постепенно образовались из различных элементов и получили ионическое название. Среди этих двенадцати городов, или государств, были Сарнос, Хиос, Милет, Эфес, Колофон и Фокея. Чистейшая ионийская кровь была обнаружена в Милете, резиденции Нелея. Эти города, вероятно, были заселены другими расами до прихода ионийцев. К ним впоследствии добавился еще один — Смирна, который до сих пор сохраняет свое древнее название. Юго-западный угол Азиатского полуострова примерно в то же время был колонизирован группой дорийцев в сопровождении покоренных ахейцев, главной резиденцией которых был Галикарнас. Крит, Родос, Кос и Книд также были колонизированы одним и тем же народом; но Родос является прародителем греческих колоний на южном побережье Малой Азии. Столетие спустя был основан Кипр, затем была колонизирована Сицилия, а затем юг Италии. Они были последовательно колонизированы различными греческими племенами, ахейскими или эолийскими, дорийскими и ионическими. Но всем колонистам приходилось бороться с ранее существовавшими расами: иберами, финикийцами, сиканцами и сикельцами. Среди греческих городов на Сицилии Сиракузы, основанные дорийцами, были самыми важными и стали, в свою очередь, основателями других городов. Сибарис и Кротон на юге

Италии были ахейского происхождения. Греки проникли даже в северную часть Африки и основали Кирену; в то время как на Эвксинском полуострове, вдоль северного побережья Малой Азии, возникли Кизик и Синопа. Эти миграции, как правило, предпринимались с одобрения и поощрения метрополий. Не было ни колониальной ревности, ни зависимости. Колонисты, которым не хватало места дома, несли благословения своих отцов и были освобождены от их контроля. Иногда колония становилась более могущественной, чем метрополия, но и колонии, и метрополии были связаны друг с другом прочными узами религии, языка, обычаев и интересов. Колонисты неизменно становились завоевателями там, где они поселялись, но всегда сохраняли свою связь с метрополией. И они росли быстрее, чем государства, из которых они прибыли, а их институты были более демократичными. Азиатские колонии, в частности, добились больших успехов в цивилизации благодаря контакту с Востоком. Музыка, поэзия и искусство культивировались с большим энтузиазмом. Ионийцы взяли на себя инициативу, и их главный город, Милет, как говорят, основал не менее восьмидесяти колоний. Величие Эфеса возникло позже, отчасти благодаря великолепному храму Артемиды, в строительство которого вносили вклады как азиаты, так и греки. Одной из самых замечательных греческих колоний была Кирена на побережье Африки, которая отличалась особой красотой и была знаменита на протяжении восьмисот лет.

Политическое значение колоний.

Таким образом, греки, хотя и занимали небольшую территорию, тем не менее, благодаря своим многочисленным колониям во всех частях, омываемых Средиземным морем, образовали если не политическую, то, по крайней мере, социальную, могущественную империю и оказывали огромное влияние на цивилизованный мир. От Кипра до Марселя - от Крыма до Кирены — многочисленные государства говорили на одном языке и практиковали одни и те же обряды, которые соблюдались в Афинах и Спарте. Отсюда огромная протяженность стран Азии и Европы, где был знаком греческий язык, и еще больше - искусства, которые сделали Афины центром новой цивилизации. Некоторые из самых известных философов и художников древности родились в этих колониях. Могущество Эллады было не централизованной империей, подобной Персии или даже Риму, а владением в сердце и разуме всего мира. Именно Эллада решала в своих различных государствах и колониях великие проблемы государственного управления, а также социальной жизни. Эллада была прародительницей искусств, поэзии, философии и всей эстетической культуры — образцом новых форм жизни и новых способов культивирования. Именно греческая цивилизация достигла полного развития еще за пятьсот лет до христианской эры, которую мы сейчас предлагаем в короткой главе представить, — эпоха, непосредственно предшествовавшая персидским войнам.

ГЛАВА XVI.

ГРЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДО ПЕРСИДСКИХ ВОЙН.

Ранняя цивилизация. Под цивилизацией мы понимаем прогресс, достигнутый нациями в искусстве, литературе, материальной мощи, социальной культуре и политических институтах, благодаря которым смягчаются привычки, расширяется разум, возвышается душа и создается мудрое правительство, устанавливающее законы, защищающее слабых, наказывающее нечестивых и развивающее богатство и национальные ресурсы.

Такая цивилизация действительно существовала в замечательной степени среди греков, что вызывало не только восхищение их собственного времени, но и чудо для всех последующих эпох, поскольку она была создана без посторонней помощи человека и повлияла на отношения всех народов Европы и Азии, подпавших под ее влияние.

Именно это мы и предлагаем кратко представить в этой главе, не высшие достижения греческой культуры и гения, но то, что существовало в период, непосредственно предшествующий персидским войнам.

Законодательство.

Одной из важных черт греческой цивилизации был прогресс, достигнутый Ликурмом и Солоном в законодательстве, но поскольку на это уже ссылались, мы переходим к рассмотрению сначала тех институтов, которые были более национальными и универсальными.

Амфикионический совет.

Особое положение различных государств, независимых друг от друга, воинственных, вторгающихся друг в друга и амбициозных, естественно, привело к многочисленным войнам, которые были бы гражданскими войнами, если бы все эти мелкие государства были объединены под общим руководством. Но непрекращающиеся войны, порождаемые бесконечными причинами раздражения, вскоре разрушили бы эти государства, и они не смогли бы получить должного развития. Требовалось что-то, чтобы обуздать страсть и уладить разногласия, не прибегая к оружию, которое всегда сопровождалось ужасными бедствиями. И что-то было необходимо для объединения этих различных государств, в которых говорили на одном языке, преобладали одна и та же религия и обычаи. Этот союз был частично осуществлен Амфикионовым собором. Это был конгресс, состоявший из депутатов от разных штатов и проводивший заседания в соответствии с правилами, установленными с незапамятных времен. Его собрания проводились в двух разных местах и созывались дважды в год: один раз весной в Дельфах, другой - осенью, недалеко от Фермопильского прохода. Дельфы, вероятно, были первоначальным местом встречи и, следовательно, в одном важном смысле были столицей Греции. Первоначально этот совет или конгресс состоял из депутатов от двенадцати государств или племен — фессалийцев, беотийцев, дорийцев, ионийцев, перребийцев, магнетийцев, локрийцев, октейцев, фтиотов, ахейцев, мелийцев и фокейцев. Эти племена собрались вместе еще до начала подлинной истории, до возвращения Гераклидов. Были и другие государства, которые не были представлены в этой лиге — Аркадия, Элида, Эолия и Акарнания; но лига была достаточно могущественна, чтобы ее решения уважались большей частью Греции. Каждое племя, независимо от того, сильное оно или слабое, имело два

голоса в собрании. Помимо тех членов, которые обладали исключительным правом голоса, были и другие, более многочисленные, которые имели привилегию совещаться. Целью собора были скорее религиозные цели, чем политические, хотя в редких случаях и при национальных кризисах обсуждались темы политического характера. Совет установил правила ведения войны, по которым каждое государство, которое было представлено, было гарантировано от полного подчинения, а военные припасы были защищены. Не было конфедерации против иностранных держав. Функции лиги были ограничены чисто внутренними делами; целью лиги была защита храмов от святотатства. Но у совета не было общей армии для исполнения его постановлений, которые часто игнорировались. В частности, защищая дельфийского оракула, он действовал достойно и эффективно, ответы которого пользовались всеобщим уважением.

Дельфийский оракул.

Поскольку дельфийский оракул был предметом, занимавшим наиболее важные обязанности совета, а ответы этого оракула в ранние времена были священным законом, обсуждения лиги имели значительное влияние и часто были направлены на достижение политических целей. Но непосредственное управление оракулом находилось в руках жителей Дельф. С течением времени ответы оракула устами женщины, которые, таким образом, находились под контролем дельфийцев, в значительной степени утратили свой престиж из-за подарков или подкупа, с помощью которых были получены благоприятные ответы.

Олимпийские игры.

Более могущественными, чем этот совет, как институт, были Олимпийские игры, проводившиеся каждые четыре года, в которых принимали участие все государства Греции. Эти игры длились четыре дня и представляли огромный интерес. Предполагалось, что они были основаны Геркулесом и относились к очень древней эпохе. Во время этих торжеств было всеобщее перемирие, а также на то время, когда людям было необходимо собраться и разойтись по своим домам. Элида, на территории которой находилась Олимпия, имела полное право проведения фестиваля, непосредственной целью которого были различные испытания силы и мастерства. Они включали гонки на колесницах, пешие забеги, скачки на лошадях, борьбу, бокс и прыжки в длину. Они были открыты для всех, даже для самых бедных греков; никакие случайности рождения или состояния не влияли на эти почетные состязания. Пальма почета вручалась мужчинам, имевшим реальные заслуги. Призом была простая гирлянда из листьев, но этого было достаточно, чтобы мобилизовать всю энергию и амбиции всей нации. Однако у успешных комбатантов были и побочные преимущества. В Афинах гражданин, получивший приз, был вознагражден пятьюстами драхмами, имел право на место за столом магистрата и играл заметную роль на поле битвы. Победителям воздвигали статуи и возносили хвалу поэты, и таким образом эти примитивные развлечения случайно дали толчок искусству и поэзии. В более поздние времена поэты и историки декламировали свои произведения и были вознаграждены гирляндой из листьев. Победители этих игр, таким образом, приобретали социальное превосходство и пользовались особым почетом, подобно тем героям средневековья, которые удостоивались чести участвовать в турнирах и тильтах, а в наше время - тем, кто получает награды из рук королей.

Пифийские игры.

Известность Олимпийских игр, которые привлекли зрителей из Азии, а также из всех штатов Греции, привела к созданию аналогичных учреждений или фестивалей в других местах. Пифийские игры в честь Аполлона отмечались близ Дельф каждый третий олимпийский год; к гимнастическим упражнениям, скачкам на колесницах и лошадях добавлялись различные музыкальные конкурсы, поэтические упражнения, выставки произведений искусства. Жертвоприношения, процессии и другие торжественные мероприятия напоминают те, что проводились в Олимпии в честь Зевса. Они длились столько же, сколько Олимпийские игры, вплоть до 394 года н.э. Везде, где вводилось поклонение Аполлону, во всех государствах Греции существовали имитации этих пифийских игр.

Немейские и итмийские игры.

Немейские и Итмийские игры отмечались каждая дважды на каждой Олимпиаде, первая - на равнине Немей, в Арголиде; вторая - на Коринфском перешейке, под председательством Коринфа. Они также претендовали на высокую древность, и на них отмечались те же силовые подвиги, что и в Олимпии. Но олимпийский фестиваль был представлением всего остального и превосходил все остальные по национальному значению. На это смотрели с таким интересом, что греки измеряли по ним само время. Именно Олимпиадами, а не годами, определялись даты всех событий. Римляне отсчитывали свои годы от основания своего города; современные христианские нации - от рождения Христа; мусульмане - от бегства пророка в Медину; а греки - от первой зарегистрированной Олимпиады, 776 г. до н.э.,.,.

Эффект этих фестивалей.

Именно на этих празднествах, на которых ни одному иностранцу, каким бы выдающимся он ни был, не разрешалось бороться за призы, греки похоронили свои ссоры и подстрекали друг друга к героизму. Места, в которых они отмечались, превратились в торговые центры, подобные средневековым ярмаркам Германии; и огромное количество зрителей способствовало распространению новостей, изобретений и усовершенствований, которые были созданы нашими современными выставками. Эти игры отвечали всем целям наших скачек, наших промышленных выставок и наших юбилеев, религиозных, политических, образовательных и литературных, и, таким образом, оказали самое решительное влияние на развитие греческой мысли и предприимчивости. Одна только выставка скульптуры и живописи делала их привлекательными и интеллектуальными, в то время как спортивные упражнения забавляли обычные умы. Они не были деморализующими, как спортивные состязания в амфитеатре, или современный бой быков, или даже модные скачки. Они больше походили на турниры европейских военных эпох, но значительно превосходили их, поскольку ни одной женщине не разрешалось присутствовать на Олимпийских играх под страхом смерти.

Изменения в правительстве. Возведение храмов. Юридическое равенство и политические права.

Уже было показано, что форма правления в государствах Древней Греции во времена Гомера была монархической. Через двести или триста лет после Троянской войны власть царей значительно ослабла. Великая иммиграция и потрясения уничтожили родословную древних царских домов. Отмена королевской власти была скорее по сути, чем по названию. Сначала она была разделена между несколькими лицами, затем стала выборной, сначала пожизненно, а затем на определенный период. Дворяне или вожди набирали все большую власть с упадком

королевской власти, и правительство во многих государствах стало аристократическим. Но дворяне злоупотребили своей властью, создав олигархию, которая является извращенной аристократией. Это вызвало ненависть и противодействие со стороны народа, особенно в приморских городах, где увеличение богатства за счет торговли и искусства подняло группу влиятельных граждан. Затем последовали народные революции под руководством лидеров или демагогов. Эти лидеры, в свою очередь, стали тиранами, и их притеснения породили больше ненависти, чем правительство влиятельных семей. Они получили власть с помощью хитрости и извратили ее с помощью насилия. Но чтобы развлечь людей, которых они угнетали, или доставить им удовольствие, они строили храмы, театры и другие общественные здания, в которых искусство находилось под щедрым покровительством. Таким образом, Афины и Коринф до персидских войн были прекрасными городами благодаря щедрому расходованию государственной казны тиранами или деспотами, пришедшими к власти. В то же время те, кто был наиболее известен богатством, властью или добродетелью, подвергались преследованиям из-за страха, что они произведут революцию. Но партии, растоптанные тиранами, были скорее раздражены, чем разорены, и они пользовались любой возможностью, чтобы сплотить народ под своими знаменами и добиться свержения тиранов. Спарта, конституция которой оставалась аристократической, в целом была готова помочь любому государству сбросить иго узурпаторов. В некоторых государствах, таких как Афины, каждое изменение благоприятствовало возвышению народа, который постепенно добивался господства. Они установили принцип юридического равенства, в соответствии с которым каждый свободный человек должен был пользоваться атрибутами суверенитета. Но демократия неизменно приводила к господству фракций и сама становилась тиранией. Она стала ревниво относиться ко всем, кто отличался рождением, богатством или талантами. Оно поощряло льстецов и лизоблюдов. Оно было ненасытным в своих требованиях к собственности богатых и выслушивало обвинения, которые грозили им изгнанием, а их поместьям конфискацией. Это увеличивало общественное бремя за счет неразумных расходов в угоду представителям низших классов, обладавшим политическим правом голоса.

Различные формы правления.

Но в разных государствах существовали разные формы правления. В Спарте существовала олигархия знати, которая превращала королевскую власть в тень и держала народ в рабстве и деградации. В Афинах преобладал демократический принцип. В Аргосе цари правили вплоть до персидских войн. В Коринфе правительство претерпело изменения, как и в Афинах. Во всех штатах и городах постоянно проводились эксперименты с различными формами правления, которые неизменно заканчивались неудачей. Они существовали какое-то время и, в свою очередь, были вытеснены. Самым постоянным правительством была Спарта; самым нестабильным - Афины. Первый способствовал возвышенному патриотизму, общественной морали и национальным добродетелям; второй - неравенству в богатстве, возвышению малоизвестных личностей и прогрессу искусств.

Коммерческое предприятие.

Падение древних монархий и аристократий было тесно связано с коммерческим предпринимательством и ростом состоятельного класса граждан. В начале седьмого века до нашей Эры был достигнут значительный прогресс в искусстве кораблестроения, особенно в Коринфе. Колониальные поселения не отставали от морских предприятий; и то и другое

способствовало развитию торговли и богатства. Эвксинский полуостров перестал наводить ужас на мореплавателей, и Эгейское море наполнилось кораблями и колонистами. Адриатическое море было пронизано, и все моря соединились со Средиземным. Из устья реки По привозили янтарь, который высоко ценился древними. Огромное количество людей было привлечено в Египет щедрыми предложениями его царей, которые отправлялись туда в погоне за знаниями и богатством и откуда привозили папирус в качестве дешевого материала для письма. Продукция Греции обменивалась на богатые ткани, которые поставляла только Азия, и города, в которые они привозились, такие как Афины и Коринф, быстро богатели, подобно Венеции и Генуе в средние века.

Увеличение благосостояния. Введение искусства.

Богатство, конечно, привело к появлению искусства. Истоки искусства, возможно, были в религиозных идеях — в храмах и статуях богов, в гробницах и памятниках великих людей. Но богатство неизмеримо расширило возможности как для архитектуры, так и для скульптуры. Художники в старые времена, как и в наши, искали денежного вознаграждения — покровителей, которые могли позволить себе покупать их произведения и стимулировать их гений. Искусство развивалось быстрее в азиатских колониях, чем в метрополии, как из-за их богатства, так и из-за интересных объектов вокруг них. Ионические города, особенно, отличались роскошью и утонченностью. Коринф на первых порах лидировал в покровительстве искусству, будучи самым богатым и роскошным из греческих городов.

Архитектура.

Первый великий импульс был дан архитектуре. Пеласги возвели циклопические сооружения за полторы тысячи лет до Рождества Христова. Дорийцы строили храмы, руководствуясь самыми строгими принципами красоты, и возникла дорическая колонна, массивная и элегантная. Задолго до персидских войн храмы были многочисленными и величественными, но в то же время простыми и гармоничными. Храм Здесь, на Самосе, был заложен в восьмом веке до н.э. и построен в дорическом стиле, и вскоре после этого прекрасные сооружения украсили Афины.

Скульптура.

Скульптура быстро следовала за архитектурой и перешла от чопорности древних времен к той красоте, которая впоследствии отличала Фидия и Полигнота. Художественные школы в шестом веке процветали во всех греческих городах. Мы не можем вдаваться в подробности, от использования дерева до меди и мрамора. Храмы были заполнены группами знаменитых мастеров, а их глубокие ниши были заполнены колоссальными формами. Использовались золото, серебро и слоновая кость, а также мрамор и латунь. Статуи героев украшали каждое общественное место. Искусство до персидских войн действительно не достигло той утонченности, которой оно впоследствии хвасталось, но в нем был достигнут большой прогресс во всех его формах. Также была известна гравировка, и были написаны несовершенные картины. Но это искусство, как, впрочем, и любое другое искусство, достигло высшей точки лишь после персидских войн.

Литература.

Литература достигла такого же, если не большего прогресса в ранние века греческой истории. Гесиод жил в 735 году до н.э., а лирическая поэзия процветала в шестом и седьмом веках до

Рождества Христова, особенно в элегической форме, или песнях за умерших. Эпическая поэзия возникла еще раньше, о чем свидетельствуют поэмы Гомера. Эолийские и ионические греки Азии рано прославились как знаменитые поэты. Алкей и Сафо жили на острове Лесбос и были окружены поклонниками. За Анакреоном Теосским ухаживали правители Афин.

Философия.

Даже философия культивировалась в этом раннем возрасте. Фалес Милетский процветал в середине VII века, и Анаксимандр, родившийся в 610 году до н.э. - один из величайших математиков мира, размышлявший, подобно Фалесу, о происхождении вещей. Пифагор, родившийся на Самосе в 580 году до н.э.— еще более великое имя, серьезное и величественное, учил гармонии сфер задолго до Ионийского восстания.

Но ни искусство, ни литература, ни философия не достигли своего полного развития до более поздней эпохи. Для нашей цели достаточно сказать, что до персидских войн цивилизация ни в коем случае не была презренной во всех тех областях, которые впоследствии сделали Грецию учителем и славой мира.

ГЛАВА XVII.

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА.

Теперь мы подходим к самому важному и интересному событию в истории Греции — великому противостоянию с Персией — эпохе героев и полей сражений, когда воинская слава была главной страстью благородной расы. Какое вдохновение все века черпали в этом благородном состязании во имя свободы!

Состояние ионийских городов. Вторжение Дария в Скифию.

Мы видели, как азиатские города были колонизированы греками, среди которых выдающимися были ионийцы. Городами управляли тираны, которые поддерживались в своей узурпации властью Персии, в то время великой державы мира. Дарий, тогдашний царь, нелепо вторгся в Скифию с огромной армией в шестьсот тысяч человек, чтобы наказать народ за его вторжение в Западную Азию, находившуюся под его властью, около столетия назад. За ним последовали его союзники, тираны ионийских городов, которым он доверил охрану лодочного моста, по которому он переправился через Дунай в 510 году до н. э.. Поскольку он не вернулся в указанный срок — через шестьдесят дней, — грекам было предоставлено право вернуться. Затем появился отряд скифов, которые убеждали греков разрушить мост, поскольку Дарий был в полном отступлении, и таким образом обеспечить уничтожение персидской армии и восстановление своей собственной свободы. Мильтиад, правивший Херсонесом, будущий герой Марафона, поддержал мудрое предложение скифов, но Гистиейус, тиран Милета, опасался, что такой поступок обернется против них самих и благоприятствует новому нашествию скифов — свирепого народа варваров. В результате мост не был разрушен, но его дальний конец был оторван от берега. Наступила ночь, и персидское войско появилось на берегах реки, но, не

обнаружив его следов, Дарий приказал египтянину, обладавшему трубным гласом, позвать к себе на помощь Гистиея, милезианца. Он выступил вперед с флотом и восстановил мост, и Дарий со своей армией были спасены, а ионийцы упустили возможность освободиться от персов. Мост был сохранен не из почетной верности, чтобы оправдать доверие, а из эгоистичных соображений милетского деспота сохранить свою власть. За эту услугу он был вознагражден княжеством на Стримоне. Возбудив, однако, подозрения Дария своими интригами, он был доставлен пленником к персидскому двору, но со всеми почестями. Дарий оставил своего брата Артаферна наместником всех городов Западной части Малой Азии.

Восстание ионийских городов против Персии. Поражение ионийских городов.

Через несколько лет после этого неудачного вторжения Дария в Скифию разразился политический конфликт на Наксосе, острове Кикладских островов, в 502 году до н.э., который не подчинился персидскому игу, и олигархия, правившая островом, была изгнана. Они обратились за помощью к Аристагору, тирану Милета, крупнейшего из ионических городов, который убедил персидского сатрапа послать экспедицию против острова. Экспедиция провалилась, что подорвало репутацию Аристагора, зятя Гистиея, который сам был разгневан его задержанием в Сузах и послал верного раба с посланием, призывающим ионийцев к восстанию. Аристагор, стремясь к успеху, добился расположения народа по всей Азиатской Греции, свергнув различных тиранов — орудия персидского господства. Пламя восстания было разожжено, деспоты изгнаны, восставшие города приведены в состояние обороны, и Аристагор посетил Спарту, чтобы призвать ее на помощь, воспламенив разум царя несметными богатствами Азии, которые должны были стать его добычей. Спарта в то время находилась в состоянии войны со своими соседями и не желала ввязываться в столь неопределенное соперничество. Отвергнутый в Спарте, Аристагор отправился в Афины, тогдашнюю вторую державу Греции, и был принят благосклонно, поскольку афиняне испытывали сильную симпатию к восставшим ионийцам; они согласились прислать флот из двадцати кораблей. Когда Аристагор вернулся, персы уже начали осаду Милета. Двадцать кораблей вскоре пересекли Эгейское море, и к ним присоединились пять эретрийских кораблей, шедших на помощь Милету. Неудачная попытка Аристагора захватить Сарды вызвала отвращение у афинян, которые отказались от союза. Но случайное сожжение города, включая храм богини Кибелы, ободрило мятежников и привело в ярость персов. В восстании приняли участие и другие греческие города на побережье, включая остров Кипр. Теперь восстание приняло серьезный характер. Персы сплотили своих союзников, среди которых были финикийцы. Армия персов и финикийцев отправилась против Кипра, и победа на суше дала персам контроль над островом. Большая армия персов и их союзников собралась в Сардах и разными подразделениями отвоевала все свои главные ионийские города, за исключением Милета; но ионийский флот сохранил свое господство на море. Аристагор, когда персы продвинулись вперед, потерял мужество и бежал в Миркинус, где вскоре после этого погиб.

Гистий.

Тем временем Гистиейус появился у ворот Милета, заручившись согласием Дария отправиться туда для подавления восстания. Однако сатрап Артаферн заподозрил его и бежал на Хиос, чей народ он завоевал, и который доставил его обратно в Милет. По прибытии он обнаружил, что горожане неохотно приняли его, и был вынужден вернуться на Хиос, а затем на Лесбос, где предался пиратству.

Отсутствие союза между ионийскими городами. Это признак поражения.

Однако огромное персидское войско было сосредоточено близ Милета и с помощью финикийцев осадило город с моря и суши. Все силы союзных городов бросили милезийцев на произвол судьбы и сели на их корабли, числом триста пятьдесят три, с целью сразиться с финикийцами, у которых было шестьсот кораблей. Но среди ионийских командиров не хватало единства, и моряки предались беспорядку и беспечности, на что Дионисий Фокейский, имевший всего три корабля, упрекнул ионийцев в пренебрежении дисциплиной. Его упрек не был оставлен без внимания, и ионийцы, разбившие свои удобные палатки на берегу, подчинились морским трудам, навязанным Дионисием. Наконец, после семи дней работы, ионические моряки подняли открытый мятеж и отказались дольше подчиняться дисциплине человека, чье государство располагало наименьшим количеством кораблей. Они покинули свои корабли и возобновили свои развлечения на берегу, не желая терпеть дисциплину, столь необходимую в столь тяжелом кризисе. Их лагерь стал ареной разобщенности и недоверия. Самойцы, в частности, были недовольны, и в день битвы, которая должна была решить судьбу Ионии, они дезертировали с шестьюдесятью кораблями, и другие ионийцы последовали их примеру. Корабли Хиоса, числом в сто человек, сражались с большой преданностью и решимостью, и Дионисий захватил со своими тремя кораблями три финикийских. Но эти исключительные примеры храбрости не компенсировали предательства и трусости остальных, и следствием стало полное поражение ионийцев при Ладе. Дионисий, увидев разорение ионийского лагеря, не вернулся в свой собственный город, а отплыл к финикийскому побережью, делая все, что мог, как пират.

Атака Милета. Полное завоевание ионических греков.

Эта победа при Ладе позволила персам атаковать Милет как с моря, так и с суши; осада велась энергично, и вскоре город пал. Взрослое мужское население было перебито, а женщин и детей отправили в рабство в Сузы. Территория Милезии была опустошена и лишена своих жителей. Другие государства поспешили подчиниться, и восстание было подавлено в 496 году до н.э., через пять лет после его начала. Персидские войска отвоевали всех азиатских греков, островных и континентальных, и афинянин Мильтиад с трудом сбежал от своего командования в Херсонесе в свой родной город. Все угрозы, которые были высказаны персами, были реализованы. Самые красивые девственницы были розданы персидской знати; города были разрушены, и остался только Самос в награду за дезертирство в битве при Ладе.

Артаферн организует правительство. Дарий готовится к вторжению в Грецию.

Завершив отвоевание Ионии, сатрап приступил к организации будущего правительства, жители которого теперь состояли из большого числа персов. Тем временем Дарий вел приготовления к полному завоеванию Греции. Мудрость совета Мильтиада разрушить мост через Дунай, когда Дарий и его армия были бы уничтожены скифами, теперь была очевидна. Мардоний был послан с большим войском в Ионию, который сверг деспотов в различных городах, восстановленных Артаферном, и предоставил народу управлять самому, подчиняясь персидскому владычеству и дани. Он недолго оставался в Ионии, но перешел со своим флотом к Геллеспонту и присоединился к своим сухопутным войскам. Он переправил свою армию в Европу и начал свой поход через Фракию. Оттуда двинулся в Македонию и подчинил часть ее жителей. Затем он направил свой флот вокруг горы Афон с целью соединения со своей армией в заливе Терма. Но шторм настиг его флот близ Афона и уничтожил триста кораблей и потопил двадцать тысяч

человек. Это бедствие вынудило его отступить, и он с позором неудачи переправился через Геллеспонт. Персидский царь больше не нанимал его.

Его грандиозные приготовления.

Дарий, подстрекаемый предателем Гиппием, начал новые приготовления к вторжению в Грецию. Он разослал своих герольдов во все стороны, требуя обычного знака подчинения — земли и воды. Многие континентальные города подчинились, включая фиванцев, фессалийцев и остров Эгина, который был в плохих отношениях с Афинами. Вестники Дария были преданы смерти в Афинах и Спарте, что можно объяснить только сильнейшим негодованием и яростью. Эти две державы объединились и вооружили все другие государства, на которые они имели влияние, чтобы противостоять персидскому господству. Эллада, возглавляемая Спартой, теперь решила пустить в ход всю свою энергию и приступила к отчаянной враждебности. Война, которую Спарта вела в течение нескольких лет против Аргоса, нанесла ущерб этому древнему государству, и она больше не была ведущей державой. Единственный соперник, которого опасалась Спарта, был ослаблен, и был дан полный простор для продолжения персидской войны. Эгину, покорившуюся Дарию, посетил Клеомен, царь Спарты, и в Афины были отправлены заложники в знак нейтралитета этого острова. Афины и Спарта прекратили свои политические распри и действовали согласованно, чтобы противостоять общей опасности.

Его огромная армия.

К весне 490 года до н.э. приготовления Дария были завершены, и огромная армия собралась на равнине на киликийском побережье. Флот из шестисот кораблей сопровождал его к месту встречи на Самосе. Присутствовал изгнанный тиран Гиппий, который руководил войсками для нападения на Аттику. Мидянин Датис и Артаферн, сын сатрапа Сард, племянник Дария, были персидскими военачальниками. У них был приказ от Дария привести жителей Афин в качестве рабов к нему.

Персидский флот.

Персидский флот, опасаясь катастрофы, подобной той, что произошла у горы Афон, нанес удар прямо через Эгейское море, от Самоса до Эвбы, атакуя по пути промежуточные острова. Таким образом, Наксос был захвачен и легко покорен. С Наксоса Датис направил свой флот вокруг других островов Киклад, требуя подкрепления и заложников от всех, кого он посетил, и благополучно достиг южной оконечности Эвбы. Сначала была покорена Этрурия, неспособная сопротивляться. Пробыв несколько дней в этом городе, он переправился в Аттику и высадился в Марафонском заливе на восточном побережье. Деспот Гиппий, сын Писистрата, через двадцать лет после своего изгнания из Афин указал путь.

Политические перемены в Афинах. Мильтиад и другие полководцы.

Но со времени его изгнания в Афинах произошли большие перемены. Теперь город находился под демократическим правлением, в своем лучшем состоянии. Десять колен отождествились с правительством и институтами города. Сенат ареопага, обновляемый ежегодными архонтами, выражал сочувствие народу. Великие люди возникли под воздействием удивительного стимула свободы, среди которых наиболее выдающимися были Мильтиад, Фемистокл и Аристид. Мильтиад, после шестилетнего отсутствия во Фракийском Херсонесе, вернулся в город, полный

патриотического пыла. Он предстал перед народным собранием по обвинению в плохом управлении Херсонесом, но был с честью оправдан и был избран одним из десяти ежегодно избираемых генералов республики. Однако он не был политиком демократического толка, подобно Фемистоклу и Аристиду, будучи потомком прославленной расы, которая вела свою родословную от богов; но он был патриотом, храбрым и решительным. Его совет сжечь мост через Дунай иллюстрирует его характер — смелый и дальновидный. Более того, он был особенно враждебен к Дарию, которого так жестоко оскорбил.

Фемистокл.

Фемистокл был человеком великого природного гения и проницательности. Он понимал все затруднения и опасности политического кризиса, в котором оказался его город, и с первого взгляда увидел истинный курс, которым следовало следовать. Он также был смелым и отважным. Ему не благоприятствовали случайности рождения, и он был очень мало обязан образованию. У него была безграничная страсть к славе и показухе. Он обладал большим тактом в руководстве партией и был полон решимости возвеличить свою страну. Его мораль была безрассудной, но он обладал большим умом — что-то вроде Мирабо: с его страстью, красноречием и талантами. Его печальный конец — предатель и изгнанник — показывает, как мало пользы принесет интеллектуальное превосходство в долгосрочной перспективе без добродетели, хотя такие таланты, которые он проявил, окажутся полезными в кризисной ситуации.

Аристидес.

Аристид уступал и Алкивиаду, и Фемистоклу в гениальности, находчивости, смелости и энергии, но превосходил их в добродетели, общественной преданности и моральном возвышении. Он проводил последовательный курс, не был демагогом, непоколебимым в исполнении возложенных на него обязательств, справедливым, честным, незапятнанным. Такой человек, конечно, в коррумпированном обществе был бы подвержен множеству вражды и зависти. Но в целом его ценили, и он умер в период войны и революции бедным человеком, у которого были неограниченные возможности разбогатеть — один из немногих примеров, которые дает наш мир, человека, который верил в добродетель, в Бога и грядущий суд, и который предпочитал будущее и духовное настоящему и материальному — дурак в глазах грязных и порочных — мудрый человек в соответствии с вечными стандартами.

Афины вступают в союз со Спартой.

Аристид, Мильтиад и, возможно, Фемистокл были избраны среди десяти военачальников десяти племенами в тот год, когда Датис возглавил свою экспедицию в Марафон. Каждый из десяти генералов на один день получил верховное командование армией. В Афинах царил великая тревога, когда до города дошли вести о наступлении персов-завоевателей. В спешном порядке были отправлены курьеры в другие города, особенно в Спарту, и было обнаружено, что один из них проделал пеший путь до Спарты - сто пятьдесят миль - за сорок восемь часов. Спартанцы согласились выступить в поход без промедления после последней четверти луны, как того требовали обычаи и суеверия. Эта задержка была сопряжена с опасностью, но спартанцы настояли на своем.

Очевидность опасностей.

Тем временем опасность умножалась и сгущалась, так что нельзя было терять ни минуты, чтобы ввести персов в бой. Пятеро генералов советовали повременить. Полемарх Калимах, у которого тогда был решающий голос, принял решение о немедленных действиях. Фемистокл и Аристид поддержали совет Мильтиада, которому другие полководцы передали свои дни командования — редкий пример патриотического бескорыстия. Афиняне немедленно двинулись к Марафону навстречу своим врагам, и к ним присоединились платейцы, тысяча воинов из небольшого города - все вооруженное население, что произвело большое моральное впечатление.

Построение греческих войск при Марафоне. Битва при Марафоне.

У афинян было всего десять тысяч гоплитов, включая тысячу с Платеи. Персидская армия, по разным оценкам, насчитывала от ста десяти до шестисот тысяч человек. Греки расположились лагерем на возвышенности с видом на равнину, которую занимали их враги. Флот был выстроен вдоль берега. Греки быстрым движением ринулись в бой, подгоняемые боевым кличем, который всегда воодушевлял их атакующих. Дерзкая атака обратила в бегство фланги персидской армии, но центр, где были размещены лучшие войска, сопротивлялся атаке до тех пор, пока Мильтиад не вернулся после преследования отступающих солдат на флангах. Результатом стало поражение персов. Они бежали на свои корабли и увязли в болотах. На стороне персов пало шесть тысяч четыреста человек, а на стороне афинян - только сто девяносто два. Персы, хотя и потерпели поражение, все же сохранили свои корабли и поплыли к мысу Суний, намереваясь еще раз напасть на Аттику. Мильтиад, победитель в самой славной битве, когда-либо до тех пор происходившей в Греции, разгадал замыслы персов и быстро отступил к Афинам в самый день битвы. Датис прибыл в порт Фалерум и обнаружил, что его планы провалились и что афиняне все еще готовы выступить против него. Энергия и расторопность Мильтиада спасли город. Обескураженный Датис, не высаживаясь, отправился на Киклады.

Результаты битвы.

Марафонскую битву, 490 г. до н.э., следует рассматривать как одно из величайших решающих сражений в мире и первое, которое повысило политическое значение греков в глазах иностранных держав. Афины сражались за нее двадцать лет спустя после изгнания тиранов и как демократическое государство. Слава афинян пребудет вечно. Важно было не количество людей, павших с обеих сторон, а то, что они дали первый серьезный отпор персидскому господству и предотвратили их завоевание Европы. И его моральный эффект был больше, чем политический. Это освободило греков от страха перед персами, который был столь фатальным и всеобщим, поскольку волна персидских завоеваний до сих пор не прекращалась. Это придало грекам нового мужества, ибо храбрость афинян была непревзойденной, как и полководческое искусство Мильтиада. Афины были спасены благодаря почти сверхъестественной храбрости своих воинов и затем были готовы принести те жертвы, которые были необходимы в более отчаянной борьбе, которая должна была произойти. И это вдохновило людей на патриотический порыв и поддержало новую гражданскую конституцию. Это придало силу и достоинство демократии и подготовило ее к будущим и возвышенным триумфам. Это также придало силу религиозным чувствам народа, поскольку такая победа считалась заслугой особой милости богов.

Спартанцы прибыли только после окончания битвы, и Датис вернулся со своими этрурскими пленниками в Азию.

Слава Мильтиада. Его последующие неудачи. Его смерть. Ревность между Аристидом и Фемистоклом.

Победа при Марафоне подняла воинскую славу Мильтиада на самую высокую высоту, и энтузиазму афинян не было предела. Но победа вскружила ему голову, и он утратил и благоразумие, и патриотизм. На пике своей популярности он убедил своих соотечественников предоставить ему семьдесят кораблей с достаточным вооружением и полномочиями руководить экспедицией по своему усмотрению. Вооружение было с радостью предоставлено. Но он позорно провалил атаку на острове Парос, чтобы удовлетворить личную мстительную вражду. Он потерял все свое звание и был привлечен к ответственности. Раненый и выведенный из строя в результате падения, он обратился к своим прежним заслугам. Он был признан виновным, но избежал смертной казни, но не штрафа в пятьдесят талантов. Он не дождался того, чтобы расплатиться за это или искупить свою славу, но умер от полученной травмы. Таким образом, этот великий человек пал с вершины славы к глубочайшему позору и разорению — судьба, которую он заслужил, ибо он не был верен себе или стране. Афиняне не были виноваты, но судили его справедливо. Это было не непостоянство, а изменение их мнений, основанное на достаточных основаниях, вызванное глубоким разочарованием, обнаружив, что их герой недостоин их уважения. Ни один человек, оказавший услугу, не имеет права руководствоваться эгоизмом и незаконными амбициями. Никакие услуги не могут компенсировать преступления. Афиняне в своем безграничном восхищении оказали безграничное доверие, и этим доверием злоупотребили. И как величайшие деспоты, пришедшие к власти, заслужили свой успех ранними заслугами, так и они злоупотребляли своей властью, налагая оковы, и афиняне, только что избежавшие тирании этих деспотов, испытывали естественную ревность и глубокое отвращение, несмотря на свое прежнее восхищение. Афиняне, обращаясь с Мильтиадом, не были ни неблагодарными, ни непостоянными, но действовали исходя из высокого чувства общественной морали и сурового уважения к справедливости, без которого новая конституция вскоре была бы ниспровергнута. После смерти Мильтиада Фемистокл и Аристид стали двумя ведущими людьми Афин, и их соперничество составляло внутреннюю историю города, пока возобновившиеся и масштабные приготовления персов не привели к прекращению всех раздоров ради общественного блага.

Не совсем по личным мотивам.

Но ревность и соперничество этих великих людей были не совсем личными. Они оба были патриотами, но у каждого были разные взгляды на курс, который Афины должны были избрать перед лицом надвигающихся опасностей. Политика Аристида заключалась в укреплении армии, а Фемистокла — военно-морского флота. Оба предвидели национальную опасность, но Фемистокл чувствовал, что надежды Греции основывались на кораблях, а не на армиях для сопротивления персам. И его политика была принята. Как в мире не может быть двух солнц, так и Афины не могли бы процветать благодаря присутствию двух таких великих людей, каждый из которых отстаивал разные взгляды. Тот или иной должен был уступить общему благу, и Аристид был изгнан силой остракизма.

Возобновленные приготовления Дария. Его смерть.

Гнев Дария — человека с сильным характером, но надменного и самодостаточного - был огромен, когда он узнал о поражении Датиса и его отступлении в Азию. Он решил объединить все силы персидской империи, чтобы покорить афинян, от которых он претерпел столь великий

позор. Три года были потрачены на активную подготовку к новой экспедиции, которая должна была быть ошеломляющей. Всем союзникам Персии были предоставлены люди и припасы. Не остановило его и восстание в Египте, вспыхнувшее примерно в это же время, и он был готов осуществить два гигантских предприятия — одно для отвоевания Египта, а другое для завоевания Греции, — когда он умер, после тридцатилетнего правления, в 485 году до н.э., г.

Ксеркс. Его грандиозные приготовления. Его мосты через Геллеспонт.

Ему наследовал его сын Ксеркс, которого вдохновляла вражда, но не гений его отца. Хотя он был красив и высок, он был малодушен, тщеславен, ослеплен чувством власти и поработчен женщинами. И все же он продолжал приготовления, которые планировал Дарий. Сначала его генералы покорили Египет, а затем он обратил свое безраздельное внимание на Грецию. Он созвал сановников своей империи — принцев и губернаторов провинций - и объявил о своем решении перебросить мост через Геллеспонт и отправиться на завоевание Европы. Артабан, его дядя, отговорил его от этого предприятия, особо отметив вероятность того, что греки, в случае победы на море, разрушат мост и таким образом помешают его благополучному возвращению. Мардоний советовал иначе, призывая к честолюбию и мести, мотивы которых не ускользнули от персидского монарха. В течение четырех лет приготовления велись во всех частях империи, включая даже эгейские острова. Осенью 481 года до н.э. в Сардах собралась самая большая армия, которую когда-либо видел этот мир. Помимо этого, в Геллеспонте был собран мощный флот из тысячи двухсот семи военных кораблей, не считая транспортов. Вдоль побережья Малой Азии были сформированы большие запасы провизии. Двойной лодочный мост, протянувшийся через Геллеспонт из Абидоса в Сестос длиной в милю, был построен финикийцами и египтянами; но он был разрушен штормом. Ксеркс в припадке ярости приказал отрубить головы инженерам, а само море подвергнуть бичеванию тремя сотнями ударов плетью. Когда этот безумный гнев был исчерпан, монарх приказал немедленно реконструировать сооружение, на этот раз с помощью греческих инженеров. Два моста были построены бок о бок на более чем шестистах больших кораблях, пришвартованных прочными якорями носом к Эгейскому морю. Над каждым мостом были натянуты шесть огромных канатов, которые удерживали корабли вместе, а поверх них были уложены деревянные доски, на которых была образована дамба из дерева и земли с высоким частоколом с каждой стороны. Чтобы облегчить свой поход, Ксеркс также построил канал через перешеек, соединяющий гору Афон с материком, на котором были наняты финикийские инженеры. Люди, занятые рытьем канала, работали под кнутом. Через реку Стримон также были переброшены мосты.

Его наступление. Он пересекает Геллеспонт. Смотр своей армии.

Эти работы были завершены, пока Ксеркс зимовал в Сардах. Из этого города он разослал глашатаев по всем городам Греции, кроме Спарты и Афин, требовать обычных знаков подчинения — земли и воды. Он также разослал приказы в приморские города Фракии и Македонии приготовить ужин для себя и хозяев, когда они будут проезжать через них. Греция была поражена ужасом, когда до различных городов дошла весть об огромных силах, которые были в походе, чтобы усмирить их. Армия выступила из Сард весной двумя большими колоннами, между которыми находился царь, гвардия и отборные войска — все коренные персы, десять тысяч пеших и десять тысяч конных. Из Сард войска Ксеркса направились в Абидос через Илион, где его ждали два моста через Геллеспонт. С мраморного трона гордый и

тщеславный монарх наблюдал, как его огромная армия дефилирует по мостам, благоухающим ладаном и усыпанным миртовыми ветками. Один мост предназначался для войск, другой - для животных и поклажи. Первыми переправились десять тысяч придворных воинов, называемых Бессмертными, с гирляндами на головах; затем последовал сам Ксеркс в своей позолоченной колеснице, а затем и остальная армия. Огромному войску потребовалось семь дней, чтобы пересечь мост. Затем Ксеркс направил свой марш к Дориску во Фракии, недалеко от устья Гебра, где присоединился к своему флоту. Там он произвел общий смотр, и, вероятно, никогда ни до, ни после этого не было столь многочисленной армии, состоящей из стольких различных наций. Там были собраны народы от Инда, Персидского залива, Красного моря, Леванта, Эгейского и Эвксинского островов — египетские, эфиопские и ливийские. Были представлены сорок шесть наций - все, кто был данником Персии. По оценкам Геродота, там было один миллион семьсот тысяч пеших, восемьдесят тысяч всадников, не считая большого количества колесниц. С учетом людей, командовавших флотом, и тех, кого он привлек к себе на службу в походе, общая численность его войск составляла два миллиона шестьсот сорок тысяч. Едва ли меньшее количество солдат сопровождало их в качестве рабов, маркитантов и других лиц, увеличив количество мужчин до пяти миллионов двухсот восьмидесяти трех тысяч двухсот двадцати - всей наличной силы Восточного мира — Азия против Европы: как в средневековые времена это была Европа против Азии. Однако мы не можем поверить в столь крупные силы, поскольку они не могли быть снабжены провизией. Но, принимая все во внимание, это все равно была самая большая армия, которую когда-либо видел мир.

Величину его сил.

После торжественного перечисления сил Ксеркс проехал на своей колеснице, чтобы осмотреть отдельно каждый отряд, которому он задавал вопросы. Затем он сел на позолоченную галеру и проплыл мимо носов тысячи двухсот кораблей, пришвартованных в четырехстах футах от берега. Ослепленный монарх даже не предполагал, что такой огромной силе можно противостоять. Но Демарат, изгнанный царь Спарты, сказал ему, что ему будут оказывать сопротивление до смерти, и это заявление было воспринято с насмешкой.

Продвижение персов.

После смотра великая армия тремя дивизиями продолжила свой путь на запад по дорогам Фракии, обложив огромными контрибуциями все греческие города, которые подчинились, когда персидский монарх двинулся вперед, ибо как они могли сопротивляться? Простое обеспечение продовольствием этого огромного войска на один день привело к обнищанию страны. Но это было бесполезно, поскольку для простых смертных успех Ксеркса был несомненным. В Аканте Ксеркс отделился от своего флота, которому было приказано обогнуть гору Афон, в то время как он продолжил свой поход через Пеонию и Крестонию, и присоединиться к нему в Терме, в Термейском заливе, в Македонии, в пределах видимости горы Олимп.

Приготовления афинян. Спарта командует сухопутными войсками, а Афины - военно-морскими.

Тем временем афиняне, полностью осознавая грозившую им опасность, напрягали все силы, чтобы подготовиться к сопротивлению врагу; к счастью, в казне имелась крупная сумма, вырученная от ламийских рудников, и они употребили ее, по настоятельному представлению Фемистокла, на строительство кораблей и переоборудование своего флота. Всеэллинский

конгресс под председательством Афин и Спарты собрался на Коринфском перешейке. — первая великая лига со времен Троянской войны. Представители различных государств похоронили свои разногласия, наиболее заметные из которых были между Афинами и Эгиной. В примирении этих распрей Фемистокл принял выдающееся участие. Действительно, в этом была необходимость, поскольку политическое существование Эллады находилось под угрозой, и отчаяние было видно почти в каждом городе. Даже дельфийский оракул давал ответы, обескураживающие и ужасные; намекая, однако, на то, что безопасность Афин заключается в деревянной стене, что с необычайным тактом было истолковано Фемистоклом как означающее, что истинная защита заключается во флоте. Саламин был местом, назначенным оракулом для отступления, которое теперь было необходимо, и туда афиняне бежали со своими женами и детьми под охраной своего флота. Конгресс решил, что Спарта должна командовать сухопутными войсками, а Афины - объединенным флотом греков; но многие государства, смертельно боявшиеся персов, сохраняли нейтралитет, среди которых были Аргос, Крит, Коркира. Главная слава обороны принадлежала Спарте и Афинам. Объединенная армия была отправлена в Фессалию для защиты ущелья Темпе, но, обнаружив, что они не в состоянии этого сделать, поскольку летом был открыт еще один перевал через гору Олимп, они отступили к Коринфскому перешейку и оставили всю Грецию к северу от горы Киферон и территорию Мегарид без защиты. Если бы греки смогли удержать перевалы Олимп и Осса, все северные государства, вероятно, объединились бы в конфедерацию против Персии; но, поскольку они остались беззащитными, мы не можем удивляться, что они подчинились, включая даже ахейцев, боротийцев и дорийцев.

Фермопильский проход.

Фермопильский перевал теперь считался наиболее удобным местом сопротивления, рядом с долиной Темпе. Здесь основная суша была отделена от острова Эвба узким проливом шириной в две мили. В северной части острова, недалеко от города Гистиея, побережье называлось Артемизией, и здесь был собран флот, чтобы сотрудничать с сухопутными войсками и противостоять в узком проливе продвижению персидского флота. Само Фермопилское ущелье на юге Фессалии находилось между горой Хта и непроходимым болотом в Малийском заливе. Природа, таким образом, предусмотрела двойную позицию обороны — узкое ущелье на суше и узкий пролив на воде, через который должны были пройти армия и флот, если они хотели сотрудничать.

Прерывание военных приготовлений олимпийскими играми.

В то время как конгресс решил воспользоваться двойным положением, на море и на суше, Олимпийские игры и великий Дориан из Карнейи были уже близко. Без них нельзя было обойтись даже в самом чрезвычайном кризисе, которому могла подвергнуться нация. Таким образом, в то время как греки собирались для проведения национальных праздников, вероятно, из религиозных и суеверных побуждений, не предвещавших ничего хорошего, если ими пренебрегали, Леонид, царь Спарты, с тремя сотнями спартанцев, двумя тысячами ста двадцатью аркадцами, четырьмя сотнями коринфян, двумя сотнями человек из Филия и восьмьюдесятью из Микен - всего тремя тысячами ста гоплитами, не считая илотов и легких войск, был отправлен защищать перевал от персидских войск. На марше через Беотию к ним присоединилась тысяча человек из Фив и Феспии, хотя они и были готовы подчиниться Ксерксу. Афиняне отправили все свои силы на борт своих кораблей, к ним присоединились платейцы.

Леонид защищает Фермопильский проход.

Это было летом 480 года до н.э., когда Ксеркс достиг Термы, примерно в это же время греки прибыли на отведенные им посты. Леонидас занял свою позицию в середине Перевала — длиной в милю, с двумя узкими проходами. Затем он отремонтировал старую стену, построенную фокейцами поперек перевала, и стал ждать прихода врага, поскольку предполагалось, что его сил будет достаточно, чтобы удерживать ее до окончания игр. Также считалось, что этот узкий проход был единственным возможным способом доступа для армии вторжения; но вскоре было обнаружено, что существовала также узкая горная тропа, ведущая с фокийской территории в Фермопилы. Фокейцы согласились охранять этот путь, а оборону главного перевала оставить пелопоннесским войскам. Но Леонид болезненно ощущал, что его людей недостаточно, и счел необходимым отправить послов в разные государства для немедленного усиления.

Греческий флот. Катастрофа персидского флота.

Греческий флот, собранный в Артемисии, состоял из двухсот семидесяти одной триеры и девяти пентеконтер, которыми командовал Фемистокл, но которые были предоставлены разными государствами. Катастрофа постигла греков очень рано; три триеры были захвачены персами, что вызвало большое уныние, и в панике греки оставили свои сильные военно-морские позиции и поплыли вверх по Эвбейскому проливу к Халкиде. Это было большим несчастьем, так как тыл армии Леонида больше не был защищен флотом. Но разрушительный шторм рассеял флот персов в момент этого неминуемого кризиса, так что было невозможно оказать помощь их армии, которая теперь прибыла в Фермопилы. Таким образом, были уничтожены четыреста военных кораблей вместе с огромным количеством транспортов. Шторм продолжался три дня. После этого поражения от персов греческий флот вернулся в Артемизию. Ксеркс стоял лагерем в пределах видимости Фермопил четыре дня, не предпринимая атаки из-за опасностей, которым подвергался его флот. На пятый день он пришел в ярость из-за наглости и дерзости небольшого отряда, который спокойно остался, чтобы оспорить его проход, ибо спартанцы развлекались атлетическими упражнениями и расчесыванием волос. И это не было полной самонадеянностью со стороны греков, поскольку там было четыре или пять тысяч тяжеловооруженных людей, самых храбрых в стране, чтобы защищать проход, едва ли более широкий, чем проезжая часть, — со стеной и другими оборонительными сооружениями впереди.

Нападение персов на греков.

Первую атаку на греков предприняли медеи — самые храбрые в персидской армии, но их стрелы и короткие копья были мало полезны против фаланги, которая противостояла, вооруженная длинными копьями и защищенная щитами. В течение двух дней атака продолжалась и постоянно отражалась, так как одновременно сражался лишь небольшой отряд греков. Даже “Бессмертные” — избранный отряд Ксеркса — были отброшены с большими потерями, к агонии и позору Ксеркса.

Леонидас защищает перевал, но погибает. Героическая смерть трехсот спартанцев.

На третий день малиец открыл персидскому царю тот факт, что узкую тропу, ведущую через горы, защищали только фокейцы и что эта тропа вела в тыл спартанцам. Сильный отряд персов

был послан ночью, чтобы обезопасить этот путь, и фокийская стража обратилась в бегство. Персы спустились по тропе и атаковали греков с тыла. Леонид вскоре узнал об опасности, грозившей ему, но не успел вовремя отослать свою армию. Теперь было ясно, что Фермопилы больше нельзя защищать, но героический и самоотверженный полководец решил остаться и продать свою жизнь как можно дороже, а также задержать, если он не сможет сопротивляться, продвижение врага. К нему присоединились триста спартанцев, семьсот феспийцев и четыреста фиванцев, в то время как остальные отошли, чтобы сразиться в другой раз. Потребовались все усилия персидских генералов с помощью кнута, чтобы заставить людей атаковать этот преданный отряд. Греки сражались с самой отчаянной храбростью, пока их копья не были сломаны и не осталось никакого оружия, кроме мечей и кинжалов. Наконец, измученные, они погибли, окруженные огромными силами, после того как совершили самую героическую оборону в истории войны. Из всех трехсот спартанцев только один человек, Аристоклем, вернулся в свой дом, но только для того, чтобы подвергнуться презрению и позору. Только фиванский отряд уступил персам, но только в последний час.

Смятение и возмущение Ксеркса.

Ничто не могло сравниться со смешанным гневом и восхищением Ксеркса, когда он увидел это незабываемое сопротивление. Теперь он впервые увидел, как трудно подчинить себе такой народ, как греки, решивший сопротивляться до смерти. Его разум был сбит с толку, и он не знал, какой курс избрать. Если бы он последовал совету Демарата начать войну на южном побережье Лаконии и таким образом отвлечь спартанцев и помешать их сотрудничеству с Афинами, он, вероятно, добился бы успеха.

Морское сражение при Артемизии.

Но он последовал другим советам. Тем временем персидский флот восстановился после шторма и по-прежнему был грозен, несмотря на потери. Греки были склонны отступить и оставить пролив открытым для врага. Эвбейцы, видя, какое зло постигнет их, если их остров останется незащищенным, послали Фемистоклу подарок в тридцать талантов, если он сохранит свое положение. Эти деньги он потратил на подкуп различных командиров, которые хотели уйти в отставку, и было решено остаться. Персы, уверенные в легкой победе, послали вокруг острова Эвбея отряд из двухсот кораблей, чтобы отрезать всякую надежду на спасение кораблям, которые они рассчитывали захватить. Дезертир сообщил об этом Фемистоклу, и было решено сразиться с персами, ослабленными таким образом, сразу, но к концу дня, чтобы битва не стала решающей. Битва при Артемизии была своего рода перестрелкой, призванной приучить греков к финикийскому способу ведения боя. Однако это было успешно, и тридцать кораблей персов были захвачены или выведены из строя.

Фемистокл отплывает на Саламин.

Но греки получили большую помощь, чем корабли и люди. Другой шторм настиг персов, повредил их флот и уничтожил эскадру, посланную вокруг острова Эвбея. Результатом стало еще одно морское сражение, поскольку грекам помог не только шторм, но и новые подкрепления; но это второе сражение было нерешительным. Фемистокл теперь чувствовал, что не сможет удержать пролив против превосходящих сил противника, и, поскольку теперь также было известно о катастрофе при Фермопилах, он решил отступить дальше в глубь Греции и отплыл к Саламину.

Отчаяние греков. Фемистокл возрождает мужество своей “деревянной стеной”.

В этот период греки в целом были полны ужаса и разочарования. Ни Фермопильский проход, ни пролив, соединявший Маликский залив с Эгейским, не были успешно защищены. Армия Ксеркса продвигалась через Фокиду и Беотию к Коринфскому перешейку, в то время как военно-морской флот беспрепятственно пересекал Эвбейское море. Со стороны греков не было приготовлений, соизмеримых с масштабом кризиса, в то время как, если бы они собрались в Фермопилах, вместо того чтобы тратить время на празднества, они бы сохранили перевал, и армия Ксеркса, испытывавшая нехватку провизии, была бы вынуждена отступить.

Лакедемоняне, возбужденные смертью своего царя, наконец предприняли энергичные усилия по укреплению Коринфского перешейка, однако слишком поздно, чтобы защитить Беотию и Аттику. Положение Афин было теперь безнадежным, и стало ясно, какая роковая ошибка была допущена, когда не защитили всеми силами Греции Фермопильский проход. Помощи от спартанцев не было, ибо все они стеклись к Коринфскому перешейку, как к последнему шансу защитить Пелопоннес. В отчаянии афиняне решили покинуть Афины вместе со своими семьями и укрыться в Саламине. Один Фемистокл не дрогнул и попытался убедить своих соотечественников в том, что “деревянная стена” по-прежнему будет их спасением. Афиняне, хотя и были встревожены, не утратили своей энергии. Отзыв изгнанников был объявлен по предложению Фемистокла. Невероятными усилиями все население Аттики было перевезено на Саламин, и надежды всех были сосредоточены на кораблях. Ксеркс овладел опустевшим городом, но нашел всего пятьсот пленников. Он разорил страну, и отряд персов даже проник в Дельфы, чтобы ограбить святыню, но потерпел поражение. Однако Афины были разграблены.

Вражеский флот у Саламина.

Объединенный флот греков теперь насчитывал триста шестьдесят шесть кораблей, более половины из которых были афинскими. Многие хотели отступить на Коринфский перешеек и сотрудничать со спартанцами. Раздоры едва не разрушили последние надежды Греции, и Фемистокл одержал верх, только пригрозив отозвать афинские корабли, если немедленно не будет начато сражение. Он прибегнул к военной хитрости, чтобы заставить флот оставаться вместе, не имея возможности сбежать в случае победы. Ночью из Эгины прибыл Аристид и сообщил грекам, что весь их флот окружен персами — именно этого и добивался Фемистокл. Тогда не оставалось ничего, кроме как сражаться с отчаянием, ибо от исхода битвы зависела судьба Греции. Оба флота были размещены в проливе между Элевсинским заливом и Сароническим заливом, к западу от острова Саламин.

Самоуверенность Ксеркса. Битва при Саламине и отступление Ксеркса.

Ксеркс, восседавший на троне на одном из склонов горы Эгалеос, обозревал вооружение и предстоящую битву. Обе стороны сражались храбро; но пространство было слишком узким, чтобы персы могли вступить в бой со всем своим флотом, и у них не было дисциплины греков, наученных суровым опытом. Персидский флот стал неуправляемым, и победу одержали греки. Двести кораблей попали в руки победителей. Но у персов осталось достаточное количество людей, чтобы возобновить битву с лучшими надеждами. Ксеркс, однако, был запуган и в порыве ярости, разочарования и страха отдал приказ отступать. Он не доверял верности союзников и опасался за свою личную безопасность; он боялся, что победители поплывут к Геллеспонту и

разрушат мосты. Фемистокл при отступлении персов использовал свой флот для взимания штрафов и контрибуций с островов, которые поддерживали персов, в то время как Ксеркс вернулся к Геллеспонту и переправился в Азию, оставив Мардония в Фессалии с большой армией продолжать завоевания на суше.

Важные результаты.

Таким образом, Греция была спасена битвой при Саламине и выдающимися заслугами Фемистокла, которые нельзя оценивать слишком высоко. Ужасающее облако рассеялось, греки предались радости. Победителю были оказаны беспрецедентные почести, особенно в Спарте, и его влияние, как и влияние Алкивиада после Марафонской битвы, было безграничным. Ни один человек никогда не заслуживал большей награды.

Мардоний остался командовать персами. Он опустошает Аттику и Беотию.

Хотя персы теперь оставили все надежды на дальнейшее морское наступление, все же от огромной армии, которой командовал Мардоний, ожидался большой успех. Греки в северных областях все еще были верны ему, и Фессалия пала ниц у его ног. Он послал Александра Македонского в Афины предложить почетные условия мира, которые были благородно отвергнуты, и его отправили обратно со следующим посланием: “Скажи Мардонию, что до тех пор, пока солнце будет продолжать свой нынешний путь, мы никогда не заключим союз с врагом, который не проявлял почтения к нашим богам и героям и который сжигал их статуи и дома”. Союз со Спартой был возобновлен для взаимной защиты и нападения, несмотря на соблазнительные предложения Мардония; но спартанцы проявляли как безразличие, так и эгоизм к любым интересам за пределами Пелопоннеса. Они укрепили Коринфский перешеек, но оставили Аттику без защиты. Соответственно, Мардоний двинулся на Афины, и город снова стал добычей персов. Афиняне снова отступили к Саламину, испытывая горькие чувства к Спарте за ее эгоизм и неблагодарность. Мардоний снова попытался примирить афинян, и снова его попытки были отвергнуты с гневом и неповиновением. Обеспокоенные афиняне отправили послов в Спарту, чтобы выразить протест против ее расхлябанности и эгоизма, что не прошло даром, поскольку, наконец, под командованием Павсания были собраны крупные спартанские силы. Тем временем Мардоний разорил Аттику и Беотию, а затем укрепил свой лагерь близ Платеи на площади в десять фарлонгов. Платея была равниной, благоприятной для действий кавалерии, недалеко от Фив; но его армия была обескуражена после стольких бедствий — выражаясь современным военным языком, деморализована, — в то время как Артабаз, второй по старшинству, был полон зависти. Нельзя было надеяться и на греческих союзников, которые втайне были враждебны захватчикам. Фиванцы и беотийцы казались ревностными, но ими руководил всего лишь страх перед превосходящей силой, и поэтому они были ненадежны. Нельзя предполагать, что фиванцы, перешедшие на сторону персов по принуждению, предпочли их делу своих соотечественников, какими бы сильными ни были национальная ревность и соперничество.

Греки собираются против персов на Платеях. Приготовления к битве.

Общее число лакедемонян, коринфян, афинян и других греков, собравшихся для встречи персидской армии в 479 году до н.э., составляло тридцать восемь тысяч семьсот тяжеловооруженных мужчин и семьдесят одну тысячу триста легковооруженных, без защитных доспехов; но большинство из них просто сопровождали гоплитов. Персы численностью около

трехсот тысяч человек заняли линию реки Асоп на равнине; греки расположились на склоне горы близ Эриты. Персидская кавалерия бросилась в атаку, чтобы вытеснить греков, не желавших сражаться на равнине; но местность была неблагоприятна для действий кавалерии, и после кратковременного успеха она была отброшена назад, а командовавший ею генерал Масистий был убит. Его смерть и отпор кавалерии так ободрили Павсания, спартанского полководца, что он оставил свои позиции на склоне горы и занял позицию на равнине внизу. Лакедемоняне составляли правое крыло; афиняне - левое; а различные другие союзники - центр. Затем Мардоний немного изменил свою позицию, переправившись через Асоп, ближе к своему собственному лагерю, и занял пост на левом фланге, напротив правого крыла греков, которым командовал Павсаний. Затем обе армии принесли жертвы богам, но Мардоний мог постоянно досажать грекам своей кавалерией, а фиванцы оказывали большую помощь. Так провели две армии десять дней, не вступая в общие действия, пока Мардоний, потеряв терпение, вопреки совету Артабаза, заместителя командующего, не решил начать атаку. Греки были предупреждены о его намерении Александром Македонским, который ночью тайно прибыл в греческий лагерь — доказательство того, что он, как и другие, был нетерпелив к персидскому игу. Лакедемоняне, размещенные на правом фланге против персов, поменялись местами с афинянами, которые были более привычны к персидской войне; но когда этот маневр был обнаружен, Мардоний произвел соответствующие изменения в своей собственной армии, после чего Павсаний снова отвел свои войска на правое крыло, и повторное движение Мардония вернуло армии на исходное положение.

Битва при Платее.

Последовала энергичная атака персидской кавалерии, которая так разозлила греков, что Павсаний ночью решил еще раз сменить позицию и отступил на холмистую местность к северу от Платеи, примерно в двадцати фарлонгах от нее, не без замешательства и недоверия со стороны афинян. Мардоний, удивленный этим движением, бросился в погоню, и последовало всеобщее сражение. Обе армии сражались с отчаянной храбростью, но дисциплина была на стороне греков, и Мардоний был убит, храбро сражаясь со своей гвардией. Артабаз с сорока тысячами персов под его непосредственным командованием не принимал участия в сражении, а теперь отдал приказ отступать и удалился из Греции. Однако основные силы побежденных персов удалились в свой укрепленный лагерь. На него напали лакедемоняне и устроили огромную резню, так что из армии Мардония в живых осталось только три тысячи человек, за исключением сорока тысяч, которые увел Артабаз — более способный военачальник. Поражение персов было полным, и добыча, доставшаяся победителям, была огромной — золото и серебро, оружие, ковры, одежда, лошади, верблюды и даже богатая палатка самого Ксеркса, оставшаяся у Мардония. Добыча была распределена между различными контингентами армии. Настоящими победителями были лакедемоняне, афиняне и тегейцы; коринфяне не вышли на поле боя до окончания битвы и, таким образом, упустили свою долю добычи.

Наказание Фив.

Был один союзник персов, которого Павсаний решил наказать, — город Фивы, когда было нанесено заслуженное наказание, соблюдены обычные церемонии и назначены почести за величайшую и решительнейшую победу, которую когда-либо одерживали греки. На Платеях состоялась конфедерация, в ходе которой ведущие греческие государства заключили

постоянный союз с целью не разделяться до тех пор, пока общий враг не будет отброшен обратно в Азию.

Битва при Микале.

В то время как в Беотии происходили эти великие события, греческий флот после битвы при Саламине предпринял попытку спасти Самос от персов и обеспечить независимость ионических городов в Азии. Персидский флот, теперь уже обескураженный, покинул Самос и удалился в Микалу, в Ионию. Греческий флот последовал за ними, но персы бросили или распустили свой флот и объединили свои силы с силами Тиграна, который с шестидесятитысячной армией охранял Ионию. Греки высадились на берег и приготовились атаковать врага как раз в тот момент, когда до них дошла весть о битве при Платее. Эта атака была успешной, отчасти вследствие восстания ионийцев в персидском лагере, хотя персы сражались с большой храбростью. Битва при Микале была такой же полной, как битва при Платее и Марафоне, и остатки персидской армии отступили в Сарды. Таким образом, ионические города были на время освобождены от персов, как и сама Греция, главным образом с помощью афинян и коринфян. Спартанцы с непостижимой ограниченностью неохотно принимали континентальных ионийцев в качестве союзников и предложили переправить их через Эгейское море в Западную Грецию, что было с честью отвергнуто афинянами. Во всем, за исключением защиты собственно Греции, и особенно Пелопоннеса, спартанцы показали, что уступают афинянам в великодушии и широких взглядах. После взятия Сестоса в 478 году до н.э., который освободил фракийский Херсонес от персов, афинский флот вернулся домой. Взятием этого города завершается повествование Геродота, которое фактически положило конец персидской войне, хотя боевые действия в Азии продолжались. Марафонская битва оказала первое эффективное сопротивление персидским завоеваниям и вселила уверенность в греков. Битва при Саламине уничтожила могущество Персии на море и предотвратила любое сотрудничество сухопутных и военно-морских сил. Битва при Платее полностью освободила Грецию от захватчиков. Битва при Микале спасла ионические города.

Соперничество между Афинами и Спартой.

Афины, в целом, наиболее отличились в этом великом и славном состязании и теперь выступали как защитники эллинских интересов на море и лидер ионийской расы. Спарта продолжала возглавлять военные государства, которым великодушно подчинились Афины. Но теперь между этими ведущими государствами наметилось серьезное соперничество, главным образом из-за зависти Спарты, которая в конечном итоге оказалась фатальной для того превосходства, которое греки могли бы сохранить над мировыми державами. Спарта желала, чтобы Афины оставались необорудованными, как и все города Северной Греции, в то время как перешеек должен был стать центром всех оборонительных сооружений. Но Афины под мудрым и коварным управлением Фемистокла забавляли спартанцев задержками, в то время как все население было занято восстановлением их укреплений.

Позор и смерть Павсания.

Хотя война против персов фактически завершилась взятием Сестоса, Спарта снарядила экспедицию под командованием Павсания, героя Платеи, для ведения боевых действий на берегах Азии. После освобождения большинства городов Кипра и отвоевания Византии у персов, что, таким образом, оставило Эвксинский полуостров свободным для афинских

кораблей, с которых греки получали основные запасы заморского зерна, Павсаний, опьяненный своими победами, необъяснимым образом вступил в изменническую переписку с Ксерксом, на дочери которого он хотел жениться, обещая снова подчинить всю Грецию своей власти. Он был отозван в Спарту еще до того, как об этой переписке стало известно, поскольку нанес оскорбление, надев персидское платье и окружив себя персидской и мидийской стражей. Когда его измена, наконец, была раскрыта, он попытался поднять восстание среди илотов, но потерпел неудачу и умер мучительной смертью от голода в храме, в котором нашел убежище.

Падение Фемистокла. Кимон Смерть Фемистокла..

Едва ли менее печальная участь постигла прославленного Фемистокла. Несмотря на его великие заслуги, популярность его начала падать. Спартанцы возненавидели его за ту роль, которую он сыграл в укреплении города, и обратили против него все свое влияние. Он оскорблял горожан своим личным тщеславием, постоянно хвастаясь своими заслугами. Он воздвиг частную часовню в честь Артемиды. Он использовал свое огромное влияние в целях произвола и коррупции. Он брал взятки без зазрения совести, в ущерб государству и в нарушение справедливости. А поскольку персы могли предлагать самые высокие взятки, его подозревали в тайном покровительстве их интересам. Старое соперничество между ним и Аристидом возобновилось; и поскольку Аристид больше не выступал против политики, которую проводили Афины, уделяя первостепенное внимание морской обороне, и, более того, постоянно завоевывал уважение города своей честностью и патриотизмом, особенно своим замечательным управлением на Делосе, где он укрепил конфедерацию приморских государств, его влияние было, возможно, больше, чем влияние Фемистокла, запятнанного обвинением в мидизме. Кимон, сын Мильтиада, также стал сильным противником. Хотя Фемистокл был оправдан за получение взяток из Персии, он был изгнан путем голосования по остракизму, как и Аристид ранее, — своего рода изгнание, которое не было бесчестным, но к которому прибегали из уважения к общественным интересам и которому часто подвергались люди, ставшие непопулярными, каковы бы ни были их заслуги или заслуги. Он удалился в Аргос, и там была раскрыта измена Павсания. В ней участвовал Фемистокл, поскольку ему были известны замыслы Павсания. Для его ареста были отправлены совместные послы из Спарты и Афин, о чем, когда стало известно, он бежал в Коркиру, а оттуда к Адмету, царю молоссов. Эпиротский царевич защитил его, несмотря на его прежнюю враждебность, и снабдил проводниками в Пидну, через горы, откуда ему удалось добраться до Эфеса, а затем отправиться к персидскому двору. В Афинах он был объявлен предателем, и его имущество, составляющее сто талантов, накопленное за время войны, было конфисковано. В Персии он выдавал себя за дезертира, а впоследствии приобрел влияние на Артаксеркса и посвятил свои таланты разработке планов подчинения Греции. Он получал крупную сумму в пятьдесят талантов ежегодно и умер в возрасте шестидесяти пяти лет с подмоченной репутацией, которую никакие предыдущие заслуги не могли искупить от позора.

Смерть Аристида.

Аристид умер через четыре года после остракизма Фемистокла, пользовавшегося всеобщим уважением, и умер в такой бедности, что ему не хватило средств на похороны. И никто из его потомков так и не разбогател.

Смерть Ксеркса.

Сам Ксеркс, Артаксеркс Священного Писания, командовавший крупнейшей экспедицией, когда-либо зарегистрированной в человеческих летописях, прибыл в Сардис через восемь месяцев после того, как покинул его, испытывая отвращение к активным действиям, и похоронил себя среди интриг своего двора и сераля в Сузах, как записано в книге Есфирь. Он не был лишен великодушных порывов, но ему не хватало всех тех качеств, которые делают людей победителями на войне. Он умер пятнадцатью годами позже, став жертвой заговора, в своем дворце, в 465 году до н.э. — через шесть лет после того, как Фемистокл обратился к нему за защитой.

ГЛАВА XVIII.

ЭПОХА ПЕРИКЛА.

Соперничество между греческими государствами.

После поражения персидских армий Афины и Спарта стали, соответственно, лидерами двух великих партий в Греции. Афины отстаивали морские интересы и демократические институты; Спарта была защитником континентальных и олигархических держав. Один был ионийцем и организовал Делосскую лигу под руководством Аристиды; другим был Дориан и глава Пелопоннесской конфедерации. Соперничество между этими ведущими государствами влекло за собой борьбу между теми идеями и интересами, признанным представителем которых каждое из них было. Те государства, которые ранее были отделены друг от друга географическим положением и разнообразием интересов, теперь объединились под руководством либо Афин, либо Спарты. Интриги Фемистокла и Павсания помешали созданию панэллинского союза, столь необходимого для полного развития политической власти и которому какое-то время способствовала персидская война. Афины, в частности, постепенно стали считать себя выдающейся державой, которой другие государства должны были подчиняться. Ее империя, основанная на превосходстве на море, превратилась в тиранию, которой старым союзникам было трудно подчиниться.

Преимущественно между Афинами и Спартой.

Но соперничество между Спартой и Афинами было еще более острым. К тому времени Спарта лидировала среди греческих государств, и Афины подчинились ей во время персидского вторжения. Но осознание новых сил, которое развила морская война, успех битв при Марафоне и Саламине, а также Делосская конфедерация изменили относительное положение двух государств. Более того, Афинам была обязана высочайшая слава сопротивления персам, в то время как ее патриотический и возвышенный дух выгодно контрастировал с узкой и эгоистичной политикой Спарты.

Противодействие Спарты укреплениям Афин.

И эта политика не проявлялась ни в чем более явно, чем в противодействии, которое он оказывал новым укреплениям Афин, так что Фемистоклу пришлось отправиться в Спарту и прикрыть обманом тот факт, что афиняне действительно ремонтировали свои стены, на что они имели несомненное право, но на что Эгина смотрела со страхом, а Спарта - с завистью. И эта необоснованная подлость и несправедливость со стороны Спарты снова подействовала на афинян и вызвала большую горечь и язвительность.

Тем не менее город был укреплен. Пейрей. Увеличение военно-морского флота. Делосская конфедерация.

Но, несмотря на сопротивление Спарты, возникли новые укрепления, которым оказывали помощь все граждане, богатые и бедные, и в масштабах, которые были вполне достойны величия будущей столицы. Протяженность стен составляла пятьдесят стадиев, или семь миль, и они были достаточной прочности и высоты, чтобы защитить город от внешних врагов. И когда они были завершены, Фемистокл — человек великого предвидения и гения, убедил горожан также укрепить свою гавань, чтобы обеспечить господство города в будущих морских конфликтах. Он предвидел, что политическое господство Афин было основано на тех “деревянных стенах”, которые дельфийский оракул объявил ее надеждой на персидское вторжение. Победа при Саламине подтвердила мудрость предсказания и принесла Афинам нетленную славу. Фемистокл убедил своих соотечественников, что открытый рейд Фалерума небезопасен, и побудил их окружить более просторные гавани Пейрея и Мунихии стеной такой же длины, как та, что окружала сами Афины, — такой толстой и высокой, что любая атака была бы безнадежной, в то время как в пределах ее укреплений объединенные флоты Греции могли бы безопасно бросить якорь, и к которой граждане Афин также могли бы укрыться в крайней опасности. Соответственно, ценой огромных затрат и труда Пейрей был обнесен стеной толщиной четырнадцать футов, которая служила не просто гаванью, но и верфью и арсеналом. Туда прибывали метики или постоянно проживающие иностранцы, и большая часть торговли Афин находилась в их руках, поскольку они реже нанимались на иностранную службу. Они превратились в бережливое население торговцев и умелых ремесленников, отождествляемых с процветанием Афин. Эти различные работы поглощали большую часть афинских сил и капитала, но все же оставалось достаточно средств, чтобы ежегодно строить двадцать новых трирем, эквивалентных нашим современным линейным кораблям. Афины теперь стали признанным главой и предводителем союзных государств, вместо Спарты, от власти которой как председательствующего государства афиняне теперь открыто отказались. Панэллинский союз под властью Спарты был теперь разорван навсегда, и два соперничающих государства оспаривали главенство — морские государства, примкнувшие к Афинам, и сухопутные государства, которые обеспечивали большую часть армии на Платеях, примкнувшие к Спарте. Именно тогда была сформирована Делосская конфедерация под председательством Афин, которой руководил Аристид. Его оценка была настолько справедливой, что никакой зависти не возникло, и четыреста шестьдесят талантов, собранных с приморских государств, хранились на Делосе для общего блага лиги под управлением совета афинских офицеров. Это был общий страх, который привел к такому значительному вкладу, поскольку финикийский флот мог в любой момент появиться вновь и, сотрудничая с персидскими сухопутными войсками, уничтожить свободы Греции. Хотя Афины извлекли главную выгоду из этой лиги, по сути, она была национальной. Впоследствии это действительно было использовано для возвеличивания Афин, но, когда это было сделано изначально, это было средство общей защиты от державы, еще непокоренной, хотя и отброшенной.

Делосская конфедерация.

В течение всего времени, пока возводились укрепления Афин и Пейрея, Фемистокл был правящим духом в Афинах, в то время как Аристид командовал флотом и организовал Делосскую конфедерацию. Таким образом, прошло несколько лет, прежде чем он стал неверен своим соотечественникам, и перемены в его характере происходили лишь постепенно, главным образом из-за его экстравагантных привычек и высокомерия, которые так часто сопутствуют успеху.

Изменение конституции Афин.

В этот период были внесены изменения и в гражданскую конституцию Афин. Все граждане были допущены к исполнению должностных обязанностей. Государство стало еще более демократичным. Архонты были отстранены от военных обязанностей и ограничены гражданскими функциями. Государственные чиновники или генералы получили большую власть с расширением политических отношений, и на них была возложена обязанность контролировать иностранные дела. Афины стали одновременно более демократичными и более воинственными.

Политический рост Афин.

С этого времени, 479 года до н.э., мы датируем начало существования Афинской империи. Это постепенно закреплялось обстоятельствами, а не дальновидными и расчетливыми амбициями. Во главе Делосской конфедерации постоянно представлялись возможности централизации власти, в то время как быстрый рост населения и богатства благоприятствовал планам, которые политические лидеры выдвигали для ее усиления. Первые десять лет афинской гегемонии или главенства были годами активной войны против персов. Захват Кимоном Эйона на Стримоне с его персидским гарнизоном привел к заселению афинянами Амфиполя; а падение городов, которые персы заняли во Фракии и на различных островах Эгейского моря, усилило могущество Афин.

Конфедеративные Штаты.

Конфедеративным Штатам, наконец, надоела личная военная служба, и они убедили афинян предоставить вместо них корабли и людей, за что они назначили себе соответствующую денежную плату. Таким образом, они постепенно опустились до положения союзников-данников, недружелюбных и не терпящих лишений, в то время как афиняне, побуждаемые новыми и расширяющимися амбициями, становились все более предприимчивыми и могущественными.

Непопулярность Афин.

Но с ростом Афин росла и зависть. Афины стали непопулярны не только потому, что она сделала различные приморские государства своими данниками, но и потому, что она начала войну против них, чтобы добиться еще большего возвышения. Наксос восстал, но был завоеван в 467 году до н.э.. Конфедеративный штат был лишен своего военно-морского флота, а его укрепления стерты с лица земли. В следующем году остров Тасос также вышел из союза, был с трудом покорен и чуть не втянул Афины в войну со Спартой. Фазийцы обратились за помощью к Спарте,

которая была обещана, но не выполнена, что испортило отношения между двумя ведущими греческими государствами.

Экспедиции против Персии.

В течение этого периода, начиная с образования лиги на Делосе и падения Тасоса, около тринадцати лет, Афины были заняты поддержанием экспедиций против Персии, будучи свободными от неприятностей в Аттике. Города Платея и Феспия были восстановлены и вновь заселены под афинским влиянием.

Спарта. Восстание илотов. Кимон выступил против Перикла. Союз различных государств с Афинами.

Ревность Спарты, ввиду растущего могущества Афин, наконец дала выход в оказании помощи Фивам против старой политики государства, чтобы позволить этому городу сохранить превосходство над меньшими беотийскими городами. Спартанцы даже помогли расширить ее окружение и улучшить укрепления, что сделало Фивы яростными сторонниками Спарты. Вскоре после этого в Спарте в 464 году до н.э. произошло ужасное землетрясение, которым илоты воспользовались как подходящим поводом для восстания. Побежденные, но не покоренные, повстанцы отступили к Итому, древней цитадели их мессенских предков, и там укрепились. Спартанцы провели два года в безуспешной осаде и были вынуждены обратиться к своим союзникам за помощью. Но даже возросшие силы не произвели впечатления на укрепленный холм, настолько невежественными были греки в тот период в искусстве штурма стен. И когда афиняне под командованием Кимона, все еще числившиеся среди союзников Спарты, не добились большего успеха, их нетерпение переросло в недоверие и подозрительность, и они без промедления распустили афинский контингент. Такое нелюбезное и ревнивое обращение привело в ярость афинян, на чувства которых подействовал Перикл, выступавший против политики посылки войск вообще в Лаконию. Кимон здесь был настроен враждебно по отношению к Периклу и хотел укрепить более полный союз Греции против Персии и сохранить союз со Спартой. Более того, Кимону не нравилась демократическая политика Перикла. Но афиняне сплотились при Перикле, и Кимон утратил свое влияние, которое было первостепенным после опалы Фемистокла. В Афинах было принято официальное решение отказаться от союза со Спартой против персов и искать союза с Аргосом, который сохранял нейтралитет во время персидского вторжения, но который частично восстановил свой древний престиж и могущество после завоевания Микен и других небольших городов. Фессалийцы стали членами этого нового союза, который должен был стать антагонистическим по отношению к Спарте. Вскоре после этого Мегара отказалась от защиты столицы Пелопоннесии и была зачислена в число союзников Афин, что стало большим приобретением для афинского могущества, поскольку этот город охранял перевалы горы Герания, так что Аттика была защищена от вторжения Коринфским перешейком. Но союз Мегары и Афин вызвал глубокую обиду как у Коринфа, так и у Спарты, и результатом стала война с Коринфом, в которую Эгина была вовлечена как союзница Спарты и Коринфа.

Поражение Афин на суше и победа на море.

Сначала афиняне потерпели поражение на суше; но это поражение было более чем компенсировано морской победой над дорийскими моряками у острова Эгина, благодаря которой морская сила Эгины, доселе великая, была навсегда повержена. Афиняне захватили

семьдесят кораблей и начали осаду самого города. Спарта пришла бы на помощь, но была занята подавлением восстания илотов. Коринф послал триста гоплитов в Эгину и напал на Мегару. Но афиняне одержали верх как при Эгине, так и при Мегаре, что стало большим ударом для Коринфа.

Перикл начинает свою карьеру. Кимон изгнан.

Однако, опасаясь возобновления нападения со стороны Коринфа и Пелопоннесских государств, ныне полных соперничества и вражды, афиняне под предводительством Перикла решили соединить свой город с гаванью Пейрей длинной стеной — грандиозное предприятие по тем временам. Это вызвало величайшую тревогу среди врагов Афин и стало предметом раздора между различными партиями в городе. Партия, которую возглавлял Кимон, ныне подвергнутый остракизму, желала объединить различные греческие государства в великий союз против персов и боялась увидеть, как эта длинная стена станет постоянной угрозой объединенной мощи Пелопоннеса. Более того, афинским аристократам не нравилось более тесное слияние с морским народом Пейрея, а также бремя и налоги, связанные с этим предприятием. Эти укрепления, несомненно, увеличили могущество Афин, но ослабили единство эллинского патриотизма и усилили ту зависть, которая в конечном счете привела к политическому краху Греции.

Военные действия между Спартой и Афинами.

Под влиянием этого соперничества и зависти лакедемоняне, хотя илоты и не были покорены, предприняли враждебную экспедицию из Пелопоннеса с одиннадцатью тысячами пятьюстами человек, якобы для защиты Дориды от финикийцев, но на самом деле для предотвращения дальнейшего усиления Афин, и предполагалось, что этого легче всего добиться, укрепив Фивы и обеспечив повиновение беотийских городов. Но был и еще один план - помешать возведению длинных стен, против которого выступала аристократическая партия Афин, но который защищал дальновидный Перикл.

Возвышение Перикла. Его характер и достижения.

Этот выдающийся человек, с которым так тесно связаны слава и величие Афин, теперь имел преимущество над всеми своими соперниками. Он считается самым способным из всех государственных деятелей, которых породила Греция. Он был знатного происхождения и провел раннюю часть своей жизни на пенсии и в учебе, а когда он вышел из неизвестности, его возвышение было быстрым, пока он не получил контроль над своими соотечественниками, который сохранял до самой своей смерти. Он встал на сторону демократии и, в каком-то смысле, был демагогом, а также государственным деятелем, поскольку апеллировал к народным страстям и интересам. Он был очень красноречив и был кумиром партии, которая доминировала в государстве. Его положение и состояние позволяли ему пользоваться всеми способами культуры и самосовершенствования, известными в его время. Он любил музыку, философию, поэзию и искусство. Великий Анаксагор придавал благородное направление его занятиям, так что он проникся самыми возвышенными идеями греческой мудрости. И его красноречие, как говорят, было самого возвышенного рода. Его манеры отличались такой же возвышенностью и достоинством, как и его философия. Он никогда не терял самообладания и сохранял строжайший самоконтроль. У него был приятный голос, а фигура изящная и властная. Он рано проявил себя как солдат и настолько завоевал расположение своих

соотечественников, что, когда Фемистокл и Аристид были мертвы, а Кимон участвовал в военных экспедициях, он вытеснил всех, кто был до него, в пользу народа. Все его симпатии были на стороне демократической партии, в то время как его манеры, привычки, вкусы и ассоциации были аристократическими. Его политическая карьера длилась сорок лет, начиная с 469 года до н.э. Он неустанно выполнял свои общественные обязанности, и его никогда не видели на улицах, разве что по пути в ассамблею или сенат. Он не любил дружеских утех и был, хотя и приветлив, сдержан и полон достоинства. Он завоевал расположение народа рядом мер, которые обеспечивали бедных развлечениями и средствами к существованию. Он добился того, что тем, кто служил в судах, платили за их присутствие и услуги. Он ослабил власть суда ареопага, который выступал против популярных мер. Уверенный в собственной популярности, он даже сумел добиться помилования Кимона, своего главного соперника, после публичного объявления импичмента.

Союз Пейрея с Афинами.

Таким образом, Перикл был видным гражданином своей страны, когда он выступал за соединение Пейрея с Афинами длинными стенами, о которых уже упоминалось, и когда спартанская армия в Беотии угрожала поддержать олигархическую партию в городе. Афиняне, ввиду этой опасности, приняли решительные меры. Они сразу же выступили против своих старых союзников, лакедемонян. Неудачная битва при Танагре была решена в пользу спартанцев, главным образом из-за дезертирства фессалийской конницы.

Великодушие Кимона.

Кимон, хотя и подвергнутый ostracism, появился на поле битвы и попросил разрешения сражаться в строю. Хотя просьба была отклонена, он использовал все свое влияние на своих друзей, чтобы храбро сражаться и быть верным делу своей страны, и это благородное поведение смягчило существующую зависть, и благодаря влиянию Перикла его десятилетнее изгнание было отменено. Он вернулся в Афины, примирившись с партией, которая нанесла ему поражение, и столь велико было восхищение его великодушием, что все партии великодушно объединились в общем деле. Еще одно сражение с врагом произошло в Беотии, на этот раз завершившееся успехом, результатом которого стало полное господство афинян над всей Беотией. Они стали хозяевами Фив и всех соседних городов, отменили все действия спартанцев, установили демократические правительства и отправили лидеров аристократии в изгнание. Фокида и Локрида были добавлены в список зависимых союзников, и победа укрепила их власть от Коринфского залива до Фермопильского пролива.

Завершение строительства длинных стен.

Затем последовало завершение строительства длинных стен в 455 году до н. э. и завоевание Эгины. Теперь Афины были владычицей морей, и их адмирал продемонстрировал свою силу, обогнув Пелопоннес и овладев многими городами в Коринфском заливе. Но афиняне потерпели неудачу в экспедиции в Фессалию и понесли большие потери в Египте в великой войне с Персией.

Смерть Кимона.

После успеха лакедемонян при Танагре они в течение нескольких лет не предпринимали экспедиций за пределы Пелопоннеса и позволили Беотии и Фокиде быть поглощенными

Афинской империей. Они даже продлили перемирие с Афинами еще на пять лет, и этому способствовал Кимон, желавший возобновить наступательные операции против персов. Кимону разрешили снарядить флот из двухсот трирем и отплыть на Кипр, где он и умер. При его преемнике экспедиция провалилась, и это положило конец дальнейшей агрессивной войне с персами.

У Перикла не было соперников.

Смерть Кимона, в интересах которого было сражаться с персами и, таким образом, за счет военной добычи и почестей поддерживать свое влияние дома, оставила Перикла без соперников и предоставила возможности развивать свою политику внутренних улучшений и развития национальных ресурсов, чтобы позволить Афинам сохранить свое господство над государствами Греции. Поэтому он с радостью заключил мир с персами, по условиям которого они были изгнаны с берегов Малой Азии и Эгейских островов; в то время как Афины обязались не предпринимать дальнейших нападений на Кипр, Финикию, Киликию и Египет.

Возвышение Афин.

Афины, находившиеся в мире со всеми своими врагами, с большой империей союзников-данников, огромным флотом и большими скоплениями сокровищ, теперь стремились стать верховными правителями Греции. Фонд Делосской конфедерации был переведен в Акрополь. Новые союзники искали ее союза. Говорят, что число городов-данников составляло тысячу. Она была не только владычицей моря, но и равной Спарте на суше. Помимо этой политической власти, в Акрополе были накоплены огромные сокровища. Такое быстрое усиление было горько воспринято Коринфом, Сикионом и Спартой, и чувство вражды росло, пока не вылилось в Пелопоннесскую войну.

Изменение конституции Периклом. Усиление демократической власти. Дикасты. Господство демократической власти.

Именно в то время, когда Афина находилась на пике могущества и известности, Перикл внес в конституцию дальнейшие изменения. Огромная власть все еще находилась в руках суда ареопага, который состоял исключительно из бывших архонтов, заседавших пожизненно и, следовательно, отличавшихся очень аристократическими чувствами. Это действительно был судебный орган, но его функции были неоднозначными; он разрешал все споры, расследовал преступления и назначал наказания. И она получила возможность осуществлять свои собственные мандаты, которые не подлежали обжалованию и привели к большой несправедливости и угнетению. Магистраты, служившие бесплатно, как правило, были богаты, и хотя на их должности могли претендовать все граждане, тем не менее, практически только богатые становились магистратами, как в случае с британской палатой общин. Следовательно, магистраты, обладавшие большими полномочиями, и пожизненно заседавший сенат, принадлежавшие к богатому классу, были воодушевлены симпатиями аристократов. Но быстро растущей демократии удалось добиться избрания архонтов по жребию вместо выборов. Это привлекло к суду ареопага больше популярных элементов. Нововведения, осуществленные Периклом и заключающиеся в том, что суды присяжных, или Дикастерии, стали регулярно оплачиваться, снова вовлекли в общественную жизнь более бедных граждан. Но великая перемена, которую он произвел, заключалась в передаче многочисленным дикастам, избранным из граждан, новой судебной власти, которой до сих пор пользовались магистраты и

сенат Ареопага. Мировой судья, вместо того чтобы выносить решение о причинах и назначать наказание, выходящее за рамки наложения небольшого штрафа, был вынужден назначить суд присяжных для рассмотрения дела. Фактически, десять дикастов стали ведущими судебными инстанциями, и поскольку каждая из них состояла из пятисот граждан, решения фактически выносились народом, а не старым судом. Оплата труда каждого человека, выступавшего в качестве присяжного заседателя, была определена и выплачивалась пунктуально. Важность этой революции станет очевидной, когда эти дикасты, таким образом, станут исключительными собраниями, разумеется, народными, в которых рассматривались все дела, гражданские и уголовные. Таким образом, магистраты были лишены судебных функций, которыми они когда-то пользовались, и были ограничены чисто административными вопросами. Командующие функции архонта были уничтожены, и он сохранил за собой власть рассматривать жалобы, назначать день судебного разбирательства и председательствовать на дикастическом собрании. Сенат Ареопага, который осуществлял инквизиторскую власть над жизнью и привычками граждан и надзирал за заседаниями собрания — власть неопределенную, но огромную и поддерживаемую древними обычаями, — теперь стал всего лишь номинальным трибуналом. И это изменение было необходимо, поскольку члены суда были открыты для взяточничества и коррупции и злоупотребляли своими полномочиями, что мало чем отличалось от отеческого деспотизма. И когда значительные общественные улучшения, рост нового населения, возрастающее значение Пенея, появление мореходов и активные обязанности Афин как главы Делосской конфедерации — все вместе придало силу демократическим элементам общества, старый и консервативный суд стал более строгим и деспотичным, вместо того чтобы стать более популярным и примирительным.

Другие политические изменения, произведенные Периклом.

Но помимо этого великого изменения в конституции, Перикл произвел и другие. Под его влиянием общий надзор за магистратами и собранием был возложен на семерых человек, называемых Номофилаками, или Блюстителями закона, сменявшихся каждый год, которые заседали вместе с президентом в сенате и собрании и вмешивались, когда предпринимался какой-либо шаг, противоречащий существующим законам. Другие изменения также были внесены с целью обеспечения соблюдения законов, в которые мы не можем войти. Достаточно сказать, что именно с помощью Перикла магистраты были лишены судебной власти, а Ареопаг - всей его юрисдикции, за исключением случаев убийства, и многочисленные, оплачиваемые и популярные дикасты были заменены для решения судебных дел, отмены и введения в действие законов; это, говорит Грот, было завершением афинской демократии. И так оно оставалось до времен Демосфена.

Благоустройство Афин.

Но влияние Перикла еще более памятно благодаря импульсу, который он придал благоустройству Афин, и его покровительству искусству и литературе. Ему пришла в голову идея наделить свой город интеллектуальной славой, которая более постоянна, чем любые завоевания территории. И поскольку он не мог сделать Афины центром политической власти из-за зависти других государств, он решил сделать их объектом пристального внимания всех ученых, художников и иностранцев. И его соотечественники были готовы поддержать его славные замыслы и были в состоянии сделать это, обогатившись на торговле, став независимыми благодаря успехам над персами и ревнивыми соперниками-греками, а также

вдохновленные поэтами и философами, которые процветали в тот славный век. Эпоха Перикла справедливо считается эпохой высочайшего творческого гения, когда-либо проявленного, и дала Афинам интеллектуальное превосходство, которого не смог бы обеспечить ни один военный гений.

Общественные здания.

Персидская война razорила и обезлюдела Афины. Город был перестроен по более обширному плану, а улицы стали более правильными. Были достроены длинные стены Пейреуса — так сказать, двойная стена с пространством между ними, достаточно большим, чтобы обеспечить сообщение между городом и портом на случай, если враг закрепится на широком пространстве между пейрейской и Талериевой стенами. Сам порт был украшен прекрасными общественными зданиями, самым значительным из которых была Агора. Театр под названием Одеон был построен в Афинах для проведения музыкальных и поэтических конкурсов. Акрополь с его храмами был перестроен, и великолепные Пропилеи дорической архитектуры создавали великолепный подход к ним. Храм Афин - знаменитый Парфенон - был построен из белого мрамора и украшен скульптурами на фронтонах и фризах работы величайших художников древности, в то время как Фидий изготовил статую богини из слоновой кости и золота. Ни один дорический храм никогда не мог сравниться со строгими пропорциями и целомудренной красотой Парфенона, и его руины до сих пор являются одним из чудес света. Одеон и Парфенон были достроены в течение первых семи лет правления Перикла, и многие другие храмы были построены в различных частях Аттики. Гений Фидия виден в многочисленных скульптурах, украшавших город, и в общем импульсе, который он придал искусству. Другие великие художники трудились в условиях щедрой конкуренции — скульпторы, живописцы и архитекторы, — чтобы сделать Афины самым красивым городом в мире.

Импульс, данный литературе. Драма.

“Именно при правлении Перикла греческая литература достигла своего наивысшего расцвета в аттической драме, форме поэзии, которую Аристотель справедливо считает наиболее совершенной; и она сияла с неослабевающим великолепием до конца столетия. Именно эта отрасль литературы особенно отличала эпоху Перикла — период между персидской и Пелопоннесской войнами. Первые регулярные комедии были поставлены Эпихармом, который родился на острове Кос в 540 году до н.э. и выступал в Сиракузах. Комедия возникла раньше трагедии и сначала была представлена на праздновании Диониса деревенскими гуляками в сезон сбора винограда в форме песен и танцев. Но это было не так уместно в городах, и песни гуляк постепенно превратились в обычные хоровые дифирамбы, в то время как исполнители все еще сохраняли дику одежду и жесты сатиров — наполовину козлов, наполовину людей, — которые сопровождали Диониса”. Преобладание историй о преступлениях, судьбе и страданиях, естественно, вызывало у зрителей трагические чувства, и таким образом родилась трагедия, отделившаяся от комедии. Обе формы получили свое самое раннее развитие в Дорийских государствах и особенно культивировались мегарцами. “Теспис, уроженец Икарии, впервые придал трагедии драматический характер во времена Писистрата, в 535 году до н.э. до н.э. Он представил диалог, дополненный хоровыми исполнениями, и рассказ о мифологических и героических приключениях. Он путешествовал по Аттике в повозке, которая служила ему сценой; но вскоре это искусство нашло свой путь в Афины, где в связи с празднествами Диониса были учреждены драматические состязания на призы. Они стали государственными

институтами. Хирил, 523 год до н. э., и Фриних последовали за Теспидой, и они отважились перейти из области мифологии в современную историю”.

Эсхил. Софокл.

Именно в это время Эсхил, отец трагедии, выставлял свои драмы в Афинах в 500 году до н. э.. Он добавил второго актера и подчинил действие хоровым одам. Теперь актеры использовали маски, носили высокие головные уборы и великолепные одежды. Сцены были написаны в соответствии с правилами перспективы, а на сцене был установлен сложный механизм. Для танцоров хора были изобретены новые фигуры. Софокл еще больше усовершенствовал трагедию, добавив третьего действующего лица, и отнял у Эсхила трагический приз. Он не был равен Эсхилу ни в смелости и оригинальности своих характеров, ни в возвышенности своих чувств, ни в колоссальном величии своих фигур; но в гармонии своей композиции, изяществе и энергии, проявляемых во всех частях, — в суровом единстве, классической элегантности своего стиля и очаровании выражений он превосходит его. Эти два человека довели трагедию до такой степени совершенства, которой впоследствии никогда не достигали в Греции. Это было не просто зрелище для народа, но применялось в моральных и религиозных целях. Герои Эсхила возвышаются над сферой реальной жизни, и часто они становятся баловнями судьбы или жертвами борьбы между высшими существами. Персонажи Софокла редко выходят за пределы сферы сочувствия смертных, и их заставляют обличать несправедливость и делать впечатляющие предупреждения.

Юмор.

Комедия также добилась больших успехов во время правления Перикла; но Аристофан родился только после того, как его великое господство достигло своего апогея в 444 году до н. э.. Комедиантам того времени была позволена большая вольность, которую они применяли даже в политике и которая была направлена против самого Перикла.

Сила сцены.

Афинская сцена в эту эпоху была главным средством поддержания национальной жизни и свободы. Это отвечало функциям прессы и кафедры в наши дни и оживляло восприятие людей. Огромная публика, собиравшаяся в театрах, была охвачена патриотическим пылом и тронута благородными мыслями, испепеляющим сарказмом и неистощимым остроумием поэтов. “Боги и богини, величественно пронесшиеся над трагической сценой, были объектами религиозной и национальной веры, реальными существами, чьи действия и страдания вызывали их глубочайшее сочувствие, и чья героическая стойкость служила примером, а их ужасная судьба - предупреждением. Точно так же в старой комедии люди, привычки, манеры, принципы, выставляемые на посмешище, были знакомы зрителям в их повседневной жизни; и поэт мог представить в юмористическом свете объекты, критиковать которые всерьез было бы государственной изменой или святотатством, и мог рекомендовать меры, которые он мог предложить в народном собрании только с уздечкой на шее”. Эта восприимчивость народа к великим впечатлениям и терпимость правителей в равной степени демонстрируют высокую степень народного разума и большую практическую свободу в общественной жизни.

Историки и философы.

Эпоха Перикла также была украшена великими историками и философами. Геродот и Фукидид никогда не были превзойдены как историки, в то время как софисты, пришедшие на смену более серьезным философам предыдущей эпохи, дали афинской молодежи суровую интеллектуальную подготовку. Риторика, математика и естественная история вытеснили спекуляцию, привели к практике красноречия как искусства и придали обществу лоск и культуру. Софистов действительно нельзя сравнить с теми великими людьми, которые предшествовали им или сменили их в философской мудрости, но их влияние на воспитание греческого ума и создание утонченных людей общества невозможно опровергнуть. Политика стала профессией в демократическом государстве, которая требовала высочайшей культуры и обширного знакомства с принципами морали и политологии. Это был век лекций, когда студенты добровольно собирались, чтобы перенять у великих мастеров мысли те знания, которые позволили бы им подняться в Состояние, когда обычный разум был бы хорошо проинструктирован.

Моральная сила Афин падает.

Но следует также признать, что, хотя эпоха Перикла дала народу необычайный стимул в искусстве, литературе, политической науке и народных институтах, великие учителя того времени прививали эгоистичную мораль и стремились к эстетическому наслаждению независимо от высокого морального совершенствования, и неизбежным результатом стало быстрое вырождение Афин и даже упадок политического влияния и силы, как это было видно на примере превосходящей мощи Спарты в великом соперничестве, к которому два ведущих государства Греции были привлечены своей завистью и враждой. Процветание было иллюзорным и внешним, ибо никакой интеллектуальный триумф, никакая слава искусства, никакое очарование литературы не могут уравновесить моральные силы, которые порождаются самоотречением и высокой общественной добродетелью.

Аспазия.

Именно в то время, когда могущество и слава Перикла были на пике, у него возникла та незабываемая привязанность к Аспазии, милезианке, которая послужила плодотворным предметом для нападок поэтов-комиков. Она была самой блестящей и интеллектуальной женщиной того времени, и ее дом был пристанищем афинских литераторов, философов и художников вплоть до смерти Перикла. Он заключил с ней настолько тесный союз, насколько позволял закон, и ее влияние на формирование симпатии к интеллектуальному совершенству не подлежит сомнению. Но ее обвинили в потворстве порокам Перикла и развращении общества своим примером и влиянием.

Последние дни Перикла. Политика Перикла.

Последние годы правления Перикла были отмечены началом великой войны со Спартой, которая подорвала могущество Афин и запятнала их славу. Он также был потрясен смертью своих детей от чумы, опустошившей Афины в начале Пелопоннесской войны, на которую сейчас обращено внимание. О честности Перикла свидетельствует тот факт, что за время своего долгого правления он ничего не увеличил в своем родовом поместье. Его политика была амбициозной, и если бы ее можно было осуществить, это было бы мудро. Он стремился сначала развить ресурсы своей страны — истинная цель всех просвещенных государственных деятелей, — а затем сделать Афины центром греческой цивилизации и политической власти, по

сравнению с которыми все остальные страны были бы второстепенными и подчиненными. Но соперничество греческих государств и неугасимая зависть не позволили бы этого. Он действительно сделал Афины центром культурной жизни; он не мог сделать их центром национального единства. В этой попытке он потерпел неудачу, и следствием этого стала катастрофическая война.

Перикл прожил достаточно долго, чтобы увидеть начало борьбы, которая в конечном итоге привела к политическому краху Афин и которую мы сейчас представляем.

ГЛАВА XIX.

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА.

Причины войны.

Великая и разрушительная война между двумя ведущими государствами Греции разразилась примерно за два с половиной года до смерти Перикла, но причины войны можно проследить до периода вскоре после того, как персы были изгнаны из ионических городов. Она возникла прежде всего из-за быстрого роста и могущества Афин, когда, будучи лидером приморских государств, она вызывала зависть Спарты и других республик. Между Афинами и Спартой было заключено тридцатилетнее перемирие в 445 году до н.э. после революции в Беотии, когда господство Перикла было неоспоримым, что вынудило его соперника, Фукидида, родственника Кимона, отправиться во временное изгнание. Продолжительность перемирия идентична дням расцвета Афин и славы Перикла, во время которых в городе были произведены огромные улучшения, а искусство и литература расцвели до уровня, беспрецедентного в истории древнего мира.

Война между Коркирой и Коринфом. Обе стороны обратились к Афинам. Афины принимают решение в пользу Коркиры.

После завоевания Самоса ревность Спарты достигла такой степени, что стало очевидно, что перемирие больше не может поддерживаться, хотя обе державы воздержались от открытых боевых действий, предвидя бедствия, которые к этому приведут. Шторм разразился в неожиданном месте. Город Эпидамн был основан колонистами с Коркиры, на восточном берегу Адриатического моря. Однако он стал добычей внутренних группировок, и в результате внутренней революции часть жителей стала изгнанниками. Это привлекло соседних варваров, которые окружили город с моря и суши. Город, оказавшийся в бедственном положении, обратился за помощью к Коркире, материнскому государству, но, поскольку эта помощь была проигнорирована, город передал свою верность Коринфу. Коринфяне, питая ненависть к Коркире, взяли бедствующий город под свою защиту. Это привело к войне между Коркирой и Коринфом, в которой коринфяне потерпели поражение. Но Коринф, горя желанием отомстить за катастрофу, направил против Коркиры еще большие силы. Затем коркирцы, встревоженные,

отправили послов в Афины с просьбой прийти им на помощь. Коринфяне также отправили послов, чтобы сорвать их предложение. В Афинах были проведены две ассамблеи по этому вопросу. Делегаты Коркиры утверждали, что мир со Спартой не может сохраняться долго и что в предстоящем противостоянии коркиряне окажутся полезными союзниками. Посланники Коринфа, с другой стороны, утверждали, что Афины не могли оказать помощь Коркире, не нарушив договора с Коринфом. Афиняне решили помочь Коркире, и были посланы десять кораблей под командованием Лакедемонянина, сына Кимона. Коринфяне сочли это нарушением веры, и между Коринфом и Афинами разразилась война. Затем коринфяне пригласили лакедемонян присоединиться к ним и выступить за общее дело против агрессивного и могущественного врага, который стремился к господству в Греции. Несмотря на влияние афинских посланников в Спарте, которые пытались оправдать курс, выбранный их соотечественниками, отношение к Афинам было ожесточенным и повсеместно враждебным. Потребовались немедленные военные действия в защиту союзников Спарты, и было принято решение о войне.

Так началась Пелопоннесская война, которая привела к таким катастрофическим последствиям и которая, таким образом, была начата коринфянами в 433 году до н.э., за шестнадцать лет до заключения перемирия.

Интриги Спарты.

Для Афин предстоящая война была чем угодно, только не радостью. В ней не было надежд на выигрыш и уверенности в огромных потерях. Но спартанцы тогда не были готовы к борьбе, и военные действия начались не сразу. Сначала они удовлетворились отправкой послов в Афины, чтобы умножить требования и расширить почву для ссоры. Наступление явно велось со стороны Спарты. Первым требованием, которое предприняла Спарта, было изгнание Алкмеонидов из Афин, к которым принадлежал Перикл, — простой политический маневр, направленный на то, чтобы избавиться от столь властного государственного деятеля. Враги Перикла, особенно афинские комические актеры, воспользовались этим случаем, чтобы публично выступить против него, и именно тогда началось преследование Аспазии, а также Анаксагора, философа, учителя и друга Перикла. Его также обвинили в хищении в соучастии с Фидием. Но он был оправдан по различным обвинениям, выдвинутому его врагами. Без его услуг нельзя было обойтись и в условиях великого кризиса общественных отношений, даже если бы он был виновен, в чем было крайне сомнительно.

Перикл призывает афинян поддержать войну. Властные требования Спарты. Подготовка к войне. Богатство Афин.

Нежелание афинян начинать войну было очень велико, но Перикл настойчиво призывал своих соотечественников возмутиться возмутительными требованиями Спарты, которые были ни чем иным, как фактическим исчезновением афинской империи. Он показал, что спартанцы, хотя и были всемогущи на Пелопоннесе, не имели средств вести агрессивную войну на расстоянии, ни лидеров, ни денег, ни привычки договариваться с союзниками; в то время как Афины были владычицами моря и были неприступны в обороне; что в Аттике действительно произойдут великие бедствия, но даже если ее захватят спартанские армии, есть другие территории и острова, с которых можно получить поддержку. “Не скорбите о потере земли, - сказал оратор, - но поберегите свой траур для людей, которые приобретают землю”. Его красноречие и патриотизм возобладали над большинством собрания, и Спарте был дан ответ, что афиняне

готовы обсудить все основания для жалоб в соответствии с перемирием путем арбитража, но они ничего не уступят авторитетному командованию. На этом переговоры были прекращены, которые, как предвидел Перикл, окажутся тщетными и бесполезными, поскольку спартанцы упрямо стремились к войне. Первый решительный удар нанесли фиванцы — союзники Спарты. Ночью они напали на Платею. Ворота были открыты партией олигархов; партия фиванцев была допущена на агору; но народ сплотился, и партия была подавлена. Тем временем утром прибыл другой отряд фиванцев, и, узнав, что произошло, они опустошили территорию Платеев за стенами. Платейцы отомстили, перерезав своих пленников. Гонцы покинули город при въезде фиванцев, чтобы донести новость до Афин, и афиняне отдали приказ схватить всех беотийцев, которых можно было найти в Аттике, и послали подкрепление на Платею. Эта агрессия фиванцев заставила замолчать противников Перикла, которые теперь увидели, что война действительно началась и что следует активно готовиться. Афины немедленно разослали гонцов своим союзникам, как данникам, так и свободным, и пожертвования потекли со всех концов афинской империи. Вскоре у Афин было триста трирем, годных к эксплуатации, тысяча двести всадников, тысяча шестьсот лучников и двадцать девять тысяч гоплитов. Акрополь был наполнен сокровищами, которые копились долгое время, не менее чем шестью тысячами талантов — около 7 000 000 долларов наших денег - огромной суммой в то время, когда золото и серебро стоили в двадцать или тридцать раз дороже, чем в настоящее время. Более того, различные храмы были богаты пожертвованиями по обету, вкладами, посудой и священными сосудами, в то время как великая статуя богини, недавно установленная Фидием в Парфеноне из золота и слоновой кости, сама по себе оценивалась в четыреста талантов. Взносы союзников увеличили ресурсы Афин до тысячи талантов, или более 11 000 000 долларов.

Огромное количество сил направлено против Афин.

У Спарты, с другой стороны, было мало кораблей, не было средств и не было возможности объединять силы, и казалось, что успех будет на стороне Афин с их непревзойденным морским мастерством и единодушием граждан. Перикл обещал не успешные сражения на суше, а успешное сопротивление и сохранение империи. Его политика была чисто оборонительной. Но если Спарта была слаба в деньгах и кораблях, то она была богата союзниками. Были привлечены все силы Пелопоннеса, которым помогали мегарцы, беотийцы, фокейцы, локрийцы и другие государства. Коринф, Мегара, Сикион, Элида и другие приморские города поставляли корабли, в то время как беотийцы, фокейцы и локрийцы поставляли кавалерию. Даже для сопротивления персидским войскам не были собраны такие большие сухопутные силы, какие были собраны сейчас для уничтожения превосходства Афин. И эта великая сила была окрылена дикими надеждами, в то время как афиняне были не лишены мрачных предчувствий, ибо было мало надежды оказать сопротивление спартанцам и их союзникам на поле боя. Более того, спартанцы решили с помощью своих союзников послать флот, способный справиться с флотом Афин, и даже были настолько охвачены враждой и ревностью, что строили планы обращения за помощью к Персии.

Вторжение в Аттику. Оборонительная политика Перикла.

Вторжение в Аттику было главной целью Спарты и ее союзников; и в назначенное время лакедемонянские войска были собраны на Коринфском перешейке под командованием Архидама. В Афины были отправлены послы с требованием капитуляции, но Перикл не принял их и не позволил им войти в город, из-за которого лакедемонянская армия начала свой марш в

Аттику. Потребовалось все красноречие и такт Перикла, чтобы убедить владельцев Аттики смириться с опустошением их возделанной территории и бежать со своими семьями и движимым имуществом в Афины или на соседние острова, не предпринимая попыток оказать сопротивление захватчикам. Но такова была политика Перикла. Он знал, что не сможет противостоять превосходящим силам на земле. Людям было трудно смириться с жестокой необходимостью видеть, как их фермы разоряются без сопротивления. Но они принесли жертву и укрепились за укреплениями Афин. Тогда была видна мудрость длинных стен, которые соединяли Афины с Пиреем.

Отступление лакедемонян.

Тем временем спартанские войска — шестьдесят тысяч гоплитов - продвигались через Аттику, сжигая и грабя все на своем пути, и достигли Ахарны, расположенной в семи милях от Афин. Афиняне, запертые за своими стенами и видевшие уничтожение своего имущества, горели желанием выступить и сразиться, но Перикл отговорил их. Затем для него настал час испытаний. Его обвиняли как причину существующих страданий и поносили как труса. Но ничто не нарушало его хладнокровия, и он отказался даже созвать собрание. Как один из десяти генералов, он обладал этой властью; но было замечательно, что народ настолько уважал демократическую конституцию, что подчинился, когда их собрание было бы оправдано остротой кризиса. Но пока афиняне бездействовали за своими стенами, кавалерия была отправлена в стычки, а большой флот был отправлен на Пелопоннес с приказом опустошить страну в отместку. Спартанцы, проведя тридцать или сорок дней в Аттике, отступили из-за нехватки провизии. Эгина также подверглась вторжению, жители были изгнаны и отправлены на Пелопоннес. Вскоре после этого Мегара была захвачена армией под командованием самого Перикла, и ее территория была опустошена — вполне заслуженное возмездие, поскольку и Мегара, и Эгина усердствовали в разжигании войны.

Афины откладывают 1000 талантов на непредвиденные расходы в будущем.

Ожидая длительной борьбы, афиняне приняли меры к тому, чтобы обеспечить постоянную оборону Аттики как на море, так и на суше, и выделили тысячу талантов из сокровищ Акрополя, которые не должны были использоваться, за исключением определенных опасностей, предписанных ранее, и был принят закон, согласно которому предложение гражданина использовать их для каких-либо других целей каралось смертной казнью.

Итоги первого года войны.

Первый год войны завершился без решающих успехов ни с одной из сторон. Афиняне оказали более мощное сопротивление, чем ожидалось. Предполагалось, что они не смогут продержаться против превосходящих сил своих врагов больше года. Им не повезло увидеть, как их территория была опустошена, а сокровища потрачены на войну, которой они с радостью избежали бы. Но, с другой стороны, они нанесли почти такой же ущерб Пелопоннесу и все еще оставались хозяевами моря. Перикл произнес надгробную речь по павшим, побудил своих соотечественников к продолжению сопротивления и возбудил их патриотические чувства. До сих пор ожидания государственного деятеля и оратора более чем оправдывались.

Спартанцы снова вторгаются в Аттику.

Второй год войны начался с очередного вторжения спартанцев и их союзников в Аттику. Они нанесли еще больший ущерб, чем в предыдущем году, но обнаружили, что территория опустела, все население ушло под защиту Афин.

Чума в Афинах.

Но теперь на афинян обрушилось новое и непредвиденное бедствие, от которого они не могли защититься. В городе разразилась великая эпидемия, которая уже охватила Западную Азию. Его развитие было быстрым и разрушительным, и перенаселенный город был слишком благоприятен для его разрушений. Фукидид оставил красочный и скорбный рассказ об этом бедствии, аналогичном чуме нового времени. Жертвы обычно умирали на седьмой или девятый день, и никакое лечение не было эффективным. Страдания людей были очень сильными, и многие считали, что это бедствие вызвано гневом богов. Эпидемия деморализовала население, которое потеряло мужество и стойкость. Больные были предоставлены самим себе. Царило крайнее беззаконие. Узы закона и морали были ослаблены, и безрассудные люди предались всевозможным глупостям и излишества, стремясь в своем отчаянии воспользоваться несколькими краткими мгновениями радости, прежде чем на них опустится рука судьбы. В течение трех лет это бедствие опустошало Афины, и число человеческих жертв было прискорбным, как в армии, так и среди рядовых граждан. Перикл потерял и своих детей, и сестру; погибло четыре тысячи четыреста гоплитов и большая часть всадников.

Морская экспедиция против Спарты. Смерть Перикла.

И все же, несмотря на опустошения, причиненные эпидемией, Перикл возглавил еще одну экспедицию к берегам Пелопоннеса. Но солдаты принесли с собой инфекцию, и большая часть из них умерла от болезни во время осады Потидеи. Афиняне были почти сбиты с толку двойным опустошением - эпидемией и войной, они разгневались на Перикла и послали гонцов в Спарту для переговоров о мире. Но спартанцы остались глухи к этому, что усилило горечь по отношению к их героическому лидеру, чья сила духа и непоколебимость никогда так эффективно не проявлялись. Его обвинили, приговорили к уплате штрафа и лишили права переизбираться. Хотя к нему вернулись власть и уверенность, недуг тяжело сказался на его возвышенной натуре, и он умер в 430 году до н. э. в начале войны. У него действительно было много врагов, и за ним охотились авторы комиксов, чьим ремеслом было высмеивать всех политических деятелей, однако его мудрость, патриотизм, красноречие и великие заслуги неоспоримы, и он умер, оставив в целом величайшее имя, которое когда-либо облагораживало афинян.

Спарта обращается за помощью к персам.

Война, конечно, затянулась из-за распространения эпидемии, и большой ущерб афинской торговле был нанесен пелопоннесскими каперами, которые казнили всех своих пленников. Именно тогда Спарта отправила послов в Персию с просьбой о деньгах и войсках против Афин, что показывает, что нет войны более ожесточенной, чем гражданская смута, и что нет слишком позорных средств, чтобы их не использовать для удовлетворения злых страстей. Но послы были схвачены во Фракии союзниками Афин, переданы афинянам и ими же преданы смерти.

Итоги второго года войны.

В январе 429 года до н.э. Потидея сдалась афинским военачальникам на выгодных условиях, претерпев все муки голода. Падение этого города стоило Афинам двух тысяч талантов. Лакедемоняне за два года ничего не добились. Они даже не освободили Потидею.

Осада Платеи.

На третий год лакедемоняне, вместо того чтобы разорять Аттику, двинулись на приступ Платеи. Жители решили противостоять всем силам врагов. Архидем, лакедемонянский полководец, начал осаду, которую защищали только четыреста местных жителей и восемьдесят афинян. Греки были настолько неумелы в нападении на укрепленные города, что осаждающие не добились никакого прогресса и были вынуждены прибегнуть к блокаде. Вокруг города была построена обходная стена, которая теперь была отдана на откуп голодающим.

Морское поражение спартанцев.

В то же время, когда была снята осада, афинское вооружение было отправлено во Фракию, которая потерпела поражение; но в западной части Греции афинское вооружение действовало более успешно. Спартанцы и их союзники потерпели поражение при Страте, а их флот был разбит Формио, афинским адмиралом. Ничто не могло сравниться с яростью лакедемонян из-за этих двух катастроф. Они собрали еще больший флот и снова потерпели поражение с тяжелыми потерями близ Наупактуса от более слабых сил. Но побежденные лакедемоняне, по убеждению мегарцев, предприняли смелое предприятие - напасть врасплох на Пираев в отсутствие афинского флота; но в критический час мужество нападавших изменило, и афинский порт был спасен. Тогда афиняне из предосторожности натянули цепь поперек входа в гавань, чтобы уберечься от подобных неожиданностей в будущем.

Результаты третьей кампании.

Летом Афины заключили союз с одрисийцами, варварским, но могущественным народом во Фракии. Их царь Ситалк с армией в пятнадцать тысяч человек напал на Пердикку, царя Македонии, и захватил его страну, и отступил только из-за суровости времени года и отсутствия сотрудничества с Афинами. Таковы были главные предприятия и события третьей кампании, и Афины по-прежнему оставались могущественными и непокоренными.

Возобновленное вторжение в Афины. Восстание и порабощение Митилены.

Четвертый год войны ознаменовался возобновлением вторжения в Аттику, без каких-либо иных результатов, кроме тех, что были ранее. Но более серьезным бедствием для афинян стало известие о восстании Митилены и большей части Лесбоса — одного из самых могущественных союзников афин. Афинам ничего не оставалось, как подчинить себе город. Для этой цели были направлены большие силы, но жители Митилены обратились за помощью к спартанцам и приготовились к энергичному сопротивлению. Но сокровища Афин к этому времени были почти израсходованы, и афинянам пришлось прибегнуть к контрибуциям, чтобы усилить осаду, что они и сделали энергично. Лакедемоняне обещали помощь, а митиленяне держались до тех пор, пока их провизия не иссякла, после чего они сдались афинянам. Лакедемоняне двинулись на помощь своим союзникам, но было слишком поздно. Афинский адмирал преследовал их, и они вернулись на Пелопоннес, так ничего и не предприняв. Афинский военачальник Паш отправил домой тысячу митиленских пленных, в то время как было приказано истребить все оставшееся население — около шести тысяч — способное носить оружие, а женщин и детей превратить в

рабов. Эта суровая мера была подсказана Клеоном. Но афиняне раскаялись, и второе постановление собрания, благодаря влиянию Диодота, предотвратило варварскую месть; но афиняне предали смерти пленных, присланных Пачем, сравняли с землей укрепления Митилены, завладели всеми ее военными кораблями и конфисковали всю землю острова, за исключением той, которая принадлежала одному городу, который был верен им. Столь жестокими были древние войны даже среди самых цивилизованных греков.

Сдача Платеи.

Сдача Платеи лакедемонянам произошла вскоре после этого; но только после того, как половина гарнизона совершила вылазку из города, взобралась на стену обхода и благополучно бежала в Афины. Платейцы были приговорены к смерти спартанскими судьями и варварски умерщвлены. Захваченные женщины были проданы в рабство, а город и территория переданы фиванцам.

Жестокость афинян при Коркире.

Не менее кровавые сцены происходили в западной части Греции, на острове Коркира, перед которым произошло морское сражение между лакедемонянами и афинянами. Островом управляли олигархии, находившиеся под защитой Спарты, но уход лакедемонянского флота позволил афинскому полководцу отомстить партии, которая удерживала господство, которая была уничтожена самым жестоким образом, что произвело глубокую сенсацию и дало Фукидиду тему для самых глубоких размышлений о резкости и свирепости политических партий, которые, по-видимому, тогда разделили Грецию и были одной из волнующих причин самой войны — борьбы между сторонниками демократических и аристократических институтов.

Никий. Он продолжает политику Перикла. Ему противостоят Алкивиад и Клеон.

Теперь на афинской сцене появляется новый персонаж — Никий, один из десяти полководцев, который по рангу и богатству был равен Периклу. Он принадлежал к олигархической партии и сменил Кимона и Фукидида в управлении ею. Но он был умерен в своем поведении и настолько завоевал уважение своих соотечественников, что сохранил власть до самой своей смерти, хотя и выступал против партии, которая имела власть. Он был неподкупен в том, что касалось денежной выгоды, и придерживался консервативных взглядов Перикла, избегая новых приобретений на расстоянии или создавая новых врагов. Он окружал себя, но не философами, как Перикл, а религиозными деятелями, избегал любых скандалов и использовал свое большое состояние для завоевания популярности. Перикл пренебрегал завоеванием народа такими средствами, культивировал искусство и покровительствовал остроумцам, окружавшим Аспазию. Никий был ревностен в поклонении богам, старался не наживать врагов и умиротворял бедных подарками. И все же он приумножил свое личное состояние, насколько мог, честными средствами и сочетал бережливость и проницательность с честностью и благочестием. Он не был гениальным командиром, но его характер был безупречен, и авторы комиксов никогда не подвергали его нападкам. Он был великим противником Алкивиада, оракула демократии — одного из тех достопамятных демагогов, которые использовали народ для продвижения своих амбициозных проектов. Он также был противником Клеона, в обязанности которого входил надзор за поведением чиновников в обществе, — человека большого красноречия, но склонного придирается и обличать.

Пятый год войны.

Пятый год войны не ознаменовался обычным вторжением в Аттику, что дало афинянам время отправить экспедицию под командованием Никия против острова Мелос, населенного древними колонистами из Спарты. Демосфен, другой полководец, был послан в обход Пелопоннеса, чтобы напасть на Акарнанию, и он опустошил всю территорию Левея. Он также атаковал Этолию, но был полностью разбит и вынужден был отступить с потерями; но это поражение было уравновешено великой победой в следующем году над врагом при Олпах, когда был убит лакедемонянский военачальник. Он с триумфом вернулся в Афины со значительной добычей. Теперь внимание афинян было приковано к Делосу, острову, посвященному Аполлону, и остров был полностью очищен, а старые делосские празднества возобновились с особой пышностью.

Шестой год войны. Нерешительный характер конфликта. Крупное поражение лакедемонян при Пилусе. Спарта стремится к миру. Миру помешал Клеон.

Война длилась уже шесть лет, без каких-либо грандиозных или решающих результатов ни с одной из сторон. Экспедиции обеих сторон носили характер набегов — разрушительных, жестоких, раздражающих, но не приносящих никаких грандиозных побед. Хотя седьмой год был отмечен обычным предприятием со стороны лакедемонян — вторжением в Аттику, — Коркира обещала стать главной ареной военных действий. Туда были отправлены как афинский, так и спартанский флоты. Но непредвиденный инцидент придавал войне новый характер. Во время путешествия на Коркиру афинский полководец Демосфен остановился в Пилусе с намерением возвести форт на необитаемом мысе, поскольку он защищал просторную котловину, ныне известную как Наваринский залив, и сам по себе был легко защищаем. Эвримедонт, адмирал, настаивал на том, чтобы отправиться прямо в Коркиру, но шторм загнал флот в ту самую гавань, которую Демосфен предполагал защищать. Соответственно, Демосфен укрепил это место, где он сам остался с гарнизоном, в то время как флот направился к Коркире. Известие об этом оскорблении Спарты — попытке установить вражеский форт на ее территории — побудило лакедемонян послать свой флот в Пилус вместо Коркиры. Сорок три триеры под командованием Фрасимелида и мощные сухопутные силы двинулись в атаку на Демосфена, укрепившегося со своей маленькой армией на скалистом мысу. Когда весть об этой новой диверсии достигла афинского флота у Коркиры, он вернулся в Пилус, чтобы прийти на помощь Демосфену. Здесь произошло морское сражение, в котором лакедемоняне потерпели поражение. Это поражение поставило под угрозу положение спартанской армии, оккупировавшей остров Шактерия, отрезанный от поставок с основной суши, а также существование флота. Эта необходимость была настолько велика, что эфоры прибыли из Спарты, чтобы посоветоваться по поводу операций. Они пришли в уныние и послали глашатая к афинским военачальникам с предложением перемирия, чтобы дать время послам отправиться в Афины и договориться о мире. Но теперь Афины потребовали своих собственных условий, окрыленные успехом. Клеон, орган народного разума, возбужденный и оптимистичный, выразил чувства народа и настоял на восстановлении всей территории, которую он потерял во время войны. Лакедемонянские послы, неспособные противостоять такому пылкому оратору, как Клеон, который требовал качеств, которыми они не обладали, и которые можно было приобрести только благодаря умению управлять народными собраниями, к которым они не привыкли, вернулись в Пилус. И целью Клеона было помешать слушанию послов избранным комитетом (чего они желали) из опасения, что Никий и другие консервативные политики согласятся с их предложениями. Таким

образом, лучшая возможность, которая могла представиться для заключения почетного мира и воссоединения Греции, была упущена из-за искусства демагога, который разжигал народные страсти и разделял их. Если бы Перикл был жив, договор, вероятно, был бы заключен, но Никий не обладал достаточным влиянием, чтобы обеспечить его соблюдение.

Возобновление военных действий. Сдача Сфактерии. Триумф афинян. Которые отвергают все попытки к миру.

Таким образом, война возобновилась с новым раздражением. Афинский флот блокировал остров, где были размещены спартанские гоплиты, и столкнулся при попытке, которая казалась им такой легкой, с неожиданными препятствиями. Провизия тайно постоянно доставлялась осажденным. Неделя за неделей проходили без ожидаемой капитуляции. Демосфен, сбитый с толку нехваткой провизии и воды для своего собственного флота, срочно послал в Афины за подкреплением, что вызвало бесконечное унижение. Теперь люди начали сожалеть о том, что прислушались к Клеону, а не к голосу мудрости. Самого Клеона послали с требуемыми подкреплениями против его воли, хотя он и не был одним из десяти генералов. На острове Сфактерия теперь находились самые храбрые лакедемоняне из первых семей Спарты — добыча, которой Клеон и Демосфен жаждали завладеть. Они атаковали остров силами, вдвое превосходящими силы защитников, - всего десять тысяч человек, восемьсот из которых были гоплитами. Осажденные не смогли противостоять этим превосходящим силам и отступили к своему последнему редуту, но были окружены и взяты в плен. Эта капитуляция вызвала изумление по всей Греции, поскольку предполагалось, что спартанские гоплиты скорее умрут, как они сделали при Фермопилах, чем позволят взять себя живыми, и это бедствие значительно уменьшило блеск спартанского оружия. Современная армия, окруженная превосходящими силами, против которых любое сопротивление было безумием, поступила бы так же, как спартанцы. Но для них это был печальный удар. Клеон через двадцать дней после своего отъезда прибыл в Афины со своими тремя сотнями лакедемонянских пленников под всеобщие крики радости, ибо это был самый триумфальный успех, которого афиняне когда-либо добивались. Война разгорелась с новой силой, и лакедемоняне снова попытались заключить мир, но безрезультатно. Разгоряченные победители не хотели слышать ни о каких условиях, кроме тех, которые были позорны для спартанцев. Теперь шансы были наиболее благоприятны для Афин. Никий вторгся на территорию Коринфа с восьмьюдесятью триерами, двумя тысячами гоплитов и двумя сотнями всадников, не говоря уже о большом количестве их сторонников, и учинил те же опустошения, что спартанцы и их союзники учинили в Аттике.

Среди прочих событий, афиняне в этом году захватили персидского посла Артаферна, направлявшегося в Спарту. Его доставили в Афины, и его депеши были переведены и обнародованы. Его отправили обратно в Эфес с афинскими посланниками к великому царю, чтобы противодействовать влиянию спартанцев, но Артаеркс умер, когда они достигли Сузов.

Положение Афин на восьмой год войны.

Захват Сфактерии и капитуляция всего лакедемонянского флота не только поставили Афины в начале восьмого года войны в более командное положение, чем они имели ранее, но и побудили их к возобновлению операций более масштабных, не только против Спарты, но и для восстановления господства в Беотии, которое удерживалось до тридцатилетнего перемирия. Лакедемоняне совместно с восставшими союзниками Афин-халкидами во Фракии и Пердиккой, царем Македонии, также тщательно готовились к более решительным мерам. Война длилась

семь лет, и не было достигнуто ничего такого, что серьезно ослабило бы одну из противоборствующих сторон.

Отчаяние лакедемонян и резня илотов.

Первое движение было предпринято афинянами на побережье Лаконии. Остров Китера был захвачен экспедицией во главе с Никием, состоявшей из шестидесяти трирем и двух тысяч гоплитов, а также других войск, и побережье было опустошено. Затем Тирея, эгинетское поселение между Лаконией и Арголид, попало в руки афинян, и все эгинетцы были либо убиты при штурме, либо преданы смерти как пленники. Эти последовательные бедствия встревожили лакедемонян, и теперь они начали опасаться повторных нападений на их собственную территорию со стороны недовольного населения илотов. Этот страх побудил к акту жестокости и предательства, не имевшему аналогов в истории войны. Две тысячи храбрейших илотов были пойманы в ловушку, как будто им были оказаны особые почести, и варварски убиты. Никто, кроме пяти эфоров, не знал кровавых подробностей. Не было даже публичного рассмотрения этой дикой бесчеловечности, которая показывает, что Спартой, как и Венецией в средние века, управляла небольшая, но чрезвычайно могущественная олигархия.

После того, как эта жестокость была доведена до конца, от Пердикки и фракийских халкидян прибыли послы с просьбой о помощи против Афин. Это было с радостью исполнено, и Брасид, по просьбе Пердикки и халкидян, был послан с большим отрядом пелопоннесских гоплитов.

Атака Мегары.

Тем временем афиняне строили планы нападения на Мегару, жители которой спровоцировали войну и больше всего пострадали от нее. Под командованием Гиппократа и Демосфена были посланы войска, чтобы захватить врасплох это место, а также Нисею. Длинные стены Мегары, похожие на стены Афин, были захвачены врасплох, и афиняне оказались у ворот города, который чуть было не попал к ним в руки из-за предательства. Сбитые с толку на мгновение, афиняне атаковали Клисею, которая находилась за ним, и добились успеха.

Брасидас сменяет его.

Но Брасидас, лакедемонянский военачальник, узнав, что длинные стены перешли в руки афинян, собрал большое войско из шести тысяч гоплитов и шестисот всадников и освободил Мегару, и афинянам пришлось отступить. В конце концов мегарцы вернули себе длинные стены и установили олигархическое правительство.

Оккупация Делия афинянами.

Афиняне, разочарованные овладением Мегарой, которое потерпело неудачу из-за одной из тех случайностей, которые когда-либо случались на войне, организовали большие силы для нападения на Беотию с трех сторон под командованием Гиппократа и Демосфена. Впервые атака была предпринята Демосфеном в Сифае, на берегу Коринфского залива, но потерпела неудачу. Несмотря на эту неудачу на море, Гиппократ двинулся с сухопутным войском к Делию с семью тысячами гоплитов и двадцатью пятью тысячами других солдат и занял это место, которое представляло собой храм, посвященный Аполлону, и сильно укрепил его. Когда фортификационные работы были завершены, армия приготовилась вернуться в Афины.

Битва при Делиуме.

Силы со всех концов Беотии сплотились и встретились с афинянами. Среди войск беотийцев был знаменитый фиванский отряд из трехсот отборных воинов, привыкших сражаться парами, каждый мужчина был связан со своим товарищем особыми узами дружбы. При Делиуме произошла великая битва той войны, в которой афиняне были разбиты, а полководец Гиппократ с тысячей гоплитов был убит. Победители отказали афинянам в священном праве хоронить своих убитых, если только они полностью не уйдут из Делиума — укрепленного ими поста на территории Беотии. Этому афиняне отказались подчиниться, следствием чего стала осада и взятие Делия.

Среди гоплитов, участвовавших в этой неудачной битве, которая сильно обескуражила афинское дело, был философ Сократ. Знаменитый Алкивиад также служил в кавалерии и после храброго сражения помогал защищать Сократа при отступлении.

Бедствия афинян во Фракии. Успехи Брасидаса.

Бедствия афинян во Фракии были еще более значительными. Брасидас с большим войском, включавшим тысячу семьсот гоплитов, быстро прошел через Фракию и Фессалию, благополучно прибыл в Македонию и напал на Аканф, союзника Афин. Она попала в его руки, так же как и Стагейрус, и таким образом он получил возможность строить планы по приобретению Амфиполя, который был основан афинскими колонистами. Вскоре он стал хозяином окружающей территории. Затем он предложил жителям города выгодные условия капитуляции, которые были приняты, и город сдался — самое важное из всех иностранных владений Афин. Также был открыт мост через Стримон, по которому можно было добраться по суше до всех восточных союзников Афины. Этот великий переворот посеял смятение в сердцах афинян, более сильное, чем когда-либо прежде. Кровавая победа при Делиуме и завоевания Брасидаса более чем уравнивали захват Сфактерии. Спарта под победоносным знаменем Брасида, полководца великой честности, добросовестности и умеренности, теперь провозгласила себя освободительницей Греции. Афины, обескураженные и сбитые с толку, потеряли весь завоеванный престиж.

Потеря Амфиполя.

Но Амфиполь был потерян из-за небрежности афинских военачальников. Историк Энклес и Фукидид, которым была доверена защита этого места, располагали достаточными средствами, чтобы предотвратить захват, если бы они применили обычные меры предосторожности. Возмущенные афиняне изгнали Фукидида на двадцать лет и, вероятно, Эвкла тоже — справедливый приговор, поскольку они не обеспечили должной охраны моста через Стримон и не удержали афинскую эскадру в Эйоне. Изгнание Фукидида дало ему время написать историю, на которой зиждется его великая слава, — самое искусное и философское из всех исторических произведений древности.

Перемирие сроком на один год.

Брасид после падения Амфиполя успешно расширил свои военные действия. Он взял Торон, Лецит и другие места, а затем перешел на зимние квартиры. Кампания оказалась

катастрофической для афинян, и воюющие стороны — Афины с одной стороны, и Спарта, Коринф, Сикион, Эпидавр и Мегара - с другой - договорились о перемирии сроком на один год.

Его условия.

Условия этого перемирия предусматривали, что Дельфы могут посещать все греки без различия; что все посягательства на собственность дельфийского бога должны быть незамедлительно наказаны; что афинские гарнизоны в Пилусе, Кифере, Нисее и Метане должны оставаться неприкосновенными; что лакедемоняне должны иметь право свободно использовать море в торговых целях; и что ни одна из сторон не должна принимать дезертиров от другой, что важно для обеих сторон, поскольку Афины опасались восстания подвластных союзников, а Спарта — дезертирства илотов.

Но прошло два дня после заключения договора, прежде чем Скиона во Фракии восстала против Брасида — большая причина раздражения афинян, хотя восстание произошло до того, как о договоре стало известно. Мендес, соседний город, тоже поднял восстание. Брасидас отправил жителям гарнизон для самозащиты и отправился со своими войсками в поход вглубь Македонии, но вскоре был вынужден отступить перед иллирийцами.

И Клеон, и Брасидас были против перемирия.

Однако афинские войска под командованием Никия и Никострата двинулись во Фракию, чтобы вернуть восставшие города. Повсюду соблюдалось перемирие. Это должно было дать условия для более полных переговоров. Такова была политика Никия. Но Клеон и его партия "демократия" были против мира и хотели энергично вести войну во Фракии. Брасидас, со своей стороны, в равной степени выступал за продолжение военных действий. И это был главный вопрос дня в Греции.

Смерть Клеона и Брасида.

Военная партия одержала победу, и Клеон, отнюдь не способный полководец, был отправлен с экспедицией для восстановления Амфиполя в 422 году до н. э.. Ему удалось взять Торон, но Амфиполь, построенный на холме на полуострове, образованном рекой Стримон, протекающей от Стримонского залива к озеру Керкернилис, был сильно укрепленным местом, в котором укрепился Брасидас. Он был вынужден бездействовать в Эйоне, в устье реки, в трех милях от Амфиполя, что вызвало большое недовольство в его армии, но это было более мудрым решением, пока не прибыли его вспомогательные силы. Но ропот гоплитов вынудил его к каким-то действиям, и пока он производил разведку, на него напал Брасидас. Клеон был убит, а его армия полностью разбита. Брасидас, самый способный полководец того времени, однако, также был смертельно ранен и унесен с поля боя. Это неудачное сражение вынудило афинян вернуться домой, испытывая глубокое отвращение к своим генералам. Но они взялись за это предприятие неохотно и без веры в своего лидера, и это было одной из причин их поражения. Смерть Брасида, однако, превратила поражение в существенную победу, поскольку не осталось ни одного спартанца, обладавшего достаточными способностями, чтобы заручиться

доверием союзников. Брасидас, когда он умер, был первым человеком в Греции, и все восхищались его доблестью, умом, честностью и великодушием.

Последствия битвы при Амфиполе. Никиевский мир.

Битва при Амфиполе была решающей; она привела к миру между противоборствующими сторонами. Он называется Никиасским миром, заключенным в марте 421 года до н.э.. Согласно положениям этого мирного договора, который был заключен на пятьдесят лет, Амфиполь был возвращен афинянам, все лица имели полную свободу посещать общественные храмы Греции, афиняне вернули плененных спартанцев, а различные города, взятые во время войны, были возвращены обеим сторонам. Этот мир был заключен после десятилетней войны, когда ресурсы обеих сторон были исчерпаны. Это была война амбиций и ревности, без достаточных причин, и ее последствия были катастрофическими для общего благосостояния Греции. В некоторых отношениях это следует рассматривать не просто как войну между Спартой и Афинами за господство, но и как войну между сторонниками аристократических и демократических институтов в различных государствах.

Причины войны все еще продолжались.

Мир, заключенный Никием между Афинами и Спартой на пятьдесят лет, продлился недолго. Это было скорее перемирие, чем международный договор, поскольку ни одна из сторон не была свергнута, а просто искалечена, как Рим и Карфаген после первой Пунической войны. Те же причины, которые спровоцировали соперничество, все еще оставались — неугасимая ревность между государствами, почти равными по силе, и желание господства любой ценой. Но мы не замечаем ни в одной из сторон того упорства и самоотверженности, которыми отличались римляне при завоевании Италии. Римляне отказались от всего, что мешало их агрессивной политике: греческие государства отвлеклись от политического возвышения другими целями — удовольствиями, искусством, богатством.

Алкивиад.

Нужен был только властный демагог, популярный, блестящий и беспринципный, чтобы снова втянуть Грецию в войну, и таким человеком был Алкивиад, появившийся на сцене после смерти Клеона. И военные действия были легко разожжены, поскольку союзники с обеих сторон были против заключенного договора, а условия мира не были выполнены. Афины вернули плененных спартанцев, которых она удерживала после битвы при Сфактерии, но Амфиполь не был восстановлен из-за продолжающейся вражды фракийских городов. Обе стороны были полны интриг, и постоянно формировались новые комбинации. Аргос стал центром нового пелопоннесского союза. Смена эфоров в Спарте благоприятствовала враждебным мерам, и между беотийцами и лакедемонянами был заключен союз. Афиняне, со своей стороны, захватили Сциону и предали смерти пленников.

Характер Алкивиада.

Именно в этом нестабильном положении вещей, когда все соперничавшие государства были неискренними и колеблющимися, Алкивиад проявил себя как лидер партии. Ему был тридцать один год, он принадлежал к древней и могущественной семье, обладал огромным богатством, обладал поразительной внешностью и привлекательными манерами, но, прежде всего, был безгранично честолобив и крайне аморален — самый наглый, беспринципный, распущенный

и эгоистичный человек, который до сих пор шокировал и украшал афинское общество. Единственной искупительной чертой в его характере была дружба с Сократом, который, по-видимому, очаровывал его своими речами и стремился улучшить его нравственность. Он обладал теми блестящими качествами, и роскошными привычками, и показной расточительностью, которые так часто ослепляют поверхностных людей, особенно светских и богатых молодых людей, но еще больше, чем они, идолопоклоннический сброд. Его популярность и социальный престиж были настолько велики, что ни один пострадавший никогда не осмеливался привлечь его к суду, и он даже спас свою собственную жену из рук закона, когда она пыталась добиться развода, — доказательство того, что даже в демократических Афинах все преклонялось перед наглостью богатства и высокого социального положения.

Его интеллектуальное обучение у Сократа.

Алкивиад, несмотря на роскошь и расточительность, понимал, что ему необходима суровая интеллектуальная подготовка, если он хочет стать политиком, поскольку у политика, который не умеет произносить речи, мало шансов на народную благосклонность. Поэтому он обратился за наставлениями к Сократу, Продику, Протагору и другим — не из любви к знаниям, а как к средству достижения успеха, хотя можно предположить, что интеллектуальное возбуждение, вызванное беседой, перекрестным допросом и ироническими выходками Сократа, не обошлось без воздействия на столь светлый ум.

Его заброшенные привычки.

Алкивиад начал свою общественную жизнь с запятнанной репутацией и многочисленными врагами, созданными его невыносимой дерзостью, но с гибкостью характера, которая позволяла ему приспосабливаться к любым привычкам, которых требовали обстоятельства. Он не внушал доверия, и его экстравагантный образ жизни наверняка закончился бы крахом, если бы он не возместил ущерб из государственных средств; и все же он очаровывал людей, которые не доверяли ему и ненавидели. Великий комический поэт Аристофан сказал о нем афинянам: “Вам вообще не следует держать львенка в вашем городе, но если вы решите оставить его, вы должны смириться с его поведением”.

Его интриги.

Алкивиад, начиная свою политическую жизнь, отошел от семейных традиций, поскольку он был родственником Перикла и стал сторонником олигархической партии. Но вскоре он изменил свою политику, получив отпор от спартанцев, которые презирали его, и стал яростным демократом. Его первой запоминающейся попыткой было заключить Аргос, находившийся тогда в союзе со Спартой, в союз с Афинами, в чем он преуспел. Затем он обманул лакедемонянских послов, которые были отправлены протестовать против союза и выдвигать другие условия, и поставил их в ложное положение, и выставил их лживыми, и таким образом навлек на них гнев афинян. Поскольку Алкивиад ложными обещаниями и советами убедил этих посланников действовать не так, как они были посланы, Никий был отправлен в Спарту, чтобы уладить возникшие затруднения, но не достиг своей цели, и Афины заключили союз с Аргосом, Элид и Мантинеей, что только усугубило существующие трудности.

Его экстравагантность на Олимпийских играх.

Вскоре после заключения этого союза с необычным интересом были отпразднованы Олимпийские игры, от участия в которых афиняне были отстранены во время войны. Здесь появился Алкивиад с семьей колесницами, в каждой из которых было по четыре лошади, в то время как самые богатые греки до сих пор владели только одной, и получил два приза. Он отпраздновал свой успех великолепным пиром, более величественным и дорогим, чем те, что устраивают короли. Но в то время как афиняне, таким образом, появились на девяностой Олимпиаде, элейцы, контролировавшие фестиваль, исключили лакедемонян из-за предполагаемого нарушения олимпийского перемирия, но на самом деле из-за интриг Алкивиада.

Возобновление военных действий.

Последующее нападение Аргоса и Афин на Эпидавр доказало, что мир между Афинами и Спартой существовал только номинально. Он был явно нарушен нападением на Аргос лакедемонян, беотийцев и коринфян, а битва при Мантинее вновь положила начало войне. Это было решено в пользу лакедемонян, с большими потерями для афинян и их союзников, включая обоих их генералов, Лахеса и Никострата.

Последствия битвы при Мантинее.

Моральный эффект битвы при Мантинее в 418 году до н.э. был ошеломляющим по всей Греции и восстановил военный престиж Спарты. Он был потерян из-за ухода трех тысяч элейцев перед битвой, что иллюстрирует замечание Перикла о том, что многочисленных и равноправных союзников никогда нельзя удержать в гармоничном сотрудничестве. Одним из результатов битвы стало возобновление союза между Спартой и Аргосом и восстановление олигархического правительства в последнем городе. Мантинее подчинилась Спарте, и ахейские города были вынуждены согласиться на перестройку своих политических институтов в соответствии со взглядами Спарты. Народ Аргоса, однако, воспользовался первым представившимся случаем для восстановления своей власти при содействии афинских войск под командованием Алкивиада, и Аргос снова стал союзником Афин.

Осада Мелоса.

Следующей важной операцией войны была осада и завоевание афинянами Мелоса, дорийского острова, в 416 году до н.э.. Жители были убиты, а женщины и дети проданы в рабство, и на острове была основана афинская колония. Но эта резня, превосходившая даже обычную жестокость войны тех времен, вызвала всеобщее возмущение среди союзников Спарты.

Вторжение на Сицилию.

Но теперь афиняне предприняли экспедицию гораздо большей важности — самое гигантское усилие, которое они когда-либо предпринимали, но которое закончилось катастрофически и привело к разорению и подчинению их гордого и воинственного города как политической державы. Это было вторжение на Сицилию и осада Сиракуз.

Прежде чем мы представим вам эту неудачную экспедицию, необходимо вкратце рассказать о греческих колониях на Сицилии.

Греческие колонии на Сицилии. Сиракузы.

В восьмом веке до Рождества Христова Сицилия была населена двумя различными расами варваров — сикелами и сиканцами — помимо финикийских колоний, для целей торговли. Сиканы были иберийским племенем и были иммигрантами более раннего времени, чем сикели, которые вторглись в их страну. Самой ранней греческой колонией был (735 г. до н.э. г. до н.э.) Наксос, на восточном побережье острова, между Мессинским проливом и горой Этна, основанный Феоклом, халкидийским мореплавателем, которого штормами выбросило на побережье, и который построил форт на холме под названием Тавр, чтобы защититься от сикелов, владевших большей половиной острова. За ними последовали другие колонисты, в основном с Пелопоннеса. В год, следующий за основанием Наксоса, группа поселенцев из Коринфа высадилась на острове Ортигия, изгнала жителей Сикела и заложила основание Сиракуз. Сорок пять лет спустя в Геле, в юго-западной части острова, были основаны следующие поселения. Продолжали создаваться другие поселения, не только из Греции, но и из самих колоний; так что старые жители постепенно эллинизировались и слились с греческими колонистами, в то время как греки, в свою очередь, переняли многие привычки и обычаи сикелов и сикан. Различные расы жили в условиях дружбы, поскольку коренное население было недостаточно многочисленным, чтобы стать грозным для греческих колонистов.

Агриджент и Гела. Правление Гело. Его власть на Сицилии. Его преемник Гиерон. Величие Сиракуз.

За пятьсот лет до Рождества Христова самыми могущественными греческими городами на Сицилии были Агриджент и Гела, расположенные на южной стороне острова. Первый, в течение нескольких лет после своего основания, в 570 году до н.э., попал под власть одного из своих богатых граждан, Фаласариса, который оказался жестоким деспотом, но после шестнадцатилетнего правления он был убит во время восстания, и было установлено олигархическое правительство, подобное тому, которое тогда существовало в большинстве греческих городов. Таким образом, Сиракузами управляли потомки первых поселенцев. С другой стороны, Гелой правил деспот по имени Гело, самый могущественный человек на острове. Он овладел Сиракузами в 485 году до н.э. и перенес центр своей власти в этот город, приведя туда ведущих людей и сделав рабами остальных. При Гело Сиракузы стали первым городом на острове, которому подчинялись другие города. Когда греки объединились против Ксеркса, они послали просить его о помощи как имперского лидера Сицилии, и, согласно Геродоту, он мог командовать двадцатью тысячами гоплитов, двумястами триремami, двумя тысячами кавалерии, двумя тысячами лучников и двумя тысячами легковооруженной конницы. Так велика была тогда власть этого деспота, который теперь стремился изгнать карфагенян и объединить все эллинские колонии на Сицилии под своей властью. Но помощь оказана не была, вероятно, из-за карфагенского вторжения, одновременного с экспедицией персидского царя. Карфагеняне, согласно историку, прибыли в Панормус в 480 году до н.э. с флотом из трех тысяч кораблей и сухопутными войсками численностью в триста тысяч человек, не считая колесниц и лошадей, под командованием Гамилькара - наемной армией, состоящей из различных африканских народов. Гело выступил против него с пятьюдесятью тысячами пеших и пятью тысячами всадников и одержал полную победу, так что сто пятьдесят тысяч на стороне карфагенян были убиты вместе с их полководцем. Число сражавшихся, несомненно, преувеличено, но мы можем полагать, что силы были очень велики. Гело теперь господствовал на Сицилии, и одержанная им победа при Химере позволила ему распределить большое количество пленных в качестве рабов по всем греческим колониям. Похоже, что его очень

уважали, но он умер вскоре после своей победы, оставив малолетнего сына на попечение двух своих братьев, Полизела и Иеро, которые стали верховными правителями острова. Победа, одержанная Гиероном над тираном Агригента, дала ему то же превосходство, которым пользовался Гело. После его смерти, в 467 году до н.э., между его братом Фрасибулом и его племянником, сыном Гело, возник спор о престолонаследии; но Фрасибул ухитрился расправиться со своим племянником и правил единолично, жестоко и деспотически, пока не произошла революция, которая привела к его изгнанию и падению династии Гелонов. Теперь народные правительства были созданы во всех городах Сицилии, но они были отвлечены спорами и неразберихой. Сиракузы оказались изолированными от других городов, и правительство, полномочия которого были ограничены городом. Изгнание династии Гелонов предоставило греческим городам возможность реорганизовать свободные и конституционные правительства; но Сиракузы сохраняли гордое превосходство, и время от времени их власть усиливалась за счет завоеваний во внутренних районах страны старого населения. Агригент был следующим по могуществу и едва ли уступал ему в богатстве. Храм Зевса в этом городе был одним из самых великолепных в мире. Население было большим, и многие были богатыми людьми, которые держали колесницы и участвовали в Олимпийских играх. В этих сицилийских городах интеллектуальное совершенствование шло в ногу с материальным, и маленький городок Элея оказал поддержку двум величайшим философам-спекулянтам Греции — Пармениду и Зенону. Эмпедокл из Агригента был едва ли менее знаменит.

Дорийские города Сицилии воюют с Ионическими.

Таково было положение сицилийских городов в начале Пелопоннесской войны. Будучи в основном дорийского происхождения, они симпатизировали Спарте, и лакедемоняне возлагали большие надежды на помощь со стороны своих сицилийских союзников. Города Сицилии не могли наблюдать за соперничеством между Афинами и Спартой, не будучи втянутыми в ссору, и в результате дорийские города объявили войну ионическим городам, которые, конечно же, сочувствовали Афинам. Поскольку эти города были слабее Дорийского, они обратились за помощью к Афинам, и в 426 году до н.э. на Сицилию была отправлена экспедиция под командованием Лахеса. Последовала еще одна, под руководством Полидора, но без решающих результатов. В следующем году еще одна, более крупная экспедиция под командованием Эвримедонта и Софокла прибыла в Сицилию, в то время как Афины ликовали, получив в свое распоряжение спартанских пленников, а также Пилус и Киферу. Сицилийские города, теперь опасавшиеся, что внутренние распри поставят под угрозу их независимость и сделают их подвластными Афинам, самому амбициозному и могущественному государству Греции, заключили общий союз друг с другом. Эвримедонт согласился на заключение мира и вернулся в Афины, к большому неудовольствию партии войны, которая объединила большую часть народа, и он и его коллега были изгнаны.

Вмешательство Афин. Никий выступает против, но Алкивиад поддерживает его.

Но войны между сицилийскими городами снова привели к вмешательству Афин. Эгеста специально отправила послов за помощью в своей борьбе против Селина, которому помогали Сиракузы. Алкивиад горячо поддержал этих послов и воспламенил народ своими амбициозными проектами. Он, больше, чем кто-либо другой, был причиной великой сицилийской экспедиции, которая привела к гибели его страны. Ему противостоял Никий, который предсказал все печальные последствия столь далекого похода, когда так мало можно

было бы добиться и так много было бы поставлено под угрозу, и когда при первом же отступлении враги Афин сплотились бы против нее. Он особенно предостерегал своих соотечественников не только от экспедиции, но и от того, чтобы доверить командование ею беспринципному и эгоистичному человеку, который растратил свое собственное достоинство на гонки колесниц и другие экстравагантные поступки и расточительно относился к общественному имуществу — человеку без опыта, который стал лидером в столь великом предприятии. Алкивиад, в ответ, оправдал свою расточительность на Олимпийских играх, где он состязался на семи колесницах, как средство произвести впечатление на Спарту богатством и мощью Афин после десятилетней войны. Он разжигал честолюбие собрания, питал благовидные надежды на славное завоевание, которое укрепило бы могущество Афин и сделало бы их не просто выдающимися, но доминирующими в Греции. Собрание, жаждавшее войны и славы, встало на сторону молодого и великолепного демагога и пренебрег советами старого патриота, мудрости и опыта которого не было равных в городе.

Афинская экспедиция против Сиракуз.

Следовательно, экспедиция была снаряжена для нападения на Сиракузы — самая крупная и могущественная, которую Афины когда-либо посылали против врага; ибо все классы, обезумевшие от военной славы или искушаемые жадой наживы, с энтузиазмом включились в это предприятие. Никий, обнаружив, что не может предотвратить экспедицию, потребовал больше, чем, по его мнению, народ был готов предоставить. Он предложил гигантские силы. Но, предлагая эти силы, он надеялся, что таким образом сможет полностью обескуражить афинян самим величием вооружения, которое он считал необходимым. Но это предприятие было настолько популярным, что за предложенную им крупную силу проголосовали. Алкивиад льстил народу тем, что их город является владычицей моря, имеет право владычествовать над всеми островами и может легко одержать верх над любым морским врагом.

Уверенность афинян в себе.

Со времени заключения Никийского мира прошло уже три года, и Афины располагали достаточными средствами. Казна была полна, и в гавани скопились триеры. Уверенность афинян была такой же безграничной, как и у Ксеркса, когда он переправлялся через Геллеспонт, и поэтому подготовка велась с большим рвением.

Неблагоприятные предзнаменования.

Когда экспедиция была наконец готова, произошло событие, наполнившее город унынием и тревожными предчувствиями. Половинчатые статуи бога Гермеса были в большом количестве расставлены в Афинах на самых видных местах, у дверей частных домов и храмов, а также на агоре, так что люди привыкли считать, что бог обитает среди них для их защиты. За одну ночь, в конце мая, 415 года до н.э. до н.э., почти все эти статуи были изуродованы. Все головы, шеи и бюсты были уничтожены, оставив только их нижнюю часть — простые четырехугольные колонны, без рук, ног или туловища. Это святотатство повергло город во всеобщее смятение и было расценено как самое печальное предзнаменование, совершенное, несомненно, с целью погубить Алкивиада и сорвать экспедицию. Но все усилия найти виновных были тщетны.

Алкивиада обвинили в разглашении элевсинских мистерий.

И это было не единственное средство, принятое для того, чтобы сломить власть человека, которого более проникательные считали злым гением Афин. Алкивиад был публично обвинен в осквернении и разглашении элевсинских мистерий. Алкивиад отверг это обвинение, потребовав немедленного судебного разбирательства. Этого избежали его враги, которые предпочли, чтобы обвинение висело над его головой в случае провала задуманного им предприятия.

Отплытие афинского флота.

Итак, флот отплыл из Пирея со смешанным чувством тревоги и народного энтузиазма. Он состоял из ста трирем и большого отряда гоплитов. Он направился прямо к Корсире, где были собраны контингенты союзников, что почти удвоило его силы. Сиракузяне были хорошо осведомлены о его назначении и приложили большие усилия, чтобы встретить это огромное вооружение под командованием Никия, Алкивиада и Ламаха. Последний командующий рекомендовал немедленно атаковать Сиракузы, как неподготовленные и встревоженные.

Побег Алкивиада в Спарту.

Алкивиад хотел сначала начать переговоры с сикелами, жившими во внутренних районах, чтобы лишить их помощи из Сиракуз. Его плану последовали, но прежде чем он смог привести его в действие, его вызвали домой для судебного разбирательства. Опасаясь последствий выдвинутых против него обвинений, поскольку за время его отсутствия отношение народа к нему изменилось — страх и разум восторжествовали над силой его личного обаяния, — Алкивиад бежал на Пелопоннес.

Никий командует экспедицией. Мятеж и измена Алкивиада.

Главный дух экспедиции теперь исчез, и ее действия были вялыми и нерешительными, поскольку Никий не вкладывал в это душу. Возникшие задержки дали сиракузянам время подготовиться и больше уверенности в своих средствах обороны. Так что, когда войска афинян высадились в большой гавани, они обнаружили мощную армию, готовую оказать им сопротивление. Несмотря на победу, одержанную Никием близ Олимпейона, сиракузяне не были подавлены, и афинский флот был вынужден искать зимние квартиры в Катане, а также послать за дополнительным подкреплением. Никий неразумно медлил, но его непростительная апатия дала врагу время для расширения своих укреплений. Сиракузяне построили совершенно новую стену вокруг внутреннего и внешнего города, которая также тянулась по всему пространству от внешнего моря до большой гавани, так что афинянам во время предстоящей осады было бы трудно провести линии обхода вокруг города. Сиракузы также отправили послов в Коринф и Спарту за помощью, в то время как Алкивиад, преисполненный теперь сильной ненависти к Афинам, призвал лакедемонян направить войска в столицу Сицилии. Он признал, что замыслом Афин было сначала завоевать сицилийских греков, а затем итальянских греков; затем совершить покушение на Карфаген, а затем, если это увенчается успехом, объединить все силы покоренных государств и напасть на сам Пелопоннес и создать великую империю, столицей которой должны были стать Афины. Такое признание, несомненно, было целью честолюбивого Алкивиада, когда он впервые инициировал предприятие, которое в случае успеха сделало бы его самым могущественным человеком в Греции; но ему помешали враги дома, и поэтому он обратил всю свою энергию против своего родного государства. Его речь произвела сильное впечатление на лакедемонян, которые, движимые ненавистью и

завистью, теперь решили воспользоваться услугами предателя и послать вспомогательные войска в Сиракузы.

Положение Сиракуз. Бездействие Никия. Афинский флот окружен сиракузянами. Отступление афинян.

Тогда этот город состоял из двух частей — внутреннего и внешнего города. Внешний город был защищен с двух сторон морем и морской стеной. Со стороны суши длинная стена тянулась от моря до укрепленной возвышенности Ахрадина, так что город можно было взять только с помощью обходной стены, чтобы отрезать снабжение по суше; в то же время он был блокирован с моря. Но задержка при Никии позволила сиракузянам построить новую стену, охватывающую как внешний, так и внутренний город и простирающуюся от большого порта до возвышенности у залива Магнези, так что любая атака, кроме как с одной точки, была затруднена, если только стена обхода не была сделана намного больше, чем первоначально предполагалось. Среди невероятных трудностей афиняне построили свои укрепления, и при штурме со скалы Эпиполы, где они укрепились, их полководец Ламах был убит. Но афиняне получили преимущество, и осада успешно продолжалась. Именно тогда прибыли лакедемоняне под командованием Гилиппа, который не смог оказать помощь. Но Никий, презирая его, позволил ему высадиться в Химере, откуда он двинулся через Сицилию в Сиракузы. Коринфский флот под командованием Горгила прибыл как раз вовремя, чтобы предотвратить капитуляцию города, и Гилипп вошел в Сиракузы без сопротивления. Бездействие Никия, который мог бы предотвратить это, необъяснимо. Но прибытие Гилиппа изменило чашу весов, и он немедленно предпринял энергичные и агрессивные меры. Он застал врасплох афинский форт и начал возводить третью контрстену на северной стороне афинского круга. Афиняне, теперь запертые в своих рядах, были вынуждены принять бой, потерпели поражение и даже были вынуждены искать убежища в своих укрепленных рядах. Обескураженный этим, Никий послал в Афины за новым вооружением, и афиняне откликнулись на его призыв. Но Спарта также решила послать подкрепления и, кроме того, вторгнуться в Аттику. Сицилийские войска также выступили на помощь Сиракузам. Результатом всего этого сбора сил, в котором была задействована вся мощь Греции, стало полное поражение афинского флота в Большой Гавани, несмотря на мощный флот, отплывший из Афин под командованием Демосфена. Сиракузяне воспользовались своим преимуществом, блокировав гавань и окружив весь афинский флот. Тогда афиняне решили пробиться силой, что привело к еще одному общему сражению, в котором афиняне потерпели полное поражение. Никий еще раз попытался прорваться наружу с остатками своего разбитого флота, но вооружение было слишком обескураженным, чтобы подчиниться, и афиняне попытались отступить по суше. Но все дороги были перекрыты. Жалкая армия, тем не менее, начала свой безнадежный марш, полностью деморализованная и вынужденная бросить больных и раненых. Отступающая армия подвергалась преследованиям со всех сторон, продвинуться вперед было невозможно, и обескураженная армия ночью попыталась отступить другим маршрутом. Тыловая дивизия под командованием Демосфена была настигнута и вынуждена сдаться, а пленных в количестве около шести тысяч человек отвезли в Сиракузы. На следующий день первая дивизия под командованием Никиаса также была настигнута и взята в плен. Не менее сорока тысяч человек, выступивших из афинского лагеря шесть дней назад, были либо убиты, либо взяты в плен вместе с двумя командовавшими ими военачальниками. Пленников сначала подвергли самому жестокому и бесчеловечному обращению, а затем продали в рабство. И Никий, и Демосфен были казнены в 413 году до н. э. в г.

Неправильное управление Никиями.

Таково было катастрофическое завершение Сицилийской экспедиции. Наши ограничения не позволяют публиковать расширенное уведомление. Мы можем дать только общие сведения. Но никогда в истории Греции столь крупные силы не были брошены против иностранной державы, и никогда разорение не было более полным. Предприятие было начато по просьбе Алкивиада. Именно он навлек это бедствие на свою страну. Но было бы лучше доверить экспедицию его руководству. Никий был благородным и религиозным человеком, но не генералом. Он грубо не справлялся с управлением от начала до конца. Доверие афинян было неуместным, и он, проведя свою жизнь в насаждении консервативной политики, которая была более мудрой, все же стал невольным орудием неисчислимых и беспрецедентных бедствий. Его недостатком была чрезмерная самоуверенность. Лично он был храбр, религиозен, неподкупен, щедр, приветлив — во всех отношениях благороден и респектабелен, но у него не было военного гения.

Истощение Афин.

Лакедемоняне, по предложению Алкивиада, навсегда заняли Децелею — укрепленный пост в пятнадцати милях от Афин, и вместо того, чтобы потратить несколько недель на опустошение Аттики, теперь укрепились и отправлялись в походы, пока не уничтожили все ценное в окрестностях Афин. Великие бедствия, постигшие афинян, помешали им изгнать захватчиков, и сам город теперь находился в состоянии осажденного поста. Все накопления в ее казне были исчерпаны, и она была вынуждена уволить даже своих фракийских наемников. Они были отправлены обратно в свою страну при Дотрефе; но после того, как учинили большие зверства в Беотии, были отброшены фиванцами.

Афинский флот безнадежно разбит.

Афинский флот был теперь настолько поврежден, что больше не мог поддерживать господство на море. Коринфяне были грозными соперниками. Морское сражение при Навпакте, в устье Коринфского залива, между афинянами и коринфянами, хотя и было нерешительным, но действительно принесло пользу последним.

Последствия катастрофической экспедиции против Сиракуз. Афиняне были вынуждены использовать свой резервный фонд.

Афинянам поначалу не были известны все последствия ужасной катастрофы в Сиракузах, но постепенно общественное сознание охватило стойкое отчаяние. Господству Афин в Греции пришел конец, и сам город оказался под угрозой. Теперь жители проявили всю энергию, которую позволяла слабая надежда. Были отозваны отдаленные гарнизоны, сокращены все расходы, собрана древесина для новых кораблей, укреплен Капо Суниум. Но враги Афин также были побуждены к возобновлению усилий, а союзники-подданные были склонены к восстанию. Персия отправила послов в Спарту. Эвбеи и хианцы обратились к той же власти за помощью в сбросе ига Афин, ныне сломленных и беззащитных. Хотя пелопоннесский флот был разбит афинянами по пути на помощь восставшему Хиосу, все же новые опасности умножились. Печально известный Алкивиад переправился с эскадрой на Хиос, и афинянам пришлось воспользоваться своим запасным фондом в тысячу талантов, который Перикл отложил на крайний случай, чтобы снарядить флот под командованием Стромбихида. Алкивиад перешел к Милету и побудил этот город также к восстанию. Между Спартой и Персией был заключен позорный договор о продолжении войны против Афин; и первым шагом в исполнении этого

договора была передача Милета персидскому полководцу. Теперь Иония стала ареной военных действий, и афиняне одержали победу близ Милета, но это было уравновешено захватом Иаса лакедемонянами. Афиняне сплотились на Самосе, который остался верен им и по-прежнему контролировал сто двадцать восемь трирем на этом острове. Соперничающие стороны поочередно одерживали победы и терпели поражения, но без решающего результата.

Побег Алкивиада из Спарты.

Отсутствие успеха на побережье Азии заставило лакедемонян заподозрить Алкивиада в предательстве. Более того, его интрига с женой Агиса сделала царя Спарты его непримиримым врагом. Соответственно, Агис добился решения эфоров разослать инструкции о его смерти. Его вовремя предупредили, и он бежал к сатрапу Тиссаферну, который командовал войсками Персии. Он убедил перса не давать решающего перевеса ни одной из противоборствующих сторон, которые последовали его совету и бездействовали пелопоннесским флотом, а также подкупили спартанского полководца. Теперь, удовлетворив свою месть Афинам и потеряв поддержку Спарты, Алкивиад смотрел на свою родную страну как на лучшее поле для своих беспринципных амбиций. “Он начал переговоры с афинскими военачальниками на Самосе и предложил союз с Персией в качестве цены за свое восстановление, но в качестве дополнительного условия предложил свержение демократического правительства в Афинах”.

Народная революция в Афинах.

Затем последовала политическая революция, которую спланировал Алкивиад совместно с олигархическими заговорщиками. Сплочение города, которому грозило полное разрушение, было энергичным и ошеломляющим, и теперь, спустя год после катастрофы в Сиракузах, он был в состоянии поддерживать чисто оборонительную систему, хотя и с ограниченными ресурсами. Если бы не эта революция, Афины могли бы обеспечить себе независимость.

Беспокойные замыслы Алкивиада.

К предложению Алкивиада изменить конституцию прислушались богатые люди, на которых легло главное бремя войны. Имея в помощь сокровища Персии, они надеялись продолжить войну против Спарты без особых для себя затрат. Поэтому на Самосе среди собравшихся там афинян было решено послать депутацию в Афины под командованием Писандра для осуществления своих замыслов. Но у них не было никакой другой гарантии, кроме слова Алкивиада, этого неугомонного и непатриотичного интригана, что они заручатся помощью Персии. И удивительно, что такому человеку — такому неверующему — можно было верить.

Напрасные обещания Алкивиада. Помощь, запрошенная из Персии. Олигархия в Афинах. Алкивиад обманывает афинян.

Один из командовавших флотом на Самосе, Фриних, решительно выступал против этого движения и приводил веские причины; но общественное мнение среди олигархических заговорщиков было так яростно настроено против него, что Писандра немедленно отправили в Афины. Он изложил общественному собранию условия, предложенные Алкивиадом. Народ, стремившийся любой ценой заполучить персидского царя в союзники, в отчаянии, хотя и неохотно, прислушался к этому предложению и проголосовал за отказ от своей политической власти. Писандр заставил их поверить, что это был выбор между полным разорением и отказом от политических привилегий, поскольку лакедемоняне имели против них подавляющую силу.

Именно в то время, когда казалось вероятным, что Хиос будет возвращен афинянами, а пелопоннесский флот был парализован на Родосе персидскими интригами, Писандр вернулся в Ионию, чтобы начать переговоры с Алкивиадом и Тиссаферном. Но Алкивиад пообещал слишком много, сатрап и не думал оказывать помощь Афинам, и все же он выкрутился, выдвинув такие преувеличенные требования, которые, как он знал, афиняне никогда не уступят Персии, что переговоры были прерваны, и между Персией и Спартой было заключено примирение. Однако олигархические заговорщики зашли так далеко, что отступление было невозможно. Теперь афинская демократия была подорвана. Вместо Сената из пятисот человек и собравшегося народа в здании Сената заседала олигархия из четырехсот человек, и все, кроме пяти тысяч, были лишены избирательных прав - и они не были созваны. Олигархия была у власти, когда Писандр вернулся в Афины. Все демократические магистраты были смещены, и гражданским чиновникам не платили. Четыреста человек имели полный контроль. Так погибла афинская демократия из-за интриг Алкивиада. Он организовал неудачную экспедицию на Сицилию; он служил злейшим врагом своей страны; и теперь ему удалось отменить конституцию, просуществовавшую сто лет, в течение которых Афины снискали всю свою славу. Почему афиняне должны возвращать себе доверие к такому плохому человеку? Но кого Бог желает уничтожить, того он сначала сводит с ума, и Алкивиад, по-видимому, был инструментом, с помощью которого Афины были унижены и разрушены как политическая держава. Революция была совершена в час отчаяния и обманчивых обещаний. Характер и поведение коварного и беспринципного интригана были забыты в его обещаниях. Афиняне были просто обмануты.

Афины стремятся к миру со Спартой. Беспринципное поведение Алкивиада.

Четыреста человек, пришедших к власти, отпраздновали свое пришествие молитвой и жертвоприношением, предали смерти одних политических врагов, заключили в тюрьму и изгнали других и правили с большой строгостью. Затем они попытались заключить мир со Спартой, который был отклонен. Армия на Самосе услышала об этих изменениях с огромным гневом, особенно о жестокостях, которым подвергались все граждане, выступавшие против новой тирании. На Самосе состоялась демократическая демонстрация, которая сплотила саамов и армию самыми прочными узами, поскольку саамцы успешно сопротивлялись подобной революции на своем острове. Армия на Самосе отказалась подчиняться каким-либо приказам олигархии и сама по себе установила демократию. И все же человек, сыгравший важную роль в создании этой олигархии, с характерной для него разносторонностью и наглостью присоединился к демократии на Самосе. Он прибыл на Самос по приглашению военного ведомства и пообещал заручиться персидской помощью, и ему поверили, и снова стали доверять. Затем он начал новую карьеру и заявил, что снова отстаивает интересы афинской демократии. Послы из Четырехсот человек, которые были отправлены на Самос, были с негодованием отправлены обратно, и общее негодование против олигархии усилилось. Посланцы из Аргоса также появились на Самосе, предлагая помощь афинской демократии. Теперь четырестам было оказано сильное и организованное сопротивление, а их собственные разногласия еще больше поставили их в опасное положение. Терамен потребовал, чтобы Пять Тысяч, численность которых до сих пор была номинальной, стали реальностью. Четыреста человек снова обратились за помощью к Спарте и построили форт для приема спартанского гарнизона, в то время как лакедемонянский флот парил возле Пирея.

Свержение олигархии. Восстановление старой конституции.

Долго сдерживаемая энергия народа наконец вырвалась наружу. Отряд солдат захватил крепость, которую олигархия строила для спартанского гарнизона, и разрушил ее. Четыреста пошли на важные уступки и согласились возобновить общественное собрание. Пока происходили эти события, недалеко от Эретрии произошло морское сражение между лакедемонянами и афинянами, в котором последние потерпели поражение. Победа, если бы они усилили свой успех, завершила бы разорение Афин, поскольку флот их метрополии был уничтожен, а на Самосе его задержал Алкивиад. Когда стало видно, что вражеский флот не входит в гавань, афиняне оправались от смятения и продолжили свой внутренний переворот, сместив четыреста человек и передав все правительство в руки Пяти тысяч, и вскоре этот орган был расширен до органа всеобщего гражданства. Старая конституция была восстановлена, за исключением той ее части, которая позволяла платить судьям. Большинство лидеров олигархии бежали, а некоторые из них были судимы и казнены — те, кто обратился за помощью к спартанцам. Таким образом, это эгоистичное движение прекратилось после того, как олигархия продержалась всего несколько месяцев.

Чередующиеся успехи и неудачи воюющих сторон.

В то время как Афины были отвлечены сменой правительства, война велась на побережьях Азии между воюющими сторонами с попеременным успехом и поражением. Абидос, связанный с Милетом колониальными узами, восстал против Афин, и Лампсак, соседний город, последовал его примеру два дня спустя. Византия также перешла на сторону лакедемонян, что позволило им контролировать пролив. Алкивиад все еще продолжал свою двойную игру с Персией и Афинами. Афинский флот был отправлен к Геллеспонту для борьбы с лакедемонянской эскадрой и одержал неполную победу при Киносеме, единственным результатом которой было воодушевление афинян. Персы оказали существенную помощь лакедемонянам, которой некоторое время препятствовали интриги Алкивиада, который вернулся на Самос, но вскоре после этого был схвачен Тиссаферном и отправлен в Сарды, откуда ему удалось бежать. Он частично искупил свою позорную славу победой над пелопоннесским флотом при Кизике и полностью захватил его, что побудило спартанцев сделать мирные предложения, которые были отвергнуты под влиянием демагога Клеофонта.

Возрождение надежд афинян.

Афинский флот теперь единолично господствовал в Пропонтиде, Босфоре и Геллеспонте и взимал пошлину со всех кораблей, проходящих через проливы, в то время как Хрисополис, расположенный напротив Византии, был занят Алкивиадом. Теперь Афины снова стали полны надежд и энергии. Фрасилл был отправлен с большим войском в Ионию и соединил свои силы с флотом, которым Алкивиад командовал в Сестосе, но объединенные силы не смогли вернуть Абидос, который был освобожден Фарнабазом, персидским сатрапом.

Кир послал во Фригию.

Отсутствие флота из Афин воодушевило лакедемонян, которые отвоевали Пилус в 409 году до н. э., в то время как афиняне захватили Халкидон, а в следующем году и сам Византий. Таково было положение противоборствующих сторон, когда Кир младший был послан своим отцом Дарием сатрапом Лидии, Фригии и Каппадокии, и чье командование в Малой Азии имело

важные последствия. Тиссаферн и Фарнабаз по-прежнему оставались командующими побережьем.

Союз Кира с Лисандром.

Кир, человек больших амбиций и самообладания, прибыл в Малую Азию с твердой целью свергнуть афинскую державу, которая в течение шестидесяти лет смиряла гордыню персидских царей. Он заключил сердечный союз с Лисандром, спартанским адмиралом и самым выдающимся человеком после Брасида, которого лакедемоняне произвели на свет во время войны. Он был человеком суровой спартанской дисциплины и добродетели, но честолубивым и жестоким. Он посетил Кира в Сардах, был встречен со всеми знаками благосклонности и убедил Кира назначить дополнительное жалованье каждому спартанскому моряку.

Возвращение Алкивиада в Афины. Его подвиги.

Тем временем Алкивиад с триумфом вернулся в свой родной город после восьмилетнего изгнания и был встречен всеми сторонами как единственный человек, обладавший достаточными возможностями для восстановления упавшего благосостояния Афин. Его конфискованное имущество было возвращено, и он был назначен капитан-генералом с широкими полномочиями, в то время как все его измены, оказавшиеся столь фатальными для его страны, были, по-видимому, забыты - отправка Гилиппа в Сиракузы, восстание на Хиосе и в Милете и заговор Четырехсот человек. Эффект от такого обращения, намного лучший, чем он заслуживал, опьянил этого своенравного и беспринципного, но чрезвычайно способного человека. Его первым подвигом было плавание на Андрос, теперь под командованием лакедемонянского гарнизона, поля которого он опустошил, но не смог взять город. Затем он отправился на Самос и там узнал, что все его интриги с Персией провалились и что Персия еще более укрепила союз с лакедемонянами под предводительством Лисандра.

Его неудачи. Лисандр отозван в Спарту.

Этот великий полководец, находившийся сейчас в Эфесе, проводил осторожную политику и отказался дать бой афинским войскам под командованием Алкивиада, который затем удалился в Фокею, оставив свой флот под командованием Антиоха, своего любимого кормчего. Антиох в отсутствие своего полководца вступил в бой с лакедемонянским флотом, но потерпел поражение и был убит при Нотиуме. Поведение Алкивиада вызвало большое недовольство в Афинах. Он плавал с флотом, не уступавшим тому, которым он командовал в Сиракузах, и давал большие обещания будущих достижений, однако за три месяца не добился ни единого успеха. Поэтому он был отстранен от командования, которое было передано десяти генералам, из которых Конон был самым выдающимся, в то время как сам он удалился в Херсонес. Лисандр, в то же время, был заменен в командовании лакедемонянами Калликратидом, в соответствии со спартанским обычаем, поскольку его срок полномочий истек.

Энергичные действия лакедемонян. Битва при Аргине.

Кир не приветствовал Калликратида, и Лисандр также оставил его без средств, который вернул персам полученные им суммы. Такое поведение настолько разъярило спартанского адмирала, что он отплыл со всем своим флотом — самым большим, который был собран во время войны, сто сорок трирем, из которых только десять были лакедемонянскими, остальные были предоставлены союзниками, — на Лесбос и освободил афинских пленников и гарнизон в

Метимне, и, казалось, был воодушевлен тем старым панэллинским патриотизмом, который объединил греков полвека назад против персидских захватчиков, заявив, что ни один грек не должен быть обращен в рабство, если он может этому помочь. Но пока он был движим этими благородными чувствами, он также вел войну за свою страну, ведение которой было доверено ему. Он блокировал афинский флот в Митилене, у которого не было провизии, чтобы выдержать осаду. Афиняне предприняли невероятные усилия, чтобы освободить Конона, и с "Пирея" были отправлены сто десять трирем, которые отплыли на Самос. Калликратида, узнав о приближении большого флота, вышла ему навстречу. При Аргинусе произошла великая битва, в которой спартанский адмирал был убит, а его войска полностью разгромлены. Шестьдесят девять лакедемонянских кораблей были уничтожены; афиняне потеряли двадцать пять, что было серьезной потерей для Греции, поскольку, если бы Калликратид одержал победу, он, согласно Гроту, завершил бы пелопоннесскую войну и снова объединил греков против Персии.

Битва при Аргинусе теперь дала афинянам контроль над азиатскими морями, и лакедемоняне были настолько обескуражены, что были вынуждены сделать предложения о мире. Гроте действительно сомневается в этом, поскольку Афинам не удалось добиться никаких положительных результатов.

Лисандр возвращается к власти.

Теперь хианцы и другие союзники Спарты совместно с Киром отправили послов к эфорам с просьбой восстановить Лисандра в должности командующего флотом. Они в основном удовлетворили просьбу, и Лисандр прибыл в Эфес, в 405 году до н.э., чтобы восстановить лакедемонянскую власть и переломить ход войны.

Захват афинского флота. Отчаяние Афин.

Победоносный афинский флот находился сейчас в Эгоспотамах, в Геллеспонте, напротив Лампсака, бездействуя почти год. Там флот подвергся неминуемой опасности, которую видел даже Алкивиад в своих фортах напротив, на Херсонесе. Он упрекал афинских адмиралов, но безрезультатно, и убеждал их удалиться в Сестос. Как он и опасался, афинский флот был застигнут врасплох, стоя на якоре на этом открытом берегу, в то время как экипажи были на берегу в поисках еды. Таким образом, сто семьдесят трирем были бесславно захвачены без потери человека — величайшее бедствие, случившееся с Афинами с начала войны и решившее ее исход. Плененные военачальники были перебиты вместе с четырьмя тысячами афинских пленников. Конону, однако, удалось сбежать. Это великое бедствие было настолько позорным и ненужным, что предполагается, что флот был предан своими собственными командирами; и это предположение подкрепляется его бездействием после битвы при Аргинусе. Эта кульминационная катастрофа произошла в сентябре 405 года до н.э. и вызвала в Афинах такое смятение, какого никогда прежде не испытывали — даже когда персы проходили маршем через Аттику. Теперь несчастному городу ничего не оставалось, как сделать все возможное для подготовки к осаде, которая, как все предвидели, вскоре должна была начаться. Стены были возведены для наилучшей защиты, какая только была возможна, и два из трех портов были заблокированы. Афины были не только лишены своего морского могущества, но и само их существование теперь находилось под угрозой.

Уничтожение афинской империи.

Лисандр не спешил идти на Афины, поскольку знал, что никакие корабли с зерном не смогут добраться до города с Эвксинского моря и что вскоре начнется голод. Афинская империя была уничтожена, и не осталось ничего, кроме самих Афин! Теперь афиняне поняли, что ничто, кроме союза между гражданами, не может дать им никакой надежды на успех, и они дали торжественное обещание на Акрополе похоронить свои разногласия и культивировать гармоничные чувства.

Сдача Афин спартанцам.

В ноябре Лисандр с двумястами триерами блокировал Пирей. Все силы Спарты под командованием царя Павсания вышли ему навстречу и расположились лагерем у ворот Афин. Горожане стойко перенесли это бедствие и, когда начали умирать от голода, послали предложения о капитуляции. Но не было получено ни одного предложения, которое не включало бы снос длинных стен, построенных Периклом. Когда усилился голод и положение народа стало невыносимым, Афины были вынуждены капитулировать на жестких условиях: Пирай должен быть разрушен, длинные стены снесены, все иностранные владения эвакуированы, все корабли сданы и, что самое унижительное из всего, Афины должны стать союзниками Спарты и следовать ее примеру на море и на суше.

Судьба Афин.

Так пали имперские Афины после славного столетнего правления. Лисандр вошел в город как завоеватель. Корабли были сданы, все, кроме двенадцати, которые афинянам было разрешено сохранить; недостроенные корабли на верфях были сожжены, укрепления разрушены, а "Пирей" разобран. Конституция города была аннулирована, и под диктовку Лисандра был назначен совет из тридцати человек для управления городом. Затем завоеватель отплыл на Самос, который был легко захвачен, и на этом острове была восстановлена олигархия, как в Афинах.

Окончание войны.

Падение Афин фактически положило конец Пелопоннесской войне после ожесточенной борьбы между двумя ведущими государствами Греции на протяжении тридцати лет. Лисандр стал ведущим человеком в Греции и обладал властью большей, чем любой отдельный грек до или после него. Спарта, олицетворенная в нем, стала верховной и правила всеми островами, а также азиатскими и фракийскими городами. Тираны, которых он поставил над Афинами, осуществляли свою власть с чрезвычайной строгостью — отправляли на казнь всех, кто был несносен, захватывали в качестве трофеев имущество граждан и разоружали оставшихся в городе гоплитов. Они даже запретили интеллектуальное обучение и заткнули рот Сократу. Таковы были Афины, униженные, лишенные своего флота и оказавшиеся бессильными, со спартанским гарнизоном, оккупировавшим Акрополь, и раздором, царившим даже среди самих Тридцати тиранов.

Причина падения Афин. Жалкий дух войны. Алкивиад - злой гений Афин. Его бесславная смерть.

Рассматривая падение Афин, мы видим, что неудачная сицилийская экспедиция, инициированная Алкивиадом, оказалась главной причиной. Ее морское господство могло бы быть сохранено, если бы не эта агрессия, которую Перикл никогда бы не санкционировал и которую Никий так искренне не одобрял. После этой катастрофы условия существования

государства полностью изменились, и это была ожесточенная и отчаянная борьба за сохранение осколков империи. И катастрофа доказала, в конечном счете, политический крах самой Греции, поскольку не осталось ни одного государства, достаточно могущественного, чтобы противостоять иностранным нападениям. Славой Афин был их военно-морской флот, и когда он был уничтожен, Греция оказалась открытой для вторжения и коррупции, вызванной персидским золотом. Именно Афины оказали сопротивление Персии и защитили морские государства и острова. Когда Афины были разгромлены, упадок других государств был быстрым, поскольку все они истощили себя в войне. И у самой войны мало положительных черт. Это было жестокое состязание, основанное на соперничестве и ревности. И оно породило, как это обычно бывает на войне, класс беспринципных людей, которые возвеличивают себя за счет своей страны. Ничто, кроме войны, не могло развить таких людей, как Алкивиад и Лисандр, и трудно сказать, кто из них навлек наибольшее бесчестие на свои государства. Оба были честолюбивы, и оба надеялись добиться господства, несовместимого со свободными институтами. На мой взгляд, Алкивиад - худший человек в истории Греции, и он не только лично опозорен худшими пороками, но и его влияние было катастрофическим для его страны. Афины были обязаны ему своим политическим падением больше, чем какому-либо другому мужчине. Он был дерзким, незаконным, экстравагантным и беспринципным с самого своего первого появления в общественной жизни. Он спровоцировал сицилийскую экспедицию и привел к ее катастрофическому концу, отправив Гилиппа в Сиракузы. Он инициировал восстание на Хиосе и в Милете, укрепление Децелей и заговор Четырехсот человек. И хотя он частично искупил свою измену трехлетней службой после изгнания, все же его тщеславие, интриги и расточительность помешали ему выполнить то, что он обещал. Это правда, что он был человеком с большими ресурсами и никогда не терпел поражений ни на море, ни на суше; "и он был первым человеком в каждой партии, которую поддерживал, — афинской, спартанской или персидской, олигархической или демократической, но он никогда не внушал доверия ни одной партии, и все партии последовательно отвергали его". Конец такого человека провозглашает мстящую Немезиду в этом мире. Он погиб от рук персидских убийц по настоянию Лисандра и Кира, которые чувствовали, что ничего не может быть улажено, пока жив этот неугомонный интриган. И он умер, не оплаканный и не удостоенный почестей, несмотря на свое высокое происхождение, богатство, таланты и личные достижения.

Слава Лисандра.

Лисандру повезло больше; он приобрел большое влияние в Спарте, но его честолюбие оказалось губительным для его страны, втянув ее в те отчаянные войны, о которых еще предстоит рассказать.

ГЛАВА XX.

ПОХОД КИРА И ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ГРЕКОВ.

Последствия Пелопоннесской войны.

Пелопоннесская война завершилась, и большая часть греческих солдат была распущена, но из-за волнений и перемен последних тридцати лет они стали продажными и беспокойными и были готовы пуститься в любое военное предприятие, сулящее деньги и добычу. Они были не приспособлены, как это обычно бывает, к трезвым и промышленным занятиям. Они жаждали новых приключений.

Истинные цели Сайруса скрыты.

Эта неугомонная страсть, которую всегда разжигает война, нашла выход и направление в предприятии, которое Кир возглавил из Западной Азии, чтобы свергнуть своего брата Артаксеркса с трона Персии. Около четырнадцати тысяч греков из разных государств присоединились к его знаменам — не с целью похода на Вавилон и нападения на великого царя, а чтобы покорить и искоренить писидийских горцев, которые натворили много бед в своих укреплениях на юго-востоке Малой Азии. Это было очевидной целью Кира, и он без труда завербовал греческих наемников, пообещав большое вознаграждение. Все эти греки были обмануты, кроме одного человека, которому одному Кир открыл свою истинную цель. Это был Клеарх, лакедемонянский военачальник значительных способностей и опыта, который был изгнан за злоупотребление властью в Византии, которой он командовал. Он отправился в Сарды и предложил свои услуги Киру, который был послан туда своим отцом Дарием командовать персидскими войсками. Кир принял предложения Клеарха, который настолько завоевал его доверие, что выделил ему крупную сумму в десять тысяч дариков, которую тот потратил на наем греческих наемников.

Греки-наемники поступают на службу к Киру.

Другие известные греки также присоединились к армии Кира с целью использования против писидийцев. Среди них были Аристипп и Менон из знатной семьи в Фессалии; Проксен, беотиец; Агис, аркадянин; Сократ, ахейнин, которых нанимали для сбора наемников и которые получали большие суммы денег. Значительная часть лакедемонян также была взята на содержание.

Поход этих людей на Вавилон и их успешное отступление составляют один из самых интересных эпизодов в истории Греции, и именно этот поход и отступление я намереваюсь кратко представить.

Характер Кира. Высокая оценка, которой он пользовался у греков.

Сайрус был необыкновенным человеком. Младший сын персидского царя, он стремился обеспечить суверенитет Персии, который перешел к его старшему брату Артаксерксу после смерти Дария. Во время своего пребывания в Сардах в качестве сатрапа или губернатора он осознал и ощутил огромное превосходство греков над своими соотечественниками не только в интеллектуальном плане, но и как солдат. Он был храбрым, великодушным, откровенным и амбициозным. Если бы ему посчастливилось достичь цели своего честолюбия, вся история

Персии была бы изменена, и жизнь Александра была бы напрасной. Видя и ценя великие качества греков и научившись влиять на них, он стремился с их помощью проложить себе путь к трону.

Он скрывает свои замыслы.

Но он скрыл свои планы, так что о них не подозревали даже в Персии. Как уже отмечалось, он сообщил о них только спартанскому военачальнику Клеарху. Ни грек, ни перс не догадывались о его цели, когда он собрал большую армию в Сардах. Сначала он использовал свои войска для осады Милета и других предприятий, которые не вызвали никаких подозрений относительно его истинных замыслов.

Он начинает свой марш.

Когда все было готово, он начал свой поход из Сард в марте 401 года до н.э. с примерно восемью тысячами греческих гоплитов и ста тысячами туземных войск, в то время как совместный лакедемонянский и персидский флот огибал юг Малой Азии для взаимодействия с сухопутными войсками.

Характер греков, присоединившихся к его знамени.

Эти греки, которые таким образом присоединились к его знаменам под обещанием большого вознаграждения и невольно собирались подвергнуться неизвестным опасностям, не были изгоями и нищими, но были людьми с положением, репутацией и, в некоторых случаях, богатыми. Примерно половина из них были аркадийцами. Молодые люди из хорошей семьи, соскучившиеся по дому, беспокойные и склонные к приключениям, составляли большую часть, хотя многие люди зрелого возраста были склонны к щедрым предложениям оставить своих жен и детей. Они просто рассчитывали на годичную кампанию в Писидии, после которой они вернутся в свои дома обогащенными. Так уверяли их греческие военачальники в Сардах, и так верили эти военачальники, ибо Кир пользовался высокой репутацией в народе за щедрость и добросовестность.

Ксенофонт.

Среди других прославленных греков, которых таким образом уводили так далеко от дома, был Ксенофонт, афинский историк, которого его друг Проксен из Беотии убедил присоединиться к экспедиции. Он происходил из знатной семьи и был учеником Сократа, но отправился в путь вопреки желанию и совету своего учителя.

Когда осада Милета была снята и Кир выступил в поход, сатрап Тиссаферн разгадал его цель и поспешил в Персию, чтобы приставить к царю охрану.

Кир проводит смотр своей армии. Греки понимают, что их обманули.

В Целене, или Келене, фригийском городе, Кир остановился и произвел смотр своей армии. Здесь к нему присоединились греческие подкрепления, которые увеличили численность греков до тринадцати тысяч человек, из которых одиннадцать тысяч были гоплитами. Поскольку этот город находился на пути в Писидию, недоверия к цели экспедиции не возникало даже тогда, когда армия вошла в Ликаонию, поскольку его жители были такими же хищниками, как и писидийцы. Но когда он пересек гору Тавр, граничащую с Киликией, и достиг Тарса, греки

поняли, что их обманули, и отказались продвигаться дальше. Клеарх попытался подавить мятеж суровыми мерами, но потерпел неудачу. Тогда он прибегнул к военной хитрости и притворился, что уступает желаниям греков, и также отказался выступить в поход, но отправил Киру секретную депешу о том, что в конце концов все будет хорошо, и просил его прислать новые приглашения, чтобы он мог ответить новыми отказами. Затем он, со свойственной греку хитростью и красноречием, довел до сведения своих соотечественников крайнюю опасность превращения Кира в их врага во враждебной стране, где отступление было сопряжено со столькими опасностями, и побудил их действовать. Итак, армия продолжила свой марш к Иссе, расположенному на оконечности Исианского залива, близ гор, отделяющих Киликию от Сирии. Здесь Кир получил еще большее подкрепление, в результате чего общая численность греков в его армии составила четырнадцать тысяч человек.

Кир вторгается в Сирию. Он пересекает Евфрат. Битва при Кунаксе.

Он ожидал найти защищенными перевалы через горы, расположенные в дне пути от Иссы, но персидский полководец Аброкомас бежал при его приближении, и Кир легко переправился в Сирию через перевал Бейлан, через гору Аманус. Затем он направился на юг, в Мирианд, финикийский приморский город, где расстался со своим флотом. Восьмидневный переход привел его армию к Тапсаку на Евфрате, где он оставался пять дней, чтобы освежить свои войска. И здесь греки снова проявили нежелание продолжать, но, пообещав по пять мин за голову, что почти на сто долларов больше годового жалованья, они согласились наступать. Именно здесь Кир беспрепятственно переправился через реку и продолжал свой поход по левому берегу в течение девяти дней, пока не подошел к реке Аракс, которая отделяет Сирию от Аравии. До сих пор его армия хорошо снабжалась провизией из многочисленных деревень, через которые они проходили; но теперь он вступил в пустынную страну, совершенно не возделанную, где изумленные греки впервые увидели диких ослов, антилоп и страусов. Восемнадцать дней армия маршировала без всякой провизии, кроме той, что привезла с собой, изнывая от жажды и изнуренная жарой. В Пиле они достигли возделанной территории Вавилонии, и начались аллювиальные равнины. Дальнейший трехдневный переход привел их в Кунаксу, примерно в семидесяти милях от Вавилона, где им навстречу была выстроена армия Артаксеркса. Это была огромная сила численностью более миллиона человек, не считая шести тысяч конных гвардейцев и двухсот колесниц. Но Кир был настолько уверен в огромном превосходстве греков и в их военном мастерстве, что без колебаний вступил в бой с превосходящими силами своего брата, насчитывавшими всего десять тысяч греков и сто тысяч азиатов. Битва при Кунаксе оказалась роковой для Кира; он был убит, а его лагерь разграблен. Экспедиция провалилась.

Смятение греков. Они отступают.

Теперь греками овладело смятение, как и следовало ожидать, — горстка людей среди бесчисленных врагов и в самом центре персидской империи. Но таких людей не доводят до отчаяния. Они отказались сдаваться и решили отступить — чтобы снова найти дорогу в Грецию, поскольку все агрессивные меры были безумием.

Это отступление среди стольких трудностей, против такого могущественного и многочисленного врага - одно из самых доблестных действий в истории войн, которое сделало эти десять тысяч человек бессмертными.

Их жалкое состояние.

Арий, командовавший азиатскими войсками на левом фланге армии в битве при Кунаксе, присоединился к отступающим грекам с оставшимися силами и пообещал провести их к азиатскому побережью не тем путем, который избрал Кир, поскольку теперь это было практически невозможно, но более длинным, вверх по течению Тигра, через Армению, к Эвксинскому морю. Греки шли девяносто дней от Сардиса, примерно тысячу четыреста шестьдесят четыре английские мили, и девяносто шесть дней отдыхали в различных местах. На экспедицию ушло шесть месяцев, и на возвращение потребуется больше этого времени, учитывая новые трудности, которые необходимо было преодолеть. Положение греков, по всей видимости, было безнадежным. Как они могли переходить реки вброд и горы с вражеской кавалерией в тылу, без припасов, без знания дорог, без надежных проводников, через враждебные территории?

Лживые переговоры персов.

Персы все еще продолжали свои переговоры, считая наступление или отступление греков одинаково невозможными, и им было любопытно узнать, какие мотивы завели их так далеко от дома. Они ответили, что их обманули, что у них нет враждебности к персидскому царю, что им было стыдно покинуть Кира посреди опасности и что теперь они желают только мирного возвращения домой, но готовы отразить военные действия.

Персидский царь стремится к их свержению.

Персидскому монарху было неприятно иметь в сердце королевства тринадцать тысяч греческих ветеранов, чей престиж был огромен, а могущество поистине огромно. Нелегко было победить таких храбрых людей, доведенных до отчаяния, без огромных потерь и возможного унижения. Итак, персы лицемерили. Их целью было вывести греков из Вавилонии, где они могли легко укрепиться и обеспечить себя, а затем напасть на них в невыгодном положении. Поэтому Тиссаферн согласился проводить их домой другим путем. Они согласились на его предложение, и он повел их к берегам Тигра и продвинулся по его левому берегу на север, к Великой реке Заб, примерно в двухстах милях от Вавилона. Персы шли впереди, а греки примерно в трех милях сзади. У Великой Заба они остановились на три дня, а затем Тиссаферн заманил греческих военачальников в свой шатер, якобы для того, чтобы попить с ними и возобновить переговоры. Там они были схвачены, отправлены пленными к персидскому двору и предательски убиты.

Отчаяние греков.

Теперь греками овладело полное отчаяние. Они были лишены своих генералов, в самом сердце Мидии, с беспринципными врагами в тылу и горами Армении впереди, перевалы которых защищали враждебные варвары, и это в разгар зимы, лишённые проводников и подвергавшиеся всевозможным лишениям, затруднениям и опасности. Очевидно, они находились в руках своих врагов, без какой-либо вероятности спастись. Затем их призвали сдаться персам, но они решили пробиваться домой с боем, какими бы великими ни были их опасности и непреодолимые трудности - самое героическое решение. И их отступление при таких обстоятельствах к Эвксинским островам является самым экстраординарным маршем за всю историю войн.

Ксенофонт сплачивает греков.

Но в этот кризис их возглавил великий человек, чье благоразумие, проницательность, умеренность и мужество никогда не могут быть в достаточной степени оценены, и его успешное отступление ставит его в ряд великих полководцев мира. Ксенофонт, афинский историк, теперь появляется на сцене со всеми теми благородными качествами, которые вдохновляли героев при осаде Трои, — человек столь же религиозный, сколь храбрый и великодушный, и красноречивый даже для грека. Он созвал военачальников и убедил их выступить вперед, заверив в защите Зевса. Затем он созвал армию и вдохновил их своим духом, непревзойденным красноречием и приобрел власть Моисея благодаря своему гению, благочестию и мудрости. Его воинское звание было невелико, но в такой чрезвычайной ситуации таланты и добродетели имеют больше силы, чем звание.

Их отступление к Тигру. Их опасности и невзгоды.

Итак, под его предводительством греки переправились через Заб и возобновили свой марш на север, преследуемые персидской кавалерией и подвергаясь большим лишениям. Армия больше не маршировала, как обычно, одним неразделенным каре, а небольшими группами, поскольку им приходилось пересекать горы и переходить реки вброд. Пока они шли берегами Тигра, они находили хорошо снабженные деревни, из которых получали припасы; но когда они вступили в страну кардукийцев, они были вынуждены оставить Тигр слева от себя и перейти высокие горы, отделявшие его от Армении. Они также были вынуждены сжечь свой багаж, так как дороги были почти непроходимы не только из-за узких ущелий, но и из-за огромного количества выпавшего снега. Их положение было полно опасностей, усталости и лишений. И все же они выстояли, воодушевленные примером и красноречием своего бесстрашного лидера. На каждом новом перевале им приходилось вступать в сражение, но враги, с которыми они сталкивались, не могли противостоять их оружию в ближнем бою и обычно убегали, довольствуясь тем, что изводили их, скатывая камни с гор им на головы и выпуская свои длинные стрелы.

Марш через Армению. Они достигают Эвксинского полуострова.

Переход через Армению был еще более трудным, поскольку жители были более воинственными и выносливыми, а переход — еще более трудным. Они также испытывали серьезные трудности из-за отсутствия проводников. Греки сильно страдали от холода и лишений. Вьючные животные гибли в снегах, а солдаты обмороживались и умирали от голода. Им посчастливилось после нескольких дней марша найти деревни, где они остановились и отдохнули, но все это время подвергались нападениям враждебных банд. И все же они продвигались вперед, усталые и голодные, через страну таочи, халибов, скифов, маронов, колхидцев и благополучно достигли Трапеза (Трапезунда). Вид моря наполнил греков неопишуемой радостью после стольких опасностей, ибо море было их родной стихией, и теперь они могли продолжать свой путь на кораблях, а не опасными переходами.

Новые неприятности и опасности.

Но задержки были долгими и унылыми. Не было кораблей, чтобы перевезти воинов в Византию. Они были подвержены новым неприятностям из-за безразличия или враждебности городов на Эвксинском полуострове, поскольку столь многочисленная армия вызвала тревогу. И когда самые насущные опасности были минованы, мужчины вышли из себя, так что было трудно

поддерживать порядок и помешать им грабить своих друзей. Они были вынуждены прибегать к мародерским экспедициям среди азиатских народов, и им было трудно прокормить себя. Не имея возможности раздобыть корабли, они двинулись вдоль побережья к Котьоре, подвергаясь непрерывающимся боевым действиям. Теперь Ксенофонт хотел основать новый город на Эвксинском полуострове вместе с армией; но армия стремилась вернуться домой и не приняла это предложение. В СМИ поднялся шум против генерала, который так славно руководилими, и его речи в его защиту являются одними из самых красноречивых в истории Греции. Он протестовал против беспорядков в армии, обладал достаточным влиянием, чтобы провести реформу, и одержал полную победу над фракцией, как одержал победу над опасностью.

Они плывут морем в Синопу. Их мужество и вера.

Наконец были предоставлены корабли, и армия морем переправилась в Синопу — греческую колонию, — где людей гостеприимно приняли, накормили и разместили. Оттуда армия морем переправилась в Гераклею, где солдаты попытались вымогать деньги у противников Ксенофонта и Херисофа, последний из которых благородно поддержал планы Ксенофонта, хотя и был спартанцем высшего военного звания. Армия, столкнувшись с этим противостоянием, разделилась на три фракции, но, потерпев новые неудачи, воссоединилась. Она сделала остановку в Кальпе, где вспыхнули новые беспорядки. Затем Клеандр, спартанский наместник Византии, прибыл с двумя триремами, который пообещал вести армию, и принял командование ею, но впоследствии отказался от своего командования из-за нежелательных жертвоприношений. Ничто так убедительно не доказывало религиозный характер греков, как их скрупулезное внимание к обрядам, навязанным их языческой верой. Они не предпринимали ни одного важного предприятия без жертвоприношений богам, и если предзнаменования были неблагоприятными, они отказывались от своих самых дорогих объектов.

Они достигают Византии.

Из Кальпы армия двинулась в Халкидон, обратив в деньги собранных рабов и добычу. Там она оставалась семь дней. Но ничего нельзя было предпринять без согласия спартанского адмирала в Византии Анаксибия, поскольку лакедемоняне были хозяевами Греции как на море, так и на суше. Этот человек был подкуплен персидским сатрапом Фарнабазом, командовавшим северо-западным регионом Малой Азии, чтобы переправить армию на европейскую сторону Босфора. Соответственно, он переправился в Византию, но ему не разрешили остановиться в городе или даже войти в ворота.

Но их не пускают в город. Они поступают на службу в Спарту.

Гнев солдат был безграничен, когда они были таким образом изгнаны из Византии. Они ворвались в город и овладели им, что вызвало серьезные опасения у Ксенофонта, который собрал армию и обратился к ней с речью и таким образом предотвратил ожидаемое насилие. В конце концов они согласились покинуть город и приняли услуги фиванского Цератида, который пообещал провести их в дельту Фракии с целью грабежа, но вскоре был уволен. После различных неудач солдаты в конце концов попали на жалованье к Севту, фракийскому князю, который добивался возвращения своего княжества, но который обманом лишил их жалованья. Изменение политики лакедемонян привело к переброске киренийской армии в Азию, чтобы начать войну с сатрапами. Ксенофонт соответственно повел свои войска, теперь уменьшившиеся до шести тысяч человек, через гору Ида в Пергам. Ему удалось захватить

персидского полководца Асидата и завладеть ценной добычей в 399 году до н.э.. Солдаты, которыми он руководил, теперь были включены в состав лакедемонянской армии в Азии, а сам Ксенофонт поступил на спартанскую службу. У нас нет места описывать его последующую судьбу. Изгнанник из Афин, он поселился в Сцилле, недалеко от Олимпии, с большим богатством, но в конце концов вернулся в свой родной город после битвы при Левктре.

Моральный эффект экспедиции.

Впечатление, произведенное на умы греков успешным отступлением Десяти тысяч человек, было глубоким и прочным. Его наиболее очевидным эффектом было вызвать презрение к персидским армиям и персидским генералам и показать, что Персия сильна только тем, что использует эллинскую силу против эллинского дела. Таким образом, грекам открылась истинная слабость Персии, и были восприняты чувства, которые два поколения спустя привели к экспедициям Александра и подчинению Азии греческому владычеству.

ГЛАВА XXI.

ЛАКЕДЕМОНЯНСКАЯ ИМПЕРИЯ.

Спарта никогда не теряла своего могущества.

Я уже показывал, что Спарта после битвы с аргивянами в 547 году до н.э. получила господство в южной части Пелопоннеса и стала ведущим военным государством Греции. Этот престиж и власть не были утрачены. Суровая простота спартанской жизни, строгость политических и социальных институтов, аристократическая форма правления и, прежде всего, военный дух и честолюбие придавали постоянство всем завоеваниям, так что в персидских войнах Спарта взяла на себя основную нагрузку сухопутных войск. Великой соперничающей державой Спарты были Афины, но она была основана на морском мастерстве и предприимчивости. Успешное сопротивление Персидской империи можно приписать афинскому военно-морскому флоту, следующему после спартанских гоплитов.

Продолжалась и слава Афин.

После персидских войн соперничество между Афинами и Спартой является самой заметной чертой в истории Греции. Делосская конфедерация дала Афинам господство на море, а огромное коммерческое процветание Афин при Перикле и завоевание империей ионических колоний и Эгейских островов сделали Афины, возможно, ведущим государством. Это было самое богатое, самое культурное и самое влиятельное из греческих государств, и оно угрожало постепенно поглотить все остальные государства Греции в ее империи.

Последствия Пелопоннесской войны.

За этим возвышением и быстрым ростом богатства и власти с завистью наблюдала не только Спарта, но и другие государства, которые она контролировала или с которыми состояла в

союзе. Следствием этого стала Пелопоннесская война, длившаяся полпоколения и закончившаяся после различных превратностей судьбы благоприятно для Спарты, но катастрофически для Греции как единой нации. Персидские войны связали все государства вместе мощным эллинским чувством патриотизма. Пелопоннесская война разорвала эти общеэллинские узы. Катастрофа в Сиракузах была фатальной для афинского превосходства и даже независимости. Если бы не это, Афины могли бы остаться великой державой Греции. Демократическая организация правительства придала большую энергию и предприимчивость всем амбициозным проектам Афин. Если бы Алкивиад вложил свои огромные таланты в строительство своего родного государства, даже тогда судьба Афин могла бы сложиться иначе. Но он был предателем и бросил всю свою энергию на сторону Спарты, пока Афинам не стало слишком поздно восстанавливать завоеванный престиж. Он частично искупил свою честь, но если бы он был воодушевлен духом Перикла или Никия, не говоря уже о самоотверженности Мильтиада, он мог бы поднять могущество Афин на высоту, которой ничто не могло бы противостоять.

Высший авторитет Спарты после побед Лисандра.

Лисандр завершил войну, которую так благородно вел Брасидас, и овладел Афинами, отменил демократическую конституцию, разрушил стены и установил в качестве своих созданий группу тиранов, а также спартанского губернатора в Афинах. При Лисандре лакедемоняне господствовали в Греции безраздельно. Когда-то у него было больше власти, чем у любого человека в Греции. Он взялся сменить правительство союзных городов, и едва ли в Греции был город, где спартанцы не имели господства. В большинстве ионийских городов и во всех городах, перешедших на сторону Афин, был спартанский губернатор, так что, когда Ксенофонт вернулся со своими Десятью тысячами в Малую Азию, он обнаружил, что ничего не может предпринять без согласия спартанских губернаторов. Более того, правление Спарты было враждебно всем демократическим правительствам. Она стремилась установить олигархические институты повсюду. Возможно, это различие между Афинами и Спартой в отношении государственного управления было одной из главных причин Пелопоннесской войны.

Спарта вызывает зависть Греции.

Но та же самая зависть, которая когда-то существовала среди греческих государств к процветанию Афин, теперь была обращена против Спарты. Ее правление было высокомерным и жестким, и ей, в свою очередь, пришлось испытать унижение от бунта против своего господства. “Союзники Спарты, - говорит Грот, - особенно Коринф и Фивы, не только смягчились в своей ненависти к Афинам теперь, когда она потеряла свою власть, но даже сочувствовали страдающим изгнанникам и почувствовали отвращение к своевольным посягательствам Спарты; в то время как спартанский царь Павсаний вместе с некоторыми эфорами также завидовали произволу и деспотизму Лисандра. Он отказался препятствовать возрождению демократии. Именно таким образом Афины, спасенные от кровавого и алчного режима Тридцати тиранов, получили возможность вновь предстать в качестве скромного и зависимого члена спартанского союза — не имея ничего, кроме воспоминаний о своем былом могуществе, но при этом вновь обретая демократию в энергичных действиях по обеспечению внутреннего управления”.

Ее гнетущее превосходство.

Победа при Эгоспотамах, уничтожившая афинский флот, возвестила о господстве Спарты как на суше, так и на море, и вся Греция подчинилась господствующей силе. Лисандр учредил в большинстве городов олигархию из десяти граждан, а также спартанского гармоста, или губернатора. Повсюду лисандрианская декархия вытесняла предыдущие правительства и правила деспотично, подобно Тридцати в Афинах, во главе с Критием. И в Спарте нельзя было добиться справедливости в отношении плохого поведения хармостов, которые теперь господствовали в каждом городе. Спарта втянула Грецию в войну, чтобы свергнуть господство Афин, но осуществила более тираническую узурпацию, чем Афины когда-либо предполагали. Язык Брасида, который обещал все, что угодно, разительно контрастировал с поведением Лисандра, который поставил ногу на шею Греции.

Последствия тиранической политики Спарты.

Правлению Тридцати в Афинах пришел конец благодаря благородным усилиям Фрасибула и афинской демократии, и старая конституция была восстановлена, потому что спартанский царь был возмущен узурпацией власти и высокомерием Лисандра и воздержался от вмешательства. Если бы Спарта была мудра, с этим огромным приростом могущества, достигнутым победами Лисандра, она правила бы умеренно, реорганизовала греческий мир на здоровых принципах и восстановила панэллинскую стабильность и гармонию. Возможно, она и не восстановила, как обещал Брасидас, всеобщую автономию или полную независимость всех городов, но объединила бы все штаты под своим президентством справедливым и умеренным правлением. Но Спарта не обладала такой мудростью. Она была узкой, жесткой и хищнической. Она любила своих, как обычно делают эгоистичные люди, но ничего за пределами своей территории не проявляла с истинным великодушием. И таким образом она спровоцировала своих союзников на восстание, так что ее шанс был упущен, а ее владычество недолговечным. Афины были бы более просвещенными, но у них никогда не было такой силы, как у Спарты, организовать общеэллинскую комбинацию. Ближайшим подходом, который когда-либо предпринимали Афины, была делосская конфедерация, которая не очень хорошо сработала из-за зависти городов. Но вскоре Спарта стала еще более непопулярной, чем когда-либо были Афины, и ее мечта об империи оказалась недолгой.

Возобновление войны с Персией.

Первым великим движением Спарты после установления олигархии во всех подчинившихся ей городах было возобновление войны с Персией. Азиатские греческие города были переданы Персии в соответствии с договором в качестве платы за помощь, которую Персия оказала Спарте в войне с Афинами. Но персидское правление при сатрапах, особенно при Тиссаферне, который был награжден Артаксерксом большей властью, чем прежде, стало деспотичным и невыносимым. Ничто, кроме усугубляющегося рабства, не грозило им. Поэтому они послали в Спарту за помощью, чтобы сбросить персидское иго. Эфоры, которым больше нечего было получить от Персии и внушавшие презрение к персидским армиям — презрение, вызванное экспедицией Десяти тысяч человек, — с готовностью прислушались к предложениям и послали значительные силы в Азию под командованием Тимброна. Он не имел большого успеха, и его отозвали, а вместо него послали Дереллида. Он заключил перемирие с Тиссаферном, чтобы напасть на Фарнабаза, на которого у него была старая обида и с которым сам Тиссаферн какое-то время был в плохих отношениях. Дереллид захватил сатрапию Фарнабаз, захватил огромную добычу и расположился на зимовку в Вифинии. Заключив перемирие с Фарнабазом, он

переправился в Европу и укрепил Херсонес против фракийцев. Затем он возобновил войну как против Фарнабаза, так и против Тиссаферна на Меандре, результатом которой стало соглашение со стороны сатрапов освободить греческие города от дани и политического вмешательства, в то время как спартанский полководец пообещал вывести из Азии свою армию, а спартанских губернаторов - из греческих городов.

Агесилай, царь Спарты.

В этот момент, в 397 году до н.э., Дерциллид был отозван в Спарту, и царь Агесилай, недавно прибывший с большими подкреплениями, заменил его командующим лакедемонянской армией. Агесилай был сыном царя Архидам и сводным братом царя Агиса. Ему было около сорока, когда он стал королем под влиянием Лайзамлера, отдав предпочтение своему племяннику, и, будучи воспитан без всяких перспектив на трон, прошел через абсолютную суровость спартанской муштры и обучения. Он отличался всеми спартанскими добродетелями — повиновением властям, необычайным мужеством и энергией, простотой и бережливостью.

Отзыв Агесилая с войны.

Агесилаю в войне в Азии помогали большие контингенты из союзных греческих городов, но Афины, Коринф и Фивы стояли в стороне. Лисандр сопровождал его как один из военачальников, но нанес ему такое сильное оскорбление своим чрезмерным высокомерием, что его отправили командовать на Геллеспонт. Перемирие между спартанцами и персами было нарушено, и Агесилай энергично повел войну как против Тиссаферна, так и против Фарнабаза. Он одержал значительную победу над персами близ Сард, вторгся во Фригию и опустошил сатрапию Фарнабаз. Он даже напал врасплох на лагерь сатрапа и захватил огромную добычу. Но в разгар своих побед он был отозван Спартой, которая нуждалась в его услугах у себя дома. Вспыхнуло восстание союзников, которое серьезно угрожало стабильности спартанской империи.

Недовольство греческих государств. Отчуждение союзников Спарты.

“Падение могущества Афин уничтожило те общие узы ненависти и тревоги, которые связывали союзные города с главенством Спарты; в то время как ее последующее поведение стало явным оскорблением и возбудило против нее самой тот же страх перед безмерными имперскими амбициями, который прежде так сильно действовал против Афин. Она присвоила себе почти всю афинскую морскую империю, заплатив дань в тысячу талантов. Но хотя Спарта так много выиграла от войны, ни один из ее союзников не получил ни малейшего вознаграждения. Даже четыреста семьдесят талантов, которые Лисандр привез домой в результате авансов, сделанных Киром, вместе с добычей, полученной при Децелее, были задержаны лакедемонянами. Отсюда среди союзников возник не только страх перед всепоглощающим владычеством, но и ненависть к монополизирующей алчности Спарты. Это проявили фиванцы и коринфяне, когда они отказались присоединиться к Павсанию в его походе против Фрасибула и афинских изгнанников в Пирее. Но лакедемоняне были достаточно сильны, чтобы презирать это отчуждение союзников и даже мстить тем, кто навлек на себя их неудовольствие. Среди них были элианцы, на территорию которых они вторглись, но с которой отступили при появлении землетрясения”.

В следующем году спартанцы под предводительством царя Агиса снова вторглись на территорию Элиды, обогатившись за счет подношений храму Олимпии. Огромная добыча в

виде рабов, крупного рогатого скота и провизии была результатом этого вторжения, спровоцированного отказом элийцев оказать помощь в войне против Афин. Элианцы были вынуждены согласиться на жесткие условия мира, и все враги Спарты были изгнаны с Пелопоннеса.

Обогащение Спарты.

Таково было победоносное положение Спарты по окончании Пелопоннесской войны. Большие перемены произошли и во внутренних делах страны. Люди обогатились благодаря успешной войне, и золото и серебро были допущены вопреки старому институту Ликурга, который признавал только железные деньги. Общественные деятели обогатились за счет взяток. Строгость старого правила спартанской дисциплины постепенно ослабевала.

Заговор против Штатов.

Именно тогда, вскоре после восшествия Агесилая на трон, после смерти Агиса, в самой Спарте вспыхнул опасный заговор, возглавляемый Синадоном, человеком силы и мужества, который видел, что люди его класса были лишены государственных почестей и отличий олигархией — эфорами и сенатом. Но восстание, хотя и подавленное энергией Агесилая, все же вызвало опасное недовольство, которое ослабило мощь государства.

Лакедемонянский флот под угрозой. Морская победа над лакедемонянами.

Лакедемонянской морской мощи в этот кризис серьезно угрожал союз персидского и афинского флотов под командованием Конона. Этот замечательный человек спасся от катастрофы при Эгоспотамии на восьми триремах и нашел убежище на Кипре, которым правил его друг Эвагор, где он оставался до тех пор, пока война между Спартой и персами не придала новое направление его предприимчивому гению. Он присоединился к Фарнабазу, разгневанному на спартанцев из-за вторжения Лисандра и Агесилая в его сатрапию, и тот доверил ему командование персидским флотом. Ему удалось вывести Родос из состава спартанского союза, и некоторое время спустя он одержал решающую победу над Писандром — спартанским адмиралом у Книда, что ослабило могущество Спарты на море, до 394 г. до н.э.. Более половины спартанских кораблей были захвачены и уничтожены.

Восстание в Фивах.

Этот огромный успех придал смелости Фивам и другим государствам сбросить спартанское иго. Лисандр был отстранен от своего командования на Геллеспонте, чтобы действовать против Беотии, в то время как Павсаний повел армию из Пелопоннеса. Фиванцы, которым угрожала вся мощь Спарты, обратились к Афинам, и Афины ответили, больше не находясь под контролем Тридцати тиранов. Лисандр был убит перед Галиартом, что стало непоправимым ударом для Спарты, поскольку он был ее самым способным военачальником. Павсаний был вынужден покинуть Беотию, и враги Спарты воспрянули духом. Теперь был заключен союз между Афинами, Коринфом, Фивами и Аргосом для ведения войны против Спарты.

Возобновление власти города.

Фивы в это время выходят из разряда второстепенной державы и постепенно возвышаются до ранга восходящего города. Ее ведущим гражданином был Исмений, один из великих

организаторов антиспартанского движения — предшественник Пелопида и Эпаминонда. Он провел успешные операции в северной части Беотии и захватил Гераклею.

Битва при Коронее.

Такие успехи побудили лакедемонян отозвать Агесилая из Азии и сосредоточить все свои силы против этого нового союза, самыми могущественными городами которого в то время были Фивы и Коринф. Силы союзников также были значительными — около двадцати четырех тысяч гоплитов, не считая легких войск и кавалерии, и они были собраны в Коринфе, где заняли оборонительную позицию. Лакедемоняне двинулись в атаку на них и одержали нерешительную победу в 394 году до н.э., что обеспечило им господство в пределах Пелопоннеса, но не дальше. Агесилай двинулся из Азии через Фракию, чтобы сотрудничать, но на границах Беотии узнал новости о великой битве при Книде. При Коронее произошла еще одна битва между спартанскими и антиспартанскими войсками, которая также была нерешительной, но в которой фиванцы проявили большой героизм. Это сражение вынудило Агесилая со спартанскими войсками, которыми он командовал, отступить из Беотии.

Упадок Спарты.

Это сражение стало моральным поражением Спарты. Почти все ее морские союзники покинули ее - все, кроме Абидоса, который удерживал знаменитый Дерциллидас. Фарнабаз и Конон теперь отплыли со своим флотом в Коринф, но персидский сатрап вскоре уехал, и Конон остался единственным адмиралом, которому помогали персидские деньги. С этой помощью он восстановил длинные стены Афин при сердечном содействии тех союзников, которые когда-то выступали против Афин.

Коринф становится центром войны.

У Конона были большие планы по восстановлению афинского могущества. Он организовал крупный отряд наемников в Коринфе, который теперь стал ареной военных действий. Но поскольку из-за присутствия в городе такого количества солдат произошло много бед, возник заговор, возглавляемый олигархической партией, с целью восстановления лакедемонянской власти. Пасимел, глава заговорщиков, впустил врага в длинные городские стены, которые, как и в Афинах, обеспечивали сообщение между городом и портом. И между этими стенами произошла битва, в которой лакедемоняне одержали победу, понеся тяжелые потери. Они разрушили часть стен между Коринфом и портом Лехей, совершили вылазку и захватили две коринфские крепости, но город Коринф остался в руках их доблестных защитников под предводительством афинянина Ификрата. Длинные стены были вскоре восстановлены с помощью афинян, но снова были отбиты Агесилаем и спартанцами вместе с Лечеем. Этот успех встревожил Фивы, которые безуспешно добивались мира. Война продолжалась, и коринфяне потеряли Пирей, важный островной порт, что побудило фиванцев снова начать переговоры о мире, которые были с презрением отклонены.

Великая катастрофа для Спарты.

В разгар этих успехов до Агесилая дошла весть о катастрофе, которая повлекла за собой важные последствия и испортила его триумф. Это было уничтожение отряда из шестисот лакедемонянских гоплитов легкими войсками Ификрата - беспрецедентная победа, поскольку гоплиты в своих тяжелых защитных доспехах презирали пельтарцев с их дротиками и стрелами,

точно так же, как рыцари средневековой Европы презирали столкновение с крестьянами. Это событие возродило мужество антиспартанских союзников и сильно унизило лакедемонян. Это была не только потеря аристократических гоплитов, но и позор от того, что их избили пеларты. Ификрат вернул себе места, которые занял Агесилай, и Коринф остался нетронутым.

Спарта обращается за помощью к Персии.

Спарта, ввиду этих великих бедствий, теперь стремилась отделить Персию от Афин. Она послала Анталсидаса в Ионию, предлагая сдать азиатских греков и обещая всеобщую автономию во всем греческом мире. Эти попытки не понравились союзникам, которые послали Конона противодействовать им. Но Анталкид заручился благосклонностью персидского сатрапа Тирибаса, сменившего Тиссаферна, и он тайно поддержал дело Спарты, схватил Конона и стал причиной его смерти. Тирибаз, однако, не был поддержан персидским двором, который оставался враждебным по отношению к Спарте. Струтас, персидский военачальник, был послан в Ионию, чтобы более энергично действовать против лакедемонян. Он одержал победу в 390 году до н. э. над спартанскими войсками под командованием Тимброна, который был убит.

Смерть Фрасибула.

После смерти Конона лакедемонянам удалось сосредоточить значительный флот близ Родоса. Против этого из Афин был выслан Фрасибул с еще большим отрядом, и он получал преимущества, когда был убит близ Аспенда, в Памфилии, во время мятежа, и Афины потеряли восстановителя своей обновленной демократии, способного полководца и честного гражданина, без мстительной враждебности, которая характеризовала великих людей его времени.

Захват Родоса. Пагубные последствия соперничества греческих государств.

Родос все еще держался против лакедемонян, которыми теперь командовал Анаксибий вместо Дерциллида. Он был застигнут врасплох Ификратом и был убит, а афиняне под предводительством этого доблестного вождя снова стали хозяевами Геллеспонта. Но этот успех был уравновешен отступничеством Эгины, остров которой лакедемоняне втянули в войну с Афинами. Мне нет нужды подробно описывать различные предприятия обеих сторон, пока Анталсидас не вернулся из Сузов с подтвержденным договором между спартанцами и персидским двором, который положил конец войне между различными противоборствующими сторонами в 387 году до н.э.. Этот договор имел большое значение, но он указывает на потерю всего эллинского достоинства, когда Спарта тоже опускается до того, чтобы подчиниться требованиям персидского сатрапа. Афины и Спарта в разное время обращались за помощью к Персии друг против друга — самый печальный факт во всей истории Греции, показывающий, насколько сильнее было соперничество государств, чем чувство патриотизма, которое должно было объединить их против общего врага. Жертва Ионии была ценой, которую заплатила Спарта, чтобы сохранить свое господство над остальной Грецией, а Персия правила всеми греками на азиатском побережье. Спарта стала хозяйкой Коринфа и Коринфского перешейка. Она организовала антифиванскую олигархию в беотийских городах при спартанском руководстве. Она разложила греческий мир на мелкие осколки. Она сокрушила Олиф и сформировала союз между персидским царем и Дионисием Сиракузским. Короче говоря, она деспотически правила всеми различными государствами.

Теперь мы должны показать, как Спарта утратила завоеванное ею господство и оказалась втянутой в войну с Фивами, и как при Пелопиде и Эпаминонде Фивы на какое-то время стали доминирующим государством Греции.

ГЛАВА XXII.

РЕСПУБЛИКА ФИВЫ.

Фивы.

После Спарты и Афин ни одно государство Греции не достигло превосходства, пока не возникла Македонская империя, за исключением Фив, столицы Беотии; и империя этого города была короткой, хотя и запоминающейся, благодаря выдающемуся военному гению Эпаминонда.

В370 году до н.э. Спарта была восходящей державой Греции, и ее боялись, как и Афины во времена Перикла. Она заключила союз с персидским царем и с Дионисием Сиракузским. Вся Греция, в пределах Пелопоннеса и за его пределами, за исключением Аргоса, Аттики и некоторых фессалийских городов, была включена в конфедерацию под предводительством Спарты, и спартанские губернаторы и гарнизоны заняли главные города.

Под властью Спарты.

Особенно Фивы находились полностью под влиянием и контролем Спарты и, по-видимому, были бессильны. Ее цитадель, Кадмея, была заполнена спартанскими солдатами, и независимости Греции пришел конец. Находясь в союзе с македонцами, персами и сиракузянами, никто не осмеливался подвергать сомнению главенство Спарты или вызывать ее неудовольствие.

Инвективы ораторов против Спарты.

Это уничтожение греческих свобод с помощью старых врагов Греции вызвало сильное возмущение. Оратор Лисий в Афинах дал волю общему чувству, в котором он скрывал свое неудовольствие под видом удивления, что Спарта, как глава Греции, позволила персам при Артаксерксе и сиракузянам при Дионисии поработить Грецию. Оратор Исократ высказался еще более ясно и осудил лакедемонян как “предателей общей безопасности и свободы Греции, поддерживающих иностранных царей в стремлении возвыситься за счет автономных греческих городов — и все это в интересах их собственных эгоистичных амбиций”. Даже Ксенофонт, при всем его пристрастии к Спарте, был еще более категоричен и обвинил лакедемонян в нарушении их клятв.

Неудовольство в Фивах.

В Фивах недовольство было наиболее очевидным, поскольку их ведущие граждане были сосланы, а олигархическая партия, возглавляемая Леонтиадом и спартанским гарнизоном, была деспотичной. Фиванские изгнанники нашли в Афинах сочувствие и приют. Среди них был Пелопид, решивший освободить свою страну от спартанского ига. Поддерживая тесную переписку со своими друзьями в Фивах, он терпеливо искал способы добиться освобождения, которое могло быть осуществлено только путем уничтожения Леонтиада и его коллег, правивших городом. Филидас, секретарь полемархов, вступил в заговор и, будучи отправлен с посольством в Афины, придумал способ для Пелопида и его друзей вернуться в Фивы и совершить переворот. Харон, выдающийся патриот, согласился приютить заговорщиков в своем доме до тех пор, пока они не нанесут удар. Эпаминонд, живший тогда в Фивах, отговаривал от этого предприятия как от слишком рискованного, хотя все его симпатии были на стороне заговорщиков.

Восстание под предводительством Филидаса. Его успех.

Когда все было готово, Филидас устроил пир в своем доме для полемархов, согласившись ввести в компанию нескольких женщин из первых семей Фив, отличавшихся своей красотой. Объединившись с фиванскими изгнанниками в Афинах, Пелопид с шестью спутниками пересек Киферон и прибыл в Фивы в декабре 379 года до н.э., переодетые охотниками, без иного оружия, кроме спрятанных кинжалов. По счастливой случайности они вошли в ворота и укрылись в доме Харона до ночи пиршества. Они были введены в банкетный зал, когда полемархи были полны вина, переодетые в женские одежды, и с помощью своих фиванских заговорщиков убили троих полемархов их кинжалами. Леонтиадиса там не было, но заговорщики были тайно доставлены в его дом и достигли своей цели. Леонтиадис был убит в присутствии своей жены. Затем заговорщики проследовали в тюрьму, убили тюремщика и освободили заключенных, а затем в полночь глашатаи провозгласили на улицах, что деспоты повержены и Фивы свободны. Но спартанцы все еще удерживали цитадель и, узнав о государственном перевороте, были отправлены домой за подкреплением. Но прежде чем они успели прибыть, Пелопид и получившие гражданские права граждане взяли штурмом Кадмею, разогнали гарнизон, казнили фиванских олигархов и полностью овладели городом.

Фиванская революция произвела большую сенсацию. Фивы заключают союз с Афинами.

Эта неожиданная революция ощущалась по всей Греции, как электрический разряд, и оказала мощное моральное воздействие. Но спартанцы, хотя стояла глубокая зима, отправили экспедицию под командованием царя Клеомброта — Агесилай был инвалидом — отвоевывать Фивы. Он провел свою армию вдоль Коринфского перешейка, через Мегару, но ничего не предпринял и вернулся, оставив своего наместника Сфодрия вести военные действия. Сподрий, узнав, что Пирей беззащитен, предпринял попытку захватить его, но потерпел неудачу, и это возмущение настолько возмутило афинян, что они прогнали лакедемонянских послов и объявили войну Спарте. Теперь Афины приложили усилия, чтобы сформировать вторую морскую конфедерацию, подобную Делосской, и Фивы записали себя в ее члены. Поскольку афинские посланники, отправленные на Эгейские острова, обещали самые либеральные принципы, была сформирована новая конфедерация. Конфедераты собрались в Афинах и пригрозили широкомасштабной войной. Было принято решение вооружить двадцать тысяч гоплитов, пятьсот всадников и двести трирем. Для продолжения войны в Афинах был введен новый налог на собственность.

Фиванское правительство.

В Фивах царил большой энтузиазм, и Пелопид вместе с Хароном и Мелоном были названы первыми беотраками. Фиванское правительство стало демократическим по форме и духу, а вооруженные силы подверглись суровой подготовке. Для особой обороны цитадели была организована новая бригада из трехсот гоплитов, названная Священным отрядом, состоящая из молодых людей из лучших семей, отличавшихся силой и мужеством. Фиванцы всегда были хорошими солдатами, но народный энтузиазм создал лучшую по своей численности армию в Греции.

Эпаминонд. Его достижения.

Эпаминонд теперь выступает как лидер редкого мастерства, которому суждено было добиться величайшей военной репутации среди всех греков до или после него, за исключением Александра Македонского — своего рода Густава Адольфа, внедрившего новую тактику в греческую войну. Он был в расцвете сил, принадлежал к бедной, но почтенной семье, моложе Пелопида, который был богат. Он приобрел большую известность своими гимнастическими упражнениями и был самым образованным человеком в Фивах, хорошим музыкантом и еще более великим оратором. Он научился играть как на лире, так и на флейте у лучших мастеров, искал общения с учеными, но был особенно красноречив в речи и эффективен даже против лучших афинских противников. Он был скромным, неамбициозным, патриотичным, интеллектуальным, довольствовался бедностью, щедр и бескорыстен. Когда Кадмея была взята, он ничем не выделялся, и о его редких достоинствах знали только Пелопид и его друзья. Он был одним из первых, кто присоединился к революционерам, и Пелопид включил его в число организаторов вооруженных сил.

Спарта нападает на Фивы.

Теперь спартанцы предприняли новые усилия, и царь Агесилай, величайший военный человек, которым может похвастаться Спарта, весной 378 года до н.э. выступил с большой армией, чтобы напасть на Фивы. Он основал свою штаб-квартиру в Феспии, откуда отправился опустошать фиванскую территорию.

Неравные по силам фиванцы и афиняне все еще удерживали поле боя против него, действуя в обороне, уклоняясь от сражения и занимая сильные позиции. После месяца беспорядочной войны Агесилай ушел в отставку, оставив Фебида командовать в Феспиях, который был убит во время неосторожного преследования врага.

Вторая неудачная экспедиция Агесилая.

Следующим летом Агесилай предпринял вторую экспедицию в Беотию, но не добился решающего преимущества, в то время как фиванцы приобрели опыт, мужество и силу. Агесилай растянул свою хромую ногу, был неспособен к активным действиям и вернулся в Спарту, оставив Клеомброта командовать спартанскими войсками. Он не смог войти в Беотию, поскольку перевалы через гору Киферон удерживали фиванцы, и он бесславно отступил, даже не достигнув Беотии.

Морская победа афинян. Победа Пелопида.

Теперь спартанцы решили снарядить крупные военно-морские силы для действий против Афин, с помощью которых фиванцы удерживали свои позиции в течение двух лет. Афиняне, со своей стороны, также снарядили флот при содействии своих союзников под командованием Хабрия, который разбил лакедемонянский флот близ Наксоса в 376 году до н. э.. Это была первая крупная победа, одержанная Афинами со времен Пелопоннесской войны, которая наполнила ее граждан радостью и уверенностью и привела к существенному расширению их морского союза. Фокион, командовавший эскадрой, выделенной из флота Хабрия, также победоносно обогнул Эгейское море, захватил двадцать трирем, три тысячи пленных, сто десять талантов денег и присоединил к конфедерации семнадцать городов. Тимофей, сын Конона, был послан с флотом Хабрия обогнуть Пелопоннес и поднять тревогу на побережье Лаконии. Важный остров Коркира вошел в состав конфедерации, и другой спартанский флот под командованием Николоха потерпел поражение, так что афиняне снова стали хозяевами моря. Но, восстановив свое господство, Афины стали ревновать к растущей мощи Фив, ныне владычиц Беотии, и эта ревность, непростительная после таких неудач, усилилась, когда Пелопид одержал великую победу над лакедемонянами близ Тегиры, которая привела к изгнанию их врагов из всех частей Беотии, за исключением Орхомена, на границах Фокиды. Теперь эта территория подверглась нападению победоносных фиванцев, после чего Афины заключили мир с лакедемонянами.

Ревность греческих республик.

Таким образом, может показаться, что древнегреческие государства постоянно ревниво относились к любой восходящей силе, и их политика не отличалась от той, которая была введена в современной Европе после Вестфальского мирного договора и называлась балансом сил. До сих пор Греция не стремилась распространить свое господство на иностранные государства, но стремилась к автономной независимости нескольких государств, из которых она состояла. Если бы Греция объединилась под руководством Спарты или Афин, ее иностранные завоевания могли бы быть значительными, а ее мощь, централизованная и грозная, могла бы сравниться даже с римлянами. Но в стремлении каждого государства обеспечить свою независимость присутствовала постоянная и недостойная зависть к каждому восходящему государству, когда оно достигало определенной точки процветания и славы. Поэтому различные государства объединились под властью Спарты в Пелопоннесской войне, чтобы подорвать господство Афин. И когда Спарта стала доминирующей державой Греции, Афины объединились с Фивами, чтобы сломить ее господство. И теперь Афины начинают ревновать к Фивам и заключают мир со Спартой точно так же, как Англия в восемнадцатом веке объединилась с Голландией и другими государствами, чтобы предотвратить усиление Франции, как ранее различные державы Европы объединились, чтобы предотвратить господство Австрии.

Унижение Спарты.

Теперь могущество Спарты было явно унижено, и одним из величайших свидетельств этого был отказ Спарты оказывать помощь городам Фессалии, которым грозила опасность быть завоеванными Ясоном, деспотом Фер, чья грозная сила теперь вызывала тревогу в Северной Греции.

Военные действия между Афинами и Спартой. Мир между Афинами и Спартой.

Мир, который Спарта заключила с Афинами, был очень непродолжительным. Лакедемоняне решили напасть на Коркиру, которая присоединилась к Афинской конфедерации. Собранные у союзников вооружение под командованием Мнаsipпа весной 373 года до н.э. двинулось против Коркиры. Жителям, загнанным за стены города, грозил голод, и они обратились за помощью к афинам. Однако до того, как он прибыл, коркиряне, чрезмерно уверенные в победе, совершили успешную вылазку против спартанских войск, в ходе которой Мнаsipп был убит, а город стал снабжаться провизией. После победы прибыл Ификрат, командовавший задержавшимся афинским флотом, и захватил корабли, которые Дионисий Сиракузский послал на помощь лакедемонянам. Эти неудачи побудили спартанцев снова послать Антаьсидаса в Персию, чтобы потребовать нового вмешательства, но сатрапы, не имея больше ничего, что можно было бы получить от Спарты, отказались от помощи. Но Афины были не прочь к миру, поскольку она больше не завидовала Спарте, а завидовала Фивам. Тем временем Фивы захватили Платею, город Беотия, недружелюбный к ее власти, и изгнали жителей, которые искали убежища в Афинах, что усилило чувство недовольства по отношению к растущей власти. Это событие привело к возобновлению переговоров о мире между Афинами и Спартой, которые были проведены на конгрессе, проходившем в последнем городе. Афинский оратор Каллистрат, один из послов, предложил, чтобы Спарта и Афины разделили главенство в Греции между собой, при этом первые имели господство на суше, вторые - на море. Мир был заключен на основе автономии каждого города.

Эпаминонд на конгрессе в Спарте.

Эпаминонд был фиванским депутатом на этом конгрессе. Он настоял на том, чтобы принести присягу от имени беотийской конфедерации, как это сделала Спарта для себя и союзников. Но Агесилай потребовал, чтобы он принес клятву только за Фивы, как Афины принесли ее только за себя. Он отказался и запомнился своими красноречивыми речами, в которых протестовал против притязаний Спарты. “Почему, ” настаивал он, “ Фивы не должны отвечать за Беотию, а Спарта - за Лаконию, поскольку Фивы имели такое же влияние в Беотии, какое Спарта имела в Лаконии?” Наконец Агесилай в негодовании вскочил со своего места и сказал Эпаминондасу: “Говори прямо. Оставьте ли вы каждому из беотийских городов отдельную автономию или нет? На что другой ответил: “Оставьте ли вы каждый из лаконских городов автономным?” Не говоря ни слова, Агесилай вычеркнул имя фиванцев из списка, и они были исключены из договора.

Возобновление военных действий между Спартой и Фивами.

Теперь война должна вестись между Спартой и Фивами, поскольку между всеми остальными государствами был заключен мир. Депутаты Фив вернулись домой обескураженные, зная, что теперь их городу придется в одиночку столкнуться со всей мощью доминирующего государства Греции. “Афиняне, дружественные обоим, но не союзники ни с тем, ни с другим, потерпели разрешение спора, не вмешиваясь”. Суть его заключалась в том, находились ли Фивы в таком же отношении к беотийским городам, в каком Спарта находилась к лаконским городам. Агесилай утверждал, что отношения между Фивами и другими беотийскими городами были такими же, как между Спартой и ее союзниками. Этому воспротивился Эпаминонд.

Великие приготовления Спарты.

После конгресса в 371 году до н.э. и Спарта, и Афины выполнили условия, на которых поклялись их депутаты. Последний приказал Ификрату возвращаться домой со своим флотом, который

угрожал лакедемонянскому побережью; первый отозвал свои гарнизоны из всех городов, которые она занимала, в то время как она из всех сил готовилась к покорению Фив. Ожидалось, что такое могущественное государство, как Спарта, вскоре достигнет своей цели, и мало кто в Беотии сомневался в ее успехе.

Поражение фиванских войск.

Соответственно, царю Клеомброту было приказано выступить из Фокиды, где он находился с мощным войском, в Беотию. Эпаминонд с отрядом фиванцев занял узкий проход близ Коронеи, между отрогом горы Геликон и озером Копайс. Но вместо того, чтобы форсировать этот перевал, спартанский царь повернул на юг по горной дороге, через Геликон, что считалось едва ли осуществимым, и разгромил фиванский отряд, охранявший его, и двинулся к Крезису, на берегу Алкионидского залива, и захватил двенадцать фиванских трирем в гавани. Затем он оставил гарнизон занимать этот пост и двинулся по горной дороге на территории Феспии, на восточном склоне Геликона, к Левктрам, где разбил лагерь. Сейчас он находился недалеко от Фив, поддерживая связь со Спартой через порт Крезис. Фиванцы были встревожены, и Эпаминонду и Пелопиду потребовались весь такт и красноречие, чтобы сплотить их. Наконец они выступили из Фив под предводительством своих семи бэтрархов и расположились напротив спартанского лагеря. Эпаминонд был одним из таких полководцев и настаивал на немедленном сражении, хотя силы фиванцев были слабее.

Военная тактика Эпаминонда. Великая победа, одержанная Фивами.

Именно благодаря ему произошло изменение в обычной греческой тактике. Было принято сражаться одновременно по всей линии, в которой были выстроены противоборствующие армии. Отступая от этого обычая, он расположил свои войска наискосок, или эшелонам, разместив слева от себя отборных фиванских гоплитов в глубину пятидесяти человек, чтобы с безудержной силой атаковать правый фланг спартанцев, в то время как его центр и правый фланг были на некоторое время выведены из строя. Такая неожиданная комбинация оказалась полностью успешной. Спартанцы не смогли противостоять сосредоточенной и стремительной атаке, предпринятой справа от них во главе Священного Отряда с пятьюдесятью щитами позади. Клеомброт, спартанский царь, был убит вместе с самыми выдающимися из своих приближенных, и спартанцы были отброшены обратно в свой лагерь. Союзники, которые сражались без духа и сердец, не могли сплотиться. Победа была решающей и произвела огромное впечатление на всю Грецию, ибо прошло всего двадцать дней с тех пор, как Эпаминонд покинул Спарту, лишенный возможности соблюдать всеобщий мир. Спартанцы перенесли поражение со свойственной им стойкостью, но их престиж был подорван. В Беотии появился новый военачальник, который довел до конца все. Афиняне слышали об этой победе с плохо скрываемой завистью к растущей силе.

Спартанцы эвакуируют Беотию.

Ясон, тиран Феры, теперь присоединился к фиванскому лагерю, и спартанская армия была вынуждена покинуть Беотию. Великая победа при Левктре значительно расширила фиванское могущество и положила конец спартанскому владычеству к северу от Пелопоннеса. Все города Беотии признали фиванское превосходство, в то время как гарнизоны, которые Спарта разместила в греческих городах, были вынуждены вернуться домой. Спарта теперь была обескуражена и беспомощна, и даже многие пелопоннесские города подчинились Афинам.

Никто так не пострадал от свержения спарты, как аркадяне, главными городами которых управляла олигархия в интересах Спарты, такими как Тегея и Орхомен, в то время как Мантинея была разделена на деревни. Аркадийцы, свободные от спартанских правителей и переставшие отныне рассчитывать на победу и грабеж на службе у Спарты, стали враждебными и стремились к своей политической независимости. Был образован панаркадийский союз.

Агесилай вступает в Аркадию. Эпаминонд вторгается в Спарту.

Спарта предприняла попытку восстановить свое господство над Аркадией, и Агесилай был послан в Мантинею со значительными силами, поскольку город восстановил свои стены и возобновил свою прежнюю консолидацию, что было большим оскорблением в глазах Спарты. Аркадийцы, захваченные спартанцами, сначала обратились за помощью к Афинам, но, получив отказ, обратились к Фивам, и Эпаминонд пришел им на помощь с огромной армией вспомогательных войск — аргейцев, элийцев, фокейцев, локрийцев, а также фиванцев, ибо его слава теперь привлекала авантюристов со всех сторон под его знамена. Эти силы побудили его вторгнуться в самую Лаконию, и его великая армия, состоящая из четырех дивизий, проникла в страну через разные проходы. Он переправился через Евроту и двинулся к Спарте, которая была в величайшем смятении не только из-за близкого присутствия Эпаминонда с мощной семидесятитысячной армией, но и из-за недовольства илотов. Но Агесилай обеспечил городу наилучшую возможную защиту, в то время как были использованы все средства для привлечения вспомогательных сил из других городов. Эпаминонд не осмелился пытаться взять город штурмом и, опустошив Лаконию, вернулся в Аркадию. Это оскорбление Спарты имело огромную моральную силу и было сильным унижением, даже большим, чем то, которое было нанесено после битвы при Левктрах.

Восстанавливает независимость Мессении. Спартанское царство расчленено.

Эта экспедиция, хотя и была бессильна против самой Спарты, подготовила Эпаминонда к выполнению реальной задачи, которая привела к помощи аркадцев. Это было восстановление Мессении, которая была завоевана Спартой двести лет назад. Новый город Мессения был построен на месте горы Итома, где мессенцы защищались в своей долгой войне против лаконийцев, и лучшие каменщики и архитекторы были приглашены со всей Греции для прокладки улиц и возведения общественных зданий, в то время как Эпаминонд руководил укреплениями. Вся территория к западу и югу от Итомы — юго-западный угол Пелопоннеса, богатейший на полуострове, — теперь отошла к Спарте, в то время как страна на востоке была защищена новым городом в Аркадии, Мегалополисом, который построили аркадцы. Эта обширная территория, лучшая половина территории Спарты, была, таким образом, отделена от Спарты и заселена илотами, которые стали свободными людьми, испытывающими неугасимую ненависть к своим старым хозяевам. Но эти илоты, вероятно, были потомками древних мессенцев, которых покорил Спарта. Эта реконструкция Мессении и строительство двух городов, Мессении и Мегалополя, были работой Эпаминонда и стали самыми важными событиями того дня. Последний город был задуман как центр новой конфедерации, включающей всю Аркадию.

Спарта заключает союз с Афинами.

Когда Спарта была таким образом искалечена, расчленена и унижена, Эпаминонд покинул Пелопоннес, преисполненный, однако, неослабевающей враждебности. Спарта снисходит до

того, чтобы просить помощи у Афин, настолько полностью была подорвана ее власть Фиванским государством, и Афины соглашались помочь ей в условиях растущего страха и ревности Фив, тем самым показывая, что вражда греческих государств выросла из политической ревности, а не из мести или нанесенного ущерба. Спасение Спарты было мудрой политикой, если было необходимо сохранить равновесие против господства Фив. Была собрана армия, и Ификрат был назначен военачальником. Сначала он двинулся на Коринф, а оттуда в Аркадию, но начал войну без каких-либо важных результатов.

Греция освободилась от спартанского ига.

Таковы были великие политические перемены, произошедшие в течение двух лет под влиянием такого героя, как Эпаминонд. Лакония была захвачена и опустошена, спартанцы были заперты в своих стенах, Мессения была освобождена от спартанского владычества, были построены два важных города, которые служили большими крепостями для подавления Спарты, илоты были обращены в свободных людей, и Греция в целом была освобождена от спартанского ига. Таковы были последствия битвы при Левктре.

И эта битва, которая таким образом подорвала престиж Спарты, также привела к возрождению надежд афинян на восстановление утраченной ими власти. Афины уже восстановили господство на море и стремились к еще большему морскому величию. На суше она могла оставаться лишь второсортной державой и служить оплотом против фиванского господства.

Афины стремятся вернуть Амфиполь. Часть Фессалии под защитой Фив.

Афины также стремились вернуть Амфиполь - морской город, колонизированный афинянами, в верховьях Стримониканского залива в Македонии, который был отнят у нее Брасидасом во время Пелопоннесской войны. Аминта, царь Македонии, ищущий помощи против Ясона из Феры, чье фессалийское владычество, личные таланты и честолюбие в сочетании сделали его могущественным правителем, согласился с правом Афин на этот город. Но Аминта умер вскоре после убийства Ясона, и Фессалией, и Македонией правили новые цари, и возникли новые осложнения. Многие фессалийские города, враждебные Александру, сыну Ясона, обратились за помощью к Фивам, и Пелопид был послан в Фессалию с армией, которая взяла Лариссу и ряд других городов под свою защиту. Таким образом, большая часть Фессалии перешла под защиту Фив. С другой стороны, Александру, сменившему Аминту в Македонии, было трудно поддерживать свои собственные владения, не имея гарнизона в фессалийских городах. Он также подвергся внутренним волнениям, возглавляемым Павсанием, и был убит. Птолемей из Алоруса теперь стал регентом и управлял королевством от имени несовершеннолетних детей Аминты — Пердикки и Филиппа. Мать этих детей, Эвридика, вместе со своими детьми явилась к Ификрату и попросила защиты. Он выступил в ее пользу, изгнал Павсания и заручился скипетром Аминты, который был дружелюбен к афинянам, к своим детям, при Птолемею в качестве регента. Младший из этих детей жил, чтобы свергнуть свободы Греции.

Фиванское господство в Фессалии и Македонии.

Но Ификрат не вернул Амфиполь, который был свободным городом и перешел на сторону спартанцев после того, как его захватил Брасидас. Впоследствии Ификрат был послан на помощь Спарте в отчаянном противостоянии с Фивами. Союзная спартанская армия заняла Коринф и охраняла перевалы, которые препятствовали проникновению фиванцев в Пелопоннес. Эпаминонд прорвал оборону спартанцев и установил связь со своими

пелопоннесскими союзниками, и с этими возросшими силами спартам и афинянам было более чем по силам. Он разорил страну, вынудил Сикион покинуть Спарту и посетил Аркадию, чтобы руководить строительством Мегалополиса. Тем временем Пелопид, в 368 году до н.э., предпринял экспедицию в Фессалию, чтобы защитить Лариссу от Александра Ферейского и противодействовать плану этого деспота, который был в союзе с Афинами. Он добился успеха, а затем направился в Македонию и заключил мир с Птолемеем, который был недостаточно силен, чтобы противостоять ему, взяв в числе других заложников в Фивах Филиппа, сына Аминты. Фиванцы и македоняне теперь объединились, чтобы защитить свободу Амфиполя от Афин. Пелопида вернулась в Фивы, распространив свое влияние как на Фессалию, так и на Македонию.

Фивы теперь претендуют на лидерство в Греции.

Фивы, теперь претендовавшие на главенство в Греции, послали Пелопида с миссией к персидскому царю в Сузы, который получил благоприятный рескрипт. Государства, которые были созданы в Фивы для оглашения рескрипта, отказались принять его; и даже аркадские депутаты протестовали против главенства Фив. Столь сильны были настроения всех греческих государств, от первого до последнего, против полного господства какой-либо одной державы, будь то Афины, или Спарта, или Фивы. Рескрипт также был отклонен в Коринфе. Пелопид был отправлен в Фессалию, чтобы добиться признания главенства Фив; но при выполнении своей миссии он был схвачен и заключен под стражу Александром Ферейским.

Затем фиванцы послали армию в Фессалию, чтобы спасти Пелопида. К сожалению, Эпаминонд не командовал ею. Нанеся оскорбление своим соотечественникам, он не был избран в том году в отархом, а служил в рядах рядовым гоплитом. Александр, которому помогали афиняне, одержал победу в своем акте предательства и обошелся со своим прославленным пленником сурово, и фиванская армия, потерпев неудачу, вернулась домой.

Фивы спасают Пелопида. Сложные политические отношения греческих государств.

Затем фиванцы послали другую армию под командованием Эпаминонда в Фессалию для спасения Пелопида, и имя его внушало такой ужас, что Александр сдал своего пленника и попытался заключить мир. Но спасение Пелопида помешало Фивам вести войну на Пелопоннесе. Однако, как только это было сделано, Эпаминонд был отправлен в качестве посланника в Аркадию, чтобы отговорить ее от предполагаемого союза с Афинами, и там ему пришлось бороться с афинским оратором Каллистратом. Сложные отношения различных греческих государств теперь стали настолько запутанными, что в книге, подобной этой, бесполезно пытаться их распутать. Переговоры между Афинами и Персией, усилия Коринфа и других городов по обеспечению мира, стремление Афин сохранить господство на море, создание фиванского военно—морского флота - эти и другие события следует пропустить мимо ушей.

Но мы не можем не заметить смерть Пелопида.

Смерть Пелопида. Горе фиванцев.

Он был послан с армией в Фессалию против Александра Ферейского, который находился на пике своего могущества, держа в зависимости значительную часть Фессалии и имея Афины в качестве союзника. В битве, которая произошла между Пелопидом и Александром близ Фарсала, фессалийцы были разбиты. Пелопид, видя, что его враг явно в пределах досягаемости, и помня только о своих ранах, совершил вылазку без поддержки, подобно Киру, на поле Кунаксы, при виде своего брата, чтобы напасть на него, когда тот был окружен охраной, и пал, храбро сражаясь. Ничто не могло превзойти скорбь победоносных фиванцев в связи с этим бедствием, которое стало результатом непростительной опрометчивости. Он пользовался расположением благодаря непрерывным службам с того дня, как убил спартанских правителей и восстановил независимость своего города. Он принимал видное участие во всех сражениях, которые привели Фивы к неожиданной славе, и уступал по способностям только Эпаминондасу, к которому всегда относился более чем по-братски, без зависти и упреков. Все, что могли сделать Фивы, - это отомстить за его смерть. Александр был лишен всех своих фессалийских владений и ограничен своим собственным городом с его территорией недалеко от Пегасского залива.

Орхомен восстает против Фив. Печальная судьба города.

Именно в то время, когда Пелопид был занят своей фессалийской кампанией, во втором городе Беотии —Орхомене, на озере Копайс, произошел заговор против власти Фив. Этот город всегда был недоволен, и в отсутствие Пелопида в Фессалии и Эпаминонда с флотом на Геллеспонте около трехсот богатейших граждан предприняли свержение существующего правительства. Заговор был раскрыт до того, как он созрел для приведения в исполнение, заговорщики были казнены, сам город разрушен, взрослые мужчины убиты, а женщины и дети проданы в рабство. Этот варварский акт был всего лишь результатом долго сдерживаемой ненависти фиванцев, но он вызвал большое волнение против Фив по всей Греции. Город, действительно, сочувствовал делу спарты и был бы разрушен раньше, если бы не заступничество Эпаминонда, чья политика всегда была мягкой и великодушной. Для этого военачальника, ныне переизбранного одним из ботархов, было предметом глубокого горя то, что Фивы запятнали свое имя этой жестокой местью, поскольку он знал, что это усилит растущую враждебность против власти, которая так внезапно достигла величия.

Возобновление боевых действий. Эпаминонд пытается заставить Спарту врасплох. Его великая победа над лакедемонянами при Мантинее. Его смерть.

Враждебные действия, как он и опасался, вскоре привели к обострению отношений между Спартой и Фивами. И все это было вызвано трудностями в Аркадии, находившейся в то время в состоянии войны с Элидой, и присвоением аркадцами сокровищ Олимпии. Спарта, Элида и Ахайя заключили союз, и Аркадия обратилась за помощью к Фивам. В результате Эпаминонд выступил с большой армией в Пелопоннес и собрал свои силы в Тегее, которая находилась под защитой Фив. В его армию входили, помимо фиванцев и беотийцев, эвбейцы, фессалийцы, локрийцы и другие союзники из Северной Греции. Спартанцы в союзе с элианами, ахейцами и афинянами объединились в Мантинее под командованием Агесилая, теперь восьмидесятилетнего старика, но все еще бодрого и крепкого. Тегея лежала на прямой дороге из Спарты в Мантинею, и пока Агесилай двигался более кружным путем на запад, Эпаминонд решил напасть на Спарту врасплох. Это движение было неожиданным, и ничто не спасло Спарту, кроме случайной информации, которую Агесилай получил об этом движении от гонца,

вовремя повернувшего обратно в Спарту и приведшего ее в состояние обороны до прибытия Эпаминонда, поскольку Тегея находилась всего примерно в тридцати милях от Спарты. Фиванский полководец был не в состоянии штурмовать город, и его предприятие провалилось не по его вине. Увидев, что Спарта защищена, он немедленно двинулся обратно в Тегею и послал свою кавалерию напасть врасплох на Мантинею, находившуюся примерно в пятнадцати милях отсюда. Внезапность была сведена на нет неожиданным прибытием афинской кавалерии. Между этими двумя отрядами кавалерии произошло столкновение, в котором афиняне получили преимущество. Эпаминонд не видел тогда иного шанса нанести удар, кроме как в решительном сражении всеми своими силами. Поэтому он выступил из Тегеи навстречу врагу, который не ожидал нападения и оказался неподготовленным. Он применил ту же тактику, которая принесла ему успех при Левктрах, и расположился со своей фиванской фалангой слева, против противостоящего правого фланга, и обрушился с непреодолимой силой, как пехоты, так и кавалерии, в то время как он удерживал центр и правый фланг, состоящий из его надежных войск, до тех пор, пока исход сражения не решится. Его колонна, насчитывавшая около пятидесяти щитов в глубину, напирала на колонну противника, насчитывавшую всего восемь щитов в глубину, подобно носу триремы, направленному против средних кораблей противника в морском бою. Этот способ атаки был полностью успешным. Эпаминонд прорвался сквозь строй лакедемонян, которые развернулись и обратились в бегство, но сам он, продолжая атаку во главе своей колонны, был смертельно ранен. Его пронзили копьем — рукоятка сломалась, оставив наконечник торчать у него в груди. Он тут же упал, и его собственные войска собрались вокруг его истекающего кровью тела, в полной мере выражая свое горе и стенания.

Его великий военный гений. Его характер.

В битве при Мантинее Фивы добились сохранения своих аркадских союзников и своей антиспартанской границы, в то время как Спарта безнадежно утратила свой древний престиж и могущество. Но победа была дорого куплена смертью Эпаминонда, который получил и, вероятно, заслуживает большего неподдельного восхищения, чем любой герой, когда-либо созданный Грецией. Он был великим военным гением и внедрил новую тактику в военное искусство. Он был истинным патриотом, больше думавшим о славе своей страны, чем о собственном возвышении. Он был человеком большой политической проницательности и заслуживает похвалы как великий государственный деятель. Прежде всего, он был незапятнан пороками, великодушен, предан, милосерден на войне, великодушен в победе и трудолюбив в мирное время. Он также был образован, красноречив и мудр, руководствуясь как моральной мудростью, так и гениальностью. Его смерть была невосполнимой потерей — он был одним из тех великих людей, которых его страна не могла пощадить и чьи услуги не мог оказать ни один другой человек. Из современных героев он больше всего напоминает Густава Адольфа. И как Тридцать лет в Германии теряют всякий интерес после битвы при Лойцене, когда шведский герой отдал свою жизнь, защищая своих протестантских братьев, так и фиванское противостояние со Спартой не имеет большого значения после битвы при Мантинее. Единственная крупная ошибка, допущенная Эпаминондом, заключалась в том, что он побудил своих соотечественников соперничать с Афинами за господство на морях. Этот суверенитет был естественной империей Афин, точно так же, как империя суши была славой Спарты. Если бы эти две державы удовлетворились своей собственной сферой деятельности и вступили в настоящий союз друг с другом, Греческая империя могла бы противостоять посягательствам Филиппа и Александра и бросить вызов растущему господству Рима.

Смерть Агесилая. Смерть Артаксеркса.

Вскоре после смерти Эпаминонда, в 362 году до н. э., величайший человек спартанских летописей исчез со сцены истории. Агесилай умер в Египте, отправившись туда, чтобы помочь царю в его восстании из Персии. Он также обладал всеми замечательными качествами принца, солдата, государственного деятеля и мужчины. Он тоже был честолюбив, но только для того, чтобы увековечить могущество Спарты. Ему не повезло сразиться с более великим человеком, но он сделал все, что было во власти царя Спарты, чтобы вернуть ей состояние, и умер в глубоких скорбях и почестях. Артаксеркс умер в 358 году до н.э., подавив восстание своих сатрапов и Египта, правив сорок пять лет, и Ох унаследовал его трон, взяв фамилию своего отца..

Филипп Македонский.

Во время войн между Спартой и Фивами Афины восстановили большую часть своей бывшей морской мощи и преуспели в возвращении Херсонеса. Но теперь перед нашим взором предстает другой великий персонаж — Филипп Македонский, которому удалось свергнуть свободы Греции. Но прежде чем мы представим его карьеру, карьеру Дионисия Сиракузского, необходимо кратко остановиться на великой мощи Сицилии как греческого государства при его жизни.

ГЛАВА XXIII.

ДИОНИСИЙ И СИЦИЛИЯ.

Мы уже видели, как афинский флот был уничтожен при осаде Сиракуз, где Никий и Демосфен потерпели столь прискорбное поражение, которое привело к унижению Афин и потере их могущества как ведущего государства Греции.

Разгром этого великого афинского вооружения в сентябре 413 года до н.э. в сицилийских городах воцарилось опьянение триумфом. Почти все они присоединились к Сиракузам, за исключением Наксоса и Катаны, которые встали на сторону Афин. Агригент был нейтрален.

Сиракузы после провала Никия.

Сиракузяне были слишком измотаны сражением, чтобы довести свою победу до потери независимости этих городов, но они помогли своим союзникам, лакедемонянам, двадцатью триерами против Афин под командованием Гермocrates, в то время как Родос оказал еще большее подкрепление под командованием Дориея. Но Пелопоннесская война закончилась не так быстро, как ожидали сиракузяне. Даже объединенные пелопоннесский и сиракузский флоты потерпели два поражения в Геллеспонте. Битва при Киксике была еще более катастрофической, так как спартанский адмирал Миндар был убит, а весь его флот захвачен в плен и уничтожен. Сиракузяне сильно пострадали от этого последнего поражения, и все их

триеры были сожжены, чтобы они не попали в руки врагов, а моряки остались без средств к существованию на Пропонтиде, в сатрапии Фарнабаз. Эти неблагоприятные события привели к позору Гермократа, который стимулировал движение и обещал то, чего не мог выполнить. Но его поведение было хорошим, а обращение с ним несправедливым и суровым. Война признает только успех, каковы бы ни были добродетели и таланты командиров; и это одна из худших фаз войны, когда случайности и обстоятельства вносят больший вклад в военные награды, чем сам гений.

Внутреннее состояние города.

За изгнанием Гермократа последовал триумф демократической партии, и Диокл, влиятельный гражданин, был назначен комиссией из десяти человек для пересмотра конституции и законов. Законы Диокла оставались в силе недолго и были чрезвычайно суровы по своим наказаниям. Но впоследствии они были возрождены и скопированы другими сицилийскими городами и оставались в силе до греческого завоевания острова.

Войны сиракузян с Карфагеном.

Затем сиракузяне энергично вели войну против Наксоса, который встал на сторону Афин, пока она не была внезапно прекращена вторжением карфагенян, древних врагов Греции. Еще в 480 году до н.э. - в тот год, когда Ксеркс вторгся в Грецию — карфагеняне вторглись на Сицилию с наемной армией под командованием Гамилькара с целью восстановления власти тирана Гимеры, изгнанного Тероном Агригентским. Карфагенская армия была разгромлена, а Гамилькар был убит Гелоном, тираном Сиракуз. Это поражение было настолько знаменательным, что прошло семьдесят лет, прежде чем карфагеняне снова вторглись на Сицилию, вскоре после разгрома афинской державы при Сиракузах. Как только защитная морская мощь Афин была выведена из Греции, персы и карфагеняне напали на эллинский мир.

Карфаген. Его морская мощь.

Удивительно, что так мало известно о ранней истории Карфагена, который стал великим соперником Рима. Он был основан финикийцами и стал значительным торговым городом еще до того, как Афины достигли военно-морского господства Греции. Ее владения были обширны на побережье Африки, как на востоке, так и на западе, включая Сардинию и Балеарские острова. На пике ее могущества, перед первой Пунической войной, население составляло почти миллион человек. Он был построен на укрепленном полуострове около двадцати миль в окружности с перешейком. На этом перешейке находилась цитадель Бирса, окруженная тройной стеной и увенчанная на вершине великолепным храмом Эскулапа. Она владела тремя сотнями подчиненных ей городов в Ливии, которая была лишь небольшой частью великой империи, принадлежавшей ей в четвертом веке до нашей эры. Все города на побережье, даже те, что были основаны финикийцами, такие как Гиппо и Утика, были данниками, за исключением Утики. Хотя карфагеняне питали отвращение к сухопутной службе, все же не менее сорока тысяч гоплитов с тысячей кавалеристов и двумя тысячами боевых колесниц выступили из ворот, чтобы оказать сопротивление врагу. Но карфагенские армии в основном состояли из наемников — галлов, иберийцев и ливийцев, и представляли собой разноязыкое воинство по языку и обычаям.

Его политическая конституция.

Политическая конституция Карфагена была олигархической. Ежегодно избирались два царя, которые председательствовали в сенате из трехсот человек, состоящем из представителей знатных семей. Знатные семьи делили между собой, как это было в Риме, государственные должности и влияние и проводили дерзкое различие с народом. Это была аристократия, основанная на богатстве и созданная торговлей, как в Венеции в Средние века. В Карфагене был демос, или народ, с которым советовались по особым случаям; но независимо от того, многочисленны они были или нет, их держали в зависимости от богатых семей с помощью пиров и прибыльных занятий. Правительство было стабильным и хорошо управлялось как в плане внутреннего спокойствия, так и в плане коммерческого расширения.

Его выдающиеся люди.

Первым выдающимся историческим персонажем был Магон, живший в 500 году до н. э., который значительно расширил владения Карфагена. Из двух его сыновей Гамилькар потерпел поражение и был убит Гелоном Сиракузским. Другой сын, Гасдрубал, погиб на Сардинии. Его сыновья оставались самыми могущественными гражданами государства, ведя войну против мавров и других африканских племен. Ганнибал, внук Гамилькара, отличился во вторжении на Сицилию в 410 году до н.э. и с большой армией в сто тысяч человек штурмом взял Селин, перебил сто шестьдесят тысяч жителей и увел в плен еще пять тысяч. Затем он осадил Химеру, которую также взял, и вырезал три тысячи жителей во искупление памяти своего деда. Это были греческие города, и тревога по всей Греции была глубокой из-за этого нового врага. Похоже, что эти события произошли примерно в то время, когда Гермократ был изгнан за неудачную морскую войну. Впоследствии Гермократ попытался войти в Сиракузы, но потерпел поражение и был убит.

Дионисий в Сиракузах.

В этот период на сцене появляется Дионисий — для следующего поколения самое грозное имя в греческом мире. У него не было ни семьи, ни богатства, но он был хорошо образован, поддерживал дело Гермократа и отличился во время внутренних беспорядков, возникших в результате смерти Гермократа и изгнания законодателя Диокла.

Карфагеняне вторгаются на Сицилию.

В 406 году до н.э. на Сицилию снова вторглись крупные силы из Карфагена, которые, по оценкам некоторых авторов, достигали трехсот тысяч человек, в основном наемников. Ганнибал был лидером этих сил. Все греческие города теперь готовились к решительной войне. Сиракузяне послали в Спарту и итальянские греческие города за помощью. Агриджент был в наибольшей опасности и наиболее встревожен из греческих сицилийских городов. По численности и богатству он уступал только Сиракузам, имея население в восемьсот тысяч человек, хотя это, вероятно, преувеличение. Он был богат храмами, виллами и дворцами; его жители были богаты, роскошны и гостеприимны.

Возвышение Дионисия.

Армия Ганнибала двинулась против этого города, который был сильно укреплен и вновь укреплен сильным отрядом войск из Сиракуз под командованием Дафния. Он разгромил иберийских наемников, но не сохранил свою победу, так что карфагеняне получили возможность захватить и разграбить Агриджент. Были, конечно, горькие жалобы на сиракузских

военачальников, которые могли бы предотвратить это бедствие. В результате последовавшего за этим недовольства Дионисий был возведен в командование. Он добился голосования за восстановление изгнанников-гермократов, а также нанял отряд наемных охранников и утвердился в качестве деспота Сиракуз; и он пришел к этой власти с помощью демагогических приемов, объединившись с ультрадемократической партией.

Побежден карфагенянами.

Вскоре после его возвышения карфагеняне под командованием Имолея двинулись в атаку на Гелу, которую Дионисий освободил с пятидесятитысячным войском. Укрепившись между Гелой и морем, напротив карфагенян, он решил атаковать захватчиков, но потерпел поражение и был вынужден отступить, так что Гела попала в руки карфагенян, которые творили свои обычные жестокости. Это поражение вызвало мятеж в Сиракузах, и его дом был разграблен вместе с серебром, золотом и ценностями, которые он уже собрал. Но он быстро вернулся в Сиракузы, наказал мятежников и стал хозяином города, изгнав богатых горожан, которые тщетно препятствовали его возвышению. Он уничтожил все остатки свободы и правил деспотически с помощью своих наемников и простых людей, которые сплотились под его знаменами.

Карфагеняне заключают мир.

Ему повезло, что карфагеняне, хотя и одержали победу при Геле, выступили с мирными предложениями, которые были приняты. Дионисий принял мир, условия которого были выгодны Карфагену, чтобы обеспечить свою собственную власть. Он предал интересы Сицилии врагу из эгоистичных и недостойных побуждений. Весь юг Сицилии был отдан карфагенянам, а Сиракузы - Дионисию.

Дионисий централизует свою власть.

Теперь Дионисий сосредоточил все свои усилия на централизации и поддержании своей власти. Он значительно усилил укрепления Сиракуз. Он построил новую стену с высокими башнями и тщательно продуманными оборонительными сооружениями за пределами мола, соединявшего остров Ортиджия с Сицилией. Он также возвел цитадель. Тогда у него была неприступная твердыня, мощная для нападения и защиты. Крепость, которую он воздвиг на острове Ортиджия, он наполнил своими преданными приверженцами, состоявшими в основном из иностранцев, которым он предоставил постоянную поддержку и резиденцию. Он заново распределил территорию Сиракуз, сохранив лучшие земли для своих друзей, которые таким образом стали гражданами. Благодаря этой массовой конфискации он получил возможность содержать десяти тысячное наемное войско, преданное ему и его тирании. Взносы, которые он вымогал, были огромными, так что за пять лет в его руки перешло двадцать процентов всего имущества Сиракуз.

Выступает против сикелов. Его критическое состояние. Укрепляет укрепления Сиракуз. Его обширные военные приготовления.

Укрепив таким образом свою власть в Сиракузах, он выступил походом против сикелов, находившихся в глубине острова. Но его отсутствием воспользовались недовольные граждане, которые попытались вернуть себе свободу. Он немедленно вернулся в Сиракузы и укрепился в своей крепости, где был осажден повстанцами. Теперь тиран был доведен до отчаяния, и ничто не спасло его, кроме возведенных им неприступных укреплений. Но его положение было

настолько отчаянным, что его приверженцы растаяли, и он начал отказываться от всякой надежды сохранить свое положение. В качестве последнего средства он заручился помощью отряда кампанской кавалерии на карфагенской службе, который был расквартирован в Гелеа, в то время как он забавлял сиракузян, чтобы выиграть время притворной покорностью. Они согласились позволить ему уйти с пятью триерами и ослабили осаду, полагая, что он уже покорен. Тем временем прибыли карфагенские наемники и разбили сиракузян, уже рассеянных и разделенных. Дионисий, обнаружив, что он спасен и восстановлен в своих владениях, укрепил укрепления Ортигии и использовал свои силы теперь, когда Сиракузы были покорены, для завоевания греческих городов Наксоса, Катаны и Леонтины. Укрепившись дома и во внутренних районах, Дионисий затем приготовился атаковать карфагенян, но предварительно принял меры для обеспечения обороноспособности Сиракуз. Шесть тысяч человек были заняты на возведении стены длиной в три с половиной мили от форта Трогил до Эвриала, вершины склона Эпиполы, высокого утеса, который господствовал над дорогами, ведущими в город. Шесть тысяч упряжек быков были задействованы для вытаскивания камней из каменоломен. Эта стена была не похожа на Ортиджию, караульное помещение для жителей Сиракуз, а служила защитой от внешних врагов. Поскольку это была большая общественная оборонительная работа, горожане трудились с бодростью и энергией, и трудились с таким энтузиазмом, что работа была завершена за двадцать дней. Поскольку город был теперь неприступен, он начал подготовку к наступательной войне и изменил свой курс по отношению к горожанам, проводя мягкую и примирительную политику. Он заключил мир с Мессеной и Регием и женился на даме из Локров. Он собрал всех лучших инженеров, механиков и ремесленников с Сицилии и Италии, сконструировал огромные машины, снабдил оружием все страны Средиземноморья, так что он собрал или изготовил сто сорок тысяч щитов и четырнадцать тысяч нагрудников, предназначенных для его телохранителей и офицеров, вместе с огромным количеством шлемов, копий и кинжалов. Все это было накоплено в его неприступной крепости Ортигия. Его военно-морские приготовления были столь же грандиозны. Доки Сиракуз были заполнены рабочими, и к ста десяти триерам, которые уже стояли в доках, добавилось двести. Трирема была самым большим военным кораблем, который в течение трехсот лет плавал в греческих или средиземноморских водах. Но Дионисий построил триремы с пятью рядами весел и располагал флотом, значительно превосходящим тот, которым когда-либо обладали Афины. Теперь он нанимал солдат со всех сторон, привлекая к работе сиракузян и жителей зависящих от нее городов. Он отправил послов в Италию и на Пелопоннес за рекрутами, предложив самое щедрое жалованье.

Его женитьба. Выступает в поход против карфагенян.

Когда все его приготовления были завершены, он женился в один и тот же день на двух женах — локрийке (Дориде) и Сиракузянке (Аристомaxe), и обе эти женщины сидели с ним за одним столом с равным достоинством. У него было трое детей от Дориды, старшим из которых был Дионисий Младший, и четверо от Аристомaxe. Когда его бракосочетание было отпраздновано с необычайной пышностью, с банкетами и празднествами, в которых участвовало все население, он созвал народное собрание и призвал граждан к войне против Карфагена, как общего врага Греции, в 397 году до н.э.. Затем он разрешил разграбить карфагенские корабли в гавани и вскоре после этого выступил из Сиракуз с армией против карфагенян на Сицилии, состоящей из восьмидесяти тысяч человек, в то время как флот из двухсот трирем и пятисот транспортов сопровождал его марш вдоль побережья — крупнейшая военная сила, собранная до сих пор под греческим командованием.

Его успех.

Первым местом, на которое он напал, была Мотья, к северу от мыса Лилибей, на западной оконечности острова, когда восстали все греческие города под предводительством карфагенян. Этот город был одновременно густонаселенным и богатым, построенным на островке, который был отделен от Сицилии узким проливом шириной в две трети мили, через который был перекинут мост через узкий мол. Мотианцы, видя приближение столь грозной армии, разбили свой мол и изолировались от Сицилии. Карфагеняне послали на помощь Мотье большой флот под командованием Имилко, но, уступая флоту Дионисия, он не мог отважиться на решительное сражение. Мотья отчаянно оборонялась, но дорога через пролив, которую строили осаждающие, новые военные машины, перенесенные по ней, были непреодолимы, город в конце концов был взят и разграблен, а жители перебиты или проданы в рабство.

Он возвращается в Сиракузы. Его морское поражение при Катане.

Осада продолжалась все лето, и Дионисий с триумфом вернулся в Сиракузы. Но Имилко, возведенный в высшую магистратуру Карфагена, перебросил на Сицилию подавляющие силы, собранные со всей Африки и Иберии, численностью в сто тысяч человек, впоследствии усиленные еще тридцатью тысячами, по самым низким подсчетам, с четырьмя сотнями кораблей и шестьюстами транспортами. Эта армия высадилась в Панорме, на северо-западной стороне острова (Палермо), отвоевала Мотью, вернула себе Эрикс, затем двинулась маршем на восток и захватила Мессену, в крайней восточной части острова недалеко от Италии, что помешало Дионисию получить помощь из Италии. Сикелы также восстали, и Дионисий, сильно встревоженный потерей всех своих завоеваний и приближающимися опасностями, укрепил укрепления Сиракуз, в которые он удалился, и приготовился оказать сопротивление врагу. У него все еще были силы в тридцать тысяч пехотинцев и три тысячи всадников и сто восемьдесят боевых кораблей. Он послал также в Спарту за помощью. Затем он двинулся к Катане. У берегов этого города произошло морское сражение, захваченное карфагенянами с превосходящими силами. Сто сиракузских кораблей с двадцатью тысячами человек были уничтожены, до н.э. 395 г.

Имилко осаждает Сиракузы.

После этого поражения Дионисий отступил в Сиракузы со своими сухопутными войсками, несмотря на большое недовольство, и призвал на помощь Спарту и Коринф. Имилко также продвинулся к Сиракузам, в то время как его победоносный флот занял большую гавань - гораздо более внушительное вооружение, чем было у афинян в конце персидской войны. Общее количество судов составляло две тысячи. Имилкон разместил свою штаб-квартиру в храме Зевса Олимпийского, в полутора милях от города, и дал своим войскам тридцать дней на разграбление территории Сиракуз; затем он установил укрепленные посты, окружил свой лагерь стеной и всерьез взялся за то, чтобы довести город до голода. Но поскольку он не был хозяином Эпиполы, как Никий, Сиракузы смогли поддерживать связь с окрестностями, как на западе, так и на севере, а также нашли средства для обеспечения поставок по морю.

Бедствия карфагенян. Они отступают из Сиракуз.

Тем временем сиракузяне разгромили часть карфагенского флота, и ужасающая эпидемия настигла армию перед городом. Военная мощь карфагенян была подорвана ужасной болезнью, унесшей сто пятьдесят тысяч человек в лагере. Ослабленные и деморализованные таким

образом, карфагеняне подверглись нападению сиракузян и были полностью разбиты. Флот также был разбит и подожжен, и пожар добрался до лагеря, который, таким образом, подвергся чуме, огню и мечу. Катастрофа была фатальной для карфагенян, и отступление было необходимо. Имилко отправил тайного посланника к Дионисию, предложив триста талантов, если флоту позволят беспрепятственно отплыть в Африку. Этого нельзя было допустить, но Имилко и коренным карфагенянам разрешили удалиться. Оставшаяся часть армии, лишенная головы, была уничтожена, за исключением сикелов, которые знали дороги и благополучно спаслись бегством.

Смерть Имилько.

Это огромное бедствие, большее, чем то, которое афиняне пережили при Никии, вызвало всеобщий траур и отчаяние в Карфагене, в то время как несчастный Имилко, тщетно пытаясь утихомирить гнев своих соотечественников, заперся в своем доме и уморил себя голодом. Это несчастье привело также к восстанию африканских союзников, которое было с трудом подавлено, в то время как могущество Карфагена на Сицилии пошло на убыль. Теперь Дионисию оставалось продвигать свои завоевания в других направлениях, и Сиракузы были спасены от неминуемого разорения.

Финансовые затруднения Дионисия.

Дионисий правил уже одиннадцать лет, обладая абсолютной властью. Эпидемия и предательство Имилько освободили его от карфагенян. Но возникла трудность с оплатой труда его наемников, которую он пошел на компромисс, отдав им богатую территорию Леонтины, так что десять тысяч человек покинули Сиракузы и поселились в городе. Расходы на содержание большой постоянной армии были чрезвычайно обременительными, и мы только удивляемся, как тиран находил средства для их оплаты и в то же время осуществлял такие значительные улучшения.

Делает себя хозяином Мессены.

Теперь он обратил свое внимание на сикелов, расположенных во внутренней части острова, и взял несколько их городов, но в одном из них встретил отчаянное сопротивление и едва не лишился жизни от раны, нанесенной копьем, пробившим его кирасу. Этот отпор заставил карфагенян собраться на западе острова под командованием Магона с восьмидесятитысячной армией. Но он был отброшен Дионисием и заключил с ним перемирие, которое дало последнему возможность овладеть Мессеной и Тавроминиумом — двумя наиболее важными морскими постами на итальянской стороне Сицилии, и таким образом подготовиться к вторжению в греческие города на юге Италии, до н.э. 391 г. до н.э.

Вторгается в Италию.

Дионисий выступил из Сиракуз в 389 году до н. э. с мощным войском, чтобы подчинить итальянских греков, и осадил Каулонию. Он разгромил их армию и убил их генерала. Победитель отнесся к побежденным грекам снисходительно, а затем осадил Регий, которому он даровал мир на суровых условиях. Каулония и Гиппонеум, два города, территория которых занимала всю ширину Калабрийского полуострова, попали в его руки. Регий сдался после отчаянной обороны, а с Фитоном, который командовал городом, обошлись с жестокой бесчеловечностью. Город был разрушен, и вся территория Южной Калабрии была присоединена к Локри. Именно в

это время был заключен Антальядский мир, положивший конец спартанским войнам в Малой Азии. Восходящими державами Греции теперь были Спарта и Сиракузы, укрепленные союзом друг с другом.

Завоевывает Кротон.

Кротон, крупнейший город Великой Греции, теперь был завоеван Дионисием, который разграбил храм Илере близ мыса Лациний, и среди его сокровищ было великолепное одеяние, украшенное самым дорогим образом, которое завоеватель продал карфагенянам, которое долгое время оставалось одним из украшений их города. Ценность и красоту одеяния можно оценить по цене, заплаченной за него, — сто двадцать талантов, более ста тысяч долларов.

Становится хозяином Южной Италии. Освистан на Греческих играх.

Теперь он предпринял морскую экспедицию вдоль побережья Лация и Этрурии и разграбил богатый храм в Агилле, забрав оттуда золота и украшений на сумму в тысячу талантов. Слава, которую он приобрел, была настолько велика, что галлы Северной Италии, недавно разграбившие Рим, предложили свой союз и помощь. Повелитель Сицилии и Южной Италии, он своим бессовестным разграблением храмов внушал величайший ужас и неприязнь во всей Центральной Греции. Затем он участвовал в качестве конкурсанта на фестивалях Греции в номинации "Приз трагической поэзии". Но его стихи были настолько презренными, что их позорно освистали и высмеяли. Особенно те стихи, которые читались в Олимпии, куда он отправил дипломатические миссии, разодетые в богатейшие одежды, убранные золотом и серебром и снабженные великолепными палатками, были встречены бурей шипения, которая повергла его в агонию стыда и горя, почти свела с ума и заставила осознать глубокую ненависть, которая повсюду существовала по отношению к нему. Все его богатые демонстрации, которые превосходили все, что когда-либо прежде видели на этой священной равнине, были хуже, чем неудача, - потому что они исходили от него. Не все его величие в Сиракузах могло спасти его от позора и оскорблений, которым он подвергся в Олимпии.

Дион.

Именно в это время, в 387 году до н.э., Платон посетил Сицилию с целью исследования и любознательности, главным образом для того, чтобы увидеть гору Этна, и был представлен Диону, тогда молодому человеку из Сиракуз и шурина Дионисия. Дион был настолько впечатлен беседой Платона, что пригласил тирана побеседовать и с ним. Платон рассуждал о добродетели и справедливости, показывая, что счастье принадлежит только добродетельным и что деспоты не могут претендовать даже на такое достоинство, как истинное мужество, — самая неприятная доктрина для тирана, который стал резко враждебен философу. Он даже выставил Платона на рынке как раба и продал за двадцать мин, которые заплатили его друзья и освободили его. По пути домой, под влиянием тирана, он был снова продан в Эгине, и снова выкуплен, и отпущен на свободу. Так ожесточены тираны из-за добродетелей, которые контрастируют с их злодеяниями; и таким мстительным особенно был деспот, правивший в Сиракузах.

Власть и богатство Дионисия.

Теперь Дионисий был занят новыми оборонительными сооружениями своей столицы, так что весь склон Эпиполы был окаймлен и защищен массивными стенами и башнями, а каждая из

пяти частей города имела свои отдельные укрепления, так что это был самый большой укрепленный город во всей Греции — больше, чем сами Афины.

Потерпел поражение в войне с Карфагеном.

Накопленная тираном добыча позволила ему начать новые приготовления к войне с Карфагеном. Но он потерпел поражение в великой битве при Крониуме с ужасными потерями от юного сына Магона, что вынудило его заключить мир и уступить Карфагену всю территорию Сицилии к западу от реки Галик и выплатить дань в тысячу талантов.

Снова побежден. Получает премию за поэзию, умирает от приступа разврата. Его персонаж.

Очень мало известно о Дионисии после этого мира, 382 г. до н.э. в течение тринадцати лет, в течение которых спартанцы овладели Фивами и разместили гарнизон в Кадмеи. В 368 году он снова вступил в войну с Карфагеном, но потерпел поражение под Лилибеем и был вынужден вернуться в Сиракузы. В 367 году, по-видимому, он наконец добился успеха со своими стихами, поскольку получил приз в виде трагедии на Ленейском фестивале в Афинах, который так опьянил его радостью, что он пригласил своих друзей на великолепный банкет и умер от последствий излишеств и вина после тридцативосьмилетнего правления. Он был человеком неугомонной энергии и беспринципных амбиций. Его личная храбрость была велика, и он был бдительным и дальновидным — человеком больших способностей, запятнанным жестокостью и завистью. В свободное время он сочинял трагедии, чтобы побороться за призы. Ни один другой грек никогда не достигал такой великой власти из скромного положения, не совершал таких поразительных подвигов за границей и не сохранил свое величие в такой первозданности после смерти. Но ему очень улыбнулась удача, особенно когда эпидемия уничтожила войска Имилько. Он поддерживал свою власть запугиванием своих подданных, тщательной организацией и щедрым вознаграждением своим наемникам. Деньги его не интересовали, разве что как средство обеспечить власть. Его требования были непомерными, а жадность безграничной. Он никому не доверял, и его подозрительность распространялась даже на его жен. Он никому не позволял брить себя и обыскивал своих самых близких друзей на предмет спрятанного оружия, прежде чем допустить их к нему. Он превратил Сиракузы в огромную крепость во вред Сицилии и Италии и воображал, что оставляет свои владения скованными адамантовыми цепями. Он мог бы указать на Ортиджию с ее неприступными укреплениями, на большую армию наемников — четыреста боевых кораблей и обширные склады оружия и военных припасов.

Дион.

Он не оставил преемника, способного сковать выкованные им цепи. Его сын Дионисий унаследовал трон в возрасте двадцати пяти лет. Его шурин Дион был следующим выдающимся членом его семьи и обладал состоянием в сто талантов — человек больших способностей, амбициозный, любящий роскошь, но увлекающийся литературой и философией. Однако он находился под таким сильным влиянием Платона, чьи сократические рассуждения и демократические принципы сковывали и очаровывали его, что его характер существенно изменился, и он научился ненавидеть деспотизм, при котором вырос, и разработал масштабные планы политических реформ. Он стремился очистить Сиракузы от рабства и облечь их в достоинство свободы, установив улучшенное конституционное государственное устройство с законами, гарантирующими права личности. Он сменил свои роскошные привычки на простую пищу философа. Никогда прежде Платон не встречал ученика, который

так глубоко и искренне извлекал пользу из его наставлений. Жестокое обращение, которому Платон подвергся со стороны тирана, было спасительным предупреждением Диону. Он видел, что терпение действительно необходимо, и вел себя так, чтобы сохранить расположение Дионисия.

Dionysius II. Его слабый характер. Платон посещает Сиракузы. Его неразумные учения.

Dionysius II. когда умер его отец, ему было двадцать пять лет, и хотя он обладал великодушными порывами, был одновременно слаб и тщеславен, склонен к капризам и ненасытен до похвал. Он был отстранен от бизнеса из-за чрезмерной ревности своего отца, и его жизнь прошла в праздности и роскоши во дворце Ортиджии. Склонность его отца к поэзии привела к появлению за его столом гостей, беседа с которыми открыла его разум для благородных чувств, но нерешительность его характера помешала ему получить какую-либо пользу от серьезных занятий. Дион поддерживал этого слабого послушника на троне своего отца, пытался приобрести на него влияние и откровенно предлагал меры, которые следовало принять, и Дионисий поначалу прислушивался к его мудрым советам. Дион хотел сделать Сиракузы свободным городом с хорошими законами, изгнать карфагенян с Сицилии и заселить заново полуварварские эллинские города. Он также пытался изменить жизнь Дионисия, а также Сиракуз, и фактически произвел заметную перемену в своем царственном ученике, так что тот пожелал увидеть и побеседовать с великим мудрецом, который так полностью изменил жизнь Диона и вдохновил его патриотическим энтузиазмом. Соответственно, за Платоном послали, и он неохотно согласился посетить Сиракузы. У него не было большой веры в деспота, который искал его мудрости, и он не хотел в шестьдесят один год покидать свою любимую рощу с восхищенными учениками со всех концов Греции, где он правил как монарх разума. Он отправился в Сиракузы не столько в надежде обратить в свою веру слабого тирана, сколько из нежелания покинуть своего друга и подвергнуться насмешкам по поводу бессилия его философии. Он был с большим почетом принят при дворе, и королевская карета доставила его в его апартаменты. Банкеты Акрополя стали отличаться простотой, и царственный ученик сразу же начал брать уроки геометрии. Старые придворные были встревожены и возмущены. “Единственный афинский софист, - говорили они, - без всякой силы, кроме своего языка и репутации, добился завоевания Сиракуз”. Дионисий, казалось, отрекся от престола в пользу Платона, и благородные цели, над которыми трудился Дион, казалось, были на пути к осуществлению. Но Платон поступил неразумно и испортил свое влияние неразумной энергией. Было абсурдно ожидать, что деспот будет ходить в школу, как мальчишка, и настаивать на умственном перерождении, прежде чем давать ему уроки практической мудрости в политике. Все необходимые реформы были отложены на том основании, что королевский ученик еще не созрел для них, и было оказано все влияние, чтобы показать ему его собственную недостойность — что вся его прошлая жизнь была порочной — деликатная почва для любого учителя, поскольку он скорее раздражал, чем исправлял. Он даже испытывал отвращение к любым политическим переменам, пока Дионисий не закончил свое образование. Платон также сохранял гордое философское достоинство, не проявляя никакого уважения к людям и отказывая недостаткам своего ученика в большей снисходительности, чем он предоставлял тем, кто слушал его учения дома.

Изгнание Диона. Второй визит Платона.

Такая ошибка вскоре сопровождалась трудностями. Старые придворные восстановили свое влияние. Дион был оклеветан как стремившийся узурпировать суверенную власть, и что Платон был доставлен в Сиракузы как участник заговора. Платон пытался противодействовать этому озорству, но тщетно. Дионисий утратил всякую склонность к реформированию, и Диона возненавидели, потому что он превосходил своего племянника достоинством и способностями, а также был надменен и суров в своих манерах. Соответственно, он был изгнан из Сиракуз, а Платона оставили в *Акрополе*, но в остальном с ним хорошо обращались и умоляли остаться. Тиран, однако, отказался отозвать Диона, но согласился на отъезд Платона. Другой визит в Сиракузы, который он совершил в надежде добиться отзыва Диона, был великолепным пленением, и хотя к нему относились с необычайным почтением, он не успокоился, пока не получил разрешения уехать. Он потерпел неудачу в своей миссии доброжелательности и дружбы. Все обширные владения Диона были конфискованы, и Платон с огорчением узнал об этом оскорблении в том самом дворце, куда он отправился как реформатор.

Дион в изгнании. Обдумывает свержение Дионисия.

Разгневанный конфискацией своего имущества и потеряв надежду на разрешение вернуться и на все те реформы, которые он задумал, Дион теперь размышлял о свержении власти Дионисия и своем собственном восстановлении на острие меча. Во время своего изгнания он в основном жил в Афинах, наслаждаясь учением своего друга Платона и раздавая свое огромное состояние на щедрые благотворительные цели. Платон также не полностью одобрял его планы по свержению Дионисия, не ожидая ничего хорошего от такого насилия, хотя он полностью признавал свою неправоту. Но другие друзья, менее рассудительные и более заинтересованные, горячо поддерживали его проекты. С помощью из различных источников он, наконец, смог собрать восемьсот ветеранов, с которыми отважился напасть на самого могущественного деспота Греции и на его собственную крепость. И настолько восторженным был Дион, что всякое неравенство сил было ему безразлично. Более того, он считал славой и честью погибнуть за такое справедливое и благородное дело, как освобождение Сицилии от слабого и жестокого деспота, во всем уступавшего своему отцу по характеру, хотя столь же сильного ресурсами.

Он приземляется на Сицилии.

Но друзья Диона и не мечтали расставаться со своими жизнями. Они рассчитывали, что восстание сиракузян сбросит невыносимое иго, и испытывали крайнее презрение к самому тирану, зная его пьяные привычки, женоподобный характер и личную некомпетентность. Итак, после десятилетнего изгнания Дион со своими последователями высадился на Сицилии, в Гераклею, также в отсутствие Дионисия, который покинул Сиракузы и отправился в Италию на восьмидесяти триремах, так что в город было легко добраться.

С триумфом входит в Сиракузы.

Эта необъяснимая ошибка тирана, оставившего свою столицу в такой критический момент, была воспринята с большой радостью небольшой армией Диона, которая немедленно выступила из Гераклеи и присоединилась к агриджентийской территории с двумя сотнями всадников. Когда он приближался к Сиракузам, к нему присоединились другие отряды, так что, когда он приблизился к столице, у него было пять тысяч человек. Тимократ, муж покойной жены Диона, поскольку у него отняли жену, был оставлен командовать в Сиракузах большим отрядом

наемников. Но когда Дион приблизился к городу, произошло всеобщее восстание горожан, и Тимократу пришлось вернуться, оставив в крепостях гарнизоны. Дион вошел в город по главной улице, украшенной, как в юбилейный день, и провозгласил свободу всем. Он также был избран военачальником вместе со своим братом Мегаклом, подошел к Ортигии и бросил вызов гарнизону, чтобы тот вышел и сражался. Затем ему удалось захватить Эпиполу и Эврилу, эти укрепленные кварталы, и воздвигнуть поперечную стену от моря до моря, чтобы блокировать Ортиджию.

Требует отречения Дионисия.

По истечении семи дней, когда все эти результаты были достигнуты, Дионисий вернулся в Сиракузы, но Ортигия была единственным местом, которое у него осталось, да и то со стороны суши, окруженным заградительной стеной. Остальная часть города находилась во владении его врагов, хотя эти враги были подданными. Дион настоятельно потребовал его отречения, который отказался от всех примирений и обещаний реформ. Затем, собрав своих солдат, он предпринял вылазку, чтобы напасть врасплох на стену блокады, и был почти успешен, но Дион, в конце концов, отбил его войска и восстановил стену. Ортигия снова оказалась в блокаде, но поскольку Дионисий все еще был хозяином моря, он опустошал побережье в поисках провизии и удерживал свои позиции до тех пор, пока прибытие Гераклида с пелопоннесским флотом не дало сиракузянам сносную военно-морскую силу. Филист командовал флотом Дионисия, но в битве с Гераклидом он лишился жизни.

Дионисий прибегает к интригам. Непопулярность Диона. Но Ортигия сдается ему.

Теперь Дионисий потерял всякую надежду восстановить свою власть силой и прибегнул к интригам, стимулируя соперничество Гераклида и разоблачая поражения Диона, чье высокомерие и суровость были далеки от того, чтобы сделать его популярным. Теперь на Диона посыпалась клевета, и сиракузяне не доверяли ему, опасаясь только смены тиранов. Кроме того, между Дионом и Гераклидом произошел неприятный конфликт, который привел к низложению Диона, и он был вынужден отступить из Сиракуз и искать убежища у жителей Леонтины, которые поддерживали его. Дионисий снова уехал из Ортигии в Италию, оставив командовать своего сына, и преуспел в отправке подкреплений из Локров под командованием Нипсия, так что гарнизон Ортигии был увеличен до десяти тысяч человек с обильными припасами. Нипсий совершил вылазку из крепости, овладел заградительной стеной и вошел в Неаполь и Ахрадину, укрепленные кварталы города. Сиракузяне, оказавшись в бедственном положении, послали в Леонтинию взывать о помощи к Диону, который вернулся победителем, загнал Нипсия в его крепость и спас Сиракузы. Он также великодушно простил Гераклида, руководил блокадой Ортигии и снова был назначен военачальником. Тем не менее Гераклид, которому было позволено командовать флотом, продолжал свои интриги и срывал операции против Дионисия. Наконец Ортиджия сдалась Диону, который вошел в крепость, где нашел свою жену и сестру, с которыми был разлучен двенадцать лет. Сначала Арета, его жена, согласившаяся выйти замуж за Тимократа, боялась приблизиться к нему, но он принял ее с самыми нежными чувствами и привязанностью. Однако его сын вскоре после этого умер, пристрастившись к пьянству Дионисия.

Дион, магистр Сиракуз. Его ошибки. Его смерть. Его характер.

Теперь Дион был хозяином Сиракуз и находился на вершине власти. Его предприятие увенчалось успехом вопреки всем ожиданиям. Но процветание, которого греки никогда не могли вынести, отравило все его хорошие качества и преувеличило его плохие. Он не предавался роскоши своих предшественников. Он все еще носил одежду философа и жил просто, но допускал публичные ошибки. Его манеры, всегда надменные, стали отталкивающими. Он презирал популярность. Он не даровал реальной свободы. Он сохранил свою диктаторскую власть. Он сохранил укрепления Ортигии. Он не помышлял о постоянном деспотизме, но намеревался сделать себя царем с измененной конституцией, как в Спарте. У него не было народных симпатий, и он стремился сделать Сиракузы, как и Коринф, полностью олигархическими. Он не предпринял ни малейшего шага для реализации какой-либо меры народной свободы и, прежде всего, отказался снести крепость, за укреплениями которой сиракузские тираны укрылись в опасности. Он также стал причиной частного убийства Гераклида, так что сиракузяне возненавидели его так же горячо, как они ненавидели Дионисия. Эта непопулярность сделала его раздражительным, подозрительным и беспокойным. Заговор, возглавляемый Каллипом, положил конец его правлению. Он был убит кинжалами ассасинов. Так погиб один из благороднейших греков, но не обладавший достаточной добродетелью, чтобы добиться успеха. Его главным недостатком была неопытность в управлении государством, и можно усомниться в том, что сам Платон смог бы сохранить свободу в таком коррумпированном городе, как Сиракузы. Характер Диона также сильно изменился после его изгнания, поскольку в его душе преобладали мстительные чувства. У него была прекрасная возможность стать благодетелем своей страны, но она была упущена, и вместо того, чтобы дать свободу, он правил только силой и переходил от плохого к худшему, пока не сделал мучеником человека, которого когда-то великодушно простил. Если бы он прожил дольше, то, вероятно, стал бы таким же безжалостным тираном, как Тиберий. Мужчины так редко проявляют умеренность в использовании власти, и им гораздо легче выражать возвышенные чувства, чем практиковать самоограничение, которое увековечило немногих вашингтонов мира.

Дионисий восстанавливает Ортиджию. Сиракузы призывают на помощь Коринф. Тимолеон послан в качестве военачальника.

Афинянин Каллипп, свергнувший Диона, оставался хозяином Сиракуз более года, но их состояние было жалким, охваченные страстями и враждебными интересами. Посреди царившей анархии Дионисию удалось вернуть Ортиджию и утвердиться в качестве деспота. Сиракузянам пришлось пережить больше зла, чем прежде, потому что вернувшемуся тирану было что утолить. Кроме того, возникла новая опасность со стороны Карфагена, так что сиракузяне обратились за помощью к своему родному городу Коринфу. Командующим отправляемыми войсками был выбран Тимолеон — прославленный гражданин Коринфа, которому тогда было пятьдесят лет, преданный делу свободы, ненавидящий тиранов и несправедливость, который даже убил своего брата, когда тот попирали свободы Коринфа, — и брата, которого он любил. Но он был вынужден выбирать между собой и своей страной, и он выбрал свою страну, получив благодарность Коринфа, но проклятия своей матери и муки самобичевания, так что он на годы покинул людские пристанища и похоронил себя в суровом одиночестве. Двадцать лет прошло с момента братоубийства до того, как он командовал войском, призванным освободить сиракузян от их тирана Дионисия.

Его замечательные успехи.

Тимолеон с готовностью приступил к подготовке кораблей и солдат, но его средства были скудны и не равнялись даже средствам Диона, когда он отправлялся в свою экспедицию. Превосходящий по силе карфагенский флот помешал ему с его небольшим отрядом достичь Сицилии, но он добился своей цели с помощью военной хитрости и высадился в Тауроминиуме в большом унынии. Он разбил Гикету, обратившегося за помощью к Карфагену, при Адрануме и беспрепятственно подошел к стенам Сиракуз. Дионисий, блокированный в Ортигии, отчаялся в своем положении и решил сдать крепость, договорившись о безопасной перевозке и укрытии в Коринфе. Этот тиран, сломленный своими пьяными привычками, не хотел бороться, как это делал его отец, за скипетр, который так трудно было удерживать, и искал только легкости и потакания своим желаниям. Итак, он перешел в лагерь Тимолеона с теми деньгами, которые смог собрать, и крепость была сдана. Подкрепление со стороны Коринфа позволило Тимолеону сохранить свои позиции.

Дионисий в изгнании в Коринфе.

Появление свергнутого тирана в Коринфе произвело большую сенсацию. Одни из любопытства, другие из сочувствия, а еще больше из насмешки пришли повидать человека, который так долго пользовался деспотической властью, а теперь добывается лишь скромного жилья. Но в его поведении, учитывая его привычки к пьянству, было больше достоинства, чем можно было ожидать от столь слабого человека. Говорят, он даже открыл школу для обучения мальчиков чтению и обучал публичных певцов декламировать стихи. Его карьера, по крайней мере, была впечатляющим комментарием к изменчивости судьбы, к которой греки были полностью готовы.

Тимолеон разрушает оплот тирании. Его благородное правление.

Тимолеон, владевший Ортиджией с ее многочисленными припасами, оказался в состоянии организовать значительные силы для противодействия карфагенянам, которые стремились овладеть крепостью. Гикета, которому теперь помогали карфагеняне под командованием Магона, напал на Ортигию, но потерпел поражение от коринфского Неона, который захватил Ахрадину и соединил ее стеной с Ортигией. Но Магон теперь не доверял Гикете и внезапно отозвал свою армию. Таким образом, Тимолеон стал хозяином Сиракуз, а Гикета был вынужден удалиться в Леонтину. Тимолеон приписывал свою удачу богам, но приобрел большее влияние на умы людей, чем удача, благодаря своей умеренности в час успеха — разительный контраст с Дионом и старшим Дионисием. Он предложил сиракузянам разрушить цитадель тирании, где так долго окопались деспоты. Он воздвиг на ее месте суды справедливости. Он отозвал изгнанников и пригласил новых колонистов в обедневший город, так что прибыло шестьдесят тысяч иммигрантов. Он облегчил бедность и бедствие народа, продав государственные земли, и использовал свои силы, чтобы изгнать оставшихся деспотов с острова.

Его великая победа над карфагенянами.

Но Гикета снова пригласил карфагенян на Сицилию. Они пришли с огромной армией в семьдесят тысяч человек и тысячу двести кораблей под командованием Гасдрубала и Гамилькара в 340 году до н. э.. Тимолеон смог собрать только двенадцать тысяч человек, чтобы противостоять этим превосходящим силам, но с ними он выступил против карфагенян и одержал великую победу с помощью ужасной бури, которая обрушилась на карфагенян. Ни одна победа не была более полной, чем эта при Кримизусе. Десять тысяч захватчиков были убиты, а пятнадцать тысяч взяты в плен вместе с огромной добычей.

Он отказывается от своей власти.

Теперь Тимолеону предстояло иметь дело с двумя врагами Греции — Гикетом и Мамерком - тиранами Леонтины и Катаны. Над ними он одержал полную победу и предал их смерти. Затем, освободив Сиракузы и разбив своих врагов, он сложил свою власть и стал частным лицом. Но его влияние оставалось, как и должно было быть, столь же велико, как и прежде, ибо он был патриотом самых возвышенных добродетелей, советчиком, которому все могли доверять— другом, который жертвовал своими собственными интересами. И он оказал свое влияние на восстановление Сиракуз, на приезд колонистов и обеспечение соблюдения мудрых законов. Город родился заново, и благодарность и восхищение горожан были безграничны. В последние годы жизни он ослеп, но его присутствия нельзя было избежать даже тогда, когда возникала какая-либо серьезная трудность — правление моральной силой мудрости и святости - одного из лучших и возвышеннейших персонажей всей древности. И ничто не было более примечательным, чем его терпение перед лицом противоречий и его стремление обеспечить свободу слова даже против самого себя.

Его смерть и характер.

Таким образом, благодаря добродетелям и мудрости этого замечательного человека свобода и комфорт распространялись по всей Сицилии в течение двадцати четырех лет, вплоть до установления деспотизма Агафокла. Тимолеон умер в 337 году до н.э. — отец и благодетель - и сиракузяне отпраздновали его похороны с пышными почестями, на которых присутствовала бесчисленная процессия, и проголосовали за то, чтобы почтить его память на все будущие времена праздничными состязаниями, музыкой и гонками на колесницах, а также гимнастикой, которая практиковалась на греческих играх. В память о нем был воздвигнут великолепный памятник. “Скорбные письма, написанные Платоном после смерти Диона, разительно контрастируют с завидной кончиной Тимолеона и благодарственной надписью сиракузян на его могиле”.

ГЛАВА XXIV.

ФИЛИПП МАКЕДОНСКИЙ.

Неожиданный подъем Македонии.

В 400 году до н.э. никто бы не предположил, что уничтожение греческих свобод произойдет из Македонии — полуварварского царства, которое во времена господства Спарты имело столь незначительное политическое значение. И если какая-либо новая сила угрожала подняться на руинах Спартанского государства и стать верховной в Греции, то это были Фивы. Успехи Пелопида и Эпаминонда фактически ослабили мощь Спарты. Она больше не пользовалась главенством Греции. Она больше не была лидером зависимых союзников, подчиняющихся ее диктату во всей внешней политике, служащих под началом назначенных ею офицеров,

управляющих их внутренними делами с помощью олигархий, преданных ее целям, и даже подчиняющихся правлению губернаторов, которых она поставила над ними. Она потеряла свои иностранные вспомогательные силы и достоинство и даже половину своей территории в Лаконии. Пелопоннесцы, которые когда-то сплотились вокруг нее, были разобщены, а Мегалополис и Мессена враждовали. Коринф, Сикион, Эпидавр и другие города, бывшие союзниками, стояли в стороне, а великие силы Эллады теперь находились за пределами Пелопоннеса. Афины и Фивы стали новыми центрами власти. Афины восстановили свое господство на море, а Фивы были грозны на суше, поглотив треть беотийской территории, уничтожив три или четыре автономных города и обеспечив себе могущественных союзников в Фессалии.

Филипп Македонский.

Когда произошла битва при Мантинее, в которой Эпаминонд погиб, Пердикка, сын Аминты, был царем Македонии. Он был убит в расцвете сил в битве с иллирийцами в 359 году до н.э.. По совету Платона, который был его учителем, его убедили даровать своему брату Филиппу часть территории в Македонии, который в течение трех предыдущих лет жил в Фивах в качестве заложника, доставленного туда Пелопидом в пятнадцатилетнем возрасте, когда он привел Македонию к частичному подчинению.

Филипп в Фивах.

В Фивах с молодым царевичем обращались вежливо, он жил у одного из знатных граждан и получил хорошее образование. Он также пользовался благосклонностью Пелопида и Эпаминонда и с большим интересом наблюдал за обучением фиванских войск этими двумя замечательными людьми — одним из величайших организаторов, а другим величайшим тактиком того времени. Когда его перевели из Фив в подчиненное правительство округа в царстве его брата, он организовал вооруженные силы на принципах, которым научился в Фивах. Неожиданная смерть Пердикки, оставившего малолетнего сына, открыла перед ним перспективу унаследовать трон. Сначала он принял на себя управление государством в качестве опекуна своего юного племянника Аминтаса, но трудности, с которыми он был окружен, наличие множества конкурентов из числа других принцев семьи Аминтаса, его отца, привели к тому, что он принял корону, казнив одного из своих сводных братьев, в то время как двое других бежали в изгнание.

Сдача Амфиполя.

Его первым шагом в качестве царя было подкупить фракийцев, своих врагов, подарками и обещаниями, так что только афиняне и иллирийцы оставались грозными. Но он заключил мир с Афинами, уступив Амфиполь, за обладание которым афиняне вели войну в Македонии.

Восстание Афин на Лесбосе, Хиосе, Самосе и т.д. Смерть Тимофея.

Афиняне, однако, пренебрегли овладением Амфиполем, будучи вовлеченными в борьбу за возвращение острова Эвбея, находившегося тогда под властью Фив. Случилось также, что произошло восстание большого числа Эгейских островов, входивших в конфедерацию, главой которой были Афины, — Лесбоса, Хиоса, Самоса, Коса и Родоса, включая Византию. Это восстание называется социальной войной, вызванной эгоизмом Афин, действующих больше в своих собственных интересах, чем в интересах своих союзников, и пренебрегающих оплатой

наемников, находящихся у нее на службе. Восстание также было спровоцировано интригами карийского принца Мавсола. Но это был серьезный удар по иностранному господству Афин, и в битве за возвращение этих островов афиняне под командованием Хабрия потерпели поражение при Хиосе. Они также потерпели неудачу на Геллеспонте из-за ссор между своими военачальниками — Тимофеем, Ификратом и Харесом. Народный голос в Афинах несправедливо возложил вину за поражение на двух первых, вследствие чего Тимофей был оштрафован на сто талантов, что было самым крупным штрафом, когда-либо наложенным в Афинах, и вскоре после этого умер в изгнании — выдающийся человек, который заметно поддержал честь и славу своей страны. Ификрат также больше никогда не был нанят. Потерю этих двух военачальников едва ли можно было восполнить. Вскоре после этого с восставшими городами был заключен мир, который гарантировал их независимость. Это был бесславный результат войны с Афинами, фатально подорвавший ее власть и достоинство, так что она не смогла противостоять агрессии Филиппа.

Филипп осаждает Амфиполь. Падение города.

Одной из первых вещей, которые он сделал после победы над иллирийцами, была осада Амфиполя, хотя он и уступил город Афинам. Для этого предательства не было никакой другой причины, кроме амбиций и ослабления власти Афин. Амфиполь долгое время оставался свободным и не был расположен отказываться от своих свобод и обратился к Афинам за помощью. Филипп, закоренелый политик, своими интригами ухитрился помешать Афинам оказать помощь. Пренебрежение Афинами было большой ошибкой, поскольку Амфиполь контролировал проход через Стримон и закрывал Македонию с востока, и, кроме того, его было легко оборонять с моря. Лишенный помощи из Афин, город попал в руки Филиппа и стал приобретением огромной важности. Это была самая удобная морская станция во Фракии, и перед ним открывалась вся страна к востоку от Стримона, и особенно золотой район близ горы Пангрей. С тех пор это место стало одним из оплотов Македонии, вплоть до римского завоевания.

Двуличие Филиппа.

Получив это место, он без объявления войны предпринял против Афин ряд враждебных мер, в то время как сам заявлял, что является ее другом. Он лишил ее власти над Термейским заливом, завоевал Пидну и Потидею и примирил Олинфа. Таким образом, его могущество возросло настолько, что он основал новый город, названный Филиппами, в регионах, где его золотые рудники давали тысячу талантов ежегодно. Затем он женился на Олимпиаде, дочери князя молоссов, которая в 356 году до н.э. родила сына, которому суждено было завоевать мир.

Война с Афинами.

За захватом Филиппом Амфиполя, конечно же, последовала война с Афинами, которая длилась двенадцать лет. И эта война началась в то время, когда Афины находились в большом затруднении из-за социальной войны.

Священная война.

Но ему помогло другое событие еще большей важности — священная война, которая на какое-то время потрясла эллинский мир и которая выросла из обвинения Фив перед Амфиктионовым собором в том, что Спарта захватила свою цитадель во время глубокого мира. Приговор совета о

том, что Спарта должна выплатить штраф в размере пятисот талантов, был нарушением греческого обычая, и Спарта отказалась его выплатить, что привело к ее исключению из совета, Дельфийского храма и Пифийских игр, и это исключение снова настроило различные государства Греции друг против друга из-за опеки над самим Оракулом.

Филипп Македонский воспользовался этой возможностью, когда так много государств были вовлечены в войну, чтобы осуществить свои планы. Он напал на Метону, последнее оставшееся владение Афин на македонском побережье, и захватил город, а затем двинулся в Фессалию против деспотов Феры, которые призвали на помощь Ономарха, ставшего теперь очень могущественным.

Демосфен. Его достижения. Его великое красноречие.

Именно в это время, в 353 году до н.э., оратор Демосфен предстал перед афинским народом. Ему было около двадцати семи лет, и богатство его отца обеспечило ему большие преимущества в образовании. Его отец умер, когда он был маленьким, и его имущество было передано на попечение опекунов, указанных в завещании его отца. Но они распоряжались имуществом с такой небрежностью, что лишь небольшая сумма досталась Демосфену, когда он достиг гражданского совершеннолетия в возрасте шестнадцати лет. После неоднократных жалоб он подал судебный иск против одного из опекунов и добился вынесения ему приговора в размере десяти талантов. Но опекун задержал выплату, и Демосфен потерял почти все свое наследство. Однако он получил хорошее образование и, несмотря на слабое телосложение, овладел всеми знаниями того времени. Влияние его семьи позволило ему рано познакомиться с общественными делами, и он продолжил обучаться ораторскому искусству и составлению речей для других. Он посвятил себя обучению знаменитого ритора Иена и воспользовался рассуждениями Платона и Исократы, находившихся тогда на пике их славы. Он также был великим учеником Фукидида и собственноручно переписал всю его историю восемь раз. Ему все еще приходилось бороться с плохим голосом и некрасивой жестикуляцией; но неустанным трудом он преодолел свои естественные трудности, чтобы удовлетворить самую придирчивую афинскую публику. Но это достижение в самообразовании было достигнуто только путем неоднократных испытаний и унижений, и, как говорят, он даже говорил с камешками во рту и готовился перекричать шум Собрания, произнося речь в штормовую погоду на морском берегу. Иногда он произносил два или три слова в подземной комнате, упражняясь днем и ночью как в композиции, так и в декламации, - такие усилия прилагали древние греки, чтобы усовершенствовать себя в искусстве; ибо публичные выступления - это такое же искусство, как и литературное сочинение. Он выучил Софокла наизусть и брал уроки у актеров даже для того, чтобы научиться говорить с настоящим акцентом. Прошло несколько лет, прежде чем он был вознагражден успехом, и тогда его выступление было полно горячности и энергии, но тщательно продумано и искусственно. Но не столько труд сделал Демосфена величайшим оратором древности, а возможно, и всех эпох и народов, сколько природный гений. Его самоподготовка просто развила в нем замечательные качества, о которых он сознавал, как это было с Дизраэли, когда он потерпел первые неудачи в парламенте. Без природного дара красноречия он мог бы работать до судного дня, не произведя того экстраординарного эффекта, который ему приписывают, поскольку его речи демонстрируют большую проницательность, гениальность и природную силу, а также ученость, культуру и практику; так что их можно было бы читать, как речи Берка и Вебстера, с большим эффектом. Он обладал большой политической проницательностью, моральной мудростью, возвышенностью чувств и патриотическим пылом,

а также искусством. Он был бы великим, если бы всю свою жизнь заикался. Он сочинял речи для других великих ораторов еще до того, как стал уверен в собственном красноречии.

Фокион.

В отличие от Демосфена, который был богат, Фокион оставался бедным и не получал ни денег, ни подарков. Он ходил босиком, как Сократ, и в его доме была только одна рабыня, был лично неподкупен, а также храбр в бою, так что его избирали на должность стратега, или полководца, сорок пять раз, ни разу не попросив места и не присутствовав на выборах. Он с большим презрением относился к красивым речам, но был наиболее эффективным оратором из-за своей краткости, здравого смысла и патриотизма и презирал “воинственное красноречие, невоенный деспотизм, платное написание речей и деликатные привычки Демосфена”.

Разная политика этих двух лидеров.

Этот афинянин со спартанским характером и привычками был против войны с Филиппом и поэтому был главным противником Демосфена, чья дальновидность и проницательность привели его к разгадке замыслов македонского царя. Но афиняне в целом были склонны к мирной политике в смутные времена и не сочувствовали возвышенным принципам, провозглашенным Демосфеном, и, следовательно, влияние Фокиона, хотя и требовало патриотизма и морали, было пагубным, в то время как влияние Демосфена было благотворным. Граждане Афин, обогатившиеся за счет торговли и изнуренные досугом, в то время испытывали отвращение к тяготам военной службы и представляли разительный контраст со своими предками сто лет назад, во времена Перикла. Во времена Демосфена они искали домашних удовольствий, утонченности искусства и наслаждений культурной жизни, а не военных предприятий. И этот упадок воинского духа был в равной степени замечен и в городах Пелопоннеса. И поэтому греческие города, подобно Карфагену, прибегали к наемникам и доверяли им защиту своих свобод. Воинственный дух древней Спарты и Афин теперь преобладал в Македонии, где люди были бедными, выносливыми, предприимчивыми и смелыми.

Именно против этих воинственных македонян, грубых и отважных, теперь предстояло сражаться утонченным афинянам, возглавляемым принцем с незаурядными военными талантами и ненасытным честолюбием, который сочетал мастерство с храбростью и гением. Демосфен напрасно взывал к древнему духу, вдохновлявшему героев Марафона.

Завоевания Филиппа в Фессалии. Угрожает Центральной Греции.

В 383 году до н.э. Филипп напал на Леофрона из Феры в Фессалии. Ономарх, одержавший тогда победу над фиванцами, выступил против Филиппа и разбил его в двух битвах, так что македонская армия отступила из Фессалии. Но Филипп восполнил свои потери, снова двинулся маршем в Фессалию, разбил фокейцев и убил Ономарха. Его завоевание Феры было теперь легким, и он быстро стал хозяином всей Фессалии и изгнал Леофрона. Затем он двинулся к Фермопилам, к великой тревоге Афин, которые послали войска, чтобы оказать ему сопротивление, и этим силам удалось защитить перевал и на некоторое время помешать Филиппу вторгнуться в Южную Грецию. Фокейцы также сплотились, снова воспользовались сокровищами Дельф и переплавили золотые украшения и сосуды, подаренные сто лет назад лидийским царем Крезом, среди которых были триста шестьдесят золотых кубков, на выручку от которых была набрана новая армия наемников.

Нет генералов, способных справиться с ним.

Могущество Филиппа было теперь чрезвычайно велико, и его успехи внушали большую тревогу по всей Греции, как явствует из первого Филиппа Демосфена, произнесенного в 352 году до н.э.. Но у греческих государств не было полководца, способного справиться с ним на суше, в то время как он создал военно-морской флот, чтобы досаждал афинянам на море.

Филипп завоевывает Олинфян. Восстание Эвбы. Опустошения Филиппа.

Однако на некоторое время усилия Филиппа были отвлечены от Южной и Центральной Греции, чтобы завоевать олинфян. Они были его соседями и когда-то были его союзниками; но изгнание афинян с побережья Фракии и Македонии теперь встревожило олинфян, а также растущее могущество Филиппа, так что они заключили мирный договор с Афинами. Военные действия начались в 350 году до н.э., и Демосфен пустил в ход все свое красноречие, чтобы побудить своих соотечественников к решительной войне. Афины, частично встревоженные, послали отряд наемников на помощь Олинфу, одному из самых процветающих городов Халкидии, к юго-востоку от Македонии. Но прежде чем он смог оказать действительную помощь, остров Эвбея, благодаря интригам Филиппа, восстал против Афин. Именно в экспедиции по возвращению этого острова Демосфен служил гоплитом в армии под командованием Фокиона в качестве полководца. Только летом 348 года до н.э. эта территория была возвращена Афинам. В следующем году Афины приложили огромные усилия в интересах Олинфа, несмотря на большие финансовые затруднения. В Халкидию были отправлены три экспедиции под командованием Хареса, насчитывавшие в общей сложности четыре тысячи афинян и десять тысяч наемников. Но они были бессильны против завоевательного оружия Филиппа, который полностью захватил и опустошил полуостров, взяв тридцать два города и продав жителей в рабство. Наконец Олинф пал в 347 году до н.э., и добыча этого древнего эллинского города была разделена между солдатами завоевателя, который отпраздновал свои победы великолепным празднеством.

За столетие на Грецию не обрушивалось такого бедствия, как завоевание Халкидии, и это наполнило Афины невыразимой тревогой. Эсхин, соперник Демосфена как оратор, теперь присоединился к нему в осуждении Филиппа как общего врага Греции. К нему был послан Аристодем с мирными предложениями, и Филипп заявил, что благосклонно отнесся к ним со свойственным ему двуличием.

Дельфийский храм ограблен. Посягательства Филиппа. Его двуличие и интриги. Филипп овладевает Фермопильским перевалом.

Тем временем священная война привела к обнищанию фокейцев, и между ними возникли разногласия. Их дельфийский храм уже был лишен огромной суммы в десять тысяч талантов, одиннадцати миллионов пятисот тысяч долларов, что, вероятно, равно в наше время двумстам тридцати миллионам долларов; так что, если принять во внимание относительную стоимость золота и серебра, он, должно быть, был богаче, чем любая церковь в христианском мире. Сокровища храма, обогащавшиеся в течение трехсот лет за счет приношений со всех концов света, все еще позволяли фокейцам вести войну с Фивами. Наконец фиванцы призвали на помощь Филиппа, и македонская армия под командованием Пармениона продвинулась до самой Фессалии. Но фокейцы в тревоге обратились за помощью как к Спарте, так и к Афинам. Кризис был серьезным, поскольку, если Филипп однажды захватит Фермопилы, вся Южная

Греция окажется в неминуемой опасности. Вся оборона Греции теперь была сосредоточена на этом Перевале, имевшем для Филиппа такое же значение, как для Афин и Спарты, поскольку это была единственная дорога в Грецию. Из Афин к Филиппу снова были отправлены послы, чтобы узнать, на каких условиях может быть обеспечен мир, среди которых были Демосфен и Эсхин. Но он не согласился на лучшие условия, кроме того, что каждая сторона должна была сохранить то, чем они уже владели, и афиняне согласились. Филипп воспользовался всеми преимуществами мира, который дал ему во владение захваченные им города и территории. Фокейцы остались за бортом переговоров, что стало фатальным шагом, поскольку требовало объединения сил Греции для предотвращения дальнейших посягательств македонского царя. Теперь у него было свободное время для завершения завоевания Фракии. Когда это было завершено, он двинулся к Фермопилам, которые удерживали фокейцы, тщательно скрывая свои истинные намерения и даже делая вид, что его продвижение на юг было направлено на восстановление беотийских городов и подавление Фив. Его настоящей целью было заставить врасплох Перевал, поскольку он был человеком, который очень мало уважал договоры, обещания или клятвы. Все это время он ухитрялся обманывать Афины и фокейцев при попустительстве Эсхина, которого он подкупил или обманул. Но он не обманул Демосфена, который умолял своих соотечественников выступить против него даже в последний час, поскольку он был тогда в трех днях пути от Перевала. Но красноречие и предупреждения Демосфена были напрасны. Люди пошли с Эсхином, который убедил их, что Филипп дружелюбен к Афинам и враждебен только к Фивам. В намерения Филиппа входило отделить Афины от фокейцев и таким образом облегчить свое завоевание; и он преуспел в этом благодаря своей лжи и интригам. При таких обстоятельствах фокейцы уступили Филиппу перевал, который они должны были защищать любой ценой, и царь удалился в Фокиду, но по-прежнему выражал величайшую дружбу к Афинам, с которыми он заключил мир.

И является хозяином ключей Греции.

Теперь он был хозяином Фокиды, с победоносной армией он открыто присоединился к фиванцам и вернул Дельфийский храм его обитателям, а также созвал Амфикинический совет, который лишил фокейцев их места в собрании и передал его Филиппу. Несчастные фокейцы были теперь доведены до состояния полного разорения. Их города были разобраны, а деревням не разрешалось содержать более пятидесяти домов в каждой. Они были ограблены и убиты, а их поля опустошены. Теперь Филипп был хозяином ключей Греции и признанным лидером Амфикинического совета. Афины заключили бесславный мир со своим врагом благодаря подкупу своих собственных посланников в 346 году до н.э., и вскоре им предстояло пожирать плоды своей доверчивости и лени. Она позволила обмануть себя, и Филипп, в сотрудничестве с Фивами, врагом Афин, вскоре сбросил маску и позорно возобновил войну с Афинами, он добился своей цели подкупом и ложью. Печально, что афиняне не прислушались к предостережениям самого прозорливого патриота, украшавшего те вырождающиеся времена, но влияние Эсхина было тогда первостепенным, и он был продан Филиппу. Он кричал о мире, когда мира не было. Великая ошибка Афин заключалась в том, что они не оказали своевременной помощи фокейцам, которые владели Фермопилским проходом, хотя они и навлекли на себя негодование Греции захватом дельфийских сокровищ.

Причитания Демосфена.

Победы и вторжения Филиппа в рамках общей греческой обороны вызывали глубокое сожаление Демосфена, и теперь он чувствовал, что было бы целесообразно поддерживать мир с таким могущественным, беспринципным и хитрым человеком. Исократ хотел, чтобы Филипп примирил четыре великих города Греции - Спарту, Афины, Фивы и Аргос, поставил себя во главе их объединенных сил и Греции в целом, вторгся в Персию и освободил азиатских греков. Но это означало подчинение эллинского мира одному человеку и отказ от независимости государств и автономии городов — великих принципов греческой политики с древнейших исторических времен, и, следовательно, полное ниспровержение греческих свобод и установление централизованной власти при Филиппе, родовое королевство которого было одним из наименее цивилизованных в Греции.

Непрекращающиеся посягательства Филиппа. Его ненасытные амбиции.

Мир между Филиппом и Афинами длился без каких-либо официальных отречений в течение шести лет, в течение которых македонский царь проводил свою агрессивную политику и интриги во всех государствах Греции. Его политика в точности соответствовала политике Рима, когда он замышлял завоевание мира, только его планы ограничивались главным образом Грецией. С каждым годом его власть возрастала, в то время как греческие государства оставались бездействующими и несоединившимися — доказательство вырождения того времени - конечно, в том, что касалось самопожертвования ради обеспечения своей независимости. Демосфен ясно видел приближающееся поглощение Греции македонским владычеством, если государства не объединятся для общей защиты; и он пользовался любым случаем, чтобы донести на Филиппа не только в Афинах, но и посланникам различных государств. Советы оратора сильно раздражали деспота, который посылал в Афины письма с протестами.

Афины, наконец, пробуждены Демосфеном. Осада Перинфа. Филипп отступает из Византии.

Наконец повод для военных действий представился из-за отказа афинян позволить Филиппу завладеть островом Галикарнас, заявив, что остров принадлежит им. Произошли репрессии, и Филипп потребовал владения Геллеспонтом и Босфором, а также греческими городами на их побережье, представляющими наибольшую ценность для Афин, поскольку они полагались на владение проливами для беспрепятственного ввоза зерна. Теперь афиняне начали осознавать растущее честолюбие Филиппа и прислушиваться к Демосфену, который примерно в это же время, в 341 году до н.э., произнес свое третье Филиппическое послание. С этого времени и до битвы при Херонее влияние Демосфена было больше, чем у любого другого человека в Афинах, которые слишком поздно прислушались к его предостерегающему голосу. Под его влиянием Эвбея была отделена от Филиппа, а также от Византии, и они были заключены в союз с Афинами. Филипп был так сильно огорчен, что осадил Перинф и прошел маршем через Херсонес, который был частью афинской территории, которой Афины объявили войну. Филипп, со своей стороны, издал манифест, в котором, как это обычно бывает с завоевателями, объявил о своих обидах и о своем намерении отомстить. Афиняне снарядили флот и отправили его на Колесницах к Геллеспонту. Филипп, со своей стороны, вел осаду Перинфа на Пропонтиде с армией в тридцать тысяч человек и большим количеством военной техники. Одна из его передвижных башен была высотой в сто двадцать футов, так что он мог отогнать защитников стен ракетами. Ему удалось загнать жителей этого сильного города в город, и он разделил бы судьбу Олинфа, если бы его не освободили византийские и греческие наемники. Филипп был

сбит с толку после трехмесячной осады и обратил свои силы против Византии, но этот город также был освобожден афинянами и жителями Эгейских островов. Эти операции продолжались шесть месяцев и были величайшими невзгодами, с которыми Филипп до сих пор сталкивался. Афиняне объявили Демосфену вотум благодарности, который стимулировал эти предприятия. Филипп был вынужден уйти из Византии и отступил, чтобы напасть на скифов. Демосфен провел важную реформу в управлении морским флотом, хотя богатые граждане и Эсхины выступили против.

Еще одна священная война. Губительная для греческих свобод.

Пока происходили эти события, Амфикинический собор объявил новую священную войну локрийцам Амфиссы, разожженную Эхином, которая с лихвой компенсировала Филиппу его отпор Византии, принесла ему выгоду и разрушив греческую свободу. Но афиняне стояли в стороне от этой самоубийственной войны, когда вся энергия Греции была направлена на подавление посягательств Филиппа. Как обычно в подобных междоусобицах, более слабая сторона обратилась за помощью к иностранной державе, и Амфикиническое собрание, намереваясь наказать Амфиссу, обратилось за помощью к Филиппу. Он, конечно, принял приглашение и двинулся на юг через Фермопилы, провозгласив свое намерение отомстить за дельфийского бога. В своем походе он отнял Никею у фиванцев, вошел в Фокиду и превратил Элатею в постоянный гарнизон. До сих пор он провозглашал себя всего лишь генералом, действующим по воле Амфикинионов, чтобы отомстить за дельфийского бога, — теперь он построил военный пост в самом сердце Греции.

Союз Фив и Афин. Возобновление военных приготовлений Филиппа.

Фивы со времен битвы при Левктре были настроены против Афин, и даже сейчас между двумя городами существовали недружественные отношения, и Филипп надеялся, что Фивы будут действовать заодно с ним против Афин. Но это последнее оскорбление Филиппа чрезвычайно встревожило Афины, и Демосфен выступил в Народном Собрании с предложением отправить посольство в Фивы с предложениями союза. Его совету последовали, и он был отправлен с другими послами в Фивы. Афинский оратор, несмотря на влияние македонских послов, довел свою точку зрения до Фиванского собрания, и между Фивами и Афинами был заключен союз. Афинская армия немедленно двинулась к Фивам, и в Афинах были приняты энергичные меры для ведения оборонительной войны, которая так серьезно угрожала потере греческой свободы. Этот союз был большим разочарованием для Филиппа, который остался в Фокиде и отправил послов в Спарту, приглашая пелопоннесцев присоединиться к нему против Амфиссы. Но фиванцы и афиняне сохранили свои позиции против него и даже получили некоторые преимущества. Среди прочего, они восстановили фокейские города. Афиняне и их союзники располагали силами в пятнадцать тысяч пехотинцев и две тысячи кавалеристов, и Демосфен был военным министром, который собирал эти силы. Эти усилия со стороны Фив и Афин привели к возобновлению приготовлений со стороны Филиппа. Он разгромил большой отряд наемников и захватил Амфиссу. К сожалению, у афинян не было полководца, способного справиться с ним, и Демосфен просто поддерживал мужество своих соотечественников и побуждал их к действию.

Битва при Херонее. Ее решающий характер. Македонская фаланга.

Наконец, в августе месяце Филипп с тридцатью тысячами пехотинцев и двумя тысячами всадников встретился с союзными греками в Херонее, последнем беотийском городе на границах Фокиды. Командование армиями союзников было разделено между фиванцами и афинянами, но их передвижения определялись советом гражданских лиц и полководцев, лидером которого был Демосфен. Филипп в этой битве, решившей судьбу Греции, командовал правым крылом, противостоявшим афинянам, а его сын Александр - левым крылом, противостоявшим фиванцам. Македонская фаланга, организованная Филиппом, состояла из шестнадцати рядов, впереди шли солдаты-ветераны. Фиванский "Священный отряд" был подавлен и сломлен его огромной силой, значительно усиленной длинными пиками, выставленными перед передовыми солдатами. Но битва была выиграна не одной фалангой. Организация македонской армии была совершенной, со многими другими родами войск, телохранителями, легкими гоплитами, легкой кавалерией, лучниками и прашниками. Тысяча афинян была убита, и еще две тысячи попали в плен. Потери фиванцев были еще больше.

Отчаянные меры Афин.

Невыразимы были горе и ужас Афин, когда до них дошла весть об этой решающей победе. Сразу же было принято решение об энергичной обороне города. Все граждане прислали свои пожертвования, и все силы были заняты на укреплениях. У храмов было снято оружие, и в разные места были отправлены послы за помощью.

Падение Фив.

Фивы не смогли сплотиться и попали в руки победителей, а македонский гарнизон был размещен в Кадмеи, или цитадели. Из Афин к Филиппу были отправлены послы с просьбой о мире, который был заключен при условии, что он будет признан главой эллинского мира. Для Афин было большим унижением признать это после того, как они разгромили персидское войско и так долго не допускали никакого иностранного господства. Но времена изменились, и воинский дух улетучился.

Афины не были повержены битвой при Херонее. Они все еще сохраняли свой флот и свои гражданские права. Фивы были совершенно повержены и больше никогда не собирались с силами.

Филипп вторгается на Пелопоннес. Собирает большие силы против персов.

Филипп, покоривший теперь Фивы и принудивший Афины к покорности, затем двинулся с оружием в руках в Пелопоннес. Он встретил лишь небольшое сопротивление, за исключением Лаконии. Коринфяне, аргейцы, мессеняне, элианцы и аркадяне подчинились его власти. Даже Спарта могла оказать лишь слабое сопротивление. Он опустошил Лаконию, а затем созвал конгресс греческих городов в Коринфе и объявил о своей цели предпринять поход против персидского царя, отомстить за вторжение Ксеркса в Грецию и освободить азиатских греков. Ему было обещано большое войско в двести тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников, и все государства Греции согласились, за исключением Спарты, которая держалась в стороне от конгресса. От Афин требовалось предоставить хорошо оснащенный флот. Все государства, все острова и все города Греции теперь были подвластны Филиппу, и ни одно государство не могло осуществлять контроль над его бывшими территориями.

Смерть Филиппа.

Именно в 337 году до н.э. был разработан этот грандиозный план вторжения в Персию, который не вызвал всеобщего энтузиазма, поскольку Персия больше не была державой, которой следовало опасаться. Единственной державой, которой сейчас следовало опасаться, была Македония. Пока шла подготовка к этой глупой и ненужной экспедиции, ее главный инициатор был убит, и его карьера, столь пагубная для греческой свободы, подошла к концу. Похоже, что он отрекся от своей жены Олимпиады, испытав отвращение к диким порывам ее характера, и женился на своей последней жене, поскольку у него их было несколько, Клеопатре, что вызвало ожесточенные разногласия среди сторонников двух цариц, а также привело к разрыву между ним самим и его сыном Александром, хотя впоследствии произошло примирение. Именно во время празднования свадьбы своей дочери Олимпиады с Александром, царем Эпира, а также рождения сына у Клеопатры Павсаний, один из царских телохранителей, питавший непримиримую ненависть к Филиппу, воспользовался удобным случаем и заколол его коротким мечом, который он прятал под одеждой.

Александр. Характер Филиппа.

Александр, сын Филиппа от Олимпиады, был немедленно провозглашен царем, и о преследовании им замыслов своего отца мы расскажем в следующей главе. Филипп скончался в возрасте сорока семи лет, после наиболее успешного двадцатитрехлетнего правления. При восшествии на престол он обнаружил, что его королевство представляет собой узкую территорию вокруг Пеллы, отделенную от морского побережья. После его смерти Македонское царство было самым могущественным в Греции, и все государства и города, кроме Спарты, признали его господство. Он приобрел эту великую власть скорее благодаря слабости и раздорам греческих государств, чем благодаря своей собственной силе, какими бы великими ни были его таланты. Он стал арбитром Греции благодаря беспринципному лжесвидетельству и постоянным интригам. Но он был великим организатором и создал самую боеспособную армию. Не имея особых достижений, он притворялся покровителем как литературы, так и религии. Его личная жизнь была запятнана пьянством, азартными играми, вероломством и распутством. Его жен и любовниц было так же много, как у восточного деспота. Он был успешным человеком, но следует иметь в виду, что у него не было таких противников, как Эпаминонд, Агесилай или Ификрат. Демосфен был его великим противником, но только в советах и речах. Полководцы Афин, Спарты и Фив ушли из жизни, и с упадком воинского духа неудивительно, что Филипп поднялся на высоту, с которой он видел греческий мир, умоляющий его о пощаде.

ГЛАВА XXV.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ.

Александр Македонский. Послан Провидением совершить великое дело.

Теперь мы переходим к краткому рассмотрению карьеры Александра, сына Филиппа - самого успешного и блистательного героя древности. Я не восхищаюсь ни его характером, ни его работой. Он не сравнивает себя с цезарем или Наполеоном по полноте гения, или великодушию, или разнообразию достижений, или посмертному влиянию. Он был метеором — звездой удивительной величины, которая сияла над всем восточным миром с небывалым блеском. Его военный гений, несомненно, был велик — даже трансцендентен, и его слава больше, чем его гений. Его авторитет поразителен. Он покорил мир больше своим именем, чем своей властью. Только два человека среди военных героев оспаривают его превосходство в истории народов. По прошествии более чем двух тысяч лет его слава сияет с неослабевающей яркостью. Его завоевания продолжались всего двенадцать лет, но они были более грандиозными и ослепительными, чем когда-либо совершал человек за долгое правление. Доживи он до пятидесяти лет, он, возможно, покорил бы весь мир и создал всемирную империю, равную империи Цезарей, что стало результатом пятисотлетних непрерывных завоеваний величайших полководцев военной нации. Хотя мы не любим и не почитаем Александра, мы не можем сдержать своего восхищения его почти сверхчеловеческой энергией, мужеством и силой воли. Он предстает как одно из чудес земли, но посланный Провидением как мститель - орудие наказания тех изнеженных наций, или, скорее, династий, которые восторжествовали над человеческими страданиями. Я смотрю на его карьеру так, как христиане пятого века смотрели на карьеру Алариха или Аттилы, которых они называли бичом Божиим.

Который был подготовлен его отцом. Масштабы персидской империи. Накопление богатств в царских городах.

Однако его завоевания и господство были подготовлены человеком, возможно, превосходящим его творческим гением, и таким же беспринципным и жестоким, как он сам. Филипп нашел свое королевство маленьким ручейком; он оставил его рекой — широкой, глубокой и величественной. При Александре эта река превратилась в неудержимый поток, сметающий все, что препятствовало ее течению. Филипп создал армию, военную систему и генералов, все настолько поразительных, что Греция пала перед ним и отказалась от своих свобод. Александру оставалось только следовать своей политике, которая заключалась в том, чтобы подчинить персов. Персидская империя простиралась на весь Восток — Малую Азию, Сирию, Египет, Парфию, Вавилонию, Месопотамию, Армению, Бактрию и другие страны - сто двадцать провинций Навуходоносора и Кира, от Средиземного моря до Индии, от Эвксинского и Каспийского морей до Аравии и Персидского залива — чудовищная империя, обладание которой было рассчитано на то, чтобы воспламенить монархов, правивших в Сузах и Вавилоне, более чем смертной гордыней и самодостаточностью. Она постепенно завоевывалась сменявшими друг друга завоевателями, от Нимрода до Дария. Это было постепенное поглощение всех царств Востока сменявшими друг друга Ассирийской, Вавилонской и персидской империями - поскольку эти три империи действительно были единой при разных династиях и управлялись по одним и тем же прецедентам и принципам. Различные царства, составлявшие эту империю, некогда независимую, уступили завоевателям, которые правили в Вавилоне, или Ниневии, или Персеполе, и образовали сатрапии, платившие дань великому царю. Сатрапы Кира были подобны сатрапам Навуходоносора, членам или друзьям императорского дома, которые правили различными провинциями от имени царя Вавилона или Персии, без особого вмешательства в нравы, или язык, или обычаи, или законы, или религию побежденных, довольствовались просто данью и войсками на случай войны. И так велико было

скопление сокровищ в различных царских городах, где царь проживал часть года, что Дарий оставил после себя во время своего бегства, только в Экбатане, сто восемьдесят тысяч талантов, или двести миллионов долларов. Именно за счет этого сокровища персидские цари жили в таком царственном великолепии, и с его помощью они могли субсидировать армии, чтобы поддерживать свою власть во всех своих обширных владениях, и даже приобретать союзников, таких как греки, когда нуждались в их услугах. Их сокровища были неисчерпаемы — и накапливались с целью поддержания империи, а следовательно, не расходовались, а оставались как священное достояние.

Филипп стремился свергнуть империю. Зная ее внутреннюю слабость.

Именно к свержению этой империи стремился Филипп после завоевания Греции, отчасти для того, чтобы отомстить за раны, нанесенные персидскими вторжениями, но больше из личных амбиций. И если бы он был жив, то добился бы успеха, и его имя передавалось бы как имя великого завоевателя, а не как имя его более удачливого сына. Филипп знал, каким пустяком была персидская военная мощь. Ксенофонт просветил греков относительно неэффективности персидских армий, если они нуждались в каких-либо дополнительных инструкциях после поражения Ксеркса и его полководцев. Огромные армии персов представляли собой грандиозное зрелище и выглядели устрашающе, когда их осматривал царь в своей позолоченной колеснице, окруженный своей знатью, принцами своей семьи и женщинами своего гарема. И этих армий было достаточно, чтобы сохранить единство империи. Могучего престижа, сопровождавшего победы в течение тысячи лет, и всей помпезности миллионов в боевых порядках было достаточно, чтобы сохранить провинцию единой, поскольку система ведения войны и характер войск были одинаковыми во всех провинциях. Персидским царям следовало опасаться внешних врагов с другой системой ведения войны, а не восстаний ослабленных государств и невоинственных городов. Народы Востока никогда не были воинственными в том смысле, в каком были Греция и Рим. Армии Греции и Рима были небольшими, но боеспособными. Редко случалось, чтобы какая-либо греческая или римская армия превышала пятьдесят тысяч человек, но они были ветеранами, обладали военной наукой, мастерством и дисциплиной. Войска Ксеркса или Дария были недисциплинированными, и они были наемниками, в отличие от первоначальных войск Кира.

Но эта работа предназначена для Александра. Кто был завоевателем восточного мира? В чем заключался его военный гений.

Теперь миссия Александра заключалась в том, чтобы свергнуть династии, столь бесславно правившие на берегах Евфрата, — захватить персидскую империю с севера на юг и с востока на запад, — расчленить ее и образовать новые королевства из расчлененных провинций, а также распределить накопленные сокровища Сузов, Персеполя и Экбатаны, — ввести греческих сатрапов вместо персидских, — способствовать распространению греческого языка и институтов, — основать новые города, где греки могли бы править, откуда они могли бы распространять свой дух и культуру. Александр провел в Греции всего один год своего правления, вся остальная его жизнь прошла в различных провинциях Персии. Он был завоевателем восточного мира. Ему не приходилось сражаться в тяжелых битвах, как Цезарю или Наполеону. Все, что ему нужно было сделать, это появиться со своими войсками, и враг бежал. Города сдавались по мере его приближения. Две великие битвы, решившие судьбу Персии, — Исса и Арбела — были выиграны при первом же ударе его кавалерии. В обоих

случаях Дарий бежал с поля боя в самом начале сражения и не оказывал реального сопротивления. Чем больше было персидских солдат, тем более беспорядочным был разгром. Македонские солдаты сражались с отступающими армиями, обратив их в безрассудное бегство. Резня персов была простой бойней. Это было что—то вроде сбора огромного количества птиц на небольшом пространстве, отстрела их, когда они были собраны в углу, и присвоения забою громкого названия - а не погони за оленем по скалам и холмам.

Его страстью было завоевывать, а не реконструировать.

Военный гений Александра проявился в осаде нескольких городов, которые все же оказали сопротивление, таких как Тир и Газа; в его быстрых маршах; в сочетании его сил; в системе, дальновидности и проницательности, которые он проявил, одержав победу в кратчайшие сроки, двинувшись в нужное место, экономя свою энергию, не теряя времени на экспедиции, которые не касались главного вопроса, и сосредоточив своих людей на жизненно важных пунктах. Филипп, если бы он был жив, мог бы завоевать персидскую империю; но он не завоевал бы так быстро, как Александр, который не знал покоя и переходил от завоевания к завоеванию, в некоторых случаях без скрытых целей, как в индийских кампаниях, — просто из любви и возбуждения от завоевания. Ему нужно было только время. Он не встретил врагов, которые могли бы противостоять ему — больше, как я понимаю, из-за отсутствия дисциплины среди его врагов, чем из-за непреодолимой силы его солдат, ибо он олицетворял побежденных солдат в своей собственной армии, и они сражались как его собственные войска, когда были дисциплинированы. Он также не мечтал о реконструкции или создании великой центральной державы. Если бы он был жив, то захватил бы Аравию, а затем Италию и Галлию. Но он не дожид до того, чтобы померяться силами с римлянами. Его миссия закончилась, когда он покорил персидский мир. И он не оставил преемника. Его империя была разделена между его военачальниками, и на развалинах персидской империи возникли новые царства.

Его ранняя история. Его завоевание греческих государств.

“Александр родился в 356 году до н.э. и, как и его отец Филипп, был не греком, а македонянином и эпиротом, лишь частично проникнутым греческими чувствами и интеллектом”. Он унаследовал честолюбие Филиппа и жестокий и своевольный темперамент своей разъяренной матери Олимпиады. Он получил хорошее образование, и его греческие наставники обучали его знаниям, обычным для греческих принцев. Его вкус склонял его к поэзии и литературе, а не к науке и философии. В тринадцать лет он был доверен заботам великого Аристотеля и оставался у него на учении три года. В шестнадцать лет его оставили регентом Македонского царства, столицей которого была Пелла, в то время как его отец отсутствовал во время осады Византии. В восемнадцать лет он командовал одним из флангов армии в битве при Херонее. Его перспективы были неопределенными вплоть до того самого дня, когда Филипп был убит из-за семейных раздоров и гнева своего отца, которому он вызвал неудовольствие. Но он был провозглашен королем после смерти Филиппа, в 336 году до н.э., отпраздновал его похороны с большой пышностью и убил многих из его убийц. Смерть Филиппа пробудила стремление к свободе в греческих государствах, но не было никакой комбинации, способной сбросить македонское иго. Александр хорошо понимал недовольство Греции, и его первой целью было привести ее к полному подчинению. С армией своего отца он переходил из штата в штат, принуждая к покорности и наказывая с беспринципной жестокостью всех, кто сопротивлялся. После демонстрации своих сил в различных частях Пелопоннеса он отправился в Коринф,

созвал депутатов из греческих городов и был избран главой Греции, как это было с его отцом Филиппом. Он был назначен хранителем мира в Греции. Каждый эллинский город был объявлен свободным, и в каждом были признаны существующие институты, но не должно было быть установлено никакого нового деспота, и каждому городу было запрещено посылать вооруженные суда в гавань любого другого, или строить суда, или нанимать там моряков. Такова была печальная деградация греческого мира. Его свобода была уничтожена, и не было никакой надежды спастись от деспотизма Македонии, кроме как прибегнув к помощи персидского царя. Если бы он был мудр, то субсидировал бы греков частью своих огромных сокровищ и собрал в Греции силы, способные справиться с Александром. Но он был обречен, и македонский царь был оставлен свободным, чтобы завершить завоевание всех государств. Сначала он перешел гору Хемус и покорил иллирийцев, пеонийцев и фракийцев. Он даже переправился через Дунай и разбил гетов.

Он уничтожает фиванскую власть. Моральный эффект его безжалостной суровости. Он хозяин Греции.

Как только он завершил завоевание варваров к северу от Македонии, он услышал, что фиванцы провозгласили свою независимость, воодушевленные его долгим отсутствием во Фракии и сообщениями о его смерти. Но он внезапно появился со своей победоносной армией, и поскольку у фиванцев не было полководцев, равных Пелопиду и Эпаминонду, они были легко покорены. Фивы были взяты штурмом, и население было вырезано - даже женщины и дети, будь то в своих домах или в храмах. Тридцать тысяч пленников были зарезервированы для продажи. Город был стерт с лица земли, и только Кадмея была сохранена для македонского гарнизона. Территория Фив была разделена между реконструированными городами Орхомен и Платея. Эта жестокость не имела аналогов в истории Греции, но безжалостный завоеватель хотел вселить ужас во все другие города и предотвратить восстание. Он произвел желаемый эффект. Все города Греции поспешили заключить мир со столь страшным врагом. Он пригрозил такой же участью Афинам за то, что они отказались выдать антимакедонских лидеров, включая Демосфена, но в конце концов был умиротворен влиянием Фокиона, поскольку он не хотел толкать Афины на отчаянные действия, которые могли помешать его предполагаемому завоеванию Персии, поскольку город все еще был силен в морской обороне и мог объединиться с персидским царем. Таким образом, Афины были спасены, но Фиванская империя была полностью разрушена. Затем он отправился в Коринф, чтобы подготовиться к своему персидскому походу, и, находясь в этом городе, навестил философа-циника Диогена, который жил в кадке. Говорят, что когда Александр спросил философа, желает ли он чего-нибудь, он ответил: "Ничего, кроме того, чтобы ты немного отошел от моего солнечного света" — ответ, который вырвал у завоевателя реплику: "Если бы я не был Александром, я был бы Диогеном".

Готовится вторгнуться в Персию.

Александр потребовался год и несколько месяцев, чтобы сокрушить то небольшое, что осталось от греческой свободы, подчинить фракийцев и собрать силы для своего похода в Персию. Весной 334 года до н.э. его армия была собрана между Пеллой и Амфиполем, в то время как его флот был под рукой, чтобы оказать помощь. В апреле он пересек пролив Сестос-Абидос и так и не вернулся ни в свою собственную столицу Пеллу, ни в Европу. Остаток своей жизни,

одиннадцать лет и два месяца, он провел в Азии, в непрерывных и все возрастающих завоеваниях; и они были такого гигантского масштаба, что Греция превратилась в ничтожество.

Он командует своими войсками в Азии. Его фаланга и доспехи его войск.

Когда армия Александра была выстроена на азиатском берегу, она насчитывала в общей сложности тридцать тысяч пехотинцев и четыре тысячи пятьсот кавалеристов — по-видимому, небольшая сила для свержения самой почтенной и обширной империи в мире. Но эти войска были ветеранами, обученными Филиппом, и ими командовали способные генералы. Из этого войска двенадцать тысяч были македонцами, вооруженными сариссой, длинной пикой, которая делала фалангу в шестнадцать рядов такой грозной. Сарисса была двадцати одного фута в длину, и ее держали обеими руками так, что она выступала на пятнадцать футов перед телом копейщика. Солдат фаланги также был снабжен коротким мечом, круглым щитом, нагрудником, гетрами и широкополой шляпой. Но, помимо фаланги тяжеловооруженных людей, были легковооруженные гоплиты, гипасписты для штурма укрепленных мест и войска с дротиками и луками. Кавалерия была достойна восхищения, распределенная по эскадронам, среди которых были телохранители - все они были повышены в звании из царских пажей и отборных солдат армии, сыновей знатных людей Македонии, и все они были хорошо вооружены.

Его генералы.

Все военачальники, служившие под началом Александра, были македонцами и прошли обучение у Филиппа. Среди них были Гефестион, близкий друг Александра, Птолемей, Пердикка, Антипатр, Клит, Парменион, Филота, Никанор, Селевк, Аминта, Филипп, Лисимах, Антигона, большинство из которых достигли большой власти. Парменион и Антипатр были самыми высокопоставленными лицами, последний из которых был оставлен наместником Македонии, Эвмен был личным секретарем Александра, самым длинноголовым человеком в его армии.

Александру беспрепятственно переправляются через Геллеспонт. Ошибка персов. Битва при Гранике. Александр обходится без своего флота. Падение Милета.

Александр высадился, не встретив сопротивления, вопреки совету Мемнона и Наставника — двух родосцев, находившихся на службе у Дария, царя —потомков одного из братьев Артаксеркса Мнемона — детей царя Охуса, после его убийства все они были убиты евнухом Багоасом. Поскольку персы превосходили македонян на море, было неосторожно позволять Александру переправляться через Геллеспонт без сопротивления; но персидские сатрапы отвергли Мемнона, которые полагали, что они более чем равны Александру на суше, и надеялись победить его. Арсайт, фригийский сатрап, командовал персидскими войсками, которому помогали другие сатрапы и персы высокого ранга, среди которых был Спитридат, сатрап Лидии и Ионии. Кавалерия персов значительно превосходила македонскую по численности, но пехота уступала. Мемнон посоветовал сатрапам избегать сражений на суше и использовать флот для агрессивных действий в Македонии и Греции, но Арситес отверг его совет. Персы заняли пост на реке Граник, недалеко от города Париум, на одном из склонов горы Ида. Александр сразу же решил форсировать реку, приняв командование правым крылом и передав левое Пармениону. В битве участвовала кавалерия, в которой Александр проявил большое личное мужество. Одно время его жизни угрожала неминуемая опасность со стороны киммерийца Спитридата, но Клит спас его, отсек мечом поднятую руку сатрапа от его тела.

Победа была полной, и большое количество сатрапов было убито. В Малой Азии не осталось сил, способных противостоять завоевателю, и азиаты подчинились в ужасе и тревоге. Затем Александр послал Пармениона покорить Даскилею, оплот сатрапа Фригии, а сам двинулся к Сардам, столице Лидии и главной стоянке персов в Малой Азии. Цитадель считалась неприступной, однако ужас персов был таков, что и город, и цитадель сдались без единого удара. Затем Фригия и Лидия попали в его руки с огромными сокровищами, в которых он остро нуждался. Затем он двинулся к Эфесу и вошел в город без сопротивления, и таким образом был поставлен на связь со своим флотом под командованием Никанора. Он не встречал сопротивления, пока не достиг Милета, который был воодушевлен сопротивлением персидского флота в четыреста судов, в основном финикийских и кипрских, которые несколькими неделями ранее могли помешать его переходу в Азию. Но персидский флот не появлялся до тех пор, пока город не был захвачен, а македонский флот в сто шестьдесят судов занял гавань. Александр отказался сражаться на море, но усилил осаду на суше, так что персидский флот, не имея возможности оказать помощь, отступил в Галикарнас. Город пал, и Александр принял решение полностью распустить свой собственный флот и сосредоточить все свои операции на суше — несомненно, мудрая, но отчаянная мера. Он полагал, и справедливо, что после того, как он возьмет прибрежные города, персидский флот станет бесполезен, и страна будет застрахована его армией.

Осада Галикарнаса. Завоевание Малой Азии.

Александр столкнулся с некоторыми трудностями при осаде Галикарнаса из-за храбрости гарнизона под командованием Мемнона и прочности оборонительных сооружений, которым помог персидский флот. Но его солдаты, “защищенные от снарядов передвижными пентхаусами, называемыми черепахами, постепенно засыпали глубокий и широкий ров вокруг города, чтобы открыть ровную дорогу для его машин (катящихся деревянных башен), которые могли подъехать вплотную к стенам”. Затем тараны разрушили башни городской стены и проделали в них брешь, так что город был взят штурмом. Мемнон, вынужденный отказаться от своей обороны, вывел гарнизон морем, и Александр вошел в город. Последующие зимние месяцы были потрачены на завоевание Лидии, Памфилии и Писидии, что было осуществлено легко, поскольку ужас перед его оружием приводил к покорности везде, где он появлялся. В Гордиуме, во Фригии, он совершил подвиг, широко известный как разрубание Гордиева узла, который представлял собой веревку, настолько скрученную и запутанную, что никто не мог ее развязать. Оракул провозгласил, что тому, кто развяжет его, суждено стать Персидской империей. Александр, после многих тщетных попыток распутать узел, в порыве нетерпения разрубил его своим мечом, и это было принято как решение проблемы.

Персы решаются на наступательные операции.

Тем временем Мемнон, которому Дарий доверил охрану всего побережья Малой Азии, с большим финикийским флотом и значительным отрядом греческих наемников приобрел важный остров Хиос и значительную часть Лесбоса. Но в разгар своих успехов он умер от болезни, и не осталось никого, кто мог бы занять его место. Если бы его совету последовали, Александр не смог бы высадиться в Азии. Его смерть стала невосполнимой потерей для дела персов, и с его смертью исчезла всякая надежда на мудрое и эффективное применение персидских войск. Теперь Дарий изменил свою политику и решил продолжить наступательные действия на суше. Поэтому он собрал огромную армию из всех частей своей империи,

состоящую из пятисот тысяч пехотинцев и ста тысяч кавалеристов. Выдающийся афинянин Харидем посоветовал персидскому царю использовать свои огромные сокровища для субсидирования греков и не мечтать со своими недисциплинированными азиатами выступить против македонцев в битве. Но этот совет был настолько неприятен гордому и самонадеянному королю среди его огромных сил, что он посмотрел на Харидема как на предателя и отправил его на казнь.

Пренебрегают охраной горных перевалов. Через которые Александр проходит беспрепятственно. Увлечение и ошибки персов. Персы продвигаются к Иссе.

Дарию не составило бы труда защитить свое царство, если бы он должным образом охранял горные перевалы, через которые Александру необходимо было пройти, чтобы вторгнуться в Персию. Здесь Дарий снова был увлечен, и он, в своей самоуверенности, оставил перевалы над горой Тавр и горой Аманус незащищенными. Александр с подкреплениями из Македонии двинулся из Гордиума через Пафлагонию и Каппадокию, жители которых немедленно подчинились, и подошел к Киликийским воротам — неприступному перевалу в Таврском хребте, который открывал путь в Киликию. Через нее семьдесят лет назад прошел Кир Младший с десятью тысячами греков, и это была главная дорога из Малой Азии в Киликию и Сирию. Самая узкая часть этого ущелья позволяла пройти только четырем солдатам в ряд, и здесь Дарию следовало занять свою позицию, даже когда греки овладели Фермопилами во время вторжения Ксеркса. Но перевал был совершенно не защищен, и Александр прошел через него беспрепятственно, не потеряв ни одного человека. Затем он оказался в Тарсе, где сделал длительную остановку из-за опасной болезни, которой заразился, купаясь в реке Кидн. Придя в себя, он послал Пармениона охранять перевал через гору Аманус, расположенный в шести днях пути от Тарса, называемый Киликийскими воротами. Они были защищены, но стража обратилась в бегство при приближении македонцев, и это важное ущелье было захвачено. Затем Александр двинулся через Исса к Мириандру, к югу от Киликийских ворот, которые он миновал. Персы теперь выступили из Сочи и появились у него в тылу при Иссе — огромное войско, среди которого был Дарий со своей матерью, женой, своим гаремом и детьми, которые сопровождали его, чтобы засвидетельствовать его ожидаемый триумф, поскольку ему казалось легким делом сокрушить захватчиков, насчитывавших всего около сорока тысяч человек. Дарию так не терпелось напасть на Александра, что он неосторожно продвинулся в Киликию через северный перевал, ныне называемый Бейлан, со всей своей армией, так что в узких ущельях этой страны его кавалерия была почти бесполезна. Он разбил лагерь близ Исы, на реке Пинар. Александр, узнав, что Дарий идет у него в тылу, вернулся по своим следам, прошел на север через Ворота Киликии, через которые он прошел два дня назад, и подошел к реке Пинар, на северном берегу которой стоял лагерь Дарий. И тут Дарий решил сражаться. Он перебросил через реку тридцать тысяч кавалерии и двадцать тысяч пехоты, чтобы обеспечить беспрепятственное построение своих основных сил. Его основная линия состояла из девяти тысяч гоплитов, из которых тридцать тысяч были греками в центре. На горе слева от него он разместил двадцать тысяч, чтобы действовать против правого крыла македонской армии. Затем он отозвал тридцать тысяч кавалерии и двадцать тысяч пехоты, которые он отправил за реку, и ожидал наступления Александра, Дарий находился в своей колеснице в центре, позади греческих гоплитов. Но земля была настолько неровной, что сражаться могла только часть его армии. Большая ее часть была простыми зрителями.

Великая и решающая битва при Иссе.

Александр перешел в атаку. Левым флангом командовал Парменион, а правым - он сам, на котором была размещена македонская кавалерия. Подразделения фаланги находились в центре, а пелопоннесская кавалерия и фракийская легкая пехота - слева. Весь фронт простирался всего на полторы мили. Быстро переправившись через реку, Александр во главе своей кавалерии, легкой пехоты и нескольких подразделений фаланги внезапно обрушился на азиатских гоплитов, которые были расположены слева от персов. Атака была настолько стремительной и неожиданной, что войска мгновенно обратились в бегство под яростным натиском македонского правого фланга. Дарий со своей колесницы увидел бегство своего левого крыла и, охваченный внезапной паникой, приказал повернуть свою колесницу и тоже бежал среди первых беглецов. В ужасе он отбросил свой лук, щит и царственную мантию. Он не отдал ни единого приказа и ни минуты не оставался после поражения своего левого фланга, как следовало, ибо он был позади тридцати тысяч греческих гоплитов в центре, но обратился в бесславное бегство, и это послужило сигналом к общему бегству также и всех его войск, которые развернулись и топтали друг друга в своих попытках оказаться вне досягаемости врага.

Ошибки персов и трусость Дария.

Таким образом, битва была проиграна из-за отступления азиатских гоплитов слева и бегства Дария через несколько минут после этого. Правые персы проявили некоторую храбрость, пока Александр, завершив разгром левых, не повернулся, чтобы атаковать греческих наемников с фланга и тыла, когда все в ужасе обратились в бегство. Резня беглецов была чудовищной. Лагерь Дария был взят вместе с его матерью, женой, сестрой и детьми. Сто тысяч персов были убиты не *в битве*, а при *бегстве*, и среди них было несколько выдающихся сатрапов и вельмож. Персидские войска были полностью рассеяны, и Дарий не останавливался, пока не переправился через Евфрат. Захваченная добыча была огромной - золото, серебро и пленники.

Важные последствия битвы.

Такова была решающая битва при Иссе, где трусость и некомпетентность Дария были более заметны, чем полководческое мастерство самого Александра. Ни одна победа никогда не имела более важных последствий. Она рассеяла персидские войска, открыла Персию для победоносного врага и придала завоевателю непреодолимый престиж. Падение империи стало вероятным и обеспечило Александру последующие триумфы.

Бегство и бездействие Дария.

Но прежде чем приступить к полному завоеванию персидской империи, Александр, как благоразумный и дальновидный полководец, каким бы импульсивным он ни был, решил сначала подчинить все провинции, лежащие на побережье, и таким образом сделать персидский флот бесполезным, а в конечном итоге захватить его и оставить свой тыл без врага. Соответственно, он послал Пармениона захватить Дамаск, где были собраны огромные сокровища. Город был сдан без сопротивления, хотя и мог выдержать осаду. Были захвачены огромные сокровища, огромное количество высокопоставленных персов и множество знаменитых греческих изгнанников. Магистр Дамаска Александр зимой 331 года до н.э. двинулся на Финикию, города которой в основном прислали письма о подчинении. Находясь в Маранте, Дарий написал Александру, прося вернуть его жену, мать, сестру и дочь и выражая дружеские чувства, на что Александр ответил высокомерным письмом, требуя, чтобы к нему обращались не как к равному, а как к повелителю Азии.

Осада Тира. Его падение.

Последняя надежда Дария была на финикийцев, которые снабжали его кораблями; и один город остался тверд в своей верности — Тир, самый сильный и важный город Финикии. Но даже этот город уступил бы на справедливых и почетных условиях. Это не соответствовало взглядам Александра, который выдвигал непомерные требования, которые не могли быть приняты тирийцами без риска для всех. Соответственно, они готовились к осаде, полагаясь на неприступную оборону города. Он был расположен на островке, в полумиле от материка, окружен высокими стенами и башнями огромной прочности и толщины. Но ничто не обескураживало Александра, который любил преодолевать трудности. Он построил из камня и дерева мол шириной двести футов от материка до островка, который был разрушен штормом и усилиями тирийцев. Ничуть не смутившись, он построил другой, еще шире и прочнее, и отправился в Сидон, где собрал большой флот, с помощью которого захватил город как с моря, так и с суши. Судьба города теперь была предрешена, и тирийцы больше не могли чинить серьезных препятствий. Затем машины подкатили по молу к стенам, и, наконец, была пробита брешь, и город был взят штурмом. Затем горожане забаррикадировали улицы и отчаянно сражались, пока их не перебили. Оставшиеся в живых солдаты были повешены, а женщины и дети проданы в рабство. Тем не менее город сопротивлялся в течение семи месяцев, и его взятие было действительно величайшим усилием гения, проявленным Александром, и послужило примером для Ришелье при осаде Ла-Рошели.

Предложение Дария. Отвергнуто Александром.

После падения этой древней и богатой столицы, о гордости и богатстве которой говорится в Священном Писании, Александр получил второе письмо от Дария, предлагавшего десять тысяч талантов своей дочери в жены с уступкой всех провинций его империи к западу от Евфрата за выдачу его семьи. На что надменный и дерзкий завоеватель ответил: “Мне не нужны ни ваши деньги, ни ваша уступка. Все ваши деньги и территория уже принадлежат мне, и вы предлагаете мне часть вместо целого. Если я решу жениться на вашей дочери, я *shall* женюсь на ней, отдадите вы ее мне или нет. Приходите ко мне, если хотите дружбы.

Кто завоевывает Египет.

Теперь Дарий понял, что должен рискнуть на еще одно отчаянное сражение, и созвал все свои войска. Однако Александр не выступил против него немедленно, а сначала предпринял завоевание Египта. Сирия, Финикия и Палестина теперь принадлежали ему, так же как и Малая Азия. Он также разгромил персидский флот и стал хозяином всех эгейских островов. Он остановился по пути в Египет, чтобы взять Газу, которая сопротивлялась ему, построенная на высоком искусственном кургане высотой в двести пятьдесят футов и окруженная высокой стеной. Македонские инженеры объявили это место неприступным, но чем больше была трудность, тем больше Александр стремился ее преодолеть. Соответственно, он возвел вокруг города насыпь, такую же высокую, как та, на которой была построена Газа, а затем подкатил свои машины к стене, пробил брешь и взял город штурмом, перебил весь гарнизон и продал всех женщин и детей в рабство. Что же касается Батиса, защитника города, то его протащили на колеснице по городу, как это сделал Ахилл, которому Александр подражал, с мертвым телом Гектора. Осада этих двух городов, Тира и Газы, заняла девять месяцев и была самым тяжелым сражением, с которым когда-либо сталкивался Александр.

Основание Александрии.

Он вошел в Египет и занял его без сопротивления и решил основать новый город недалеко от устья Нила, но не как будущую столицу торгового мира, а как базу для своих кораблей. Пока он готовился к этой великой работе, он посетил храм Юпитера Амона в пустыне, и жрецы обращались к нему как к Сыну Божьему, а не как к смертному, и лесть была ему приятна, так что с тех пор он всегда заявлял о своей божественности в высокомерии своего характера и великолепии своих успехов и даже убил человека, который спас ему жизнь при Гранике, потому что тот отрицал свои божественные притязания — самый яркий пример самоувеличения и гордыни, зафиксированный в истории, превосходящий как Навуходоносора, так и Наполеона.

Александр идет маршем к Евфрату.

Уладив свои дела в Египте и получив подкрепление из греков и фракийцев, он направился к Евфрату, который беспрепятственно пересек у Тапсака - еще одна ошибка персов. Но Дарий был парализован величием своих несчастий и пленением своей семьи и не мог действовать энергично или мудро. Он собрал свое многочисленное войско на равнине близ Арбелы, к востоку от Тигра, и ждал подхода врага. У него был миллион пехотинцев, сорок тысяч кавалеристов и двести колесниц с косами, не считая нескольких слонов. Он расположился в центре со своими отборными войсками, включая конницу и пешую охрану, а также греческих наемников. В тылу стояли большие массы вавилонян, а слева и справа - бактрийцы, кадусийцы, мидяне, албанцы и войска из отдаленных провинций. Впереди Дария ехали колесницы с косами и передовые отряды кавалерии.

Построение армий в Арбеле.

Приближаясь, Александр с большой осторожностью и умением расставил свои силы - сорок тысяч пеших и семь тысяч всадников. Его главная линия состояла справа из отборной кавалерии; затем, слева, из гипаспистов; затем фаланга в шесть дивизий, которая образовывала центр; затем греческая кавалерия на крайнем левом фланге. За основной линией фронта располагался резервный корпус, предназначенный для защиты от нападения с флангов и тыла. Перед основной линией фронта находились передовые эскадроны кавалерии и легких войск. Фракийская пехота охраняла обоз и лагерь. Сам он командовал правым, а Парменион - левым.

Полное поражение Дария. Его бесславное бегство. Битва при Арбеле - смертельный удар по Персии. Военный гений завоевателя.

Дарий в начале атаки приказал своим колесницам атаковать, а основной линии следовать за ними, рассчитывая на беспорядок. Но лошади колесниц были напуганы и ранены греческими лучниками и стрелками, шедшими впереди, и большинство из них повернули назад или были остановлены. Тех, кто продолжал наступление, пропустили через македонские линии без каких-либо неприятностей. Как и при Иссе, Александр не атаковал центр, где Дарий был окружен отборными войсками армии, но стремительно двинулся на левое крыло, развернул его и фланговым движением двинулся к центру, где находился Дарий. Персидский царь, видя неудачу колесниц и наступающие войска Александра, потерял самообладание, повернул свою колесницу и бежал, как при Иссе. Такая глупость и трусость привели, конечно, к мгновенному поражению и бегству; и победителю ничего не оставалось, как преследовать и уничтожать беспорядочно бегущих, так что резня была огромной. Но в то время как левый фланг и центр

персов были обращены в бегство, правый вел яростные бои и, возможно, изменил бы исход дня, если бы Александр вовремя не вернулся из преследования и не атаковал левый фланг с тыла. Затем все было потеряно, и персидское войско обратилось в безудержное бегство. Битва была проиграна из-за трусости Дария, который со странной самонадеянностью настоял на личном командовании. Половина войск под командованием умелого полководца сокрушила бы македонскую армию, даже с Александром во главе. Но у персов не было храброго и умелого лидера, и они были просто сбродом. По некоторым данным, было убито триста тысяч персов и не более сотни македонцев. Со стороны Дария не было никаких попыток сплотиться или собрать новую армию. Его дело и трон были безвозвратно потеряны, и он был вынужден бежать в свои самые дальние провинции, преследуемый завоевателем. Битва при Арбеле стала смертельным ударом по персидской империи. Мы не можем не испытывать чувства негодования ввиду такого жалкого управления со стороны персов, отбросивших таким образом империю. Но, с другой стороны, мы также вынуждены признать экстраординарное полководческое мастерство Александра, который ввел в бой каждую часть своей армии, в то время как по меньшей мере три четверти персов были простыми зрителями, так что имеющиеся в его распоряжении силы были действительно велики. Его хитроумные комбинации, его восприятие слабых мест своего противника и мгновенное преимущество, которым он воспользовался, — его проницательность, быстрота движений и великолепная организация — сделали его неотразимым против любого численного превосходства персов без опыта. Действительно, персидская армия была слишком велика, поскольку ею не мог эффективно командовать один человек, и все пришло в замешательство и разорение при первом женесчастье. Великие полководцы древности, греческие и римские, редко командовали на поле боя более чем пятьюдесятью тысячами человек; а пятьдесят тысяч в условиях Александра были, возможно, более эффективны, чем двести тысяч. В наше время, когда сражения решаются не личной храбростью, а количеством и расположением пушек, а также совершенством огнестрельного оружия, стотысячная армия обычно может сокрушить пятидесятитысячную армию тем же самым разрушительным оружием. Но в древние времена стремительная атака двадцати тысяч человек на один пункт, сопровождавшаяся успехом, вызвала бы панику, а затем и бегство, когда даже бегству препятствует многочисленность. Таким образом, Александр преуспел и при Иссе, и при Арбеле. Он сосредоточил силы на слабом месте, которое, будучи захваченным, вызвало панику и особенно посеяло смятение в разуме Дария, у которого не было ни нервов, ни самоконтроля. Если бы он оставался твердым и сражался только в обороне, македонцы, возможно, не одержали бы верх. Но он бежал; и смятение охватило, конечно, его войско.

Сдача Вавилона и Сузов.

И Вавилон, и Сузы, две великие столицы империи, немедленно сдались после решающей битвы при Арбеле, и Александр стал великим царем, а Дарий — беглецом. Сокровища, найденные в Сузах, были даже больше, чем те, что доставил Вавилон, — около пятидесяти тысяч талантов, или пятидесяти миллионов долларов, пятой части которых тремя годами ранее было бы достаточно, чтобы субсидировать Грецию и создать преграду на пути завоеваний как Филиппа, так и Александра.

Огромные сокровища персидских царей.

Победитель провел месяц в Вавилоне, принося жертвы вавилонским божествам, угощая свои войска и организуя свою новую империю. Затем он двинулся в самую Персию, покорил жителей и вошел в Персеполь. Хотя это было самое сильное место в империи, оно не оказало сопротивления. Здесь были спрятаны главные сокровища персидских царей, не менее ста двадцати тысяч талантов, или около ста двадцати миллионов долларов наших денег — огромная сумма в золоте и серебре в ту эпоху, десятая часть которой, при разумном расходовании, обеспечила бы трон Дарию от любого внешнего врага. Теперь он был беглецом в Мидии, и Александр немедленно отправился туда в погоню, не давая себе покоя. Он без сопротивления обосновался в Экбатане, столице Персидской империи, и начал подготовку к вторжению в восточную часть персидской империи, за пределы Парфянской пустыни, вплоть до Окса и Инда, населенных воинственными варварами, из которых в основном набирались персидские армии.

Последовательные завоевания Александра.

Было бы утомительно описывать последовательные завоевания Согдианы, Маргианы, Бактрианы и даже некоторых территорий за Индом. Александр никогда не встречал со стороны этих народов сопротивления, которое Цезарь встретил в Галлии, и его сражения в этих восточных странах не были примечательными. Ему нужно было только появиться, и он был хозяином положения. В конце концов его войскам надоели эти непрерывные походы и легкие победы, в то время как их настоящими врагами были жара, голод, жажда, переутомление и тяжелый труд. Они отказались следовать за своим генералом и королем дальше на восток, и он был вынужден вернуться. И все же около семи лет ушло на походы и завоевания в этих отдаленных странах, поскольку он проник в Скифию на севере и к устью Инда на юге.

Он убивает своего друга Клита. Агония и раскаяние Александра.

Именно в походах среди этих варваров произошли некоторые из самых позорных событий в его жизни. Он редко отдыхал, но когда у него выдавался досуг, он позволял себе большие излишества за праздничным столом. Его кутежи со своими офицерами часто затягивались на ночь, и в состоянии алкогольного опьянения он совершал поступки, которые впоследствии вызвали у него глубочайшие угрызения совести и стыд. Таким образом, он собственноручно убил Клита на пиру, потому что Клит осмелился высказать некоторые истины, которые противоречили его представлениям о всемогуществе. Но муки раскаяния были так велики, что сразу после этого он пролежал в постели целых три дня и ночи, отказываясь от всякой еды и питья. Он также убил Филотаса, одного из своих самых доверенных генералов и командира своей личной гвардии, по подозрению в предательстве, а затем, без всякой другой причины, кроме страха перед гневом своего отца Пармениона, приказал убить этого старого генерала в Экбатане, командовавшего самым важным постом в его владениях, где хранились его сокровища. Он жестоко изувечил Бесса, сатрапа, который выступил против него в Бактрии. Каллисфен, один из величайших философов того времени, был подвергнут пыткам и убит по обвинению в участии в заговоре, но на самом деле он навлек на себя ненависть монарха за то, что отрицал его притязания на божественность.

Он проникает до Инда. Порус.

Весной 326 года до н.э. Александр переправился через Инд, но не встретил сопротивления, пока не достиг реки Гидасп (Хилум), на другом берегу которой индийский принц Порус оспаривал его переход с грозными силами и множеством обученных слонов — животных, с которыми

македоняне никогда прежде не сталкивались. Серией виртуозных комбинаций Александру удалось переправиться через реку, и битва началась. Но индейцы не смогли долго противостоять длинным пикам и рукопашному бою греков и были разбиты с большими потерями. Сам Порус, принц гигантского роста, восседавший верхом на слоне, был взят в плен после того, как сражался с большим мужеством. Приведенный в присутствие завоевателя, Александр спросил его, что бы он хотел, чтобы для него сделали, ибо его доблесть и физическая сила вызвали восхищение. Порус ответил, что хотел бы, чтобы с ним обращались как с царем, и этот ответ еще больше возбудил восхищение греков. Соответственно, с ним обращались с предельной вежливостью и великодушием и сохранили за собой статус союзника. Александр был способен на великодушие, когда ему не противостояли. Он был добр к семье Дария как до, так и после его убийства сатрапом Бессом. И его щедрость к своим солдатам была велика, и он никогда не терял их расположения. Но он был жесток и кровожаден в обращении с пленными, которые доставляли ему неприятности, хладнокровно предавая мечу тысячи людей.

Солдаты Александра отказываются продвигаться дальше на Восток.

Как уже упоминалось ранее, солдаты были утомлены победами и лишениями, лишены удовольствий и страстно желали вернуться в Европу. Следовательно, Сангала в Индии была самой восточной точкой, до которой он добрался. Вернувшись к реке Гидасп, он построил флот из двух тысяч лодок, на которых часть его армии спустилась по реке вместе с ним самим, в то время как другая часть прошла маршем вдоль ее берегов. Он медленно плыл вниз по реке до ее впадения в Инд, а затем в Индийский океан. Это путешествие заняло девять месяцев, но большая часть времени была потрачена на усмирение различных людей, которые выступали против его похода. Добравшись до океана, он был поражен и заинтересован отливом — новым для него явлением. Флот прошел от устья Инда, обогнув Персидский залив, до устья Тигра — великое морское достижение в те дни; но сам он с армией двинулся на запад через пустыни, претерпевая большие утомления и страдания и с большими потерями в людях, лошадях и обозе. В Кармании он остановился, и армия на семь дней погрузилась в пьяные гулянья.

Он возвращается в Персеполь. Его отказ от удовольствий.

Вернувшись в Персеполь, в Персии, он посетил и отремонтировал гробницу Кира, величайшего завоевателя, которого мир видел до него. В феврале 324 года до н.э. он выступил в Сузы, где провел несколько месяцев в празднествах и организации своего великого правительства, поскольку у него больше не было армий, которым он мог противостоять. Теперь он окружал себя пышностью персидских царей, носил их одежду и перенял их привычки, к большому неудовольствию своих македонских генералов. Он женился в Бактрии на прекрасной пленнице Роксане, и теперь у него было еще две жены: Статира, дочь Дария, и Парисатида, дочь царя Охуса. Он также заставил своих главных офицеров жениться на дочерях старых персидских вельмож и, казалось, забыл страну, из которой он родом и которую ему никогда больше не суждено было увидеть. Здесь он также сделал пожертвование своим солдатам в размере двадцати тысяч талантов - около пятисот долларов каждому. Но даже это не удовлетворило их, и когда прибыли новые подкрепления, старые солдаты взбунтовались. Он в гневе распустил их всех и разрешил им вернуться по домам, но они были полны стыда и сожаления, и произошло примирение.

Смерть Гефестиона и горе Александра.

Именно во время его визита в Экбатану, летом 324 года до н.э., умер его любимец Гефестион. Его горе было безграничным. Он бросился на землю, коротко подстриг волосы и два дня отказывался от еды и питья. Это было самое сильное горе, которое он когда-либо проявлял, и оно было искренним. Он отказывался, чтобы его утешали, и все же искал отвлечения от своего горя в празднествах и показной жизни.

Его вступление в Вавилон. Пышные похороны Гефестиона. Смерть Александра.

Весной 323 года до н.э. он выступил в Вавилон, где собрались послы всех народов известного мира, чтобы поздравить его с поразительными и беспрецедентными успехами и призвать к дружбе, что свидетельствует о его широко распространенной славе. В Вавилоне он разрабатывал планы и готовился к кругосветному плаванию и завоеванию Аравии, а также к основанию большого морского города в глубине Персидского залива. Но прежде чем отправиться в путь, он решил отпраздновать погребальные обряды Гефестиона с небывалой пышностью. Погребальный костер был высотой в двести футов, нагруженный дорогими украшениями, в которых была исчерпана вся выдумка художников. Он стоил двенадцать тысяч талантов, или двенадцать миллионов долларов наших денег. За похоронными церемониями последовал общий пир, на котором он принял участие, проведя всю ночь в пьянстве со своим другом Медиусом. Этот последний пир оказался роковым. Его разгоряченная кровь послужила топливом для свирепой лихорадки, которая охватила его и унесла через несколько дней в возрасте тридцати двух лет, после правления, длившегося двенадцать лет и восемь месяцев, в июне 323 года до н.э. до н.э.

Его безграничные амбиции. Его смерть - счастливое событие. Последствия его завоеваний.

Он не указал преемника. И один человек не смог бы управлять такой огромной империей с таким небольшим государственным механизмом. Его достижения затмевали достижения всех предыдущих завоевателей, и он был, что особенно важно, Великим царем — образцом всей мировой власти. “Он овладел, несмотря на усталость, лишения и сражения, не только всей восточной половиной персидской империи, но и неизвестными районами Индии за ее пределами. Помимо Македонии, Греции и Фракии, он обладал всеми сокровищами и войсками, которые делали персидского царя таким грозным,” и он возвысился до всей этой власти и величия благодаря завоеваниям в возрасте, когда гражданину Афин доверялись важные командования, и на десять лет моложе возраста римского консула. Но он не был удовлетворен и, как говорят, плакал из-за того, что больше не было миров для завоевания. Он, будь жив, несомненно, столкнулся бы с римлянами и всеми их врагами и присоединил бы Италию, Испанию и Карфаген к своей империи. Но есть предел человеческим успехам, и когда его работа по наказанию народов была завершена, он умер. Но он оставил после себя непревзойденную славу, и “он внушает благоговейный трепет воображению больше, чем любой персонаж древности”. У него были выдающиеся заслуги как полководца, но он был многим обязан счастливым обстоятельствам. Он думал о новых завоеваниях, а не о том, чтобы укрепить то, чего он добился, так что его империя, естественно, должна была быть разделена после его смерти. Хотя эти завоевания были разделены, они сохранились для будущих поколений и оказали немалое влияние на цивилизацию, и все же, вместо того чтобы эллинизировать Азию, он скорее азиатизировал Элладу. Этот процесс, насколько он был осуществлен, является заслугой его полководцев — диадохов—Антигона, Птолемея, Селевка,

Лисимаха и др., которые разделили между собой империю. Но эллинизм в действительности никогда в значительной степени не проникал в Азию. Старые восточные привычки, чувства и интеллектуальные качества сохранились и пережили все последующие завоевания. Восточные привычки и мнения скорее вторглись в западный мир вместе с развитием богатства и роскоши. Азия под коварным влиянием изнеженных привычек подорвала Грецию и даже Рим, вместо того чтобы воспринять от Европы новые импульсы, чувства или институты. Новая и варварская страна может одержать верх с помощью отважных воинов, предприимчивых и нуждающихся, над цивилизованными нациями, которые славились тысячелетиями, но завоеванная страна почти неизменно передавала свои привычки и институты завоевателям, настолько более величественными являются идеи, чем любая демонстрация победоносной грубой силы. Династии сменяют друг друга, но цивилизация выживает, когда существует какой-либо материал, с которым она может работать.

Афины никогда не были более могущественной державой в мире, чем в то время, когда завершилось их политическое крушение. Следовательно, политические изменения наций, составляющие основную часть всей истории, незначительны по сравнению с теми идеями и институтами, которые постепенно трансформируют привычки и мнения обычной жизни. И все же именно эти тихие и постепенные изменения ускользают от внимания историков, и их труднее всего понять и объяснить из-за отсутствия достаточных и определенных знаний. Более того, именно подвиги выдающихся личностей в вдохновляющей предприимчивости и героизме до сих пор доказывали огромную привлекательность прошлых эпох для обычных умов. Никакая история, по-настоящему философская, не была бы широко прочитана ни одним народом в любом возрасте, и меньше всего молодежью в процессе образования.

Остальная история Греции представляет мало интереса до римских завоеваний, которые будут представлены в следующей книге.

КНИГА III.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ.

ГЛАВА XXVI.

РИМ В ЕГО ЗАЧАТОЧНОМ СОСТОЯНИИ, ПРИ КОРОЛЯХ.

Описывая рост этой великой державы, которая постепенно поглотила все другие государства и монархии, образовав крупнейшую империю, когда-либо известную на земле, я опускаю упоминание обо всех других государствах Италии и Европы, пока они не вступили в прямое столкновение с самим Римом.

Неясность ранней истории Рима.

Ранняя история Рима покрыта мраком, и хотя многие великие писатели потратили огромные знания и изобретательность, чтобы проследить происхождение города и его жителей, до сих пор мало что установлено на неопровержимой основе. Мы обращаемся к поэзии и легендам как к основанию “Вечного города”.

Aeneas.

Эти легенды представляют особый интерес. Эней в своем бегстве из Трои после многих приключений достигает Италии, женится на дочери Латина, царя народа, который тогда жил в Лациуме, и строит город, который он называет Лавиниум, и объединяет своих троянских последователей с коренными жителями.

Latium. Основание Рима.

Лаций был небольшой страной, ограниченной на севере Тибром, на востоке реками Лирус и Вилис, а на юге и западе Тосканским морем. Он был немедленно окружен этрусками, сабинянами, эквами и марсианами. Когда Лациум был первоначально заселен, мы не знаем, но люди, несомненно, принадлежали к индоевропейской расе, родственнице первых поселенцев Европы. Лаций представлял собой равнину, окруженную горами и пересеченную Тибром, площадью около семисот квадратных миль. Между озером Альбан и горой Альбан находилась Альба — первоначальная резиденция латинской расы и город-мать Рима. Здесь, согласно преданию, царствовал Асканий, сын Энея, а его потомками в течение трехсот лет были латинские племена. После одиннадцати поколений королей Амулий узурпирует трон, принадлежавший Нумитору, старшему брату, и обрекает свою единственную дочь Сильвию на вечную девственность весталки. Сильвия, которую посещает бог, рождает близнецов, Ромула и Рема. Близнецы, разоблаченные по приказу Амулия, вскормлены волчицей и воспитаны одним из королевских пастухов. Они пасут свои стада на Палатине, но из-за ссоры, возникшей между ними и пастухами Нумитора на Авентине, их королевское происхождение обнаруживается, и происходит восстановление Нумитора. Но близнецы решают основать город, и на Палатине возникает Рим, убежище для преступников и рабынь, которые получили жен в результате “изнасилования сабинянок”.

Первые жители. Рим основан насилием.

Таким образом, согласно легендам, было основано основание Рима на холме примерно в четырнадцати милях от устья Тибра, в месте менее благоприятном для здоровья, чем старые латинские города, в 751 или 753 году до н.э.. Согласно предположениям Моммзена, может показаться, что Рим в очень ранний период был прибежищем беззаконной банды людей,

которые укрепились на Палатине и, возможно, на других холмах и грабили мелких торговцев, которые плавали вверх и вниз по Тибру, а также соседнее сельское население, в то время как феодальные бароны укрепились на холмах, возвышающихся над равнинами и реками. Но все теории, касающиеся основания Рима, основаны либо на легендах, либо на домыслах. Пока мы не доберемся до определенных фактов, я предпочитаю те, которые основаны на легендах, таких, которые принимались более двух тысяч лет назад. Не имеет большого значения, являются ли Ромул и Рем реальными персонажами или поэтическими именами. Вполне вероятно, что положение Рима в древние времена было благоприятным для грабежей, даже если это была нездоровая местность. Первыми зарождениями Рима были насилие и грабеж, и убийство Рема Ромулом является прообразом его ранней истории и всей последующей карьеры.

Сабинянин в Риме.

Ромул и его сообщники-разбойники, укрепившиеся сейчас на Палатине, организуют город и правительство и расширяют границы. Изнасилование сабинянок приводит к войне, и Тит Татий, царь Сабинян, получает во владение Капитолийский холм — самый маленький, но самый знаменитый из семи холмов, на которых впоследствии был построен Рим. В долине между ними, на которой впоследствии был построен форум, сражающиеся разделены сабинскими женами разбойников, а племена или нации объединены под названием Рамн и Титий, при этом сабиняне удерживают Капитолий и Квиринал, а римляне Палатин. Некоторые этруски, владевшие Целийским холмом, включены в состав третьего племени, называемого Луцерами. Но вполне вероятно, что преобладал сабинянинский элемент. Каждое племя состоит из десяти курий по сто граждан, которые вместе с тремя сотнями всадников образуют корпус из трех тысяч трехсот граждан, которые одни пользовались политическими правами.

Конституция.

Правительство, хотя и монархическое, было ограниченным. Король был обязан выносить все насущные вопросы на рассмотрение собрания тридцати курий, называемого Куриальными комитетами. Но у короля был совет, называемый Сенатом, состоящий из ста членов, которые назывались *Patres*, или Отцами, и, несомненно, были главами кланов, называемых *Gentes*. Роды были разделены на фамилии, или семейства. Эти патры были главами патрицианских домов — того класса, который единственный обладал политическими правами и который был римскими гражданами.

Numa Pompilius.

Говорят, что Ромул правил справедливо и умело в течение тридцати семи лет, и не нашлось никого, достойного стать его преемником. В конце концов римское племя рамнов избрало Нуму Помпилия из сабинян, человека мудрого и набожного, который, как говорили, получил свои знания от Пифагора. Этот царь учредил религиозное и гражданское законодательство Рима и построил храм Януса посреди Форума, двери которого были закрыты в мирное время и открыты во время войны, но никогда не закрывались с момента его смерти до правления Августа, за исключением короткого периода после первой Пунической войны.

Установление религии.

Он учредил Коллегию понтификов, которые руководили всеми религиозными церемониями, регулировали праздники и систему мер и весов; также Коллегию авгуров, которые с помощью различных предзнаменований толковали волю богов; а также Коллегию герольдов, которые охраняли общественную веру. Он установил границы полей, разделил территорию Рима на районы, называемые паги, и отрегулировал календарь.

Тулл Гостилий. Горации и куриаты.

Согласно легендам, Тулл Гостилий был третьим королем Рима, избранным курией. Он назначил Келийскую гору для бедных и чужеземцев, которые стекались в Рим, и был воинственным правителем. Великим событием его правления было разрушение Альбы. Растущая мощь Рима вызвала ревность этого древнего очага латинского могущества, и последовала война. Армии двух государств были выстроены в боевом порядке, когда было решено, что ссору должны разрешить три воина, выбранные с каждой стороны. Отсюда и прекрасная история куриатов и Горациев, трех братьев с каждой стороны. Двое из Горациев были убиты, а трое Куриатов ранены. Третий из горациев притворился беглецом, и куриаты преследовали его, но так как они были ранены, третий римлянин полностью подчинил их себе, и таким образом альбаны стали подданными римлян. Победитель встретил свою сестру у одних из ворот, которая, будучи помолвлена с одним из куриатов, упрекнула его в смерти своего возлюбленного, что так разгневало его, что он убил ее. Так рано патриотизм побеждает естественные чувства среди римлян. Но Гораций, тем не менее, был судим за свою жизнь двумя судьями и осужден. Он обратился к народу, который отменил решение суда — первая инстанция, зарегистрировавшая апелляцию по делу о смертной казни к народу, что впоследствии стало правом римских граждан.

Разрушение Альбы.

Между Альбой и Римом снова вспыхнули военные действия, бывший город был разрушен, а жители переселены на Килийскую гору и зачислены в число граждан. Разрушив Альбу, Рим получил президентство над тридцатью городами латинской конфедерации. Тулл, казалось бы, был беспринципным, но способным царем, и ему приписывают возведение курии Враждебности, где Сенат проводил свои заседания.

Происхождение плебеев.

Сабинянин Анк Марций был четвертым королем, 640 г. до н.э., который проводил воинственную политику своего предшественника, завоевав множество латинских городов и объединив их жителей с римлянами, которых он поселил на горе Авентин. Они были свободными людьми, но не гражданами. Их называли плебеями, с измененными гражданскими, но не политическими правами, и они были источником того великого среднего класса, который впоследствии стал таким грозным. Плебеи, хотя и принадлежали к той же расе, что и римляне, были покоренным народом, и все же не были обращены в рабство, как большинство покоренных народов древности. У них были свои Роды и Фамилии, но они не могли вступать в браки с патрициями. Хотя они не были гражданами, они были обязаны сражаться за государство, за что в качестве компенсации сохраняли свои земли, то есть свои старые владения.

Tarquinius Priscus.

После смерти в 616 году до н.э. Анка Марлия, Луций Тарквиний из этрусской семьи стал царем, более известным как Тарквиний Приск. Он был опекуном двух сыновей Анка, но предложил себя в качестве кандидата на трон, из чего следует, что монархи избирались народом.

Его общественная деятельность.

Он вел успешную войну против латинов и сабинян и с разрешения сената привез из Этрурии золотую корону, цепь из слоновой кости, скипетр, увенчанный орлом, и малиновую мантию, расшитую золотом, — эмблемы королевской власти. Но больше всего он известен различными общественными работами, отличавшимися в то время большим великолепием, а также общественной пользой. Среди них была Большая клоака для осушения болотистой местности между Палатином и Тибром — работа настолько грандиозная, что Нибур ставит ее в один ряд с пирамидами. Он простоял без смещения камня более двух тысяч лет. Это показывает, что использование арки было известно в тот период. Кладка камней идеальна, они соединены друг с другом без цемента. Тарквиний также учредил публичные игры и правил с большей пышностью, чем мы обычно ассоциируем с младенческим государством.

Servius Tullius.

Этот царь, возбуждавший зависть патрициев, был убит в 578 году до н.э., и Сервий Туллий воцарился вместо него. Он был величайшим из римских царей и достиг своего положения благодаря выдающимся заслугам, будучи изначально малоизвестным. Он женился на дочери Тарквиния и разделял все его политические планы.

Его реформы.

Он наиболее известен тем, что внес изменения в конституцию. Он оставил старые институты нетронутыми, но добавил новые. Он произвел новое территориальное деление государства и учредил народное собрание. Он разделил все население на тридцать колен, во главе каждой из которых стоял трибун. Каждое племя управляло своими местными делами и проводило общественные собрания. В эти племена входили как патриции, так и плебеи. Это было началом могущества плебса, на которое патриции смотрели с большой завистью.

Основанный на собственности. Новое разделение людей.

Основой или принципом новой организации Сервия было владение собственностью. Все свободные граждане, будь то патриции или плебеи, были призваны защищать государство и зачислены в армию. Эквиты, или кавалерия, занимали главенствующее положение в армии и состояли из богатых граждан. Этих рыцарей насчитывалось восемнадцать столетий, шесть патрициев и двенадцать плебеев, у всех было более ста тысяч асов. Они были вооружены мечом, копьем, шлемом, щитом, понож и кирасой. Пехота состояла из классов, по-разному вооруженных, из которых, включая equites, насчитывалось сто девяносто четыре центурии, сто из которых были первого ранга, тяжеловооруженные - все мужчины обладали ста тысячами асов. Каждый класс делился на старших — мужчин в возрасте от сорока пяти до шестидесяти, и младших — от семнадцати до сорока пяти. Первых могли вызывать только в экстренных случаях. Это разделение граждан было чисто военным, и каждая центурия имела один голос. Но поскольку первый класс насчитывал сто центурий, каждый человек из которых имел землю стоимостью в сто тысяч асов, он мог иметь больше голосов, чем все остальные классы, которых

вместе было всего девяносто четыре. Таким образом, богатые контролировали все общественные дела.

Comitia Centuriata.

Этому военному объединению людей, в котором преобладали богатые, Сервий передал все высшие государственные функции, поскольку центуриатные комиссии обладали выборными, судебными и законодательными функциями. Сервий также оказал много других льгот плебеям, он разделил между ними земли, полученные от этрусков. Он окружил город стеной, которая простояла столетия, охватывая семь холмов, на которых был построен Рим. Но он знаменит как герой плебейского сословия и поплатился за то, что был таковым. Он был убит, вероятно, по наущению патрициев, своим зятем Луцием Тарквинием, который вззошел на трон как Тарквиний Великолепный, последний король Рима, в 534 году до н.э.. Дочь убитого царя Туллия, проехавшая в своей колеснице по его истекающему кровью телу, причислена к печально известным женщинам древности.

Деспотизм Тарквиния.

Тарквиний Гордый, узурпатор и убийца, отменил популярные законы Сервия Туллия и отменил даже собрание курий, низвел и опустошил Сенат и присвоил конфискованные поместья тех, кого он уничтожил. Он правил как деспот, заключал договоры, не консультируясь с сенатом, и жил только в свое удовольствие. Но он украсил город великолепными зданиями и достроил Большой цирк, а также Капитолийский храм, который простоял пятьсот лет. Он также добился успеха на войне и возвысил славу римского имени.

Легенда о Лукреции. Смерть Лукреции. Изгнание Тарквиниев.

Его тирании пришел конец благодаря одному из тех событий, на которых поэзия и история в равной степени исчерпали все свое очарование. Когда Тарквиний вел войну против Ардеи, а армия празднично стояла лагерем перед городом, сыновья Тарквиния со своими родственниками ужинали в палатке Секста, и разговор зашел о сравнительных добродетелях их жен. Повинуясь единому порыву, они поднялись на коня, чтобы посмотреть, как в то время работали эти дамы. Жен сыновей Тарквиния в Риме застали на роскошных банкетах с другими женщинами.

Лукреция, жена Коллатина, была обнаружена за чесанием шерсти в окружении своих служанок. Хвастовство Коллатина о том, что его жена была самой добродетельной, подтвердилось. Но ее очарование или добродетели произвели глубокое впечатление на сердце или страсти Секста, и он вернулся в ее жилище в Коллатии, чтобы предлагать позорные предложения. Они были гордо отвергнуты, но разочарованный влюбленный с помощью угроз и силы достиг своей цели.

Лукреция, охваченная стыдом, сообщила о преступлении Секста своему мужу и отцу, который поспешил к ней домой в сопровождении Брута. Они нашли изнасилованную красавицу в муках стыда и мести, и после того, как она раскрыла скандальные факты, она вонзила кинжал себе в грудь и умерла, взывая к мести. Родственники и друзья отнесли ее труп на рыночную площадь, рассказали о жестокости преступления Секста и потребовали отмщения. Народ собрался на Римском форуме, и собравшаяся курия лишила Тарквиния трона и постановила изгнать его проклятую семью. Узнав о восстании, тиран направился к городу с группой избранных сторонников, но Брут добрался до армии после отъезда царя, рассказал о нанесенных обидах и двинулся маршем в Рим, ворота которого уже были закрыты перед Тарквинием. Он бежал в Этрурию с двумя своими сыновьями, но Секст был убит жителями Габий.

Восстановление власти патрициев.

Так цари были изгнаны из Рима, чтобы никогда не вернуться. В ходе последовавшей революции патриции восстановили свою власть, и была установлена новая форма правления, республиканская по названию, но олигархическая и аристократическая на самом деле, через двести сорок пять лет после основания города, в 510 году до н.э.. Историческая критика ставит под сомнение хронологию, которая отводит двести сорок пять лет семи выборным царям, и некоторые критики считают, что от правления Ромула до правления Тарквиния прошло больше времени, чем повествует легенда, и что, должно быть, было большое количество царей, имена которых неизвестны. По мере того как город увеличивался в богатстве и численности, росло влияние народа. Признание общин способствовало установлению деспотизма, а его эксцессы привели к его свержению. Для общины было бы лучше, если бы Брут установил монархию с более ограниченными полномочиями, поскольку плебеи теперь подвергались тирании гордой и алчной олигархии и потеряли могущественного защитника в лице короля, и вся внутренняя история Рима на протяжении почти двух столетий была конфликтами между плебеями и их аристократическими хозяевами за привилегии, которыми они, как говорили, обладали при правлении Туллия. При патрициях рост города был медленным, и только после того, как были услышаны голоса трибунов, Рим продвинулся вперед по пути цивилизации и свободы. При королях прогресс в искусстве и культуре был стремительным.

Юриспруденция.

Моммзен в своей ученой и глубокой "истории Рима" перечисляет различные формы цивилизации, существовавшие после изгнания Тарквиниев, краткое изложение которых я привожу. Закон и правосудие уже осуществлялись на основе некоторых элементарных принципов, которыми отличалась римская юриспруденция. Наказание за нарушения порядка было суровым, а компенсация за преступление, при котором телесные повреждения были незначительными, была в чем-то похожа на наказания, предусмотренные кодексом Моисея. Идея собственности ассоциировалась с владением рабами и скотом, и вся собственность свободно переходила из рук в руки; но не во власти отца было произвольно лишать своих детей их наследственных прав. Контракты между государством и гражданином действительны без соблюдения формальностей, но контракты между частными лицами трудно привести в исполнение. Покупка является основанием для возбуждения дела только в том случае, если это сделка за наличные деньги, и это было подтверждено свидетелями. Защита предоставлялась несовершеннолетним и имуществу лиц, не способных носить оружие. После смерти человека его имущество переходило к его ближайшим наследникам. Освобождение рабов было трудным делом, а освобождение сына сопровождалось еще большими трудностями. Граждане и клиенты были одинаково свободны в своих частных правах, но иностранцы были вне рамок закона. Законы свидетельствовали о большом прогрессе в сельском хозяйстве и торговле, но основой закона было государство. Величайшая либеральность в разрешении торговли и самая строгая процедура исполнения шли рука об руку. Женщины были наделены юридической дееспособностью наравне с мужчинами, хотя и были ограничены в управлении своим имуществом. Личный кредит был экстравагантен и легок, но кредитор мог обращаться с должником как с вором. Свободного человека, действительно, нельзя было пытаться, но его могли безжалостно посадить в тюрьму за долги. С самого начала законы о собственности были строгими и неумолимыми.

Религия. Объекты поклонения.

В религии древние римляне, как и греки, олицетворяли силы природы, а также абстракции, такие как посев, труд в поле, война, граница, молодость, здоровье, гармония, верность. Самым глубоким поклонением было поклонение божествам-покровителям, которые руководили домашним хозяйством. Следующим за божествами дома и леса, пользовавшимися величайшим почитанием, был Геркулес, бог замкнутой усадьбы и, следовательно, собственности и наживы. Предполагалось, что души умерших смертных обитают там, где покоятся тела, но на самом деле они обитали в глубинах внизу. Поклонение героям у греков было необычным, и даже Нуме никогда не поклонялись как богу. Центральным объектом поклонения был Марс, бог войны, и это осуществлялось с помощью внушительных церемоний и обрядов. Поклонение Весте совершалось с особой святостью, и девственницы-весталки были последними, кто принял христианство. Поклоняющиеся богам часто консультировались со жрецами и авгурами, у которых были большие коллегии, но мало власти в государстве. Латинское богослужение было основано на наслаждении человека земными радостями, а не на его страхе перед дикими силами природы, и постепенно оно превратилось в унылый круговорот церемоний. Итальянский бог был просто инструментом для достижения мирских целей, а не объектом глубокого благоговения или любви, и поэтому латинское богослужение было неблагоприятно для поэзии, а также для философских размышлений.

Сельское хозяйство. Фрукты и злаки.

Сельское хозяйство всегда было отличительной чертой цивилизации и составляло главную опору народа. Оно появилось во времена латинян и было их главным занятием. В древнейшие века пахотная земля обрабатывалась сообща и не распределялась между людьми как их особая собственность, но во времена Сервия такое распределение имело место. Внимание в основном уделялось зерновым культурам, но также усердно выращивались корнеплоды и овощи. Виноградники появились еще до того, как греки основали поселения в Италии, но оливки были завезены в Италию греками. Фиговое дерево родом из Италии. Плуг тянули быки, в то время как лошади, ослы и мулы использовались в качестве вьючных животных. На ферме было много свиней и домашней птицы, особенно гусей. Плуг был грубым орудием труда, но ни одно поле не считалось идеально вспаханным, если борозды не были настолько ровными, что боронование считалось ненужным. Крупномасштабное земледелие не было обычным явлением, и владелец земли работал на земле со своими сыновьями. Использование рабов стало более поздним обычаем, когда возникли крупные поместья.

Торговля.

Ремесла едва поспевали за сельским хозяйством, хотя во времена Нумы в Риме насчитывалось восемь гильдий ремесленников — флейтистов, ювелиров, медников, плотников, валяльщиков, красильщиков, гончаров и сапожников. Производство железа не приносило рабочим никакой пользы, что показывает, что железо появилось позже, чем медь.

Коммерция.

Торговля ограничивалась взаимными отношениями самих итальянцев. Ярмарки имеют большую древность, они отличаются от обычных рынков, и на них велись бартерные операции, особенно в Соракте, еще до того, как греки или финикийцы пришли сюда с моря. Быки и овцы,

зерно и рабы были обычными средствами обмена. Лаций, однако, испытывал недостаток в экспортных товарах и был преимущественно сельскохозяйственной страной.

Меры и веса.

Использование мер и весов возникло раньше, чем искусство письма, хотя последнее относится к глубокой древности. Латинская поэзия зародилась в лирической форме. Танцы были обычным занятием, и они сопровождались игрой на волынках, а религиозные литании исполнялись с глубокой древности. Шуточные песни исполнялись в сатурнианском размере под аккомпанемент свирели. Искусство танца было общественной заботой, и мощный импульс ему рано дали эллинские игры. Но во всех искусствах музыки и поэзии не было такого легкого развития, как в Греции. Архитектура была обязана своим первым импульсом этрускам, которые заимствовали у греков, и не имела большого значения до правления тосканских королей.

ГЛАВА XXVII.

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ДО ВТОРЖЕНИЯ ГАЛЛОВ.

Героический период римской истории.

После изгнания Тарквиниев политическая власть перешла в руки патрициев, под властью которых город медленно увеличивался в богатстве и численности населения, но это был героический период римской истории, и легенды о патриотической храбрости представляют большой интерес.

Консулы.

Деспотизм Тарквиния Великого воспламенил все классы ненавистью к самому имени царя — богатые классы, потому что они были лишены своей древней власти; более бедные классы, потому что они были угнетены бременем. Исполнительная власть в государстве была передана двум мужчинам, называемым консулами, ежегодно избираемым из рядов патрициев. Но они правили с ограниченными полномочиями и были лишены атрибутов королевской власти. Они не могли назначать священников, и на них распространялись законы по истечении срока их полномочий. Они избирались Центуриатными комиссиями, в которых преобладала патрицианская власть. Они созвали Сенат, представили послов и командовали армиями. На публике их сопровождали ликторы, и они носили, как знак власти, пурпурную кайму на тоге.

Сенат.

Сенат, великая держава, все еще сохранял свое достоинство. Его члены избирались пожизненно и были советниками консулов. Они избирались консулами; но, поскольку консулы практически выбирались богатыми классами, в Сенат были избраны мужчины, принадлежавшие к влиятельным семьям. Сенат был судебным и законодательным органом и насчитывал триста человек. Все мужчины, занимавшие курульные должности, стали его

членами. Их решения, получившие название *Senatus Consulta*, стали законодательными актами.

Римское правительство в то время было чисто олигархическим. Преобладало аристократическое милосердие. Знать фактически контролировала государство.

Брут, первый консул.

Брут после свержения монархии был избран первым консулом 507 г. до н. э. вместе с Л. Тарквинием Колатином; но последнему не позволили занять его должность из ненависти к его семье, и он мирно удалился в Лавиниум, а вместо него консулом был избран Публий Валерий — суровая мера, продиктованная необходимостью.

Легенды Древнего Рима. Тарквиний пытается вернуть себе трон.

История Рима в этот период легендарна. История гласит, что Тарквиний во главе армий Вейев и Тарквиниев, стремясь вернуть себе трон, выступил против Рима и что в течение тринадцати лет он боролся с различными успехами при содействии Порсенны, царя Этрурии. Легенды гласят, что Гораций Коклес в одиночку защищал мост от целой армии Этрурии, что Мамилл, правитель Тускулума, участвовал в битве у озера Регилл, в которой было проиграно дело Тарквиния — сюжет самой красивой из легенд Маколея, — и что Муций Сцевола пытался убить Порсенну и, в доказательство своей стойкости, держал его руку в огне, пока она не сгорела, что превратило Порсенну в друга. Другая интересная легенда связана с Брутом, который убил своих собственных сыновей за их сочувствие и изменническую помощь изгнанному королю. Эти истории не являются историей, но все же проливают свет на дух того времени. Вполне вероятно, что Тарквиний предпринял отчаянные попытки восстановить свои владения при помощи этрусков и что первые войны республики были против них.

Этрурия.

Этрусски находились тогда на пике своего могущества и находились в тесном союзе с карфагенянами. Этрурия была более крупным государством, чем Лациум, от которого ее отделял Тибр. Он был ограничен на западе Тирренским морем, на севере Аппенинскими горами, а на востоке Умбрией. Среди городов были Вейи и Тарквинии, последний был родиной Тарквиния Приска, а первый - могущественным соперником Рима.

Война с этрусками.

В войне с этрусками римляне потерпели поражение, они потеряли всю свою территорию на правом берегу Тибра, завоеванную царями, и были отброшены в свои первоначальные пределы. Но этруски были отброшены с помощью латинских городов за Тибр. Риму потребовалось сто пятьдесят лет, чтобы вернуть то, что он потерял.

Диктаторы.

Именно в войнах с этрусками мы впервые читаем о диктаторах, чрезвычайных магистратах, назначаемых в чрезвычайных политических ситуациях. Диктатор, или военачальник, избирался одним из консулов, и его власть была высшей, но длилась всего шесть месяцев. Он обладал всей властью древних королей.

Угнетение и нищета плебеев.

Неудачи римлян в борьбе с этрусками привели к другим политическим изменениям и внутренним неурядицам. Теперь началась борьба между патрициями и плебеями, которая продолжалась два столетия, прежде чем последние были признаны полностью равноправными. Причиной конфликта, по-видимому, было неравное и обременительное налогообложение, которому подвергались плебеи, и особенно досада от опустошений, вызванных войной. Они были мелкими землевладельцами, и их маленькие фермы были захвачены врагом, и они были не в состоянии нести возложенное на них бремя; и это неравенство в налогообложении было тем более тяжелым, что у них не было политической власти. Они неизбежно влезали в долги, которые строго взыскивались, и таким образом становились собственностью своих кредиторов.

Их восстание.

В своем отчаянии они подняли открытое восстание на пятнадцатом году республики, во время консульства Публия Сервилия и Аппия Клавдия — последнего, гордого сабинянина, недавно обосновавшегося в Риме. Они заняли позицию на холме между Анио и Тибром, господствуя над самой плодородной частью римской территории. Патриции и богатые классы, покинутые фермерами, обрабатывавшими земли, были вынуждены заниматься земледелием, несмотря на противодействие Аппия Клавдия. И в результате плебеи добились освобождения от своих долгов и назначения двух магистратов в качестве защитников под названием трибунов.

Трибуны. Comitia Tributa.

Эта новая должность внесла первую крупную перемену в положение плебеев. Трибуны обладали властью прекращать исполнение закона, который приговаривал должников к тюремному заключению или военному сбору. Их юрисдикция распространялась на каждого гражданина, даже на консула. Их решения не подлежали обжалованию, за исключением трибутных комиций, где преобладали плебейские интересы — собрания, представляющего тридцать римских племен, согласно сербской конституции, но поначалу обладавшего незначительными полномочиями. Лица трибунов были неприкосновенны, но их власть была негативной. Они не могли создавать законы; они могли обеспечивать справедливое исполнение законов и предотвращать правонарушения. У них было конституционное право вето, которое в то время было очень полезным, но которое закончилось серией опасных посягательств.

Эдилы.

Должность эдилов следовала за должностью трибунов. Сначала были двое, отобранных из плебеев, в чьи обязанности входило охранять законотворческие трибуны, которые хранились в храме Весты, впоследствии они были хранителями постановлений сената, а также плебеев, и на них возлагалась забота об общественных зданиях и санитарной полиции города, распределении зерна и общественных земель, надзоре за рынками и мероприятиями, организации фестивалей и обязанности следить за тем, чтобы не вводилось никаких новых божеств или обрядов.

Кориолан.

Через год после победы плебеев появился выдающийся человек, который был их злейшим врагом. Это был Гай Марций, прозванный Кориоланом за его храбрость при взятии вольского города Кориолы. Когда город охватил голод, сицилийский принц прислал запас зерна, но гордый патриций предложил Сенату не выдавать его плебеям до тех пор, пока они не откажутся от своих привилегий. Гнев плебеев был велик, и трибуны объявили ему импичмент, а народное собрание приговорило его к изгнанию. В негодовании он перешел на сторону вольсков, стал их полководцем, разбил римлян и двинулся маршем на их город. В этой чрезвычайной ситуации город был спасен заступничеством его матери Волумнии, которая отправилась искать его в его лагере в сопровождении других римских матрон.

Spurius Cassius. Аграрный закон.

Более великим человеком, чем он, был Спурий Кассий, оказавший общественные услуги величайшего масштаба, но при этом человек, чьи прославленные деяния не воспел ни один поэт. Он жил в период великого кризиса, когда этрусская война разрушила римские владения на правом берегу Тибра и когда вольски и аквийцы наступали с превосходящими силами. Риму грозила опасность быть завоеванным, и не только завоеванным, но и обращенным в рабство. Но он заключил союз с латинянами, а также с герникианами — сабинским народом, обитавшим в одной из Аппенинских долин, из-за которого угрожала мощь Рима. Он также известен как первый, кто предложил аграрный закон. Похоже, что патриции оккупировали общественные земли, за исключением плебеев. Спурий Кассий предложил Центуриатным комициям измерить общественное достояние — землю, полученную в результате завоевания, — и часть зарезервировать для использования государством, а другую часть распределить между нуждающимися гражданами — справедливое предложение, поскольку никакая собственность, принадлежащая частным лицам, не затрагивалась. Эта популярная мера была принята вопреки яростному сопротивлению, но когда срок полномочий Кассия в качестве консула истек, он был обвинен перед курией, которая присвоила себе право судить патриция, и он лишился жизни. Его обвинили в попытке узурпации королевской власти, потому что он стремился защитить общину от своего собственного ордена. “Его закон был похоронен вместе с ним, но его призрак преследовал богатых, и снова и снова он восставал из своей могилы, пока конфликты, к которым он привел, не разрушили государство”.

Фабий. Возросшая власть плебеев.

Следующие семь лет были периодом непрекращающейся войны с аквийцами и вейентийцами, а также раздоров в городе, во время которых к власти пришел великий дом Фабиев, поскольку Фабий избирался консулом семь лет подряд и даже предложил привести в исполнение аграрный закон Кассия, за что был презираем патрициями и с отвращением покинул Рим вместе со своей семьей, а все остальные впоследствии были убиты вейентийцами. Но один из трибунов обвинил консулов в их противодействии трибунам исполнению аграрного закона. Он был убит. Это посягательство на священную личность трибуна вызвало сильное возмущение среди простых людей, и Волеро, трибун, предложил знаменитый “Закон Публилия”, согласно которому отныне трибуны, а также плебейские эдилы должны избираться самими плебеями в Трибунных комиссиях. Последовали большие беспорядки, но палата общин восторжествовала, и Сенат принял плебисцит, предложил его Куриальной комиссии, и это стало законом. Этот шаг повысил авторитет трибунов и расширил римские свободы.

Диктатура Цинцинната.

Критическое состояние Рима, вызванное возобновившимися нападениями аквианцев и вольсков, привело к назначению диктатором другого очень замечательного человека — Л. Квинтий Цинциннат, патриций, сохранивший добродетели лучших времен. Он собственными руками возделывал небольшую ферму в четыре югеры и жил в большой простоте. Он вызвал всех мужчин призывного возраста встретиться с ним на Марсовом поле, и они были обеспечены пайками на пять дней. Затем он выступил против торжествующего врага, окружил его и вынудил сдаться. Он не воспользовался своей политической властью и через шестнадцать дней сверг диктатуру и удалился на свою ферму в 458 году до н.э.. Все последующие эпохи и народы хранили память об этом истинном патриоте, который наслаждению абсолютной властью предпочел спокойный труд на своей маленькой ферме в три с половиной акра.

Но его победа не была решающей, и римляне продолжали подвергаться преследованиям со стороны соседних народов, и они, более того, перенесли все бедствия эпидемии. Именно в это время, на трехсотом году основания города, они стремились внести улучшения в свои законы — по крайней мере, воплотить их в письменной форме. Греция находилась тогда на пике своей славы, в промежутке между персидской и Пелопоннесской войнами, и туда была направлена комиссия для изучения ее законов, особенно законов Солона, в Афинах. По возвращении трех уполномоченных была назначена новая комиссия из десяти человек для составления нового кодекса, состоящая исключительно из патрициев, во главе которой стоял Аппий Клавдий, избранный консул, человек большого влияния и талантов, но плохо управляемых страстей и беспринципных амбиций. Новый кодекс был выгравирован на десяти таблицах, а впоследствии были добавлены еще две таблицы, и эти двенадцать таблиц являются основой римской юриспруденции, той отрасли науки, которую римляне довели до значительного совершенства и которой они наиболее прославлены. Римская юриспруденция пережила все ее завоевания и является самым ценным вкладом в цивилизацию, который она когда-либо делала.

Децемвиры.—Аппий Клавдий.

Децемвиры — те, кто кодифицировал законы, — пришли к верховной власти, отстранили другие крупные магистратуры и правила под руководством Аппия Клавдия произвольным и тираническим образом. Их власти пришел знаменательный конец, и история их падения отождествляется с одной из самых красивых легенд этого героического века, которая также является темой одного из произведений Маколея.

Его несправедливость и наказание.

Аппий Клавдий, который, возможно, стремился к королевской власти, влюбился в дочь центуриона Л. Виргиния. Чтобы удовлетворить свои страсти, Клавдий подкупил лжесвидетеля, одного из своих клиентов, который должен был притвориться, что мать Виргинии была его рабыней. Аппий предстал перед судом и вопреки своим собственным законам, а также мольбам народа объявил ее рабыней обвинителя. Ее отец вернулся из армии и в негодовании вонзил кинжал ей в грудь, предпочтя ее смерть позору. Народ и солдаты сплотились вокруг отважного солдата, захватили капитолий и вынудили децемвиров сложить свои полномочия. Результатом этого восстания стало создание десяти трибунов вместо прежнего числа, и десять трибунов оставались обычным числом до падения республики. Далее было постановлено, что голоса плебса, принятые в Трибунных комиссиях, должны быть обязательны для всего народа при условии, что они были подтверждены Сенатом и собраниями курий и центурий. Лица трибунов были объявлены неприкосновенными с санкции религии, и они, более того, были допущены к

заседаниям Сената, хотя и без права голоса. Так палата общин поднялась еще на одну ступень политического влияния в 449 году до н.э.. Следующим движением палаты общин было отомстить Аппию Клавдию, который закончил свою жизнь в тюрьме.

Смешанные браки плебеев и патрициев.

Плебс, теперь усиленный плебейской знатью, стремившейся к власти через трибунат, настаивал на отмене закона, запрещавшего браки плебеев с патрициями. Это было сделано четыре года спустя, в 445 году до н.э.. Затем они попытались получить высшие должности, но на какое-то время этому помешали, хотя они и получили право плебеев становиться военными трибунами или старшими офицерами легионов, но ни один из плебеев не дослужился до этого звания в течение нескольких лет.

Цензоры.

Теперь была создана новая должность большого достоинства - цензоры, которые избирались из людей, бывших консулами, и, следовательно, имели более высокий ранг, чем они. В их обязанности входило следить за общественной моралью, проводить перепись населения и управлять финансами. Они могли позорно клеймить высших должностных лиц государства, могли избираться в Сенат и контролировать вместе с эдилами общественные здания и сооружения. На этот высокий пост были избраны двое, и выбирались они из рядов патрициев до 421 года до н.э., когда были допущены плебеи. К ним даже относились с большим почтением, и срок их полномочий был больше, чем у консулов, даже на пять лет.

Квесторы.

Палата общин приобрела дополнительное значение с открытием квесторства для плебеев, которое произошло примерно в это же время. Квесторы фактически распоряжались государственными деньгами и были казначеями армии. Поскольку они были курульными офицерами, по своей должности они имели допуск в Сенат. Другим значительным усилением власти среди плебеев, примерно через двадцать лет после законодательного собрания децемвира, было право определять мир и войну, переданное от курий центуриям.

Осада и падение Вейи.

Пока происходили эти внутренние изменения, государство находилось в состоянии почти постоянной войны с вольсками и аквийцами, а также с этрусками. Первые были сдержаны с помощью латинских и германских союзников. Последние были более грозными противниками, и особенно жители Вейи — могущественного города на равнине Южной Этрурии и крупнейшего из объединенных этрусских городов, равного по размерам Афинам, защищенного мощной цитаделью на холме. Вейентинцы, не желая сражаться с римлянами на поле боя, заперлись в своем укрепленном городе, который римляне осадили. Они провели вокруг него двойную линию ограждения: внутреннюю, чтобы предотвратить выход из города, и внешнюю, чтобы защититься от внешних нападений. Осада длилась десять лет, столько же, сколько и Троя, нов конце концов была взята великим Камиллом с помощью мины под цитаделью. За падением этого укрепленного места последовало подчинение всех этрусских городов к югу от

Киминийского леса, а земли народа Вейи были распределены между всем римским народом из расчета по семь югер на каждого землевладельца, до н.э. 396 г.

Вторжение галлов. Привычки и манеры галлов.

Но вскоре за этим событием последовало великое бедствие для Рима — величайшее, которое он когда-либо испытывал. Город попал в руки галлов - кельтской расы. Они были скорее скотоводами, чем земледельцами, и разводили большое количество свиней. У них не было особой привязанности к земле, как у итальянцев и немцев, и им нравились города. Их главными качествами были личная храбрость, вспыльчивый нрав, безграничное тщеславие и отсутствие настойчивости. Они были хорошими солдатами и плохими гражданами. Они любили бродячую жизнь и были склонны к грабежам. Они любили украшения и роскошные платья, а на шее носили золотой ошейник. После похода они предавались кутежам. Они произошли из той же колыбели, что и эллины, итальянцы и германцы. Их первое великое переселение произошло за Альпами, и мы находим их в Галлии, Британии и Испании. Из этих поселений они двинулись на запад через Альпы. Последовательными волнами они вторглись в Италию. Именно на пике этрусского могущества они заняли враждебную позицию. Из Этрурии они направились на римские территории.

Катастрофическая битва с галлами.

Первая битва с этими ужасными врагами закончилась катастрофически для римлян, которые считали их недисциплинированными варварами и недооценивали их силу. Их поражение было полным, а потери огромными. Расцвет римской молодежи погиб в 390 году до н.э..

Падение Рима.

Победители вошли в Рим без сопротивления, в то время как римляне отступили в свою цитадель, те, кто был способен носить оружие. Остальное население рассеялось. Отцы города, престарелые горожане и священники расселись на крыльцах своих патрицианских домов и ожидали врага. Сначала их приняли за богов, настолько почтенным и спокойным был их облик; но профанация священной личности Папирия рассеяла очарование, и они были убиты.

М. Манлий.

Затем галлы попытались штурмовать столицу, но потерпели неудачу. Но юноша, Понтий Коминий, благополучно поднявшись ночью на холм и установив связь с римлянами в Вейях, следы его перехода подсказали галлам способ взятия цитадели. Глубокой ночью следующего дня отряд галлов взобрался на утес и собирался напасть на цитадель врасплох, когда несколько гусей, посвященных Юноне, закричали и захлопали крыльями, этот шум разбудил М. Манлия, который бросился на утес и одолел переднего галла. Остальных охватила паника, и капитолий был спасен. Наконец, когда осада длилась семь месяцев и усилился голод, захватчики были откуплены выкупом в тысячу фунтов золота. “Железо варваров победило; но они продали свою победу, а продав, потеряли ее”. Впоследствии они были разбиты Камиллом и Манлием по прозвищу Торкватус из-за золотого ошейника, который он отобрал у гигантского галла, а также другими полководцами.

Разрушение Рима не было постоянным бедствием; это было несчастье. Последовавший за этим период был периодом бедствий, но энергия Камилла реорганизовала вооруженные силы, и с

латинскими городами были заключены новые союзы. Этрурия, униженная и ограниченная в более узких пределах, и, более того, ослабленная роскошью, была не в состоянии противостоять народу, привыкшему к опасности и отрезвленному невзгодами.

Его заслуги и падение. Судебное разбирательство Линцина.

Последующая судьба Манлия, спасшего город, наводит на мысль о непостоянстве и неблагодарности республиканского государства. Бедственное положение низших классов вследствие галльского вторжения стало невыносимым. Они погрязли в долгах и, таким образом, оказались во власти своих кредиторов. Манлий взялся быть их защитником, но из-за зависти патрициев его обвинили в стремлении к верховной власти, и он, несмотря на свои великие заслуги, был приговорен к смерти и сброшен с Тарпейской скалы. Его ошибка заключалась в преждевременной реформе. Но в 367 году н.э. трибуны Лициний и Л. Секстий добились принятия трех достопамятных законов в *Curiata Tributa* — отмены военного трибуната, который увеличил власть патрициев, и восстановления консульства при условии, что один из консулов должен быть плебеем; второй, что ни один гражданин не должен владеть более чем пятьюстами югерами государственных земель; и третий, что все проценты, выплачиваемые таким образом по займам, должны вычитаться из основной суммы долга. Они назывались лицинианскими судебными разбирательствами. Но в качестве своего рода компенсации патрициям была создана новая курульная магистратура - должность преторов, которую должны были занимать исключительно они. Эти политические изменения были проведены мирным путем, и вместе с ними старая родовая аристократия перестала быть политическим институтом. Оставшиеся патрицианские должности вскоре были переданы плебеям. Но эти политические перемены не сильно улучшили социальное положение беднейших классов. Строгость лицинианских законов, угнетение богатых, высокая норма процента и существование рабства делали бедных беднее, а богатых богаче и препятствовали расширению промышленности. Плебеи получили политические привилегии, но только после того, как возникли крупные плебейские семьи. Власть фактически находилась в руках знати, будь то патриции или плебеи, и аристократические различия все еще сохранялись. Плебейская знать симпатизировала патрициям, а не беднейшим классам. Долги, ростовщичество и рабство начали приносить плоды еще до завоевания Италии.

ГЛАВА XXVIII.

ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ.

До сих пор римляне, после изгнания царей, были вовлечены в войны со своими непосредственными соседями и подвергались большим бедствиям. Все, что они могли сделать за сто пятьдесят лет, - это вернуть утраченное имущество. В этот период были совершены великие чудеса доблести и выработаны великие добродетели. Это был героический период их истории, когда невзгоды научили их терпению, выдержке и общественным добродетелям.

Начинается период завоеваний.

Но начинается новый период, когда плебеи получили политическую власть, а непосредственные враги были покорены. Это был период завоевания различных итальянских государств. Период по-прежнему героический, но исторический. Появились великие люди, талантливые и патриотичные. Амбиции римлян теперь выступают на первый план. Они боролись за существование — теперь они боролись за завоевания. “Великим достижением царского периода было установление, ” говорит Моммзен, “ суверенитета Рима над Лациумом”. Это было поколеблено изгнанием Тарквиния, но было восстановлено в ходе последовавших впоследствии войн. После падения Вейи все латинские города перешли в подчинение римлян. После свержения власти вольсков римские армии достигли территории самнитов.

Самний.

Следующая памятная борьба Рима была с Самниумом за господство в Италии. Самний был холмистой страной к востоку от вольсков, и его жители были храбры и выносливы. К падению Вейи самниты имели господство над Нижней Италией, за исключением греческих колоний. Тарент, Кротон, Метапонт, Гераклея, Неаполис и другие греческие города сохраняли ненадежную независимость, но были ослаблены успехами самнитов. Капуя, столица Кампании, где преобладало этрусское влияние, была взята ими, а Кума отвоевана у греков.

Но в 343 году до н.э. самниты вступили в столкновение с Римом из-за обращения Капуи к Риму за помощью против них. Победы Валерия Корвуса и Корнелия Косса отдали кампанию римлянам.

Латиняне сбрасывают римское иго.

Тем временем латиняне восстановили силы и решили сбросить римское иго, а римляне заключили мир с самнитами и заключили тесный союз в 341 году до н.э.. Римляне и самниты были выставлены против латинян и кампанцев. Враждебные силы встретились друг с другом перед Капуей, и первое крупное сражение произошло у подножия Везувия. Именно здесь Тит Манлий, сын консула, был обезглавлен им за неподчинение приказам, поскольку консулы издали строгие предписания против любых стычек, и Манлий, пренебрегая ими, убил врага в единоборстве. “Жестокость консула была осуждена, но дисциплина в армии была спасена”.

Отвоевание латинских городов.

Это сражение стало еще одной легендой о героической и патриотической самоотдаче тех ранних римлян. Консулы перед битвой мечтали, чтобы полководец с одной стороны пал, а армия с другой стороны была разбита. Консул-плебей Деций, обнаружив, что его войска колеблются, призвал верховного понтифика и, призвав богов на помощь в своем деле, ворвался в самую гущу латинских армий и был убит. Другой консул, Торкват, мастерски использовав свой резерв, выиграл сражение. Три четверти латинской армии были убиты. Латинские города после этой решающей победы потеряли свою независимость, латинская конфедерация была распущена, латинская национальность слилась в одно могущественное государство, и весь Лаций стал римским. Римские граждане селились на конфискованных землях завоеванных городов.

Зависть самнитов.

Покорение Лация и продвижение Рима в Кампании наполнили самнитов завистью, и удивительно, что они заключили союз с Римом, когда Рим завоевывал Кампанию. Они были самой значительной державой в Италии после Рима, и на них легло бремя поддержания независимости итальянских государств от посягательств римлян.

Война. Самнитская война. Осада Лукании.

Греческие города Палеаполис и Неаполис, единственные общины в Кампании, еще не захваченные римлянами, дали повод к началу неизбежной войны между самнитами и римлянами. Тарентинцы и самниты, осведомленные о намерении римлян захватить эти города, предвосхитили захват, после чего римляне объявили войну и начали осаду Палеаполиса, который вскоре сдался на предложенных благоприятных условиях. Союз римлян с луканцами оставил самнитов без поддержки, за исключением племен восточного горного округа. Римляне вторглись на территории самнитов, грабя и разрушая вплоть до Апулии, на которую самниты отправили обратно римских пленников и искали мира. Но неумолимый враг отказался заключить мир, и самниты приготовились к отчаянному сопротивлению. Они устроили засаду на важном перевале в горах и заставили замолчать римлян, которые предложили капитулировать. Вместо того чтобы принять капитуляцию и взять в плен всю армию, самнитский полководец Гай Понтий заключил справедливый мир. Но римский сенат, невзирая на клятвы своих военачальников и невзирая на шестьсот всадников, оставшихся в качестве заложников, расторг соглашение, и война возобновилась при возросшем раздражении со стороны самнитов, которые, однако, были достаточно великодушны, чтобы не жертвовать удерживаемыми ими заложниками. Рим послал новую армию под командованием Луция Папирия Курсора и осадил Луканию, где римские всадники находились в плену. Город сдался, и Папирий освободил своих товарищей и нанес ответный удар по самнитскому гарнизону. Война продолжалась, как и все войны того периода между людьми равного мужества и ресурсов, с различным успехом, которого иногда добивалась одна сторона, иногда другая, пока на пятнадцатом году войны римляне не утвердились в Апулии, на одном берегу моря, и Кампании, на другом.

Жители Северной и Центральной Италии, поняв, что римляне стремятся к полному подчинению всего полуострова, теперь обратились за помощью к самнитам. Этруски присоединились к их коалиции, но в конце концов были покорены Папирием Курсором. Самниты нашли союзников в северных умбрийцах, а также в марсианах и пиелины в Центральной Италии, но эти народы были легко покорены, и после двадцатидвухлетней войны с Самниумом был заключен мир, когда Бовиан, его самый сильный город, был взят штурмом в 298 году до н. э.. В

Победа Севтинума.

Однако побежденные народы не захотели подчиниться Риму без еще одной последней битвы, и в следующем году была возобновлена третья самнитская война, для которой самниты призвали к себе на помощь галлов. Эта война длилась девять лет и практически завершилась великой победой при Севтинуме — ожесточенным сражением, в котором римляне, хотя и одержали победу, потеряли девять тысяч человек. Умбрия покорилась, галлы рассеялись, и этруски заключили перемирие на четыре месяца. Самниты все еще оказывали отчаянное сопротивление, но в конце концов были подавлены в решающей битве, где было убито двадцать тысяч человек, а их великий полководец Понтий был взят в плен вместе с четырьмя тысячами самнитов. Это несчастье положило конец войне, но самниты не были подвергнуты

унизительным условиям. Римляне, однако, омрачили свои победы казнью К. Понтия, самнитского полководца, который однажды пощадил жизни двух римских армий, в 291 году до н. э.. Теперь Рим стал правящим государством Италии, но две великие нации все еще оставались непокоренными — этруски на севере и луканцы на юге.

Новая коалиция против Рима. Тарент.

Вскоре после того, как самниты были покорены, против Рима возникла новая коалиция, состоящая из этрусков, бруттийцев и луканцев. Война началась в Этрурии в 283 году до н.э. и продолжалась с переменным успехом, пока решающая победа на Вадимонском озере, одержанная Г. Домицием Кальвином, навсегда не уничтожила могущество этрусков. Теперь внимание Рима было приковано к Таренту, греческому городу, расположенному на дне одноименного залива, рядом с плодородной равниной Лукания. Этот город, занимавший выдающееся положение среди государств Великой Греции, разбогател на торговле и был достаточно могуществен, чтобы защищаться от этрусков и сиракузян. Это была дорийская колония, но она отказалась от лакедемонянской простоты и отдалась удовольствиям и роскоши; но, какой бы роскошной она ни была, она была единственным препятствием на пути к господству Рима над Италией.

Пирр.

Этот бездумный и обессиленный, но великий город, управляемый демагогами, оскорбил Рим, сожгши и уничтожив несколько его кораблей. Это было безрассудное оскорбление, которое Рим не мог забыть, вызванное как страхом, так и ненавистью. Когда закончилась самнитская война, тарентинцы, опасаясь мести самого могущественного государства Италии, послали за помощью к Пирру, царю Эпира, солдату удачи. Они предложили верховное командование своими войсками с правом держать гарнизон в своем городе до тех пор, пока не будет обеспечена независимость Италии.

Выступает на помощь тарентинцам. Битва при Геракле.

Пирр, которого сравнивали с Александром Македонским, стремился основать эллинскую империю на Западе, как это сделал Александр на Востоке, и откликнулся на призыв тарентинцев. Теперь Риму предстояло сражаться не с варварами, а с эллинами - с фалангами и когортами вместо ополчения, с военной монархией— поддерживаемой военной наукой. Он высадился в 281 году до н.э. на берегах Италии с армией из двадцати тысяч ветеранов в фаланге, двух тысяч лучников, трех тысяч кавалеристов и двадцати слонов. Союзники-тарентинцы пообещали ему поддержку в триста пятьдесят тысяч пехотинцев и двадцать тысяч кавалеристов. Римляне напрягли все силы, чтобы встретить его до того, как эти силы будут собраны и организованы. Они выступили с войском в пятьдесят тысяч человек, большим, чем консульская армия, под командованием Левиния и Эмилия. Они встретились с врагом на равнине Гераклеи. Семь раз легион и фаланга оттесняли то одного, то другого. Но резервы Пирра с его слонами, к которым римляне не привыкли, решили исход сражения. Семь тысяч римлян остались мертвыми на поле боя, и огромное количество было ранено или взято в плен. Но битва стоила Пирру четырех тысяч его ветеранов, что заставило его сказать, что еще одна такая победа приведет его к гибели. Римляне отступили в Апулию, но весь юг Италии, Лукания, Самний, Бруттии и греческие города были трофеями, которые завоевал победитель.

Пирр предлагает мир.

Затем Пирр предложил мир, поскольку его целью было только установление греческой державы в Южной Италии. Сенат был склонен принять это, но старого и слепого Аппия Клавдия пронесли на носилках через переполненный форум — так же, как впоследствии Чатема, согбенного немощами и возрастом, пронесли в парламент, — и он в яростной речи осудил мир и вселил новый дух в сенат. Римляне отказались вести переговоры с иностранным врагом на земле Италии. Посол Пирра, оратор Кинеас, вернулся, чтобы сказать завоевателю, что сражаться с римлянами — все равно что сражаться с гидрой, что их город - храм, а их сенаторы - короли.

Отступление Пирра.

Для подкрепления Левиния были немедленно сформированы два новых легиона, в то время как Пирр двинулся прямо на Рим. Но когда он приблизился на расстояние восемнадцати миль, то обнаружил врага впереди, в то время как Левиний атаковал его с тыла. Он был вынужден отступить и удалился в Тарент с огромной добычей. На следующий год он начал кампанию в Апулии, но наткнулся на противника численностью в семьдесят тысяч пехотинцев и восемь тысяч всадников — силы, равные его собственным. Первое сражение было проиграно римлянами, которые не смогли пробиться сквозь греческую фалангу и были растоптаны слонами. Но он не смог добиться своей победы, его войска растаяли, и он снова удалился в Тарент на зимние квартиры.

Битва при Беневенте.

Затем, как военный авантюрист, он в течение двух лет направлял свои войска против карфагенян и освободил Сиракузы. Но он не воспользовался своими победами, будучи втянут великодушной натурой в политические ошибки. Затем он вернулся в Италию, чтобы возобновить войну с римлянами. Битва при Беневенте, выигранная Карием, римским полководцем, решила судьбу Пирра. Цвет его эпиротского войска был уничтожен, и его лагерь со всеми его богатствами перешел в руки римлян. Эпирский царь удалился в свою страну и был убит женщиной в Аргосе, после того как он вырвал корону Македонии у Антигона, в 272 году до н. э.. Однако он оставил гарнизон под командованием Милона в Таренте. Город перешел в руки римлян в тот год, когда умер Пирр.

Полное подчинение Италии.

С падением Тарента завоевание Италии было завершено. Римляне больше не находили врагов, которые могли бы им противостоять на полуострове. Было организовано великое государство для будущего подчинения мира. Завоевание Италии значительно обогатило римлян. Как богатые, так и бедные стали обладателями крупных земельных наделов с завоеванных территорий. Завоеванные города были включены в состав Римского государства, а их жители стали римскими гражданами или союзниками. Рост знатных плебейских семей восстановил аристократию, которая была основана на богатстве. Италия стала латинизированной, и теперь Рим был признан одной из великих держав мира.

Appius Claudius.

Великим человеком в Риме в период самнитских войн был Аппий Клавдий — правнук децемвира и самый гордый аристократ, который когда-либо появлялся. Он занимал все важные государственные посты. Ему мы приписываем многие улучшения в городе, а также шоссе,

носящее его имя. Он был покровителем искусства, красноречия и поэзии. Но в этот период все индивидуальное величие государства было утрачено.

ГЛАВА XXIX.

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

Теперь римлян ожидало сражение более грандиозное, чем с Пирром и греческими городами, более памятное по своим происшествиям и более важное по своим последствиям. Так было с Карфагеном, величайшей державой в мире после Рима в то время — коммерческим государством, которое постепенно разрасталось в течение трехсот лет. В конце персидских войн это был богатый и могущественный город. Он сменил Тир на посту владычицы морей.

Причины Пунической войны.

Во второй книге мы видели, как карфагеняне были вовлечены в войны с Сиракузами, когда этот город достиг вершины своего могущества при Дионисии. Мы также упоминали раннюю историю и могущество Карфагена. В то время, когда Пирр высадился на Сицилии, в нем проживало около миллиона человек, и он контролировал северное побережье Африки и западную часть Средиземного моря. Карфаген был исключительно морской державой, хотя его колонии были многочисленны, а зависимости велики. Сухопутные силы не были пропорциональны военно-морским; но большие армии были необходимы для защиты ее зависимостей в постоянных войнах, в которых она участвовала. Эти армии состояли в основном из наемников, и их основная сила состояла в легкой кавалерии.

Территории Карфагена. Дела Сицилии.

Территории Карфагена лежали главным образом на островах, которые были защищены его флотом и обогащены его торговлей. Среди этих островных владений Сардиния была самой большой и важной и являлась торговым центром Южной Европы. Также, как мы видели, часть Сицилии ([книга ii, глава ii. 24](#)), был колонизирован и удерживался ею, и она стремилась к суверенитету над всем островом. Отсюда различные войны с Сиракузами. Карфагеняне и греки соперничали за суверенитет над этим плодородным островом, центром торговли маслом и вином, хранилищем всех видов злаков. Если бы Карфаген владел всей Сицилией, его флоты контролировали бы Средиземное море.

Регион.

Столкновение Карфагена с греческими государствами на этом острове стало поводом для первого разрыва с Римом. Мессина, резиденция пиратской республики Мамертинцев, находилась в тесном союзе с Региумом, городом, значение которого возросло во время войны с Пирром. Регий, расположенный на итальянской стороне пролива, обратился за защитой к Риму, и на помощь ему был направлен отряд кампанских войск. Эти войска изгнали или вырезали граждан, для защиты которых они были посланы, и установили мятежное

правительство. После падения Тарента римляне попытались наказать это безобразие, а также воспользоваться возможностью овладеть городом, который облегчил бы проход на Сицилию, поскольку Сицилия так же по-настоящему принадлежала Италии, как Пелопоннес Греции, будучи отделенной только узким проливом. Соответственно, римская армия была отправлена, чтобы овладеть Региумом, но защитники оказали отчаянное сопротивление. В конце концов он был взят штурмом, и первоначальные граждане получили права собственности обратно, как иждивенцы и союзники Рима. Падение Регия лишило пиратский город Мессину единственного союзника, на которого он мог рассчитывать, и подвергло его мести как карфагенян, так и сиракузян. Последние тогда находились под властью Иеро, который в течение пятидесяти лет правил без деспотизма и спокойно развивал как ресурсы, так и свободу города. Он собрал армию из преданных ему граждан, которые изгнали мамертинцев из многих их городов и одержали над ними решающую победу недалеко от Мессины.

Мамертинцы.

Мамертинцы, которым угрожала опасность подчинения сиракузянам, обратились за иностранной помощью. Одна сторона обратилась к Карфагену, а другая - к Риму. Карфагенская партия убедила мамертинцев принять пунический гарнизон. Римляне, ища предлог для войны с Карфагеном, послали армию якобы для защиты Мессины от Гиерона. Но пролив, через который можно было попасть на Сицилию, был перекрыт карфагенским флотом. Римляне, непривычные к морю, потерпели поражение. Однако, не отчаявшись, им в конце концов удалось высадиться в Мессине, и, хотя Карфаген и Рим были в мире, они схватили Ганнона, карфагенского полководца, который имел слабость командовать эвакуацией цитадели в качестве выкупа за свою персону.

Hiero.

Из-за этого нарушения международного права Иеро, который боялся римлян больше, чем карфагенян, заключил союз с Карфагеном, и объединенные силы Сиракуз и Карфагена двинулись на освобождение Мессины. Затем римляне под предводительством консула Аппия попытались заключить мир с карфагенянами и направили свои силы против Гиерона. Но Гиерон, подозревая карфагенян в предательстве, поскольку все их отношения с сиракузянами на протяжении веков были вероломными, удалился в Сиракузы. После чего римляне напали на карфагенян поодиночке, разбили их и распространили опустошение по всему острову.

Это было началом первой Пунической войны, в которой римляне были явными агрессорами. Две консульские армии теперь угрожали Сиракузам, когда Гиерон попросил мира, который был принят при условии снабжения римских армий продовольствием и выплаты ста талантов за освобождение пленных.

Первая Пуническая война началась в 264 году до н.э. и продолжалась двадцать четыре года. Прежде чем мы представим основные события той памятной борьбы, давайте взглянем на могущество Карфагена — грозного соперника Рима.

Богатство и население Карфагена. Могущество Карфагена.

Как уже говорилось, Карфаген был основан на полуострове, или скалистом мысу, за шестьдесят пять лет до основания Рима. Следовательно, жители Карфагена, потомки финикийцев, имели семитское происхождение. Африканский фермер был хананеем, а всем хананеям не хватало

инстинкта политической жизни. Финикийцы думали о торговле и богатстве, а не о политическом возвышении. С половиной своего могущества эллинские города добились независимости. Карфаген был колонией финикийцев, и у них были свои идеи. Он жил торговлей и обогащением. Он омывался со всех сторон, кроме запада, морем, а над городом, на западных высотах, находилась цитадель Бирса, названная так от слова βύρσα, шкура, согласно легенде о том, что Дидона, когда она пришла в Африку, купила у жителей столько земли, сколько могла охватить бычья шкура, которую она разрезала на ленты, и огородила территорию, на которой построила цитадель. Город разросся до двадцати трех миль в окружности и вмещал семьсот тысяч человек. В нем было две гавани, внешняя и внутренняя, последняя была окружена высокой стеной. Поперек полуострова, чтобы защитить его с запада, была возведена тройная стена длиной в три мили, а между стенами располагались конюшни для трехсот слонов, четырех тысяч лошадей и казармы для двух тысяч пехотинцев с складами и припасами. В центре внутренней гавани находился остров под названием Котон, берега которого были усеяны причалами и доками для двухсот двадцати кораблей. Цитадель Бирса была окружена на две мили, и когда она, наконец, сдалась римлянам, пятьдесят тысяч человек вышли из нее маршем. На ее вершине находился знаменитый храм Эскулапа. В северо-западном углу города располагались двадцать огромных резервуаров, каждый размером четыреста футов на двадцать восемь, наполненных водой, подведенной по акведуку на расстоянии пятидесяти двух миль. Пригород Мегара, расположенный за городскими стенами, но в пределах тех, что защищали полуостров, был местом расположения великолепных садов и вилл, украшенных всевозможными произведениями греческого искусства, поскольку карфагеняне были богаты еще до того, как Рим завоевал Лациум. Этот великий город контролировал другие финикийские города, часть Сицилии, Нумидии, Мавритании, Ливии - короче говоря, северную часть Африки, а также колонии в Испании и острова западной части Средиземного моря. Один только город мог в случае необходимости предоставить сорок тысяч тяжелой пехоты, тысячу кавалерии и двадцать тысяч боевых колесниц. Гарнизон города насчитывал двадцать тысяч пеших и четыре тысячи конных, а общая численность войск, которыми мог командовать город, составляла более ста тысяч человек. Военно-морской флот был самым большим в мире, поскольку в морском сражении с Регулом он насчитывал триста пятьдесят кораблей, на борту которых находилось сто пятьдесят тысяч человек.

Такова была эта великая сила, с которой римляне были полны решимости бороться. Казалось бы, Карфаген желал, чтобы Рим получил суверенитет над Италией при условии, что он сам овладеет Сицилией. Но это было то, чему римляне были полны решимости помешать. Таким образом, предмет раздора между этими двумя соперниками, один из которых был всемогущ на суше, а другой - на море, было обладание Сицилией.

Создание римского флота.

В течение первых трех лет войны римляне стали хозяевами всего острова, за исключением морских крепостей на его западной оконечности Эрикс и Панормус. Тем временем карфагеняне опустошили побережье Италии и разрушили ее торговлю. Тогда римляне увидели, что Сицилию невозможно удержать без такого мощного флота, как у их соперников, и было решено сразу построить сто двадцать кораблей. Карфагенская квинкерема, потерпевшая крушение у бруттийского берега, послужила образцом, леса Силоса - древесиной, а приморские города Италии и Греции - моряками. За шестьдесят дней флот из ста двадцати кораблей был построен и готов к выходу в море. Превосходство карфагенян в мореходстве было нейтрализовано

превращением палуб в поле битвы для солдат. Каждый корабль был снабжен длинным abordажным мостиком, прикрепленным на петлях к мачте, который опускался на нос и крепился к вражеской палубе длинным шипом, выступавшим из его конца. Мост был достаточно широк, чтобы два солдата могли пройти рядом, а его стороны были защищены фальшбортами.

Морское сражение при Миле.

Первое столкновение римлян с карфагенянами привело к захвату всего отряда - эскадры из семнадцати кораблей. Второе столкновение закончилось захватом большого количества кораблей, чем потерял римский адмирал К. Н. Сципион. Следующее сражение, при Милях, в котором участвовал весь римский флот, снова обернулось в пользу римлян, чьи плохие навыки мореплавания вызвали презрение их врагов и привели к самоуверенности. Битва была выиграна за счет захвата вражеских кораблей одного за другим. Карфагеняне потеряли четырнадцать кораблей и спасли остальных только бесславным бегством.

Великая победа Регулуса.

В течение шести лет ни одна из сторон не одерживала решающих побед, но в 256 году до н.э., через девять лет после начала военных действий, М. Атилий Регул, дворянин того же класса и привычек, что Цинциннат и Фабриций, с флотом из трехсот тридцати кораблей, укомплектованным ста тысячами моряков, столкнулся с карфагенским флотом из трехсот пятидесяти кораблей на южном побережье Сицилии и одержал незабываемую победу. Это было достигнуто по тому же принципу, по которому Эпаминонд и Александр выигрывали свои сражения, сосредоточив все силы в одной точке и прорвав линию фронта. Римляне наступали в форме клина, во главе которого стояли корабли двух консулов. Карфагенские адмиралы позволили центру уступить дорогу наступающей эскадре. Правое крыло совершило обход в открытом море и обошло римский резерв с тыла, в то время как левое крыло атаковало суда, буксировавшие конные транспорты, и вынудило их к берегу. Но центр карфагена, оставшийся таким образом слабым, не мог противостоять лучшим кораблям римлян, и консулы, одержав победу в центре, повернули на помощь двум тыловым дивизиям. Карфагеняне потеряли шестьдесят четыре корабля, которые были захвачены, кроме двадцати четырех, которые были потоплены, и отступили с остальными в Карфагенский залив, чтобы защитить берега от ожидаемого нападения.

Другие победы Регулуса.

Римляне, однако, направились в другую точку, высадились в гавани Асписа, разбили лагерь для защиты своих кораблей и разорили страну. Двадцать тысяч пленников были отправлены в Рим и проданы в рабство, помимо огромной добычи — число, равное пятой части свободного населения города. Таким образом, римляне закрепились в Африке и были настолько уверены в себе, что большая часть армии была отозвана, оставив Регулу всего сорок кораблей, пятнадцать тысяч пехотинцев и пятьсот кавалеристов. И все же с этой небольшой армией он разгромил карфагенян и стал хозяином страны в радиусе десяти миль от Карфагена. Карфагеняне, запертые в городе, просили мира; но он был заключен только при условии уступки Сицилии и Сардинии, сдачи флота и низведения Карфагена до положения зависимого города. Такое предложение было отклонено, и отчаяние придало мужества побежденным карфагенянам.

Гамилькар.

Они предприняли одно грандиозное усилие, пока Регулус бездействовал на зимних квартирах. Возвращение Гамилькара с Сицилии с войсками ветеранов, которые составили ядро новой армии, вселило в карфагенян надежду, и при поддержке лакедемонянского полководца Ксантиппа с отрядом греческих наемников карфагеняне неожиданно напали на Регула и нанесли ему такое сокрушительное поражение при Тунисе, что спаслись только две тысячи римлян. Регул с пятью сотнями легионеров был взят в плен и доставлен в Карфаген.

Гасдрубал.

Теперь карфагеняне перешли в наступление, и полем битвы стала Сицилия. Гасдрубал, сын Ганнона, высадился на остров со ста сорока слонами, в то время как римский флот из трехсот кораблей потерпел крупное бедствие у Луканского мыса. Разразился шторм, потопивший сто пятьдесят кораблей — катастрофа, равная той, которую он пережил двумя годами ранее, когда две трети большого флота, отправленного на помощь двухтысячному войску в Клуpee, были уничтожены подобным штормом. Несмотря на эти бедствия, римляне взяли Панорм и Термы и одержали победу под стенами бывшего города, которая стоила карфагенянам двадцати тысяч человек и захвата ста двадцати слонов. Этот успех, достигнутый Метеллом, был величайшим из всех, когда-либо достигнутых на Сицилии, и победоносный полководец украсил свой триумф тринадцатью пленными полководцами и ста четырьмя слонами.

Заточение Регулуса. Смерть Регулуса.

Две морские крепости, которые все еще держались на западе острова, Дрепанум и Лилибейум, были теперь захвачены, и карфагеняне, запертые в этих крепостях, отправили посольство в Рим просить обмена пленными и просить мира. Регулусу, который уже пять лет находился в плену, разрешили сопровождать посольство, пообещав вернуться, если миссия не увенчается успехом. Поскольку теперь он находился в положении карфагенского раба, ему не хотелось входить в город, а тем более в Сенат, членом которого он больше не был. Но когда это нежелание было преодолено, он осудил как мир, так и обмен пленными. Римляне хотели удержать этого благородного патриота, но он был верен своей клятве и добровольно вернулся в Карфаген после того, как победил цель послов, зная, что его ждет жестокая смерть. Говорят, карфагеняне, возмущенные и исполненные мести, выставили героя на палящее солнце, отрезали ему веки и закатали в бочку, утыканную железными шипами.

Гамилькар Барка.

Посольство, таким образом, потерпело неудачу, и атака на крепости, которые единственные связывали Африку с Сицилией, была возобновлена. Осада Лилибея продолжалась до конца войны, которая из-за взаимного истощения сторон затянулась на шесть лет. Римляне потеряли четыре больших флота, три из которых имели на борту оружие, и перепись населения города в семнадцатом году показала, что его население уменьшилось на сорок тысяч человек. В этот период застоя, когда существовали только мелкие войны, Гамилькар Барка был назначен полководцем Карфагена, и в том же самом году, 247 г. до н. э., родился его сын Ганнибал.

Завоевание Сицилии.

Римляне, недовольные апатией правительства, снарядили каперский флот из двухсот кораблей, укомплектованный шестьюдесятью тысячами моряков, и этот флот одержал победу над карфагенянами, неподготовленными к таким силам, так что пятьдесят кораблей были

потоплены, а еще семьдесят были отведены победителями в порт. Эта победа отдала римлянам Сицилию и положила конец войне. Римские пленники были переданы Гамилькаром, имевшим все полномочия для заключения мира, и Карфаген обязался выплатить три тысячи двести талантов на военные расходы.

Приобретение Сицилии.

Римляне выиграли от этой войны. Они приобрели самый богатый остров в мире, изобилующий всеми плодами земли, с великолепными гаванями, городами и огромным скоплением богатств. Двадцатичетырехлетняя война, длившаяся почти целое поколение, не велась в таких масштабах, которые привели бы к существенному обнищанию противоборствующих сторон. Не было никаких долгов, по которым должны были платить будущие поколения. Действительно, это был самый захватывающий объект общественного интереса; но многие другие события и сюжеты, должно быть, также занимали умы римлян. Это была иностранная война, первая, которую вел Рим. Это была война амбиций, начало тех беспринципных и агрессивных мер, которые в конечном итоге привели к политическому уничтожению всех других великих держав мира.

Но эта война, по сравнению с теми иностранными войнами, которые впоследствии вел Рим, велась без науки и мастерства. Это происходило в переходный период римской войны, когда тактика ценилась выше стратегии. Различные италийские народы были покорены ополчением, генералами-земледельцами, тактикой и личной храбростью, когда война еще не превратилась в науку, подобную той, которую вели даже греки. Не было ни навыков, ни опыта ведения осад. Флотом управляли греческие наемники.

Создание римской военно-морской державы.

Большим достижением в военной науке, к которому привело это первое сражение с иностранной державой, стало создание военно-морского флота и необходимость использования войск-ветеранов, возглавляемых опытными генералами. Было установлено, что совещательное собрание, подобное Сенату, не может вести иностранную войну. Это было предоставлено генералам, которые должны были изучать марши и контрмарши, осады и стратегическую систему. Вывод половины армии Регула сенатом оказался почти фатальным. Карфаген не мог быть покорен той деревенской войной, которой было достаточно для завоевания Этрурии или Самния. Новая система ведения войны требовала генералов, имеющих военную подготовку и военный взгляд, а не гражданских адмиралов. Окончательный успех был достигнут скорее благодаря ошибкам карфагенян, чем военной науке.

ГЛАВА XXX.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ Или ГАННИБАЛОВА ВОЙНА.

Мир между карфагенянами и римлянами был всего лишь перемирием. Хотя это продолжалось двадцать один год, накапливались новые очаги раздора, и силы готовились к более решительному столкновению.

Прежде чем мы проследим ход этой еще более памятной войны, давайте взглянем на события, произошедшие в промежутке между ней и первым сражением.

Состояние Карфагена после войны.

Этот промежуток времени памятен военной карьерой Гамилькара и его великим господством в Карфагене. Этот город дорого заплатил за мир, который он обеспечил, поскольку дань Сицилии текла в казну римлян. Его торговая политика была нарушена, и торговля Италии потекла по новым каналам. Эта перемена была горько воспринята финикийским городом, и вскоре был организован отряд для дальнейшего продолжения военных действий. Существовала также сильная партия мира, состоявшая из ленивых и трусливых богомольцев этого меркантильного государства. Партию войны возглавлял Гамилькар, партию мира - Ганнон, который поначалу имел преимущество. Это привело армию к мятежу, торгуясь о жалованье. Ливийские наемники присоединились к восстанию, и Карфаген оказался в одиночестве посреди анархии. В этой чрезвычайной ситуации правительство обратилось к Гамилькару с просьбой спасти его от последствий его грубых ошибок и эгоизма.

Гамилькар.

Это правительство, как и в Риме, было олигархическим, но знать была всего лишь меркантильными вельможами, лишенными способностей — ревнивыми, исключительными и эгоистичными. Большая часть народа, которым они правили, была бедной и зависимой. Доверив власть Гамилькару, правительство богатых граждан предоставило ему только военный контроль. Армия, которой он командовал, не была гражданским ополчением, она состояла из наемников. Гамилькар был вынужден сформировать из них войска, в которых государство искало своего спасения.

Он был молодым человеком, немногим старше тридцати, и, предчувствуя, что не доживет до завершения своих планов, приказал своему девятилетнему сыну Ганнибалу, когда тот собирался покинуть Карфаген, поклясться у алтаря Вечного Бога в ненависти к римскому имени.

Гасдрубал.

Он покинул Карфаген и отправился в Испанию, взяв с собой своих сыновей, которые должны были воспитываться в лагере. Он двинулся вдоль побережья в сопровождении флота, которым командовал Гасдрубал. Он пересек море у Геркулесовых столбов с целью организации испанского королевства для оказания помощи карфагенянам в их будущей войне. Но он преждевременно скончался в 229 году до н.э., оставив своего зятя Гасдрубала осуществлять свои замыслы, и южные и восточные провинции Испании стали провинциями Карфагена. Картагена возникла как столица этого нового испанского королевства на территории Контестаны. Здесь процветало сельское хозяйство, а еще больше - добыча полезных

ископаемых на серебряных рудниках, которые столетие спустя приносили тридцать шесть миллионов сестерциев — почти два миллиона долларов - ежегодно. Таким образом, Карфаген приобрел в Испании рынок для своей торговли и мануфактур, и Новый Карфаген правил вплоть до Эбро. Но самым большим преимуществом этого нового приобретения для Карфагена был новый класс солдат-наемников, которые были включены в состав армии. Поначалу римлян не встревожил подъем этой новой испанской державы, и они увидели в нем лишь компенсацию за дань и торговлю, которые Карфаген потерял на Сицилии. И пока карфагеняне создавали армии в Испании, римляне были заняты завоеванием Цизальпинской Галлии и укреплением итальянских завоеваний.

Ганнибал.

Гасдрубал был убит после восьми лет успешного правления, и армия провозгласила Ганнибала своим преемником, и этот выбор был подтвержден карфагенянами в 221 году до н. э.. Сейчас ему было двадцать девять, он был приучен ко всем трудностям и опасностям лагеря и обладал врожденным военным даром, который делал его, по оценке современных критиков, величайшим полководцем древности. Он сочетал смелость с осмотрительностью, а осмотрительность с энергией. Он обладал изобретательным коварством, которое заставляло его выбирать неожиданные маршруты. Он глубоко изучал характеры противников и держал себя в курсе замыслов своих врагов. У него были свои шпионы в Риме, и его часто видели переодетым, чтобы получить важную информацию.

Падение Сагунта.

Этот хитрый и способный полководец решил при своем назначении немедленно начать войну с римлянами, которых он считал смертельными врагами своей страны. Его первым великим подвигом было взятие Сагунта, иберийского города на побережье, в союзе с римлянами. Он защищался с отчаянной энергией в течение восьми месяцев, и его осада незабываема. С жителями обращались с дикой жестокостью, а добычу отправляли в Карфаген.

Ганнибал отступает в Карфаген.

Этот поступок Ганнибала стал поводом, хотя и не причиной, ко второй Пунической войне. Возмущенные римляне потребовали от Карфагена выдачи полководца, нарушившего мир. После падения Сагунта Ганнибал удалился в Карфаген на зимние квартиры и занялся подготовкой к вторжению в Италию. Он собрал армию из ста двадцати тысяч пехотинцев, шестнадцати тысяч кавалеристов и пятидесяти восьми слонов, которым помогали военно-морские силы. Но вся эта огромная армия не была предназначена для итальянской экспедиции. Часть его была направлена на защиту Карфагена, а часть была зарезервирована для защиты Испании, управление которой он доверил своему брату Гасдрубалу.

Он готовится к решительной войне.

Народы земли две тысячи лет назад едва ли оценили бы масштаб событий, которые должны были последовать за вторжением в Италию и последовавшей за ним войной — возможно, “самой запоминающейся из всех войн, когда-либо велись”, и, безусловно, одной из самых запоминающихся в истории человечества. Вопрос, о котором шла речь, заключался в том, должна ли миром править коммерческая олигархия со всеми суевериями Востока или законы свободного и патриотического государства. Это была война, развязанная между гением

могущественного полководца и ресурсами римского народа, поскольку Ганнибал искал помощи не столько у своего собственного государства, сколько у тех отважных испанцев, которые следовали за его знаменем.

Пересекает Эбро.

Весной 218 года до н.э. Ганнибал выступил из Нового Карфагена с армией в девяносто тысяч пехотинцев и двенадцать тысяч кавалеристов. На Эбро он столкнулся с первым серьезным сопротивлением, но это было со стороны местных жителей, а не римлян. Потребовалось четыре месяца, чтобы преодолеть их сопротивление, в течение которых он потерял четверть своей армии. Поскольку его главной целью было выиграть время до того, как римляне смогут занять перевалы в Альпах, он принес в жертву своих людей. Когда он подготовил Пиренеи, он отправил домой часть своей армии и пересек эти горы всего с пятьюдесятью тысячами пехотинцев и девятью тысячами кавалеристов; но это были ветераны. Он двинулся береговым путем через Нарбонну и Ним, через территорию кельтов, и не встретил серьезного сопротивления, пока не достиг Роны, напротив Авиньона, примерно в конце июля. Сципион оспаривал проход при поддержке дружественных галлов, но Ганнибал обошел своих врагов с фланга, отправив отряд через реку на плотях, на два дня перехода выше по течению, и таким образом легко форсировал проход, и был в трех днях перехода за рекой, прежде чем Сципион понял, что он переправился. Затем Сципион отплыл обратно в Пизу и помог своему коллеге встретить захватчика в Цизальпинской Галлии.

Ганнибал переходит Альпы.

Ганнибалу, который сейчас находился на кельтской территории на римской стороне Роны, ничто не могло помешать достичь Альп. Затем из нижней части Роны через Альпы вели два перевала — один через Коттийские Альпы (гора Женева); и другой, более высокий перевал Грейнских Альп (гора Сен-Бернар), и он был выбран Ганнибалом. Задача переброски большой армии даже через этот более легкий перевал была работой большой сложности, поскольку обозу, кавалерии и слонам, когда выпадал осенний снег, противостояли горцы, с которыми им пришлось сражаться на самой вершине перевала. Спуск, хотя и свободный от врагов, был еще более опасным, и в одном месте потребовалось три дня труда, чтобы сделать дорогу пригодной для передвижения слонов. Армия прибыла в середине сентября на равнину Иврея, где его измученные войска были расквартированы в дружественных деревнях. Если бы римляне встретили его близ Турина всего с тридцатью тысячами человек и сразу навязали сражение, перспективы Ганнибала были бы сомнительными. Но армия так и не появилась; цель была достигнута, но с потерей половины его войск, а остальные были настолько деморализованы усталостью, что потребовался длительный отдых.

Scipio.

Великие таланты, которыми Сципион искупил свои предыдущие ошибки, теперь спасли его армию от уничтожения. Он отступил через реки Тичинио и По, отказавшись от решительного сражения на равнинах, и занял укрепленную позицию на холмах. Объединенные консульские армии, насчитывавшие сорок тысяч человек, были размещены таким образом, чтобы вынудить Ганнибала атаковать с фронта меньшими силами или уйти на зимние квартиры, полагаясь на сомнительную преданность галлов.

Битва при Тразименском озере.

Хорошо сказано, “что к несчастью римской двойной магистратуры, на поле боя присутствовали оба консула”. Из-за ранения, полученного Сципионом, командование перешло к Семпронию, который, стремясь к отличию, не смог противостоять провокациям Ганнибала с целью развязать сражение. В одной из стычек римская кавалерия и легкая пехота были заманены летящими нумидийцами через разлившийся ручей и внезапно оказались перед всей пунической армией. Все римское войско поспешило переправиться через ручей, чтобы поддержать авангард. На Тразименском озере произошло сражение, в котором римляне были жестоко разбиты, но десять тысяч пехотинцев пробились сквозь массы противника и достигли крепости Плацентия, где к ним присоединились другие отряды. После этого успеха, который дал Ганнибалу всю Северную Италию, его армия, страдающая от усталости и болезней, отступила на зимние квартиры. Теперь он потерял всех своих слонов, кроме одного. Остатки римской армии провели зиму в крепостях Плацентия и Кремона.

Ганнибал в Италии.

Следующей весной римляне под командованием Фламиния выступили в поход с четырьмя легионами, чтобы контролировать великие северные и восточные дороги и перевалы Аппенин. Но Ганнибал, зная, что Рим уязвим только в сердце, быстро сменил базу, пересек Аппенинские горы по незащищенному проходу и продвинулся по нижнему течению Арно в Этрурию, в то время как Фламиний наблюдал за этим с верхнего течения этого ручья. Фламиний был простым партийным лидером и демагогом и не подходил для такого кризиса, поскольку Ганнибалу позволили пройти мимо него и беспрепятственно добраться до Фесулы. Римляне приготовились к худшему, разрушили мосты через Тибр и назначили Квинта Фабия Максима диктатором.

Ганнибал идет к Адриатике.

Пирр пошел бы прямо на Рим, но Ганнибал был более дальновиден. Его армия нуждалась в новой организации, отдыхе и рекрутах, поэтому он неожиданно прошел маршем через Умбрию, опустошил страну и остановился на берегах Адриатики. Здесь он отдохнул, реорганизовал свою ливийскую кавалерию и возобновил связь с Карфагеном. Затем он свернул свой лагерь и двинулся в Южную Италию, надеясь разбить конфедерацию. Но ни один итальянский город не вступил в союз с карфагенянами.

Фабий. Усилия римлян.

Диктатор Фабий, человек большого благоразумия, преклонных лет и тактик старой римской школы, решил избежать прямого сражения и уморить врага голодом или утомить его. Ганнибал скорректировал свои планы в соответствии с характером человека, которому он противостоял. Итак, он прошел мимо римской армии, пересек Аппенины, захватил Телезию и повернул против Капуи, самого важного из всех зависимых итальянских городов, надеясь на восстание среди кампанских городов. И здесь его снова постигло разочарование. Итак, вернувшись по своим следам, он направился в Апулию, диктатор следовал за ним по возвышенностям. Таким образом, лето было поглощено походами и контрмаршированиями, земли испанцев, кампанцев, самнитов, пелигнийцев и других провинций были последовательно опустошены. Но никакого важного сражения не было. Затем он выбрал для зимовки богатые земли Апулии и укрепил свой лагерь в Герениуме. Римляне разбили лагерь на территории Ларината и преследовали вражеских фуражиров. Эта оборонительная политика Фабия уязвила римскую гордость, и диктатор стал непопулярен. Сенат решил отойти от политики, которая медленно, но

верно разрушала государство, и была снаряжена армия, превосходящая по численности римскую, когда-либо прежде отправленную на поле боя, состоящая из восьми легионов под командованием двух консулов, Л. Эмилия Павла и М. Теренция Варрона. Первый, патриций, успешно вел иллирийскую войну; второй, популярный кандидат, был неспособен, тщеславен и самонадеян.

Битва при Каннах. Ее великие последствия. Варрон.

Как только время года позволило ему покинуть зимние квартиры, Ганнибал, перейдя в наступление, выступил из Герениума, миновал Луцерию, переправился через Ауфидус и взял цитадель Канны, которая возвышалась над равниной Канузий. Римские консулы прибыли в Апулию в начале лета с восьмьюдесятью тысячами пехотинцев и шестью тысячами кавалеристов. Силы Ганнибала составляли сорок тысяч пехотинцев и десять тысяч кавалеристов, привыкших к регулярным боевым действиям. Римляне решили сражаться и столкнулись с карфагенянами на правом берегу Ауфида. Согласно глупому обычаю, командование передавалось одному из консулов через день, и Варрон решил воспользоваться первой же возможностью для сражения. Войска встретились на равнине к западу от Канн, более благоприятной для карфагенян, чем для римлян, из-за превосходства кавалерии. Трудно без длинного описания дать четкое представление об этой знаменитой битве. Ганнибал, по-видимому, подобно Эпаминонду и Александру, обрушил свою тяжелую кавалерию под командованием Гасдрубала на самое слабое место противника после того, как конфликт продолжался некоторое время без решающих результатов. Более слабые правые части римской армии во главе с Павлом после храбрых боев были разбиты и оттеснены за реку. Затем раненый Паулюс поехал в центр, составленный из пехоты сомкнутыми рядами, которая получила преимущество над встретившими их испанскими и галльскими войсками. Чтобы закрепить это преимущество, легионы двинулись вперед в виде клина. В этой позиции ливийская пехота, развернувшись на них справа и слева, яростно атаковала обе стороны римской пехоты, что остановило ее продвижение. В результате этой двойной фланговой атаки римская пехота оказалась в тесноте и не могла освободиться. Тем временем Гасдрубал, разгромив правое крыло, возглавляемое Павлом, повел свою кавалерию за римский центр и атаковал левое крыло, возглавляемое Варроном. Кавалерия Варрона, которой противостояла нумидийская кавалерия, была не в состоянии отразить эту двойную атаку и была рассеяна. Гасдрубал снова собрал свою кавалерию и повел ее в тыл римского центра, уже вступив в ближний бой с испанской и галльской пехотой. Эта последняя атака решила исход сражения. Бегство было невозможно, потому что река была в тылу, а впереди был победоносный враг. Пощады не было. Было убито семьдесят тысяч римлян, включая консула Павла и восемьдесят человек сенаторского ранга. Варрона спасла быстрота его лошади. Карфагеняне потеряли не более шести тысяч человек.

Восстание союзников.

Это грандиозное бедствие послужило сигналом к восстанию союзников, которого Ганнибал прежде тщетно добивался. Капуя открыла свои ворота победителю. Почти все население Южной Италии восстало против Рима. Но греческие города на побережье удерживались римскими гарнизонами, так же как и крепости в Апулии, Кампании и Самнии. Известие о битве при Каннах в 216 году до н.э. побудило македонского царя пообещать помощь Ганнибалу.

Смерть Гиерона в Сиракузах сделала Сицилию врагом Рима, в то время как Карфаген, теперь ликующий, прислал значительные подкрепления.

Мудрость Ганнибала.

Многие критики выражали удивление по поводу того, что Ганнибал после этой великой победы не двинулся сразу на Рим. Если бы он покорил, как это сделал Александр, персидский, восточный, женоподобный народ, это могло бы быть его истинной политикой. Но Рим все еще был способен к сильной обороне и не пал бы ни под каким давлением неблагоприятных обстоятельств, и он также по-прежнему был силен в союзниках. И более того, Ганнибал не довел до совершенства свои политические комбинации. Он не был готов нанести последний удар. Он должен был следить за Македонией, Африкой, Сицилией и Испанией. Александр не шел на Вавилон, пока не покорил Финикию и Египет. Даже взятие Рима не предотвратило бы длительной войны с государствами Италии.

Стойкость римлян.

Римляне не потеряли мужества, когда узнали о величайшем бедствии, которое когда-либо обрушивалось на них. Они предприняли новые грандиозные приготовления. Были вызваны все резервные силы - все мужчины, способные носить оружие, молодые или старые. Даже купленные государством рабы были вооружены и стали солдатами. Из храмов была вывезена добыча. Латинские города прислали контингенты, а Сенат отказался принять даже посланника завоевателя.

Кризис.

Такое мужество, стойкость и энергия не прошли даром, в то время как ослабляющее влияние Капуи следующей зимой деморализовало карфагенян. Поворотным моментом войны стала зима, последовавшая за поражением при Каннах. Главной целью Ганнибала в его походе в Италию было разбить итальянскую конфедерацию. После трех кампаний эта цель была достигнута лишь частично, несмотря на его победы, и ему предстояло защищать огромную границу. Имея всего сорок тысяч человек, он не мог оставить ее непокрытой и продвинуться к Риму. Римляне, тоже научившиеся мудрости, теперь назначали только опытных генералов и продолжали ими командовать.

Марцелл.

Движущей силой новой войны был Марк Клавдий Марцелл, мужчина пятидесяти лет от роду, прошедший суровую военную подготовку и совершивший героические поступки. Он был генералом не для того, чтобы просто наблюдать за передвижениями врага с холмов, а для того, чтобы занимать свои позиции в укрепленных лагерях под стенами крепостей. С двумя легионами, спасенными из Канн, и войсками, собранными из Рима и Остии, он последовал за Ганнибалом в Кампанию, в то время как другие римские армии были размещены в других местах.

Теперь Ганнибал понял, что без значительных подкреплений из Карфагена, Испании, Македонии и Сиракуз ему придется сражаться в обороне. Но карфагеняне присылали только поздравления; македонскому царю не хватило мужества; в то время как римляне перехватывали припасы из Сиракуз и Испании. Ганнибал был предоставлен самому себе.

Scipio.

Тем временем Сципион в Испании атаковал настоящую базу Ганнибала, захватил страну Эбро, захватил перевалы Пиренеев и разбил Гасдрубала, пытаясь привести помощь своему брату. Взятие Сагунта дало римлянам сильную крепость между Эбро и Карфагеной. Сципион даже замыслил нападение на Африку и вынудил Сифакса, царя одного из нумидийских народов, покинуть Карфаген, что привело к отзыву Гасдрубала из Испании. Его уход оставил Сципиона хозяином полуострова; но Гасдрубал, наказав недовольных нумидийцев, вернулся в Испанию и с подавляющим численным превосходством восстановил свое господство, и Сципион был убит, как и его брат, а их армия разгромлена.

Восстание в Сиракузах. Архимед.

Упоминалось, что после смерти Иеронима, который был давним другом Рима, Сиракузы обратили свое влияние в пользу Карфагена, которым правили фракции. Против этого восставшего города выступил консул Марцелл и окружил город с суши и моря. Ему помешал знаменитый математик Архимед, сконструировавший машины, которые уничтожали римские корабли. Этот великий человек продвинул науку геометрию и сделал открытия, которые ставят его в один ряд со светилами древнего мира. Его теория рычага была основой статики до времен Ньютона. Не менее запоминающимся было его открытие метода определения удельного веса путем погружения в жидкость. Он был не только величайшим математиком старого света, но и применял науку к практическим делам и вынудил Марцелла превратить осаду Сиракуз в блокаду. Говорят, что он запустил корабль с помощью давления винта, которое, изменив свою работу на противоположную, произвело революцию в военно-морской и коммерческой морской пехоте.

Осада Сиракуз. Смерть Архимеда.

Время, выигранное этим выдающимся инженером и геометром, позволило карфагенянам послать армию на помощь Сиракузам. Положение Марцелла было критическим, когда благодаря удачному штурму стен, оставленных без охраны во время празднества, римляне смогли овладеть сильной позицией внутри стен. Эпидемия унесла большую часть африканской армии, стоявшей лагерем в долине Анапус, вместе с генералом Химилько. Бомилькар, карфагенский адмирал, отступил, вместо того чтобы сражаться с римским флотом. Благодаря предательству сицилийского капитана Марцелл получил во владение остров Ортиджия, где когда-то укрепился Дионисий, ключ к порту и городу, и Сиракузы пали. Город был предан разграблению и резне, и Архимед был одной из жертв. Марцелл почтил прославленного защитника пышными похоронами, и он был похоронен за воротами Аэрадины. Сто пятьдесят лет спустя сиракузяне забыли даже, где он был похоронен, и его могила была обнаружена Цицероном.

Падение Капуи.

Пока эти события происходили в Испании и на Сицилии, Ганнибал направил свои усилия на захват Тарента, а римляне были в равной степени полны решимости вернуть Капую. Падение Тарента позволило Ганнибалу снять осаду Капуи, и, потерпев неудачу в своих попытках развязать решающее сражение перед этим городом, он двинулся к Риму и расположился лагерем в пяти милях от города, после того как с непревзойденным мастерством провел свои войска между армиями и крепостями противника. Но Рим был хорошо защищен двумя

легионами под командованием Фабия, которые отказались участвовать в решающем сражении. Поэтому Ганнибал был вынужден отступить, чтобы спасти Капую, которая, однако, в его отсутствие сдалась римлянам после двухлетней осады и была жестоко наказана за свое отступничество от римского дела. Падение Капуи вновь придало уверенности римскому правительству, которое направило подкрепления в Испанию. Но он неосмотрительно сократил остальные свои силы, так что Марцеллу пришлось столкнуться с Ганнибалом с недостаточной армией. Теперь война продолжалась с переменным успехом, в ходе которой Тарент снова попал в руки римлян. Тридцать тысяч тарентинцев были проданы в рабство, г. до н. э. 209 г.

Битва при Метавре. Неудачи Ганнибала.

Эта великая война длилась уже десять лет, и обе стороны падали от истощения. При таком положении дел римляне были поражены известием о том, что Гасдрубал перешел Пиренеи и продвигается вперед, чтобы присоединиться к своему брату в Италии. Римляне в этой чрезвычайной ситуации приложили огромные усилия. Было задействовано двадцать три легиона; но прежде чем приготовления были завершены, Гасдрубал пересек Альпы, подкрепленный восемью тысячами лигурийских наемников. Целью двух карфагенских полководцев было создать соединение своих сил, а римлян - предотвратить это. Получив информацию о предполагаемых передвижениях Ганнибала и Гасдрубала благодаря перехваченной депеше, римский консул Нерон выступил навстречу Гасдрубалу и столкнулся с ним на берегах Метавра. Здесь завязалась битва, в которой карфагеняне потерпели поражение, а Гасдрубал убит. Ганнибал в напряжении ожидал отправки своего брата в свой апулийский лагерь, когда победитель вернулся из своего пятисотмильного похода и бросил голову Гасдрубала среди своих аванпостов. При виде головы своего брата он воскликнул: "Я узнаю гибель Карфагена". Покинув Апулию и Луканию, он удалился на Бруттийский полуостров, а победитель при Каннах сохранил лишь несколько постов, чтобы снова отправиться в Африку.

И все же этот великий полководец смог продержаться на поле боя еще четыре года, и превосходство его противников не смогло заставить его запереться в крепости или вернуться на корабль, что является доказательством его стратегических талантов.

Scipio.

Тем временем блестящая карьера открылась в Испании молодому Публию Сципиону, известному как старший Африкан. Ему было всего двадцать четыре года, когда его выбрали командовать армиями Рима в Испании, поскольку было необходимо покорить эту страну, чтобы помешать карфагенянам в Италии. Публий Сципион был энтузиастом, покорившим сердца солдат и женщин. Он держался по—королевски, был уверен в своем величии, изящен в манерах и красноречив в речи - пользовался популярностью у всех слоев общества и внушал энтузиазм, который сам испытывал.

Его успехи в Испании.

Он высадился в Испании с тридцатитысячной армией и сразу же двинулся на Новый Карфаген, прежде чем удаленные армии карфагенян смогли прийти ему на помощь. В один день планы Гамилькара и его сыновей были разрушены, и этот огромный капитал попал в руки молодого полководца, еще не имевшего права претендовать ни на одну курульную магистратуру. Было взято десять тысяч пленных и шестьсот талантов, а также большие запасы зерна и военного снаряжения. Испания казалась легкой добычей, но на следующий год карфагеняне

предприняли отчаянное усилие и послали в Испанию новую армию из семидесяти тысяч пехотинцев, четырех тысяч всадников и тридцати двух слонов. И все же эта великая сила, объединенная с теми, что остались под командованием Гасдрубала и Магона, потерпела сокрушительное поражение от Сципиона. Эта грандиозная победа, сделавшая Сципиона хозяином Испании, позволила ему свободно перенести войну в саму Африку при содействии своего союзника Масиниссы. Карфагенянам остался только Гадес, первоначальная колония финикийцев, и даже эта последняя связь была разорвана, когда Магон был отозван на помощь Ганнибалу.

Консул Сципиона. Он вторгается в Африку.

Сципион, стремившийся завершить войну и стремившийся задействовать все ресурсы империи, вернулся в Италию и предложил себя на пост консула в 205 году до н.э. и был единогласно избран центуриями, хотя и не достиг совершеннолетия. Его коллегой был верховный понтифик П. Лициний Красс, чей пост не позволял ему покинуть Италию, и, таким образом, он остался свободен в единоличном ведении войны. В качестве провинции ему была выделена Сицилия, где он должен был построить флот и подготовиться к переходу в Африку, хотя партия, возглавляемая старым Фабием Максимом, хотела, чтобы он остался в Италии, чтобы изгнать Ганнибала. Сенат лишил консула обычных полномочий вводить новые сборы, но разрешил Сципиону набирать добровольцев по всей Италии. В состоянии дезорганизации и деморализации, которые всегда сопровождают длительную войну, это зачисление было легко осуществлено, и деньги были собраны за счет взносов недовольных государств.

Ганнибал эвакуирует Италию.

Ганнибал все еще находился среди бруттий, не желая терять свою последнюю власть над Италией. Магон в цизальпинской Галлии был слишком далеко, чтобы оказать помощь. Защита Африки зависела только от него, и его отозвали. Он, вероятно, предвидел этот приказ. Рим вздохнул свободнее, когда "Ливийский лев" ушел. В течение пятнадцати лет он был инкубом или ужасом, и римляне в различных конфликтах потеряли триста тысяч человек. Двое сципионов, Павел Гракх и Марцелл, отдали свои жизни в бою. Только Фабий, из опытных полководцев начала войны, был жив, и теперь, в возрасте девяноста лет, он был увенчан венком из итальянской травы как самой почетной наградой, которая могла быть ему вручена.

Ганнибал стремится к миру.

Теперь Ганнибал искал переговоров со Сципионом, поскольку обе стороны стремились к миру, но не смог добиться никаких лучших условий, кроме уступки Испании, а также островов Средиземного моря, сдачи карфагенского флота, выплаты четырех тысяч талантов и утверждения Масиниссы в королевстве Сифакс. Такие условия не могли быть приняты, и обе стороны приготовились к еще одному решающему конфликту.

Битва при Заме.

Битва произошла при Заме. "Ганнибал выстроил свою пехоту в три линии. В первую дивизию входили карфагенские наемники; во вторую - африканские союзники и каретское ополчение; в третью - ветераны, следовавшие за ним из Италии. В первых рядах были размещены восемьдесят слонов; кавалерия располагалась на флангах. Сципион аналогичным образом разделил легионы на три дивизии. Пехота сражалась врукопашную в первой дивизии, и обе

стороны, впав в замешательство, обратились за помощью во вторую дивизию. Римлян поддержали, но карфагенское ополчение колебалось. Увидев это, Ганнибал поспешно отвел то, что осталось от двух первых линий, на фланги и выдвинул вперед свои отборные итальянские войска по всей линии. Сципион собрал в центре все, что было способно сражаться в первой линии, и заставил вторую и третью дивизии сомкнуться справа и слева от первой. Конфликт снова возобновился с еще более отчаянными боями, пока кавалерия римлян и Масинассы, вернувшись после преследования разбитой кавалерии противника, не окружила их со всех сторон. Это движение уничтожило пуническую армию. Все было потеряно, и Ганнибалу удалось спастись лишь с горсткой людей ”.

Сципион заключает мир с Карфагеном.

Теперь во власти Сципиона было напасть на Карфаген и осадить город, не имея ни защиты, ни провианта. Но он не стал расточительно использовать свою победу. Он даровал мир на условиях, ранее отвергнутых, с добавлением ежегодной дани в размере двухсот талантов в течение пятидесяти лет. У него не было цели разрушать город после того, как его политическая власть была уничтожена, и злодейски ниспровергать примитивный центр торговли, который все еще был одним из главных столпов цивилизации. Он был слишком великим и мудрым государственным деятелем, чтобы совершить такой реванш, какого римляне добивались пятьдесят лет спустя. Он был доволен славным завершением войны и тем, что увидел Карфаген, старого соперника, данником и сломленной державой, без возможности возродить свои прежние планы, до н.э. 201г.

Окончание войны.

Так закончилась война Ганнибала, длившаяся семнадцать лет и давшая Риму неоспоримый суверенитет над Италией, превращение Испании в две римские провинции, объединение Сиракуз с римской провинцией Сицилия, установление римского протектората над нумидийскими вождями и превращение Карфагена в беззащитный торговый город. Гегемония Рима установилась над западным регионом Средиземноморья. Эти результаты были велики, но были достигнуты потерей четверти населения Рима, разорением четырехсот городов, растратой накопленного годами капитала и общей деморализацией народа. Может показаться, что римляне могли бы жить бок о бок с другими народами в дружбе, как это делают современные нации. Но в древние времена “нужно было быть либо наковальней, либо молотом”. Либо Рим, либо Карфаген должны были стать великой державой мира.

ГЛАВА XXXI.

МАКЕДОНСКАЯ И АЗИАТСКАЯ ВОЙНЫ.

Едва Риму осталось оправиться от истощения в результате долгой и отчаянной войны с Ганнибалом, как он был вовлечен в новую войну с Македонией, которая привела к очень важным последствиям.

Греки сохранили суверенитет, завоеванный Александром, и их цивилизация быстро распространилась на Восток. Однако в результате расчленения империи, основанной Александром, возникли три великие монархии — Македония, Азия и Египет, — и каждой из них, в свою очередь, было суждено стать провинциями Рима.

Македония. Филипп.

Македонией тогда правил Филипп V, и она была во многом такой монархией, какую создал первый Филипп. Македонское владычество охватывало Грецию и Фессалию, и сильные гарнизоны стояли в Деметрии в Магуэзии, Калхиде на острове Эвбея и в Коринфе, “трех оковах эллинов”. Но сила царства заключалась в Македонии. В самой Греции вся моральная и политическая энергия иссякла, и выродившиеся, но все еще интеллектуальные жители проводили свое время в вакхических утехах, фехтовании и изучении полуночного светильника. Греки, рассеянные по Востоку, распространяли свою культуру, но их было недостаточно только для того, чтобы поставлять офицеров, государственных деятелей и школьных учителей. Вся настоящая воинственная мощь сохранилась у народов Севера, где правил Филипп, подлинный король, гордящийся своим пурпуром и своими достижениями, незаконный и нечестивый, безразличный к жизни и страданиям других, упрямый и деспотичный. Он с сожалением наблюдал за порабощением Карфагена, но не пришел к ней на помощь, когда десять лет назад его помощь могла бы переломить чашу весов. Его взор был обращен в другую сторону, чтобы завладеть частью территорий Египта при содействии Антиоха Азиатского. В этой попытке он настроил против себя все греческие торговые города, интересы которых были отождествлены с Александрией, ныне, после падения Карфагена, величайшим торговым городом мира. Ему противостояли Пергам и родосская лига, в то время как римляне уделяли серьезное внимание своим осложнениям на Востоке, не столько с целью завоевания Востока, сколько для защиты своих недавно приобретенных владений. Таким образом, македонская война стала неизбежной, но в нее вступили неохотно, и, по мнению Моммзена, она была одной из самых праведных, которые когда-либо вел Рим.

Ведет войну с римлянами. Битва при Киноцефалах. Ахейский союз.

Предлогом для войны — *casus belli* — послужило нападение македонского полководца на Афины в отместку за убийство двух арканцев за вторжение в Элевсинские мистерии, 201 г. до н. э. г. Афины были союзником Рима. Два легиона под командованием Публия Сульпиция Гальбы отправились в Брундузий в Македонию с тысячей нумидийских всадников и несколькими слонами. В этом году не было достигнуто ничего исторически важного. Следующей весной Гальба повел свои войска в Македонию и столкнулся с врагом под командованием Филиппа на болотистой равнине на северо-западной границе. Но македонцы уклонились от сражения, и после неоднократных стычек и маршей римляне вернулись в Аполлонию. Филипп не стал мешать армии отступать, а повернулся против этолийцев, которые объединились против него. В

конце кампании римляне стояли так же, как весной, но были бы разбиты, если бы не вмешались этолийцы. Успехи Филиппа наполнили его высокомерием и самоуверенностью, и следующей весной он перешел в наступление. Тем временем римляне были подкреплены новыми войсками под командованием Фламиния, которые атаковали Филиппа в его укрепленном лагере. Македонский царь потерял свой лагерь и две тысячи человек и отступил к перевалу Темпе, воротам собственно Македонии, покинутый многими своими союзниками. Ахейцы вступили в союз с Римом. Наступила зима, и Филипп запросил условий мира. Все, чего он смог добиться от Фламиния, - это перемирия на два месяца. Римский сенат отклонил все условия, если Филипп не откажется от всей Греции, особенно от Коринфа, Халкиды и Деметрии. Они были отвергнуты, и Филипп напряг все свои силы, чтобы встретиться со своим врагом в решительном сражении. Он вывел на поле боя двадцать шесть тысяч человек, что равнялось силе римлян, и столкнулся с ними при Киноцефалах. Римляне одержали победу, и в их руки попало большое количество пленных. Филипп бежал в Лариссу, сжег свои бумаги, покинул Фессалию и вернулся домой. Он был полностью побежден и был вынужден принять такой мир, который римляне были склонны предоставить. Но римляне не злоупотребляли своей властью, а относились к Филиппу с уважением и предоставили ему такие условия, какие были предоставлены Карфагену. Он потерял все свои иностранные владения в Малой Азии, Фракии, Греции и Эгейских островах, но сохранил Македонию. Он также был обязан не заключать иностранных союзов без согласия римлян, не посылать гарнизоны за границу, не содержать армию численностью более пяти тысяч человек и не владеть флотом, превышающим пять боевых кораблей. От него также потребовали уплаты контрибуции в размере тысячи талантов. Таким образом, у него осталось ровно столько власти, сколько было необходимо для охраны границ Эллады от варваров. Все государства Греции были объявлены свободными, и большинство из них были включены в Ахейскую лигу, конфедерацию старых городов, которые были известны до переселения дорийцев, чтобы противостоять македонскому господству. Эта знаменитая лига была последней борьбой греческой федерации за то, чтобы противостоять всемогущим врагам. Как ахейские города были доминирующими государствами Греции во время Троянской войны, так и угасающий огонь греческой свободы погас последним среди этой древней расы.

Свободы Греции обеспечены. Фламиний.

Освободитель Греции, как можно называть Фламиния, собрал депутатов всех греческих общин в Коринфе, призвал их использовать свободу, которую он даровал им, с умеренностью и потребовал, в качестве единственной награды за доброту, проявленную римлянами, чтобы они отправили обратно всех итальянских пленников, проданных в Греции во время войны с Ганнибалом, а затем он покинул последние крепости, которые удерживал, и вернулся в Рим со своими войсками и освобожденными пленниками. Рим действительно желал освобождения и независимости Греции теперь, когда все опасения по поводу ее политической власти были устранены, и та славная свобода, которая ассоциируется с борьбой греков с персами, могла бы быть обеспечена, если бы эллинские народы не были полностью деморализованы. У них не осталось ни фундамента, ни материала для свободы, и ничто, кроме магического очарования эллинского имени, не могло помешать Фламинию установить римское правительство в этой выродившейся стране. Это было необдуманное великодушие, которое воодушевляло римлян, если бы не война с Антиохом, которая могла бы и не начаться.

Антиох.

Антиох III, праправнук полководца Александра, основавшего династию Селевкидов, правил тогда в Азии. После падения Филиппа, который был его союзником, он завладел теми областями в Малой Азии, которые ранее принадлежали Египту, но перешли к Филиппу. Он также стремился вернуть греческие города Малой Азии в состав своей империи. Это предприятие поссорило его с римлянами, которые претендовали на протекторат над всеми эллинскими городами. И его положение еще более осложнилось прибытием в Эфес, его столицу, Ганнибала, которому он оказал почетный прием. Разрыва с Римом избежать было невозможно.

Могущество Антиоха.

Чтобы укрепиться в Азии перед лицом надвигающегося конфликта, Антиох выдал одну из своих дочерей замуж за Птолемея, царя Египта, другую - за царя Каппадокии, третью - за царя Пергама, в то время как греческие города развлекались обещаниями и подарками. Он также был уверен в помощи этолийцев, которые начали интригу против римлян, как только Фламиний уехал. Тогда стала очевидна ошибка этого генерала, заключавшаяся в выводе гарнизонов из Греции, которая должна была стать театром военных действий.

Его приготовления к войне.

Антиох собрал армию и направился в Грецию, надеясь, что к нему присоединится Филипп, который, однако, предоставил все свои силы в распоряжение римлян. Ахейский союз также был тверд на стороне Рима. Посланные против него римские армии под командованием Манinia Ацилия Глабриона насчитывали сорок тысяч человек. Вместо того чтобы отступить перед этими превосходящими силами, Антиох укрепился в Фермопилах, но его армия была рассеяна, и он бежал в Халкиду, а оттуда отплыл в Эфес. Теперь война должна была переместиться в Азию.

Сципион в Азии.

Обе стороны в течение зимы энергично готовились к следующей кампании, и завоеватель Замы был выбран Римом для руководства своими армиями в Азии. Это был долгий и утомительный переход римских армий к Геллеспонту, который, однако, был преодолен без серьезных препятствий из-за неправильного управления Антиоха, который предложил условия мира, когда армия благополучно высадилась в Азии. Он предложил оплатить половину расходов на войну и передачу своих европейских владений, а также греческих городов Малой Азии, перешедших к римлянам. Но Сципион потребовал покрыть все расходы на войну и уступить Малую Азию. Эти условия были отвергнуты, и сирийский царь поспешил решить судьбу Азии в решающем сражении.

Поражение Антиоха. Сирия - римская провинция.

Это сражение произошло в Магнезии, в 190 году до н. э., недалеко от Смирны, в долине Херма. Силы Антиоха насчитывали восемьдесят тысяч человек, включая двенадцать тысяч кавалерии, но были недисциплинированными и неповоротливыми. Силы Сципиона были примерно вдвое меньше. Римляне добились полного успеха, потеряв всего двадцать четыре всадника и триста пехотинцев, тогда как потери Антиоха составили пятьдесят тысяч человек — победа столь же блестящая, как у Александра при Иссе. Малая Азия была сдана римлянам, и Антиох был вынужден заплатить три тысячи талантов (немногим более трех миллионов долларов) сразу и такую же контрибуцию в течение двенадцати лет, так что за ним не осталось ничего, кроме

Киликии. Его власть была полностью подорвана, и ему было запрещено вести агрессивную войну против государств Запада, или плавать по морю к западу от устья Каликадна в Киликии на вооруженных кораблях, или приручать слонов, или даже принимать политических беглецов. Провинция Сирия больше никогда не обращалась вторично к решению с оружием в руках — доказательство слабой организации царства Селевкидов.

Подчинение греческих городов.

Царь Каппадокии отделался штрафом в шестьсот талантов. Все греческие города, присоединившиеся к римлянам, получили подтверждение своих свобод. Этолийцы потеряли все города и территории, которые находились в руках их противников. Но Филипп и ахейцы были недовольны небольшой долей добычи, предоставленной им.

Смерть Ганнибала.

Таким образом, протекторат Рима теперь охватывал все государства от восточной до западной оконечности Средиземноморья. И примерно в это же время Рим был избавлен от последнего врага, которого он боялся, — бездомного и беглого карфагенянина, который прожил достаточно долго, чтобы увидеть покорение Запада, а также разгром армий Востока. В возрасте семидесяти шести лет он принял яд, увидев, что его дом наводнен убийцами. Пятьдесят лет он сдерживал клятву, данную в детстве. Примерно в то же время, когда он покончил с собой в Вифинии, Сципион, которого фортуна осыпала всеми своими почестями и успехами, который присоединил Испанию, Африку и Азию кимперии, умер в добровольном изгнании в возрасте немногим более пятидесяти лет, отдав приказ не хоронить его останки в городе, ради которого он жил и где покоились его предки. Он умер в горьком раздосадовании из-за выдвинутых против него ложных обвинений в коррупции и растрате, едва ли имея за собой какую-либо иную вину, кроме того чрезмерного высокомерия, которое обычно сопутствует беспрецедентному успеху и которое разъедает сердце, когда блеск процветания тускнеет со временем. Карьера и смерть обоих этих великих людей — величайших людей своего времени — впечатляюще демонстрируют тщету всего мирского величия и являются дополнительным подтверждением того факта, что последние годы жизни выдающихся людей, как правило, печальны и мрачны, и, несомненно, так и будет, если их жизнь не будет оживлена более возвышенным чувством, чем честолюбие.

Персей.

Филипп Македонский умер в 179 году до н.э. на пятьдесят девятом году своего совершеннолетия и сорок втором году своего правления, и его сын Персей унаследовал трон в возрасте тридцати одного года. Македония была скорее покорена, чем ослаблена римлянами, и после восемнадцати лет мира обновила свои ресурсы. Это королевство, как и весь эллинский мир, было раздражено иностранной властью Рима. Глубокое чувство недовольства существовало как в Азии, так и в Европе. Персей заключал союзы с недовольными городами — с византийцами, этолийцами и беотийцами. Но он так предусмотрительно вел свои интриги, что только на седьмой год его правления Рим объявил ему войну.

Ведет войну с Римом. Битва при Пидне.

Ресурсы Македонии все еще были значительными. Армия состояла из тридцати тысяч человек, не считая наемников или контингентов, и на складах было собрано большое количество

военных припасов. И сам Персей был монархом с большими способностями, обученным и дисциплинированным для войны. Он собрал армию в сорок три тысячи человек, в то время как все римские силы в Греции были едва ли больше. Красс руководил римской армией и в первом сражении при Оссе потерпел сокрушительное поражение. Затем Персей попросил мира, но римляне так и не заключили мира после поражения. Война продолжалась, но военный результат двух кампаний был нулевым, в то время как политический результат был позором для римлян. Третья кампания, проведенная Квинтом Марцием Филиппом, была столь же нерешительной, и если бы Персей захотел расстаться со своими деньгами, он мог бы заручиться помощью двадцати тысяч кельтов, которые доставили бы много хлопот. Наконец, на четвертый год войны римляне послали в Македонию Луция Эмилия Павла, сына консула, павшего при Каннах, — отличного и неподкупного полководца; шестидесятилетнего мужчину, сведущего в эллинской литературе и искусстве. Вскоре после своего прибытия в лагерь в Гераклее он устроил битву при Пидне, которая решила судьбу Македонии. Поражение македонцев было ужасающим. Двадцать тысяч были убиты и одиннадцать тысяч взяты в плен. Вся Македония покорилась за два дня, и царь бежал со своим золотом, около шести тысяч талантов, которые он накопил, в Самофракию в сопровождении всего нескольких сторонников. Персидский монарх мог бы оказать более эффективное сопротивление Александру, если бы он распределил свои сокровища среди греческих наемников. Таким образом, Персей мог бы продлить свое состязание, если бы нанял кельтов. Когда человек отчаянно борется за свою жизнь или свою корону, его сокровища имеют второстепенное значение. Вскоре после этого Персей был взят в плен римлянами со всеми своими сокровищами и умер несколько лет спустя в Альбе.

Его решающие результаты. Превосходство римлян в цивилизованном мире.

“Так погибла империя Александра, покорившая и эллинизовавшая Восток, через сто сорок четыре года после его смерти”. Македонское царство было вычеркнуто из списка государств, вся страна была разоружена, а крепость Деметрия стерта с лица земли. С Иллирией поступили подобным образом, и она стала римской провинцией. Все эллинские государства оказались в зависимости от Рима. Пергам был унижен. Родос был лишен всех владений на материковой земле, хотя родосцев это не обидело. Египет добровольно подчинился римскому протекторату, а вся империя Александра Македонского отошла к римскому содружеству. Всемирная империя римлян берет свое начало с битвы при Пидне — “последней битвы, в которой цивилизованное государство противостояло Риму на равных правах как великой державе”. Вся последующая борьба велась с варварами. Впоследствии Митридат Понтийский предпринял отчаянную попытку избавить восточный мир от владычества Рима, но битва при Пидне знаменует реальное превосходство римлян в цивилизованном мире. Моммзен утверждает, что это поверхностный взгляд, который видит в войнах римлян с племенами, городами и королями ненасытную жажду власти и богатства, и что только желание обеспечить полный суверенитет Италии, не тронутой врагами, было причиной римских войн в этот период — что римляне искренне выступали против включения Африки, Греции и Азии в черту протектората, пока обстоятельства не вынудили расширить эту черту — что, фактически, они были вовлечены во все свои великие войны, за исключением той, что касалась Сицилии. , даже те, что были связаны с Ганнибалом и Антиохом, либо прямой агрессией, либо нарушением устоявшихся политических отношений. “Политика Рима была политикой узколобого, но очень способного преднамеренного собрания, у которого было слишком мало возможностей для крупных комбинаций и слишком много инстинктивного стремления к сохранению своего собственного государства, чтобы разрабатывать проекты в

духе цезаря или Наполеона”. Древний мир также не знал баланса сил между нациями, и поэтому каждая нация стремилась подчинить своих соседей или сделать их бессильными, подобно греческим государствам. Если бы греки объединились для великого политического единства, они могли бы бросить вызов даже римской власти, или если бы они были готовы наблюдать рост равных государств без зависти, подобно современным нациям Европы, без разрушительных конфликтов, государства Спарта, Коринф и Афины могли бы вырасти одновременно, и, объединившись, были бы слишком могущественны, чтобы их можно было подчинить. Но они не понимали соотношения сил, и их распалила вражда соперников, и таким образом они уничтожили друг друга.

ГЛАВА XXXII.

ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

Мир между Карфагеном и Римом после второй Пунической войны длился пятьдесят лет, в течение которых карфагеняне не давали римлянам повода для недовольства. Наслаждаясь миром, Карфаген посвятил себя торговле и промышленным искусствам и стал очень богатым и густонаселенным. Одно только правительство было слабым из-за анархического господства народа, который был беззаконен и экстравагантен.

Причины третьей пунической войны.

Их возобновившиеся страдания можно отнести к Масиниссе, который был в тесном союзе с римлянами. Карфагеняне терпели все, лишь бы не вызывать враждебности Рима, который воспользовался первой возможностью, чтобы разорить их. Результатом того, что они смирились с политической деградацией, стали всеобщая трусость и деморализация.

Масинисса. Узурпация власти Масиниссы.

Масинисса, царь Нумидии, предъявил дерзкие претензии на финикийские поселения на побережье Византии, которыми карфагеняне владели с древнейших времен. Сципион был послан в Карфаген, чтобы уладить возникшее затруднение, в качестве третейского судьи, и обстоятельства были настолько обострены, что он не мог с какой-либо справедливостью принять решение в пользу царя, но отказался вынести вердикт, так что Масинисса и Карфаген должны были оставаться во враждебном состоянии. И поскольку Масинисса правил в течение пятидесяти лет после заключения мира, Карфаген подвергался постоянным нападениям. В конце концов между ними разразилась война. Масинисса был сильнее Карфагена, но город собрал значительную армию и отдал ее под командование Гасдрубала, который выступил против вероломного врага с пятьюдесятью тысячами наемников. Битва не была решающей, но Гасдрубал отступил, не обеспечив своего сообщения с Карфагеном. Его армия была отрезана, и он запросил условий мира, которые были высокомерно отвергнуты, а затем он дал заложников для поддержания мира и согласился выплатить пять тысяч талантов в течение пятидесяти лет и признать узурпацию власти Масиниссой. Римляне, вместо того чтобы урегулировать трудности,

тайно подстрекали Масиниссу. И римские уполномоченные направили в Сенат преувеличенные отчеты о ресурсах Карфагена. Римляне вынудили карфагенян уничтожить их древесину и материалы, которые у них были в изобилии для строительства нового флота. Тем не менее Сенат, контролировавший внешние сношения и превратившийся всего лишь в собрание королей, обладавший огромной властью, которую ему предоставляло правительство провинций, был преисполнен новой ревности. Катон никогда не произносил речи, не закончив ее словами: “Карфаген - это деленда”. Слепая ненависть одушевляла этого мстительного и ограниченного старого патриция, возглавлявшего партию с общепризнанной целью разрушения Карфагена. И в конце концов было решено уничтожить город.

Карфаген призван к ответу.

Римляне возложили на карфагенян ответственность за войну с Масиниссой и, не удовлетворившись унижением своей старой соперницы, нацелились на ее полное разорение, хотя она не нарушала никаких договоров. Карфагеняне с разбитым сердцем отправляли посольство за посольством, умоляя сенат сохранить мир, на что сенаторы давали двусмысленные ответы. Положение Карфагена было безнадежным и жалким — лишенный Масиниссой богатых городов Эмпории, он находился накануне очередного конфликта с владычицей мира.

Могущество Карфагена.

Если бы город был одушевлен духом, который стремился вселить в него Ганнибал, он все еще был бы способен к благородной обороне. Она правила более чем тремя сотнями ливийских городов с населением в семьсот тысяч человек. Она собрала двести тысяч единиц оружия и две тысячи катапульт. И у нее были средства для производства еще большего количества. Но, к сожалению, она по первому требованию римлян сдала эти средства обороны.

Война объявлена.

Наконец, в 149 году до н. э. Рим объявил войну — самую жестокую войну, в которой он когда-либо участвовал, - и Катон с удовлетворением увидел, что в возрасте восьмидесяти пяти лет его политика противоречила всем принципам справедливости и чести. Римская армия высадилась в Африке, не встретив сопротивления, и карфагеняне были достаточно слабы, чтобы сдать не только триста заложников из самых знатных семей, но и уже перечисленное оружие. Ничем, кроме безумного увлечения, нельзя объяснить эту жалкую уступку слабости силе, и все это из-за слепой уверенности в нежном милосердии безжалостного и беспринципного врага. Затем, когда город был беззащитен, заложники в руках римлян, и они почти у ворот, было хладнокровно объявлено, что по воле Сената город должен быть разрушен.

Отчаяние карфагенян.

Слишком поздно обреченный город приготовился дать последний бой неумолимому врагу. Самые сильные чувства ненависти и ярости, добавленные к чувствам отчаяния, в конце концов одушевили жителей Карфагена. Это была та же страсть, которая настроила Тир против Александра, а Иерусалим - против Тита. Это было дикое патриотическое безумие, не знавшее границ, вдохновленное инстинктом самосохранения и без всякого расчета на успех или неудачу. Поскольку падение города было неизбежно, мудрость могла бы посоветовать безоговорочное подчинение. О сопротивлении следовало подумать раньше. Фактически,

Карфагену не следовало уступать первому Африканцу. И когда она снова стала богатой и густонаселенной, ей следовало бросить вызов римлянам, когда был понят их настрой, — следовало более храбро защищаться от Масиниссы и сосредоточить все свои силы для последней битвы на своих собственных территориях. Но зачем нам строить такие предположения? Судьба Карфагена была predetermined волею судьбы. Это падение обладает всей таинственностью и торжественностью providentialного события, как падение всех империй, как поражение Дария Александром, как разорение Иерусалима, как исчезновение североамериканских индейцев, как окончательное ниспровержение самого “Вечного города”.

Город предпринимает отчаянные усилия. Гасдрубал.

Отчаяние города в его последнем сражении доказывает, однако, что при должной предусмотрительности и патриотизме его падение можно было бы отсрочить, поскольку римлянам потребовалось три года, чтобы покорить его. Обезоруженный город выдерживал нападение римлян в пять раз дольше, чем потребовалось Веспасиану и Титу для захвата Иерусалима. День и ночь город оглашался трудами мужчин и женщин над оружием и катапультами. Ежедневно производилось сто сорок щитов, триста мечей, пятьсот копий и тысяча метательных снарядов, и даже во время осады был построен флот из ста пятидесяти кораблей. Сухопутная сторона города была защищена тройной стеной, а скалы мыса Камаст и мыса Карфаген защищали его от всех нападений с моря, за исключением одной стороны, защищенной укрепленными гаванями и причалами. Гасдрубал с остатками своей армии все еще находился в поле боя и занял свою позицию в Нефесисе, на противоположном берегу Тунисского озера, чтобы досаждал осаждающим. Масинисса умер в возрасте девяноста лет, вскоре после начала военных действий.

Поражение римлян.

Первая атака на Карфаген провалилась, и армия консулов Цензорина и Мания Манилия была бы разбита вдребезги, если бы не резерв во главе с Сципионом Эмилианом, внуком Африкана, который в то время занимал пост военного трибуна. Он также совершил много доблестных поступков, когда Цензорин удалился в Рим, оставив армию в руках своего некомпетентного коллеги.

Рим испытывал отвращение.

Вторая кампания под командованием Л. Кальпурния Физо и Л. Манцина была столь же безуспешной. Медленный ход войны вызвал удивление во всем мире. Напряженность кампании была невыносима для гордого духа римлян, которые никогда и не мечтали о таком сопротивлении. Затем взоры римлян обратились к молодому герою, который единственный до сих пор отличился. Хотя он еще не достиг нужного возраста, его выбрали консулом, и за ним закрепили провинцию Африка. Он плавал со своими друзьями Полибием и Лелием. Он ни в коем случае не был равен старшему Сципиону, хотя и был способным полководцем и образованным человеком. Он был напыщенным, завистливым и гордым, и обладал скорее образованием, чем гениальностью.

Ошибка Манцина.

Когда он прибыл в Утику, он обнаружил, что кампания 147 года до н.э. началась таким образом, что его прибытие спасло от великой катастрофы. Адмирал Манцин попытался атаковать

незащищенный квартал, но отчаянная вылазка осажденных подвергла его неминуемой опасности, и он почувствовал облегчение только благодаря своевременному прибытию Сципиона.

Осада Карфагена.

Затем новый генерал продолжил осаду с новой энергией. Его штаб располагался на перешейке, соединяющем Карфагенский полуостров с материковой частью, откуда он атаковал пригород под названием Мегара, захватил его и запер карфагенян в старом городе и портах. Гарнизон пригорода и армия Гасдрубала отступили за городские укрепления. Карфагенский вождь, чтобы отрезать пути к отступлению, подвергал нечеловеческому варварству и пыткам всех римских пленников, которых они взяли. Тем временем Сципион, окопавшись и укрепившись в пригороде, перерезал все коммуникации между городом и материком параллельными траншеями длиной в три мили, протянутыми через весь перешеек. Поскольку сообщение с морем, по которому осажденные получали припасы, все еще было открыто, порт был перекрыт каменным молом шириной девяносто шесть футов. Осажденные работали день и ночь, прокладывая новый канал к морю, и, если бы они знали, как использовать свои возможности, могли бы с помощью нового флота, который они построили, уничтожить флот своих врагов, неподготовленных к боевым действиям.

Сципион, начальник портов.

Теперь Сципион решил стать хозяином портов, которые были отделены от моря причалами и слабой стеной. Его тараны были немедленно уничтожены карфагенянами. Затем он построил стену или вал на набережной высотой с городскую стену и разместил на ней четыре тысячи человек, чтобы преследовать осажденных. Когда начались зимние дожди, сделавшие его лагерь нездоровым, а город теперь был плотно окружен с моря и суши, он обратил свое внимание на укрепленный лагерь врага в Нефесисе, который был взят штурмом, и семьдесят тысяч человек были преданы мечу. Карфагенская армия была уничтожена.

Атака цитадели. Захват и разрушение Карфагена.

Тем временем в осажденном городе свирепствовал голод, а Гасдрубал не сдавался. Атака на рыночную площадь под предводительством Лелия дала римлянам плацдарм в городе и большое количество добычи. Из храма Аполлона была похищена тысяча талантов. Затем были сделаны приготовления к штурму цитадели, и в течение шести дней между воюющими сторонами шли рукопашные бои на узких улочках, ведущих к Бирсе. Высокие восточные дома брали один за другим и сжигали, а улицы были завалены мертвецами. Несчастные люди, столпившиеся в цитадели, уверенные теперь в разрушении, послали депутацию к Сципиону с просьбой спасти жизни тех, кто искал убежища в Бирсе. Просьба была удовлетворена для всех, кроме римских дезертиров. Но из огромного населения в семьсот тысяч человек только тридцать тысяч мужчин и двадцать пять тысяч женщин вышли из горящих руин. Гасдрубал и триста римских дезертиров, уверенные, что пощады не будет, удалились в храм Эскулапа, сердце цитадели. Но карфагенянин, сочетавший малодушие с жестокостью, как только обнаружил, что храм охвачен огнем, выбежал в присутствии Сципиона с оливковой ветвью в руках и униженно умолял сохранить ему жизнь, которую Сципион даровал, после того как пал ниц у его ног на глазах у своих сторонников, осыпавших его самыми горькими проклятиями. Жена Гасдрубала, покинутая презренным негодяем, призвала проклятия богов на человека,

который предал свою страну и в конце концов бросил свою семью. Затем она перерезала горло своим детям и бросила их в огонь, а затем прыгнула в него сама. Римские дезертиры погибли таким же образом. Город был отдан на разграбление, жители, которым сохранили жизни, были проданы в рабство, а золото и произведения искусства были перевезены в Рим и размещены в храмах.

Ее ужасная судьба. Карфаген полностью разрушен.

Такова была судьба Карфагена — приговор настолько ужасный, что мы не можем не чувствовать, что он был послан как наказание за преступления, которые давно взывали к Небесам об отмщении. Карфаген всегда был в высшей степени порочным городом. Все роскошные и богатые столицы древних времен были порочными, особенно восточные города, поскольку Карфаген, хотя и не технически, был основан финикийцами и поклонялся богам Тира и Сидона. Римский сенат постановил, что не только город, но даже виллы знати в пригороде Мегары должны быть сровнены с землей, а лемех плуга должен быть вогнан в землю, обреченную на вечное запустение и проклятие тому человеку, который осмелится возделывать ее или строить на ней. Четырнадцать дней в этом некогда густонаселенном и богатом городе бушевали пожары, и разрушения были полными, 146 г. до н.э. г. до н.э. Столь глубоко укоренилась ненависть римлян к соперникам или государствам, которые когда-то были соперниками; столь ужасным было наказание нечестивого города, в котором Сципион стал орудием не только римлян, но и Божественного провидения.

Судьба крупных коммерческих столиц.

Все великие города древности, которые были средоточием роскоши и гордости, теперь были полностью разрушены — Ниневия, Вавилон, Тир и Карфаген. Коринф уже был разграблен Муммием, Иерусалим должен был достаться Титу, а сам Рим в конце концов должен был понести еще более суровое наказание от рук готов и вандалов. Итак, Провидение движется дальше в своей таинственной силе, чтобы свести на нет величие и мощь мятежных народов, непокорных тем могущественным моральным законам, которые столь же неумолимы, как законы природы.

Территория на побережье Зевгитаны и Византии, составлявшая последнее владение Карфагена, была преобразована в провинцию Африка, и богатая равнина этой плодородной провинции стала более важной для Рима с точки зрения поставок зерна, чем даже Сицилия, которая была житницей Рима.

Сципион торжествует победу.

Сципион вернулся в Рим и наслаждался триумфом, более великолепным, чем великий африканский. Он также дожил до очередного триумфа за блестящие успехи в Испании, которые еще предстоит перечислить, но также был обречен потерять свою популярность и погибнуть от кинжала наемных убийц.

Изменение римских нравов.

Теперь Рим приобрел неоспоримое господство над цивилизованным миром, а вместе с ним и пороки покоренных им народов. За этими блестящими завоеваниями последовал значительный упадок римской морали. Произошли большие внутренние перемены. Старое различие между патрициями и плебеями исчезло, и возникла новая знать, состоящая из богатых людей и тех,

чь предки занимали курульные должности. Они владели Сенатом и контролировали Центуриатные комиции благодаря прерогативному голосованию центурий всадников. Вырос низменный сброд, которого правительство кормило зерном и маслом и развлекало играми и зрелищами. Старая республиканская аристократия была вытеснена семейной олигархией. Огромные богатства, хлынувшие в Рим из завоеванных стран, создали непропорционально большие состояния. Голоса народа покупались богатыми кандидатами в пользу народа. Суеверия Востока были перенесены в столицу мира, и упадок веры был столь же заметен, как и упадок добродетели. Халдейские астрологи были рассеяны по Италии, и в Риме поклонялись богам всех покоренных народов земли. Узы общества были разорваны, и государство было подготовлено к гражданским войнам, которые оказались даже более разрушительными, чем иностранные.

ГЛАВА XXXIII.

РИМСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ОТ ПАДЕНИЯ КАРФАГЕНА ДО ВРЕМЕН ГРАКХОВ.

Хотя римское господство в настоящее время в той или иной форме распространилось на большинство стран Средиземноморья, все еще оставалось покорить несколько государств на Востоке и Западе.

Первым заслуживает внимания покорение Испании, начавшееся до окончания третьей Пунической войны, на которое я не обратил внимания ради ясности связи.

После войны с Ганнибалом мы видели, как Рим разместил свои армии в Испании и добавил две провинции к своей империи. Но различные племена были далеки от покорения, и Испания была населена разными расами.

Испанский полуостров.

Этот огромный полуостров, ограниченный на севере Кантабрийским океаном, ныне называемым Бискайским заливом, и Пиренеями, на востоке и юге Средиземным морем, а на западе Атлантическим океаном, греки называли Иберией от реки Иберус, или Эбро. Термин Испания произошел от финикийцев, которые основали колонии на южных берегах. Затем карфагеняне вторглись в нее и основали несколько городов, главным из которых был Новый Карфаген. В конце второй Пунической войны он был отнят у них римлянами, которые разделили его на две провинции, Центральную и Заднюю. Во времена Августа Дальняя Испания была разделена на две провинции, называемые Лузитанией и Бетикой, в то время как Центральная провинция, гораздо более крупная, занимающая весь север страны от Атлантики до Средиземного моря, называлась Танагона. Он включал в себя три пятых территории полуострова, или около ста семи тысяч трехсот квадратных миль. Она охватывала современные провинции Каталония, Арагон, Наварра, Бискайя, Астурия, Галисия, Северный Леон, старая и новая Кастилия, Мурсия и Валентия, а также часть Португалии. Батика почти соответствовала

Андалусии и охватывала Гранаду, Хаэн, Кордову, Севилью и половину испанской Эстремадуры. Лузитания почти соответствует Португалии.

География Испании.

Танаконевсис был населен многочисленными племенами, а главными древними городами были Барселона, метрополия Танагона, Пампелуна, Порту, Нумантия, Сагунт, Сарагоса и Картахена. В Бетике были Кордова, Кастилия, Гадес и Севилья. В Лузитании были Олисипо (Лиссабон) и Саламанка.

Война с испанцами.

Среди жителей этих различных провинций были иберы, кельты, финикийцы и эллины. В 154 году до н.э. лузитанцы под командованием вождя по имени Пуник вторглись на римскую территорию, которую завоевал Сципион старший, и победили двух римских наместников. Затем римляне послали консульскую армию под командованием К. Фульвия Нобилиора, которая в конечном итоге была разбита лузитанцами под командованием Цезаря. Этот успех разожг пламя войны повсюду, и кельтиберийцы присоединились к войне против римских захватчиков. И снова римляне потерпели поражение с тяжелыми потерями. Затем сенат направил значительные подкрепления под руководством Клавдия Марцелла, который вскоре изменил положение дел. Народ ареваков сдался римлянам — народу, жившему на берегах реки Дарий, недалеко от Нуманции, — и их западные соседи, вакки, также были покорены и с ними варварски расправились. С началом третьей Пунической войны дела Испании были переданы обычным губернаторам, и произошло новое восстание лузитанцев. Вириат, испанский вождь, одержал сокрушительную победу над римлянами и был признан королем всех лузитаний. Он отличался не только храбростью, но и воздержанностью и искусством и был своего рода гомеровским героем, чье имя и подвиги гремели по всему полуострову. Он одержал великие победы над римскими полководцами и уничтожил их армии. Генерал за генералом терпели последовательные поражения. В течение пяти лет этот доблестный испанец сдерживал всю римскую мощь, и он был уничтожен только предательством.

Бесславная война.

В то время как лузитанцы на Юге, таким образом, одерживали верх над римскими армиями на берегах Тежу, на Севере разразилась другая война между кельтиберскими аборигенами. Против этих людей был послан консул Квинт Цецилий Метелл. Он проявил большие способности и за два года подчинил себе всю северную провинцию, за исключением двух городов Термантии и Нумантии. Эти города, уставшие наконец от войны, согласились подчиниться римлянам и выдали заложников и дезертиров за определенную сумму денег. Но Сенат, следуя своей обычной политике, отказался подтвердить договор своего генерала, что привело нумантинцев в негодование и отчаяние. Эти храбрые люди добились успехов в сражениях с римским полководцем Леном и его преемниками, Манцином и Эмилием Лепидами, а также Филом и Пизоном.

Scipio.

Римляне, очнувшиеся наконец от этой бесславной войны, длившейся почти десять лет, решили любой ценой взять нумантинский город и поручили это дело Сципиону Эмилиану, своему лучшему полководцу. Лето (134 г. до н.э.) он провел в обширных приготовлениях, и только зимой

он собрал свою армию у стен Нумантии, которую защищали всего восемь тысяч горожан. Сципион даже отказался от сражения и сражался мотыгой и лопатой. Двойная стена, увенчанная башнями, была построена вокруг города и закрывала доступ к нему со стороны Дору, через которую осажденные получали провизию. Город выдержал памятную осаду, длившуюся почти год, и был ослаблен только голодом. Жители были проданы в рабство, а город сравнивали с землей. Падение этой крепости подрывало сопротивление Риму, и в Испанию была направлена сенаторская комиссия, чтобы вместе со Сципионом организовать недавно завоеванные территории, которые с тех пор стали страной с наилучшим управлением из всех провинций Рима.

Трудности в азиатских провинциях.

Но более серьезные трудности существовали с африканскими, греческими и азиатскими государствами, попавшими под влияние римской гегемонии, которая не была ни формальным суверенитетом, ни фактическим подчинением. Государства-клиенты не имели ни независимости, ни мира. Тем не менее, Сенат постоянно вмешивался в ход африканских, эллинских, азиатских и египетских дел. Уполномоченные постоянно направлялись в Александрию, на ахейский сейм и ко дворам азиатских князей, а римское правительство лишало народы благ свободы и порядка.

Провинция Африка.

Пришло время положить конец такому положению вещей, и единственным способом сделать это было превратить государства-клиенты в римские провинции. После разрушения Карфагена дети Масиниссы фактически сохранили свои прежние территории, но им не разрешили сделать Карфаген своей столицей. Ее территории стали римской провинцией, столицей которой была Утика.

Македонская война.

Македония также исчезла, как и Карфаген, из рядов наций. Но четыре небольших государства, на которые было разделено королевство, не могли жить в мире. Ни римские уполномоченные, ни иностранные арбитры не смогли восстановить порядок. Во время этого кризиса во Фракии появился молодой человек, который называл себя сыном Персея. Этот псевдо-Филипп, ибо таково было его имя, поразительно походил на сына Персея. Не сумев добиться признания в своей родной стране, он отправился к Деметрию Сотору, царю Сирии. Через него он был отправлен в Рим. Сенат придал этому человеку так мало значения, что его оставили под плохой охраной в итальянском городе, а сам он бежал в Милет. Снова арестованный и снова попытавшийся бежать, он отправился во Фракию и добился признания у Тереса, вождя фракийских варваров. При его поддержке он вторгся в Македонию и добился нескольких успехов над македонским ополчением. Римский комиссар Назика, оставшийся без войск, был вынужден призвать к себе на помощь ахейских и пергаменских солдат, пока их не защитил римский легион под командованием претора Ювентия. Ювентий был убит самозванцем, а его армия разбита вдребезги. И только когда появились более сильные римские войска под командованием Квинта Цецилия Метелла, он был покорен. Четыре государства, на которые была разделена Македония, были теперь преобразованы в римскую провинцию, в 148 году до н.э., и Македония стала не объединенным королевством, а объединенной провинцией, почти в прежних границах.

Защита эллинской цивилизации теперь легла на плечи римлян, но не проводилась достаточными силами или с подобающей энергией, и поэтому мелкие государства подверглись социальной дезорганизации, а греки, очевидно, стремились поссориться с Римом.

Падение Коринфа.

Отсюда Ахейская война, 149 г. до н. э.. Большого исторического значения она не имеет. Она была начата при Метелле и продолжена при Муммий, который усмирил шумные воюющие стороны и вступил в Коринф, очаг восстания и первый торговый город Греции. По приказу Сената граждане Коринфа были проданы в рабство, укрепления города сровняли с землей, а сам город был разграблен. Мнимый суверенитет лиг был отменен, и все остатки греческой свободы бежали.

Малая Азия.

В Малой Азии, после изгнания Селевкидов, Пергам стал первой державой. Но даже это Государство не избежало зависти римлян, и при Аттале III. дом Атталидов вымер.

Война в Азии.

Однако он завещал свое королевство римлянам, и его завещание разожгло гражданскую войну. Аристоник, внебрачный сын Эвмена II, появился в Лекуе, небольшом морском порту недалеко от Смирны, в качестве претендента на корону. Он потерпел поражение от эфесян, которые видели необходимость защиты и дружбы римского правительства. Но он снова появился с новыми войсками, и борьба была серьезной, поскольку римских войск в Азии не было. Но в 131 году до н.э. была послана римская армия под командованием консула Публия Лициния Красса Муциана, одного из богатейших людей Рима, известного оратора и юриста. Этот выдающийся полководец собирался осадить Левкию, когда был застигнут врасплох, взят в плен и предан смерти. Его преемнику Марку Перпену повезло в войне, и претендент был взят в плен и казнен в Риме. Остальные города покорились завоевателю, и Малая Азия стала римской провинцией.

Сирия.

В других государствах римляне ставили королей по своему выбору. В Сирии Антиох Евпатр был признан вопреки притязаниям Деметрия Сотора, который в то время был заложником в Риме. Но он ухитрился сбежать и захватил власть в королевстве своих предков. Но, по-видимому, римляне в этот период не проявляли особого интереса к делам отдаленных азиатских государств, и постановлениями Сената часто безнаказанно пренебрегали. Произошла мощная реакция Востока против Запада, и при Митридате возобновившаяся борьба снова придала достоинство восточным царствам, которые не поднимали головы со времен завоеваний Александра. Эта достопамятная борьба будет упомянута в соответствующем месте. Это была трудная проблема, с которой столкнулся Рим, когда взялся управлять азиатским миром. Завоевывать было легко; править было трудно, когда вырождение и роскошь стали пороками самих римлян. Теперь нам предстоит проследить те внутренние раздоры и гражданские войны, которые указывают на закат Римской республики. Но прежде чем мы опишем эти войны, мы сделаем краткий обзор социальных и политических изменений в Риме в этот период.

ГЛАВА XXXIV.

РИМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КОНЦЕ ТРЕТЬЕЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ПАДЕНИИ ГРЕЦИИ.

Владычество Рима.

Теперь Рим был непревзойденной владычицей мира. Она покорила все цивилизованные государства Средиземноморья или установила над ними протекторат. Она не боялась внешних врагов. Ее империя была основана.

Прежде чем мы перейдем к описанию последующих завоеваний или внутренних революций, было бы неплохо взглянуть на политическую и социальную структуру государства, какой она была за двести лет до христианской эры, а также на прогресс, достигнутый в литературе и искусстве.

Возникновение новой знати. Римская знать.

Одной из наиболее заметных черт Римского государства в этот период был подъем новой знати. Патриции, когда они утратили исключительный контроль над правительством, не перестали быть могущественной аристократией. Но в пятом веке существования города возник другой класс знати, разделивший их власть, — те, кто занимал курульные должности и был членами сената. Их потомки, как плебеи, так и патриции, имели привилегию размещать восковые изображения своих предков в семейном зале и нести их в похоронных процессиях. Они также носили пурпурную полосу на тунике и золотое кольцо на пальце. Это были незначительные знаки отличия ранга, но все же это были эмблемы и знаки, которыми отличалась знать. Плебейские семьи, облагороженные своими курульными предками, были объединены в одно целое с патрицианскими семьями и стали своего рода потомственной знатью. Эта группа привилегированных семей действительно обладала политической властью в государстве. Сенат состоял из их членов и был опорой римской знати. Эквиты, или всаднический орден, также состояли из патрициев и богатых плебеев. Благородные юноши постепенно отказались от службы впехоте, и легионерская кавалерия превратилась в закрытый аристократический корпус. Знать не только обладала сенаторскими привилегиями и числилась среди всадников, но и занимала отдельные от народа места на играх и в театрах. Цензура также стала опорой стабильности аристократического класса.

Ведущие семьи.

Мы имеем некоторое представление о влиянии аристократии из семей, занимавших высшие государственные посты. На протяжении трех столетий консулы избирались в основном из влиятельных семей. Род Корнелиев назначил пятнадцать консулов за сто двенадцать лет, а род Валериев — десять. И, что еще более примечательно, за последующие сто пятьдесят лет эти две семьи собрали почти столько же мебели. За сто двенадцать лет пятнадцать семей дали

государству семьдесят консулов: Корнелии - пятнадцать; Валерии - десять; Клавдии - четыре; Эмилии - девять; Фабии - шесть; Манилии - четыре; Постумии - два; Сервилии - три; Сульпиции - шесть; а также примерно столько же в последующие сто пятьдесят лет, показывая тем самым, что старые семьи, будь то патриции или плебеи, долгое время оставались в поле зрения и монополизировали политическую власть. Это также проявилось в том, что молодые люди этих рангов занимали высокие должности до достижения ими законного возраста. М. Валерий Корвус был консулом в двадцать три года, Сципион - в тридцать, а Фламиний - в двадцать девять.

Губернаторы провинций.

Контроль Рима над завоеванными провинциями ввел новый класс магистратов, избираемых Сенатом из аристократических кругов. Это были губернаторы провинций, или преторы, которые обладали огромной властью и которые иногда появлялись во всей пышности королей. Они жили в древних королевских дворцах и имели большие возможности для накопления состояний. Губернаторов также нельзя было привлечь к ответственности до истечения срока их полномочий, что случалось редко. Губернаторы были фактически суверенами, пока оставались у власти, — сатрапами, которые устанавливали легализованную тиранию за границей и возвращались домой высокомерными и привыкшими к лестному обращению — классом людей, которые оказались опасными для старых институтов, тех, которые признавали равенство внутри аристократии и подчинение власти коллегии сенаторов.

Упадок горожан. Общественные увеселения.

Горожане, или горожане, до этого периода были очень уважаемым народом, патриотичным и проникательным. Они занимали главным образом Лаций, часть Кампании, и приморские колонии. Но постепенно толпа клиентов выросла на равных правах с этими независимыми гражданами. Эти клиенты, по мере того как аристократия увеличивала свое богатство и власть, становились паразитами и попрошайками, подрывали общественный класс и контролировали Комитии. Этот класс быстро увеличивался и требовал игр, фестивалей и дешевого хлеба, поскольку кукурузу раздавали им те, кто хотел завоевать их расположение на выборах, причем дешевле, чем это стоило. Следовательно, фестивали и народные развлечения быстро стали неотъемлемой частью времени. В течение пятисот лет люди довольствовались одним фестивалем в год и одним цирком. Фламиниус добавил еще один фестиваль и еще один цирк. В 550 году основания города было проведено пять фестивалей. Кандидаты на должность консула тратили большие суммы на эти игры, великолепие которых стало стандартом, по которому избирательный орган оценивал физическую форму кандидатов. Гладиаторское шоу стоило семьсот двадцать тысяч сестерциев, или тридцать шесть тысяч долларов.

Упадок военного спорта. Различия в обществе.

И коррупция распространилась и на армию. Старое городское ополчение удовлетворялось возвращением домой с каким-нибудь пустяковым подарком в память о победе, но войска Сципиона и ветераны Македонской и азиатской войн вернулись обогащенными добычей. Упадок воинственного духа наблюдался с тех пор, как горожане превратили войну в торговлю награбленным. Также возникла большая страсть к титулам и знакам отличия, которые появлялись в различных формах, особенно к почестям триумфа, первоначально предоставлявшимся только верховному должностному лицу, значительно увеличившему

могущество государства. Статуи и монументы часто возводились за счет человека, которого они якобы чтили. И, наконец, кольцо, мантия и футляр для амулетов отличали не только горожан от иностранцев и рабов, но и человека, родившегося свободным, от того, кто был рабом, сына свободнорожденного от сына освобожденного, сына рыцаря от простого горожанина, потомка курульного дома от простых сенаторов. Эти различия в ранге шли в ногу с расширением завоеваний, пока, наконец, не сложилась такая же полная сеть аристократических различий, как в Англии в наши дни.

Катон.

Все эти различия и перемены вызывали горькое сожаление Марка Порция Катона - последнего великого государственного деятеля старой школы - подлинного римлянина античного образца. Он также питал отвращение к планам вселенской империи. Он был патрицием, выросшим за плугом и влюбленным в свою сабинскую ферму. Тем не менее, он дослужился до консульства и даже до цензуры. Он служил на войне под командованием Марцелла, Фабия и Сципиона и проявил большие способности как солдат. Он отличался как на форуме, так и в лагере и на поле боя смелой речью, острым умом и большим знанием римских законов. Он был самым влиятельным политическим оратором своего времени. Он был узок в своих политических взглядах, консервативен, аскетичен и прямолинейен; враг всякой коррупции и злодейства, а также гениальности, культуры и инноваций. Он был защитником римского фермера, простым, невзрачным человеком, презираемым правящей знатью, но бесстрашным в разоблачении коррупции с любой стороны и непримиримо враждовавшим с аристократическими кругами, такими как Сципионы и Фламинии. Его публично обвиняли двадцать четыре раза, но фермеры всегда поддерживали его, несмотря на противодействие знати. Будучи цензором, он вычеркнул имя брата Фламиния из списка сенаторов, а брата Сципиона - из списка всадников. Он предпринял энергичную реформу, но поток коррупции удалось остановить лишь на некоторое время. Эффект от законов о роскоши, которые были приняты под его влиянием, был временным и неудовлетворительным. Ни одно законодательство не доказало своей эффективности против глубоко укоренившегося разложения морали, поскольку законов будут избегать, даже если им не будут пренебрегать. Напрасно было красноречие жесткого, деспотичного, ограниченного, житейски мудрого, но патристичного и сурового старого цензора. Эпоха греческой культуры, богатства, банкетов, дворцов, игр, женственных манер началась с завоевания Греции и Азии. Разделение общества усилилось, и семена роскоши и гордыни должны были привести к насилию и разложению.

Политические перемены. Восстание демагогов.

В это время все же произошли некоторые политические изменения. Центуриатная комиссия была реконструирована. Всадники больше не голосовали первыми. Пять классов получили равное количество голосов, и вольноотпущенники были поставлены в равные условия со свободнорожденными. Так завершился длительный конфликт между патрициями и плебеями. Но хотя право первенства при голосовании было отнято у всадников, все же патрицианский орден был достаточно силен, чтобы часто замещать второе консульство и вторую цензуру, которые были открыты как для патрициев, так и для плебеев, людьми их собственного сословия. В это время должность диктатора отошла на второй план и была практически упразднена; священники избирались всей общиной; общественные собрания вмещались в управление общественной собственностью — исключительной прерогативой Сената в прежние времена - и

таким образом переводили общественные владения в свой карман. Это были изменения, которые свидетельствовали скорее о дезорганизации правительства, чем о здоровых реформах. К этому периоду мы относим расцвет демагогов, поскольку меньшинство в Сенате имело право апеллировать к Комициям, что открыло богатым или популярным людям возможность препятствовать самым мудрым действиям и выбирать некомпетентных магистратов и генералов. Даже Публий Сципион не отличался большим высокомерием и охотой за титулом, чем армией клиентов, которых он поддерживал, и благосклонностью, которой он добивался как у легионов, так и у народа, щедро снабжая его зерном.

Сельское хозяйство. Рабы. Мелкие фермеры.

В этот период сельское хозяйство достигло значительного совершенства, но Катон заявил, что его модная ферма не приносит прибыли. Выращивали инжир, яблоки, груши, а также оливки и виноград — тоже тенистые деревья. Разведение крупного рогатого скота не имело большого значения, поскольку люди питались в основном овощами, фруктами и кукурузой. Крупный рогатый скот содержался только для обработки почвы. Широко использовалась домашняя птица и голуби, которых держали во дворе фермы. Также были распространены пруды с рыбой и заячьи консервы. Труд на полях выполнялся быками и осликами для перевозки грузов и вращения мельниц. Человеческий труд на фермах выполняли рабы. Виноградники требовали больших затрат труда, чем обычная обработка почвы. Поместье в сто джугер с виноградными плантациями требовало одного пахаря, одиннадцати рабов и двух пастухов. Рабы не разводились в поместье, а были куплены. Они жили в хозяйственных постройках, среди скота и продуктов. Для хозяина был построен отдельный дом. О рабах заботился управляющий. Стюардесса заботилась о выпечке и приготовлении пищи, и у всех были одинаковые блюда, приготовленные из продуктов фермы, на которой они жили. В управлении этими поместьями царила большая беспринципность. Рабы и крупный рогатый скот были размещены на одном уровне, и обоих кормили до тех пор, пока они могли работать, и продавали, когда они становились нетрудоспособными по возрасту или болезни. У раба не было развлечений или отпусков. Он проводил время между работой и сном. И если мы вспомним, что эти рабы были как белыми, так и черными, и когда-то были свободными, их условия были тяжелыми и бесчеловечными. Никакое рабство негров никогда не было таким жестоким, как рабство у римлян. На управляющего возлагались большие труды и ответственность. Он первым вставал утром и последним ложился спать ночью; но он не был обречен на постоянный труд, как рабы, которыми он руководил. У него также было мало удовольствий, и он был подобоострастен землевладельцу, который не выполнял никакой работы, за исключением более ранних эпох. Мелкий фермер работал сам с рабами и своими детьми. Он чаще выращивал цветы и овощи для римского рынка. Скотоводство практиковалось в больших масштабах, и требовалось не менее восьмисот югерцев. В таких поместьях разводили лошадей, быков, мулов и ослов, а также стада свиней и коз. Разведение овец было объектом большого внимания и интереса, поскольку вся одежда была сделана из шерсти. Рабы-пастухи жили под открытым небом, вдали от человеческого жилья, под навесами и овчарнями.

Упадок сельского хозяйства. Фермеры приносили жертвы городскому населению.

Цены на все продукты были очень низкими по сравнению с нынешними, и отчасти это объяснялось огромным количеством зерна и других продуктов, поставляемых жителями провинций римскому правительству, иногда безвозмездно. Армии содержались за счет

кукурузы трансмарин. Правительство регулировало цены. Во времена Сципиона африканская пшеница продавалась всего за двенадцать асов за шесть модий (полтора бушеля) - около шести пенсов. Когда-то по этой цене было продано двести сорок тысяч бушелей сицилийского зерна. Рост демагогии способствовал таким распределениям, которые удерживали цены на низком уровне, так что фермеры получали лишь небольшое вознаграждение за труд, что, конечно, делало положение рабочих ненамного выше положения скота: когда жители столицы платили всего шесть пенсов стерлингов за полтора бушеля пшеницы, или сто восемьдесят фунтов сушеного инжира, или шестьдесят фунтов масла, или семьдесят два фунта мяса, или четыре с половиной галлона вина, продаваемого всего за пять пенсов, или три пятых динария. Во времена Полибия с путешественника брали за еду и ночлег в гостинице всего около двух фартингов в день, а бушель пшеницы продавался за четыре пенса. При таких ценах рынок сбыта для фермера был очень мал. Сицилия и Сардиния были настоящими житницами Рима. Таким образом, все интересы страны были принесены в жертву непродуктивному населению города. Таков был золотой век республики — состояние крайней нищеты и лишений среди производительных классов и праздности среди римского народа — состояние общества, которое могло привести лишь к гибели. Фермеры, не получая существенной прибыли, теряли энергию и дух и приходили в упадок. Их поместья перешли в руки крупных собственников, владевших огромным количеством рабов. Сами они разорились и опустились до уровня низшего класса. Выращиванием зерновых в Италии постепенно пренебрегли, и внимание уделялось главным образом виноградным лозам, оливкам и шерсти. Разведение крупного рогатого скота стало более прибыльным занятием, чем обработка почвы, и небольшие фермы были поглощены крупными поместьями.

Деньги.

Денежные операции римлян были чрезвычайно заметны. Ни одна отрасль коммерческой промышленности не преследовалась с таким рвением, как ростовщичество. Банкиры Рима представляли собой большой класс и, как правило, были богаты. Они спекулировали зерном и всеми продуктами. Ростовщичеством не брезговали даже вельможи. Ростовщичество стало мощной системой, и все законы действовали в пользу капиталистов.

Промышленное искусство отставало от ростовщических расчетов, и ремесла были сосредоточены в столице. Механическим мастерством пренебрегали во всех сельских округах.

Деловые операции.

Деловые операции обычно проводились рабами. Даже ростовщики и банкиры использовали их. Каждый, кто брал контракты на строительство, покупал рабов-архитекторов. Каждый, кто поставлял зрелища, покупал группу крепостных, сведущих в искусстве боя. Торговцы ввозили товары на судах, управляемых рабами. Рудники обрабатывались рабами. Мануфактурами руководили рабы. Повсюду были рабы.

Огромные состояния.

В то время как фермер получал всего четыре пенса за бушель своей пшеницы, пенни за галлон своего вина и пять пенсов за шестьдесят фунтов масла, капиталисты с центром в Риме обладали состояниями, совершенно непропорциональными тем, которые можно увидеть в современных столицах. Паулюс не считался богатым для сенатора, но его состояние оценивалось в шестьдесят талантов, почти в 15 000 фунтов стерлингов, или 75 000 долларов. Другими словами,

ежедневный процент с его капитала составлял пятнадцать долларов, достаточных для покупки ста восьмидесяти бушелей пшеницы — столько, сколько фермер мог собрать за год на восьми югерах - ферме размером с ферму Цинцинната. Каждая из дочерей Сципиона получила в качестве приданого по пятьдесят талантов, или 60 000 долларов. Стоимость этой суммы в наших деньгах, измеряемая по шкале пшеницы, или масла, или вина — если допустить, что пшеница сейчас стоит пять шиллингов стерлингов за бушель — по сравнению с пятью пенсами в те времена, сделала бы золото в двенадцать раз более ценным тогда, чем сейчас. И поэтому Сципион оставил каждой из своих дочерей сумму, равную 720 000 долларам наших денег. Если оценить состояние римлянина по ценам, взимаемым в гостинице за день, то пенни тогда стоил бы больше, чем доллар сейчас. Но я думаю, что золото и серебро во времена Сципиона стоили примерно столько же, сколько в Англии во времена Генриха VII, примерно в двадцать раз больше нашего нынешнего стандарта.

Богатые были в фаворе.

Каждый закон в Риме имел тенденцию действовать в интересах кредитора и к огромному накоплению собственности, ибо правительство, находившееся в руках богатых, как в Англии столетие назад и во Франции до революции, благоприятствовало богатым за счет бедных. В Риме стало позорным заниматься физическим трудом, и стена отделяла трудящиеся классы от капиталистов, которую невозможно было преодолеть. Промышленное искусство занимало самое низкое место в масштабе труда и находилось в руках рабов. Оборот денег и распределение доходов составляли основу и оплот римской экономики. Свободное население Италии сократилось, в то время как город Рим увеличился. Потери были восполнены рабами. В 502 году основания города римское население Италии насчитывало двести девяносто восемь тысяч человек, способных носить оружие. Пятьдесят лет спустя их число составляло всего двести четырнадцать тысяч. Нация заметно уменьшилась, и сообщество разделилось на хозяев и рабов. И на этот упадок граждан и увеличение числа рабов смотрели с безразличием, ибо гордыня, жестокость и бессердечие были характерными чертами высших классов.

Непомерные цены на предметы роскоши.

С развитием роскоши, сокращением сельского населения и ростом непропорционально больших состояний проживание в столице становилось все более желанным и все более дорогостоящим. Арендная плата выросла до беспрецедентной высоты. За предметы роскоши были заплачены непомерные цены. Когда бушель кукурузы продавался за пять пенсов, бочка черноморских анчоусов стоила 14 фунтов, а красивый мальчик - двадцать четыре тысячи сестерциев (246 фунтов стерлингов), больше, чем фермерская усадьба. Деньги стали цениться как цель жизни, и для их обеспечения предпринимались всевозможные ухищрения. Брак с обеих сторон стал объектом коммерческих спекуляций.

Образование.

Что касается образования, то оно было развито выше, чем обычно предполагается, и литература и искусство культивировались, даже в то время, как нация теряла реальные добродетели и силу. С помощью греческих рабов греческий язык и литература в определенной степени дошли даже до низших слоев общества. “Комедии указывают на то, что самые скромные слои населения были знакомы со своего рода латынью, которую без знания греческого можно было понять не больше, чем немецкий Виланда без знания французского”.

На греческом, несомненно, говорили высшие классы, так же как при всех дворах Европы говорят по-французски. На началах образования обучались самые низшие слои населения, и даже рабы были школьными учителями. По окончании Пунических войн и комедия, и трагедия были одним из величайших развлечений римлян, и появились великие писатели, которые, однако, писали по греческим образцам. Ливий перевел Гомера, а Невий популяризировал греческую драматургию. Говорят, что Плавт написал сто тридцать пьес. Трагедии Энния читались наизусть до последних дней существования империи. Римляне, действительно, не достигли такого прогресса в литературе, как греки, в сравнительно ранний период своей истории, но их достижения были достойны уважения, когда Карфаген был разрушен.

ГЛАВА XXXV.

РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ГРАКХОВ.

Теперь начинается новая эра в истории Рима, период славы и позора, когда произошли великие перемены во внутренней структуре государства, ныне испорченной внедрением греческих и азиатских усовершенствований и огромными богатствами, которые хлынули в столицу мира.

Рим после битвы при Пидне.

“В течение целого поколения после битвы при Пидне римское государство наслаждалось глубоким спокойствием, едва нарушаемым рябью то тут, то там на поверхности. Его владычество простиралось на три континента; все взоры были прикованы к Италии; все таланты и все богатства стекались туда; казалось, начался золотой век мирного процветания и интеллектуального наслаждения жизнью. Жители Востока того периода с удивлением рассказывали друг другу о могущественной республике Запада. И такова была слава римлян, что никто не узурпировал корону и никто не блистал в пурпурных одеждах; но они повиновались тому, кого из года в год делали своим господином, и среди них не было ни зависти, ни раздора”.

Неэффективность правительства.

Так все казалось на расстоянии. Но эта великолепная внешность была обманчива. Правительство аристократии спешило к своему краху. Моммзен говорит, что в вопросе Катона был глубокий смысл: “Что стало бы с Римом, когда ему больше не нужно было бы бояться какого-либо государства?” Все ее соседи теперь были политически уничтожены, и единственная мысль аристократии заключалась в том, как им увековечить свои привилегии. Теперь было открыто правительство ничтожеств-аристократов, которое удерживало новых достойных людей от каких-либо действий, опасаясь, что они будут принадлежать к их исключительным рядам. Даже аристократический завоеватель был неудобен.

Оппозиция правящим классам. Капиталисты. Рабы.

Этому аристократическому режиму все еще существовала оппозиция, и были проведены некоторые реформы. Было улучшено отправление правосудия. Сенаторские комиссии в

провинциях были признаны неадекватными. Была предпринята попытка освободить Комитии от преобладающего влияния аристократии. Сенаторы были вынуждены отказаться от своей государственной лошади при приеме в Сенат, а также от привилегии голосовать в восемнадцати сантимах по конному спорту. Но это было скорее видимость усиления демократической власти, чем реальность. Все важные вопросы того времени касались выборов курульных магистратур, и среди знати было достаточно влияния, чтобы занять эти должности. Молодые люди из благородных семей вышли на политическую арену и претендовали на то, что когда-то было наградой за выдающиеся заслуги. Влиятельные связи были необходимы для получения политической власти, как в Англии во времена Берка. Каждое утро к своему покровителю приходило большое количество клиентов, и кандидаты в президенты прибегали ко всем тем уловкам, которые обычно используются, когда нужно купить голоса избирателей. Правительство больше не распоряжалось собственностью граждан для общественного блага и не поддерживало среди них идею освобождения от налогов. Политическая коррупция охватила все слои населения. Капиталисты поглощали мелкие фермы, и огромные состояния были скандалом того времени. Капитал ценился больше, чем труд. Итальянские фермы пришли в упадок из-за превращения пахотных земель в пастбища и парки, как в современной Англии. Число пленных, захваченных на войне, необычайно возросло. Западная Азия поставляла наибольшее количество этого жалкого населения, а критские и киликийские охотники за рабами были обнаружены на всех побережьях Сирии и Греции. Делос был крупнейшим невольничьим рынком мира, где работорговцы Малой Азии продавали свои товары итальянским спекулянтам. За один день было выгружено и продано до десяти тысяч рабов. Фермы, ремесла и шахты одинаково велись этими рабами из Азии, и их страдания и невзгоды были значительно больше, чем когда-либо переносились неграми на плантациях Южной Каролины и Кубы. Но они принадлежали к другой расе — людям, знававшим лучшие дни и привыкшим к цивилизации, — и поэтому они часто восставали против своих хозяев. Рабские войны были обычным явлением, одно время на Сицилии было семьдесят тысяч вооруженных рабов, и когда консульские армии были отправлены на подавление восстания, были применены самые возмутительные жестокости. Двадцать тысяч человек в свое время были распяты на Сицилии Публием Рупилием.

Tiberius Gracchus.

В этот кризис, когда несоразмерное богатство и рабство были величайшим социальным злом, восстал Тиберий Гракх — молодой человек высокого ранга, рыцарский, благородный и красноречивый. Его мать, Корнелия, была дочерью Сципиона Африканского и поэтому принадлежала к самому эксклюзивному из аристократических кругов. Таким образом, Тиберий Гракх был двоюродным братом Сципиона Эмилиана, под началом которого он с отличием служил в Африке. В своих взглядах на реформы он был поддержан некоторыми суровыми старыми патриотами и аристократами, которые не совсем забыли об интересах государства, которые теперь были подорваны. Аппий Клавдий, его тесть, который был одновременно консулом и цензором; Публий Муций Сцевола, великий юрист и основатель научной юриспруденции; его брат Публий Красс Муциан; Верховный понтифик; Квинт Метелл, завоеватель Македонии — все люди самого высокого ранга и пользовавшиеся всеобщим уважением, участвовали в его планах реформ.

Его реформы.

Этот патриотически настроенный патриций был избран трибуном в 134 году до н.э. в то время, когда политическое бесхозяйственность, моральный упадок, упадок граждан и увеличение числа рабов были наиболее очевидны. Итак, Гракх, вступив в должность, предложил ввести в действие аграрный закон, по которому все государственные земли, занятые владельцами, безвозмездно возвращались государству, за исключением пятисот югерр для него самого и двухсот пятидесяти для каждого сына. Возвращенные таким образом земли домена должны были быть разделены на участки по тридцать югерр, и они раздавались горожанам и итальянским союзникам не как свободная собственность, а как неотчуждаемые права аренды, за которые они платили ренту государству. Это было объявлением войны крупным землевладельцам. Предложение Гракха было парализовано голосованием его коллеги Марка Октавия. Затем Гракх, в свою очередь, приостановил деятельность государства и отправление правосудия и поместил свою печать на общественный сундук. Правительство было вынуждено уступить. Гракх также, когда год подходил к концу, во второй раз вынес свой закон на голосование. Октавий снова наложил на него вето. Затем Гракх, по приглашению консулов, обсудил этот вопрос в Сенате; но Сенат, состоящий из крупных собственников, не уступил. Теперь все конституционные средства были исчерпаны, и Гракх должен был отказаться от своей реформы или начать революцию.

Его незаконные передвижения.

Он выбрал последнее. Перед собравшимся народом он потребовал низложения своего коллеги, что противоречило всем обычаям, законам и прецедентам прошлого. Собрание, состоявшее в основном из прибывших из деревни пролетариев — *Comitia Tributa* - проголосовало по его предложению, и ликторы сместили Октавия со скамьи трибунов, после чего аграрный закон был принят путем аккламации. Уполномоченными, выбранными для конфискации и перераспределения земель, были Тиберий Гракх, его брат Гай и его тесть Аппий Клавдий, выбор семьи которых значительно усилил негодование сената, который чинил все препятствия на этом пути.

Его смерть.

Автор закона, опасаясь за свою личную безопасность, больше не появлялся на форуме без свиты в три-четыре тысячи человек, что было еще одной причиной ожесточенной ненависти со стороны аристократии. Он также добивался переизбрания трибуном, но Собрание разошлось, не оставив выбора. На следующий день выборы завершились таким же образом, и по городу поползли слухи, что Тиберий сместил всех трибунов и решил оставаться на своем посту без переизбрания. Результатом стало волнение, возникшее в Сенате. Толпа сенаторов промчалась по улицам с яростью в глазах и дубинками в руках. Народ уступил, и Гракх был убит на склоне капитолия. Сенат официально санкционировал это безобразие на том основании, что Тиберий замыслил узурпацию верховной власти.

Характер Гракха. Природа его реформы.

Что касается автора этого аграрного закона, то нет никаких сомнений в том, что он руководствовался патриотическими намерениями, проявлял общественный дух и желал возродить старые и лучшие времена республики. Я не верю, что он замыслил узурпацию верховной власти. Я сомневаюсь, что он был честолюбив, как Цезарь. Но он не понимал, какие вопросы поставлены на карту, и какой шок он нанес конституции своей страны. Он был похож

на Мирабо, того другого аристократического реформатора, который голосовал за разграбление церковной собственности Франции на том основании, которое выдвинул этот уравнилительный сентименталист Руссо, что церковная собственность принадлежит нации. Но эта просьба в обоих случаях была софистической. Несомненно, большим злом было то, что государственная собственность попала в руки богатых собственников, так же как злом было то, что половина земельной собственности Франции находилась во владении духовенства. Но в обоих случаях владельцы на протяжении веков непрерывно пользовались этой собственностью и, по сути, являлись *частной* собственностью. Таким образом, этот закон о конфискации был посягательством на права собственности во всех его практических аспектах. Юристам того времени это казалось изгнанием крупных землевладельцев в пользу пролетариев. Следовательно, сама мера была не лишена несправедливости, каким бы желательным ни был раздел собственности. Но способ осуществить это разделение был несовместим с самой цивилизацией. Это был призыв к революционным силам. Это отменяло все конституционные ограничения и обычаи. Это был вызов Сенату, великому правящему органу государства. Это был призыв к народу отменить законы. Это было похоже на собрание граждан Лондона для подавления парламента. Это было похоже на французскую революцию, когда собрания проводились под диктовку клубов. Робеспьер, возможно, был искренним и патриотичным, но он был фанатиком, жестоким и бескомпромиссным. Таким был и Гракх. Отставив своих коллег, чтобы достичь того, что он считал благой целью, он совершил зло. Когда этот богатый патриций собрал пролетарское население, чтобы вопреки вето трибуна издать указ о распределении между ними общественной собственности, он нанес жизненно важный удар по конституции своей страны и сделал шаг к монархии, поскольку монархия была достигнута только через демократию — была создана только могущественными демагогами. И поэтому вердикт мудрых и рассудительных людей будет именно таким, как вердикт ведущих людей Рима того времени, даже самой Корнелии: “Неужели безумию в нашем доме не будет конца? Разве нам недостаточно того, чего мы должны стыдиться в дезорганизации государства?”

Смерть Сципиона.

Закон Тиберия Гракха пережил своего автора. Сенат не имел права аннулировать его, хотя это могло привести к смерти его автора. Работа по перераспределению продолжалась, даже когда Национальное собрание Франции санкционировало законодательство предыдущих революционеров. И в результате принятия закона за шесть лет число граждан, способных носить оружие, увеличилось на семьдесят шесть тысяч. Но конфискация и перераспределение общественного достояния сопровождалась таким количеством зол — было совершено так много актов несправедливости — имело место такое вопиющее бесхозяйственность, что вмешался консул Сципион Эмилиан, и по указу народа, под его влиянием, комиссия была отозвана, а решение вопроса было оставлено на усмотрение консулов, что фактически означало приостановление действия самого закона. Из-за этого вмешательства Сципион потерял свою популярность, какой бы безграничной она ни была, точно так же, как Дэниел Вебстер потерял свой престиж и влияние, когда произнес свою речь 7 марта — судьба всех великих людей, какими бы великими они ни были, когда они выступают против народных чувств и интересов, правы они или нет. Сципион, герой трех войн, потерял не только свою популярность, но и жизнь. Он был найден убитым в своей постели в возрасте пятидесяти шести лет. “Убийство Сципиона было демократическим ответом на аристократическую резню Тиберия Гракха”. Величайший полководец эпохи, человек незапятнанной моральной чистоты,

политического бескорыстия и великодушного патриотизма, не смог избежать мести сбитого с толку населения, до н.э. 129.

Gaius Gracchus.

Раздача земли прекратилась, но революция не прекратилась. Душа Тиберия Гракха "маршировала дальше". Новый герой появился в лице его брата, Гая Гракха, на девять лет моложе — человека, который не испытывал пристрастия к вульгарным удовольствиям, — храброго, образованного, талантливое, энергичного, неистового. Мастер красноречия, он увлекал за собой народ; охваченный страстью к мести, он побуждал его к революционным мерам. Он был избран трибуном в 123 году и сразу же объявил войну аристократической партии, к которой принадлежал по рождению.

Он положил начало революционным мерам, предложив народу закон, который должен был позволить трибуну добиваться переизбрания. Затем он, чтобы привлечь на свою сторону народ и обеспечить себе материальную власть, издал указ, согласно которому каждому гражданину ежемесячно разрешалось получать определенное количество зерна из государственных магазинов примерно вдвое дешевле средней цены. И он добился принятия закона о том, что существующий порядок голосования в Центуриатных комиссиях, согласно которому первыми голосовали пять имущественных классов, должен быть отменен, и что все центурии должны голосовать в порядке, определяемом жребием. Он также добился принятия закона, согласно которому ни один гражданин не должен призываться в армию до семнадцати лет и не должен быть принужден служить в армии более двадцати лет. Все эти меры привели к подъему демократии.

Он ведет войну с аристократией. Орден всадников.

Он также стремился подавить аристократию, разделив ее ряды. Старая аристократия охватывала главным образом правящий класс и была главными владельцами земельной собственности. Но выросла новая аристократия богатых, состоящая из спекулянтов, которые управляли торговыми операциями римского мира. Старая сенаторская аристократия была отстранена указом Клавдия от меркантильных занятий и была всего лишь спящими партнерами в крупных компаниях, управляемых спекулянтами. Но новая аристократия, получившая название конного ордена, начала в это время оказывать политическое влияние. Первоначально всадники были гражданской кавалерией; но постепенно все, кто владел поместьями в четыреста тысяч сестерциев, подлежали кавалерийской службе и становились зачисленными в орден, который, таким образом, охватывал все сенаторское и несенаторское благородное общество Рима. Со временем сенаторы были освобождены от кавалерийской службы и, таким образом, вычеркнуты из списка лиц, подлежащих несению кавалерийской службы. Таким образом, конный орден, наконец, охватил аристократию богатых людей, в отличие от сената. Соответственно, между старой сенаторской аристократией и людьми, которым деньги придали высокое положение, возникла естественная антипатия. Правящие лорды стояли в стороне от спекулянтов и были лучшими друзьями народа, чем новые богатые аристократы, поскольку они, непосредственно соприкасаясь с народом, угнетали его, а их жадность и несправедливость обычно не одобрялись Сенатом. Два класса знати объединились, чтобы свергнуть Тиберия Гракха; но между ними все еще зияла глубокая пропасть, поскольку ни один класс аристократов никогда не был более исключительным, чем правящий класс в Риме, ограниченный главным

образом сенатом. Римский сенат был подобен Палате пэров в Англии, когда пэры обладали преобладающей политической властью и их собственность состояла из земельных владений.

Спекулянты.

Гракх усилил власть всадников законом, который предусматривал, что доходы от налогов, взимаемых в провинциях, должны продаваться с аукциона в Риме. Таким образом, для спекулянтов была открыта золотая жила. Он также добился принятия закона, который требовал, чтобы судьи по гражданским и уголовным делам были отобраны из всадников, привилегия, которой раньше пользовался Сенат. И таким образом, сенатора, подвергнутого импичменту за его поведение на посту губернатора провинции, теперь судили не его сверстники, как раньше, а торговцы и банкиры.

Власть сената была урезана.

Затем Гракх с помощью пролетариев и торгового класса приступил к свержению правящей аристократии, особенно в законодательных функциях, которые принадлежали сенату. Посредством комических законов и трибунской диктовки он ограничил деятельность сената. Он вмешивался в общественную жизнь, раздавая зерно вдвое дешевле; он вмешивался в дела домонов, отправляя колонии по указам народа; он вмешивался в управление провинциями, отменяя постановления, принятые Сенатом. Он также стремился восстановить состав Сената за счет трехсот новых членов из всадников, избранных комициями, - создание коллегий, которое поставило бы Сенат в зависимость от главы государства. Но это ему осуществить не удалось.

Радикальные реформы.

Удивительно, что он мог осуществить эти меры в течение своего двухлетнего срока полномочий, поскольку был переизбран при столь незначительном сопротивлении — доказательство могущества денежных классов, таких, возможно, какие сейчас представлены Палатой общин Англии. Великим изменением, которого он добивался, было переизбрание магистратов - неограниченная должность трибуна, которая была поистине наполеоновской. И он знал, что делал. Он был не фанатиком, а государственным деятелем больших способностей, стремившимся сломить олигархию и передать ее власть народным трибунам. Он желал твердой администрации, но опирался на постоянные индивидуальные узурпации. Он был политическим подстрекателем, как Мирабо. Он был истинным основателем того ужасного гражданского пролетариата, который, польщенный высшими классами, привел к узурпации власти Суллой и Цезарем. Он является автором великого изменения, которое произошло за сто лет, передачи власти от Сената императору. Он разработал тактику для всех последующих демагогов.

Гракх теряет свою популярность.

Великие революционеры обречены на потерю популярности, а Гракх потерял свою популярность из-за попытки распространить римское избирательное право на жителей провинций. Сенат и толпа здесь объединились, чтобы предотвратить то, что в конечном счете было совершено. Сенат воспользовался этим преимуществом, подстрекая соперника-демагога в лице Марка Ливия Друзаса предложить законы, которые давали еще большие привилегии всадникам. Сенат делает ставку на популярность, поскольку английские премьер-министры

сохранили свои места, предоставляя народу больше, чем могли бы предоставить их соперники. Ливийские законы, освобождавшие пролетариев от уплаты арендной платы за свои земли, были ратифицированы народом с такой же готовностью, как и законы Семпрония. Таким образом, Сенат, объединившийся с пролетариями, подорвал основы деспотизма Гракха. Требовалась лишь возможность осуществить его полное свержение.

Гракх убит.

По истечении двух лет Гракх перестал быть трибуном, и его враг Луций Опитий, стойкий аристократ, вступил в должность. Нападение на бывшего трибуна было совершено путем запрещения восстановления Карфагена, чего добивался Гракх и что было популярной мерой. В тот день, когда горожане собрались с целью отклонить меру, предложенную ранее Гракхом, он появился с большим количеством приверженцев. Слуга консула потребовал их рассеять, на что был зарублен ревностным гракхианом. В связи с этим поднялся переполох. Гракх тщетно пытался быть услышанным и даже прервал выступление трибуна, что противоречило устаревшему закону. Это преступление дало Сенату и гражданам повод вооружиться. Гракх удалился в храм Кастора и провел там ночь, в то время как капитолий был полон вооруженных людей. На следующий день он бежал за Тибр, но сенат назначил награду за его голову, и он был настигнут и убит. Три тысячи его приверженцев были задушены в тюрьмах, и память о Гракхах оставалась официально объявленной вне закона. Но Корнелия надела траур по своему последнему сыну, и его имя было увековечено в сердцах демократов.

Его характер.

Так погиб Гай Гракх, более мудрый человек, чем его брат, — человек, который стремился к большим переменам и не бросал вызов конституционным формам. Он, несомненно, руководствовался патриотическими намерениями, но реформы, которые он планировал, были радикальными и изменили бы всю структуру правительства. Это было завершение войны против патрицианской олигархии. Мудро это или глупо, но не мне высказывать свое мнение, поскольку такое мнение не имеет значения и в равной степени подразумевало бы суждение относительно относительной ценности аристократической или демократической формы правления в эпоху развращения римского общества. Это спорный вопрос, и я не в состоянии его решить. Усилия Гракхов ослабить власть правящих дворянских домов создали прецедент для последующих реформ, или узурпаций, как их по-разному трактуют, и проложили путь к правлению демагогов, которое со временем было вытеснено правлением императоров с неограниченной военной властью.

ГЛАВА XXXVI.

ВОЙНЫ С ЮГУРТОЙ И КИМВРАМИ.—МАРИЙ.

Падение династии Гракхов вернуло Рим к власти олигархии. Правительство Сената было восстановлено, и против последователей Гракха была продолжена судебная война. Его мерам было позволено отказаться. Требования италийских союзников были проигнорированы, и это был самый благородный из всех планов покойного трибуна - обеспечить юридическое равенство между римскими гражданами и их италийскими союзниками. Восстановление Карфагена было отложено. Итальянские колонии были распущены. Комиссия по распределению была упразднена, и для владельцев общественных владений была введена фиксированная арендная плата, но столичный пролетариат продолжал распределять зерно, а присяжные или судьи (*judices*) по-прежнему выбирались из торговых классов. Сенат по-прежнему состоял из изнеженной знати, а незначительные личности занимали высшие должности.

Администрация при реставрации была слабой и непопулярной. Социальное зло распространялось с пугающей быстротой. Увеличилось как рабство, так и огромные состояния. Провинции управлялись плохо, в то время как пираты и разбойники грабили страны вокруг Средиземного моря. На Сицилии произошло крупное восстание рабов, которые на какое-то время овладели островом.

Нумидийская война. Югурта.

Пока государственные дела решались таким позорным образом, между Нумидией и Римом разразилась война. Это африканское царство простиралось от реки Молохат до великого Сирта, с одной стороны, и до Кирены и Египта - с другой, и включало в себя большую часть древних карфагенских территорий. Нумидия, следующая за Египтом, была самым важным из государств-клиентов Рима. После падения Карфагена им правил старший сын Масинассы, Микипса, немощный старик, посвятивший себя изучению философии, а не государственным делам. Правительство действительно находилось в руках его племянника Югурты, мужественного, проницательного и способного. Он был усыновлен Микипсой, чтобы править вместе с двумя своими сыновьями, Адхербалом и Хиempсалом. В 118 году до н.э. умер Микипса, и, как и следовало ожидать, среди его наследников возникли разногласия. Хиempсал был убит, и борьба за нумидийскую корону развернулась между Адхербалом и Югуртой. Последний захватил всю территорию, а Адхербал бежал в Рим и подал свою жалобу в сенат. Также появились посланники Югурты, и Сенат постановил, что королевство должно быть разделено между двумя наследниками поровну, но Югурта получил более плодородную западную половину.

Затем между двумя царями началась война, Адхербал потерпел поражение и удалился в свою столицу Айту, где был осажден Югуртой. Адхербал подал жалобу в Рим, и комиссия из аристократических, но неопытных молодых людей прибыла в лагерь Югурты, чтобы уладить возникшие трудности. Югурта отклонил их требования, и юноши вернулись домой. Адхербал снова отправил гонцов в Рим, оказавшись под сильным давлением, требуя вмешательства. Затем Сенат отправил Марка Скавра, который вел бесконечные дебаты с Югуртой, в Утику, куда его и вызвали. Участие в них не принесло никаких результатов. Скавр вернулся в Рим, а Югурта

предпринял осаду Айты, которая вскоре капитулировала. Адхербал был казнен с применением жестоких пыток, а взрослое население предано мечу.

В Италии поднялся крик негодования. Послы Югурты были без промедления отправлены в отставку, и Скавр был отправлен в Африку с армией, но африканский принц купил мир с Римом путем подкупа генералов. Юридическая сила мира подверглась яростным нападениям в сенате, и Масива, внук Масиниссы, находившийся тогда в Риме, предъявил претензии на нумидийский трон. Но этот принц был убит одним из приближенных Югурты, и это безобразие, совершенное на глазах у римского правительства, привело к новому объявлению войны, и Спурию Альбину было доверено командование армией. Но Югурта подкупил римского полководца, заставив его бездействовать, и захватил римский лагерь. Это привело к эвакуации Нумидии и заключению второго мирного договора.

Metellus.

Такая позорная война вызвала сильное недовольство в Риме, и Сенат был вынужден аннулировать мирный договор и всерьез возобновил войну, поручив ее ведение Квинту Метеллу, конечно, аристократу, но человеку больших способностей. Выбрав себе в помощники способных генералов, он повел свою армию в Африку. Югурта сделал мирные предложения, которые были отклонены, и он приготовился к отчаянной обороне. Укрепившись на гряде холмов на широкой равнине Мутул, он ожидал нападения своих врагов, но потерпел сокрушительное поражение от Метелла, которому помог Марий, храбрый плебей, вышедший из простых солдат. После этой битвы Югурта удовлетворился партизанской войной, в то время как его королевство было оккупировано завоевателями. Метелл даже интриговал, чтобы добиться убийства царя.

Трудности войны.

Война продолжала вестись без решающих результатов, как это часто бывает, когда цивилизованные нации сражаются с варварами. Подобно войне Карла Великого против саксов, победы были легко одержаны, но победители получили незначительные преимущества. Югурта удалился в недоступные пустыни со своими детьми, сокровищами и лучшими войсками, чтобы дожидаться лучших времен. Нумидия, казалось, была покорена, но ее царь оставался при оружии.

Мариус.

Именно тогда, на третий год возобновившейся войны, Метелл был отозван, и Марию, избранному консулом, досталось верховное командование. Но даже ему было нелегко с победоносной армией захватить Югурту, и он был ограничен беспорядочной войной. Наконец Бокх, король Мавритании, пренебрегаемый римлянами, но в союзе с Югуртой добился предательством того, чего нельзя было добиться оружием. Он вступил в переговоры с Марием, чтобы выдать нумидийского царя, который женился на его дочери и искал его защиты. Марий послал Суллу довершить предательство. Таким образом, предатель Югурта, в свою очередь, был принесен в жертву и стал римским пленником.

Окончание войны.

Эта жалкая война длилась семь лет, и ее успешное завершение обеспечило Марию великолепный триумф, во время которого побежденный король вместе с двумя своими сыновьями предстал в цепях перед триумфальной колесницей, а затем был казнен в подземной тюрьме на Капитолийском холме.

Итоги войны.

Нумидия была превращена не в римскую провинцию, а в подчиненное государство, потому что страну невозможно было удержать без армии на границах. Югуртская война имела важные последствия, поскольку она выявила продажность правящих лордов и сделала очевидным, что Римом должна управлять дегенеративная и эгоистичная олигархия или тиран, будь то демагог, подобный Гракху, или военный вождь, подобный Мариусу.

Кимвры.

Но более трудная война, чем та, что велась против варваров африканских пустынь, теперь должна была вестись против варваров европейских лесов. Война с кимврами также имела более важное значение по своим политическим результатам. Было несколько стычек с северными народами Испании, Галлии и Италии, под разными названиями, с разными успехами, описывать которые было бы утомительно. Но борьба с кимврами представляет большой исторический интерес, поскольку они были первыми из германских племен, с которыми боролись римляне. Моммзен считает, что эти варвары были тевтонцами, хотя среди более старых историков предполагалось, что они были кельтами. Кимвры были мигрирующим народом, который покинул свои северные дома вместе с женами и детьми, товарами и движимым имуществом в поисках более подходящих поселений, чем те, которые они нашли в скандинавских лесах. Фургон был их домом. Они были высокими, светловолосыми, с ярко-голубыми глазами. Они были хорошо вооружены мечом, копьем, щитом и шлемом. Они были храбрыми воинами, не боявшимися опасности и готовыми умереть. Их сопровождали жрицы, чьи предупреждения воспринимались как голоса с небес.

Война с кимврами.

Этот бездомный народ кимвров, которому барьер, воздвигнутый кельтами, помешал продвинуться на юг по Дунаю, продвинулся к перевалам Карнийских Альп, 113 г. до н.э. под защитой Гнея Папирия Карбона, недалеко от Аквилеи. Сражение произошло недалеко от современной Коринфии, где Карбон потерпел поражение. Несколько лет спустя они двинулись на запад, к левому берегу Рейна, переправились через Юру и снова угрожали римской территории. Римская армия снова потерпела поражение под командованием Силана в Южной Галлии, и кимвры отправили послов в Рим с просьбой разрешить им мирное урегулирование. Гельветы, воодушевленные успехами кимвров, также искали более плодородные поселения в Западной Галлии и заключили союз с кимврами. Они пересекли Юру, западный барьер Швейцарии, сумели заманить римскую армию под командованием Лонгина в засаду и одержали победу.

Вторжение в Италию.

В 105 году до н.э. кимвры под предводительством своего короля Бойорикса предприняли вторжение в Италию. На правом берегу Роны им противостоял проконсул Цепион, а на левом - консул Гней Маллий Максим и консул Марк Аврелий Скавр. Первая атака пришлась на

последнего генерала, который был взят в плен, а его корпус разгромлен. Затем Максим приказал своему коллеге переправить свою армию через Рону, где римские войска противостояли всей кимврийской армии, но Чепион отказался. Взаимная зависть этих полководцев и отказ сотрудничать привели к одному из самых сокрушительных поражений, которые когда-либо терпели римляне. Погибло не менее восьмидесяти тысяч солдат и вдвое меньше последователей лагеря. Битва при Арансио (Оранж) наполнила Рим тревогой и страхом, и если бы кимвры немедленно двинулись через Альпийские перевалы в Италию, могли бы последовать сокрушительные бедствия.

- Скомандовал Мариус.

В этот кризис Марий был призван к верховному командованию, несмотря на то, что его ненавидела аристократия, которая все еще правила, и вопреки закону, запрещавшему проводить консульство более одного раза. Его сопровождал еще более великий человек, Луций Сулла, которому суждено было добиться больших успехов. Марий придерживался строго оборонительной позиции на римских территориях, обучая и дисциплинируя свои войска для предстоящей борьбы с самыми грозными противниками, с которыми римляне когда-либо сталкивались, и которым впоследствии было суждено ниспровергнуть империю.

Битва при Акве Секстии.

Кимвры образовали конфедерацию с гельветами и германцами и после неудачной попытки смести белгов, которые оказали им сопротивление, решили вторгнуться в Италию через Римскую Галлию и Западные перевалы Альп. Они без труда переправились через Рону и возобновили борьбу с римлянами. Марий ждал их в хорошо выбранном лагере, хорошо укрепленном и снабженном провизией, у слияния Роны и Изеры, где он преградил путь варварам либо через Малый Сен—Барнард - маршрут, по которому шел Ганнибал,— либо вдоль побережья. Варвары атаковали лагерь, но были отбиты. Затем они решили пройти мимо лагеря, оставив врага в тылу, и двинуться в Италию. Марий в течение шести дней позволял им дефилировать со своим огромным багажом, а когда их марш закончился, последовал по стопам врага, который двинулся по прибрежной дороге. При Акве Секстии противоборствующие стороны столкнулись, и варвары потерпели сокрушительное поражение; вся орда была рассеяна, перебита или взята в плен. Казалось бы, эти варвары были тевтонами или германцами; но по южную сторону Альп кимвры и гельветы пересекли Альпы через перевал Бреннер и спустились на равнины Италии. Перевалы были оставлены без охраны, и римская армия под командованием Катутла на берегах Адидже потерпела поражение и отступила на правый берег По. Вся равнина между рекой По и Альпами была в руках варваров, которые не продвигались вперед, как им следовало бы, а отступили на зимние квартиры, где были деморализованы теплыми ваннами и обильными припасами этого плодородного и прекрасного региона. Таким образом, римляне выиграли время, и победоносный Марий, отказавшись от всех попыток завоевания Галлии, повел свою армию к берегам По и соединился с Катутлом.

Битва при Верцилле.

Две армии встретились при Верчиллах, недалеко от того места, где Ганнибал провел свою первую битву на итальянской земле. День битвы был заранее назначен варварским полководцем и Марием на 30 июня 101 года до н.э.. Римляне одержали полную победу, и кимвры

были уничтожены. Победа грубого земледельца-плебея была одержана не просто над варварами, но и над аристократией. В результате он стал ведущим человеком в Риме. Он с боями прошел путь от рядовых до консульства и отличился во всех кампаниях, в которых участвовал. В Испании он дослужился до офицерского звания. Во время Нумантийской войны на него в двадцать три года обратил внимание Сципион. Вернувшись в Рим, с его почетными шрамами и военным званием, он женился на даме из знатного патрицианского дома Юлиев. В сорок лет он получил преторство; в сорок восемь он был назначен консулом и завершил африканскую войну, а его победы над кимврами и германцами позволили ему переизбираться пять лет подряд, что не имело аналогов в истории республики. Как консул, он беспристрастно вершил правосудие, организовал военную систему и поддерживал в армии строжайшую дисциплину. У него было мало культуры; его голос был резким, а взгляд диким. Но он был прост, экономичен и неподкупен. Он стоял в стороне от общества и политических партий, подвергаясь сарказму аристократов, в ряды которых он вступил.

Реформы Мария.

Он провел великие военные реформы, превратив гражданский сбор в систему призыва на военную службу и позволив поступить на службу каждому свободнорожденному гражданину. Он отменил аристократическую классификацию, сократил линейную пехоту до уровня и увеличил численность легиона с четырех тысяч двухсот до шести тысяч, которому он дал новый штандарт — серебряного орла, возвещающего приход императоров. Армия превратилась из ополчения в банду наемников.

После осуществления этих военных преобразований он стремился к политическому превосходству, взяв на себя конституционные полномочия. В осуществлении этого он получил поддержку народной, или демократической, партии, которая теперь вновь обрела свое политическое значение. Таким образом, он получил консульство в шестой раз, в то время как его друзья из народной партии были назначены трибунами и преторами. На выборах его также поддержали его старые солдаты, которые были демобилизованы.

Но вся аристократия сплотилась, а Мариус не был достаточно опытным политиком, чтобы справиться с опытными демагогами. Он совершил множество грубых ошибок и потерял свое политическое влияние. Но он смирился со своим положением и ждал своего часа. Не на поприще политики должен был он прийти к власти, но в борьбе и грохоте оружия. Возможность вскоре представилась в результате потрясений, вызванных восстанием римских союзников в Италии, за которым вскоре последовали гражданские войны. Именно эти войны заслуживают нашего внимания.

ГЛАВА XXXVII.

ВОССТАНИЕ В ИТАЛИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА.—МАРИЙ И СУЛЛА.

Среди итальянских подданных Рима долгое время существовало сильное недовольство. Они не только подвергались угнетению, но и не пользовались никакими политическими привилегиями. Они не принадлежали к классу горожан.

С целью расширения римского избирательного права трибун М. Ливий Друзас, аристократ с большим состоянием и симпатиями народа, выступил с инициативой. Он также планировал другие реформы, которые сделали его неприятным для всех партий; но это было особенно оскорбительно для ордена, к которому он принадлежал, и он лишился жизни, пытаясь провести те же реформы, которые были фатальными для Гракха.

После его убийства союзники, численно превосходившие римских граждан и тщетно добивавшиеся гражданства, обнаружили, что они должны оставаться без политических прав или сражаться, и соответственно предприняли обширные приготовления к войне. Если бы все Италийские государства были объединены, они, вероятно, добились бы своего без конфликтов на местах, но в тех частях, где преобладали денежные классы, народ оставался верен Риму. Но повстанцы охватили большинство жителей Центральной и Южной Италии, которые были в основном фермерами.

Нерешительная война.

Восстание вспыхнуло в Аскуле в Пицене и быстро распространилось по Самнию, Апулии и Лукании. Вскоре вся Южная и Центральная Италия ополчилась против Рима. Этруски и умбрийцы сохранили верность, как и прежде, выступая на стороне эквестрийцев, которые теперь стали самым могущественным отрядом, против Друза. Италия была разделена на два больших военных лагеря. Повстанцы отправили послов в Рим с предложением сложить оружие, если им будет предоставлено гражданство, но в этом им было отказано. Теперь обе стороны провели обширные приготовления, и силы были почти уравновешены. Сто тысяч вооруженных людей были разделены на две дивизии с каждой стороны: римлянами командовал консул Публий Рутилий Луп, а италиками - Квинт Силон и Гай Папий Мутил. Гай Марий служил лейтенант-коммандером. Война велась с различными успехами, ибо “грек встретил грека”. Первая кампания оказалась, в целом, не в пользу римлян, которые потерпели несколько поражений. С политической точки зрения, повстанцы также были в выигрыше. В столице царило великое уныние, поскольку война становилась серьезной. Наконец, было решено предоставить политическое право тем итальянцам, которые остались верными или подчинились. Эта уступка, какой бы великой она ни была, не касалась самих повстанцев, но она способствовала укреплению колеблющихся общин на стороне Рима. Этрурия и Умбрия были усыплены транквилизаторами.

Sulla.

Вторая кампания, 89 г. до н.э., началась в Бикене. Мария не было на поле боя. Его поведение в предыдущей кампании было неудовлетворительным, и считалось, что шестидесятишестилетний победитель кимвров впал в старческий маразм. Аскулум был

осажден и взят римлянами, у которых под стенами находилось семьдесят пять тысяч солдат. Следующими были покорены сабеллийцы и марсийцы, и вся Кампания была потеряна для повстанцев, вплоть до Нолы. Южной армией командовал консул Луций Сулла, чья великая карьера началась в Африке при Мариусе. Сулла продвинулся в страну самнитов и взял ее столицу Бовиан. Под его умелым командованием положение дел сильно изменилось. К концу кампании большинство мятежных регионов были покорены. Самниты были почти единственным народом, который выстоял.

Восстание в Азии.

Риму повезло, что восстание было подавлено, когда на Востоке вновь разгорелось пламя войны. Произошла мощная реакция против римского господства, и восточные народы, казалось, были полны решимости еще раз сплотиться ради независимого владычества. Это было последнее великое азиатское восстание до падения Римской империи. Властителем, под началом которого объединились восточные силы, был Митридат, царь Понта.

Отвращение к Мариусу.

Армии Суллы в Кампании было суждено отправиться в Азию, как только положение дел в Южной Италии позволит ему уйти. Итак, третья кампания Социальной войны, как ее называют, началась благоприятно для Рима, когда в столице произошли события, которые вдохнули новую жизнь в почти угасшее восстание. Нападение Друзаса на эквестрийские дворы и его внезапное падение посеяли острейший разлад между аристократией и гражданским классом. Итальянские общины, получившие римское гражданство, были скованы ограничениями, носившими отвратительный характер, что вызывало сильное раздражение, поскольку аристократия неохотно предоставляла избирательное право. Более того, в этом праве было отказано восставшим общинам, которые снова подчинились. Глубокое негодование поселилось и в груди Мария, когда по возвращении из первой кампании он обнаружил, что им пренебрегают и о нем забывают. К этому недовольству добавлялось горе должников, которые из-за финансовых трудностей войны были не в состоянии выплачивать проценты по своим долгам и все же испытывали неумолимое давление кредиторов.

Законы Сульпиция.

Именно тогда, в этом состоянии брожения и деморализации, трибун Публий Сульпиций Руф предложил, чтобы каждый сенатор, задолжавший более двух тысяч динариев (82 фунта стерлингов), лишился своего места в сенате; чтобы граждане, осужденные несвободными судами присяжных, имели свободу вернуться домой; и чтобы новые граждане были распределены между всеми племенами, в которых освобожденные мужчины также должны были иметь привилегию голоса. Эти предложения, хотя и были сделаны патрицием, встретили наибольшее противодействие со стороны сената, но были приняты на фоне беспорядков. Сулла был в наилучших отношениях с сенатом, и Сульпиций опасался, что он может вернуться из своего лагеря в Ноле и отомстить за эти народные меры. Поэтому трибун задумал забрать командование у Суллы, который в то время был консулом, и передать его Марию, который также должен был вести войну против Митридата в Азии.

Сулланское законодательство.

Сулла не подчинился приказу и двинулся на Рим со своей армией — немногим большим, чем отряд преданных ему наемников. В его глазах суверенные римские граждане были сбродом, а сам Рим — городом без гарнизона. У Суллы была армия в тридцать пять тысяч человек, и прежде чем римляне смогли организовать сопротивление, он появился у ворот и пересек священную границу, переступить которую закон запрещал войне. Через несколько часов Сулла стал абсолютным хозяином Рима. Марий и Сульпиций бежали. Именно консервативная партия сменила дубинку на меч. Сулла немедленно аннулировал законы Сульпиция, наказав их автора и его приверженцев, как и опасался Сульпиций. Седовласый победитель кимвров бежал, добрался до побережья и сел на торговое судно, но робкие мореплаватели высадили его на берег, и Марий крался вдоль берега со своими преследователями в тылу. Он был найден на болоте, скрытом в камышах и грязи, схвачен и заключен в тюрьму жителями Минтурны, и был послан раб-кимвриец, чтобы предать его смерти, однако топор выпал у него из рук, когда старый герой суровым голосом спросил, осмелится ли он убить Гая Мария. Пристыженные городские власти сняли с него оковы, дали ему сосуд и отправили в Энарию (Искья). Там, в этих водах, объявленные вне закона встретились и бежали в Нумидию, а Сулла был избавлен от необходимости казнить своего старого командира, избавившего Рим от кимвров.

Конституция Суллана.

Сулла, повелитель Рима, не уничтожал ее свободы. Он предложил новую серию законодательных актов в интересах аристократии. Он назначил триста новых сенаторов и вернул старое сербское правило голосования в центуриатных комиссиях. Таким образом, беднейшие классы фактически снова были лишены избирательных прав. Он также отменил полномочия трибуна предлагать законы народу, и инициирование законодательства было передано Сенату. Абсурдного обычая, по которому консул, претор или трибун мог предлагать гражданам любые меры, какие ему заблагорассудится, и проводить их без обсуждения, было само по себе достаточно, чтобы отменить любую конституцию.

Разрешив эти трудности и расправившись со своими врагами, Сулла, все еще оставаясь консулом, отправился со своим легионом на Восток, где было настоятельно необходимо присутствие римской армии. Но перед отъездом он вынудил Цинну, избранного консула, торжественно поклясться, что он не попытается внести никаких изменений в недавно произведенные изменения. Цинна принес присягу, но едва Сулла уехал, как устроил новые беспорядки.

ГЛАВА XXXVIII.

МИТРИДАТОВЫ И ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ.—МАРИЙ И СУЛЛА.

В то время в Понте, северо-восточном государстве Малой Азии, граничившем на юге с Каппадокией, на востоке с Арменией, а на севере с Эвксинским полуостровом, правил могущественный князь Митридат VI по прозвищу Евпатор, который вел непрерывную родословную от Дария, сына Гистаспа, а также от Селевкидов. Он был великим восточным

героем, чьи подвиги вызывали восхищение у его сверстников. Он мог пешком обогнать самого быстрого оленя; он совершал верхом путешествия по сто двадцать миль в день; он управлял шестнадцатью лошадьми на скачках на колесницах; он никогда не промахивался перед своей целью на охоте; он поил своих приятелей за столом; у него было столько же любовниц, сколько у Соломона; он любил музыку и поэзию; он коллекционировал драгоценные произведения искусства; в его свите были философы и поэты; он был величайшим шутом и острословом своего двора. Его деятельность была безгранична; он изучил противоядия от всех ядов; он вершил правосудие на двадцати двух языках; и все же он был груб, деспотичен, жесток, суеверен и беспринципен. Таков был этот выдающийся человек, возглавивший великую реакцию азиатов против жителей Запада.

Митридат.

Ресурсы этого восточного царя были огромны, поскольку он правил берегами Эвксинского моря и внутренней частью Малой Азии. Поле для рекрутов в его армии простиралось от устья Дуная до Каспийского моря. Фракийцы, скифы, колхи, иберы толпились под его знаменами. Когда он двинулся в Каппадокию, у него было шестьсот колесниц с косами, десять тысяч всадников и восемьдесят тысяч пеших. Серия агрессий и завоеваний сделала этого монарха величайшим и наиболее грозным восточным врагом, с которым римляне когда-либо сталкивались. Римляне, поглощенные войной с кимврами и восстанием своих италийских подданных, позволили незаметно увеличить свою империю.

Тигран.

Римский сенат, наконец, встревоженный и ревнивый, послал Луция Суллу в Каппадокию с горсткой войск для защиты ее интересов. По возвращении Митридат продолжил свою агрессию и заключил союз со своим тестем Тиграном, царем Армении, но избежал прямой встречи с великой западной державой, покорившей весь мир. Некоторое время все продолжалось между войной и миром, но, наконец, стало очевидно, что только война может предотвратить усиление Митридата, и римляне приняли на это решение.

Приготовления Митридата. Могущество Митридата.

Царь Понта предпринял огромные приготовления, чтобы противостоять своим могущественным врагам. Он укрепил свой союз с Тиграном. Он предпринял попытки завоевания греческих городов. Он пытался поднять восстание во Фракии, Нумидии и Сирии. Он поощрял пиратов на Средиземном море. Он организовал иностранный корпус по римскому образцу и выступил в поход с двумястами пятьюдесятью тысячами пехоты и сорока тысячами кавалерии — самой большой армией со времен персидских войн. Затем он оккупировал Малую Азию, и римские полководцы отступали по мере его продвижения. Он сделал Эфес своей штаб-квартирой и отдал приказ всем зависящим от него губернаторам истребить в один и тот же день всех италийцев, свободных или поработанных, — мужчин, женщин и детей, найденных в их городах. Сто пятьдесят тысяч были таким образом варварски вырезаны за один день. Государства Каппадокия, Синопа, Фригия и Вифиния были организованы как понтийские сатрапии. Конфискация имущества убитых италиков пополнила его казну, а также пожертвования Малой Азии. Он не только оккупировал азиатские провинции римлян, но и планировал вторжение в Европу. Фракия и Македония были оккупированы его армиями, а его флот появился в Эгейском море. Делос, центр римской торговли, был взят, и двадцать тысяч италиков были вырезаны.

Большинство небольших свободных государств Греции вступили с ним в союз — ахейцы, лаконийцы и беотийцы. Его положение было настолько внушительным, что посольство итальянских повстанцев пригласило его приземлиться в Италии.

Положение римского правительства было критическим. Малая Азия, Эллада и Македония находились в руках Митридата, в то время как его флот плавал без соперника. Итальянское восстание не было подавлено, и политические партии разделили столицу.

Сулла высаживается в Эпире. Осада Афин.

В этот критический момент Сулла высадился на побережье Эпира, но с армией всего в тридцать тысяч человек и без единого военного корабля. Он высадился с пустым военным сундуком. Но он был вторым Александром — величайшим полководцем, которого когда-либо создавал Рим. Вскоре он стал хозяином Греции, за исключением крепостей Афин и Пирей, в которые бросились военачальники Митридата. Он укрепился в Элевсине и Мегаре, откуда командовал Грецией и Пелопоннесом, и начал осаду Афин. Это сопровождалось большими трудностями, и город пал только после длительной обороны, когда запасы провизии были исчерпаны. Завоеватель, позволив своим солдатам разграбить город, вернул ей вольности в честь ее прославленной смерти.

Сулла низложен.

Но год был потрачен впустую, а без кораблей Сулла не мог обеспечить безопасность своих коммуникаций. Он послал одного из своих лучших офицеров, Лукулла, в Александрию, чтобы собрать флот, но египетский двор уклонился от этой просьбы. В довершение ко всему римский военачальник оказался без денег, хотя и награбил сокровища, которые все еще хранились в греческих храмах. Более того, что было еще серьезнее, революция в Риме перечеркнула его работу, и он был низложен, а его азиатское командование передано М. Валерию Флакку.

Решение Митридата продолжить наступление в Греции неожиданно успокоило Суллу. Таксилес, один из наместников понтийского царя, был послан сражаться с Суллой с армией в сто тысяч пехотинцев и десять тысяч кавалеристов.

Битва при Херонее.

Затем, вопреки совету Архелая, произошла битва при Херонее в 86 г. до н.э., в которой победителями стали римляне. Но Сулла не мог пожирать плоды победы без флота, поскольку море было покрыто понтийскими кораблями. В следующем году Митридат послал в Грецию вторую армию, и римляне и азиаты снова встретились на равнине Кефисс, недалеко от Орхомена. Римляне были победителями, которые быстро очистили европейский континент от его восточных захватчиков. В конце третьего года войны Сулла расположился на зимовку в Фессалии и начал строить корабли.

Восстание Азии против Митридата.

Тем временем в Малой Азии развернулась реакция против Митридата. Его правление оказалось более деспотичным, чем правление римлян. Крупные торговые города Смирна, Колофон, Эфес и Сарды взбунтовались и закрыли свои ворота перед его правителями. Эллинские города Малой Азии надеялись обрести гражданскую независимость и освобождение от налогов, но были разочарованы. А те города, которые, как предполагалось, тайно поддерживали римлян,

были сильно оштрафованы. Хианцы были вынуждены заплатить две тысячи талантов. К штрафам и конфискациям добавились еще большие жестокости. Лукуллу, не сумевшему заручиться помощью александрийского флота, повезло больше в сирийских портах, и вскоре он смог начать наступательные операции. Флакк тоже прибыл с римской армией, но этот неспособный полководец был предан смерти более способным, чем он, оратором толпы Фимбрией, который разбил понтийскую армию при Милетополе. Положение Митридата тогда стало опасным. Европа была потеряна; Малая Азия была охвачена восстанием; и римские армии наседали на него.

Переговоры о мире.

Поэтому он вел переговоры о мире. Сулла потребовал восстановления всех завоеваний, которые он совершил: Каппадокии, Пафлагонии, Галатии, Вифинии, эллинских городов, морских островов и контрибуции в размере трех тысяч талантов. Эти условия не были приняты, и Сулла отправился в Азию, после чего Митридат неохотно согласился на его условия.

Сулла возвращается в Италию.

Затем Сулла обратился против Фимбрии, командовавшего римской армией, посланной ему на смену, которая, как и следовало ожидать, перешла под его знамена. Фимбрия бежал в Пергам и пал от своего собственного меча. Сулла поручил два легиона, отправленных из Рима под командованием Флакка, командованию своего лучшего офицера Мурены и обратил свое внимание на устройство дел в Азии. Он собрал контрибуцию в размере двадцати тысяч талантов, низвел Митридата до ранга царя-клиента, щедро вознаградил его солдат и отплыл в Италию, оставив Лукулла собирать контрибуцию.

Его величие. Цинна.

Так закончилась Митридатова война благодаря гению римского полководца, равного которому не было в римской истории, за исключением Помпея и Юлия Цезаря. Он отличился в Африке, Испании, Италии и Греции. Он победил западных варваров, старых итальянских врагов Рима и армии самого могущественного восточного монарха со времен падения Персии. Он одержал победу над римскими группировками и вытеснил самого великого Мариа. Теперь ему предстояло сразиться с еще одним способным противником, Луцием Корнелием Цинной, который представлял революционные силы, сплотившиеся при Гракхах и Марии, — демократические элементы римского общества.

Когда Сулла начал Митридастову войну, Цинна, поддержанный большинством Коллегии трибунов, организовал реакцию против правления, которое восстановил Сулла, — правления аристократии. Но Цинна, простое орудие революционной партии, человек без способностей, был изгнан из города аристократической партией и объявлен вне закона, а Л. Корнелия Месула назначили консулом вместо него. Преступники бежали в лагерь перед Нолой. Кампанская армия, демократическая и революционная, признала Цинну лидером республики. Гай Марий, в то время изгнанник в Нумидии, предоставил в распоряжение консула шесть тысяч человек, которых он собрал под свои знамена, и Цинна назначил его верховным командующим в Этрурии. Вокруг капитолия собралась буря. Цинна был омрачен величием этого плебейского полководца, победившего кимвров и жаждавшего отомстить за унижения и оскорбления, которые он получил от римской аристократии. Голод и дезертирство вскоре сделали город неприступным, и Рим капитулировал перед армией своих собственных граждан.

Гражданская война. Успех Цинны.

Марий, ныне правитель Рима, вошел в город, и началось царство террора. Ворота были закрыты, и началась резня аристократической партии. Консул Октавий был первой жертвой, а вместе с ним и самый прославленный из его отряда. Палачи Мария выполнили его приказ, и его месть свершилась. Он вступил в новое консульство, вызвавшее отвращение у всех видных граждан. Но в разгар своих побед его охватила жгучая лихорадка, и он умер в мучениях в возрасте семидесяти лет, в полном обладании честью и властью. Цинна сменил его на посту консула, и Рим оказался под властью ненавистного тирана. В течение четырех лет его правление было абсолютным и представляло собой царство террора, во время которого сенаторы подвергались расправам, как французская знать во времена Робеспьера. Цинна, как и Робеспьер, правил с величайшей полнотой власти, сочетавшейся с неспособностью.

В этом состоянии анархии жене и детям Суллы с трудом удалось спастись, а сам Сулла был лишен командования в войне против Митридата. Но Цинна, 84 г. до н.э., был убит во время мятежа, и командование революционерами перешло к Карбону. Положение Суллы было критическим даже во главе его опытных войск. Весной того же года, когда Цинна умер, он высадился в Брундузии, где был восстановлен партизанами и дезертирами. Сенат заигрывал с Суллой, и многие патриции вступили в его ряды, в том числе Цней Помпей, которому тогда было двадцать три года.

Сулла заканчивает войну.

Теперь началась гражданская война между Суллой и революционной партией, во главе которой теперь стояли консул Карбон и Марий младший. Карбону было поручено управлять Верхней Италией, в то время как Марий охранял Рим в крепости Пренесте. При Сакрипорте Сулла победил Мария и вступил в Рим. Но восставшие италики объединились с революционными силами Рима, и семьдесят тысяч самнитов и луканцев подошли к столице. У Коллинских ворот произошло сражение, в котором Сулла одержал победу. Это положило конец Социальной войне, и вскоре последовало порабощение революционеров.

Абсолютная власть Суллы.

Теперь Сулла стал диктатором, и десять лет революций и восстаний подошли к концу как на Западе, так и на Востоке. Первым использованием, которое Сулла применил к своей абсолютной власти, было объявление вне закона всех своих врагов. Списки запрещенных были вывешены в Риме и в городах Италии. Это было страшное посещение. Наступило второе царство террора, более страшное и систематическое, чем при Мариусе. Было убито четыре тысячи семьсот человек, среди которых было сорок сенаторов и тысяча шестьсот всадников.

Его триумфы.

В следующем году Сулла отпраздновал свой великолепный триумф над Митридатом, и его приветствовали именем Феликс. Деспотизм, в котором обвиняли Гракхов, был введен военным завоевателем при поддержке аристократии.

Он проводит реформы. Реформы Суллы.

Затем Сулла посвятил себя реорганизации государства. Он даровал гражданство всем итальянцам, кроме вольноотпущенников, и пожаловал конфискованные поместья тем, кто встал

на сторону против него или его солдат. Судебная власть была возвращена Сенату, а всадники были лишены своих отдельных мест на празднествах. Сенату было возвращено его древнее достоинство и власть, и назначено триста новых членов. Число преторов было увеличено до восьми. Правительство по-прежнему строилось на основе всенародных выборов, но стало более аристократическим, чем раньше. Центуриатные комиссии были оставлены за собой номинальную законодательную власть, но она могла быть реализована только после принятия соответствующего постановления сенатом. Трибунная комиссия была лишена полномочий, с помощью которых она так долго контролировала Сенат и государство. Народные трибуны избирались из сената. Коллегия понтификов больше не избиралась всенародно, а избиралась их собственными членами. Был принят новый уголовный кодекс, и в нескольких судах председательствовали преторы. Таковы, по существу, были законы Корнелиана, призванные восстановить былую власть аристократии.

Его уход на пенсию.

Совершив этот труд, Сулла, обладая всей полнотой власти, удалился в частную жизнь. Он ушел в отставку не так, как Карл V, уставший от тягот войны и испытывающий отвращение к суетной славе, и не так, как Вашингтон, из возвышенных патриотических побуждений, а чтобы похоронить себя в эпикурейских удовольствиях. В роскоши своей виллы в Куманоне он делил свое время между охотой, рыбной ловлей и наслаждениями литературой, пока, измученный чувственностью, не умер на шестидесятом году жизни в 78 году до н.э.. Грандиозная процессия в составе спасенного им сената, всадников, магистратов, дев-весталок и распущенных солдат не отнесла его тело на погребальный костер, и его прах был захоронен рядом с царскими гробницами. В память о нем был воздвигнут великолепный памятник, на котором была начертана его собственная эпитафия, гласящая, что ни один друг никогда не делал ему добра, и ни один враг не причинял зла, не получив полного воздаяния.

ГЛАВА XXXIX.

РИМ ОТ СМЕРТИ СУЛЛЫ ДО ВЕЛИКИХ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН ЦЕЗАРЯ И ПОМПЕЯ.—ЦИЦЕРОН, ПОМПЕЙ И ЦЕЗАРЬ.

После смерти Суллы римское правительство снова оказалось в руках аристократии, и в течение нескольких лет консулы избирались из знатных правящих семей. Но, несмотря на все завоевания Суллы и все его законы, государство скатывалось в анархию и сотрясало от новых войн.

Реакция в пользу аристократии.

Сулла был жив, когда М. Лепид выступил в качестве лидера демократической партии против К. Лутация Катула — человека без характера и способностей, который перешел от оптиматов к

народной партии, чтобы избежать судебного преследования за разграбление Сицилии. Состояние, которое он приобрел, управляя этой провинцией, позволило Лепиду добиться своего избрания консулом в 78 году до н.э., и он даже попытался лишить Суллу похоронных почестей. Заговор был организован в Этрурии, где сулланская конфискация была наиболее жестокой. Лепид выступил как мститель за старых римлян, чье состояние было разрушено. Сенат, опасаясь потрясений, заставил консулов Лепида и Катула поклясться не поднимать оружия друг против друга; но по истечении срока консульства Лепид, как обычно, отправился в вверенную ему провинцию. Это была Галлия, и здесь впервые разразилась война. Покушение на Рим было сорвано Катуллом, который победил Лепида, и последний вскоре умер на Сардинии, куда удалился.

Sertorius.

Серторий командовал тогда армией в Испании — человек, поднявшийся с малоизвестного поста, но обладавший мужественными добродетелями старых сабинских земледельцев. Он служил под началом Мария в Галлии и был претором, когда Сулла вернулся в Италию. Когда дело Мария потерпело поражение в Африке, он организовал сопротивление Сулле в Испании. Его армия была пополнена марианскими беженцами, и ему помогали иберийские племена, среди которых он был любимцем. В течение восьми лет этот прославленный герой приводил в замешательство армии, которые Рим под предводительством аристократии послал против него, ибо он взялся восстановить дело демократии.

Помпей.

Против Сертория был послан человек, которому после Цезаря было суждено сыграть самую важную роль в истории тех времен — Кн. Помпей, родившийся в тот же год, что и Цицерон, в 106 году до н.э., который перешел на сторону Суллы и рано отличился в сражении с полководцами Мария. Он добился больших успехов на Сицилии и в Африке, и по возвращении в Рим сам диктатор Сулла приветствовал его именем Магнус, который он впоследствии всегда носил. Тогда он был простым наездником и не дослужился до звания квестора, или претора, или консула. И все же в раннем возрасте двадцати четырех лет, не занимая никакой курульной должности, он удостоился чести одержать триумф, даже несмотря на сопротивление Суллы.

Смерть Сертория.

Помпей был отправлен в Испанию в звании проконсула и с армией в тридцать тысяч человек. Он пересек Альпы между истоками Роны и По и продвинулся к южному побережью Испании. Здесь его встретил Серторий, и поначалу он потерпел поражение. Мне нет нужды подробно описывать разнообразные события этой войны в Испании. В конце концов испанцы устали от соперничества, которое шло не в их пользу, а велось в интересах соперничающих группировок в столице. Среди офицеров Сертория вспыхнули раздоры, и он был убит на пиру Перпенной, своим лейтенантом. После смерти единственного человека, способного противостоять римской аристократии и чьи добродетели были достойны героев древности, продвижение Помпея было легким. Перпенна был взят в плен, его армия рассеяна, а Испания приведена к повиновению.

Рабская война. Помпей.

Тем временем, пока Помпей сражался с Серторием в Испании, в Италии разразилась рабская война, частично вызванная огромным спросом рабов на гладиаторские представления. Один из

этих рабов, Спартак, некогда фракийский военачальник бандитов, бежал с семьюдесятью товарищами в кратер Везувия и организовал восстание, и вскоре он оказался во главе ста тысяч тех несчастных пленников, положение которых было невыносимым. Италия была разорена от Альп до Мессинского пролива. Ни один римский полководец, находившийся тогда в Италии, не был способен подчинить их. Но на второй год войны Красс, который был крупным собственником рабов и умело служил при Сулле, взял на себя задачу усмирения восставших рабов. С шестью легионами он оттеснил их к оконечности Бруттийского полуострова и запер в Регию мощными линиями обхода. Спартак был убит после того, как прорвал линию фронта, и большинство его сторонников было уничтожено; но шесть тысяч бежали в Цизальпинскую Галлию, как тогда называлась северная часть Италии, и встретились с Помпеем при его победоносном возвращении из Испании, которым они были полностью уничтожены. Помпей претендовал на заслугу в прекращении рабской войны и добивался чести быть консулом, хотя и не имел на это права. Красс, также не имевший на это права, также потребовал консульства, и оба этих помощника Суллы добились своего. Но оба, чтобы получить консульство, дали большие обещания. Помпей, в частности, пообещал восстановить трибунскую власть. Теперь Помпей порвал с аристократией, защитником которой он был, и даже ввел в действие другой закон, по которому полномочия судьи были отобраны как у всадников, так и у сената. Таким образом, конституция Суллы была ниспровергнута в течение десяти лет. В этом движении Помпея поддержал Юлий Цезарь, молодой человек тридцати лет от роду.

Пираты. Помпею дана великая власть.

По истечении срока своего консульства Помпей бездействовал, отказавшись от провинции, пока проблемы со средиземноморскими пиратами снова не призвали его на действительную военную службу. Эти пираты кишели на каждом побережье, грабя города и перерезая сообщение между Римом и провинциями. Особенно они нападали на суда с зерном, так что цены на провизию непомерно выросли. Народ, попавший в беду, обратил свои взоры на Помпея; но он не пожелал принять никакого обычного командования, и благодаря своим интригам его орудие, трибун Габиний, предложил народу избрать для этой службы человека консульского ранга, который в течение трех лет должен был обладать абсолютной властью над всем Средиземноморьем на расстоянии пятидесяти миль вглубь от побережья и который должен был командовать флотом из двухсот кораблей. Он не назвал имени Помпея, но все знали, о ком идет речь. Народ, разъяренный ростом цен на хлеб и преисполненный восхищения победами Помпея, был готов назначить его; сенат, встревоженный и ревнивый, в равной степени был полон решимости воспрепятствовать его назначению. Следствием этого стали беспорядки. Помпей сделал вид, что желает видеть командующим кого-то другого, кроме себя; но закон был принят, несмотря на противодействие сената, и Помпею было поручено подготовить пятьсот кораблей, завербовать сто двадцать тысяч матросов и солдат, а также взять из государственной казны любую необходимую сумму.

Следующей весной он начал готовиться, и за сорок дней очистил западную половину Средиземного моря от пиратов и изгнал их к киликийскому побережью. Здесь он одержал великую победу над их объединенным флотом и взял двадцать тысяч пленных, которых разместил в различных пунктах побережья, и вернулся домой через сорок девять дней после того, как отплыл из Брундузия. Менее чем за три месяца он положил конец войне.

Возобновление военных действий на Востоке. Лукулл.

Этот большой успех привел к тому, что он командовал войсками против Митридата, который снова собрал свои силы для еще одной решительной и отчаянной борьбы с римлянами. Азия сплотилась против Европы, как Европа сплотилась против Азии во время крестовых походов. Митридат после поражения от Суллы удалился в Армению ко двору своего зятя Тиграна, чья власть была больше, чем у любого другого восточного властителя. Тигран поначалу не был склонен к разрыву с Римом, но (70 г. до н.э.) он согласился на войну, которая продолжалась семь лет без решающих результатов. Римлянами командовал Лукулл, старый наместник Суллы, и хотя его труды не были оценены в Риме по достоинству, он действительно сломил власть Митридата. Но из-за интриг Помпея и его друзей он был отозван, и Помпею было поручено наделение необычайной властью неограниченного контроля над восточной армией и флотом и правами проконсула над всей Азией. У него уже было господство над Средиземноморьем. Сенат выступил против этого опасного прецедента, но его поддержал народ, который не мог воздавать слишком много почестей своему фавориту. Цицерон, которому тогда было сорок лет, вместе с цезарем поддержал эту меру, против которой выступили Гортензий и Катул.

Его победы. Поражение Митридата. Его смерть.

Лукулл удалился на свою роскошную виллу, чтобы растратить богатства, накопленные им в Азии, и изучать академическую философию, в то время как Помпей продолжал свои завоевания на Востоке над врагами, уже сломленными и униженными. Он проявил значительные способности и гонял Митридата от поста к посту в сердце его владений. Восточный монарх делал попытки заключить мир, которые были отвергнуты. Не было принято ничего, кроме безоговорочной капитуляции. В конце концов его армия была разбита, и старик спасся лишь с несколькими всадниками. Отвергнутый Тиграном, он направился к Киммерийскому Босфору, который был его последним убежищем. Затем Помпей обратил свое внимание на Армению, и Тигран отдался на его милость ценой потери всех своих территорий, кроме самой Армении. Затем Помпей возобновил преследование Митридата, пробиваясь с боями через горы Иберии и Албании, но он не преследовал своего врага на Кавказе. Митридат, находясь в безопасности в Крыму, затем спланировал дерзкую попытку нападения на сам Рим, которая заключалась в том, чтобы обойти Эвксинский полуостров и подняться вверх по Дунаю, собрав в свой обоз сарматов, гетов и других варваров, перейти Альпы и обрушиться на Италию. Его Понтийское царство было уже потеряно и превратилось в римскую провинцию. Однако его последователи были недовольны, его сын Фарнак восстал, и у него не было другого выхода, кроме самоубийства, чтобы избежать поимки. Он умер в 63 году до н.э., после пятидесяти трех лет правления, на шестьдесят девятом году своей жизни - величайший восточный правитель со времен Кира. Расин изобразил его в одной из своих драм как одного из самых героических людей мира. Но к его несчастью, ему пришлось соперничать с Римом во всей полноте его могущества.

Помпей в Сирии. Его победы.

Помпей перед смертью Митридата отправился в Сирию, чтобы уладить ее дела, и Тигран передал ее Риму. Однако после поражения Тиграна от Лукулла это царство было возвращено Антиохом XIII, последним из Селевкидов, обладавшим сомнительным суверенитетом. Однако легат Помпея низложил его, и Сирия стала римской провинцией. В следующем году Помпей продвинулся на юг и установил римское господство в Финикии и Палестине, причем последняя страна была очагом гражданской войны между Гирканом и Аристубулом. Именно тогда римский полководец после трехмесячной осады взял Иерусалим, и победитель, к ужасу священства,

проник в самые священные помещения храма. Он назначил Гиркана верховным жрецом, как уже говорилось, а затем удалился в Понт, уладил его дела и отбыл со своей армией в Италию, одержав ряд побед, равных которым на Востоке не было, за исключением Александра. И никогда победы не получали такого высокого признания, которые, однако, были одержаны легко, как победы Александра. Ни один азиатский враг не мог сравниться на поле боя ни с греками, ни с римлянами. Настоящие трудности были в маршах, при преодолении горных перевалов, при пересечении засушливых равнин.

Его триумф.

Но прежде чем завоеватель Азии получил награду за свои великие заслуги перед государством — самый великолепный триумф, который когда-либо видели на Виа Сакра, — Рим оказался на грани разорения из-за заговора Катилины. Отъезд Помпея наказать пиратов Средиземного моря и победить Митридата оставил поле битвы свободным для двух величайших людей своего времени, Цицерона и Цезаря. Заговор был раскрыт, когда Цицерон был консулом.

Цицерон.

Марк Туллий Цицерон, в целом самый выдающийся человек в римских анналах и бессмертный, как сам Цезарь, родился в 106 году до н.э. недалеко от Арпина в семье всадника, но не сенатора. Он получил хорошее образование, в шестнадцать лет надел мужскую мантию и пришел на форум послушать дебаты, но продолжал учебу с большим усердием. Его богатый отец доверил его попечению авгура К. Муция Сцевола, старого юриста, глубоко разбиравшегося в конституции своей страны и принципах юриспруденции. В восемнадцать лет он провел свою первую и единственную кампанию под командованием отца великого Помпея - в социальной войне. Ему было двадцать четыре, прежде чем он стал заметной фигурой в глазах общественности, держась в стороне от ожесточенной борьбы Мария и Суллы, не причисляя себя ни к одной из партий и посвятив себя только развитию своего ума, изучая философию и риторику, а также юриспруденцию, путешествуя по Сицилии и Греции и готовясь стать судебным оратором. В двадцать пять лет он появился на форуме в качестве публичного защитника и смело защищал угнетенных и обиженных, и даже не побоялся гнева Суллы, тогда всемогущего диктатора. В двадцать семь лет он снова отправился в Афины за приумножением культуры и много путешествовал по Малой Азии, беседуя с самыми выдающимися учеными и философами греческих городов. В двадцать девять лет он вернулся в Рим, улучшив свое здоровье, а также те искусства, которые способствовали его непревзойденной славе оратора — соперника Гортензия и Котты, лидеров римской коллегии адвокатов. В тридцать лет он был избран квестором не из семейных интересов, как это обычно бывало, а благодаря своей блестящей репутации юриста. Служебные обязанности призывали его на Сицилию, к претору Лилибейскому, которые он превосходно выполнял, проявив не только исполнительные способности, но и редкую добродетель и беспристрастность. Тщеславие, которое омрачало блеск его славного имени и от которого он так и не избавился, получило серьезную рану по возвращении в Италию. Он воображал, что за ним наблюдают все наблюдатели, но вскоре обнаружил, что его веселые и светские друзья ничего не знали не только о том, что он делал на Сицилии, но и о его администрации вообще.

Verres.

Следующие четыре года он был поглощен частными исследованиями и судебными разбирательствами, в конце которых он стал эдилом, в тот год, когда Верресу был объявлен импичмент за плохое управление на Сицилии. Это был самый знаменитый государственный процесс по импичменту за всю историю, за исключением, возможно, процесса Уоррена Гастингса. Но Цицерону, который был общественным обвинителем, повезло больше, чем Берку. Он собрал такую ошеломляющую массу улик против этого коррумпированного правителя, что тот отправился в изгнание, не представив защиты, хотя его защищал Гортензий, избранный консул. Речь, с которой оратор *должен был* выступить на суде, была впоследствии опубликована Цицероном и является одной из самых красноречивых тирад против коррупции в обществе, когда-либо сочиненных или произнесенных.

Общественная карьера Цицерона. Цицерон как консул. Катилина.

Ничего особенно интересного не происходило в карьере этого великого человека еще три года, пока в 67 году до н.э. он не был избран первым претором, или верховным судьей, на должность, для которой он обладал высшей квалификацией. Но он решал не только гражданские дела. Он выступил как политический оратор и произнес с трибуны свою знаменитую речь о манилианских законах, поддержав дело Помпея, когда тот отошел от политики аристократии. Теперь он добился чистыми заслугами, в эпоху разврата, без влияния семьи, высших государственных постов, даже когда Берк стал лидером Палаты общин без аристократических связей, а теперь, естественно, стремился к консульству — великой награде, к которой стремился каждый честолюбивый человек, но которая в аристократический век римской истории редко достаивалась, за исключением членов правящих домов или выдающихся успехов на войне. Благодаря дружбе Помпея, а также всеобщему восхищению, вызванному его блестящими талантами и достижениями, была также обеспечена эта великая награда. У него было шесть выдающихся соперников, среди которых были Антоний и Катилина, которым помогали Красс и Цезарь. Как консул, вся энергия его ума и характера была поглощена разоблачением измены этого выдающегося патрицианского демагога. Л. Сергей Катилина был одним из тех порочных, беспринципных, интригующих, популярных, заброшенных и интеллектуальных негодяев, которых развращенная эпоха и беспредел патрициев вывели на поверхность общества при содействии выродившейся знати, к классу которой он принадлежал. В горечи своих политических разочарований, на каждом шагу пресекаемых Цицероном, он замыслил полное ниспровержение римской конституции и свое собственное возвышение в качестве главы государства, а также полностью инициировал восстание. Цицерон, которому угрожало покушение, смело изложил заговор сенату и добился ареста многих своих главных сообщников. Катилина бежал и собрал своих сторонников, которые насчитывали двенадцать тысяч отчаявшихся людей, и сражался с мужеством отчаяния, но потерпел поражение и был убит.

Если бы не бдительность, энергия и патриотизм Цицерона, вполне возможно, что этот чудовищный заговор удался бы. Общество было полностью деморализовано; распущенные солдаты восточных войн потратили свои деньги и жаждали добычи; сенат был робок и неэффективен, а беспринципный и способный лидер, стоявший во главе недовольных фракций, после убийства консулов и добродетельных людей, оставшихся у власти, мог бросить вызов любой силе, которая могла тогда, в отсутствие Помпея на Востоке, быть направлена против него.

Услуги Цицерона.

Но государство было спасено, и спасено патриотически настроенным государственным деятелем, который силой гения и характера поднялся к верховной власти. Благодарность народа была безграничной. Люди всех рангов приветствовали его как спасителя своей страны; от его имени были произнесены благодарственные молитвы богам, и вся Италия присоединилась к восторженным восхвалениям.

Его падение. Достижения и характер Цицерона.

Но теперь он достиг высшей точки своего политического величия, и его последующая карьера была полна печали и разочарований. Опьяненный своим возвышением — ибо в Риме того времени было беспрецедентно, чтобы человек поднялся так высоко только благодаря силе красноречия и учености, без состояния, семьи или военных подвигов, — он стал тщеславным. Во время гражданских волнений, последовавших за возвращением Помпея, он был изгнан из страны, которую он спас, и нет ничего более жалкого, чем его стенания и невзгоды во время изгнания. Его падение было естественным. Он противостоял деморализующему потоку, который сметал все на своем пути. Когда его должность консула подошла к концу, он столкнулся с ненавистью сенаторов, которых он унизил, всадников, чьим необоснованным требованиям он противостоял, людей, которым он презирал лести, и триумвиров, узурпацию которых он ненавидел. Никто не был достаточно силен, чтобы защитить его от этих совместных военных действий, за исключением тех самых людей, которые стремились ниспровергнуть римские свободы и желали убрать его с дороги; его друг Помпей проявил подлый, малодушный и расчетливый эгоизм, и он не нравился ни Крассу, ни цезарю. Но в последние дни своей жизни, часть которых он провел в изгнании, и все это без учета политических соображений, он находил время для сочинения тех красноречивых трактатов почти по каждому предмету, к его памяти будут относиться с почтением. В отличие от Бэкона, он не совершил преступления против законов; однако, подобно ему, лишился своего высокого положения в конвульсиях революционной эпохи, и подобно тому, как Бэкон скрашивал свои преклонные годы очарованием литературы и философии, так и Цицерон продемонстрировал в своих трудах результат долгих лет учебы и раскрыл для самых отдаленных поколений сокровища греческой и римской мудрости, украшенные к тому же тем изысканным стилем, который сам по себе дал бы ему бессмертие как одному из величайших художников мира. Он дожил до полного крушения римских свобод и в конце концов был казнен по приказу Антония в отместку за те горькие филиппики, которые оратор обрушил на него еще до того, как заходящее солнце его политической славы окончательно скрылось во мраке революционных невзгод.

Помпей.

Но мы возобновляем нить политической истории тех запутанных времен. Цицерон был на пике своей славы и могущества, когда Помпей вернулся из своих азиатских завоеваний, великий герой своего времени, к которому были прикованы все взоры и перед которым все преклоняли колена в знак почтения и восхищения. Его триумф в возрасте сорока пяти лет был самым грандиозным из когда-либо виденных. Он длился два дня. Триста двадцать четыре пленных принца шли перед его триумфальной колесницей, сопровождаемые трофеями и эмблемами

войны, в результате которой была сдана тысяча крепостей. Огромная сумма в двадцать тысяч талантов была внесена в государственную казну.

Его политика.

Однако Помпей был более велик на войне, чем в мирное время. Если бы он знал, как использовать свой престиж и свои преимущества, он мог бы отныне править без соперника. Он не был достаточно благороден и великодушен, чтобы жить, не совершая серьезных ошибок и не отталкивая некоторых из своих лучших друзей, и не был достаточно плох и беспринципен, чтобы злоупотреблять своим военным превосходством. Он шел средним путем, завидуя любому таланту, поглощенный собственным величием, тщеславный, напыщенный и колеблющийся. Его ссоры с Крассом и Лукуллом отделили его от аристократической партии, лидером которой он по праву был. Его надменность и холодность вызвали отвращение у народа, только через которого он мог продвинуться к верховному владычеству. Он не обладал ни искусством демагога, ни великодушием завоевателя.

Цезарь.

Именно в этот кризис Цезарь вернулся из Испании победителем лузитанцев. Гай Юлий Цезарь принадлежал к древнему патрицианскому роду Юлиев и родился в 100 году до н.э. и был на шесть лет моложе Помпея и Цицерона. Но он был тесно связан с народной партией браком своей тети Юлии с великим Марием и своей женитьбой на Корнелии, дочери Цинны, одного из главных противников Суллы. Он рано служил в армии Востока, но первые годы жизни посвятил искусству ораторского искусства. Его приветливые манеры и безграничная щедрость сделали его популярным среди людей. Он получил должность квестора в тридцать два года, в тот год, когда потерял жену, и отправился квестором к Антистию Вету, в провинцию Дальняя Испания. По возвращении, в следующем году, он женился на Помпее, внучке Суллы, из рода Корнелий, и заключил союз с Помпеем. Благодаря своим семейным связям он получил курьезную должность в возрасте тридцати пяти лет и превзошел своих предшественников в экстравагантности своих шоу и развлечений, деньги на которые он брал взаймы. В тридцать семь лет он был избран Верховным понтификом, настолько велика была его популярность, и в следующем году он получил преторство, в 62 году до н.э., а по истечении срока своих полномочий получил провинцию Дальняя Испания. Его долги были настолько огромны, что он обратился за помощью к Крассу, самому богатому человеку в Риме, и с готовностью получил ссуду, которую искал. В Испании, имея под своим командованием армию, он одержал блестящие победы над лузитанами, вернулся в Рим обогащенным и добивался консульства. Чтобы добиться этого, он отказался от обычного триумфа и с помощью Помпея добился своего избрания и вступил в тот тесный союз с Помпеем и Крассом, который историки называют первым триумвиратом. Это было всего лишь частное соглашение между тремя самыми могущественными людьми Рима поддерживать друг друга, а не отдельная магистратура.

Консульство Цезаря.

Будучи консулом, Цезарь направил свое влияние против аристократии, к рядам которой он принадлежал как по рождению, так и по должности, и добился принятия аграрного закона вопреки яростному противодействию сената, согласно которому богатые кампанские земли были разделены в пользу беднейших граждан — возможно, хорошая мера, но она выдвинула его как защитника народа. Затем он одержал победу над всадниками, освободив их законом,

который он добился принятия, от одной трети суммы, которую они согласились платить за земледелие, от налогов Азии. Он заручился благосклонностью Помпея, добившись подтверждения всех своих действий на Востоке. По истечении срока своего консульства он получил провинцию Галлия как наиболее полное поле для развития своих военных талантов и самый верный способ подняться к последующему величию. В этот период Цицерон отправился в изгнание, не дожидаясь суда, — этот несчастный период запомнился аристократическими распрями и интригами, а также тем, что Клодий, безрассудный молодой аристократ, проник в дом Верховного понтифика, переодетый женщиной, в погоне за гнусной интригой с женой цезаря.

Цезарь в Галлии.

Последующие девять лет жизни цезаря были заняты покорением Галлии. В первой кампании он подчинил себе гельветов и покорил Ариовиста, могущественного германского вождя. Во второй кампании он выступил против конфедерации бельгийских племен — самых воинственных из всех галлов, которые собрали силы в триста тысяч человек и нанесли им сокрушительное поражение, за которое Сенат объявил публичную благодарность сроком на пятнадцать дней. Праздник, устроенный в честь Помпея после Митридатовой войны, просуществовал всего десять лет. В это время он заключил новый договор с Помпеем и Крассом, по которому Помпей должен был получить в свою провинцию две Испании, Красс - Сирию, а сам он должен был продлить свое правление в Галлии еще на пять лет. Совокупного влияния этих людей было достаточно, чтобы обеспечить проведение выборов, и на следующий год Красс и Помпей были назначены консулами. Цезарю пришлось противостоять могущественным союзам галлов, и, чтобы посеять среди них ужас, на четвертый год войны он вторгся в Британию. Но я не могу описать различные кампании цезаря в Галлии и Британии, не вдаваясь в детали, которые трудно понять — его блестящие победы над врагами, превосходящими его численностью, его походы и контрмаршруты, его трудности и опасности, его изобретательный гений, его стратегические таланты, его безграничные ресурсы, его командование своими солдатами и их идолопоклонство, пока через девять лет Галлия не была покорена и присоединена к римским провинциям. Во время его долгого отсутствия в Риме его интересы охраняли трибун Курион и Марк Антоний, будущий триумвир. В это время Красс бесславно вел далекую войну в Парфии в поисках славы и богатства и был убит неизвестной рукой после позорного поражения. Этого алчного патриция не следует путать со знаменитым оратором предшествующей эпохи, который был так знаменит своей элегантностью и роскошью.

Дела в Риме также приняли такой оборот, который указывал на разрыв с Цезарем и Помпеем, оставшимися после смерти Красса во главе государства. Блестящие победы первого в Галлии были у всех на устах, а слава второго затмевалась. Начало проявляться серьезное соперничество между этими великими полководцами. Беспорядки, которые также вспыхнули после смерти Клодия, привели к назначению Помпея единоличным консулом, и все его действия на посту консула были направлены на укрепление его власти. Его правление в Испании продлилось еще на пять лет; он установил более тесные связи с аристократией и готовился к разрыву со своим великим соперником, который теперь стал неизбежным, поскольку оба захватили верховную власть. Эта борьба теперь будет представлена в следующей главе.

ГЛАВА XL.

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ МЕЖДУ ЦЕЗАРЕМ И ПОМПЕЕМ.

Власть Цезаря и Помпея.

Состояние Рима, когда Цезарь вернулся, увенчанный славой, из своей галльской кампании, в которой он проявил самые выдающиеся способности, было достаточно плачевным. Конституция подверглась нападкам со стороны всех ведущих вождей, и даже Цицерон мог дать выход своему отчаянию и негодованию только в бессильных стенаниях. Дело свободы было уже проиграно. Цезарь получил провинцию Галлия на десять лет, вопреки всем прежним прецедентам, а Помпей добился продления своей империи еще на пять лет. Таким образом, оба этих генерала имели армии и независимое командование на период, который можно было бы назвать неопределенным, то есть до тех пор, пока они могли сохранять свою власть в период анархии. Рим был опозорен беспорядками и убийствами; никчемные люди занимали высшие посты и были орудиями двух великих полководцев, которые разделили между собой мировую империю. Все семейные связи между этими двумя генералами были разрушены смертью Юлии. Вражда между Клодием и Милоном, один из которых был кандидатом на преторство, а другой - на консульство, была в высшей степени позорной, в ходе которой Клодий был убит. Каждый хотел получить должность как средство погашения огромных долгов. Помпей, призванный сенатом избавить государство от анархии, был назначен единоличным консулом — еще один беспрецедентный случай. Суд над Милоном показал, что Помпей был абсолютным хозяином Рима, и он стремился сохранить свое положение в борьбе с Цезарем.

Соперничество между цезарем и Помпеем. Плачевное состояние государственных дел.

Было ясно, что в мире не могло быть двух абсолютных хозяев, поскольку и Помпей, и Цезарь стремились к универсальному владычеству. Один должен уступить другому — стать либо наковальней, либо молотом. Ни тот, ни другой не были бы в безопасности без своего единства и своих вооруженных сторонников. И если бы и то, и другое было уничтожено, государство все еще сотрясало бы от столкновений с фракциями. Всем истинным конституционным свободам пришел конец, поскольку и генералы, и демагоги могли добиваться принятия таких законов, какие им заблагорассудится, располагая достаточным количеством денег, чтобы подкупить тех, кто контролировал выборы. Это было время всеобщей коррупции и продажности. Деньги были главной движущей силой общества. Общественная добродетель ушла в прошлое, все возвышенные чувства, весь патриотизм, все самопожертвование. Людей мало заботило, кто правит, если их снабжали зерном и вином по номинальным ценам. Аристократы-патриции стали демагогами, а демагоги обладали властью пропорционально их способности или склонности угождать людям. Цицерон отчаялся в государстве и посвятил себя литературе. Все еще оставались аристократическая партия, обладавшая богатством, престижем и властью, и народная партия, которая стремилась отнять эти привилегии, но которой правили демагоги, более беспринципные, чем старая знать. Помпей представлял одно, а Цезарь - другое, хотя оба были знатными людьми.

Оба этих полководца оказали большие услуги. Помпей покорил Восток, а Цезарь - Запад. У Помпея было больше престижа, у Цезаря - больше гения. Помпей был великим тактиком, Цезарь - великим стратегом. Помпей был гордым, напыщенным, ревнивым, покровительственным, самодостаточным, презрительным. Цезарь был политичным, интригующим, терпеливым, щедрым, незлобивым, к нему было легко найти подход, он был всепрощающим, с большой учтивостью и самыми добродушными манерами. Оба были амбициозны, беспринципны и эгоистичны. Цицерон не доверял обоим, льстил каждому по очереди, но склонялся на сторону Помпея как более консервативного и менее опасного. Сенат принял сторону Помпея, народ - сторону Цезаря. И Цезарь, и Помпей так долго наслаждались властью, что ни один из них не был бы доволен частной жизнью.

Сенат требует отречения Цезаря. Цезарь ищет компромисс. Отвергнут Помпеем. Цезарь преследует Помпея.

В 49 году до н.э. проконсуловская империя Цезаря должна была прекратиться через год после окончания Галльской войны. Он хотел быть переизбранным консулом, а также обеспечить себе триумф. Но, согласно закону, он не мог одержать триумф, не распустив армию, а без армии он не был бы в безопасности в Риме, где так много врагов. Он также не мог быть избран консулом, согласно формальностям, пока пользовался своей империей, поскольку издавна существовал обычай, что никто не мог претендовать на консульство во главе армии. Следовательно, он не мог ни быть консулом, ни наслаждаться триумфом на законных основаниях, не распустив свою армию. Более того, партия Помпея, находившаяся тогда на подъеме в Риме, потребовала, чтобы Цезарь сложил свою империю. Трибуны в интересах Цезаря выступили против постановления сената; правящие консулы пригрозили трибунам, и те бежали в лагерь Цезаря в Цизальпинской Галлии. Следует, однако, упомянуть, что, когда консул Марцелл, враг Цезаря, предложил в сенате, чтобы он сложил с себя командование, Курион, трибун, чьи долги Цезарь оплатил, предложил Помпею сделать то же самое; что он отказался сделать, поскольку избрание Цезаря консулом передало бы всю власть республики в его руки. Цезарь предпринял последнюю попытку избежать неизбежной войны, предложив сенату сложить с себя командование, если Помпей тоже согласится; но Помпей уклонился, и компромисс ни к чему не привел. Оба генерала не доверяли друг другу, и оба были нелояльны государству. Затем Сенат назначил преемника Цезаря в Галлии, приказал ввести всеобщий набор войск по всей Италии и выделил деньги и людей Помпею. Цезарь уже перешел Рубикон, который считался государственной изменой, еще до того, как его последнее предложение пойти на компромисс было сделано, и он был на пути в Рим. Никто не сопротивлялся ему, потому что люди были мало заинтересованы в успехе ни той, ни другой стороны. Помпей, преувеличивая свою популярность, думал, что ему стоит только топнуть ногой, и появится армия, и когда он обнаружил, что его соперник продвигается по фламиниканскому пути, поспешно бежал из Рима с большинством сенаторов и направился в Брундузий. Цезарь не сразу захватил столицу, а последовал за Помпеем и так яростно атаковал его, что тот оставил город и переправился в Иллирию. У Цезаря не было войск, чтобы преследовать его, и поэтому он вернулся по своим следам и вступил в Рим после десятилетнего отсутствия во главе победоносной армии, став бесспорным хозяином Италии.

Цезарь в Испании.

Но Помпей все еще контролировал свою проконсуловскую провинцию Испанию, где под его командованием находилось семь легионов, и Африка также была оккупирована его партией. Цезарь, уладив дела в Италии, двинулся через Галлию в Испанию, чтобы сразиться с полководцами Помпея. Эта кампания завершилась за сорок дней, и он стал хозяином Испании. Находясь в Испании, он был избран на свой второй консульский пост, а также стал диктатором. Он вернулся в Рим так же быстро, как вступил в Испанию, и издал несколько полезных законов, среди прочих тот, по которому жители Цизальпинской Галлии, северной части Италии, получали гражданство. Уладив общие дела в Италии, он сверг диктатуру и отправился в Брундузий, где собрал свои силы из различных частей для решающего столкновения с Помпеем, который тем временем оставался в Македонии, организуя свою армию. Он собрал девять легионов со вспомогательными силами, в то время как его флот господствовал на море. Он также получил обширные запасы зерна в Фессалии, Азии, Египте, на Крите и в Кирене.

Военные приготовления.

Цезарь смог пересечь море с едва ли более чем пятнадцатью тысячами человек из-за недостаточности своего флота, и он был выброшен на вражеский берег, отрезанный от припасов и в присутствии значительно превосходящих сил. Но его войска были ветеранами, и захват Аполлонии укрепил его дело. Затем он двинулся на север, чтобы захватить Дирхачиум, где были размещены запасы Помпея, но Помпей достиг города раньше него, и обе армии расположились лагерем на берегах реки Апус, одна на левом, а другая на правом берегу. Там к Цезарю присоединились остальные его войска, с большим трудом доставленные из Брундузия Марком Антонием, его самым способным лейтенантом и преданным другом. Помпей также был подкреплён двумя легионами из Сирии во главе с его тестем Сципионом. Обе стороны воздерживались от нападения друг на друга, пока выдвигались эти подкрепления, и Цезарь даже предпринял последнюю попытку пойти на компромисс, пока войска с каждой стороны обменивались взаимными любезностями.

Битва при Дирхачиуме. Битва при Фарсалии.

Помпей уклонился от прямого сражения и укрепился на холме близ Дирхачии. Цезарь окружил его линиями обхода. Помпей прорвался через них и вынудил Цезаря отступить со значительными потерями. Он отступил в Фессалию, сопровождаемый Помпеем, который, зная он, как воспользоваться своим преимуществом, мог бы после этого последнего успеха — последнего, который у него когда-либо был, — победить Цезаря. Он мудро избегал прямого сражения до тех пор, пока его войска не привыкнут к службе или пока он не измотает своего противника; но теперь, окрыленный победой и уверенностью в себе и находящийся под чрезмерным влиянием своих офицеров, он решил рискнуть вступить в сражение. Цезарь расположился лагерем на Фарсальской равнине, а Помпей — на холме примерно в четырех милях от них. Крутой берег реки Энипей прикрывал правый фланг Помпея и левый фланг Цезаря. Пехота первого насчитывала сорок пять тысяч человек, пехоты второго — двадцать две тысячи, но это были ветераны. Помпей также превосходил его в кавалерии, имея семь тысяч человек, в то время как у Цезаря была только одна тысяча. С их помощью, составлявшими мощь отряда Помпея, он предложил обойти правый фланг Цезаря, растянутый на равнине. Чтобы предотвратить это движение, Цезарь снял шесть когорт со своей третьей линии и сформировал из них четвертую в тылу своей кавалерии справа. Битва началась яростной атакой ветеранов Цезаря на позиции Помпея, которые были встречены с мужеством. Тем временем кавалерия

Помпея смела кавалерию цезаря и продвигалась вперед, чтобы атаковать с тыла, когда они неожиданно получили удар когорт, которые Цезарь разместил там, кавалерия сломалась и бежала в горы. Затем шесть когорт повернулись к пращникам и лучникам, которые прикрывали атаку кавалерии, нанесли им поражение и обрушились с тыла на левый фланг Помпея. Затем Цезарь выдвинул свою третью линию и решил исход сражения. Помпей бежал, когда увидел поражение своей кавалерии. Его лагерь был взят и разграблен, а его войска, столь уверенные в победе, были рассеяны, окружены и взяты в плен. Цезарь, со своим обычным милосердием, пощадил их жизни, и у него не было никакой цели уничтожить их. Среди тех, кто сдался после этой решающей битвы, был Юний Брут, которого не только помиловали, но и признали в самой тесной дружбе.

Бегство Помпея в Египет. Помпей убит.

Потерпев поражение, Помпей бежал в Лариссу, сел на корабль со своими военачальниками и отплыл в Митилену. Поскольку у него все еще была провинция Африка и большой флот, его политикой было отправиться туда; но у него было глупое представление, что его истинное поле славы - Восток, и он не видел другого убежища, кроме Египта. Этим царством тогда управляли дети Птолемея Авлета, Клеопатра и Птолемей, ни один из которых не был взрослым и, более того, враждовали друг с другом за безраздельный суверенитет Египта. В этот момент Помпей появился на побережье, на котором стоял лагерь Птолемей. Он отправил гонца к царю с просьбой приютить его в Александрии. Согласие на это скомпрометировало бы Птолемея с Цезарем; отказ отправить Помпея в лагерь Клеопатры в Сирии. Его пригласили на конференцию, и его министр Ахилл был отправлен на лодке, чтобы доставить его на берег. Увлеченный Помпей неосторожно доверился лодке, в которой узнал старого товарища Септимия, который, однако, не ответил на его приветствие. При приземлении он был заколот Септимием, который убедил Птолемея лишить его жизни, чтобы умиловить цезаря и получить египетскую корону. Так бесславно пал из-за предательства завоеватель Азии и второй человек в империи.

Цезарь в Египте. Восточные завоевания.

Когда Помпей бежал с поля роковой битвы, Цезарь бросился в погоню всего с одним легионом и отрядом кавалерии. Опасаясь новой войны в Азии, Цезарь подождал, пока соберутся его войска, а затем отплыл в Египет. Он прибыл в Александрию всего через несколько дней после убийства своего соперника и был встречен офицером, несущим его голову. Он приказал сжечь его с дорогими благовоениями и поместил пепел в святилище, посвященное Немезиде. Затем он потребовал десять миллионов драхм, обещанных покойным королем, и созвал соперничающих монархов в свой лагерь. Клеопатра пленила его, и он решил, что трон должны делить оба, но министры Птолемея должны быть свергнуты, что сводило царя к нулю. Но когда фанатизм александрийцев был возбужден, и между ними и его войсками произошло столкновение, Цезарь сжег египетский флот и укрепился на Фаросе, ожидая подкрепления. Птолемей, однако, отвернулся от него, когда тот добился своего освобождения, и погиб в бою на берегах Нила. Клеопатра была восстановлена на троне под защитой Рима.

Фарнакес.

Фарнак, сын Митридата, награжденный Помпеем Босфорским трон за дезертирство своего отца, теперь начал войну против Рима. Гальвин, посланный против него, потерпел поражение, и

Цезарь быстро двинулся в Азию, чтобы восстановить дела. Именно тогда он написал Сенату краткое, но хвастливое письмо: “Veni, vidi, vici”. Он уже обдумывал те завоевания на Востоке, которые воспламенили честолюбие его соперника. Он уловил дух восточного деспотизма. Он не был устойчив к лести азиатов. Но его любовь к Клеопатре еще больше изменила его характер, хотя и подорвала уважение его соотечественников. История позорно клеймит эту прискорбную связь, которая привела к хвастовству, высокомерию, резкости, нетерпению и презрению к человечеству — тем же качествам, которые характеризовали Наполеона по возвращении из Египта.

Диктатура цезаря.

В сентябре 47 года до н.э. Цезарь вернулся в Италию, уже будучи провозглашен диктатором побежденным и подбострастным сенатом. Цицерон был одним из первых, кто встретился с ним, и был милостиво помилован. Единственной суровой мерой, которую он позволил, была конфискация имущества Помпея и его сыновей, статуи которых, однако, он заменил. Теперь он правил абсолютно, но по старым формам, и был пожизненным трибуном. Сенат назначил его консулом на пять лет, и он также был назван диктатором.

Катон.

Единственными врагами, которые теперь серьезно противостояли ему, были приверженцы Помпея, у которых было время за время его отсутствия на Востоке реорганизовать свои силы, и именно в Африке должен был разыгаться последний конфликт. Помпеянами командовал Сципион, расположивший свою штаб-квартиру в Гадрументе с армией в десять легионов, большими силами нумидийской кавалерии и ста двадцатью слонами. Но Цезарь разбил эту большую армию значительно меньшими силами, и разгром был полным. Сципион сел на корабль, отплывающий в Испанию, но был отброшен назад, как Марий был на итальянском побережье, когда его преследовали полководцы Суллы, и покончил с собой. Катон, благороднейший римлянин своего времени, чей поход через африканскую пустыню был одним из величайших подвигов его эпохи, мог бы спастись и, вероятно, был бы прощен; но возвышенный стоик не мог вынести зрелища попрания римских свобод и, подкрепляя свое мужество Федоном Платона, тоже пал от своего меча. Римская республика закончилась с его смертью.

Триумф Цезаря. Огромная власть Цезаря.

Превратив Нумидию в римскую провинцию, Цезарь вернулся в Италию с огромными сокровищами и повсюду был принят с беспримерными почестями. В Риме он отпраздновал четырехкратный триумф — за победы в Галлии, Египте, Африке и на Востоке, — и сенат постановил, что его изображение из слоновой кости следует нести в процессии вместе с изображениями богов. Его бронзовая статуя была установлена на глобусе в капитолии как эмблема вселенского суверенитета. Весь экстравагантный энтузиазм, которым отличался французский народ по отношению к победам Наполеона, и все раболепие, которым располагает неограниченная власть повсюду, были дарованы величайшему завоевателю, которого когда-либо видел древний мир. День благодарения был объявлен на сорок дней; число ликторов было удвоено; он был назначен диктатором на десять лет, с командованием всеми армиями государства и председательством на общественных празднествах. Он также был назначен цензором на три года, с помощью которых он управлял Сенатом в соответствии со

своей суверенной волей. За его триумфами последовали щедрые подношения солдатам и народу, а также он устроил великолепные игры под шелковым навесом, по окончании которых был посвящен Юлийский форум.

Юлианский календарь. Последняя битва при Цезаре.

Таковы были его несравненные почести и власть. Все великие государственные должности были возложены на него и объединены в нем, и для завершения его возвышения не требовалось ничего, кроме имени императора. Но мы отвлечемся от них, обычных наград завоевателей, и взглянем на услуги, которые он оказал цивилизации, которые составляют его самое истинное притязание на бессмертие. Одной из величайших была реформа календаря, поскольку римский год опережал истинное значение этого слова на девяносто дней. Старый год определялся по лунным месяцам, а не по видимому пути солнца среди неподвижных звезд, который был определен древними астрономами, и был одним из величайших открытий древней науки. Римский год состоял из трехсот пятидесяти пяти дней, так что январь был осенним месяцем. Цезарь ввел обычный вставной месяц в двадцать три дня и два дополнительных месяца по шестьдесят семь дней. Они были добавлены к тремстам шестидесяти пяти дням, в результате чего переходный год составил четыреста сорок пять дней, на которые январь был возвращен к первому месяцу года после зимнего солнцестояния. И чтобы предотвратить повторение ошибки, он распорядился, чтобы в будущем год состоял из трехсот шестидесяти пяти дней и одной четверти дня, что он осуществил, добавив один день к месяцам апрель, июнь, сентябрь и ноябрь и два дня к месяцам январь, секстилис и декабрь, добавив десять дней к старому году в триста пятьдесят пять, и он предусмотрел равномерное добавление одного дня в каждый четвертый год. Цезарь изучал астрономию и всегда находил время для ее изучения. Он даже написал эссе о движении звезд, наблюдениям за которыми помогал александрийский астроном Сосиген. Он забрал астрономию из рук священников и сделал ее предметом гражданского законодательства. Он был отстранен от законодательства, чтобы еще раз обнажить меч против остатков помпейской партии, которые были собраны в Испании. На поле Мунда произошла его последняя великая битва, разыгравшаяся с необычайной яростью и сопровождавшаяся дикой жестокостью. Тридцать тысяч его противников пали в этой битве, и только Секст Помпей из всех отмеченных людей бежал в горы, избежав преследования. Этой победой он отпраздновал свой последний триумф, и податливый сенат присвоил ему титул императора. Он был назначен консулом на десять лет, пожизненным диктатором, его личность была объявлена неприкосновенной, и он был окружен охраной из знати и сенаторов. Он также получил знаки отличия королевской власти, золотой трон и диадему, усыпанную драгоценными камнями, и ему было разрешено носить пурпурную триумфальную мантию всякий раз, когда он появлялся на публике. На монетах чеканили его изображение, его статую устанавливали в храмах, а его друзья получили все государственные должности. Он признал Октавия, своего племянника, своим наследником и проложил путь к абсолютному деспотизму при своих преемниках. Мера его славы и честолюбия была полной. Он был бесспорным хозяином мира.

Затем он продолжил свои реформы и усовершенствования, как это сделал Наполеон после своей коронации в качестве императора. Он предоставил римское избирательное право различным штатам и городам за пределами Италии и колонизировал новые города. Он исключил судей всех рангов, кроме сенаторов и рыцарей, и ввел в действие новые законы о безопасности людей и собственности. Он дал неограниченную религиозную терпимость и задумал полную кодификацию римского права. Он основал великолепную публичную

библиотеку, назначил уполномоченных для составления карты всей империи и задумался об осушении понтийских болот.

Смерть цезаря.

После этих законодательных и общественных работ он подготовился к экспедиции в Парфию, в ходе которой надеялся превзойти завоевания Александра на Востоке. Но его карьера внезапно оборвалась из-за его преждевременной смерти. Знать, которую он унижал, и восточный деспотизм, который он замышлял, вызывали тайную враждебность, о которой он и не подозревал, среди всеобщего подчинения его воле. Прежде всего, титул короля, символ законного суверенитета, к которому он стремился, заострил кинжалы немногих оставшихся друзей свободы, ушедшей навсегда. Заговор состряпала вся старая партия государства, около восьмидесяти вельмож, во главе которых стояли Брут и Кассий. В пятнадцатый день марта 44 года до н.э., в мартовские иды, в день, когда Сенат был созван для его последнего отбытия на Восток, его закололи в здании сената, и он упал, покрытый ранами, у подножия статуи Помпея на пятьдесят шестом году жизни, и снова начались анархия и новые войны.

Характер цезаря.

Одновременные голоса всех историков и критиков объединяются, чтобы присвоить Цезарю самое величественное имя во всей древности. Он был велик во всем — как оратор, как историк, как государственный деятель, как генерал и как законодатель. Он обладал гением, пониманием, памятью, вкусом, трудолюбием и энергией. Он мог писать, читать и диктовать одновременно. Он объединил храбрость Александра с военными ресурсами Ганнибала. Он обладал удивительной способностью побеждать как друзей, так и врагов. Он был щедр, великодушен и обходителен. Даже любовь к Клеопатре не ослабила энергии его разума и тела. Он не был жестоким или кровожадным, за исключением тех случаев, когда к этому побуждали государственные соображения. Он простил Цицерона и принял Брута в близкую дружбу. Его успехи были запредельными, и удача никогда его не подводила. Он достиг предела человеческих амбиций и был сброшен со своего пьедестала власти только тайными кинжалами фанатиков, которые видели в его возвышении полное уничтожение римской свободы. Но свобода уже ушла, и в эпоху упадка мог править только деспот. Возможно, для Рима было бы лучше, если бы его жизнь продлилась, когда любая конституционная свобода стала невозможной. Но он взял меч, и Немезида потребовала, чтобы он погиб от него, в назидание всем будущим узурпаторам, которые будут добиваться даже благих целей позорными средствами. Вульгарная жалость сострадает печальной судьбе великого Юлиуса; но мы не можем забывать, что именно он нанес последний удар по конституции и свободам своей страны. Величие его дарований и заслуг меркнет перед гигантским преступлением, в котором его обвиняют в суде всех эпох, и понимание мира подвергается насмешкам, когда оправдывается его узурпация.

ГЛАВА XLI.

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ.—АНТОНИЙ.—АВГУСТ.

За убийством цезаря не последовало немедленных потрясений, которых мы, естественно, ожидали. Народ устал от войны и жаждал покоя, и, более того, ему было сравнительно безразлично, на кого падет власть, поскольку его свободы были безнадежно попорчены. Было ясно только одно: власть будет кем-то узурпирована, и, скорее всего, великими вождями, которые представляли интересы цезаря.

Великие люди Рима того времени.

Самыми могущественными людьми в Риме в то время были Марк Антоний, самый способный из помощников Цезаря, самый верный из его друзей и ближайший из его родственников, хотя и человек совершенно беспринципный; Октавий, внук Юлия, которого Цезарь признал своим наследником, молодой человек девятнадцати лет; Лепид, коллега Цезаря по консулату, глава древнего рода Лепидов, тринадцать из которых были удостоены курульных должностей; Секст Помпей, сын Помпея; Брут и Кассий, главные заговорщики; Долабелла, человек консульского ранга и один из самых расточительных дворян своего времени; Гиртия и Панса, консулы; Пизон, тесть цезаря, из могущественной семьи, которая могла похвастаться несколькими консулами; и Цицерон, все еще пользующийся влиянием благодаря своему большому авторитету. Все эти люди были великими дворянами и занимали самые высокие посты.

Антоний берет на себя инициативу в Риме.

Человеком, у которого, судя по всему, были наилучшие шансы на верховное командование в те смутные времена, был Антоний, матерью которого была Юлия, сестра Цезаря. Он был внуком великого оратора М. Антония, который преуспел во время гражданских войн между Марием и Суллой и отличался всеми пороками, безумием и расточительностью, которые были характерны для римской знати. Но он был человеком непревзойденных способностей как полководец, владел конницей и был консулом при цезаре, когда тот был убит, г. до н.э. 44 г. Он также был красноречив и произнес надгробную речь по убитому императору как ближайший родственник. У него были бумаги цезаря, и он был губернатором Цизальпинской Галлии. Он заключил союз с Лепидом, которому предложил должность Верховного понтифика, вторую должность в государстве. Как консул, он мог открыть государственную казну, которую он разграбил на семьсот миллионов сестерциев — огромную сумму, оставленную цезарем. Один из его братьев был претором, а другой — трибуном. Он созвал Сенат и с помощью тех сокровищ, которыми располагал, заставил народ внушить Сенату благоговейный трепет, как якобинские клубы времен Французской революции внушали благоговейный трепет Собранию. Он призвал Сенат ратифицировать акты цезаря и утвердить его назначения, и в этом его поддержали Цицерон и большинство членов. Теперь, когда дело было сделано, он хотел, чтобы прошлое было забыто. Этот акт амнистии подтвердил его устрашающее превосходство, и наследие могущественных мертвецов, по-видимому, перешло к нему. Заговорщики пришли к соглашению с ним, и он даже принимал их у себя, и получили провинции, которые он им выделил. Брут получил Македонию; Кассий — Сирию; Требоний — Азию; Кимбер — Вифинию; а Децим — Цизальпинскую Галлию. Долабелла был его коллегой по консульству, личным врагом, но преданным его политике.

Цезарь оставил по триста сестерциев каждому гражданину (около 3 фунтов стерлингов) и свои сады за Тибром в пользование народа. Такие подарки вызвали глубокую благодарность к памяти человека, который оказался таким великим благодетелем, и его публичные похороны были беспрецедентно пышными. Антоний, как его ближайший наследник и первый судья, произнес речь, которая была непревзойденным произведением драматического искусства, в которой он разжег страсти народа и довел его до иступления, так что они с яростью набросились на убийц. Но он заверил Сенат в своей умеренности, навсегда отменил диктатуру и обеспечил себе личную безопасность с помощью телохранителя.

Octavius.

Однако у него был могущественный соперник в лице молодого Октавия, который по завещанию цезаря был объявлен его главным наследником и в то время отсутствовал в Аполлонии. Он решил немедленно вернуться и предъявить права на свое наследство, и был тепло принят в Брундузии ветеранами войск, и особенно Цицероном, который видел в нем соперника Антония. Октавий льстил старому оратору и снискал всеобщее расположение своими непритязательными манерами и благовидным языком. Он прибыл в Рим при благоприятных предзнаменованиях, заискивал перед сенаторами и обещал выполнить просьбы своего дяди. Он был принят Антонием в садах Помпея и сразу же заявил права на свое наследство. Антоний ответил, что это была не частная собственность, а общественное достояние, и, более того, оно было потрачено впустую. Октавиуса нельзя было сбить с толку, и он смело заявил, что хочет и может выплатить наследство, и ухитрился занять деньги. Такой поступок обеспечил непревзойденную популярность. Он устроил великолепные представления, а затем заявил, что украшенная драгоценными камнями корона Цезаря должна быть выставлена на празднестве, которое он учредил в честь Венеры и в честь которого Цезарь поклялся построить храм в утро своей победы при Фарсалии. Трибуны, подстрекаемые Антонием, отказались санкционировать этот почетный знак, но фортуна была благосклонна к Октавию, и в разгар праздника, длившегося одиннадцать дней, месяц Квинтилий был заменен на Юлия — первого полубога, которого Сенат вознес на Олимп.

Брут и Кассий.

Тем временем Брут и Кассий отошли от государственных дел, задержавшись в окрестностях Рима, и обещанные им провинции были потеряны. В Анции у них состоялась беседа с Цицероном, который посоветовал им сохранять спокойствие и не соваться в столицу, где народ был настроен против них. Их единственным ободрением были успехи Секста Помпея в Испании, под командованием которого было шесть легионов. Цицерон предвидел, что близится еще одна гражданская война, и имел самые мрачные предчувствия, поскольку тот или иной из двух великих вождей сторонников Цезаря был уверен, что в конечном итоге получит верховную власть. Унизительное убеждение в том, что убийство Цезаря было ошибкой, теперь глубоко запечатлелось в его сознании, поскольку это неизбежно привело бы к новой кровопролитной войне. Сам изгнанный из Рима, этот великий и истинный патриот скитался с места на место, чтобы отвлечься. Но ни увлечение литературой, ни достопримечательности Тускулума, Путеолов, Помпей и Неаполя, где у него были роскошные виллы, не могли успокоить его встревоженную душу. Религиозный, старый и опытный, он мог только размышлять о грядущем и окончательном падении ниц того дела конституционной свободы, которому он был предан.

Цицерон.

Антоний, также осведомленный о надвигающейся борьбе, стремился заполучить правительство Цизальпинской Галлии и шесть легионов, предназначенных для парфянской войны. Но он был сбит с толку сенатом и интригами Октавия, который прикрывался августейшим именем человека, которым он был усыновлен. Поэтому он заключил пустое примирение с Октавием и с его помощью получил галльские провинции. Цицерон, теперь желавший только умереть с честью, вернулся в Рим, чтобы принять любую уготованную ему судьбу и до последнего защищать свое несостоявшееся дело. Именно тогда, в Сенате, он выступил с гневными филиппиями против Антония как врага общества, которые относятся к числу его величайших усилий и которые наиболее убедительно свидетельствуют о его моральном мужестве.

Пустое примирение между Антонием и Октавием длилось недолго, и первый, будучи консулом, отправился в Брундузий, чтобы принять командование расквартированными там легионами, а Октавий собрал свои силы в Кампании. Обе стороны жаловались друг на друга, и обе упоминали имя Цезаря. Цицерон ненавидел одного и был слеп в отношении другого.

Перспективы гражданской войны. Положение римских дел. Триумвират Антония, Октавия и Лепида. Они объявляют своих врагов вне закона.

Срок полномочий консула, который занимал Антоний, к этому времени истек, и Гиртий, один из новых консулов, выступил в Цизальпинскую Галлию, и Октавий перешел под его командование. Сенат объявил состояние общественной опасности. Филиппики Цицерона возымели действие, и Сенат и правительство теперь были настроены против Антония как зачинщика новой революции. Консулы скрестили мечи с Антонием на Галлорумом форуме, и консул Панса пал, но успех был на стороне правительства. Еще один успех при Мутине благоприятствовал правительственной партии, к которой присоединился Октавий. Получив известие об этой победе, Цицерон произнес свою четырнадцатую и последнюю филиппику против Антония, который к этому времени отступил из Цизальпинской Галлии и объединился с Лепидом за Альпами. Октавий отказался преследовать его, и Планк не решался напасть на него, хотя к нему присоединился Децим, один из убийц Цезаря, с десятью легионами. Октавий теперь держался в стороне от правительственной армии, из чего было очевидно, что у него были собственные амбициозные планы на дальнейшее развитие, и Планк донес на него Цицерону. Бывалый государственный деятель, наконец, понял, что Октавий, покинув Децима (который из всех полководцев был единственным, на чью верность государство могло надежно положиться), не заслуживает дальнейшего доверия, и обратил свой взор на Македонию и Сирию, в провинции, в которые удалились Брут и Кассий. Сенат тоже теперь не доверял Октавию и обращался с ним пренебрежительно; но, поддержанный опытными солдатами, он потребовал консульства и даже тайно переписывался с Антонием, заверяя его в своей готовности объединиться с ним и Лепидом и приглашая их последовать за ним в Рим. Он маршировал во главе восьми легионов, все время делая вид, что подчиняется их принуждению. Сенат, охваченный благоговейным страхом, позволил ему в двадцатилетнем возрасте занять консульский пост вместе с Педием, внучатым племянником Цезаря, в качестве его коллеги. Поскольку Гиртий и Панса оба пали, Октавий, оставив город в руках ревностного коллеги, начал переговоры с Антонием и Лепидом, понимая, что только совместно с ними его узурпация может быть сохранена. Они встретились для переговоров в Бононии и согласились разделить империю между собой. Они объявили себя триумвирами по урегулированию содружества и после трехдневного совещания разделили между собой провинции и легионы. Затем они согласовали всеобщее запрещение своих врагов. Число тех, кого они таким образом обрекли на уничтожение, составляло триста

сенаторов и две тысячи рыцарей из знатнейших семей Рима, среди которых были братья, дядя и любимые офицеры. Обладание богатством было фатальным для одних, а прекрасными виллами - для других. Цицерон, как и следовало ожидать, был в их числе, поскольку он исчерпал весь латинский язык, понося Антония, которого ненавидел больше всех остальных смертных и ненависть к которому сама по себе была страстью. Он говорил о Цезаре с благоговением, о Помпее - со стыдом, о Крассе - с неприязнью, а об Антонии - с горьким отвращением и беспощадной злобой. Он не мог спастись, даже если бы бежал на край света. Колебания его последних часов, его глубокое горе и скорбные муки описаны Плутархом. Он пал мучеником за дело истины, общественной добродетели и возвышенного патриотизма, хотя его жизнь была запятнана слабостями и немощами, такими как тщеславие, честолюбие и ревность. В мрачный и порочный период, который он украсил своими выдающимися талантами и несравненными заслугами, он жил и умер в вере — самый дружелюбный и благородный из всех своих современников.

Теперь триумвиры удовлетворили свою месть серией убийств, подобных которым не было даже в худшие века религиозного и политического фанатизма. И все эти ужасные преступления были совершены во имя этого великого и величественного человека, который завоевал мир своим мечом. Престиж этого могущественного имени санкционировал их злодеяния и поддерживал их власть. Цезарь все еще был жив, хотя и убит, и триумвиры правили как его наследники или мстители, даже когда Луи Наполеон принял скипетр своего дяди не за какие-либо услуги, которые он оказал, а как наследник его завоеваний. Римляне любили цезаря, как французы любили Наполеона, и подчинились власти триумвиров, как французы подчинились узурпации запрещенного узника Хама. И в анархии, последовавшей за убийством величайшего человека древности, должно было случиться так, что бразды правления перехватил сильнейший, поскольку вся свобода и возвышенный патриотизм исчезли.

Кассий и Брут объединяют аристократию. Битва при Филиппах.

Но эти узурпаторы не смогли бы закрепить свою власть без еще одной, последней борьбы уничтоженной аристократии. Они сплотились под знаменами Брута и Кассия в Македонии и Сирии. Один стоял во главе восьми легионов, а другой - одиннадцати, все еще грозной силы. Секст Помпей также все еще был жив и укрепился на Сицилии. Еще предстояла битва, прежде чем республика испустит свой последний вздох. Цицерон должен был присоединиться к этим силам и, возможно, сделал бы это, если бы не его колебания. Итак, Лепид, как консул, взял под свой контроль Рим и интересы Италии, в то время как Антоний выступил против Брута и Кассия на Востоке, а Октавий напал на Секста на Сицилии; однако, не имея возможности атаковать его без кораблей, он присоединился к своему союзнику. Их объединенные силы были сосредоточены в Филиппах, во Фракии, и там произошла последняя решающая битва между республиканцами, если сенаторскую и аристократическую партию под руководством Брута и Кассия можно назвать республиканцами, и освободителями, как они называли себя, или приверженцами Цезаря. Республиканцы располагали силами в восемьдесят тысяч пехотинцев и двадцать тысяч кавалеристов, в то время как триумвиры командовали все еще превосходящими силами. Численность участников этого великого конфликта превзошла весь предыдущий опыт, и битва при Филиппах стала самой запоминающейся в римских летописях, поскольку все доступные силы империи теперь были брошены друг против друга. Спорный вопрос заключался в том, должна ли власть остаться за старой конституционной партией или за партией узурпации, которую Цезарь возглавил и привел к победе. Вопрос заключался в том,

должен ли Рим управляться по старым формам или императором с абсолютной властью. Силы, собравшиеся на этом роковом поле битвы — последней битве за свободу, когда—либо разыгравшейся в Риме, - были в три раза больше тех, что сражались при Фарсалии. На том памятном поле битвы погибла республика. Битва была честной и храброй с обеих сторон, но победа склонилась к цезарианцам в двух отдельных боях с интервалом в двадцать дней, в 42 году до н.э.. И Кассий, и Брут пали от собственных мечей, и их самоликвидация, вызванная полным отчаянием за свое дело, фактически расколола их партию.....

Римская свобода уничтожена.

Теперь империя была в руках триумвиров. Последнее сражение было решающим. Дальнейшая борьба была хуже, чем бесполезной. Судьба провозгласила исчезновение римских свобод навсегда. Порок и фракции подготовили почву для насилия, и последнее обращение к мечу решило судьбу империи, которой отныне будет править деспот.

Но поскольку теперь среди сторонников цезаря было три деспота, которые стремились завладеть его скипетром, кто из них должен одержать верх? Антоний был величайшим полководцем; Октавий был величайшим человеком; Лепид был орудием обоих. Настоящее соперничество было между Октавием и Антонием. Но они не сразу поссорились. Антоний предпринял покорение восточных провинций, а Октавий отправился в Рим. Первый стремился перед великим столкновением со своим соперником добиться военного превосходства за счет новых побед; второй - контролировать фракции и партии в столице. Сначала они избавились от Лепида, теперь, когда их более могущественные враги были побеждены, и вынудили его отказаться от командования в Италии и довольствоваться управлением Африкой. Антоний, командовавший не менее чем двадцатью восемью легионами, которые вместе со вспомогательными войсками насчитывали сто семьдесят тысяч человек, имел, пожалуй, наилучшие шансы. Его требования были ужасны, но он растратил свои сокровища и дал волю своим страстям.

Клеопатра и Антоний. Война Октавия и Секста.

Настоящей причиной его свержения была Клеопатра, ибо, если бы его не сбила с толку чрезмерная страсть к этой женщине и если бы он воспользовался своей огромной властью с мудростью и способностями, которые он ранее проявил, самый способный из всех полководцев Цезаря, он, вероятно, одержал бы победу над любым врагом. Во время своего путешествия по Киликии он был встречен Клеопатрой во всей пышности и роскоши восточного владыки. Она пришла якобы для того, чтобы смягчить его гнев, и поднялась по Киднусу на барке с позолоченной кормой и пурпурными парусами, гребла серебряными веслами под звуки труб и флейт. Она возлежала, самая сладострастная из античных красавиц, под усыпанным блестками балдахин, окруженная Грациями и Купидонами, в то время как воздух был напоен благовониями Олимпа. Вскоре она очаровала самого могущественного человека в империи, который, забыв о своих амбициях, смирился с любовью. Октавий, хозяин самого себя и Италии, конфисковал земли в пользу солдат, подготовленных к будущим непредвиденным обстоятельствам. Хотя Антоний женился на Октавии, сестре Октавия, он был полон интриг против него, а Октавий, со своей стороны, оказался более чем достойным соперником в двуличии и скрытой враждебности. Они, однако, притворялись друзьями, и Брундузианский мирный договор, воспетый Вергилием, по-видимому, указывает на то, что теперь мир должен наслаждаться миром, которого он так жаждал. После разгула Антоний уехал из Рима на Восток,

а Октавий - в Галлию, каждый с целью военных завоеваний. Антоний со своей новой женой, казалось, забыл Клеопатру и посвятил себя лагерным обязанностям с усердием, достойным самого цезаря. Октавий вступает в морской конфликт с Секстом и терпит поражение, но Сексту не удается извлечь выгоду из своей победы, и Октавий с помощью своих способных лейтенантов, подкрепленный Антонием, снова атакует Секста и снова терпит поражение. В третьем конфликте он одерживает победу, и Секстус убегает на Восток. Лепид, изгнанный и обманутый как Антонием, так и Октавием, теперь объединяется с Секстом и помпеянами и выступает против Октавия; но его покидают солдаты, и он попадает в руки своего врага, который с презрением щадит его жизнь. Своим возвышением он был обязан влиянию семьи, а не собственным способностям. Секст, наконец, был схвачен и убит.

В этот момент Октавий стоял во главе партии цезарей. Он завоевал уважение и дружбу римлян своим милосердием и щедростью. Он не был великим полководцем, но ему служили великий полководец Агриппа и другой министр с такими же талантами, Мекренас. У него было даже больше сил, чем у Антония, не менее сорока пяти легионов пехоты, двадцати пяти тысяч кавалерии и тридцати семи тысяч легковооруженных вспомогательных войск. Антоний, с другой стороны, потерял уважение римлян из-за своей расточительности, восточного жеманства и рабства у Клеопатры.

Эта хитрая и образованная женщина снова встретила Антония в Азии и возобновила свое влияние. Полководец стал битв стал изнеженным из-за своего сладострастного флирта, так что его парфянская кампания потерпела неудачу, даже несмотря на то, что он возглавлял армию в сто тысяч человек. Он был вынужден отступить, и его отступление было катастрофическим. Именно в то время, когда он планировал очередную кампанию, Октавия, его жена и сестра его соперника, — женщина, занимавшая самое достойное положение в мире, — привела в его лагерь и деньги, и войска, надеясь успокоить ревность своего мужа и обеспечить мир между ним и ее братом. Но Антоний бесцеремненно отказался видеть эту благородно мыслящую женщину, отдав провинции Клеопатре. В Александрии этот покинутый распутник предался со своей возлюбленной всемерному разврату, в то время как та, кто поработила его, мечтала только об империи и господстве. Возможно, она и любила его, но власть она любила больше, чем разврат. Ее интеллектуальные достижения были равны ее личному обаянию, и хотя она соблазняла чувственных римлян дорогими банкетами, ее взор был неизменно устремлен на установление ее египетского трона.

Разрыв, которого Октавия стремилась предотвратить между своим братом и мужем — ибо с редчайшим великодушием она все еще оставалась верна ему, несмотря на его безудержную любовь к Клеопатре, — наконец произошел, когда Октавий одержал победу над Секстом, а Антоний потерпел неудачу на далеком Востоке. Октавий объявил войну египетской царице, и Антоний развелся с Октавией. Всю зиму 31 года до н.э. обе стороны готовились к неизбежному конфликту, поскольку теперь у Рима мог быть только один хозяин. Судьба империи должна была решиться не сухопутными войсками, а морским сражением, и оно состоялось при Акциуме, но теперь уже не равными силами, поскольку силы Антония были ослаблены дезертирством. Более того, он отверг советы своих самых способных военачальников и подчинился руководству своей любовницы, в то время как Октавий прислушивался к советам Агриппы.

Битва едва началась, как Клеопатра бежала, за ней последовал Антоний. Следствием стало уничтожение антонийского флота. Эта битва в 31 году до н.э. отдала мировую империю

Октавию, а Антоний бежал в Александрию с женщиной, которая его погубила. И хорошо, что империя попала в руки политичного и глубокомысленного государственного деятеля, который стремился укрепить ее и сохранить мир, а не в руки развратного генерала с ненасытными страстями и жадой кровопролитной мести. Победитель высадился в Египте, в то время как влюбленные предались отчаянию. Антоний, узнав о смерти Клеопатры, нанес себе смертельную рану, но умер на руках у той, ради кого пожертвовал славой, состоянием и жизнью. Клеопатра во время свидания, которого Октавий добивался в Александрии, попыталась очаровать его теми уловками, с помощью которых она ввела в заблуждение и цезаря, и Антония, но холодный и политичный победитель был непоколебим и холодно потребовал оправдания ее политической карьере и оставил ее для украшения своего будущего триумфа. Она ускользнула от его бдительности и погубила себя, как предполагается, укусом аспиды, поскольку на ее мертвом теле не было ни одного из обычных пятен яда. Она умерла в 30 году до н.э. на сороковом году своей жизни и была похоронена как королева рядом со своим возлюбленным. Ее сын Цезарион от Юлия Цезаря также был предан смерти, а затем владыка мира “вытер свой окровавленный меч и вложил его в ножны”. Больше жертв не требовалось. Отныне нельзя было опасаться никакого соперничества, и всякое противодействие его воле прекратилось.

Октавий превратил Египет в римскую провинцию, и после урегулирования дел на Востоке, среди которых было утверждение Ирода в качестве суверена Иудеи, он вернулся в Рим, чтобы получить свои новые почести и обеспечить свой безраздельный суверенитет. Наконец-то миру был дарован мир. Император посвятил храмы богам и дал людям игры и зрелища. Богатствами всех предыдущих завоеваний он мог распоряжаться и наслаждаться — о масштабах которых можно догадаться из того факта, что один только цезарь захватил сумму, равную ста семидесяти миллионам фунтов стерлингов, не считая относительной стоимости золота в те времена. Божественные почести были оказаны Октавию как наследнику цезаря. Он принял титул императора, но объединил в себе все великие должности республики, которые были отменены. Как цензор, он провел чистку и контролировал Сенат, членом которого он был назначен принцепсом, или главой. Как консул он контролировал государственные армии; как бессменный проконсул всех провинций империи, он контролировал их доходы, их законы, их внутренние реформы и все внешние отношения. Как пожизненный трибун, он инициировал юридические меры в комитиях племен; как Верховный понтифик, он регулировал все религиозные церемонии. Все эти великие должности были назначены ему подвластным народом. Единственной прерогативой, которая оставалась за ними, было составление законов, но даже эту великую и верховную власть он контролировал, взяв на себя инициирование всех законов и мер, — то, на что Луи Наполеон претендовал в Законодательном корпусе. Он также прибегал к эдиктам, которые имели силу закона и в конечном счете составляли немалую часть римской юриспруденции. Наконец, он принял имя Цезаря, как когда-то называл Августа, и завершил реальность деспотизма внушительным титулом *imperator*, или император.

ГЛАВА XLII.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ПОСЛЕ ВОЦАРЕНИЯ АВГУСТА.

Октавия, ныне владыку мира, обычно называют Августом Цезарем — это имя он принял. Он был первым из той великой династии властителей, которых мы называем императорами. Давайте, прежде чем проследить историю империи, сделаем краткий обзор ее масштабов, ресурсов, населения, институтов, состояния общества и того развития искусства, науки и литературы, которое мы называем цивилизацией, в период, непосредственно предшествовавший рождению Христа, когда народы были покорены, покорны единой центральной власти и жили в мире друг с другом.

Процветание империи.

Империя была не так велика, какой стала впоследствии, и не находилась на том пике могущества и процветания, который последовал за столетием мира, когда непрерывное владычество примирило мир с правлением цезарей. Но это был золотой век имперского господства, когда процветали искусства, наука и литература и когда мир отдыхал от непрекращающихся войн. Это не был век наивысшей славы человека, поскольку прекратилась всякая борьба за свободу; но это был век хорошего правления, когда его механизм был усовершенствован, и огромная масса человечества чувствовала себя в безопасности, и все классы предавались удовольствиям, наживе или непрерывному труду. Это был первый случай в истории мира, когда существовала толькоодна центральная власть, и когда предстояло испытать эксперимент не со свободой и самоуправлением, а со всемирной империей, выросшей из всеобщего соперничества и войн, управляемой одной центральной и непреодолимой волей. Зрелище цивилизованного мира, послушного *одному* хозяину, обладает возвышенностью и моральным величием и предполагает принципы, представляющие серьезный интерес. Последняя из великих монархий, предсказанных Откровением, и величайшая из всех — железная монархия, которую Даниил видел в пророческом видении, преподает уроки глубокого значения.

Масштабы империи. Города империи. Великолепие Рима.

Тогда империя охватывала все страны, граничащие со Средиземным морем — этим великим внутренним морем, на берегах которого процветали самые знаменитые города древности и к которому докатилась волна ассирийских и персидских завоеваний, а затем навсегда отступила. Границами этой могущественной империи были огромные горы, пустыни, океаны и непроходимые леса. На востоке лежала Парфянская империя, отделенная от римской реками Тигр и Евфрат, а также Армянскими горами, за которыми находились другие великие империи, неизвестные грекам, такие как индийская и китайская монархии, с другой цивилизацией. На юге были африканские пустыни, не посещаемые даже путешественниками. На западе был океан, а на севере жили варварские племена разных названий и рас — славянские, германские и кельтские. Империя простиралась на территорию в миллион шестьсот тысяч квадратных миль, и среди ее провинций были Испания, Галлия, Сицилия, Африка, Египет, Сирия, Малая Азия, Ахайя, Македония и Иллирик — все они подчинялись Италии, столицей которой был Рим. Центральная провинция насчитывала четыре миллиона свободных жителей и могла, в случае необходимости, предоставить семьсот тысяч пехотинцев и семьдесят тысяч всадников для армии республики. Он был усеян городами, деревнями и виллами, заполнен статуями, храмами

и произведениями искусства, привезенными из самых отдаленных провинций — добычей трехсотлетних завоеваний. Во всех провинциях были большие города, некогда знаменитые и независимые, центры роскоши и богатства — Коринф, Афины, Сиракузы, Карфаген, Александрия, Антиохия, Эфес, Дамаск и Иерусалим с их зависимыми городами, все они были связаны друг с другом и со столицей гранитными дорогами, всем благоприятствовала торговля, все радовались единому правительству. Рим, великая владычица, правившая более чем ста двадцатью миллионами человек, содержал огромное население, по разным оценкам, в котором было сосредоточено все, чего жаждали богатство или власть. Эта столица быстро украсилась дворцами, храмами и произведениями искусства после покорения Греции и Малой Азии, хотя и не достигла апогея великолепия до времен Адриана. Во времена Августа самыми внушительными зданиями был Капитолий, восстановленный Суллой и Цезарем, одна только позолоченная крыша которого обошлась в 15 000 000 долларов. Театр Помпея вмещал восемьдесят тысяч зрителей, за которым находился портик из ста колонн. Цезарь построил Форум Юлия, триста сорок футов в длину и двести в ширину, и начал строительство еще более величественных сооружений, известных как базилика Юлия и Курия Юлия. Римский форум имел размеры семьсот на четыреста семьдесят футов и был окружен базиликами, залами, портиками, храмами и магазинами - центром архитектурного великолепия, а также жизни, бизнеса и развлечений. Август восстановил Капитолийский храм, достроил Форум и базилику Юлия, построил Курию Юлия и основал императорский дворец на Палатине, а также воздвиг множество храмов, самым красивым из которых был храм Аполлона с колоннами из африканского мрамора и воротами из слоновой кости тонкой скульптуры. Он также воздвиг Форум Августа, театр Марцелла, способный вместить двадцать тысяч зрителей, и мавзолей, в котором хранился прах императорской семьи времен Адриана, у входа в который стояли два египетских обелиска. Этот император хвастался тем, что нашел город из кирпича, а оставил его из мрамора. Но каким бы великим и прекрасным ни был Рим в эпоху Августа, обогащенный не только его собственными щедротами, но и дворцами и банями, возведенными его министрами и придворными, — Пантеоном, Банями Агриппы, Садами Мецената, — город стал таким только после того, как другие императоры возвели Императорский дворец, Амфитеатр Флавиев, Траянский форум, базилику Ульпия, Храм Венеры и Рима, Термы Каракаллы, Арки Септимия Севера и Траяна и другие чудеса. Это настолько поразительное чудо с его дворцами, театрами, амфитеатрами, банями, фонтанами, бронзовыми статуями императоров и генералов, такое многочисленное и величественное, что мы вправе полагать, что его слава, как и численность населения, превзошли показатели Парижа и Лондона вместе взятых.

Повелитель империи.

И эта столица и эта империя казались владениями одного человека, столь огромной была его власть, столь величественным его достоинство, абсолютным хозяином жизни и имущества ста двадцати миллионов, ибо люди теперь были лишены возможности выбирать магистратов и создавать законы. Как могли величайшие аристократы не пресмыкаться перед верховным главнокомандующим армиями, главой Сената и верховным жрецом национальных божеств — перед ним самим, получателем почестей, воздаваемых только богам! Но Август сохранял формы старой республики — все старые должности, старые достоинства, старые празднества, старые ассоциации. Сенат, поверженный и бессильный, все еще сохранял внешнее достоинство, как Британская палата пэров. Было шестьсот сенаторов, каждый из которых владел более чем одним миллионом двумястами тысячами сестерциев - около 50 000 долларов, тогда как в настоящее время эта сумма должна была равняться миллиону долларов золотом, а некоторые

из них имели доход в тысячу фунтов стерлингов в день, награбленный в провинциях, которыми они управляли.

Римский сенат.

Римский сенат, столь могущественный при республике, все еще продолжал, с ограниченными законодательными полномочиями, выполнять важные функции, поскольку они выполняли обычные официальные дела. Провинциями управляли люди, избранные из числа сенаторов. Они носили знаки отличия; у них были лучшие места в цирке и театре; они устраивали банкеты в капитолии за общественный счет; они претендовали на право избирать императоров.

Всадники.

Конный орден также продолжал распределять доходы провинций и снабжать судей. Рыцари сохраняли внешние украшения, от них требовалось обладать имуществом, равным трети имущества сенаторов, и они составляли аристократический класс.

Консулы.

Консулы тоже правили, но с делегированными императором полномочиями. Они были его глазами, и ушами, и голосом, и руками; но ни политический опыт, ни военная служба не требовались в качестве квалификации для этой должности. Они носили лавровый венок на челе, полосатую одежду белого и пурпурного цветов, и их сопровождали ликторы. Все граждане уступали им дорогу, спешивались, когда они проезжали, и вставали в их присутствии. Преторы также продолжали оставаться верховными судьями, а квесторы регулировали казначейство. Трибуны также существовали, но без их прежней независимости. Должность префекта города была новой, и затмевала все остальные должности — император назначал его своим заместителем, самым эффективным исполнительным министром, своим заместителем в его отсутствие в городе.

Армия.

Постоянная армия, всегда являвшаяся признаком деспотизма, превратилась в имперский институт. Во главе этой армии стояли преторианские гвардейцы, охранявшие особу императора и получавшие двойное жалованье по сравнению с обычными легионерами. У них был постоянный лагерь за пределами города, и они всегда были под рукой, чтобы подавить беспорядки. Двадцать пять легионов считались достаточными для защиты империи, и каждый легион состоял из шести тысяч ста пеших и семисот двадцати шести конных. Они были набраны из солдат из стран за пределами Италии. Вспомогательные войска были равны легионам, и все вместе насчитывали триста сорок тысяч человек — постоянную армию империи, расквартированную в разных провинциях. Военно-морское вооружение также было установлено в различных морях и на больших пограничных реках.

Доходы для этого огромного войска и общие расходы правительства поступали от общественных владений, от прямых налогов, от рудников и каменоломен, от солеварен, рыболовства и лесов, от таможен и акцизов, от наследования собственности, от предоставления избирательных прав рабам.

Политика Августа.

Монархия, учрежденная Августом, во всем, кроме названия, была политической необходимостью. Помпей правил бы как инструмент аристократии, но он был бы только *primus inter pares*; Цезарь признавал народ основой суверенитета; Август основывал свою власть на организованном военном учреждении, постоянным главой которого он был. Все солдаты присягнули ему на личную верность — все офицеры были назначены им, прямо или косвенно. Но он уважал древние традиции, формы правления и магистратуру, особенно достоинство Сената, и таким образом облек свою военную мощь, которая была его истинной властью, в формы аристократии, которая была управляющей властью до того, как конституция была ниспровергнута.

Едва ли нужно говорить, что огромная масса народа была безразлична к этим политическим переменам. Ужасы Марианской и Сулланской революций, борьба Цезаря и Помпея и ужасные массовые убийства триумвиров встревожили и вызвали отвращение у всех классов, и они искали покоя, безопасности и умиротворения. Любое правительство, которое подавляло бы анархию, было для них лучшим. Они хотели, чтобы их избавили от казней и конфискаций. Широкое предоставление избирательных прав иностранным рабам также привело к деградации народа и сделало его безразличным к хозяевам, которые должны были править им. Римские граждане смешались с представителями всех рас. Разграбление поместий во время гражданских войн нанесло ущерб сельскому хозяйству, и население сократилось из-за войны и нищеты.

Институты Августа.

Август, укрепленный военной мощью, стремился возродить не только касту патрициев, но и пришедшие в упадок религиозные обычаи. Были возведены храмы и восстановлены святилища богов. Поощрялись браки, а нравственность людей регулировалась законами о роскоши. Были введены суровые наказания за безбрачие, к которому людей привели растущая распущенность того времени и дороговизна жизни. Были введены ограничения на вольную свободу рабов. Личные привычки императора были простыми, но достойными. Его особняк на Палатине был умеренных размеров. На нем была одежда сенатора, сотканная руками Ливии и ее служанок. Он был учтив, трезв, благопристойен и воздержан. Его гостей выбирали по их социальным качествам. За его столом были приняты Вергилий и Гораций, плебейские поэты, а также Поллион и Мессала. Он стремился блюсти мораль и возродить древние традиции. Он завидовал только тем, кто не льстил ему. Он свободно тратил деньги на игры и фестивали и обеспечил мир и изобилие в столице, где он правил безраздельно. Народ радовался появлению безграничного процветания, а раболепные поэты воспевали императора так, словно он был богом.

Римская торговля.

И, судя по всему, Рим был самым любимым местом на земном шаре. Огромные флотилии доставляли зерно из Галлии, Испании, Сицилии, Сардинии, Африки и Египта, чтобы прокормить четыре миллиона людей, владевших миром. Столица была средоточием всей роскоши отдаленных провинций. Туда стекались пряности с Востока, слоновая кость, хлопок, шелк, жемчуг, алмазы, камедь, а также кукуруза, масло и вино. Обширная торговля придала единство империи и привела все великие города в сношения друг с другом и с Римом — могущественной владычицей земель и континентов, командующей армиями, строительницей дорог, цивилизатором и хранительницей всех стран, которыми она управляла своей железной рукой.

Торговля и собственность были в целом защищены. Везде, где распространялась проконсуловская власть, были порядок и закон. Великие магистрали, первоначально построенные для военных целей, простиравшиеся во все части империи, пересекавшие горы и пустыни, леса и болота, усеянные столбами и почтовыми станциями, внесли огромный вклад в развитие мировой цивилизации.

Резиденции знати. Развлечения аристократии.

В то время сам Рим, хотя и не такой большой и великолепный, как в последующие периоды, был самым привлекательным местом на земле. Семь акведуков уже доставляли воду в город, некоторые по каменным аркам, а некоторые по подземным трубам. Могилы двадцати поколений выстроились вдоль больших дорог, которые тянулись из столицы в провинции. По мере того как эти дороги приближались к городу, они превращались в улицы, а дома становились плотными и непрерывными. Семь первоначальных холмов были покрыты дворцами и храмами, в то время как долины были центрами большого населения, в которых находились форумы, субурра, квартал магазинов, цирк и велабрум. Палатин, в частности, был занят высшей знатью. Здесь находились знаменитые особняки Друза, Красса, Цицерона, Клодия, Скавра и Августа, а также храмы Кибелы, Юноны Соспиты, Луны, Фебрис, Фортуны, Марса и Весты. На Капитолии находились Аркс, или цитадель, и храм Юпитера. На Пинцианском холме располагались виллы и сады, в том числе Лукулла и Саллюстия. Каждый доступный дюйм земли в субурре и велабруме был заполнен жилищами, поднимавшимися на огромную высоту, даже до уровня Капитолийской вершины. Все храмы были построены по греческим образцам. Дома великих были огромных размеров. Пригороды были необычайно обширны. Население превышало население всех современных городов, хотя, возможно, это было преувеличено. Липсиус подсчитал, что оно достигло огромной цифры в четыре миллиона. Ничто не могло быть более многолюдным, чем улицы, чей непрекращающийся шум был невыносим для тех, кто искал покоя. И они были заполнены бездельниками, а также торговцами-людьми, ремесленниками и рабами. Все классы искали развлечений в театре и цирке — все направлялись в общественные бани. Амфитеатры также собирали в своих стенах бесчисленные тысячи людей, чтобы стать свидетелями сражений зверей с людьми и человека с человеком. Гладиаторские состязания были самыми захватывающими зрелищами, когда-либо известными в древности или в наше время, и были самыми яркими чертами римского общества. Бани тоже оглашались криками и смехом, музыкой певцов и инструментов и даже декламациями поэтов и лекторов. Роскошный римлянин вставал при свете дня и принимал у своей дамы толпу клиентов и слуг. Затем он отправлялся на форум или его несли сквозь толпу на носилках. Здесь он председательствовал в качестве судьи, или выступал в качестве свидетеля или адвоката, или занимался своими деловыми делами. В двенадцать часов дневная работа заканчивалась, и он отправлялся на полуденную сиесту. Когда все это закончилось, он развлекался спортом на Марсовом поле, а затем отправился в бани, после чего был ужин, или основная трапеза, во время которой он позволял себе самую грубую роскошь, ценимую скорее за дороговизну, чем за элегантность. Он возлежал за столом, на роскошном ложе, и ему прислуживали рабы, которые вырезали для него резьбу, наполняли его чашу и наливали воду ему в руку после каждого подноса. Он ел без ножей и вилок, только пальцами. Застолье сопровождалось оживленной беседой, музыкой и танцами.

Римская литература.

В этот период римская литература достигла своей высшей чистоты и лаконичности. Историк Ливий заручился дружбой Августа, и его репутация была настолько высока, что восторженный испанец специально приехал из Кадиса, чтобы повидаться с ним, и, удовлетворив свое любопытство, немедленно вернулся домой. Он брал сухие хроники своей страны, черпал из них поэзию старых традиций и разжигал патриотический дух. Друг старой олигархии, аристократ со всеми своими предрассудками и привычками, он осыпал презрением трибунов и демагогов и прикрывал деспотизм своего императорского повелителя. Вергилий также воспламенял патриотизм своих соотечественников, одновременно лстя тирану, в лучах солнца которого он грелся. Покровительствуемый Мecenатом, поддерживаемый Октавием, он воспевал закон, порядок и традиции и пытался возродить эпоху веры, любви к земледельческой жизни, вкуса к простоте лучших дней и почитания воинских добродетелей героических времен. Гораций высмеивал и порицал пороки своего времени, и все же добился и богатства, и почестей. Его несравненным остроумием и непревзойденной элегантностью стиля восхищались все ученые на протяжении почти двух тысяч лет. Проперций, Тибулл и Овидий также украсили этот век, и впоследствии им не было равных по трудам гениальных людей. Литература и мораль шли рука об руку по мере того, как коррупция совершала свое дело. Эпоха Августа ознаменовалась наивысшим триумфом литературы, который суждено было увидеть Риму. Императорская тирания оказалась фатальной для той независимости духа, без которой чахнет и умирает вся литература. Но рамки этой работы не позволяют подробно рассказать о римской цивилизации. Это было предпринято автором в другой работе.

ГЛАВА XLIII.

ШЕСТЬ ЦЕЗАРЕЙ ИЗ РОДА ЮЛИЕВ.

Мы упоминали о централизации политической власти в лице Октавия. Он просто сохранил за собой все высшие государственные должности и правил не столько с помощью нового титула, сколько в качестве консула, трибуна, цензора, верховного понтифика и главы Сената. Но эти должности были дарованы не сразу.

Можно сказать, что его правление началось с окончательного поражения его соперников, 29 г. до н.э.. Два года спустя он получил титул Августа, под которым он наиболее известен в истории, хотя обычно его называли Цезарем. Это гордое имя никогда не теряло своего превосходства.

Жены Августа.

Первая часть правления запомнилась организацией государства, и особенно армии, а также средствами, которые он использовал для укрепления своей империи. У Августа не было сына и только одна дочь, хотя он был женат трижды. Его первой женой была Клодия, дочь Клодия; второй - Скрибония, невестка Секста Помпея; а третьей - Ливия Друзилла. Второй женой была мать его дочери Джулии. Эта дочь была замужем за М. Клавдий Марцелл, сын Марцелла и

Октавии, разведенной жены Антония и сестры Октавия. Таким образом, М. Клавдий Марцелл женился на своей двоюродной сестре, но умер два года спустя. Именно в его честь Август построил театр Марцелла.

Семья Августа.

После смерти Марцелла Август выдал свою дочь Юлию замуж за Агриппу, своего премьер-министра и главного наместника. В результате этого брака родились трое сыновей и две дочери. Сыновья рано умерли. Младшая дочь, Агриппина, вышла замуж за Германика и была матерью императора Калигулы. Брак Агриппины с Германиком объединил линии Юлии и Ливии, двух последних жен Августа, поскольку Германик был сыном Друза, младшего сына Ливии от ее первого мужа, Тиберия Клавдия Нерона. Старшим сыном Ливии от Тиберия Клавдия Нерона был император Тиберий Нерон, усыновленный Августом. Друзас женился на Антонии, дочери Антония триумвира, и был отцом не только Германика, но и Клавдия Друза Цезаря, пятого императора. Другая дочь Антония, также по имени Антония, вышла замуж за Л. Домиция Агенобарда, сын которого женился на Агриппине, матери Нерона. Таким образом, потомки Октавии и Антония стали императорами и переплелись с линиями Юлии и Ливии. Все четверо преемников Августа по мужской линии происходили от первого мужа Ливии, и все, за исключением Тиберия, вели свое происхождение от побежденного триумвира. Только первые шесть из двенадцати цезарей имели отношение к дому Юлиев.

Я упоминаю эту генеалогию, чтобы показать происхождение первых шести императоров от Юлии, сестры Юлия Цезаря и бабушки Августа. Хотя первые шесть императоров были избраны, все они принадлежали к дому Юлиев и были наследниками великого цезаря.

Меценат и Агриппа.

Когда правительство было организовано, Август оставил заботу о своей столице Меценату, своему министру гражданских дел, и отправился в Галлию, чтобы восстановить порядок в этой провинции и построить ряд укреплений на Дунае, чтобы сдерживать набеги варваров. Область между Дунаем и Альпами была населена различными племенами с разными названиями, которые постоянно доставляли неприятности римлянам; но теперь они были, по-видимому, покорены, и волны варварских завоеваний были остановлены на триста лет. Винделикея и Реция были присоединены к империи в ходе одной кампании Тиберием и Друзом, сыновьями Ливии — любимой жены императора. Вскоре после этого Агриппа вернулся с успешной войны на Востоке, но заболел и умер г. до н.э. 12. После его смерти Юлия снова овдовела и была выдана замуж за Тиберия, которого Август впоследствии признал своим преемником. Друз, его брат, остался в Галлии, чтобы завершить покорение кельтских племен и сдерживать набеги германцев, которые с того времени стали самыми грозными врагами Рима.

Тевтонские расы.

Какой интерес проявляют к тем тевтонским расам, которые в конечном итоге стали завоевателями империи! Они были более воинственными, настойчивыми и выносливыми, чем кельты, которые были включены в состав империи. Тацит описал их простые нравы, их страстную любовь к независимости и религиозную направленность ума. Они населяли те обширные равнины и леса, которые лежали между Рейном, Дунаем, Вислой и Германским океаном. Под разными именами они вторглись в римский мир — свевы, франки, алеманны, бургунды, лангобарды, готы, вандалы; но во времена Августа они еще не создали тех обширных

объединений, которые угрожали непосредственной опасностью. Это был пасторальный народ с голубыми глазами, рыжеватыми волосами и крупным ростом, приученный к холоду, жаре, переохлаждению и усталости. Их сила заключалась в их пехоте, которая была хорошо вооружена, а их обычный боевой порядок имел форму клина. Даже на войне их сопровождали жены и дети, и их женщины обладали особыми добродетелями и влиянием. Они внушали то благоговение, которое никогда не покидало германские народы, порождая в Средние века рыцарскую доблесть. Все эти различные племена имели одни и те же особенности, среди которых почитание было одной из наиболее заметных. Они не были идолопоклонниками, но поклонялись Богу в виде солнца, луны и звезд и в тишине своих величественных рощ. Один был их великим традиционным героем, которого они сделали объектом идолопоклонства. Война была их главным занятием, а охота - их главным развлечением и удовольствием. Тацит перечисляет целых пятьдесят племен этих храбрых воинов, которые не боялись смерти и даже гордились своими потерями. Самым могущественным из этих племен во времена Августа была конфедерация свевов, занимавшая половину Германии, от Дуная до Балтики. В этой конфедерации кауки были самыми могущественными, они жили на берегах Эльбы и добивались небогатого существования. В тесной связи с ними были саксы и лонгобарды (длиннобородые). На берегах Балтики, между Одером и Вислой, жили готы.

Друзас.

Оружие Цезаря и Августа пока ощущали только небольшие племена на правом берегу Рейна, и на них напал Друз, но только для того, чтобы обезопасить свой фланг во время более масштабного предприятия - плавания вниз по Рейну, чтобы напасть на жителей приморских равнин. Великие подвиги совершил этот способный пасынок Августа, который дошел до Эльбы, но был смертельно ранен при падении с лошади. Он задержался на месяц и умер, ко всеобщему сожалению римлян, поскольку был самым способным полководцем, посланным против варваров со времен Юлия Цезаря, до н.э. 9. Результатом его различных кампаний было сдерживание набегов германцев на столетие. Именно в это время берега Рейна были усеяны фортами, которые впоследствии превратились в те живописные города, которые сейчас вызывают восхищение путешественников.

Изгнание Юлии.

После смерти Друза, в память о котором была воздвигнута прекрасная триумфальная арка, Тиберий был послан против германцев и после успешной войны, в возрасте сорока лет, получил разрешение Августа удалиться на Родос, чтобы усовершенствовать свой ум изучением философии или, как предполагают многие историки, из ревности к Гаю и Луцию Цезарям, детям Юлии и Агриппы — тем молодым принцам, которым, очевидно, был предназначен трон мира. На Родосе Тиберий, теперь самый способный человек в империи, поскольку и Агриппа, и Меценат были мертвы, семь лет жил в простом уединении. Но легкомыслие Юлии, к которому Август не мог быть слеп, вынудило его сослать ее — свою единственную дочь — на кампанское побережье, где она умерла заброшенной и обнищавшей. Император был так возмущен ее позорным поведением, что лишил ее права наследования. Преждевременная смерть ее сыновей едва не разбила сердце их деда, лишённого мудрых советов и приятного общества своих великих министров и согнувшегося под тяжестью огромной империи, которую получил он, как наследник цезаря. Потеря внуков вынудила императора позаботиться о своем престолонаследии, и он обратил свой взор на Тиберия, своего приемного сына, который в то

время находился на Родосе. Он принял его в качестве своего преемника и наделил трибунской властью. Но, хотя он и выбрал его своим наследником, он также потребовал, чтобы тот усыновил Германика, сына его брата Друза.

Домиций Агенобардус.

Теперь на сцене появился еще один великий человек, Л. Домиций Агенобард, зять Октавии и Антония, которому была доверена война против германских племен и который был первым римским полководцем, переправившимся через Эльбу. Он был дедом Нерона. Но Тиберий был послан заменить его, и, следуя плану своего брата Друза, он отправил флотилию вниз по Рейну с приказом подняться по Эльбе и встретиться со своей армией в назначенном месте, что тогда считалось великим военным подвигом перед лицом таких врагов, как будущие завоеватели Рима. После этого Тиберий был занят отвоевыванием обширной области между Адриатикой и Дунаем, известной как Иллирик, на что у него ушло три года, 7-9 гг.н.э. В этой войне ему помогал его племянник и приемный сын Германик, чья блестящая карьера возродила надежду, которая была сосредоточена в Друзе.

Катастрофа Вара.

Тем временем Август, утомленный государственными заботами, раздраженный скандалами, которые устраивала его дочь, и заговорами против его жизни, начал уделять меньше внимания делам и становиться угрюмым. Именно тогда он изгнал Овидия, чья "Тристия" произвела большую сенсацию, чем его бессмертные "Метаморфозы". Катастрофа, постигшая Вара с римской армией в Тевтобургском лесу, близ реки Липпе, когда тридцать тысяч человек были изрублены на куски германцами под командованием Арминия (Германна), завершила унижение Августа, ибо в этом поражении он, должно быть, предвидел будущие победы варваров. Все идеи о расширении империи за пределы Рейна теперь были призрачными, и эта река отныне должна была оставаться ее границей на севере. Новые рекруты действительно были отправлены на Рейн, и Тиберий и Германик возглавили войска. Но принцы вернулись в Рим, не добившись важных результатов.

Смерть Августа. Характер Августа.

Вскоре после этого, в 14 годун.э., Август умер на семьдесят седьмом году жизни, после сорока четырех лет правления после битвы при Акциуме и пятидесяти лет правления триумvirата — одного из самых продолжительных правлений в истории и одного из самых успешных. С девятнадцатилетнего возраста он занимал видное место на римской общественной жизни. Под его покровительством империя достигла Эльбы, и Египет был присоединен к ее провинциям. Он основал колонии в каждой провинции и получил от парфян захваченные знамена Красса. Его флоты бороздили Северный океан; его армии разбили паннонцев и иллирийцев. Он приумножал материальную славу своей столицы и стремился обеспечить мир во всем мире. Он был щедр и величествен и твердой рукой держал бразды правления. Он был образованным, ненавязчивым и добродушным, но амбициозным и искусственным во всех искусствах лицемерия и царствования. Но он был великим монархом и правил, обладая выдающимися способностями. После битвы при Акциуме его войны велись в основном с варварами, а его величайшими полководцами были члены императорской семьи. То, что он мог править так долго, в такую эпоху, с таким количеством врагов, является доказательством его мудрости и умеренности, а также его удачи. То, что он одержал победу над такими полководцами, как Брут, Антоний и

Секст, представлявшими старые партии республики, является неоспоримым свидетельством выдающихся способностей. Но его величайшей заслугой была его способность управлять, организовывать и цивилизовывать. Он является одним из лучших типов суверенного правителя, которых видел мир. Я ничего не имею против того, что в последние годы его правления в народе вспыхнуло недовольство. Такое обычно случается в конце всех долгих царствований, как в случае Соломона и Людовика XIV. И все же последние годы его правления были печальными, как и годы правления французского монарха, ввиду угасания литературной славы и ухода великих светил эпохи, без появления новых звезд, которые заняли бы их место. Но это была не вина Августа, чей интеллект рос вместе с его состоянием, и чье великодушие росло вместе с его интеллектом — человека, который понимал свою ужасную миссию и выполнял возложенные на него обязанности с достоинством и уверенностью в себе.

Тиберий Цезарь, третий из римских императоров, не встретил возражений против своего возвышения после смерти Августа. Он взошел на трон римского мира в зрелом возрасте пятидесяти шести лет, завоевав большую репутацию как государственный деятель и полководец. Он был, вероятно, самым способным человеком в империи, и, несмотря на все его недостатки, империя никогда не управлялась лучше, чем им. Его величайшим несчастьем и ошибкой была подозрительность его натуры, которая сделала его самым печальным из людей и, наконец, чудовищем жестокости.

Тиберий скрывает свою власть.

Подобно Августу, он скрыл свою власть императора, заняв старые должности республики. Услужливый сенат и народ выступали за укрепление нового деспотизма, к которому мир теперь привык, и за власть, с которой он радостно согласился как с лучшим правительством для того времени. Последние остатки всенародных выборов были отменены, и Комитии были переданы из Марсова поля Сенату, который избрал кандидата, предложенного императором.

Germanicus.

Первый год восшествия на престол Тиберия ознаменовался мятежами в легионах, которые были подавлены его племянником Германиком, популярность которого была безграничной, несмотря на то, что его подвиги были героическими. Этот молодой принц, на которого возлагались надежды империи, женился на Агриппине, дочери Юлии и Агриппы, и вел свою мать Антонию и бабушку Октавию по прямой линии от Юлии, сестры диктатора. В его жилах также текла кровь Антония и Ливии. Его жена была достойна его и была преданно привязана к нему. Этим браком соединились линии Юлии и Ливии, а его происхождение от Антония заставило замолчать великие партии революции. Он был в равной степени наследником Августа и Антония, Юлии и Ливии; и из всех вождей римской истории никто не был изображен в более светлых красках. В природных способностях, в военном героизме, в добродетелях сердца, в высоком звании ему не было равных. Как консул, генерал и губернатор, он вызывал всеобщее восхищение. Его ум также был высоко развит, и он преуспел в греческих и латинских стихах, в то время как его снисходительные и учтивые манеры покорили как солдат, так и горожан.

Ревность к Тиберию.

К такому двадцатидевятилетнему мужчине Тиберий, естественно, испытывал ревность, тем более что через свою жену Германик был связан узами родства с семьей Октавиана, а через свою мать - с сестрой великого Юлия; и, следовательно, имел более высокие притязания, чем

он, по принципу законности. Он был всего лишь приемным сыном Октавия, но Германик через свою мать Антонию имел ту же родословную, что и сам Октавий. Более того, крики легионеров: “Цезарь Германик не потерпит быть подданным” - усилили опасения императора, что его сместят. Поэтому он решил отправить своего племянника в далекие и опасные экспедиции против тех варваров, которые победили Вара.

Кампания Германика. Триумф Германика.

Германик, как только подавил мятеж в своем лагере, выступил в Германию с восемью легионами и таким же количеством вспомогательных войск. С этим большим войском он пересек Рейн, вновь посетил место резни при Варусе и воздал погребальные почести останкам павших римлян. Но кампании не дали результатов, хотя и сопровождалась большими затратами. Не было возведено никаких крепостей, чтобы воспрепятствовать возвращению варваров из тех мест, откуда они были вытеснены, и не было проложено никаких дорог, чтобы ускорить будущие экспедиции. Германик вел войну в диких землях, среди бесчисленных препятствий, которые истощали его ресурсы до предела. Тиберий был недоволен этими результатами и выместил свое дурное настроение на ропоте против своего племянника. Римский народ был оскорблен такой ревностью и требовал его отзыва. Германик, однако, предпринял третью кампанию, в 15 году н.э., с новыми силами, столкнулся с германцами на Везере и переправился через реку перед лицом врага. Там римляне одержали великую победу над Арминием, предводителем варварских полчищ, которые отступили за Эльбу. Великая германская конфедерация на некоторое время была распущена. Сам Германик удалился на берега Рейна, который стал последней границей империи со стороны Германии. Герой, выстоявший, несмотря на бесчисленные препятствия, в преодолении которых дисциплина и сила римских легионов никогда не были так очевидны, даже при Юлии Цезаре, теперь был отозван в Рим, и ему был дарован триумф при самом диком энтузиазме римского народа. Юный герой был главным объектом притяжения, когда его везли в его триумфальной колеснице, окруженного пятью потомками мужского пола от его союза с Агриппиной — его верной и героической женой. Тиберий от имени своего приемного сына выделил всем гражданам по триста сестерциев каждому, и сенат избрал народного любимца консулом на следующий год вместе с самим императором.

Друзас.

Проблемы на Востоке побудили Тиберия отправить Германика в Малую Азию, в то время как Друза отправили в Иллирию. Этот принц был сыном Тиберия от его первой жены Випсании и приходился двоюродным братом Германику. Он был опозорен такими пороками, как разврат и жестокость, и в конце концов был отравлен своей женой Ливиллой по просьбе Сеяна. Пока был жив Германик, двор был разделен между партиями Друза и Германика, и Тиберий искусно поддерживал баланс благосклонности между ними, стараясь не объявлять, кто должен стать его преемником. Но Друзас, вероятно, был любимцем императора, хотя и значительно уступал старшему принцу во всех благородных качествах. Тиберий, отправляя его в Иллирию, хотел отстранить его от столичных развлечений, а также назначить на этот важный пост человека, который был бы верен его власти.

Spæus Piso. Смерть Германика.

Назначив Германика главным командующим провинциями за Эгейским морем, Тиберий также передал провинцию Сирия Кнею Пизону, из прославленного дома Кальпурниев, одному из самых гордых и могущественных римских вельмож. Его жена, Планцина, была фавориткой Ливии, императрицы—матери, и он считал себя назначенным в правительство Сирии с целью сдерживания честолюбивых замыслов, которые приписывались Германику, в то время как его жене было поручено выставить себя соперницей Агриппины. В тот момент, когда Пизон покинул Италию, он начал препятствовать своему начальнику и пренебрегать его авторитетом. И все же Германик относился к нему с подчеркнутой добротой. Посетив знаменитые города Греции, Германик направился к границам Армении, чтобы уладить ее дела с империей - прямой целью своей миссии. Он короновал принца по имени Зенон в качестве монарха этой страны, подчинил Каппадокию и посетил Египет, очевидно, для изучения политических дел провинции, но на самом деле для изучения ее древностей, подобно тому, как Сципион посетил Сицилию в разгар Пунической войны. За то, что он таким образом сошел со своего пути, император упрекнул его. Затем он вернулся по своим следам и взял курс на Сирию, где обнаружил, что его распоряжения и назначения были отменены Пизоном, между которым и ним самим последовали ожесточенные стычки. Находясь в Сирии, он заболел и умер, и его болезнь была приписана яду, введенному Пизоном, хотя доказательств, подтверждающих это обвинение, было мало.

Похороны Германика. Умелое правление Тиберия. Совершенство имперского правления.

Смерть Германика была воспринята римским народом с великой скорбью и общей скорбью римского мира, и повсюду ему воздавались хвалы. Его даже с любовью сравнивали с Александром Македонским. Его характер был приукрашен величайшим мастером пафоса среди римских авторов и облечен отблеском скорбного великолепия. Его преданная жена привезла его останки в Рим, и ему были оказаны самые пышные похоронные почести. Друз с младшим братом и детьми Германика вышли встречать останки, а консулы, сенат и большое скопление людей увеличивали процессию по мере приближения к городу. Драгоценный прах был помещен в мавзолей цезаря, и память об усопшем царевиче хранилась в сердцах народа. Неизвестно, оправдал бы он возложенные на него ожидания, если бы дожил до того, чтобы стать преемником Тиберия. Он, несомненно, обладал самыми приятными чертами характера, в то время как его таланты были несомненны. Но он мог бы поддаваться искушениям, присущим самой величественной ситуации в мире, или быть подавленным ее насущными заботами, или проявить меньше таланта к управлению, чем люди, опозоренные личными пороками. Если бы Тиберий умер до Августа, его характер предстал бы в самом благоприятном свете, поскольку он был человеком больших способностей и был предан интересам империи. Он стал угрюмым, подозрительным и жестоким и поддался удовольствиям, столь щедро даруемым владыке мира. Когда мы вспоминаем атмосферу лжи, в которой он жил, — как и в случае со всеми абсолютными монархами, особенно в продажные и развращенные времена, - безграничные искушения, раболепное и льстивое внимание его придворных, постоянные неприятности и заботы, присущие столь разросшейся и неограниченной власти, а также отвращение, пресыщение и презрение, которые порождал его опыт, мы не можем удивляться, что его характер изменился к худшему. И когда мы видим человека, ставшего неинтересным и неприветливым из-за забот, искушений, вспышек страсти или безумия, но который по-прежнему управляет бдительно и умело, наше негодование должно быть умерено, когда мы потворствуем низменным склонностям. Неприятно смягчать несправедливость, тиранию и похоть. Но человеческая природа, в лучшем случае, слаба. Из всех людей абсолютные

правители требуют снисходительного суждения, и наши взоры должны быть обращены на их заслуги, а не на их недостатки. Эти замечания относятся не только к Тиберию, но и к Августу и многим другим императорам, которых резко оценивали, но чьи общие способности и преданность интересам империи несомненны. Как мало монархов были свободны от пятен случайных эксцессов и от того деспотичного характера, который развивает неограниченная власть! Даже преступления чудовищ, которых мы проклинаям, скорее связаны с безумием и опьянением, чем с естественной свирепостью и порочностью. Но когда монархи *действительно* правят справедливо и побеждают искушения, присущие их положению, подобно Антонинам, тогда наше почтение становится глубоким. “Тяжела голова, носящая корону”. Короли являются объектами нашей симпатии так же, как и нашей зависти. Их бремя столь же тяжело, сколь велики их искушения; и легкомысленные или порочные правители почти наверняка уступят, подобно Нерону или Калигуле, злу, которым они окружены.

Но вернемся к нашему повествованию о главных событиях, связанных с правлением Тиберия, одного из самых способных из всех императоров, что касается административных талантов. После смерти Германика, которая, вероятно, была естественной, месть народа и двора была направлена на его предполагаемого убийцу Пизона. Он был привлечен к суду сенатом не только за преступление, в котором его обвинила семья Германика, считавшего себя отравленным, но и за превышение своих полномочий в качестве губернатора Сирии, на которую он продолжал неразумно претендовать. Тиберий воздерживался от всякого вмешательства в работу великого трибунала, который выносил решения. Он даже сдерживал поток народных настроений. Холодный и суровый, он позволил судебному разбирательству идти своим чередом, не выказывая сочувствия или отвращения, и действовал с большой беспристрастностью. Пизон не нашел благосклонности ни у сената, ни у императора и покончил с собой, когда его осудили наверняка.

Тиберий становится тираном. Орудия тирании. Губернаторы провинций. Реформы Тиберия.

Успокоенный смертью Германика и Пизона, Тиберий начал править более деспотически и навлек на себя ненависть народа, к которой он, по-видимому, был нечувствителен. На него оказали большое влияние его мать Ливия, хитрая и амбициозная принцесса, и Сеян, его фаворит, человек редкой энергии и способностей, который был префектом преторианской гвардии. Эта должность, неизвестная республике, стала самой важной и влиятельной при императорах. Префект фактически был визирем, или премьер-министром, поскольку в его обязанности входило следить за личной безопасностью монарха, власть которого опиралась на вооруженные силы. Инструментами его правления, однако, были Сенат, который он контролировал особенно благодаря своим полномочиям цензора, и закон величеств, который фактически представлял собой мощную систему шпионажа и публичных обвинений, которую император поощрял. Но его общее управление отличалось благоразумием, справедливостью и мягкостью. При нем римское владычество значительно укрепилось, и его политикой было охранять, а не расширять пределы империи. Легионы были размещены в тех провинциях, которые с наибольшей вероятностью подвергались внешним опасностям, особенно на берегах Рейна, в Иллирии и Далмации. Но они были разбросаны по всем провинциям. За порядком в Риме следили преторианские гвардейцы. Они усиленно поддерживали дисциплину. Губернаторы провинций оставались на своих постах несколько лет, и эта политика оправдывалась апологией, которую он привык использовать, основанной на том же принципе, который признавался во все коррумпированные времена великими администраторами, будь то

штатов, фабрик или железных дорог. “Несколько мух сели на рану солдата, и сердобольный прохожий собирался их спугнуть. Пострадавший умолял его воздержаться. ‘Эти мухи,’ сказал он, ‘почти насытились и начинают становиться терпимыми; если вы их прогоните, на смену им немедленно придут новички с более острым аппетитом’.” Император видел существующие злоупотребления, но отчаялся исправить их, поскольку не доверял человеческой природе. Но нет никаких сомнений в том, что при этом принце управление провинциями было улучшено, а губернаторы стали более ответственными. Император также усердствовал в освобождении Италии от грабителей и бандитизмов и поощрял усердие полиции, так что беспорядки происходили редко и строго наказывались. По всей империи была обеспечена большая безопасность жизни и имущества, а законы были мудрыми и эффективными. Тиберий ограничил число гладиаторов, изгнал прорицателей из Италии и запретил египетские обряды. Привычки народа, даже среди высших классов, были в целом настолько позорными и безнравственными, распутство было так широко распространено, что Тиберий отчаялся пресечь это с помощью законов о роскоши, но сдерживал все, что было в его силах. Он был неутомим в своей бдительности. В течение нескольких лет он ни на один день не покидал шумного и пыльного города и жил с большой простотой, очевидно, стремясь продемонстрировать древний идеал римского государственного деятеля. Он не получал удовольствия от цирковых или театральных развлечений и был поглощен служебными заботами, как Август до него. Август, однако, был человеком гениальным, хотя и всего лишь способным, и его большим недостатком была ревность к семье Германика и благосклонность, которую он оказывал Сеяну, который даже требовал руки Ливиллы, вдовы Друза, — иск, который Тиберий отклонил.

Тиберий уединяется на Капри. Сеян.

Усталость от государственных забот и желание покоя, наконец, побудили Тиберия удалиться из города. У него не было ни счастья, ни покоя. Он поссорился с Агриппиной, вдовой Германика, и его вывели из себя обвинения и клевета, от которых не может укрыться ни один монарх. Его враги, однако, заявляли, что у него не было более высокого желания, чем тайно проявлять жестокость и вождение, которым он был предан. Одиннадцать лет он правил в уединении своей охраняемой крепости и больше никогда не возвращался в город, который покинул с отвращением. Но, уйдя в отставку, он не ослабил своей бдительности в управлении делами, хотя его правительство было чрезвычайно непопулярно и, несомненно, было запятнано многими актами жестокости. На Капре, маленьком острове недалеко от Неаполя, бесплодном и пустынном, но прекрасном по климату и пейзажам, властелин мира провел свои последние годы в окружении литераторов и прорицателей. Я не верю клевете, которая была нагромождена на этого имперского мизантропа. И все же одиннадцать лет, которые он провел в своем уединении, были отмечены многочисленными жалобами на него, множеством отвратительных преступлений и ненужной жестокости. Он преследовал семью Германика, изгнал Агриппину и заключил в тюрьму ее сына Друза. Сеян, однако, спровоцировал эти действия и подействовал на ревность императора. Этот фаворит был помолвлен с Ливиллой, вдовой Друза, и был назначен консулом совместно с Тиберием.

Его заговор и смерть.

Тиберий, наконец, разобрался в характере этого честолобивого офицера и избежал его гибели с помощью того глубокого притворства, которое было одной из его наиболее характерных черт.

Сеян замыслил покушение на его жизнь, но император воздержался от открытого доноса на него сенату. Он применил непревзойденное мастерство, обеспечив свой арест и казнь, орудием которых был Макрон, офицер его телохранителей, и за его смертью последовало разорение его сообщников и друзей.

Смерть Друзаса. Смерть Тиберия. Его похороны.

Вскоре после казни Сеяна Друзас, сын Агриппины, умер в тюрьме от голода, и друзьям Сеяна было причинено много жестокостей. Теперь Тиберий начал проявлять признаки безумия, и отныне его жизнь была жизнью жалкого тирана. Его карьера начала подходить к концу, и в припадках отчаяния и убожества он обнаружил, что его поддерживают только трое оставшихся в живых представителей рода Цезаря: Тиберий Клавдий Друзас, последний из сыновей Друза и племянник императора, слабый здоровьем и умом и отстраненный от государственных дел; Гай, младший сын Германика, и Тиберий, сын второго Друза, — один внучатый племянник, а другой внук императора. Оба были молоды; одному двадцать пять, другому восемнадцать. Слабеющий старик не смог назначить ни того, ни другого своим преемником, но общественный голос указал на сына Германика по прозвищу Калигула. В возрасте семидесяти восьми лет тиран умер, не сумев во время своей последней болезни обуздать свой аппетит. Он умер в Мизене, по пути в Капреи, которые он на время покинул, к радости всей империи; ибо его правление в последние годы его правления было периодом ужаса, который вызвал глубокое уныние, опустившееся на лицо высшего общества Рима, А.Д. 37 г. н.э.. Тело было доставлено в Рим с большой помпой, и его прах был помещен в мавзолей цезарей. Гай был признан его преемником без сопротивления, и он начал свое правление с того, что объявил всеобщее помилование всем государственным заключенным и с необузданной щедростью расточил огромные сокровища, накопленные Тиберием. Он скромно принял коллективные почести империи, и на мирное и почетное правление возлагались большие надежды.

Калигула был наследником Друзов, внуком Юлии и Агриппы, правнуком Октавия, Ливии и Антония. В нем соединились линии Юлии и Ливии. Его недостатки были неизвестны народу, и он давал большие обещания сенату. Он начал свое правление усердными трудами и справедливыми мерами и провозгласил восстановление золотого века Августа. Его популярность в народе была безгранична из-за его щедрых расходов на представления и фестивали, освящения храмов и раздачи зерна и вина.

Калигула. Его позорные удовольствия. Жестокость Калигулы.

Но прошло совсем немного времени, прежде чем он предался самому экстравагантному разврату. Его мозг закружился от головокружительной высоты, на которую он был поднят без предварительной подготовки и опыта. Август сам прокладывал себе путь к власти, а Тиберий до своего возвышения провел лучшие годы своей жизни на государственной службе. Но даже он, со всем своим опытом и способностями, не смог устоять перед соблазнами власти. Как же тогда мог устоять легкомысленный и слабый молодой человек, не обладающий искупительными качествами? Он попал в водоворот удовольствий и, охваченный безумием, которое вызывали излишества, вскоре стал виновен в самых диких капризах и самых жестоких злодеяниях. Он был развращен лестью так же, как и удовольствием. Он даже спустился на арену цирка в качестве возничего, и скачки стали государственным учреждением. За несколько месяцев он растратил сбережения предыдущего правления, снял полезные ограничения, которые Август и Тиберий наложили на гладиаторов, и продолжил спортивные состязания в амфитеатре с полным

пренебрежением к человеческой жизни. Его расточительность и потребности привели к самым бессмысленным убийствам сенаторов и знати, преступлением которых было их богатство. Наиболее благоприятными чертами первого года его правления были его скорбь по поводу смерти сестры, его дружба с Иродом Агриппой, которому он передал власть в Палестине, и активность, которую он проявил в управлении своим огромным наследством. У него была большая страсть к строительству, и он достроил храм Августа, спроектировал самый грандиозный из римских акведуков, расширил императорский дворец и проложил виадук от Палатина к Капитолию над высокими домами Велабрума. Но его расточительность привела к жесточайшему налогообложению, которое вскоре оттолкнуло народ, в то время как его бессмысленный разврат, особенно дорогостоящие банкеты, вызывали отвращение у более созерцательных представителей знати. Он также был опозорен ненужной жестокостью, и это было его восклицание: “Если бы у народа Рима была только одна шея!” Его тщеславие было нелепым. Он воображал себя божественным и настаивал на том, чтобы ему оказывались божественные почести. Он систематически преследовал дворян и требовал пожертвований. Он воображал себя в одно время оратором, а в другое - генералом; и совершенно верно повел армию к Рейну, когда не было врага, на которого можно было бы атаковать. Он женился на нескольких женах, но разводился с ними с самым непостоянным непостоянством.

Его безумие и безрассудство. Его убийство.

Нет необходимости повторять бессмысленные поступки этого молодого человека, который так возмутительно опозорил императорское положение. Самое милосердное объяснение, которое можно найти в деяниях, сделавших его имя позорным среди древних, заключается в том, что его возвышение до сана, которому он не был обучен или дисциплинирован, вскружило ему голову — эта безграничная сила в сочетании с самым экстравагантным отказом от чувственных удовольствий, подорвала его интеллект. Его капризы и расточительность можно объяснить только частичным помешательством. Он правил всего четыре года, и все надежды на хорошее правление были развеяны. Величие империи было оскорблено, и убийство, единственный способ, которым его можно было устранить, освободило мир от безумца, если не от монстра.

После убийства Кая Цезаря царила великая неразбериха и были предприняты плохо согласованные усилия по восстановлению свободы, которая была утрачена навсегда и закончилась, как и следовало ожидать, военной мощью. Консулы созвали Сенат для обсуждения (поскольку формы республики все еще сохранялись), но никакие устоявшиеся принципы не возобладали. Предлагались и отвергались различные формы правления. Пока Сенат совещался, преторианская гвардия действовала.

Claudius.

Среди обитателей дворца, в тот час страха, среди рабов и освобожденных людей, наполовину спрятанный за занавеской в темном углу, был робкий старик, которого вытащили наружу с жестоким насилием. Он был не меньшей личностью, чем Клавдий, забытый дядя императора, сын Друза и Антонии, племянник Тиберия и брат Германика. Вместо того чтобы убить старика, солдаты, уважая семью цезаря, приветствовали его, отчасти в шутку, как императора и отнесли в свой лагерь. Клавдий, которого до сих пор считали слабоумным и поэтому презирали, не отказался принять это звание и пообещал преторианцам, если они присягнут ему на верность, пожертвование в размере пятнадцати тысяч сестерциев каждому. Сенат под диктовку преторианцев признал Клавдия императором.

Его усилия по реформированию.

Он начал свое правление в 41 году н.э., провозгласив всеобщую амнистию. Он восстановил конфискованные поместья, отозвал несчастных сестер Кая, отослал обратно в Грецию и Азию разграбленные статуи из храмов, которые Гай перевез в Рим, и установил режим умеренности и справедливости. Его жизнь была полна болезней, пренебрежения и неизвестности, но ему позволяли жить, потому что он был безвреден. Его мать стыдилась его, бабушка Ливия презирала его, а сестра Ливилла высмеивала. Его отстранили от общественной жизни, и он посвятил себя литературным занятиям и даже написал историю римских событий, начиная с битвы при Акциуме, но это не привлекло к нему никакого внимания. Тиберий обошелся с ним пренебрежительно, и друзья покинули его. Все это пренебрежение и презрение были следствием слабого телосложения, парализованной походки и несовершенной речи.

Умелое правление Клавдия.

Клавдий взял за образец Августа, и сразу же стали заметны большие перемены в управлении. Возобновилась активность армий на границах, и появились великие полководцы, которым суждено было стать будущими императорами. Колонии были укреплены и защищены, а иностранные дела велись умело. Ирод Агриппа, любимец Кая, был утвержден в своем правлении Галилеей и получил в придачу владения Самарии и Иудеи. Антиох был восстановлен на троне Коммагены, а Митридат получил округ в Киликии. На членов Сената была возложена ответственность за исполнение своих должностных обязанностей, и вакансии в этом все еще августейшем органе были заполнены представителями богатых и влиятельных семей. Он открыл галлам почетную карьеру, пересмотрел списки рыцарей и провел точную перепись римских граждан. Он сохранил национальную религию и регламентировал праздники и фестивали. Его трудолюбие и терпение были неутомимы, а отправление правосудия вызывало всеобщее восхищение. Его личность была доступна для всех просителей, и он облегчал страдания везде, где их находил. Он отказался от самых тяжких поборов своих предшественников и нежно оберегал заброшенных рабов. Он также построил великие архитектурные сооружения, особенно полезного назначения, завершил строительство огромного акведука, начатого Гаем, и обеспечил город провизией. Он построил порт Остия, чтобы облегчить торговлю, и осушил болота и озера. На осушение озера Фучинус ушло тридцать тысяч человек в течение одиннадцати лет. В то время как он выполнял огромные инженерные работы по снабжению города водой, он также развлекал людей гладиаторскими шоу. Во всем он проявлял силу древнеримского характера, несмотря на телесную немощь.

Завоевание Британии.

Самым запоминающимся актом его правления было завоевание Южной Британии. По происхождению галл, родившийся в Лугдунуме, он обратил свой взор за Британский канал и решил сделать этот остров крайней границей своих владений, находившихся тогда под властью друидов — группы кельтских жрецов, которых римляне всегда ненавидели и чьи обряды запрещали все предыдущие императоры. Юлий Цезарь делал вид, что взимает дань с вождей Южной Британии, но она так и не была взыскана. И Август, и Тиберий испытывали мало интереса к политическим делам этого далекого острова, но быстрый прогресс цивилизации в Галлии и рост городов на берегах Рейна вызвали дух дружеского общения. Лондиниум, город, ускользнувший от внимания цезаря, был крупным торговым центром во времена Клавдия. Но южные вожди были настроены враждебно и ревниво относились к своей независимости.

Поэтому Клавдий послал в Британию четыре легиона под командованием Плавтия и его наместника Веспасиана, чтобы противостоять войскам под командованием Карактака. Он даже лично вторгся в Британию и подчинил себе тринобантов. Но в течение девяти лет Карактакус сохранял независимое положение. В конце концов он был свергнут в битве, предан римлянам и выставлен в Риме. Восстание было подавлено, или, скорее, на острове был закреплен плацдарм, который с тех пор продолжал находиться под властью Рима.

Мессалина.

Немощный старик, за которым всегда ухаживали женщины, имел несчастье жениться в третий раз на самой печально известной женщине в римских летописях (Валерии Мессалине), под влиянием которой правление, поначалу благодетельное, стало позорным. Клавдием полностью управляла она. Она сколотила состояние, продавала должности, конфисковала поместья и предавалась преступной любви. Она правила, как мадам де Помпадур, и низвела трон, который ей следовало бы возвысить. Влияние женщин в те коррумпированные времена обычно было плохим, но ее влияние было скандальным и унижающим достоинство.

Клавдием также управляли его фавориты, как правило, люди низкого происхождения — вольноотпущенники, узурпировавшие место государственных деятелей. Нарцисс и Паллус были самыми доверенными советниками императора, которые в результате стали неслыханно богатыми, поскольку через них текли потоки милостей, и получили высокие государственные посты. Двор превратился в арену интриг и преступлений, опозоренный распутным бесстыдством императрицы и продажностью придворных. Аппий Силан, один из лучших и величайших вельмож, был убит в результате интриг Мессалины, чей прогресс в злодеяниях история не может сравнить, и Валерий Азиатский, другой великий вельможа, также понес наказание за оскорбление ее и был уничтожен; и его великолепные сады, которых она так жаждала, были дарованы ей.

Agrippina. Убийство Мессалины. Брак Клавдия с Агриппиной.

Но Мессалине соперничала в беззаконии другая принцесса, между которой и ней самой существовала смертельная вражда. Такова была Агриппина, дочь Германика, которая была замужем за кн. Домицием Агенобардом, внуком Октавии, и чьим потомком был будущий император Нерон. Племянница Клавдия занимала второе место в императорском доме, и ее целью стало настроить своего дядю против женщины, которую она ненавидела и которая отвечала ей взаимностью. Теперь она вступила в союз с дворцовыми вольноотпущенниками, чтобы уничтожить свою соперницу. Вскоре представилась возможность осуществить свою месть. Мессалина, согласно Тациту, была виновна в непостижимом безумии, когда вышла замуж за Силана, одного из своих любовников, при жизни своего мужа, и этот муж стал императором, в эту историю нельзя верить, не предположив также, что Клавдий был совершенным идиотом. Такого пренебрежения законом, религией и чувствами человечества, не говоря уже о его безрассудстве, допускать нельзя. И все же таков был скандал, и он поверг императорский двор в ужас. Каллист, Паллада и Нарцисс — фавориты Клавдия — объединились с Агриппиной, чтобы добиться ее гибели. Императору, который в то время отсутствовал в Остии, сообщили о бесстыдстве его жены. Ему было трудно поверить в такой факт, но это было засвидетельствовано доверенными членами его семьи. Его страхи были возбуждены так же, как и негодование, и он поспешил в Рим для мести и наказания. Мессалина удалилась в свои великолепные сады на Пинейоне, которые когда-то принадлежали Лукуллу, заплаченному за

кровь убитого Азиатика; но при приближении императора, о котором ей сообщили, она смело выступила ему навстречу со всеми признаками горя вместе со своими детьми Британиком и Октавией. Клавдий колебался, и Мессалина удалилась в свои сады, надеясь убедить мужа в своей невиновности на собеседовании, которое он обещал на следующий день. Но Нарцисс, зная о ее влиянии, приказал убить ее, и император утопил свое горе, или привязанность, или гнев в вине и музыке и, казалось, забыл о ней. То, что Мессалина была злой и покинутой женщиной, наиболее вероятно; в том, что она была такой плохой, какой ее представляет история, можно усомниться, особенно если вспомнить, что она была оклеветана соперницей, которой удалось занять ее место в качестве жены. Легче поверить, что она была жертвой Агриппины и вольноотпущенников, которые боялись и ненавидели ее, чем признать авторитет Тацита и Ювенала. После смерти Мессалины Агриппина вышла замуж за своего дядю, и Сенат санкционировал этот союз, который по римским законам считался кровосмешением.

Позор Агриппины.

Четвертая жена императора превзошла третью в интригах и честолюбии, и за ее браком в возрасте тридцати трех лет вскоре последовала помолвка ее сына Л. Домиция, двенадцатилетнего мальчика, с Октавией, дочерью Клавдия и Мессалины. Он был усыновлен императором и принял имя Нерон. С этого момента она заботилась только о продвижении своего сына. Она добилась расположения армии и народа и основала город на Рейне, который мы называем Кельном. Но она больше возмущала представления и чувства людей своей неженственной узурпацией общественных почестей, чем своей жестокостью или распущенностью. Она сидела рядом с императором на военных празднествах. Она сидела рядом с ним во время морского сражения на озере Лукрин, одетая в солдатский плащ. Она заняла свое место перед римским штандартом, когда Карактак, покоренный вождь бриттов, был доставлен в цепях в императорский трибунал. Она стала причиной увольнения имперских офицеров, вызвавших ее неудовольствие. Она имела первостепенное влияние на своего мужа и фактически правила империей. Она отвлекала дворец раздорами, интригами и ревностью.

Каким образом дурное влияние этих женщин на разум Клавдия может быть согласовано с бдительностью, трудами и благотворными мерами императора, как это обычно признается, история умалчивает. Но именно во время правления Мессалины и Агриппины Клавдий с усердием и умом председательствовал в трибуналах, интересовался делами, имеющими большое общественное значение, и успешно вел войну в Британии.

Смерть Клавдия.

В 54 годун.э., на четырнадцатом году своего правления, Клавдий, измученный государственными делами, а также, как говорят, неводержанностью, заболел в Риме и отправился на поиски целебных вод Синуэссы. Именно там Агриппина ухитрилась отравить его с помощью Локусты, признанной отравительницы, и Ксенофонта, врача, в то время как сама изображала чрезмерное горе. Она держала на руках его сына Британика и удерживала его и его сестер во дворце, пока делались все приготовления к восшествию на престол ее собственного сына Нерона. Вероятно, ее подтолкнул к этому поступку страх, что ее вытеснят и накажут, поскольку Клавдий сказал, когда вино раскрыло его тайные мысли, “что это была его судьба - страдать от преступлений своих жен, но, в конце концов, наказать их”. Она также стремилась возвести своего собственного сына на трон, который по праву принадлежал Британику, и чьи

права впоследствии могли быть признаны императором, поскольку его глаза больше не могли быть ослеплены характером его жены.

Характер Клавдия.

Клавдия нельзя причислять ни к порочным, ни к слабоумным принцам, несмотря на его телесные немощи или клевету, с которой ассоциируется его имя. Вероятно, он предавался излишествах за столом, как и большинство римской знати, но мы должны помнить, что он всегда стремился подражать Августу в его самых мудрых мерах; что он всегда уважал литературу, когда литература вызывала презрение; что его администрация была энергичной и успешной, богатой победами и полководцами; что он превзошел всех своих министров в усердии и что он частично восстановил достоинство и авторитет Сената. Его величайшей слабостью было то, что им правили фавориты и женщины; но его фаворитами были люди со способностями, а его женщины были его женами.

Восхождение Нерона. Его ранний характер.

Нерон, сын Агриппины и кн. Домиция Агенобардуса, при содействии преторианской гвардии был провозглашен императором в 54 году н.э.. Он был прямым потомком как по отцовской, так и по материнской линии Антонии Майор, внуки Антония и Домиция Агенобардус. Через Октавию, свою бабушку, он вел свое происхождение от семьи Цезаря. Домиции — предки Нерона по отцовской линии — были знамениты на протяжении нескольких сотен лет, и никто не был более выдающимся, чем Луций Домиций, прозванный Агенобардом, или Рыжебородым, в первые дни республики. Отец Нерона, женившийся на Агриппине, был столь же печально известен преступлениями, сколь и высоким положением. Но он умер, когда его сыну Нерону было три года. Он был оставлен на попечение сестры своего отца, Домиции Лепиды, матери Мессалины, и она пренебрегала им. Его первыми наставниками были танцор и цирюльник. По возвращении его матери из ссылки его образование больше соответствовало его рангу принца крови, хотя и не по линии наследования. В детстве он был послушным и ласковым, и его доверили заботам Сенеки, у которого он обучался риторике и философии морали и который потворствовал его пристрастию к пению, игре на свирели и танцам - единственным достижениям, которыми он впоследствии, будучи императором, гордился. В столь порочный век он был окружен опасностями, как и другие дворяне, и благодаря своему усыновлению был принят в императорскую семью — священный род Клавдиев и Юлиев. Он находился под влиянием своей матери — женщины, свергнувшей Мессалину и убившей Клавдия, — которая использовала все искусство и интриги, чтобы добиться его восшествия на престол.

Он обещает править мудро.

Когда он взошел на трон цезарей, он пообещал доброе правление. Его первая речь в Сенате произвела хорошее впечатление, и его первые действия были благотворными. Но он правил только через свою мать, которая стремилась играть роль императрицы, женщины, которая давала ответы послам и отправляла депеши иностранным дворам. Бурр, префект императорской гвардии, и Сенека, наставник и министр, с чьей помощью притязания Нерона были предпочтительнее притязаний Британика, сына покойного императора, выступили против ее узурпации и попытались противодействовать ее влиянию.

Новые изменения в характере Неро.

Ранние обещания Нерона не были выполнены. Вскоре он дал волю всем порокам, которые скрывали его министры. Одним из первых действий было опозорить вольноотпущенника Палласа, премьер—министра Клавдия, и уничтожить Британика ядом, каковые преступления были смягчены, если не предложены, Сенекой.

Его министры.

Влияние, которое Сенека и Бурр оказали на молодого императора, скрывавшего свои пороки от глаз народа и сената, неизбежно привело к расколу между Нероном и Агриппиной. Он снял с нее почетный караул и наносил ей только официальные визиты, что привело к дезертирству ее друзей и открытой враждебности ее врагов. Несчастливая женщина мужественно защищалась от выдвинутых ими обвинений и на какое-то время ей удалось сбежать. Влияние Сенеки в этот период было первостепенным и использовалось на благо империи, так что Сенат молчаливо согласился с государственными мерами Нерона и не обращал внимания на его личные проступки. Императрица-мать, по-видимому, уступила влиянию министров и больше не провоцировала на испытание сил.

Поппея Сабина. Ее мерзкий характер.

Так прошло пять лет, пока Нерону не исполнилось двадцать два, когда на сцене появилась Поппея Сабина, прекраснейшая женщина своего времени. Среди распутных женщин императорского Рима она занимала выдающееся положение. Познакомившись с близостью Нерона, она стремилась к еще большему возвышению, и этому способствовало отвращение, с которым все относились к Агриппине, и продолжающийся упадок ее влияния, поскольку она правила скорее страхом, чем любовью. Теперь Поппея была уличена в интригах против нее и побудила Нерона убить свою собственную мать, искусству и порочности которой он был обязан своим возвышением. Убийство было совершено на ее вилле на Лукринском озере при обстоятельствах крайней жестокости. Нерон пришел осмотреть ее изуродованное тело и хладнокровно похвалил красоту ее форм. Ее прах даже не был помещен в мавзолей Августа. Эта злая Иезавель, отравившая своего мужа и обвинявшаяся во всех преступлениях, противных нашей природе, понесла наказание за свои разнообразные злодеяния, и ее имя дошло до всех последующих веков как худшей женщины древности.

Бесчестья Нерона.

С убийством Агриппины безумие и зверства Нерона приобрели новую силу. Теперь он предстает чудовищем, и его терпели только ради развлечений, которыми он ублажал римский народ. Он опозорил императорское достоинство, спустившись на сцену, которая всегда пользовалась дурной славой; он устраивал деморализующие игры; он был совершенно нечувствителен к национальным чувствам; он превзошел всех своих предшественников в экстравагантности и безумствах; его подозревали в отравлении Бурра, благодаря которому он пришел к власти; он казнил людей высшего ранга, преступлением которых было их богатство; он уничтожил членов императорской семьи; он убил Дорифора и Палладу, потому что они были против его брака с Поппеей; он водил свою колесницу в цирке. Максим, довольный одобрительными возгласами двухсот тысяч зрителей; он устраивал банкеты, на которых открыто демонстрировались крайние проявления вакханального разврата; говорят, что он разжег пожар в своей собственной столице; он взимал непомерные налоги, чтобы построить свой золотой дворец и поддержать свою разнообразную расточительность; он даже уничтожил своего наставника и министра

Сенеку, чтобы тот мог освободиться от своих обвинений и завладеть огромным состоянием, которое этот философ накопил на службе; и, наконец, он так жестоко избил свою жену, что она умерла от насилия, которое он ей причинил. Если бы можно было что-то добавить к его чудовищам, то его гонения на христиан увеличили меру его позора — первого, которому они подверглись в Риме и жертвой которого стал сам Павел. Но его правление поддерживалось жестокостью и сладострастием того времени, которые никогда не были нарисованы в более ярких красках, чем самим святым Павлом. Порочная мораль того времени терпела все эти преступления, эксцессы и безумства — века, в котором не было великих писателей, кроме Сенеки, Лукана, Персея и Марциала, двое из которых были убиты императором.

Заговоры против него. Бегство Нерона. Смерть Нерона.

Но час возмездия был близок. Провинции были недовольны, а город наполнился интригами и заговорами. Хотя один из них, спровоцированный Пизоном, потерпел неудачу, а его авторы были наказаны, восстание в Галлии, возглавляемое Гальбой — старым ветераном семидесяти двух лет, которому помогали Виндекс и Виргиний, стало роковым для Нерона. Сенат и преторианская гвардия поддерживали революцию. Император больше не был в безопасности в своей столице. Напуганный снами и уязвленный дезертирством, несчастный тиран бежал в Сады Сервилия, а оттуда на виллу одного из своих вольноотпущенников, недалеко от которой он покончил с собой в возрасте тридцати шести лет, на четырнадцатом году своего бесславного правления, в течение которого едва ли можно описать другие события, кроме его личных подлостей. “В нем погиб последний отпрыск рода Юлиев, напрасно освеженный прививками от Октавиев, Клавдиев и Домициев”. Хотя первый из императоров имел четырех жен, второй - трех, третий - двух, четвертый - трех, пятый - шести, а шестой - трех, все же Нерон был последним из цезарей. Ни один из пяти преемников Юлия на самом деле не был его законным наследником. Они ведут свою родословную от его сестры Юлии, но в жилах троих последних текла кровь как Антония, так и Октавии, и, таким образом, потомки триумвира правили в Риме так же, как и потомки его соперника Октавия. Нам остается только отметить, что странно, что линия Юлиев угасла в шестом поколении при таком количестве браков.

ГЛАВА XLIV.

РАСЦВЕТ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

После угасания рода Юлиев на смену ему пришел новый класс императоров, которые значительно продвинули процветание империи. Теперь мы должны вернуться к Нибуру, Гиббону и римским историкам, а также больше использовать сборник этих авторов Смита. Но еще так много предстоит пройти, что мы можем упомянуть только о наиболее важных моментах, а наше упоминание о сменяющих друг друга императорах должно быть кратким.

Galba.

Теперь империя должна была стать наградой удачливым солдатам, и Гальба в возрасте семидесяти трех лет был провозглашен императором легионами незадолго до смерти Нерона, в 68 году н.э., и вскоре после этого признан сенатом. В его коротком правлении, длившемся всего несколько месяцев, нет ничего запоминающегося, и ему наследовал Отон, который правил всего три месяца, а ему наследовал Вителлий, который был смещен насильственной смертью, как Гальба и Отон. Эти три императора не оставили никакого следа и были обжорами и сластолюбцами, не вызывавшими ничего, кроме презрения; солдатами удачи — достойными уважения только низшего ранга.

Веспасиан провозглашен императором.

Первого июля 69 год н.э. Тит Флавий Веспасиан, происходивший из скромной семьи, получил высшие государственные почести в качестве полководца и впервые был провозглашен императором в Александрии по окончании иудейской войны, которую он провел с успехом. Краткое соперничество с Вителлием обеспечило ему признание сената, и к власти пришел первый представитель рода Флавиев — человек больших талантов и добродетелей. После падения Иерусалима его сын Тит вернулся в Рим и отпраздновал совместный триумф со своим отцом, и ворота храма Януса были закрыты — впервые со времен Августа — и был провозглашен всеобщий мир.

Его первые действия. Титус.

Одним из первых действий нового императора было очищение Сената, сокращенного до двухсот членов, за которым вскоре последовало восстановление финансов. Он перестроил капитолий, возвел храм Мира, новый форум, термы Тита и Колизей. Он оказывал щедрое покровительство литературе, и при нем процветали Квинтилиан, великий ритор, и Плиний, естествоиспытатель. Именно на девятом году его правления произошло извержение Везувия, когда были разрушены Геркуланум и Помпеи, свидетелем которого стал Плиний, лишившийся жизни. Веспасиан присоединил к правительству своего сына Тита и умер после десятилетнего правления, измученный заботами об империи; и Тит спокойно наследовал ему, но правил всего два с четвертью года, и ему наследовал его брат Домициан, человек не без способностей, но жестокий, как Нерон. Он был на десять лет моложе Тита, и ему было тридцать лет, когда преторианцы провозгласили его императором и утвердили сенатом в 81 год н.э. Сначала он был реформатором, но вскоре был запятнан самыми отвратительными пороками. Он продолжил обширные архитектурные работы своего отца и брата и покровительствовал образованию.

Домициан. Завоевание Британии.

Именно во время правления Домициана Британия была окончательно завоевана Агриколой, которого отозвала ревность императора после ряда успехов, принесших ему бессмертие. Захват этого острова всерьез не начинался до правления Клавдия. Нероном Светоний Паулин был отправлен в Британию, и при нем Агрикола получил свои первые уроки военного дела. При Веспасиане он командовал двадцатым легионом в Британии и был двенадцатым римским полководцем, отправленным на остров. По возвращении в Рим он был назначен консулом, и Британия была закреплена за ним в качестве провинции, где он оставался семь лет, пока не распространил свои завоевания на Грампианские холмы. Он научил бриттов искусствам и роскоши цивилизованной жизни, селиться в городах, строить дома и храмы. Среди врагов, с которыми он столкнулся, самой знаменитой была Боадиея, королева иценов на восточном

побережье, которая повела невероятное количество в двести сорок тысяч человек против римских легионов, но потерпела поражение с потерей восьмидесяти тысяч человек — некоторое искупление за семьдесят тысяч римлян и их союзников, погибших при Лондиниуме под командованием Светония Паулина.

Преследование христиан.

Год отзыва Агриколы, 84 год н.э., образует эпоху неприкрытой тирании, которой впоследствии пользовался Домициан. Возобновилось правление доносчиков и проскрипций, и многие выдающиеся люди были казнены без достаточных на то оснований. Христиане подвергались гонениям, философы были изгнаны, и все же он удостоился самой щедрой лестии от поэта Марциала. Тиран жил уединенно, на своей вилле в Альбане, и в конце концов был убит после пятнадцатилетнего правления, в A.D.н.э.....

Nerva.

После его смерти была открыта новая эра процветания и славы, когда был избран Нерва, и в течение пяти последовательных царствований римским миром правили добродетельно и талантливо. Это золотая эра римской истории, воспетая Гиббоном и вызывающая восхищение всех историков, в течение которой глаза современников не видели ничего, кроме восхваления.

Смерть Нервы.

Марк Кокций Нерва был правнуком министра Октавия и родился в Умбрии. Он был консулом при Веспасиане в 71 году н.э. и при Домициане в 90 году н.э. и был далеко продвинут в жизни, когда его избрал сенат. Общественные события его короткого, но благотворного правления неважны. Он избавил страну от бедности, сократил государственные расходы и своей собственной жизнью подал пример республиканской простоты. Но он правил недостаточно долго, чтобы подвергнуть испытанию свой характер. Он умер через шестнадцать месяцев после вознесения на престол. Его главной работой было создать титул для своего преемника, поскольку он присвоил себе право усыновления и сделал выбор в пользу Траяна, невзирая на его собственную родню, стоявшую тогда во главе германских армий.

Trajan.

Новый император, один из самых прославленных, когда-либо правивших в Риме, родился в Испании, в 52 году н.э., и провел свою жизнь в лагере. У него была высокая и властная фигура, он был общителен и добродушен в своих привычках и внушал всеобщее уважение. Лучшего выбора нельзя было сделать. Он въехал в свою столицу без помпы, без охраны, отличаясь только достоинством осанки, разрешая свободный доступ к своей персоне и принося обеты богам своей страны. Его жена Плотина вела себя как супруга простого сенатора, а его сестра Марциана демонстрировала поведение, не менее похвальное.

Дакийская война. Гладиаторские состязания. Траянский форум.

Великим внешним событием его правления была война с даками, и их страна была последней, которую римляне покорили в Европе. Они принадлежали к фракийской группе народов и были идентичны гетам. Они населяли страну, которая на юге граничила с Дунаем и Мезией. Они были вовлечены в частые войны с римлянами и получили решительное преимущество в царствование Домициана, при своем царе Децебале. Честь империи была запятнана настолько,

что пришлось платить дань Дакии, но Траян решил смыть позор и сам возглавил экспедицию в эту далекую страну в 101 году н.э. с восьмьюдесятью тысячами ветеранов, покорил Децебала и присоединил Дакию к провинциям империи. Он построил мост через Дунай на прочных каменных опорах, примерно в двухстах двадцати милях ниже современного Белграда, который представлял собой замечательное архитектурное произведение длиной четыре тысячи пятьсот семьдесят футов. Завоеванием Дакии было добыто достаточно сокровищ, чтобы покрыть расходы на войну и на знаменитый триумф в ознаменование его побед. На играх, учрежденных в честь этого завоевания, было убито одиннадцать тысяч зверей, и десять тысяч гладиаторов сражались в амфитеатре Флавиев. Колонна, на которой были изображены его победы, все еще остается, чтобы увековечить его величие, с ее двумя тысячами пятистами фигурами в виде барельефа, спиральной лентой обвивающего ее от основания до вершины, — одна из самых интересных реликвий древности. Рядом с этой колонной были возведены Форум Траянум и базилика Ульпия, бывшая длиной в тысячу сто футов, и соединенная с ней базилика, окруженная колоннадами и заполненная колоссальными статуями. Это огромное сооружение занимало больше площади, чем Амфитеатр Флавиев, и было построено знаменитым Аполлодором из Дамаска. Оно занимало все пространство между Капитолием и Квириналом. Двойная колоннада, окружавшая его, была одним из самых красивых произведений искусства в мире.

После завоевания Дакии Траян посвятил себя внутреннему управлению своей огромной империей. Он поддерживал достоинство сената и позволял законам действовать своим чередом. Он был неутомим в своих усилиях по удовлетворению материальных потребностей своих подданных и развитию ресурсов империи и не прибегал к деспотическим поборам.

Парфянская экспедиция. Смерть Траяна.

После семи лет мудрого правления он снова был призван на поле боя, чтобы расширить восточную границу империи. Его усилия были направлены против Армении и Парфии. Он превратил первую из них в римскую провинцию и продвинулся в те кавказские регионы, где до него не бывал ни один римский император, кроме Помпея, получив покорность иберов и албанцев. Теперь его целью было сокрушение Парфии, и он переправился через Тигр к Ктесифону. В парфянской столице его приветствовали как императора; но, угнетенный унынием и ослабленный болезнью, он не осмелился достичь пределов македонского завоевания, к чему стремился. Он был слишком стар для такой работы. Он вернулся в Антиохию, заболел и умер в Киликии в августе 117 года н.э., после процветающего и даже славного правления, длившегося девятнадцать с половиной лет. Но он испытывал удовлетворение от того, что довел империю до состояния беспрецедентного процветания и расширил ее пределы на востоке и западе до самой дальней точки, которой она когда-либо достигала.

Адриан.

Публий Элий Адриан сменил этого великого императора и родился в Риме в 76 году н.э. и был сыном двоюродного брата Траяна. В юности он добился выдающихся успехов и с честью служил в армиях своей страны, особенно во время дакийских войн. В двадцать пять лет он был квестором, в тридцать один — претором, а в следующем году был назначен консулом, поскольку формы старой республики сохранялись и при императорах. Он был усыновлен Траяном и

оставлен во главе армии в Антиохии в возрасте сорока двух лет, когда Траян умер по пути в Рим. Армия немедленно провозгласила его императором, и ее выбор был утвержден Сенатом.

Его военные походы.

Он вступил в свое правление со зрелыми знаниями и опытом и стремился к развитию империи, а не к ее распространению за Евфрат. Поэтому он вывел свои армии из Армении, Месопотамии и Парфии и вернулся в Рим, чтобы отпраздновать от имени Траяна великолепный триумф, растратив военную добычу на щедрые пожертвования и освобождение от налогов. Испытывая отвращение к расширению империи, он все же стремился обезопасить ее пределы от враждебных набегов, и таким образом был вынужден отразить вторжения в Дакию и Британию. Он прошел пешком во главе своих легионов с непокрытой головой до Месии и в другой кампании через Галлию до Рейна, а затем перешел в Британию и защитил северную границу от каледонцев стеной длиной шестьдесят восемь с половиной миль. Затем он вернулся в Галлию, прошел через Испанию, пересек Мавританский пролив, которому угрожали мавры, восстановил спокойствие, а затем продвинулся к границам Парфии. Затем он вернулся через Малую Азию и Эгейское море в Афины и приступил к великолепным работам, которыми украсил интеллектуальную столицу империи. Прежде чем вернуться в Рим, он посетил Карфаген и Сицилию.

Адриан посещает провинции.

Пять лет спустя он совершил второе путешествие по империи, которое длилось десять лет, с некоторыми перерывами, проведенными в его столице, где он жил в основном в Афинах, возводя великие архитектурные сооружения и беседуя с философами и учеными. В этот период он посетил Александрию, школы которой соперничали только со школами Афин, изучая фантастическую философию гностиков и, вероятно, изучая христианскую систему. Он поднялся по Нилу до Фив, затем направился в Антиохию и вернулся в Рим через Малую Азию. По мере своего продвижения он не только узнавал о состоянии империи, но и исправлял злоупотребления и делал римское правление терпимым.

Его общественные работы.

Оставшиеся годы он провел в Риме, усердно управляя делами своего обширного правительства, основывая библиотеки и школы и украшая свою столицу великолепными сооружениями. Его храм Венеры в Риме был самым большим, когда-либо возведенным в городе, а его мавзолей, лишенный украшений, теперь образует замок Святого Анджело. Рядом с Колизеем это был самый грандиозный архитектурный памятник Рима. Он также построил виллу в Тиволи, руины которой являются одними из самых интересных, сохранившихся за семнадцать столетий.

Этот добрый император сделал благородный выбор в пользу своего преемника, Тита Аврелия Антония, и вскоре после этого умер бездетным, в 138 году н.э., после мирного правления продолжительностью двадцать один год, в течение которого, по словам Меривейла, "он с выдающимся успехом примирил вещи, которые до сих пор считались несовместимыми: довольную армию и мирные границы; богатую казну с расточительными расходами; свободный сенат и стабильную монархию; и все это без блеска великой военной репутации, заслона от одиозного предшественника или отвращения к недавним гражданским волнениям. Теоретически он признавал и завоевателей, и побежденных как один народ и лично приветствовал каждую

расу среди своих подданных”. У него были личные недостатки характера, но его правление является одним из лучших в императорской серии и ознаменовало собой венеч римской цивилизации.

Antonius Pius. Смерть Антония. Его панегирик.

Антоний Пий, его преемник, обладал меньшими способностями, но еще более безупречным характером. Он происходил из рядов знати; был консулом на третий год правления Адриана и был префектом Азии до своего усыновления, когда поселился в Риме и никогда не покидал его окрестностей до конца своей жизни. Его мирное правление лишено внешних событий, но плодотворно для мира и безопасности его подданных, и единственным недостатком в его счастье был распушенный характер его жены, которая родила ему двух сыновей и двух дочерей. Сыновья умерли до его возвышения, но одна из его дочерей вышла замуж за месье Анния Вера, которого он усыновил как своего преемника и присоединился к нему в правительстве империи. Он умер после двадцатитрехлетнего правления и был похоронен в мавзолее Адриана, который он достроил. Его характер так описан его зятем и преемником Марком Аврелием: “В моем отце я заметил мягкость манер с твердостью решения, презрение к тщеславию, трудолюбие в бизнесе и доступность личности. Он знал, как расслабиться, так же как и когда нужно трудиться. От него я научился мириться с любой удачей, проявлять предусмотрительность в общественных делах, быть выше вульгарных похвал, поклоняться богам без суеверий, служить человечеству без амбиций, быть трезвым и непоколебимым, довольствоваться малым, не быть софистом или мечтательным книжным червем, быть практичным и деятельным, быть опрятным и жизнерадостным, быть умеренным, скромным в одежде и равнодушным к красоте рабов и мебели, не увлекаться новинками и в то же время оказывать честь истинным философам”. Что за образ языческого императора, нарисованный языческим философом!— единственная цель правления - счастье своих подданных и реализация идеи отеческого правления, и это в один из самых коррумпированных периодов римского общества.

Марк Аврелий.

Марк Аврелий, как и Траян и Адриан, происходил из Испании, но родился в Италии. Его черты наиболее отчетливо сохранились в хранилищах древнего искусства, поскольку его имя наиболее почетно увековечено на страницах истории — благороднейший и августейший тип древних правителей мира, намного превосходящий любого еврейского царя по суровости своих добродетелей и возвышенности своей души. Его жизнь была построена по образцу строжайшей дисциплины стоической философии, ярким украшением которой он был. На момент смерти своего тестя ему было почти сорок лет, хотя в течение двадцати трех лет он заседал бок о бок с ним в судах штата. Таким образом, его правление было практически долгим, и он был предан всем обязанностям, которые налагало его положение. Он был великим правителем, равно как и глубоким философом.

Вторжение в империю. Смерть Аврелия.

Именно при его прославленном правлении варвары образовали всеобщий союз для вторжения в римский мир и нанесли первый из тех смертельных ударов, под которыми империя в конце концов пала. У нас мало сведений о длительной борьбе с германцами, сарматами, маркоманнами, квадами и аланами на берегах Дуная, которые были вытеснены скифскими племенами. Действительно, они были отброшены, но вскоре после этого двинулись вперед с

обновленными силами, когда империя была ослаблена жалкими императорами, сменившими Аврелия. И хотя этот великий князь ознаменовал свою победу над варварами колонной, подобной колонне Траяна, все же они были далеки от покорения, и позорный мир, последовавший за его смертью, показывает, что они были чрезвычайно грозны. Он умер в Сирмиуме, или Виндобоне (Вена), измученный непрекращающимися войнами и государственными заботами, в 180 году н.э. на пятьдесят девятом году своего совершеннолетия и двадцатом году своего правления. Совпадающие свидетельства историков представляют этого императора как самую возвышенную личность, когда-либо державшую в руках скипетр среди народов древности, хотя мы не можем забывать, что он был гонителем христиан.

Commodus.

Ему наследовал его сын Коммод, и тринадцать лет его бесславного правления прошли в конфликтах с маврами, даками и германцами. Умелые полководцы своими успехами отражали атаки варваров, но характер и правление императора напоминали характер Нерона и Домициана. Он был слабым, жестоким, любителем удовольствий и распутным. Его время было разделено между личными пороками и позорными публичными проявлениями. Он сражался как гладиатор более семисот раз и против противников, единственным оружием которых были олово и свинец. Он также претендовал на божественность и был пристрастен к унижительным суевериям. Он уничтожил старых министров своего отца и уничтожил Сенат. Все, кто вызывал у него ревность или алчность, были устранены с дороги. Он был отравлен своей любимой любовницей Марсией, и Сенат наложил позорное клеймо на его имя. Так погиб последний из рода Антонинов, точно так же, как линия Юлиев была прервана убийством Нерона, а линия Флавиев - убийством Домициана, и империя снова стала наградой солдата, в 192 году НАШЕЙ ЭРЫ.

ГЛАВА XLV.

ЗАКАТ ИМПЕРИИ.

Очевидное процветание.

Способные или добродетельные князья правили теперь римским миром, за немногими исключениями, от Юлия Цезаря до Коммода, на протяжении более чем двухсот лет. Среди них были некоторые одиозные тираны или безумцы, которые были устранены путем убийства. Но некоторые из этих самых тиранов управляли умело, и таково было всеобщее процветание, таков был удивительный механизм правления, к которому римляне были гениальны, что общее состояние мира было лучше, чем в любой предшествующий период. Все, что правительство могло сделать для сохранения и расширения цивилизации, в целом было сделано. Деспотизм не был заметно деспотичным, и режим Августа, Веспасиана и Адриана в целом сохранялся. Римские наместники, назначаемые императорами, правили более мудро и благотельно, чем во времена республики. Царили мир, безопасность и закон, и, как следствие, увеличивалось население, развивалась цивилизация и накапливались богатства. Вся империя радовалась многочисленным городам, произведениям искусства, литературной культуре и добродушным

манерам. Общество было языческим, но привлекательным, а сам Рим был пристанищем путешественников, центром моды и славы, радостью и гордостью всей земли. Разрушительных войн не было, разве что на границах; все классы были в безопасности, лик природы был ухожен и прекрасен, а поэты воспевали цивилизацию, какой никогда не существовало, кроме как в изолированных городах и странах.

Великие моральные перемены.

Но теперь мы наблюдаем начало великих и печальных перемен. Процветание привело к пороку, ложной безопасности и гордыне. Все классы стали коррумпированными. Несоразмерные богатства, рабство и роскошь подрывали нравственное здоровье и уничтожали не только возвышенность чувств, но и воинские добродетели. Литература упала духом и вкусом и была направлена на легкомысленные сюжеты. Христианство не стало достаточно сильной силой, чтобы изменить коррумпированные институты, контролируемые могущественными классами. Дорогостоящая роскошь знати была почти невероятной. Самые отдаленные провинции были разграблены в поисках дичи, рыбы и домашней птицы для столов великих. Ростовщичество практиковалось с разорительной скоростью. Все измерялось денежным стандартом. Искусство было prostituiровано в угоду деградировавшим вкусам. В характере не было достоинства; женщины были унижены; только мимолетное тщеславие производило какое-либо впечатление на эгоистичные классы; множились игры и празднества; гладиаторские состязания возмущали человечество; потомки самых гордых семейств гордились главным образом своим ребяческим легкомыслием; практиковались худшие обряды язычества; рабы выполняли самые важные функции; цирк и театр были всепоглощающими удовольствиями; бани были пристанищем праздных и роскошествующих, которые почти жили в них, и были сценами позорных оргий; большая экстравагантность в одежде и нарядах приводила в замешательство человечество. украшения были повсеместны; застольные удовольствия выродились в буйные излишества; поварам, шутам и танцорам уделялось больше внимания, чем ученым и философам; все поклонялись святыне маммоны; вся наука была направлена на утилитарные цели, которые деморализовывали; сенсуализм торжествовал, и люди жили так, как будто Бога не существовало.

Подготовка к насилию.

Такое государство должно готовить почву для насилия, и когда приходили внешние опасности, не хватало добродетелей, чтобы противостоять им. Но упадок был постепенным, и опасности все еще были на расстоянии. И природа, и искусство были объектами вечных панегириков, а мирские и чувственные римляне мечтали только о тысячелетии продолжительных радостей.

За последним экспериментом конституционной империи последовал неприкрытый военный деспотизм, и теперь никто не желал и не ожидал восстановления республики. Сенат был раболепным и покорным, народ не имел права голоса в государственных делах, а префекты императорской гвардии были признанными лейтенантами и часто хозяевами императоров.

Пертинакс и Юлиан. Север.

Пертинакс унаследовал скипетр Коммода, мудрого и доброго человека, и возлагались большие надежды на благотворительное правление, когда они внезапно были разрушены мятежом преторианцев, всего через восемьдесят шесть дней после смерти Коммода, и эти гвардейцы публично продали империю богатому сенатору Дидию Юлиану по цене тысячи

долларов каждому солдату. Такая сделка вызвала отвращение в столице и подняла легионы в провинциях на восстание. Каждая из трех главных армий выдвинула своего собственного кандидата, но Л. Септимию Северу, командовавшему Иллирией, повезло больше, и он был утвержден сенатом. Дидий Юлиан был убит после короткого шестидесятишестидневного правления, а преторианцы, устроившие скандал, были распущены.

Правление этого генерала было умелым и удачливым, хотя он был жесток и суеверен. Его энергия на столетие предотвратила разделение империи; но у него были могущественные соперники в лице Клодия Альбина в Британии и Песценния Нигера в Сирии, которых он подчинил. Говорят, что в Лионе сто пятьдесят тысяч римлян сражались с обеих сторон, когда Альбин был убит. Разлив Нигера у Геллеспонта обеспечил покорность Востока, и победоносный император проник до Ктесифона и получил в подчинение Месопотамию и Аравию. Воздвигнутая им триумфальная арка прославляла эти военные успехи.

Энергичное правление Севера.

Даровав мир и восстановив достоинство империи, этот воинственный монарх установил неприкрытый военный деспотизм и отбросил всякое почтение к сенату. Он создал новую гвардию из преторианских солдат, в четыре раза превосходящую по численности старую, которая набиралась из рядов варваров, которые, таким образом, начали внушать благоговейный страх столице. Командующим этим огромным войском был не кто иной, как знаменитый юрист Папиан, и он был премьер-министром императора. Именно во время его правления в 200 году н.э. произошло жестокое гонение на христиан, которое вызвало знаменитую апологию Тертуллиана. Северус умер в Англии, куда он был вызван нашествием Каледонцы, А. Д. 211, имеющие царствовал девятнадцать лет, и с энергией, достойной Траяна.

Каракалла и Гета.

Он оставил двух сыновей, которые наиболее известны под именами Каракалла и Гета, и оба они при жизни своего отца были возведены в достоинство Августа. Старший сын унаследовал империю, а через год после своего возвышения убил своего брата на руках у матери. Он также казнил Папиниана, преторианского префекта, за то, что тот отказался оправдать братоубийство, вместе с двадцатью тысячами человек, которые были друзьями Геты. После этого массового убийства он покинул свою столицу и никогда больше не возвращался в нее, проводя время в разных провинциях, которые попеременно были ареной его жестокости и грабежей, став жертвой самых отвратительных суеверий Востока, таким же высокомерным и тщеславным, каким он был дикарем. Его тирания стала невыносимой, и он был убит агентом преторианского префекта в 217 годун.э., Опилием Макрином, который стал следующим императором.,,

Макрин.

Макрин был возведен в пурпур только благодаря обещанию богатых пожертвований солдатам, поскольку его звание было всего лишь рыцарским. Он взялся восстановить дисциплину в армии, и распущенная солдатня нашла нового кандидата на трон империи в лице Авита из семьи Севера, красивого семнадцатилетнего юноши, который исполнял обязанности жреца солнца в Сирии и чье имя в истории, по имени бога, которому он служил, называется Элагабал, или Гелиогабал. НоМакрин стоял во главе грозного войска и храбро сражался со своим соперником, но безуспешно. Исход битвы был решен не в его пользу, и он был настигнут во время бегства и предан смерти, А.Д. н.э.

Элагабал. Его роскошь.

С Элагабалом связано самое отвратительное правление из всех императоров. Он был виновен в самых бесстыдных непристойностях и в самых унижительных суевериях. Он красился и одевался как восточный принц; он пировал в залах, завешанных золотой тканью и украшенных драгоценностями; он спал на матрасах, набитых пухом, который можно найти только под крыльями куропаток; он обедал за столами из чистого золота; он танцевал на публике, облачившись в одеяние сирийского священника; и он собрал в своей столице все формы идолопоклонства и все отвратительные мерзости, которые презирало даже греческое язычество. Этот негодяй, оскорблявший все священные чувства, был убит после правления, длившегося немногим более трех лет, в 222 году н.э., его тело было брошено в Тибр, а память о нем сенат заклеил позором.

Александр Северус.

Преторианцы, которые теперь контролировали государство, предложили пурпур его двоюродному брату Александру Северу, внучатому племяннику Септимия Севера, императора, украшавшего те упадочные времена и напоминавшего великого Аврелия суровостью своих добродетелей. Его первым министром — префектом преторианской гвардии — был знаменитый Ульпиан, величайший из римских юристов, а рядом с ним по достоинству и власти стоял историк Дион Кассий, консул, наместник в Африке и легат в Далмации.

Его труды.

Великие труды Александра Севера заключались в том, чтобы подавить мятежный дух преторианских гвардейцев, которые наслаждались добычей империи; подчинить персов; и отразить набеги варваров на западные границы. Именно во время его пребывания во Фракии молодой варвар гигантского роста попросил разрешения побороться за приз в борьбе. Шестнадцать самых стойких римских солдат он последовательно сверг, и ему было разрешено поступить на службу в войска. На следующий день он привлек внимание императора и снова успешно сразился с семью римскими чемпионами и получил из рук императора золотой ошейник и место в личной гвардии. Он поднимался шаг за шагом, пока его не назначили дисциплинировать новобранцев Рейнской армии. Он стал любимцем армии и был провозглашен императором. Северус бежал в свою палатку и был убит в 235 году н.э.....

Максимин. Его жестокости.

Дикарь Максимин, который теперь управлял империей, правил как варвар, каким он и был, презирая всякую культуру и враждебно относясь ко всем изыскам. Конфискации, изгнание или смерть ожидали немногих прославленных людей, украшавших эпоху. Только грубая сила была признана притязанием на императорскую милость. Единственной целью Максимиана было заручиться благосклонностью солдат, таких же варваров, как и он сам, которых он умиловлял непомерными пожертвованиями, вымогал штрафы и конфискации и получал прибыль от разграбления храмов. Он жил в лагере и ничего не знал о городах, которыми правил.

Гордиан. Смерть Максимиана. Филипп.

Такие безобразия, конечно, спровоцировали восстание, и Антоний Гордиан, проконсул Африки, потомок Гракхов и Траяна, отличавшийся богатством и культурой, был провозглашен императором в возрасте восьмидесяти лет, который связал с ним в правительстве своего сына. Сенат утвердил Гордианов, которые поселили свой двор в Карфагене, но Максимин подавил восстание и отправился в Рим, чтобы осуществить свою месть. Сенат в отчаянии присвоил пурпур двум членам своего собственного корпуса: Максиму, умелому солдату, и Бальбину, поэту и оратору. Преторианцы поддерживали их притязания, и Максимин был убит в своем шатре в 238 году нашей эры. Но едва новые императоры пообещали мудрое правление, как они, в свою очередь, были убиты преторианцами, и Гордиан, внук первого носителя этого имени, был возведен в императорское достоинство. Он, опять же, вскоре был убит во время солдатского мятежа, которые избрали Филиппа своим преемником, в 244 году нашей эры. Этот император, чье правление было отмечено с непривычной пышностью проведением светских игр в ознаменование тысячи лет со дня основания Рима, в следующем году был казнен преторианской гвардией, а Децию было присвоено звание Августа.

Преследование христиан. Опустошительные действия готов.

Его царствование памятно жестокими гонениями на христиан и победами готов, которые в предыдущее царствование проникли в Дакию и покорили Мессию. Следующие двадцать лет были скорбными и позорными. Император лично выступил против этих варваров, но потерпел от них поражение во Фракии и расстался с жизнью в местечке под названием Абрут, в 251 году нашей эры. Готы продолжали свои опустошительные действия вдоль берегов Эвксинского моря и сделали себя хозяевами Крыма. Затем они отплыли с большим флотом в северные районы Эвксинского полуострова, взяли Питий и Трапезу, напали на богатые города Фракийского Босфора, завоевали Халкидон, Никомедию и Ниццу и отступили, нагруженные добычей. В следующем году с пятьюстами лодками они продолжили свое разрушительное плавание, разрушили Кизик, пересекли Эгейское море, высадились в Афинах, разграбили Фивы, Аргос, Коринф и Спарту, продвинулись к берегам Эпира и опустошили весь Иллирийский полуостров. В своих опустошительных действиях они разрушили знаменитый Эфесский храм и, утомленные грабежом, вернулись через Мессию в свои собственные поселения за Дунаем.

Сменявшие друг друга императоры. Галлиен.

Во время этого набега сын Деция, Гостиалиан, правил совместно с Галлом, одним из полководцев Деция, но был предан смерти Эмилианом, правителем Паннонии и Мессии, которому удалось одержать победу над новым и ужасным врагом. Он, в свою очередь, был свергнут Валерианом — выдающимся дворянином, проявившим себя значительными военными способностями и связавшим с собой в империи своего сына Галлиена, жившего в 253 году н.э., чье легкомыслие шло вразрез с добродетелями его отца. Валериан был взят в плен Сапором, царем Персии, и вскоре после этого умер, и римский мир вновь оказался под властью его сына, причем во времена великого бедствия, памятного успехами готов и самой страшной эпидемией, которая когда-либо посещала империю. Галлиен, не лишенный достижений, но совершенно непригодный для управления империей в бурные времена, ставшие свидетелями жестоких вторжений готов, был убит в результате заговора своих офицеров, A.D. 268 г. н.э.

Вторжения готов. Поражение варваров.

Теперь империи угрожали варвары, она была опустошена эпидемией и отвлечена восстаниями и бунтами. Он был на грани разорения, но разорение было предотвращено на сто лет чередой великих князей, которые вели свое происхождение от воинственной провинции Иллирик. Первым из этих императоров был Клавдий, один из полководцев Галлиена, и ему было пятьдесят четыре года, когда он был облачен в пурпур. Он повел армии угасающей империи против алеманнов, вторгшихся в Италию, и изгнал их за Альпы. Но еще более свирепое племя германских варваров оставалось покоренным или отброшенным — те, кто опустошил Грецию, — готы. Они снова появились на Эвксинском полуострове с флотом, насчитывавшим, по разным оценкам, от двух тысяч до шести тысяч судов, на борту которых находилось триста двадцать тысяч человек. Подразделение этого огромного, но недисциплинированного войска вторглось на Крит и Кипр, но основные силы разорили Македонию и предприняли осаду Фессалоник. Клавдий двинулся им навстречу и одержал при Наиссе полную победу, при которой погибло пятьдесят тысяч варваров. Последовала разрозненная война во Фракии, Македонии и Месии, результатом которой стало уничтожение готского флота и огромная добыча в виде пленных и скота.

Аврелиан. Зенобия. Пальмира. Зенобия взята в плен.

Клавдий пережил эту великую, но не решающую победу всего на два года и был унесен эпидемией при Сирмиуне, в 270 году н.э., но только после того, как он назначил своим преемником еще более великого человека — знаменитого Аврелиана, отец которого был крестьянином. Каждый день его короткого правления был наполнен чудесами. Он положил конец готской войне, наказал германцев, вторгшихся в Италию, вернул Галлию, Британию и Испанию, разбил алеманнов, опустошивших империю от реки По до Дуная, разрушил гордую монархию, которую Зенобия построила в пустынях Востока, взял царицу в плен и привез ее в Рим, где отпраздновал самый великолепный триумф, который мир видел со времен Помпея и Цезаря. Эта знаменитая женщина, равнявшаяся Клеопатре по красоте и Боадиее по доблести и сочетавшая популярные манеры римских князей с величавой пышностью восточных царей, после своего поражения удалилась в прекрасный город, построенный Соломоном, затененный пальмами и украшенный дворцами. Там, в этом Тадморе дикой природы, Пальмире, столице ее империи, которая охватывала большую часть Малой Азии, Сирии и Египта, она совершенствовала знания греков и восточных языков стран, которыми она правила, одинаково преуспевая в охоте и на войне, самая по-настоящему совершенная женщина древности, происходившая, подобно Клеопатре, от греческих царей Египта. Среди ее советников был знаменитый Лонгин — самое заметное украшение последней эпохи греческой классической литературы и философ, который учил мудрости Платона. Когда Пальмира была взята Аврелианом, этот великий человек, вдохновивший Зенобию на восстание, был казнен, не произнеся ни слова жалобы, вместе с жителями города, с безжалостным варварством, и город Соломон превратился в незначительный арабский городок. Бежавшую королеву преследовали, схватили и она украсила великолепный триумф воинственного императора. Плененную царицу заставили идти впереди триумфальной колесницы пешком, нагруженную золотыми оковами и одетую в самое роскошное платье ее бывшей империи. Ее не казнили, но разрешили проживать в столице в государстве принцев.

Триумф Аврелиана.

Этот великий и блистательный триумф — одно из последних проявлений заходящего солнца римского величия - казалось, предвещал восстановление империи. Император был настроен оптимистично и хвастался, что все внешние опасности миновали. Но через несколько месяцев его вызвали на встречу с новыми врагами на Востоке, и он был убит в результате заговора своих офицеров, вероятно, в отместку за жестокости и массовые убийства, которые он учинил в Риме. Во время одной из его реформ поднялся мятеж, который был неумолимо подавлен убийством семи тысяч солдат, не считая большого числа видных дворян.

Tacitus.

Его скипетр перешел к Тациту, жившему в 275 году н.э., потомку великого историка: человека, по словам Нибура, “который был велик во всем, что могло отличить сенатора; он обладал огромным имуществом, которым блестяще пользовался; он был человеком незапятнанного характера; он обладал знаниями государственного деятеля и в молодости проявил большое военное мастерство”. Едва он был провозглашен императором, как выступил походом против аланов, скифского племени, разорившего Понт, Каппадокию, Киликию и Галатею. Однако он расстался с жизнью во время тягот своей первой кампании в возрасте семидесяти пяти лет, после короткого шестимесячного правления.

Проб. Его военная карьера.

Генерал-ветеран, М. Аврелий Проб, командующий Восточными провинциями, был провозглашен легионами императором, хотя первоначально имел крестьянское звание. Ему было сорок пять лет, и он соединял военное величие Аврелиана с политическим благоразумием, во всех отношениях был лучшим выбором, который только можно было сделать, и одним из лучших и величайших из всех императоров. Шесть лет его правления были отмечены непрерывными успехами, и он снискал славу, равную славе древних героев. Он восстановил мир и порядок во всех провинциях; он сокрушил могущество сарматов; он обеспечил союз готов; он загнал исаврийцев в их крепости среди неприступных гор; он наказал мятежные города Египта; он освободил Галлию от германских варваров; он загнал франков в их болота в устье Рейна; он победил бургундов, которые бродили в поисках добычи по берегам Одера; он разбил лигийцев, свирепое племя на границах Силезии; он победил их. Он распространил свои победы до Эльбы и воздвиг стену длиной в двести миль от Дуная до Рейна, так что “во всех провинциях не осталось, - говорит Гиббон, - враждебного варвара, или тирана, или даже разбойника”. Уничтожив четыреста тысяч варваров, он вернулся в свою столицу, чтобы отпраздновать триумф, равный по великолепию триумфу Аврелиана. Он тоже воображал, что все внешние враги покорены навсегда и что Рим отныне должен радоваться вечному миру. Но едва победоносные "пеаны победы" были пропеты торжествующим и обезумевшим народом, как он был убит во время мятежа своих собственных войск, которых он заставил работать на осушении болот вокруг Сирмия, A.D. н.э.

Carus.

Солдаты, раскаявшись в содеянном, возложили пурпур на преторианского префекта и уведомили Сенат о своем выборе. И выбор был удачным; и новый император, Кар, в возрасте шестидесяти лет, присвоив титул цезаря двум своим сыновьям, Карину и Нумериану, которых он оставил управлять Западом, поспешил против сарматов, которые захватили Иллирию. Преуспев в достижении своих целей, он продвинулся глубокой зимой через Фракию и Малую Азию к

границам Персии. Персидский царь, желая предотвратить бурю, отправил своих послов в императорский лагерь и застал императора сидящим на траве и ужинающим горохом с беконом со всей простотой первых преемников Мухаммеда. Но прежде чем он успел перейти Тигр, в его палатку ударила молния, и он был убит на Рождество 283 года н.э.

Каринус.

Освободившийся трон унаследовали Карин и Нумериан. Первый в Риме опозорил его доверие ленью и бесстыдными пороками; в то время как второй в лагере был неспособен, хотя и добродетелен, управлять буйными солдатами и был найден убитым в своей постели в тот самый день, когда Карин праздновал игры с необычайной пышностью.

Диоклетиан.

Армия возвела К. Валерия Диоклетиана в вакантное достоинство, и первым его действием была казнь убийцы Нумериана. Следующим его сражением была битва с Карином, который был убит в 285 году н.э., и Диоклетиан — возможно, величайший император после Августа — правил единолично. Диоклетиан, однако, получил печальную известность в церковной истории как самый ожесточенный из всех гонителей христиан, ныне многочисленной и растущей группы; но он был человеком самых выдающихся способностей, хотя и малоизвестного происхождения в маленьком далматинском городке. Он начал свое блистательное правление в возрасте тридцати девяти лет и правил двадцать лет - скорее как государственный деятель, чем как воин, — политичный, рассудительный, неутомимый в бизнесе и непоколебимый в своих целях.

Важные политические изменения.

Этот император положил начало новой эре и новой политике правления. Государственные заботы в эпоху беспорядка, когда империи со всех сторон угрожали враждебные варвары и она была опозорена восстаниями и смутами, побудили Диоклетиана объединить с собой трех коллег, снискавших славу в войнах Аврелиана и Кара. Максимиан, Галерий и Константин, один из которых имел достоинство Августа, а двое — цезаря.

Максимиан, связанный с Диоклетианом в звании Августа, также был иллирийским крестьянином и был назначен в правительство западных провинций, в то время как Диоклетиан сохранил за собой управление восточными. Максимум учредил резиденцию своего правительства в Милане, нанеся смертельный удар Сенату, который, хотя и по-прежнему достойно упоминался по имени, отныне был отделен от императорского двора. Империей правили солдаты с тех самых пор, как насущные опасности сделали очевидным, что только люди, обладающие воинскими доблестями, могут защитить ее от варваров. Но теперь самое неприкрытое военное правление, не подверженное влиянию старой конституционной формы, было единственным признанным авторитетом, и воинственные императоры, воспитанные в лагере, испытывали презрение к древней столице, а также большое отвращение к обессиленным преторианским солдатам, которые создавали и смещали императоров, чьи привилегии были отменены навсегда. Милан был выбран резиденцией императорского правительства из-за его близости к границе, которой постоянно угрожали варвары; и этот город, прежде бывший простым военным постом, теперь приобрел величие имперского города и был защищен двойной стеной.

Новая резиденция правительства. Восточная помпезность Диоклетиана.

Диоклетиан сначала выбрал Никомедию, старую столицу вифинских царей, в качестве резиденции своего восточного правительства, одинаково удаленной от Дуная и Евфрата. Он принял манеры и положение восточного монарха. На нем была диадема, украшенная жемчугом, и одеяние из шелка и золота вместо простой тоги в пурпурную полоску. Его обувь была усыпана драгоценными камнями, а его двор отличался восточными церемониями. К нему было трудно добраться, и аллеи, ведущие к его дворцу, охранялись офицерами различных классов. Никто не мог приблизиться к нему, не упав ниц в знак обожания, и к нему обращались “Мой господин император”. Но он не жил в восточном уединении, и его постоянно призывали к себе насущные опасности.

Галерий и Констанций.

Цезари Галерий и Констанций были посланы управлять приграничными провинциями; первый из своей столицы Сирмия в Иллирии наблюдал за всей границей по Дунаю; второй проводил время в Британии. Галерий был усыновлен Диоклетианом и получил в жены его дочь Валерию; в то время как Констанций был усыновлен Максимианом и женился на его дочери Феодоре.

Разделение империи при этих четырех князьях почти соответствовало префектурам, которые впоследствии учредил Константин и которые были признаны необходимыми для сохранения империи от распада — распада, неизбежного, если бы не великие императоры, которых потребности империи возвысили, но чье крушение было предотвращено лишь на время. Даже способные генералы и хорошие императоры не смогли спасти развращенную империю. Она была обречена. Порок подготовил почву для насилия. Четыре императора, которые теперь трудились над предотвращением катастрофы, были вовлечены в постоянные конфликты, и благодаря их объединенным усилиям был восстановлен мир по всей империи, и они отпраздновали последний триумф, который когда-либо видел Рим.

Преследование христиан. Причина их преследования.

По мнению Диоклетиана, оставалось покорить еще одного врага, и это было христианство. Но этот враг был непобедим. Тихо, уверенно, без помпы и без искусства новая религия проложила свой путь, вопреки всякому противодействию, предрассудкам и ненависти, как со стороны евреев, так и язычников, и теперь была силой в империи. Последователи ненавистной секты были, однако, выходцами из низших классов, и среди них появилось лишь несколько великих людей, да и те были неважны с точки зрения философов и правителей. Верующие образовали эзотерический круг и были возвышенны, суровы и враждебны всем существующим институтам общества. Они сформировали империю в империи, но в то время не стремились достичь политической власти. Они были разбросаны по крупным городам империи и управлялись своими епископами и министрами. Они воевали не с людьми, а с их идеями, привычками и обрядами. Они избегали всех внешних конфликтов и боролись с дьяволами и страстями. Но правительство не доверяло им и не любило их, и в разное время пыталось их уничтожить. Со времен Нерона уже было девять серьезных преследований, и все же их численность и влияние постоянно увеличивались. Но теперь императоры должны были подвергнуть их более серьезному нападению, спровоцированному, вероятно, отказом некоторых христиан принять военную присягу и служить в армии, руководствуясь принципами совести, но истолкованному облеченными властью лицами как нелояльность в условиях великого национального кризиса.

Разум императора был отчужден, и как Галерий, так и Диоклетиан решили, что религия, которая казалась враждебной политическим отношениям империи, должна быть подавлена. Был издан указ о разрушении всех христианских церквей, конфискации их имущества, сожжении священных писаний, лишении христиан их гражданских прав и даже о том, чтобы обречь их на смерть. Указ, который был публично выставлен в Никомедии, был отменен христианином, выразившим глубочайшее отвращение к правителям-тиранам. Пожары, вспыхнувшие во дворце, были приписаны христианам, и в конце концов был отдан приказ заключить в тюрьму всех служителей религии и наказать тех, кто их защищал. Гонения, не имевшие аналогов в истории, распространились на все части империи. Вся гражданская власть, подстрекаемая старыми жрецами язычества, была задействована в поиске жертв, и практически все классы христиан подвергались пыткам и убийствам. Земля стонала в течение десяти лет под тяжестью этого печального бедствия, и, по-видимому, надежды не было. Но подвергнутые бичеванию, истерзанные, заключенные в тюрьму или сожженные, мученики проявляли терпение, веру и моральный героизм и призывали смерть показать свое жало, а могилу - свою победу.

Уход Диоклетиана на покой.

Преследование христиан — эта попытка подавить религию, которая считалась враждебной императорской власти и не лишенной некоторого правдоподобия, поскольку многие христиане отказывались записываться в армию и скорее умирали, чем поступали на службу, — было последним великим деянием Диоклетиана. Утомленный государственными заботами, испытывающий отвращение к своим обязанностям, больной или жаждущий покоя, он принял экстраординарное решение отречься от трона на самом пике своего могущества в возрасте пятидесяти девяти лет. Он убедил Максимиана сделать то же самое, и два Августа уступили место двум цезарям. Двойной акт отставки был совершен в Никомедии и Милане в один и тот же день, 1 мая 305 года н.э. Диоклетиан любезно попрощался со своими солдатами и удалился в убежище недалеко от своего родного города Салоны, на побережье Адриатики. Он удалился в великолепный дворец, который построил на площади в шестьсот футов, в прекрасном и плодородном месте, откуда открывался вид на море, горы и роскошные равнины. Там он посвятил себя удовольствиям сельского хозяйства, собственноручно сажал капусту и отвергал все попытки восстановить свою власть. Но его спокойствие было омрачено видом растущих проблем и крахом системы, которую он основал. Если империей не мог управлять один хозяин, то ею не могли управлять четверо, с их разной политикой и соперничеством. Он прожил всего девять лет в уединении, но достаточно долго, чтобы Миланский эдикт, утвердивший христианскую религию, изменил его религиозную политику, а Константин перевернул всю имперскую структуру, которую он создал.

Зло, которое проистекало из этого. Смерть Констанция.

Замешательство последовало за его отречением. Гражданские войны вместо варварских опустошили империю. В древнем сердце империи больше не было Августа, и фактически произошел новый раздел, в результате которого Италия и Африка оказались в зависимости от Востока. Галерий — ныне Август — взял на себя право назначить двух новых цезарей, одним из которых был сын его сестры, принявший имя Галерий Валерий Максимин, которому были переданы Сирия и Египет, а другим был его верный слуга Север, который был поставлен над Италией и Африкой. Согласно формам конституции, он подчинялся Констанцию, но был предан

Галерию. Император Констанций, находившийся тогда в Булони, умирал, а его сын Константин находился при дворе Галерия. Хотя Галерий был вызван к постели своего отца, он пытался удержать его, но Константин внезапно покинул Никомедию, ускользнул от Севера, пересек Европу и добрался до своего отца, который как раз отправлялся в Британию, чтобы отразить вторжение каледонцев. Он добрался до Йорка только для того, чтобы умереть, в 306 году н.э., и с последним вздохом передал свою империю своему сыну, а его самого поручил солдатам. Галерий пришел в ярость, но был вынужден подчиниться и назначил Константина цезарем западных провинций, который был возведен в достоинство Августа только два года спустя.

Возведение Севера Галерием к верховной власти в Италии вызвало негодование отрекшегося императора Максимиана и унизило римский народ. Преторианцы восстали против партии Севера, который удалился в Равенну и вскоре после этого покончил с собой. Сенат воспользовался своей старой прерогативой и возложил пурпур на Максенция, сына Максимилиана. Галерий снова взял на себя право назначать Августа и даровал пурпур, освободившийся после смерти Севера, старому товарищу Лицинию, родом дакийскому крестьянину.

Шесть императоров.

Таким образом, одновременно было шесть императоров: Константин в Британии; Максимиан, вернувший себе пурпур; Максенций, его сын; Лициний Галерий на Востоке; и Максимин, его племянник. Максимиан лично пересек Альпы, привлек Константина на свою сторону и выдал за него замуж свою дочь Фаусту и присвоил ему титул Августа; таким образом, на Западе Максенций и Константин делали вид, что подчиняются Максимиану; в то время как на Востоке Лициний и Максимин подчинялись приказам своего благодетеля Галерия. Правители Востока и Запада были враждебны друг другу, но их взаимные опасения привели к кажущемуся спокойствию и притворному примирению.

Гражданские войны.

Однако первая настоящая война вспыхнула между Максимианом и его сыном. Максенций настаивал на повторном отречении своего отца и пользовался поддержкой преторианской гвардии. Изгнанный, он вернулся в Галлию и нашел убежище у своих сына и дочери, которые приняли его любезно; но в отсутствие Константина он захватил сокровища, чтобы подкупить свои войска, и поддерживал связь с Максенцием, когда Константин вернулся с Рейна. Старому интригану хватило времени только на то, чтобы броситься в Марсель, где он покончил с собой, когда Константин сильно потеснил город в 310 году нашей эры.

Смерть Галерия.

Через год Галерий умер, как и Ирод Агриппа, став жертвой отвратительного паразита—*morbis pediculosus*, и его владения были разделены между Максиминем и Лицинием, каждый из которых заключил тайный союз с Максенцием и Константином, между которыми шла война.

Возвышение Константина. Преемники Константина.

Тирания Максенция заставила его подданных смотреть на Константина как на освободителя, который выступил на помощь сенату и римскому народу. Он перешел Альпы с сорока тысячами человек. Максенций собрал войско в сто семьдесят тысяч человек, для содержания которого у

него были богатства Италии, Африки и Сицилии. Константин впервые столкнулся с полководцами Максенция на равнинах Турина и одержал полную победу, наградой за которую стал Милан, новая столица Италии. Он приближался к Риму по пути Фламиния, прежде чем Максенций осознал грозящую ему опасность, будучи поглощен удовольствиями. В нескольких милях от Рима произошла битва при Сакса-Рубре в 312 году н.э. между императорами-соперниками, в которой Максенций погиб, а Константин был встречен сенатом как первый из трех выживших августов. Победа Константина была отмечена триумфальной аркой, которая сохранилась до сих пор и которая была лишь копией арки Траяна. Последующая зима была проведена в Риме, в течение которой Константин навсегда упразднил преторианскую гвардию, давшую миру так много императоров. Весной Константин выдал свою дочь Констанцию замуж за Лициния, но вскоре был отозван на Рейн вторжением франков, в то время как Лициний выступил против Максимиана и разбил его под стенами Геракла. Максимиан отступил в Никомедию и собирался возобновить войну, когда он умер в Тарсе, и Лициний стал хозяином Восточных провинций.

Обращение Константина. Утверждение христианства.

Теперь было только два императора, один на Востоке, а другой на Западе. Константин отпраздновал восстановление спокойствия, обнародовав в Милане эдикт в пользу всеобщей религиозной терпимости, и гонения язычников на христиан в Европе прекратились навсегда. Примерно в это же время сам Константин был обращен в новую религию. Евсевий утверждает, что во время своего похода против Максенция он видел в полдень на небесах крест, на котором были начертаны слова: “Этим побеждай”. Также утверждается, что видение креста было замечено всей армией, и отныне крест стал знаменем христианских императоров. Он назывался Лабарум, его до сих пор можно увидеть на монетах Константина, и был вверен отборной страже из пятидесяти человек. Это, несомненно, вызвало энтузиазм в армии, теперь склонной принять новую веру, и сам Константин присоединился к прогрессивной партии и сделал христианство общепринятой религией империи. Отныне защита христианской религии стала одним из заветных предметов его души, и хотя его жизнь была запятнана суевериями и множеством актов жестокости и нечестия, Константин выделяется в истории как первый христианский император. Главным образом за это он знаменит и любим церковными писателями. Миланский эдикт - это эпоха в мировом прогрессе. Но он также был великим государем и великим полководцем.

Возобновление войн.

Согласие между таким амбициозным человеком и Лицинием длилось недолго. Соперничающие интересы и различные симпатии вскоре привели к началу военных действий, и Лициний потерпел поражение в двух крупных битвах и уступил Константину все свои европейские владения, за исключением Фракии. Девять лет подряд Лициний проводил в праздности и порочных удовольствиях, в то время как Константин посвящал свою энергию подавлению варваров и принятию важных законов. Он отразил готские и сарматские орды, которые снова переправились через Дунай, и преследовал их в Дакии; и готы не добились мира, пока не снабдили римские армии сорока тысячами рекрутов. Этот набор имперских армий из варваров был одним из самых печальных признаков упадка сил и указывал на приближающуюся гибель.

Победа Константина над Лицинием.

В 323 году между Константином и Лицинием вспыхнула новая гражданская война. Престарелый и ленивый восточный император предпринял грандиозное усилие и собрал армию в сто пятьдесят тысяч пеших и пятнадцать тысяч всадников на равнинах Адрианополя, в то время как его флот из трехсот пятидесяти трирем командовал Геллеспонтом. Константин собрал армию в сто двадцать тысяч человек в Фессалониках и двинулся в атаку на своего врага, занявшего сильную позицию. Исход битвы был решен в пользу Константина, который убил тридцать четыре тысячи своих врагов и захватил укрепленный лагерь Лициния, бежавшего в Византию, в июле А.Д.н.э.

Смерть Лициния.

Флот Лициния все еще оставался, и с его превосходящими военно-морскими силами он мог бы сбить с толку своего соперника. Но фортуна, или доблесть, снова решила в пользу западного императора, и после двухдневного сражения адмирал Лициний удалился в Византию. Теперь Константин доблестно вел осаду этого города, и Лициний бежал со своими сокровищами в Халкидон, где ему удалось собрать еще одну армию численностью в пятьдесят тысяч человек. Эти необузданные рекруты были, однако, бессильны против ветеранов Константина, которыми он руководил лично. Решающее сражение произошло при Хрисополе, и Лициний удалился в Никомедию, но вскоре после этого отрекся от престола и был сослан в Фессалоники. Там ему не разрешили оставаться долго, поскольку он был казнен по приказу Константина, что стало одним из грязных пятен на его памяти и характере.

Константин правит единолично.

Теперь империя воссоединилась под властью одного человека ценой огромных сокровищ и человеческих жизней. Политика Диоклетиана лишь положила начало гражданской войне. Нет такой огромной империи, управлять которой одному человеку было бы легче, чем двум или четверем. Может быть, и хорошо, что империи были разделены, как при Карле Великом, но невозможно предотвратить гражданские войны, когда власть поровну делят ревнивые соперники. Для римского мира было лучше объединиться при Октавии, чем разделить между ним и Антонием.

Основание Константинополя.

После падения Византии Константин был настолько поражен ее природными преимуществами, что решил сделать ее столицей империи. Расположенный на внутренней стороне двух проливов, соединяющих Эвксинский и Эгейский с Средиземным морем, на границах Европы и Азии, он казался истинным центром политической власти, в то время как его положение само по себе могло стать неприступным для любого внешнего врага, угрожавшего римскому миру. Мудрость выбора Константина и его непревзойденная проницательность были доказаны тем фактом, что в то время как Рим последовательно захватывался и разграблялся готами и вандалами, Константинополь оставался столицей восточной Римской империи на протяжении одиннадцати непрерывных столетий.

Городской совет Ниццы. Athanasius. Богословская дискуссия о Троице.

Правление Константина в качестве единоличного императора ознаменовалось другим событием, 325 г. н.э. которое оказало большое влияние на последующее состояние мира с моральной и религиозной точки зрения, и это был знаменитый Никейский собор, собравшийся

для урегулирования вопросов веры и дисциплины в новой религии, которая теперь была установлена по всей империи. Он называется первым Вселенским, или Генеральным собором, и в нем приняли участие триста восемнадцать епископов и вдвое большее число пресвитеров, собравшихся со всех частей христианского мира. Здесь церковь и империя встретились лицом к лицу. На этом соборе император оставил государственные заботы и командование армиями, чтобы председательствовать при обсуждении учения о Троице, изложенного двумя великими соперничающими партиями: одну возглавлял Афанасий, тогда архидиакон, впоследствии архиепископ Александрийский - величайший богослов, который когда-либо появлялся в церкви, — а другую возглавлял Арий, простой александрийский пресвитер, но человек тонкого и властного интеллекта. Арий утверждал, что Сын, второе лицо Троицы, получил свое бытие от Отца в пределах времени и был вторичен по отношению к нему в силе и славе. Афанасий утверждал, что Сын был совечен с Отцом и по сути своей одинаков с Отцом. Этот богословский вопрос обсуждался давно, и церковь была разделена между двумя партиями, каждая из которых проявляла крайнюю язвительность. Константин склонялся на сторону православных, хотя его самый влиятельный советник, историк Евсевий, епископ Кесарийский, склонялся к арианской точке зрения. Но император больше желал обеспечить мир и единство, чем господство какой-либо догмы, и учение Афанасия стало стандартом веры и с тех пор остается символом веры церкви.

Убийство Криспа. Новая столица.

После утверждения веры церкви, ныне ставшей великой мировой державой, правление Константина было омрачено семейной трагедией, которая редко встречалась в истории. Его сын Крисп от женщины низкого происхождения, отличавшейся талантами и добродетелями, либо разжег ревность своего отца, либо спровоцировал его тайным заговором. Так и не было окончательно установлено, был ли он соперником или заговорщиком, но его обвинили, судили и казнили на двадцатом году правления, когда Константин праздновал в Риме праздник своих виченналий. После этой кровавой трагедии, в которой его обычно упрекают, он окончательно покинул Рим, и четыре года спустя старая столица была низведена до ранга второстепенного города, а Константинополь был посвящен в качестве новой столицы империи. От восточного мыса до Золотого Рога крайняя протяженность Константинополя составляла три римские мили, а окружность - десять, охватывая площадь в две тысячи акров, не считая пригородов. Новый город был разделен на четырнадцать районов и украшен дворцами, форумами и церквями. Церковь Святой Софии была построена на месте старого храма и имела форму греческого креста, увенчанного красивым и высоким куполом. Столетие спустя Константинополь соперничал по великолепию с Римом. В нем были капитолий, цирк, два театра, восемь общественных бань, пятьдесят два портика, восемь акведуков, четыре зала и четырнадцать церквей, а также четыре тысячи триста восемьдесят три больших роскошных особняка.

Новые разделы империи.

После строительства этого нового и прекрасного города Константин посвятил себя внутреннему управлению империей, которую он разделил на четыре префектуры, подразделенные на тринадцать епархий, каждая из которых управлялась викариями или вице-префектами, носившими титул графов и герцогов. Провинции были разделены на сто шестнадцать частей. Тремя из них управляли проконсулы, тридцатью семью - консулы, пятью - корректоры и семьюдесятью одним - президенты, избираемые из числа юристов и называемые клариссими.

Восточная префектура охватывала азиатские провинции вместе с Египтом, Фракией и нижней Мезией; префектура Иллирии включала страны между Дунаем, Эгейским морем и Адриатикой; префектура Италии простиралась от Альп до Дуная, а префектура галлов охватывала западные провинции за Рейном и Альпами.

Изменения в армии.

Военная власть была отделена от гражданской. Было два обер-генерала, один от пехоты, а другой от кавалерии, впоследствии их число увеличилось до восьми, под началом которых находилось тридцать пять командующих, десять из которых были графами и двадцать герцогами. Численность легионов сократилась с шести тысяч до полутора тысяч человек. Их число составляло сто тридцать два, а все вооруженные силы империи составляли шестьсот сорок пять тысяч человек, располагавших пятьюстами восьмьюдесятью тремя постоянными пунктами.

Министры.

Дворцовых министров, выполнявших различные функции в присутствии императора, было семь: префект опочивальни; евнух, прислуживавший императору; начальник канцелярии - верховный магистрат дворца; квестор — глава судебной администрации, составлявший речи и эдикты императора; казначей и два графа из прислуги, командовавшие личной охраной.

Епископства.

Епископство почти соответствовало гражданскому делению империи, и епископы имели разные звания. Теперь мы наблюдаем за архиепископами и митрополитами.

Новые подразделения усложнили правительственный механизм и привели к учреждению множества новых офисов, что значительно увеличило расходы правительства, налогообложение которого стало более строгим и репрессивным. Старая конституция была полностью отменена, и император стал восточным монархом.

Смерть Константина.

Константин был отстранен от своих организационных трудов, чтобы противостоять амбициям Сапора II., когда он умер в возрасте шестидесяти четырех лет в своем дворце близ Никомедии, в 337 году н.э., после памятного, но бурного правления — памятного признанием христианства государственной религией; бурного из-за гражданских войн и столкновений с варварами. Константинополь, а не Рим, стал будущей столицей империи.

ГЛАВА XLVI.

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ.

После смерти Константина упадок был быстрым, и новые опасности умножились. Воинственные императоры сдерживали натиск варваров и делали все, что мог человек, чтобы предотвратить гибель. Но семена гибели были посеяны и должны принести свои жалкие плоды. Резиденция империи была перенесена в новый город, более способный, благодаря своему положению, противостоять грядущему потрясению. В борьбе между новыми и выносливыми расами и старым коррумпированным населением исход не вызывал сомнений. Империя выполнила свою миссию. Христианство родилось, было защищено и восторжествовало. Ничего больше не требовалось, кроме обращения варваров в новую веру, прежде чем опустошение охватит мир, и государства, готового к новым идеям, страстям и интересам.

Наследники Константина.

Константин оставил троих сыновей и двух дочерей от Фаусты, дочери Максимиана, — Константина, Констанция, Константину и Елену. Императорским достоинством пользовались сыновья, а младшая дочь Елена вышла замуж за императора Юлиана, внука Констанция Хлора. Трое сыновей Константина разделили империю между собой. Старший, в возрасте двадцати одного года, сохранил за собой префектуру Галлии; двадцатилетний Констанций сохранил за собой Фракию и Восток; в то время как Констанс, самый младший, в возрасте семнадцати лет, присоединил итальянскую префектуру к Греции.

Constantius.

Самым способным из этих князей был Констанций, на плечи которого пало бремя персидской войны, которая в конечном итоге закончилась поражением Юлиана при Сапоре, отвоевавшем у императора все страны за Евфратом.

Константин II. был недоволен своей долей в империи и вынудил Константа уступить Африку, но был убит во время похода за Юлийские Альпы, A.D.н.э.

Constans.

Констанс управлял Западной империей в течение десяти лет, в течение которых он вел войну с франками на Рейне, а также со скоттами и пиктами. Его пороки были настолько позорными, что под предводительством Магненция произошло восстание, который убил Константа в A.D. и воцарился вместо него, резиденцией его правительства был Трир.,

Война с Магнентием.

Констанций II пошел войной на узурпатора Магненция, грубого варвара, и в конце концов разбил его на берегах Дуная, где в битве погибло пятьдесят четыре тысячи человек, вскоре после чего узурпатор покончил с собой.

Смерть Афанасия.

Констанций, после смерти своего брата и свержения Магненция, теперь был единоличным хозяином империи, и с его разрешения Афанасий был восстановлен в архиепископстве

Александрии, но снова был смещен, поскольку император был арианином. Это второе смещение вызвало волнения в Александрии, и ему было позволено вернуться на свою кафедру, где он жил в мире до своей смерти, А.D. 372 г. н.э. — великий защитник ортодоксального вероучения, которое в конце концов было установлено соборами и императорами.,,

Войны Констанция.

Император Констанций был вовлечен в последовательные войны с варварами — с персами на Востоке, сарматами на Дунае, франками и алеманнами на Рейне. Во время этих войн его шурин Юлиан был отправлен на Запад с титулом цезаря, где он восстановил порядок и продемонстрировал способности связиста. После смерти Констанция он был признан императором без сопротивления, в 361 году н. э.

Джулиан.

Юлиана обычно называют Отступником, поскольку он провозгласил смену устоявшейся религии, но терпимо относился к христианству. Он был философом—платоником - человеком великой добродетели и способностей, чья жизнь не была запятнана пороками. Но его попытка возродить язычество была бессмысленной и безрезультатной. По распространенному мнению, язычество ушло в прошлое. Гиббон горячо хвалит его персонажа, а другие историки - его похвалу. Он боролся против духа своего времени, но безуспешно. Он был достоин лучших времен империи в проявлении всех языческих добродетелей — истинный преемник Адриана и Антонинов.

Смерть Юлиана. Юпитерианин.

Он также был великим полководцем и стремился сокрушить власть персидских царей и сделать Вавилонию римской провинцией. Здесь он тоже потерпел неудачу, хотя и добился значительных успехов. Он был смертельно ранен при отступлении от Тигра после короткого двадцатимесячного правления. С ним покончил дом Константина. Империя была передана войсками Флавию Клавдию Иовиану, главе императорского двора, в 363 году н.э. — человеку умеренных талантов и благих намерений, но непригодному для столь бурных времен. Он восстановил христианство, которое отныне стало национальной религией. Он умер в следующем году, и ему наследовал Флавий Валентиниан, сын графа Грациана, генерала, вышедшего из неизвестности в Паннонии, до командования Африкой и Британией.

Валентиниан. Варварские вторжения.

Валентиниану было сорок четыре года, когда он начал править в 364 году н.э., человеку благородного характера, и через месяц он присоединил к себе своего брата Флавия Валента в правительстве империи. Валентиниан сохранил Запад и передал Восток Валенту. Таким образом, империя снова была формально разделена и не воссоединилась до правления Феодосия. Валентиниан выбрал этот пост из-за опасности, а не из-за удовольствий и роскоши, поскольку Запад теперь был захвачен различными племенами германской расы. Алеманны были могущественны на Рейне; саксы вторгались в Британию; бургунды начинали свои опустошительные действия в Галлии; а готы готовились к новому вторжению. Император, центром власти которого был Милан, был вовлечен в постоянные, но нерешительные конфликты. Он правил энергично и подавлял варваров. Он даровал титул Августа своему сыну

Грациану и умер в приступе гнева от разрыва кровеносного сосуда, оскорбляя послов квадов, в 375 г. н.э.

Валент.

Император Валент в Константинополе подвергался не меньшим опасностям, не имея сил противостоять им. Великий народ готов, который в течение целого поколения жил в мире с империей, возобновил свои военные действия на Дунае. Германерик, первое историческое имя среди этих свирепых людей, одержал ряд блестящих побед над другими варварами после того, как ему исполнилось восемьдесят лет. Его владения простирались от Дуная до Балтики и охватывали большую часть Германии и Скифии.

Вторжение готов. Смерть Валента. Опустошительные действия готов.

Но готы подверглись нашествию свирепой расы варваров, более диких, чем они сами, с берегов Дона, называемых скифами, или гуннами, славянского происхождения. Теснимые этим новым врагом, они искали убежища на римской территории. Вместо того, чтобы принять их как союзников, император обращался с ними как с врагами. Заложники в расцвете своей юности были разбросаны по городам Малой Азии, в то время как коррумпированные правители Фракии досаждали им оскорблениями и обид. Престарелый германерихий, доведенный до отчаяния несчастьем, начал готовиться к всеобщей войне, в то время как сарматы, аланы и гунны объединились с ними. После трех нерешительных кампаний император Валент двинулся в атаку на их лагерь близ Адрианополя, защищаемый Фритагерном. Под стенами этого города разыгралась самая кровопролитная и разрушительная битва, которую когда-либо проигрывал Рим, в 378 году нашей эры. Две трети императорской армии были уничтожены, император убит, а остальные в ужасе бежали. Шестьдесят тысяч пехотинцев и шесть тысяч кавалеристов погибли мертвыми на роковом поле. Победители, опьяненные своим успехом, окружили Адрианополь, но не справились с этой задачей, будучи неопытными в осадах. Нагруженные добычей, они отступили к западным границам Фракии. От берегов Босфора до Юлийских Альп не было видно ничего, кроме пожаров, убийств и опустошения. Несчастья иллирийских провинций были так велики, что впоследствии они так и не оправались. Церкви превращались в конюшни, дворцы сжигались, произведения искусства уничтожались, мощи мучеников осквернялись, население сокращалось, а провинции были захвачены.

Феодосий.

В этот день бедствия был необходим герой и избавитель. Слабый Грациан, правивший на Западе, обратил свой взор на изгнанника, отец которого, выдающийся полководец, был несправедливо убит императором Валентинианом. Этим человеком был Феодосий, живший тогда в скромном уединении на своей ферме близ Вальядолида в Испании, такой же честолюбивый, как Давид среди своих овец, такой же довольный, как Цинциннат за плугом. Даже Гиббон не насмехается над этим великим христианским императором, который на время возродил падающую империю. Он принял скипетр Валента в 370 году н.э. и руководство войной с готами, когда ему было всего тридцать три года. Один из величайших императоров и последний великий человек, взявший в руки скипетр Траяна, своего предка, он не слишком тепло восхвалялся Церковью, защитником которой он был — последним мерцающим огоньком умирающей монархии, — хотя его характер подвергался нападкам со стороны современных критиков большой респектабельности.

Победы над готами.

Как только он был облачен в пурпур, он поселился в Фессалониках и посвятил всю свою энергию задаче, поставленной перед ним потребностями империи. Ему удалось остановить продвижение готов, разоружить их договорами и позволить им поселиться на правом берегу Дуная, в пределах империи. Он пригласил престарелого Атанариха в свою столицу и к столу, который был поражен его богатством и славой. Миру способствовала смерть Фритагерна, и сорок тысяч готов были приняты как солдаты империи, что было невежливым поступком.

Апхилас.

В этот период готов, поселившихся в Месии, посетил Апхилас, христианский миссионер и арианский епископ, который перевел Библию и добился большого успеха в обращении варваров в номинальную веру. Это самый ранний пример принятия новой веры германскими расами.

Грациан. Валентиниан II.

Пока Феодосий восстанавливал восточную империю, Грациан снова предался праздным удовольствиям в Милане, что спровоцировало революцию. Легионы в Британии провозгласили Максима императором и вторглись в Галлию. Грациан бежал со свитой из трехсот всадников, был настигнут и убит. Феодосий признал притязания узурпатора, не желая проливать кровь ослабленных солдат в новой гражданской войне, при условии, что Италия и Африка будут переданы Валентиниану II, младшему брату Грациана. Молодой император стал непопулярен из-за того, что принял арианство и управлялся своей матерью Юстиной, и четыре года спустя был вынужден бежать в Фессалоники из-за вторжения Максима в Италию и призвать на помощь Феодосия, который откликнулся на его призыв, покоренный чарами принцессы Галлы, на которой он женился. Максим был побежден, казнен, а Валентиниан II. был заменен на троне.

Амвросий. Покаяние Феодосия.

Именно в то время, когда Максим торжествовал в Галлии, знаменитый Амвросий, архиепископ Милана, был послан в лагерь узурпатора требовать мертвое тело убитого Грациана. Но этот бесстрашный прелат прославился еще больше тем, что защищал православие от всей власти Валентиниана II и его матери. Он также увековечен за наказание, которому он подверг самого Феодосия за резню в Фессалониках. Император находился в Милане, когда поступили сведения о мятеже в городе, вызванном группировками цирка, во время которого был убит Бодерик, командующий императорскими войсками. Это безобразие было отомщено бессмысленной резней семи тысяч человек. Известие об этом варварстве наполнило Амвросия ужасом, и он написал письмо императору, которое привело к его раскаянию; но когда он собирался войти в базилику, прелат встретил его у дверей и отказывался впускать, пока он не искупит свое преступление строгой епитимьей, и император не смиритсЯ с унижением — актом подчинения Церкви, который вызывал большое восхищение, — актом церковной власти, который создал прецедент для героизма Гильдебранда.

Феодосий защищает церковь.

Под влиянием духовенства, ныне обладающего огромной властью, Феодосий в том же году издал эдикт о пресечении всех актов языческого богослужения, частных и публичных, под

угрозой суровых наказаний, а Церковь, в свою очередь, подверглась гонениям. В это время коррупция в Церкви быстро прогрессировала. Мнимые чудеса, благочестивое мошенничество, почитание святых, мощи, аскетическая строгость, монашеские суеверия, пышность епископов и светский дух ознаменовали триумф христианства над язычеством. Церковь была объединена с государством, и исповедание новой веры стало необходимым условием для осуществления гражданских прав. Но теперь Церковь отличалась великими людьми, занимавшими высокие посты, богословами и епископами, такими как Августин, Амвросий, Златоуст, Григорий, Назианзин, Василий, Евсевий и Мартин Турский.

Смерть Феодосия. Аркадий и Гонорий.

Феодосий умер в Милане, на руках Амвросия, в 395 году нашей эры, и вместе с ним угас гений Рима, и началась настоящая драма падения империи. Ему наследовали два его сына, Аркадий и Гонорий, один на Востоке, а другой на Западе, причем первый находился под опекой Руфина, а второй - под опекой Стилихона, главнокомандующего армиями. Оба императора были недостойны или неравноправны в сохранении своих наследств. Варвары обрели новую храбрость после смерти Феодосия и возобновили свои опустошительные действия. Солдаты империи были подавлены и обессилены и сбросили свои защитные доспехи. Они даже были не в состоянии выдержать вес кирасы и шлема, и тяжелое оружие их предков было заменено на лук. Таким образом, они оказались незащищенными от смертоносных снарядов своих врагов и обратились в бегство при приближении опасности. Гаинас Гот, командовавший легионами, убил Руфина в присутствии Аркадия, который отдался в Константинополе влиянию евнуха Евтропия, наиболее известного тем, что представил Златоуста ко двору. Вскоре после этого евнух-министр был убит во время беспорядков, и Аркадием тогда управляла его жена Евдокия, которая добилась изгнания Златоуста.

Окончательный раздел империи.

Теперь империя была окончательно разделена. Долгая череда слабых принцев правила на Востоке, управляемых фаворитами и женщинами, при дворах которых были внедрены нравы и обычаи восточных королей. Восточная империя теперь принимает характер Восточной монархии и отныне носит название греческой империи, сначала охватывающей те страны, которые ограничены Адриатикой и Тигром, но постепенно сужающейся до пределов Константинополя. Она просуществовала на тысячу лет дольше, прежде чем была окончательно покорена турками. История греческой империи по праву относится к средневековью. Наша цель - проследить окончательное падение западной империи.

Аларих. Поражение готов. Стилихон.

При Гонории вестготы, которыми правил Аларих, вошли в историю как великий и воинственный народ. Стилихон, полководец Гонория, безуспешно сражался с ними в двух кампаниях, в Македонии и Фессалии, и выродившиеся города Греции выкупили их сохранение за огромный выкуп. В 402 году Аларих перешел Альпы, а Гонорий бежал в Равеннские болота, где, защищенные мелководным морем, долгое время проживали западные императоры. Однако Стилихон одержал крупную победу над готами при Поллентии, близ Турина, и остановил поход Алариха на Рим. Однако побежденные готы восстали, превзойдя это поражение, воспетое поэтом Клавдианом как величайшая победа, когда-либо достигнутая Римом. Он бежал с основными силами своей кавалерии, прорвался через перевалы Апеннин, опустошил

плодородные поля Тосканы, решив рискнуть еще одним сражением ради великой награды, которую он намеревался получить, - даже императорского Рима. Но Стилихон выкупил отступление готов подарком в сорок тысяч фунтов золота. Уход Алариха из Италии, которую он разорил, был расценен римским народом как полное избавление, и он предался абсурдным ликованиям и гладиаторским зрелищам.

Последовательные вторжения варваров. Потеря Галлии империей.

Но едва Италия была освобождена от готов, как нашествие вандалов, свевов и бургундов под командованием Родогаста или Радагаста численностью в двести тысяч человек выступило с побережья Балтийского моря, перешло Вислу, Альпы и Апеннины, разорило северные города Италии и осадило Флоренцию. Победитель при Поллентии явился на выручку с последней армией, которую империя могла собрать, окружил врага сильными укреплениями и вынудил его отступить. Стилихон снова освободил Италию, но сто тысяч варваров оставались с оружием в руках между Альпами и Апеннинскими, которые вторглись в Галлию, тогда самую возделанную из западных провинций, и полностью опустошили ее поля, виллы и города. Менц был разрушен; Вормс пал после упорной осады; Страсбург, Шпир, Реймс, Турне, Аррас и Амьен попали под германское иго, и Галлия была окончательно отделена от империи. Вандалы, свевы и аланы вторглись в Испанию, в то время как бургунды остались позади, хозяева горных районов Восточной Галлии, которым было дано название Бургундия, в 409 году н.э.

Проблемы империи привели к окончательному выводу легионов из Британии примерно в то время, когда была потеряна Галлия, и примерно за сорок лет до завоевания острова саксами.

Италия, на какое-то время освобожденная, забыла об услугах Стилихона, единственного человека, способного защитить ее. Ревность робкого императора, которому он служил, и легкомысленный сенат, который он спас, навсегда лишили Рим последней надежды. Этот способный полководец был убит в Равенне в 408 году н.э. э.....

Аларих продвигается к Риму.

Готский король в своем отдаленном лагере с радостью наблюдал за интригами и группировками, которые лишили императора его лучшего и последнего защитника, и готовился к новому вторжению в Италию. Он обрушился подобно лавине на равнины Италии и захватил города Аквилею, Конкордию и Кремону. Затем он опустошил побережье Адриатики и, следуя путем Фламиния, пересек Аппенины, опустошил Умбрию и беспрепятственно достиг города, который в течение шестисот лет не видел у своих ворот чужеземного врага. Рим все еще заключал в своих стенах, окруженных на двадцать три мили, огромное население, но у него не было воинов. Она могла похвастаться длинной чередой сенаторских семейств, тысячей семистами восьмьюдесятью дворцами и двумя миллионами жителей, а также добычей древнего мира, огромными богатствами и неисчислимыми произведениями искусства; но где были ее защитники? То, что они были неспособны к обороне, является печальным доказательством вырождения народа.

Осада Рима. Рим обложен тяжелой данью. Генеральный магистр Аларих.

Аларих не предпринимал попыток штурмовать город, но спокойно сел и окружил несчастных жителей кордоном, через который ничто не могло пробиться. Он отрезал все сообщения со страной и морем и командовал воротами. Голод, добавленный к эпидемии, сделал работу

солдат. Отчаяние охватило надменных и изнеженных горожан, которые взывали к милосердию варваров. Он высмеивал послов и оскорблял их грубыми и саркастическими шутками. “Чем гуще сено, тем легче его косят”, - ответил он, когда его предупредили, чтобы он не доводил народ до отчаяния. Он снизошел до того, чтобы пощадить жизни людей при условии, что они отдадут все свое золото и серебро, всю свою драгоценную движимость и всех своих рабов варварского происхождения. Впоследствии были предоставлены более умеренные условия, но победитель не отступал до тех пор, пока не нагрузил свои повозки драгоценной добычей. Он удалился на плодородные поля Тосканы, чтобы вести переговоры с Гонорием, укрепившимся в Равенне; и только при условии назначения его главнокомандующим императорской армией с ежегодной субсидией зерном и деньгами, а также свободного владения Далмацией, Нориком и Венецией он согласился на мир с императором. Эти условия были проигнорированы, и возмущенный варвар снова повернулся лицом к городу, который он пощадил. Он овладел Остией, и Рим оказался в его власти, поскольку ее журналы были в его руках. И снова Сенат, опасаясь голода, согласился с требованиями завоевателя. Он назначил императором Аттика, префекта города, и от него получил должность главнокомандующего западными армиями.

Разграбление Рима.

Аттик после недолгого правления был низложен, и с Гонорием были начаты переговоры. Отталкиваемый новыми оскорблениями, которые нельзя понять иначе, как из-за того увлечения, которое наслано на обреченных, Аларих, мстительный и возмущенный, снова отправился в Рим, полный решимости грабить и мстить. Тщетно дворяне организовывали оборону. Трусость или предательство открыли салиарские ворота. Глубокой ночью готы вошли в город, который теперь был добычей солдат. В течение пяти дней и пяти ночей “Вечный город” подвергался всяческому варварству и вседозволенности, и были спасены только сокровища, накопленные и хранящиеся в церквях Святого Павла и Святого Петра. Жестокая резня граждан усугубила страдания разграбления. Сорок тысяч рабов были выпущены на волю против народа. Римские матроны и женщины подвергались всяческому унижению. Город был отдан на разграбление. Дочери и жены сенаторских семей были обращены в рабство. Итальянские беглецы заполнили берега Африки и Сирии, прося хлеба насущного. Весь мир был полон ужаса. Вест о взятии Рима заставила язык святого Иеронима прилип к небу в его келье в Вифлееме. Печаль, несчастье, опустошение и отчаяние были повсюду. Предполагалось, что конец света близок, и великие церковники того времени находили утешение только в учении о втором пришествии нашего Господа среди небесных облаков в 410 году н.э..

Эвакуация Рима.

Через шесть дней готы покинули город и двинулись по Аппиевой дороге в южные провинции Италии, безжалостно уничтожая всех, кто противодействовал их походу, и нагруженные римской добычей. Прекрасные виллы кампанского побережья, где веками наслаждались владыки мира, были разрушены или разграблены, а грубые готы позволили себе всю вольность варварских солдат.

Смерть Алариха.

Наконец, пресытившись вином и награбленным, они приготовились вторгнуться в Сицилию, когда Аларих заболел и умер в Бруттии и был похоронен под руслом реки, чтобы место его захоронения никогда не было обнаружено. Ему наследовал его шурин Адольф, с которым

Гонорий заключил мир и которого он назначил генералом своих армий. Кактаковой, он повел свои войска в Галлию, и южная часть страны стала местом их постоянного поселения, со столицей в Тулузе. Вестготы расширили свои завоевания по обе стороны Пиренеев; Вандалузия была завоевана его сыном Валлией в 418 году н.э., которому император даровал Аквитанию. Его сын, Теодорих, был первым королем готов.

Королевство франков. Разногласия между Бонифацием и Аэцием.

Тот же год, когда было основано это новое готское королевство, также стал свидетелем основания королевства франков Фарамундом и окончательной потери Британии. Таким образом, провинция за провинцией отвоевывались у императора, который умер в 423 году н.э., и ему наследовал Констанций, женившийся на его сестре. Он умер в том же году, оставив младенца, названного Валентинианом. Главный секретарь покойного императора Иоанн был провозглашен императором; но два года спустя он был свергнут с престола Валентинианом III. шести лет от роду, правил вместо него, пользуясь услугами двух способных полководцев, Бонифация и Аэция, которые благодаря своим талантам остановили набеги варваров, но они поссорились, и их разногласия привели к потере Африки, захваченной вандалами.

Вандалы.

Эти варвары также принадлежали к великой тевтонской расе, и их поселения находились на Эльбе и Висле. Во времена Марка Аврелия они вторглись в империю, но потерпели сокрушительное поражение. Сто лет спустя они обосновались в Паннонии, где вели ожесточенную борьбу с готами. Потерпев поражение от них, они обратились за защитой к Риму и завербовались в его армии. В 406 году они вторглись в Галлию и продвинулись до Пиренеев, совершая всевозможные зверства. Затем они переправились в Испанию и поселились в Андалусии в 409 году н.э. и возобновили сельскохозяйственную жизнь, которую вели в Паннонии. Римский наместник Испании заинтриговал их старых врагов, готов, затем обосновался в Галлии, чтобы напасть на них при Валлии. Встревоженные и разгневанные, вандалы обратились против римлян, разгромили их и завладели полуостровом.

Вандалы в Африке.

Именно тогда Аэций, полководец Валентиниана III, убедил императора — или, скорее, его мать Плацидию, настоящую правительницу, — отозвать Бонифация из правительства Африки. Он отклонил призыв, поднял восстание и призвал к себе на помощь вандалов, владевших Испанией. Ими командовал Гензерик, одно из тех отвратительных чудовищ, которые сочетали в себе великие военные таланты со всеми пороками. Он откликнулся на призыв Бонифация и вторгся в Африку, богатую фермами и городами, столица которых, Карфаген, снова стала соперником Рима и даже переросла Александрию как торговый город. С пятьюдесятью тысячами воинов Гензерик опустошил страну, а Бонифаций, слишком поздно раскаявшись в своей ошибке, выступил против общего врага, но потерпел поражение и был вынужден уступить варварам три важные провинции, A.D. 432 г. н.э.

Падение Карфагена.

Мир продлился недолго, и вандалы возобновили войну после отступления Бонифация в Италию, где он был убит на дуэли Аэцием. Вся Африка была захвачена, Карфаген взят и разграблен, и его постигла участь столь же ужасная, как Тир и Иерусалим, ибо ее беззакония были вопиющими и

взывали к небесам о мести. При разграблении города труды Августина, епископа Гиппонского, к счастью, сохранились в качестве тезауруса христианской богословской литературы, влияние которой трудно переоценить в наступивший затем мрачный период, 439 г. н.э.

Вандалы в Италии. Разграбление Рима вандалами.

Затем вандалы обратили свой взор на Рим и высадились на итальянском побережье. Последней надеждой имперского города, которому теперь угрожали подавляющие силы, был ее христианский епископ — великий Лев, который поспешил в лагерь варваров и в своей папской мантии искал милости у безжалостного и свирепого врага. Но он не смог добиться лучших условий, кроме того, что несопротивляющиеся должны быть пощажены, здания защищены от пожара, а пленники - от пыток. Но это обещание было выполнено лишь частично. Грабеж продолжался четырнадцать дней и четырнадцать ночей, и все, что уцелело у готов, было перевезено на корабли Гензериха. Статуи древних языческих богов, украшавшие Капитолий, священные сосуды иудейского храма, которые Тит привез из Иерусалима, святыни и алтари христианских церквей, дорогие украшения императорского дворца, массивные серебряные серванты из сенаторских особняков — золото, серебрянник, медь, драгоценный мрамор — все это было перевезено на корабли. Сама императрица Евдокия, лишенная своих драгоценностей, была уведена в плен вместе с двумя дочерьми, единственными оставшимися в живых из семьи Феодосия.

Падение Рима.

Такова была судьба Рима в 455 году н.э., через сорок пять лет после вторжения готов. Надменный город постигла участь, которую она обрекла на своих соперников, и не осталось ничего, кроме запустения и воспоминаний.

Гунны.

В то время как вандалы грабили Рим, гунны - славянская раса, отвратительные и отвратительные варвары под предводительством Атилы, прозванного бичом Божьим, опустошали оставшиеся провинции империи. Никогда со времен Ксеркса не было такого скопления народов, какое наводнило сейчас римский мир, — около пятисот тысяч воинов, в основном азиатских, вооруженных длинными колчанами и тяжелыми копьями, кирасами из заплетенных волос, косами, круглыми щитами и короткими мечами. Это войско, состоявшее из гуннов, аланов, гепидов и других племен, как германских, так и азиатских, с равнин Сарматии и берегов Вислы и Немана, простиралось от Баша до устья Рейна. Главным объектом нападения был Орлеан — важная стратегическая позиция.

Битва при Шалоне.

Предводителем имперских войск был Аэций, изгнанный за смерть Бонифация, состоявший из британцев, франков, бургундов, свевов, саксов и вестготов. Теперь это были не римляне против варваров, а Европа против Азии. Противоборствующие силы встретились на равнинах Шампани, и при Шалоне произошла решающая битва, в результате которой Европа была избавлена от Азии, а готские народы - от монгольских племен, в 451 году н.э. Атила был разбит, а Галлия спасена от славянских захватчиков. Говорят, что с обеих сторон было убито триста тысяч варваров.

Побежденный царь гуннов отвел свои войска к Рейну, опустошая страну, через которую он проходил. В следующем году он вторгся в Италию.

Аттила в Италии.

Аэций одержал одну из величайших побед древности и остался один, чтобы остановить полчища варваров. Но император в Равенне не доверял ему, дочь которого он выдал замуж за своего сына, и остался без достаточных сил. Аквилея, самый важный город Северной Италии, попала в руки Аттилы. Затем он решил перейти Апеннины и нанести последний удар по Риму. Лев, бесстрашный епископ, отправился в свой лагерь, как однажды уже умолял Гензериха. Гунн согласился покинуть Италию ради ежегодной дани и руки принцессы Гонории, сестры императора Валентиниана. Он удалился на Дунай через перевалы Альп и провел зиму в вакхических оргиях, но его карьера была прервана отравленным кинжалом бургундской принцессы, родственников которой он убил.

Отступление гуннов. Последние императоры.

Отступление гуннов не спасло опустошенные провинции ныне павшей империи от новых разрушений. Еще двадцать лет Италия подвергалась непрерывным набегам. Валентиниан, последний император из рода Феодосиев, был убит в 455 году н.э. по наущению Максима — сенатора из рода Аникиан, жена которого была изнасилована императором. Последовательные правления Максима, Авита, Майориана, Севера, Антемия, Олибрия, Глицерина, Непота и Августула — девяти императоров за двадцать один год - не предвещают ничего, кроме позора и несчастий. Они были заперты в своих дворцах, в стенах Равенны, и не смогли остановить разрушение. Опять же, в этот период Рим был разграблен вандалами. Великими людьми того периода были Теодорих - король остготов, правивший по обе стороны Альп и поддерживавший разваливающуюся империю, и граф Рицимер, свев и генералиссимус римских армий. Именно в эту катастрофическую эпоху беглецы с венецианской территории искали убежища на островах, омывающих северное побережье Адриатики, — в местах обитания рыбаков и морских птиц. Там родилась Венеция, чтобы возродить славу Запада и написать свою историю на волнах на тысячу лет вперед.

Одоакр. Теодорих.

Последним императором был сын Ореста — паннонянина, которого при крещении назвали Ромулом. Когда солдаты подняли его на щит и приветствовали Августа, он был слишком мал, чтобы носить пурпурную мантию, и они называли его Августулом! — горькая насмешка, напоминающая об основании и имперском величии Рима. Этот принц, слабый и бессильный, был свергнут с престола Одоакром — вождем герулов и одним из беспринципных наемников, к помощи которых обратился последний император. Трон цезарей теперь был безнадежно подорван, и Одоакр разделил земли Италии между своими жадными последователями, но позволил Августулу жить на пенсии на вилле в Кампании, которая когда-то принадлежала Сулле, А.Д. 476 г. н.э. Одоакр, однако, правил всего четырнадцать лет, и был вытеснен Теодорихом, королем остготов, в 490 году нашей эры. Теперь варвары прочно обосновались на землях, на которые они вторглись, и Западная империя была полностью расчленена.

Готское королевство Италия. Раздел империи между варварами.

В Италии были остготы, которые основали могущественное королевство, впоследствии подвергшееся нападению Велисария и Нарсеса, полководцев Юстиниана, восточного императора, а также лангобардов под предводительством Альбоина, которые закрепились на севере Италии. Галлия была разделена между франками, бургундами и вестготами, между которыми шли постоянные войны. Британией владели саксы. Испания стала уделом вандалов, свевов и вестготов. Вандалы сохранили Африку. Восточная империя, за исключением Константинополя, окончательно попала в руки сарацин.

Размышления о падении империи.

Было бы интересно проследить различные судьбы тевтонских народов в их новых поселениях, но это относится к средневековой истории. Настоящая драма падения Рима закончилась, когда Аларих завладел имперским городом. “Империя пала, - говорит Гизо, - потому что никто не хотел принадлежать ей”. В период варварского нашествия она утратила всякую реальную силу и удерживалась на плаву с помощью механизма — механизма правления, который совершенствовался тысячу лет. Империя была создана благодаря энергии, патриотизму, терпению и гениальному управлению. Но процветание привело к роскоши, самовозвеличиванию и изнуряющим порокам. Общество погрязло в чувственности, легкомыслии и эгоизме. Империя прогнила насквозь и должна была стать добычей варваров, обладающих мужеством и жизнестойкостью. Три столетиями ранее империя могла бы выдержать натиск внешних врагов, а варвары были бы уничтожены. Но они вторглись в провинции, когда центральная власть была слаба, когда общественная добродетель исчезла, когда средние классы вымерли, когда рабство, деморализующие удовольствия и несоразмерные богатства уничтожили возвышенность чувств и всю мужскую энергию. Благородный род воинственных императоров на время остановил гибель, но гибель была неизбежна. Естественный закон утверждал свое достоинство. Наказание за грех должно быть уплачено. Ничто не могло спасти империю. Никакие консервативные влияния не были достаточно сильны - ни литература, ни искусство, ни наука, ни философия, ни даже христианство. Общество попятилось по мере того, как восторжествовала новая религия, - загадочный факт, но его легко понять, если вспомнить, что пороки были повсеместны до того, как стало возможным применять лекарство. Победы христианства пришли не слишком поздно для человечества, но слишком поздно для спасения изношенной империи.

Варвары наступали, когда Константин был обращен в христианство. Спасение расы было через самих этих варваров, ибо, хотя они были опустошены, они восстановились; и, обратившись в новую веру, основали новые институты на лучшей основе. Мерцающие искры жизни угасающего и несчастного мира исчезли, но возникли новые идеи, новые страсти, новые интересы, и на руинах языческой цивилизации были основаны новые христианские империи, которые набирали силу на протяжении тысячи пятисот лет и которые, возможно, не исчезнут до тех пор, пока сама цивилизация не будет объявлена несостоятельной в нынешних условиях Нравственного Правления Миром.

КОНЕЦ.

Реклама.

ЭДИНБУРГСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.— “ЛУЧШАЯ история Римской республики”.

ЛОНДОН ТАЙМС — “БЕЗУСЛОВНО, ЛУЧШАЯ история упадка Римского содружества”.

ТЕПЕРЬ ГОТОВ Первый ТОМ истории Рима С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН До ПЕРИОДА ЕГО УПАДКА.

Автор: доктор ТЕОДОР МОММЗЕН.

Переведено с разрешения автора и дополнениями преподобным У. П. Диксоном, региональным профессором библейской критики в Университете Глазго, экспертом по поздней классической литературе в Университете Сент-Эндрюс. Со вступительным словом доктора ЛЕОНАРДА ШМИТЦА.

ПЕРЕПЕЧАТАНО С ИСПРАВЛЕННОГО ЛОНДОНСКОГО ИЗДАНИЯ.

Четыре тома crown 8vo. Цена первого тома - 2,50 доллара.

Доктор Моммзен давно известен и ценится благодаря своим исследованиям языков, законов и институтов Древнего Рима и Италии как наиболее сведущий ученый, ныне работающий в этих областях исторических исследований. С удивительно точным и исчерпывающим знанием этих предметов он сочетает в себе большие способности к обобщению, энергичный, одухотворенный и чрезвычайно наглядный стиль и острые аналитические способности, которые придают этой истории степень интереса и неизменную ценность, которой не обладает ни одно другое свидетельство упадка Римского государства “.Доктор Работа Моммзена,”как отмечает доктор Шмитц во введении, “хотя и представляет собой произведение о человеке с самой глубокой и обширной эрудицией и познаниями мира, рассчитана не столько на профессионального ученого, сколько на интеллигентных читателей всех классов, которые проявляют интерес к истории давно минувших эпох и склонны искать в ней информацию, которая может безопасно провести их по запутанным лабиринтам современной истории”.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

“Произведение высочайшего достоинства; его изучение точное и глубокое; его повествование полно гениальности и мастерства; его описания людей удивительно яркие. Мы хотим официально заявить о нашем мнении, что книга доктора Моммзена — безусловно, лучшая история упадка Римского содружества”. - Лондон Таймс.

“Со времен Нибура не появлялось ни одной работы по римской истории, которая сочетала бы в себе так много интересного, поучительного и очаровывающего читателя. Его стиль — редкое качество для немецкого автора — энергичен, одухотворен и одушевленный. Работа профессора Моммзена выдерживает сравнение с самыми благородными произведениями современной истории”. — Доктор Шмитц.

“Это лучшая история Римской республики, если рассматривать произведение в целом — полное владение автором своим предметом, разнообразие его дарований и приобретений, его

графическая сила в описании национального и индивидуального характера и живой интерес, который он вызывает к каждой части своей книги. Ему нет равных в своей сфере”. — Эдинбургское обозрение.

“Книга, представляющая глубочайший интерес”. — Дин Тренч.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗ

"История Англии" Фруда,

От падения Вулси до СМЕРТИ ЭЛИЗАБЕТ.

В двенадцати томах 12 млн., 1,25 доллара за том.

Нью-Йорк, октябрь 1869 года.

Господа . ЧАРЛЬЗ СКРИБНЕР и Компания завершат "ИСТОРИЮ АНГЛИИ" ФРУДА путем переиздания одиннадцатого и двенадцатого томов в начале 1870 года; и ввиду заметного благосклонного отношения, с которым этот великий труд был принят в более дорогой форме, они решили переиздать его по цене, которая обеспечит ему ту расширенную продажу, на которую его признанные достоинства дают ему полное право.

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ "ИСТОРИИ АНГЛИИ" ФРУДА

напечатано на белой бумаге, имеет солидный и привлекательный переплет. Хотя в нем содержится весь материал Библиотечного издания, оно продается по очень низкой цене

1,25 доллара за Том,

Изготовление всего комплекта из ДВЕНАДЦАТИ ТОМОВ стоило дорого, когда было завершено, но

ПЯТНАДЦАТЬ ДОЛЛАРОВ.

Тома I и II ПОПУЛЯРНОГО ИЗДАНИЯ "ИСТОРИИ" ФРУДА уже готовы, и два тома будут выходить с ежемесячной периодичностью, пока работа не будет завершена.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ:

“Непринужденность и дух, мягкость и сила, изящество и энергия, описательная и страстная мощь, неизученная непринужденность и непревзойденное искусство как изображения, так и дикции, которые отличают этого замечательного писателя, вскоре обеспечат ему место среди самых интересных и выдающихся из тех, кто пытался написать какую-либо часть замечательной истории Англии. Те, кто не читал ни одного из этих томов, вряд ли смогут оценить, не попробовав, какое богатое угощение их ждет”. — Нью-Йорк Таймс.

“Со времен ПЕРВОГО тома Маколея не появилось ни одной исторической работы, которая по блеску стиля, а также по острому анализу характеров и событий могла бы сравниться с десятью томами "Истории Англии" Фруда.” — New York Independent.

“Стиль превосходный; здравый, честный, убедительный, на редкость пронизательный английский; временами с какой-то живописной простотой, картины, нанесенные всего несколькими штрихами, но совершенно живые ... Нам никогда не приходится перечитывать отрывок дважды.... Мы наблюдаем за ходом событий изо дня в день, не только за более серьезными и важными сообщениями, но и за слухами каждого часа.... Если истина и яркая реальность являются совершенством истории, многое можно сказать в пользу такого способа композиции”. — Лондонский ежеквартальный журнал.

Желающие приобрести ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ "ИСТОРИИ ФРУДА" могут отправить тома с последующей оплатой по своему адресу сразу после выпуска, перечислив издателям 15 долларов.

БИБЛИОТЕЧНОЕ ИЗДАНИЕ "ИСТОРИИ ФРУДА"

издается в десяти томах, отпечатанных на плотной тонированной бумаге и красиво переплетенных в коричневую ткань с позолоченной стороной и корешком, по цене 3 доллара за том; в половинке теленка - 5 долларов за том.

Вышеуказанные тома отправляются издателями с последующей оплатой по любому адресу после получения цены.

CHARLES SCRIBNER & CO.,
Бродвей, 654, Нью-Йорк.